

Сказания древнего народа

Амалдан Кукуллу

Оглавление:

Золотой сундук #1.....	1
Золотой сундук #2.....	165
Золотой сундук #3.....	325

Золотой сундук #1

Первая книга литературного наследия поэта, сказочника и фольклориста Амалдана Кукуллу посвящена сказаниям горских евреев, которые автор собирал, записывал и подвергал литературной обработке на протяжении всей жизни. Тексты приведены без изъятий и купюр с оригинала авторской рукописи. Книга открывает серию посмертных изданий трудов Амалдана Кукуллу, куда входят пословицы, поговорки, поэтические и изыскательские работы талантливого писателя.

Амалдан Кукуллу

Сказания древнего народа

Слова признательности и благодарности...

МИРЕ НАСИМОВОЙ – моей маме, сумевшей, несмотря на тяготы бытовой неустроенности, поддерживать тепло домашнего очага. Пройдя вместе с отцом жернова тяжелого лихолетья запретов, гонений и арестов, мама сумела сохранить веру в дело, которому отец посвятил всю свою жизнь. Искренне жаль, что отец не дожил до счастливого момента публичного издания своих трудов.

ИРИНЕ НИКУЛИНОЙ – верному соратнику и сотоварищу моего отца. Благодаря многолетнему труду, еще при жизни отца строчки его творений, записанные далеко не каллиграфическим почерком, были скрупулезно изучены и набраны на компьютере. Кто знает, если бы не Ирина Никулина, в каких архивах и на каких полках пылился бы сейчас фольклор, собранный по крупицам Амалданом Кукуллу.

НИСИМУ НИСИМОВУ – достойному представителю нашего народа, моему брату, который, несмотря на постигшее его личное горе, своим деятельным и деликатным участием инициировал издание литературного наследия Амалдана Кукуллу. Благодаря Нисиму это издание увидело свет.

МОИМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ КОЛЛЕГАМ И СПОДВИЖНИКАМ, чей, на первый взгляд, невидимый, но весьма осязаемый труд, чьи бесценные рекомендации, сделали возможным реализацию замысла. Искренние, идущие от самого сердца слова адресую Вам, кто не упомянут персонально, но не забыт. Вам, благодаря кому дело, которому Амалдан Кукуллу посвятил свой талант, приобрело реальные очертания и останется в истории.

ОСОБАЯ ВЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ СЛУЖАЩИМ СИНАГОГИ И ДРУЗЬЯМ, кто поддерживал отца при жизни и проводил его в последний путь...

...от составителя и издателя Даниила Кукулиева

Предисловие

По сказке жить нельзя, а сердиться на нее тем более

У горских евреев Кавказа, джугури, как и у всех народов, издавна существует врожденная любовь к сказке[1 - Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.).].

Сказка является неотъемлемой частью моего народа в его многовековой, запутанной и тревожной жизни. А сами сказители – «овсунечи», всегда пользовались народной любовью и «хурметом» – уважением, почетом. Их всегда сажали на «кунзевер» – почетное место в глубине комнаты и окружали заботой и вниманием.

В чем же дело? Почему такой почет и уважение? А в том, что сказка рождается народом на народно-бытовом говоре и живет для народа. А главное, сказка не имеет предела ни в чем: ни в нормах реальной действительности во всех ее проявлениях, ни в человеческой фантазии. Герои сказок могут творить самые необыкновенные чудеса; побывать в любых, даже не существующих мирах, на седьмом небе – «табага» или под седьмым пластом – «велг» – земли; вариться в аду или блаженствовать в раю; увидеть то, что нельзя узреть самым наблюдательным глазом; заставлять скакуна скакать, как бы олицетворяя этим самым в культовом образе вечно движущийся в беспредельном пространстве символ духа человека, одним словом, – сказка может изворачиваться, как заблагорассудится сказителю.

В прошлом, когда были падишахи, то у них были свои придворные поэты и писари: первые воспевали своего правителя, вторые заносили в специальную «тефтер» -книгу – все чрезвычайные события падишахского двора. Были и свои «овсуночиги» -сказители, люди с необыкновенным талантом творческого воображения, мистически-духовным восприятием мира, которые могли обрамлять свои причудливые и самые необыкновенные фантазии в словесный каркас и тем самым пленить своим рассказом даже тот объект, в адрес которого направлены ядовитые стрелы устной народной прозы.

Но можно ли назвать сказителя автором всех, рассказываемых им с одинаковым мастерством сказок? Безусловно, нет! Одни сказки, действительно, могут быть собственностью того или иного сказителя – они его «продукт»; другие – всего лишь пересказ вот уже веками, а может быть и тысячелетиями, кочующий от одного сказителя к другому. В этом случае сказитель служит как бы дорогой, по которой вместе с торговыми караванами и пешими дервишами, вместе с военными отрядами и путешественниками едут или идут пешком эти самые сказки. А голова сказителя служит, как бы караван-сараем, что стоит на этой дороге, и в ней останавливаются на «отдых» все путники, т.е. сказки. Они здесь «отдыхают», «сбрасывают усталость», часто переодеваются в новые, согласно климатическим или географическим условиям, наряды и снова трогаются в путь с языка сказителя... Они не знают ни границ во времени, ни предела в расстояниях; на их пути много караван-сарая. Сказка вечно в движении, и поэтому она неоднократно меняет свой наряд – мифическую оболочку или окраску, не признавая никаких политических воззрений, отказывается от одной религии и переходит в другую, заодно меняет имена своих питомцев – героев сказки.

Участие сказителя (рассказчика) ощущается во всех случаях. Он служит комментатором, который тут же дает свою оценку или делает ремарку всему тому, о чем повествуется в сказке. Так, например, чтобы выразить свое уважение или переживание за героя сказки, он использует эпитеты: «фагир» – «бедный», «бедмозол» – «несчастный» и т.п. А чтобы подчеркнуть достоинства и подвиги героя сказки, используются эпитеты: «красивый», «добрый», «сильный», «смелый» и т.п. Когда рассказчик повествует о поступках отрицательных типов, им используются в качестве эпитета: «змея», «собака», «свинья», «ведьма», «человеконенавистник», «злюка» и т.п., или он посылает на голову отрицательного персонажа свои проклятия: «Да чтобы его Бог наказал», «Чтобы ему в огне сгореть» и т.п.

Рассказчиком очень часто используются пословицы и поговорки, афоризмы и изречения, проклятия и пожелания. Вообще сказке присуще использование других видов фольклора, выполняя тем самым роль народной педагогики. Сказка находится в большом родстве со всеми другими видами устного народного творчества, для нее характерно заимствование огромного количества прямых и скрытых цитат, использование мотивов и сюжетов из письменной литературы, более того, зачастую логика развития сказочного сюжета подражает логике Святого Писания.

Если внимательно изучить характер и дух горско-еврейских сказок, можно заметить, что все они в какой-то степени отражают три исторических периода народа джугури, элементы его материальной, социальной и духовной жизни.

Читая сказки, где героями выступают как известные исторические личности – Зол-богатырь (пахлеван), Рустам, шах Аббас Первый, шах Аббас-оглы, так и другие безымянные, обобщенные падишахи и дервиши, везиры и векилы, нукеры и гаравоши, бикегузы и инчегузы, данусменды и амалданы, можно смело сказать – это сказки вавилонского и иранского периодов. В них отражается быт и обычай древнего и средневекового Востока с его дворцами и роскошными «хавузами» – бассейнами; гаремами и тенистыми садами; шумными толпа-базарами, где идет бойкая торговля. В качестве мифических и полумифических существ в сказках этого периода выступают Дэвы, Аждага, Гари-Нене, различные духи, навеянные языческими верованиями, религиозной еврейской литературой и т.п.

* * *

Нельзя сказать, что сказки иранского периода заимствованы из персидского фольклора. Они – сказки, как это обычно бывает, переоделись, наполнились атрибутами и персонажами жизни, которой пришлось им жить вместе со сказителями. Основные сюжеты уводят нас вглубь истории еврейского народа, ибо, как свидетельствуют древние источники, евреи «шоафарадин» жили и до последнего времени живут в Иране и других восточных странах.

Некоторые сказители утверждают, что их предки рассказывали о том, что род шаха Аббаса Первого (сефевиды) был еоври, т.е. евреи и отца шаха Аббаса звали Худо-бендо. Имя Худо – горско-еврейское название Бога, а слово – бен – означает сын. В роду шаха Аббаса были «джууты», и род этот впоследствии стал принадлежать к исламу шиитского направления. Сами сказители, начиная рассказывать сказки иранского периода, говорят: «Было это или не было, но когда наши предки жили в Иране под правым крылом справедливого и мудрого шаха Аббаса...» Как бы то ни было, все эти факты еще раз свидетельствуют, что сказки иранского периода нераздельны с горскими евреями Кавказа; они – его наследство, а если хотите, – его история, его психология.

Совсем иначе выглядят сказки второго периода – сказки, рожденные в полуфеодальном и полупатриархально-общинном Дагестане и в целом – Южного и Северного Кавказа. Персонажами выступают здесь «оширы» – богачи и беки, ханы и «саабдиги» -городские старшины, муллы и раввины, кадии и «дивун-буры» – судьи, лавочники и крестьяне, кожевники и сапожники, ростовщики и купцы, «фахлечисты» – наемные рабочие. Взамен мифических и полумифических персонажей выступают злые божественные и тотемические существа и духи – Шагаду и Азраил, Сер-Ови и Дедей-Ови, Эней и Эшмедей... А роль иранских «дохдуров» – врачей выполняют «ловловиго» – люди, в основном женщины, которые лечили заговорами и священными молитвенными амулетами.

Отличительной чертой дагестанского периода XVII-XVIII вв. и последующих веков является то, что в этих сказках скупно используется художественная описательность, меньше здесь той экзотики, мудрости, интригующих конфликтов, которые в изобилии встречаются в сказках иранского периода. Герои сказок дагестанского периода отправляются в соседние «улкего» – страны и города, аулы и селения уже с коммерческой целью купить или что-то продать, или просто «посмотреть, как живут люди в других местах» и в конце, почти всех сказок, возвращаются разбогатеv. Вследствие турецко-персидских войн неоднократно восстававшие коренные народы подвергались прямым гонениям и обложением повышенных налогов. Потому в основе сказок дагестанского периода лежат достоверные факты, имевшие место в Дербенте между 1870-1915 гг. и достоверные личности: Абдулаев, Жавадов, Мардахай Овшолум, Шомоил, Гемриил, Шелму, Менешир и др. Но так как подобные повествования прошли через горнило коллективного авторства – к нам они дошли как сказки. И чем дальше отходили мы, тем безразличнее становились к достоверным личностям. Сказителя не интересует зарождение сказки и фигурирующие личности. Главное для него и тех, кому он рассказывает сказку, – это идейная нагрузка, мораль произведения. Горско-еврейский народ без фальши и лакировки отразил для будущих поколений тот «котлован», где он сам некогда «варился», – и в этом немаловажная ценность изустной повествовательной прозы.

Со свершением в России в 1917 году «революционно-освободительного» движения и позднее – его победой – установлением Советской власти в Дагестане (1920 г.) – у горско-еврейского народа, как и у других народов Кавказа в целом, зарождается новый период устного народного творчества. Главная тема этого периода торжество победы и равноправия, торжество тех чаяний и дум, о которых на протяжении веков мечтал угнетенный и оскорбленный трудовой народ.

Популярными мастерами сказок послереволюционного периода были Хизгие-Эми Дадашев, Мардахай Овшолум, Шелму Мемри – в Дербенте; Шоул Семанду, Юси Сафанов, Бираров – в Махачкале; Маштанай Назаров – в Хасавюрте, Хисрун Алхасов -в Нальчике, род Шамаевых – в Грозном.

В сороковых годах, когда появилась возможность записывать веками жившее в изустной форме творчество, выявились новые имена сказителей: в Дербенте 75-летний Рахмиль Гуршум, среди женщин – зен (жена) Рувин Мигрей, Гузель Гул-Гулисту и Сенем бат Исроил – Хисиба; в Махачкале – Наамо Хаимова и Юно Хаимов; в Хасавюрте -учитель Гавриил Аронов; в Баку, в Губе, в Ширвоне, в Варташане и в других местах Кавказа были свои мастера устной повествовательной прозы.

Позже, уже после Отечественной войны, да и в годы войны, этот список пополнили такие сказители, как Борис Гаврилов из Дербента, Шурке зен Данил – (эта моя мама) и Бирорле Назаров – из Хасавюрта, Мелко зен Иси – из Грозного, были свои сказители и в Азербайджане – род Гуршумовых, Агаруновых и др.; в Нальчике – род Алхасовых, Мамуловых и др.

Закончить этот фрагментарный экскурс хотелось бы поговоркой, которая на русском языке звучит так: «Если человек каждый день не услышит хоть одно новое слово и не увидит что-нибудь из красот сотворенного Богом мира – то человек этот или глухой, или слепой».

Амалдан Кукуллу

поэт, сказочник, фольклорист.

Золотой сундук

В некотором царстве, в некотором падишахстве, в одной крепости, не вчера, не сегодня, а в давние времена жил-был один ошир, и был у него единственный сын. Отец и мать очень дорожили своим ребенком, как говорится, души в нем не чаяли, себя маяли, а чадо растили. Все, что ни попросит, что ни пожелает сын, тут же исполняли. И вот, когда юноша достиг тринадцати лет, пришел он к отцу и говорит:

– Дорогой отец, да быть тебе всегда в здравии. Разреши мне отправиться на охоту, а заодно посмотреть, что в мире делается. Надоело мне все время дома сидеть. Я уже большой и хочу испытать себя.

Не по душе пришлись отцу слова сына. Он даже вздрогнул, будто чем-то острым поразили его прямо в сердце. Как же так?! Сын, которого все считали ребенком, стал большим и хочет быть самостоятельным?! Но как бы то ни было, обрадовался отец всей душой, что наконец-то сын стал взрослым. Но тут же опечалился. «На радость или на горе», – подумал он. И в нем одновременно проснулись и радость, и печаль, и неведомая ему, отцу, судьба сына.

– Сыночек, зачем подвергать себя опасностям, зачем отправляться на охоту. На сто лет тебе хватит богатства, которое я накопил. Ведь у меня же никого нет, кроме тебя, – сказал он дрожащим голосом, обнимая сына.

Долго и по-стариковски внушительно отговаривал ошир сына. Но нет, по-юношески упрямо противился сын и не желал внимать словам отца.

– Я уже взрослый и хочу посмотреть мир, – еще раз повторил юноша, теперь уже настойчивее.

Ничего не оставалось отцу, как согласиться и разрешить.

– Но смотри, в сторону Востока не направляйся, – предупредил отец.

Недолгими были сборы. Выбрал юноша из отцовского табуна самого лучшего скакуна. Мать сложила сыну в дорогу хурджуны с едой, пожелала добрых напутствий, и сын ошира

отправился в путь.

В этот день юноша ни разу не сошел со своего скакуна. Много поселений встречал он на пути, и наконец, въехал в лес. Объездил все уголки этого леса, но так и не подстрелил ни одного зверя, ни одной птицы. Незаметно наступил вечер. Горы успели спрятать солнце, а юноша так и не повстречал никакой живности, чтобы хоть раз выстрелить из своего ружья. Опечалился сын ошира, опустил свою голову на грудь и чуть не плачет.

«Стыдно перед отцом будет, если вернусь с пустыми руками, – подумал он, – Поеду-ка я на Восток. Мало ли что могут наговорить родители!»

И погнал сын ошира скакуна своего к Востоку. Много ли, мало ли скакал он; много ли, мало ли проехал поселений; ночь ли, три ли ночи был в пути, и, наконец, доехал он до дальнего леса.

«Ну, – думает, – тут-то я наверняка что-то и подстрелю.»

Въехал он в этот лес, объехал все закоулки, но так ничего и не встретил. Кончилось у него все съестное, что положила мать в дорогу, разозлился юноша на все на свете и решил ехать дальше.

Долго ли ехал, много ли передумал всяких дум, наконец, проехал он еще путь, равный всем улицам родного города, и опять ничего желаемого на пути не встретил. Когда он выехал из леса, то увидел у самого горизонта загадочную крепость. Хлестнул кнутом скакуна своего, и тот помчался галопом. Вскоре домчались они до самой крепости.

– Что бы ни случилось, я войду в эту крепость, – решил юноша.

Сошел он с коня и только тогда почувствовал, как устал и как сильно ему хочется пить, да так сильно, что стала кружиться голова.

Пересилил он свою слабость и, никем не замеченный, вошел за ограду крепости и видит – стоит красивый каменный дворец. Толкнул он двери и, с трудом передвигаясь, вошел в дом. Попал в длинный коридор и видит: там на корточках сидит красивая девушка с тугими, длинными до пола, золотыми косами, мочит в серебряном тазу тряпку и моет пол. Там, где она проведет тряпкой, пол блестит, словно зеркало. Смотрел-смотрел на все это юноша, и вдруг у него не то от того, что он сильно хотел пить, не то от того, что глазам стало больно смотреть на блестящий пол, еще сильнее закружилась голова, и он упал.

Девушка вздрогнула от шума, испуганно вскочила и даже хотела вскрикнуть, позвать на помощь. Но когда увидела, что на полу лежит юноша необыкновенной красоты, то успокоилась и подошла к нему.

– Воды, – прошептал сын ошира.

Девушка мигом принесла в серебряном кувшине воды и напоила незнакомца. И тогда он почувствовал, как душа его наполнилась живительной, неземной влагой. Ему стало легче, он открыл глаза и увидел, как в нескольких шагах перед ним стоит та самая девушка, которая мыла пол. Сыну ошира стало стыдно за свою слабость. Он быстро поднялся на ноги, и они

предстали друг перед другом. Долго стояли они, озаряя друг друга своей красотой. Когда девушка поднимала на юношу глаза свои, он тонул в них, а когда он смотрел на нее – она тонула в его глазах.

Наконец девушка спросила: откуда он и куда путь держит?

Рассказал ей юноша, чей он сын, зачем уехал из дому. Рассказал и о том, как отец отговаривал его ехать в сторону Востока...

– Верно говорил твой отец... Все юноши, которые направлялись на Восток, погибли... Твое счастье, что я встретила тебя, – сказала девушка. – А то бы смертью кончилось твое непослушание.

Поведала девушка еще о том, что эта крепость принадлежит ее отцу и что он издал указ: «Всех юношей, чья нога переступит порог его крепости, убивать, а трупы выбрасывать собакам на съедение». И все потому, что у него есть дочь из Небесного царства и никто не должен знать о ее существовании.

Но юноша не слышал ничего из сказанного девушкой. Он так смотрел на нее, что забыл, где он находится и как сюда попал. Ему захотелось навсегда остаться с этой девушкой, любить ее, угождать ей во всем и никогда с ней не расставаться.

– Уходи! Если отец узнает, то не быть тебе больше среди живых, – сказала девушка и открыла двери.

Попрощался сын ошира с красавицей и, никем не замеченный, вышел из крепости.

Сел он на своего скакуна, хлестнул кнутом, – и конь взлетел в воздух. Хлестнул он второй раз, – конь исчез за облаками. Хлестнул он в третий раз, – и конь домчал его к отцовской крепости. А вскоре сын переступил порог родительского крова.

Увидев сына живым и невредимым, родители были безмерно обрадованы. Стали они угощать его самыми вкусными яствами и расспрашивать о том, где он был и что видел. Но нет, глаза юноши не видели никаких угощений – в них стоял образ той самой девушки, с которой он повстречался. Уши не слышали родительских расспросов. Он слышал только нежный голос той самой девушки, которая жила в крепости и в которую он влюбился всем сердцем.

Да, любовь – страшная болезнь, и это знают все, кто влюблялся хоть раз. В этот день юноша, уставший с дороги, слегка перекусил и лег спать. Разве можно заснуть, если думы заняты любимой?..

Как кишки шагаду, тянулась для него эта ночь. Но всякое начало, всякий путь, всякое время имеет свой конец, и эта ночь тоже окончилась. Когда наступил рассвет, он попытался встать с постели – и не смог. Юноша почувствовал страшную слабость во всем теле и остался лежать. Родители уже успели с утра поесть, переделать всякие дела, а он все продолжал лежать в думках о полюбившейся ему красавице. Солнце достигло середины неба, а он все не выходил из своей комнаты, продолжая лежать без движения. Забеспокоился отец, что сын не выходит ни к завтраку, ни к обеду, и решил узнать, в чем дело.

Вошел он к сыну, а сын лежит и не думает вставать.

– Что такое?! – воскликнул отец. – С сыном моим что-то случилось?!

Он подошел к сыну и спрашивает:

– Сынок, почему ты до сих пор не встаешь?.. Может, что случилось?..

– Дорогой отец, да быть тебе всегда в здравии, – отвечает сын. – Мне что-то сегодня нездоровится.

Отец от горя прикусил палец, стал в сердцах проклинать ту минуту, когда он разрешил сыну отправиться на охоту. Но сколько бы отец не жалел о своем решении, от этого сыну не становилось легче. Он как слег, так и не вставал. Есть и пить ему приносили в постель, но ел он совсем мало.

Ничего не оставалось делать любящему отцу, как приглашать одного лекаря за другим, дабы помочь единственному сыну скорее поправиться. Но никакие советы, причитания, всевозможные настои из трав не помогали сыну ошира. И он с каждым днем все худел, терял силы, даже глазами водить перестал.

Как только ни упрашивали его родители и близкие поведать о причине болезни, но из уст не выходило ни одного звука, и глаза его оставались неподвижны.

Нужно сказать, что у сына ошира был единственный друг – сын одного бедняка, которого он очень уважал и мог доверить ему все свои тайны. Так они были дружны, что если один из них не приходил к другому хотя бы день, то тут же другой мчался, чтобы узнать, не стряслось ли чего-нибудь. Так произошло и на сей раз. Ждал друг – сын бедняка – друга своего – сына ошира, – а он все не приходил... Ждал три дня, три ночи, но его все не было, и он не давал о себе знать. На четвертый день сын бедняка пришел сам. Вошел в комнату и видит: лежит друг в постели, в глазах – грусть, в голосе – тоска.

– Что случилось? – спрашивает сын бедняка.

А он и ему ни о чем не говорит.

– Да так себе, – отвечает сын ошира.

Долго упрашивал сын бедняка своего друга, а он все молчал, будто во рту и языка нет, чтобы выразить словами все происходящее в нем. И вот в один из дней сын бедняка высыпал посреди комнаты, где лежал сын ошира, мешок золы, сел на нее и стал горстями сыпать эту золу себе на голову. А сын ошира лежит и видит все это. Наконец, он не выдержал и вскричал:

– Да чтобы душа твоя растаяла! Что ты меня терзаешь, я еще живой, а ты уже по мне траур устраиваешь!

И вот тут-то сын бедняка отвечает своему другу:

– Ах, вот как!.. А разве своим молчанием ты не терзаешь мою душу?! А еще другом зовешься. Какой ты мне друг?! Дружба и радость, и горе поровну должны делить.

Сын ошира через силу улыбнулся краями губ и говорит:

– Вставай, отряхни с головы золу и подсаживайся ко мне.

Встал сын бедняка с золы, стряхнул золу с головы и сел на край постели друга. Сыну ошира ничего не оставалось делать, и он начал рассказывать все, как было: как он отправился на охоту и не встретил ни одной птицы и ни одного зверя, чтобы подстрелить; как он тогда поскакал на Восток; как доскакал до одной загадочной крепости, где живет красавица, и как он в нее влюбился, – отчего и заболел.

Выслушал все это сын бедняка и встревожился.

– Я слышал, что эта загадочная крепость принадлежит одному падишаху-злодею, у которого есть дочь, но он ее прячет и ни за кого замуж не отдает.

– Если она будет моей, то я излечусь, если же нет – то никакие лекари, ни их советы, ни их зелья мне не помогут, – чуть не плача, промолвил сын ошира и добавил: – Я лучше медленной смертью умру!

Узнав причину болезни своего друга, обеспокоенный за его судьбу, сын бедняка решил его успокоить:

– Ты не волнуйся, что-нибудь придумаем, и она будет твоей.

Пришел сын бедняка к отцу друга и говорит:

– Дорогой богач, сын ваш влюбился и потому заболел.

– Пусть скажет в кого, я немедленно женю его, – обрадовался ошир.

Рассказал ему сын бедняка все, как есть, и продолжил:

– Я слышал, что много юношей погибло от рук хозяина этой загадочной крепости. Но надо что-то придумать. А то, не дай Бог, мало ли что может случиться с вашим сыном.

– Говорил я ему не ехать на Восток, – вдруг вспыхнул ошир и добавил: – Вот так бывает, кто к словам старших не прислушивается.

– Дорогой богач, сейчас не время сердиться. Нам надо что-то предпринять, чтобы вашего сына поднять на ноги.

– Я сам этого хочу, но как?

И вот тут-то сын бедняка посоветовал оширу отправиться на Восток к хозяину крепости засватать его дочь.

Встревожился ошир и говорит:

– Нет, нет!.. Я слышал, что все, кто приближался к этой крепости, погибали... Ну как к такому злодею посылать сватов... Я бы все богатство отдал, если бы он согласился выдать свою дочь за сына моего... Все бы отдал, только бы спасти единственного сына.

Кликнул ошир своих слуг и велел седлать коней, сложить все, что нужно в дороге, в хурджуны и пожелать ему удачного пути.

– Сам поеду сватать эту красавицу за сына моего, – сказал отец.

Сказано – сделано. Оседлали коней, перекинули через седла набитые хурджуны, и ошир, взяв с собой нескольких стражников, тронулся в путь. Долго ли они ехали или недолго, но через семь дней и ночей с заходом солнца были уже у самой крепости, где жила красавица. Вначале ошир и его свита сделали у речки недолгий привал, умылись, напоили и накормили коней, сами поели, – словом, сбросили с себя усталость и затем направились к крепости.

Постучался ошир в чугунные ворота и стал ждать. Долго ждать не пришлось: на стук вышел сам отец девушки.

– Худо кумек эшму! – сказал ошир.

– А эшму! – ответил хозяин крепости. – Заходите.

– Да быть радости в этом доме, – сказал ошир.

Хозяин крепости промолчал, а слуги его привязали коней к перекладине и незаметно скрылись. Вскоре были накрыты столы в честь гостей. Чего только не было подано. Десятки различных блюд и вин! Бери и ешь, пей и наслаждайся! Но нет, не прикоснулся ошир ни к чему.

– Спасибо за гостеприимство, – сказал он и добавил: – У нас есть к вам важное дело. Если оно не будет исполнено, то к еде я не прикоснусь.

– Так уж и быть... Говорите с чем пришли, – сказал хозяин крепости.

И ошир начал:

– У меня есть единственный сын, и он в такой-то день, в такой-то месяц проезжал мимо вашей крепости, заходил сюда, чтобы выпить воды. А угощала его ваша красавица дочь. Увидел он ее и, вернувшись, слег в постель... Так влюбился и заболел, как часто бывает с молодыми... Вот уже три месяца, как он с постели не встает. Каких только лекарей не приводил я, ничего не помогает. А своему другу он сказал: «Если эта красавица будет моей женой, я встану на ноги, а если нет – то никакие знахари и их советы мне не помогут». И вот приехал я просить вашу дочь в жены моему единственному сыну. Все, что вам нужно из моего богатства, я готов отдать. Только согласитесь выдать ее за моего сына.

Выслушал все это хозяин крепости и сказал:

– Да продлятся дни твои, дорогой богач! Ко мне много приходило сватов. Но я им говорил, что у меня нет никакой дочери. Сейчас я этого не скажу, так как сын ваш ее видел. Но скажу, что со дня ее рождения, вот уже двенадцать лет, я не имею никакого права выдавать ее замуж и обрекать на гибель, лишив данного ей Богом призвания, которому она посвящена.

Слова хозяина крепости показались оширу, словно обрушившиеся на голову каменные глыбы со скалы, и от этих ударов, казалось, уже не будет спасения. И тем не менее, ошир решил не отступать.

– Добрый человек, уважь, спаси моего единственного сына и выдай свою дочь, – взмолился ошир.

Долго думал отец девушки, как же помочь оширу спасти его сына от недуга, и, наконец, предложил:

– Есть один выход: пусть днем моя дочь будет с ним, а на ночь возвращается домой.

– Разве такое бывает?! – удивился ошир. – Если девушка выходит замуж, то она остается в доме мужа.

– Если вас устраивает мое предложение, значит, так и сделаем, если же нет – другого ничего не могу предложить, – повысив голос, сказал отец девушки.

Ничего не оставалось делать отцу юноши, и он согласился. «Чем ничего, что-то и то лучше, – подумал он и заключил: – Для сегодняшнего дня еще и завтра день будет.»

Составили отец девушки и отец юноши бумагу, в которой говорилось, что отец девушки отдает свою дочь с условием: днем она будет находиться у мужа, а ночью – в доме отца. Заверили они подписями эту бумагу, затем на радостях вкушали до самого утра вкусные обеды, пили вина, рассказывали всякие небылицы, смеялись, веселились... А рано утром ошир и его свита сели на своих скакунов, поблагодарили хозяина крепости за все хорошее и отправились в обратную дорогу.

Вернулись они домой с радостной вестью, обрадовали сына и стали готовиться к свадьбе. С этого дня сын ошира встал с постели, к нему вернулось здоровье, и ноги стали носить его.

Вскоре наступил день свадьбы. Всех своих приятелей и знакомых, всех горожан пригласил ошир на такое торжество. А с восходом солнца сваты привезли и невесту. Семь дней и семь ночей в ушах гостей пребывали звуки зурны и зажигательных мелодий. Все семь дней невеста находилась в доме жениха, а по ночам, как было уговорено, уезжала домой к отцу.

Кончилась свадьба, кончились и хлопоты. Но когда молодые остались наедине, юноша спросил свою невесту:

– Почему ты по ночам уезжаешь к отцу?

– Я ничего на это ответить не могу, – сказала девушка.

Шли дни и месяцы. Днем молодая жена, как и всегда, находилась у своего мужа, а на ночь уезжала.

Надоело мужу все это, да и перед любопытными друзьями было как-то неловко. Одним молодой супруг отвечал, жена, мол, уехала к дяде; другим – уехала в гости; третьим – еще что-нибудь... И так каждый раз. Да и ему было неведомо, куда и к кому жена уезжает. От того настроение его было подавленным, и он становился безразличным ко всему вокруг.

В один из таких вечеров вышел юноша за ворота крепости и сел на скамью. Сидит и думает: куда же каждую ночь уезжает его молодая жена? И надо же, в это самое время мимо крепости проходил седобородый старик. Посмотрел он на опечаленное лицо сына ошира и догадался, что у него что-то недоброе стряслось, да и лицо какое-то слишком бледное и осунувшееся. Остановился странник и произнес:

– Да будет добрым твой вечер!

– И твой, – ответил сын ошира.

Присел седобородый старик рядом и стал расспрашивать, чем он так опечален.

– А что из того, что я скажу тебе? – ответил юноша.

Странник, ничего не говоря, вытащил из кармана шапку-аракчи, надел юноше на голову и спрашивает:

– Видишь меня?

– Вижу! – отвечает сын ошира.

– А я тебя не вижу, – говорит странник.

Затем он надел эту шапку на себя и спрашивает:

– А теперь видишь?

– Нет! – отвечает юноша.

– А я тебя вижу, – говорит странник. И, сняв с себя шапку, отдал сыну ошира. – Бери!.. Пригодится тебе!..

– Это что, волшебная шапка-невидимка? – спросил юноша.

– Да, – ответил старик.

Сын ошира отблагодарил доброго незнакомца, и на том они разошлись.

Наутро молодая жена приехала к мужу и видит, что он сегодня как никогда веселый. Обрадовалась она тому, что муж ее так изменился. В этот день они шутили, смеялись и не заметили, как наступил вечер.

Вечером, как и всегда, за женой юноши приехала запряженная четверкой резвых коней карета. Девушка попрощалась с мужем и вышла во двор. А юноша тут же надел на себя подаренную добрым странником шапку-аракчи и стал невидимым. Вышел он за ворота крепости, сел вместе с женой в карету, и они поехали.

Долго ли ехали или недолго, но, как бы то ни было, доехали они до крепости, где жил отец его жены. Вышла красавица из кареты и вошла в крепость. Муж невидимо последовал за ней. Вошел он в тот самый коридор, в который входил в первый раз, и видит: пол коридора настолько блестит, что в нем отражаются повешенные на стены ковры, на которых изображены неземные, фантастические сцены.

Жена его прошла в свою комнату. Муж последовал за ней. Только жена села в свое кресло, следом вошла инчегуз, поклонилась и спрашивает:

– Что прикажете принести вам на ужин?

Через некоторое время на стол был подан горячий плов с кишмишем, а сверху плова – жареный гусь. Села девушка с одной стороны стола, а невидимый муж ее – с другой. Когда они поели, снова пришла инчегуз, убрала все со стола и исчезла. Видит невидимый муж: жена его разделась и легла на кровать. Разделся и он, и тоже лег на другую кровать.

«Нет, мне нельзя спать, я должен узнать, чем занимается ночами моя жена», – не переставая думал он.

А жена тем временем как легла, так и уснула. Но нет, не таков был ее муж. Он глаз не смыкает, за всем наблюдает, тайну познать хочет... И вдруг ровно в полночь раздался страшный грохот, да такой сильный, что дворец задрожал, а крыша дворца раскрылась и внутрь комнаты влетел золотой сундук. Только он коснулся пола, жена вскочила с кровати, открыла крышку сундука и быстро вошла в него. Крышка захлопнулась, и золотой сундук снова поднялся вверх и исчез. Улетел золотой сундук, – и все стало так, как было до этого.

Удивился сын ошира, увидев такое загадочное зрелище.

«Теперь я узнал, почему она днем бывает у меня, а ночью уходит», – подумал он.

И решил сын ошира выяснить все до конца, чего бы это ему ни стоило. Но сейчас он незаметно уснул крепким сном. Долго ли он спал, или недолго под своей шапкой-аракчи, вдруг сквозь сон слышит страшный грохот. Проснулся, открыл глаза и видит: все вокруг дрожит, да так, что стены качаются и трещат.

«Вернулась», – подумал он.

Крыша дворца, как и тогда, раскрылась, и в комнату влетел тот же самый золотой сундук. Из сундука вышла его жена, и сундук сразу же улетел. Встал тогда невидимый муж с кровати и притаился в углу. А жена как ни в чем не бывало быстро убрала свою постель,

подмела комнату, нарядилась и стала собираться в дорогу к мужу. Вскоре появилась карета. Села жена в карету, а невидимый муж сел рядом. И она поехала, ничего не подозревая о сидящем рядом муже.

Подъехала карета к воротам крепости ошира, а сын его быстро спрыгнул с кареты и вбежал в свою комнату. Снял с себя шапку-аракчи и лег в постель. Вошла молодая жена в комнату и, увидев спящего мужа, возмутилась:

– Ты что до сих пор спишь? Вставай!

А муж, протирая глаза, и говорит:

– Милая, мне интересный сон снился, а ты разбудила.

Рассмеялась жена и говорит:

– Расскажи, и я посмеюсь.

И начал муж рассказывать:

– Сели мы с тобой в карету и поехали в дом твоего отца. Приехали мы, и нас угостили пловом с жареным гусем. Поели мы и легли спать. Только уснули, вдруг послышался страшный грохот, такой грохот, что земля дрожала. Затем крыша дома, где мы спали, раскрылась, и в комнату влетел золотой сундук. Ты быстро влезла в сундук, и сундук улетел.

Удивилась молодая жена: сон это или раскрытие ее тайны, но, не подав виду, сказала:

– Вставай лучше, это твоя фантазия. Ты думаешь обо мне, вот тебе и приснился непонятный сон.

Промолчал муж, а сам подумал: «Когда же вечер наступит?»

Долго и томительно тянулся для него этот день. И вот наступил вечер. К воротам дворца опять подъехала карета. Жена попрощалась с мужем и поспешила к карете. За ней, надев шапку-аракчи, последовал и сын ошира. Села девушка в карету, сел незримо и муж.

Долго ли ехали или недолго, но, наконец, доехали к месту. Девушка быстро вышла из кареты и побежала во дворец. Следом поспешил и ее муж. Забежала девушка в комнату матери, а муж незримо за ней. И тут он видит и слышит, как жена его рассказывает матери о сне, который видел ее муж.

– Не беспокойся, – успокоила мать. – Он, видно, один из тех, отмеченных Богом, которым дано знать все. Но ты скажи ему: «Разве все то, что снится нам во сне, может стать правдой?!» Ну а теперь, дочка, успокойся и иди ешь.

Пошла девушка в свою комнату. За ней последовал под шапкой-аракчи сын ошира. Вскоре подали на стол вечернюю еду – опять же горячий плов с жареным гусем.

Поели они: девушка с одной стороны тарелки, а невидимый муж – с другой, и легли

спать. Она легла на одну кровать, а он – на другую.

Как и в прошлый раз, ровно в полночь с грохотом прилетел золотой сундук и остановился посередине комнаты. Не успела жена открыть крышку волшебного сундука, как муж быстро влез в сундук и притаился в уголке. Влезла и жена его. Сундук так же с грохотом поднялся вверх и, грохоча, полетел по небу.

Высоко ли поднялся сундук, юноша знать не мог, но догадывался, что внизу остались семь гор, семь морей и семь табага. Как бы то ни было, прилетел этот загадочный сундук на одну из двенадцати Небесных планет и влетел в неописуемый земными усердиями людей Небесный дворец. Едва сундук коснулся пола, сын ошира увидел, как жена его быстро выпрыгнула. Следом невидимо выпрыгнул и он. Затем жена быстро прошла в одну из множества комнат дворца, а сундук, скользя по полу, въехал в другую комнату. Сын ошира поспешил за сундуком -и, о чудо! – здесь уже стояли тридцать девять таких же сундуков. Испугался сын ошира, видя такое зрелище. Встал он рядом с тем сундуком, на котором прилетел, и боится отойти куда-нибудь в сторону. Ему представилось, что сундук вдруг улетел, а он остался здесь, один, на неизвестной планете. Он даже хотел крикнуть, но охвативший страх лишил его голоса. Спустя некоторое время до слуха сына ошира дошли звуки неземной музыки. До того приятные и ублажающие душу были эти звуки, в пору мертвецу в могиле стать живым и выйти в мир земных людей. Слушая эти звуки, сын ошира забылся, страх покинул его, и он почувствовал, как душа его обрела невидимые крылья, а ноги привели его в сказочный зал, где на огромных сазах, струны которых были из солнечных лучей, сорок девушек-красавиц, перебирая струны, рождали такую гласную, Божественно-Вселенскую симфонию, которую и словами человеческими не описать, а только внимать этим звукам и забыть, кто ты есть и откуда здесь появился. Видит юноша: дирижирует этим Небесным оркестром женщина, стоящая на несущемся в Небесном пространстве облаке, в ореоле огненно-золотых волос и с дирижерской светящейся палочкой в руке. Казалось, что это и не женщина, а само необжигаемое солнце, которое достает своими лучами лики и души согласованно играющих девушек и их дирижера.

Стал юноша искать глазами среди этих красавиц жену свою и вдруг видит, как женщина-дирижер подошла к одной из девушек и стала бить ее по рукам.

– Что с тобой?! Почему нарушаешь гласность игры своей? – стала кричать она. – Или влюбилась в кого?

Присмотрелся юноша к той, которую ругали, с трудом узнал в ней свою жену и обрадовался. А между тем жена его обиделась на дирижера и отложила свой саз в сторону. Жалко стало юноше, что жена его нарушает согласие с теми гласными звуками, которые вдохновенно рождали в этом Небесном пространстве ее подруги. Подошел он незримо к своей жене, взял ее саз и стал играть, согласовывая свои звуки души с теми гласными звуками, которые рождали подруги его жены. От такой гласной игры во всей Вселенной бесконечности стали хороводить Божьи ангелы, перелетая с одного облака на другое, а временами долетая и до планеты Земля. Жена сына ошира, невольно замороженная таким Вселенским звучанием игры своих подружек, блаженно расслабилась и незаметно погрузилась в какое-то отрешенное состояние. Лицо ее застыло в нежной и умиленной улыбке и стало еще более очаровательное. Видя жену свою еще более красивой, чем она была, на душе у сына ошира стало светло и радостно. И он почувствовал, что теперь без нее не сможет прожить и минуты. Когда же жена его пришла в себя, муж невидимо положил ее

саз на место, а сам отошел в сторону. Взяла его жена саз и попыталась снова играть, согласовывая звуки своей души с голосами своих подружек. Но как ни старалась, у нее ничего не получалось, отчего все Божьи ангелы, махая крыльями, разом улетели высоко-высоко в Небо и вскоре исчезли с глаз.

Наконец, наступило время возвращаться по домам. Женщина-дирижер приказала всем забраться в сундуки и покинуть Небесную обитель. Залезли все тридцать девять девушек-красавиц в свои сундуки. Залезла в свой сороковой сундук и жена сына ошира, а следом, незримо, и сын ошира. Женщина-дирижер прочитала свои волшебные причитания, и волшебные сундуки взлетели вверх и понеслись по Небесному пространству.

Долго ли летел сундук молодых супругов обратно – нам неизвестно, но наконец прилетел и сел посередине комнаты дворца отца девушки. Вышла она из сундука, а следом невидимо и ее муж. А сундук также с грохотом оторвался от пола и исчез за раскрывшейся крышей дворца.

В это утро девушка, как и в прошлый раз, прибрала свою комнату, позавтракала и отправилась во дворец к мужу. Вместе с ней незримо ехал и муж.

Как и в тот раз, юноша вбежал в свою комнату, снял с головы шапку-аракчи и лег в постель. Вошла в комнату жена и видит, что муж ее еще спит.

– Вставай, что так долго спишь или поздно ложишься?! – говорит она мужу.

Юноша открыл глаза, потянулся и отвечает:

– Эх, милая, мне сон снился, а ты опять разбудила.

– Ладно, вставай!.. Что-то каждую ночь тебе сны стали сниться, -сказала жена.

Поднялся юноша и стал рассказывать, как прилетел в дом родителей жены тот же самый сундук, и как он летал вместе с любимой женой за семь гор, семь морей, и за семь табига в Небесный дворец, где на сазак со струнами из солнечных лучей в лад играли сорок луноподобных девушек-красавиц. И среди них была одна красавица, очень похожая на его любимую жену... А дирижером, со светящейся палочкой в руке, была женщина с огненно-золотистыми волосами на голове. И играли эти красавицы Божественно-Вселенскую симфонию, согласовывая все Небесные гласные звуки со звуками всех двенадцати планет Вселенной... Но случилось так, что та красавица, похожая на его любимую жену, была чем-то взволнована и, играя на сазе, нарушала Божественно-Вселенскую согласованность, и женщина-дирижер ругала ее...

– Хватит!.. Вставай!.. Надоело!.. – сердито прервала рассказ мужа жена. – Мало ли что может сниться человеку.

Сын ошира стал дожидаться вечера. Долго, как никогда, тянулся этот день уже для жены сына ошира. Она торопилась поскорее вернуться в дом родителей чтобы обо всем рассказать матери.

Вечером прикатила карета, жена сына ошира попрощалась с мужем и, выйдя из

дворца, села в карету. Сын ошира быстро надел на голову шапку-аракчи и тоже сел в карету.

Долгой на этот раз показалась девушке дорога. Но как бы то ни было, доехала карета до дворца, где родители с нетерпением ждали приезда дочери. Вышла из кареты жена сына ошира и бегом в комнату матери. Муж невидимо поспешил за ней. Бросилась дочь к матери на шею и говорит:

– Он опять видел во сне все, что делаю я ночами... Здесь какой-то джинн усердствует...

– Успокойся, дочь моя, – сказала мать. – Пусть видит себе свои сны... Сон всегда сон... Иди лучше поужинай и не забывай о том, что он, как и ты, отмеченный Богом человек.

Прошла девушка в свою комнату, а юноша – незримо за ней. Инчегуз, как и в прошлый раз, принесла тарелку с пловом и жареным гусем, положила перед своей хозяйкой и ушла. Но нет, не до еды ей было на этот раз. Сидит она удрученная, смотрит на плов, не кушает, а плов между тем уже кончается.

«Что за привидение в нашем доме?! – занервничала жена сына ошира. – Что за злой дух издевается надо мной?!»

Страшно стало девушке, но она переборола свой страх, разделась и легла в кровать. На другую кровать незримо лег ее муж.

В полночь, как и всегда, с грохотом прилетел тот же золотой сундук. Жена сына ошира встала, быстро открыла крышку и залезла в сундук. Туда же залез и ее муж. Сундук с грохотом улетел в Небо.

Вскоре сын ошира опять оказался во дворце Божественно-Вселенской обители, куда, как и вчера ночью, прилетали тридцать девять луноподобных красавиц и его любимая жена. Когда сундук влетел в Небесный дворец и коснулся тверди, жена сына ошира быстро открыла крышку и выпрыгнула. То же самое сделал невидимо и ее муж. Затем она быстро прошла в одну из множества комнат Небесного дворца, а сундук, как и в прошлый раз, скользя по полу, въехал в другую комнату и встал между тридцатью девятью такими же сундуками.

Когда жена сына ошира и он сам вошли в зал, то уже все собрались. Жена сына ошира прошла и села на свое место.

Вскоре в зал вбежала женщина-дирижер с распущенными и спускающимися по плечам огненно-золотыми волосами и, взяв в руки светящуюся дирижерскую палочку, командовала:

– Начали!

Все сорок девушек, в их числе и жена сына ошира, взяли свои сазы и стали перебирать струны из солнечных лучей. А вскоре по пространству Вселенской обители забегали солнечные зайчики, весь зал наполнился гласной Божественно-Вселенской симфонией, звуки которой наполняли слух и душу благодатными руладами беспредельного пространства, согласовывая эти рулады со звуками, рождаемыми всеми двенадцатью планетами во Вселенной, включая и нашу планету Земля. А глазам человеческим эти благодатные рулады дарили возможность видеть все то, что редко кому из землян удавалось видеть, разве что

богоносимым душам, ревностным служителям своих призваний. И воистину! Глаза сына ошира видели, как Всевышний пишет в своей Книге Жизни обо всем, что происходит на всех двенадцати, включая и нашу Землю, планетах, откуда слетались светящиеся мягкокрылые ангелы и хороводили, заполняя собой Вселенское пространство. А архангелы воспроизводили в рассказах все те события, которые некогда имели место быть в разные времена и эпохи как на планете Земля, так и на всех других планетах Вселенной.

Слыша эти назидательные рассказы архангелов и благодатные гласные рулады Божественно-Вселенской симфонии и видя, как хороводили Небесные ангелы, сын ошира невольно чувствовал, как душа его, наполняясь всем этим животворящим, бессмертным пространством, запоминала и согласовывалась в любви со всеми родственными душами всех двенадцати планет Вселенной. И запоминая все это, в душе он горел ревностным желанием скорее вернуться на Землю и все то, что постиг душой здесь, в Небесной обители,— переложить на слова, дарованные Богом, и рассказать землянам, чтобы и они постигли Небесную животворящую благодать и единоразумность сотворенного Творцом Мира.

Но вдруг сын ошира на миг почувствовал, как благодать и память души его чем-то нарушилась, а Небесные ангелы и архангелы тоже нарушили завораживающий ритм хоровода и стали разлетаться на свои планеты. И вот тут-то сын ошира, посмотрев в сторону любимой жены, увидел, как она, играя на сазе, нарушила свою согласованность с игрой на сазе своих подруг. А дирижер, видя все это, подошла к его любимой жене и стала кричать:

– Ты что, оглохла, что ли?

У жены сына ошира задрожали руки, и она стала играть еще хуже, а из глаз покатались слезы.

Жалко стало сыну ошира жену свою. Видя, как ее обидели и довели до слез, он не знал, что делать, как поступить.

«Все из-за меня, – подумал он. – Не настоял бы я выходить за меня замуж – она бы и не нарушила свою согласованность с гласными звуками Божественно-Вселенской симфонии.»

Сын ошира невидимо подошел к своей жене и, взяв ее за руку, стал уводить к волшебному золотому сундуку. И она покорно, не понимая, в чем дело, шла за ним.

Увидела все это женщина-дирижер, схватила жену сына ошира за другую руку и пуще прежнего закричала:

– Ты куда?! Сядька на свое место!

И вот тут-то сын ошира не выдержал и сильно схватил женщину-дирижера за руку и произнес:

– Отстаньте!.. Мы любим друг друга и уже поженились.

Женщина-дирижер отпустила руку девушки и сердито прокричала:

– Невежда земных страстей! Отпусти мою руку и забирай свою любимую... И больше

чтобы я вас, отродье змеи-искусительницы, не видела здесь!

И вот тут-то сын ошира снял с головы свою шапку-аракчи и предстал как юноша, излучающий свет восходящего утреннего солнца в ясную весеннюю погоду. Он окинул всех присутствующих здесь во Вселенской обители своим смиренно-блаженным взглядом, выражая тем самым явную любовь ко всему, что им было обозреваемо и что его уши слышали, а глаза – видели.

Все девушки, увидев юношу, так и замерли на своих местах, удивленно приоткрыв рты и часто-часто моргая от ослепительного света, исходящего от лица этого юноши. Смягчила свой гнев и женщина-дирижер, глядя на видимого уже виновника Вселенского разлада невежественно-земными страстями гласных звуков Божественно-Вселенской симфонии.

– Идите и продолжайте жить по земным страстям, – сказала, наконец, женщина-дирижер.

Сын ошира и его любимая жена влезли в золотой сундук и полетели. Вскоре сундук, как и раньше, с грохотом влетел в комнату девушки, а когда из него выбрались молодые супруги, тут же улетел. Спустя нескольких минут инчегуз принесла плов с жареным гусем и удалилась. Но жена сына ошира не стала есть, а побежала в комнату матери и со слезами на глазах стала жаловаться.

– Нас изгнали из Божественно-Вселенского оркестра... Лучше бы меня не выдавали замуж... Не хочу я быть невеждой с земными страстями...

Слышал сын ошира справедливую жалобу жены и, в сердцах сокрушаясь, думал о том, что во всем случившемся виноват он, и тем не менее признавал, что без жены своей жить не сможет на свете.

Вскоре подъехала карета. Жена сына ошира села в нее. Рядом, уже видимо, сел и сам сын ошира, и они поехали.

Шли дни за днями. Молодые супруги наконец-то стали и днем и ночью бывать вместе и, казалось, были рады и довольны. Но с каждым днем они все больше понимали, что все то, что им пришлось прочувствовать в Божественно-Вселенском царстве, исчезло. Спустя еще какое-то время молодые супруги не находили себе места, души их стали черстветь, отчего им порою казалось, что в душе у них сам дьявол хозяйничает, злорадствует. В такие минуты молодой супруг спрашивал жену:

– Что нам делать?.. Так дальше жить нельзя... Мы превращаемся в нелюдей.

– У меня ответа и совета по этому поводу нет, – говорила жена, не находя себе места. – Я сама чувствую, что я уже не человек.

И вот в один из таких тягостных дней сын ошира, обращаясь к жене, сказал:

– Милая моя, послушай!.. Я сочинил молитву... Давай вместе молиться!.. Помощи у Худо просить!..

– Ты прав!.. Нам надо чаще молиться и Худо просить о помощи, – согласилась с его предложением жена.

И стали они вместе, нараспев, во всеуслышание молиться такими словами:

– Благословен Ты, Худо, Владыка Вселенной, по Слову которого наступает вечер и который мудростью Своей открывает Небесные врата, и по разумению Своему чередует времена, и располагает звезды по местам на своде Небесном по воле Своей! Сотворивший день и ночь, удаляет Он свет пред тьмой и тьму – перед светом; уводит день, и приводит ночь, и отделяет день от ночи! Благословен Ты, Худо, по Слову которого Сотворен мир и Слово которое было, есть и прибудет незыблемо в Тебе и в нас для прославления Твоего могущества и Твоего милосердия!

Наш долг – восхвалять Тебя – Творца всего мира! Провозглашать величие и разумность Создателя Вселенной со всеми мирами и гармонией между ними!

Мы взываем к Тебе и обращаем наши взоры. Вспомни милость Свою к нам, Владыка и Покровитель наш, не оставь нас без Любви, Покровительства Своего! Не припоминай нам наши прошлые земные грехи! Прости и поскорее ниспошли на нас милосердие Твое, ведь мы совсем обессилены, бездеятельны, погружены во мрак уныния и скорби...

Долго со слезами на глазах молились сын ошира и его любимая жена. От их умиленной, единосогласованной молитвы казалось, что все вокруг очищалось от всего того, что могло хоть как-то быть поводом к стеснению, раздражению, раздору. И напротив: все вокруг обретало беспредельный Вселенский простор, а воздух благоухал всеми запахами весеннего сада, от чего души сына ошира и его любимой жены обретали невидимые крылья, и они, вместе с небесными ангелами, парили вокруг Божьего престола и им было так хорошо и благодно, что лучшего и желать не стоило. А нужно сказать, слыша молитвы сына ошира и его любимой жены, Сам Господь повелел Небесным ангелам снизойти к молящимся и вознести их к Его престолу, дабы могли они снова обрести Его милосердие и совершали бы Богоугодные дела и не лишали себя тех даров, которыми их наделил Господь.

Кто знает, сколько времени души сына ошира и его любимой жены летали вокруг Божьего престола и вдыхали благоухающие запахи весеннего сада, но одно известно – в комнате сына ошира и его любимой жены во множестве летали Небесные ангелы. Они не шумно размахивали крыльями, изгоняя из души молящихся все то, что сковывало их волю и мешало им вернуться к своему Божественному предназначению.

Спустя некоторое время до слуха сына ошира и его любимой жены докатился страшный грохот, такой страшный, что все вокруг задрожало. Все, кто обитал в этой крепости, в том числе и родители, обеспокоенные этим страшным грохотом, прибежали в комнату, где жили молодые супруги. Вбежали они туда и замерли на месте, увидев, как крыша дворца раскрылась, и в комнату влетел золотой сундук. Едва сундук коснулся пола, крышка сундука мигом раскрылась, и из него выбрался седобородый старик. В правой руке он держал медный посох, набалдашник которого изображал свернувшуюся в клубок змею, с кончика языка которой стекал яд. Сын ошира сразу узнал седобородого старика. Это был тот самый странник, который некогда подарил ему шапку-аракчи, с помощью которой он узнал тайну ночных событий, связанных с его женой, а узнав, перестал терзаться душой и, более того, вместе с женой побывал во дворце Небесной обители. Сын ошира, обрадованный

таинственной и неожиданной встречей с добрым странником, хотел было броситься к нему, чтобы крепко обнять. Но седобородый старик, подняв свой посох к Небу, сказал:

– Причина вашей неуверенности в себе и мучительные терзания души – вот эта земноползущая змея-искусительница... Вы забыли, что еще Меошиерах призывал всех не уподобляться этой искусительнице, а брать пример с поднебесных птиц... Если вы хотите снова вознестись до Божьего трона, вы должны раздавить этого змея – виновника всех ваших скорбей и терзаний души!

Седобородый старик бросил под ноги сына ошира и его жены свой медный посох, который и, вправду, вмиг превратился в живую змею, извиваясь, она готова была ужалить любого. Но не тут-то было, сын ошира и его любимая жена разом бросились к змее и, наступив на нее, раздавили. В этот миг сын ошира и его жена почувствовали, как просторно и светло стало у них на душе, будто само Небо и яркое, необжигающее солнце вошло туда и властвовать стало. Глядя друг на друга, сын ошира и его любимая жена сами стали излучать Небесный свет, а летающие вокруг Небесные ангелы походили на тысячи солнечных зайчиков, перемещавшихся по лицам присутствующих людей.

– Слушай меня внимательно, – обратился седобородый старик к сыну ошира. – Я твой ангел. У нас одно, данное Богом, имя. Это имя Говосуночи, что значит – Словом Творца и Его волей омывай людские души... Отныне Богом тебе явлено быть сказителем... Постигай Тайну Божьей Книги Жизни. Она тебе Богом дарована и находится в этом сундуке, чтобы ты, постигая ее, мог рассказывать людям.

Сказав все это, седобородый старик выдернул из своей бороды один седой волос и приложил к лицу сына ошира. И вот тут-то все присутствующие увидели, как у сына ошира выросла такая же седая борода, как и у его ангела.

– А теперь, – сказал ангел, – надень на голову подаренную мной шапку-аракчи и знай, когда Всевышний пишет на Небесах свою Книгу Жизни о делах и поступках людей, обо всех событиях на Земле, Он незримо пребывает под этой Небесной шапкой... Стоит тебе, сказителю, пожелать и поведать людям о житие-бытие человеческом, проведи руками по своей бороде и коснись макушки своей головы, и уста твои расскажут людям забавные, хитро-мудрые сказки и сказания, притчи и назидания, предания и легенды... Словом, обо всем, что было, есть и будет...

Нужно сказать, что сын ошира и вправду почувствовал в себе дар сказителя и хотел было поведать собравшимся сказание о легендарном Золе-богатыре, его сыне Рустаме и его внуке Бежоне, но вдруг в комнату влетела на светящемся облаке знакомая сыну ошира и его любимой жене женщина-дирижер в ореоле огненно-золотистых волос и с дирижерской светящейся палочкой в руке.

– Благословляю твою любовь, – сказала она, обращаясь к жене сына ошира и добавила: – Я твой ангел и зовут меня Аразичино, что значит -Вселенские звуки яви волей Божьей людям... Отныне твое имя такое же, как и у меня... Оно даровано тебе Богом, и ты должна это оправдать!

Жена сына ошира почувствовала, как душа и слух ее наполняются ласкающими звуками Вселенского пространства. Ей даже захотелось взять в руки саз и воспроизвести эти

Небесные звуки, согласующие души всех землян с душами, живущих во Вселенских обителях сородичей. Но тут она услышала слова, обращенные к ней ее ангелом:

– Я буду за тебя молиться... Но и ты не забывай обо мне, – сказала женщина-дирижер.

– Запомни это и ты, – обращаясь к сыну ошира, сказал седобородый старик.

Вскоре взобрался он на светящееся облако, где стояла женщина-дирижер, и они улетели высоко в Небо, к Престолу Всевышнего.

И вот теперь наконец-то все присутствующие стали просить Говосуночи-сказителя рассказать им что-нибудь из Книги Жизни. Долго упрашивать не пришлось, и Говосуночи принялся рассказывать одну сказку за другой, а любимая жена его Аразичино, сидя рядом, играла на сазе, сопровождая его рассказ Небесными, согласующими души присутствующих здесь людей, звуками.

Среди этих людей был и сам ошир с женой, друг-бедняк с матерью. Все глядели на сына ошира и его жену-красавицу и радовались всей душой, а сам ошир думал не о тех сундуках с золотом и драгоценностями, которые хранились в его подземных хранилищах, а о том золотом сундуке, на котором летал его единственный сын со своею любимой женой к Божьему престолу и постигал там все то, что им было дано от Бога.

Говорят, на то золото и драгоценности, что хранились в сундуках ошира, он на пустыре построил намаз и стал с женой ходить туда и воздавать Всевышнему молитвы за Его щедрость и нетленное богатство. Частыми гостями у них бывали и родители жены сына ошира и радовались, видя и слыша, как согласованно и в ладу перед Богом живут их дочь с сыном ошира.

Вскоре молва о Божьем даре сына ошира и его любимой жены разнеслась по всему свету, и люди приходили к ним, чтобы слушать сказания и сказки, сопровождаемые Божественной музыкой.

Рустам, сын Зола

В далекие времена царствовал справедливый Зол-богатырь. Было у него четыреста храбрых богатырей, верных ему воинов. Не раз и не два шел Зол войной против тех, кто обижал слабых и беззащитных людей, и каждый раз одерживал заслуженную победу. Любил народ Зола-богатыря и всегда желал ему самого лучшего. И было среди этих пожеланий одно, исполнения которого больше всего желал храбрый Зол: ему очень хотелось сына.

Наконец, в один из прекрасных дней сокровенное желание Зола исполнилось: родила ему жена сына. Не было границ радости отца. Устроил он по такому случаю небывалый пир. Пригласил со всех концов мудрецов и наказал, чтобы они дали мальчику имя. Думали-думали бородатые мудрецы и, наконец, назвали мальчика Рустамом.

Шли дни, недели, месяцы. Рустаму исполнилось три года. Стал он руками до стола доставать. Однажды взял он со стола орех, зажал в кулаке и раздавил его. Обрадовался Зол силе мальчика и сказал жене:

– О, жена, правильно говорят наши старики: сын отца – в отца пойдет. Видишь, как наш сын орехи давит?!

А жена усмехнулась и отвечает:

– Вижу дорогой! Но думается мне, что твой сын превзойдет и тебя!

Прошло, говорят, еще два-три года. Начал Рустам по двору бегать, играть с детьми богатырей. Однажды в игре схватил он за руку одного мальчика, дернул – и рука оторвалась. А через день-другой схватил он другого мальчика за ногу, дернул – нога оторвалась. Стали отцы и матери несчастных мальчиков с жалобами к Золу приходить.

– Так и так, – говорят, – твой сын искалечил наших детей.

Позвал Зол сына, накричал на него, пригрозил, что больше не выпустит из дому. А Рустам ему в ответ:

– Отец, я тут ни при чем! Я не хотел так!

Понял Зол, что сын не по годам сильный и не по годам мудрый, и говорит:

– Сын мой, прошу тебя, не смей никого хватать за руки и за ноги.

Пообещал Рустам отцу, что больше не будет этого делать, и опять побежал во двор играть с детьми.

В это время увидел Рустам, как дворцовый конюшенный вывел на водопой богатырских коней.

– Эй, дай коня прокатиться! – говорит конюшенному Рустам.

Не стал конюшенный отказывать.

– Бери, – говорит, – только не упади!

Не успел Рустам вскочить на коня, как конь заржал и тут же замертво свалился с переломанной спиной. Прибежал конюшенный к Золу и рассказал все, как было.

Удивился Зол такому случаю и приказал подобрать сыну самого крепкого скакуна.

Сказано – сделано. Подобрал конюшенный самого крепкого коня и предложил мальчику сесть. Вложил Рустам ногу в стремя и только было собрался перебросить через седло другую, как конь страшно заржал, словно кто его огнем прижег. Перепугался мальчик, тут же сошел с коня и видит: у скакуна несколько ребер сломано. Увидел с балкона все это Зол и говорит сам себе: «Горе мне с таким сыном будет, горе!.. Для такого, как он, и скакуна не сыщешь!»

А Рустам тем временем уже играл с мальчишками в другом конце двора. Играет, а сам боится схватить кого-нибудь за руку или за ногу.

Шли дни. Мальчику исполнилось двенадцать лет.

И вот в один из дней случилось так, что в игре он сломал своему сверстнику четыре ребра. А этот мальчик был сыном самого храброго богатыря, которого Зол очень любил. Затаил богатырь против Рустама зло и решил обманом завлечь его высоко в горы и сбросить со скалы в ущелье. Но случилось так, что каким-то чудом один из богатырей узнал об этом и по секрету сообщил Золу.

Поначалу Зол рассердился на своего любимого богатыря, хотел даже казнить его, но потом понял, что этого не следует делать.

Лучше я выстрою сыну в горах дворец и поселю его одного там, решил он.

За вечерней едой Зол обратился к сыну:

– Сын мой, ты уже взрослый! Решил я, твой отец, построить в горах крепость и поселить тебя там.

Понял Рустам, на что намекает отец, и ответил:

– Знаю, отец, хочешь избавиться от непослушного сына. Воля твоя! Поступай как знаешь!

Вскоре крепость была построена. Отвел отец туда сына и, прощаясь, сказал:

– Сын мой, думаю, ты сможешь сам себя и прокормить, и защитить. А если нужны будут какие советы, ищи их в древних книгах. Они в седьмой комнате. Только знай, сын мой, я, Зол-богатырь, всю свою жизнь разумом и храбростью служил делу справедливости. И тебе, сын мой, наказываю служить тому же!

Стал Рустам жить в крепости. Целые дни охотился и тем добывал себе еду. А вечером подвинет к себе поближе светильник и читает древние книги. Многим мудростям жизни научили мальчика древние писания.

Но однажды решил Рустам отправиться в другие страны, посмотреть, как там живут люди, чем занимаются. «Одному здесь и одичать можно», – подумал он и вскоре пустился в путь. Шел он день, другой, третий. Множество гор прошел, рек переплыл и, наконец, подошел к горной дороге. Смотрит, а на одной скале высечен огромный трехголовый дэв, у которого в объятиях – прекрасная девушка, а у страшных ног дэва лежат убитые юноши. «Что бы это значило?!» – удивился Рустам и поспешил осмотреть это место.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел вдали, под самым небом, облако пыли.

«Это что еще за чудеса?! – подумал Рустам. – Может быть, ураган там бушует!»

Облако быстро приближалось, застилая все небо. Приложил тогда Рустам к земле ухо и слышал грохот рушащихся скал. «Здесь что-то недоброе!» – решил он и заспешил к месту

беды.

Кто знает, сколько Рустам бежал по этой дороге. Но когда он спустился к подножию горы, то встретил там толпы людей. Они с проклятиями на устах шли вверх по той же дороге, по которой бежал вниз Рустам.

– Что здесь происходит? – спросил Рустам, приблизившись.

– Чтоб их Бог покарал! – закричали люди и стали рассказывать, как на их мирный степной город напали горные разбойники и потребовали, чтобы горожане оставили все свои ценности и покинули дома.

– Где же эти разбойники? – любопытствовал Рустам.

– Они на самой вершине горы! – ответили из толпы и пояснили, что оттуда разбойники швыряют на их город каменные глыбы.

– А где ваш царь? – спросил Рустам.

– Он погрузил на верблюдов свое богатство, свою семью и вместе с дворцовой стражей убежал, оставив нас, горожан, без солнца над головой, без родной земли под ногами.

Не стал Рустам ни о чем больше спрашивать. Только приказал он охваченной страхом толпе подождать его, а сам отправился в город. Идет он по улицам, и видит: многие дома разрушены, а над городом клубится огромное облако пыли. А кони степняков ржут и мечутся по улицам.

– Ге-ге-гей! – крикнул Рустам что было силы и стал ждать.

Услыхали разбойники этот крик. Перестали сбрасывать с горы каменные глыбы. Постепенно облако пыли рассеялось, и глазам Рустама предстала скала, на вершине которой засели разбойники. Вырвал он тогда из земли огромное дерево, раскрутил его над головой и с силой бросил высоко вверх. Полетело дерево в сторону той скалы, где засели разбойники, и ветвями прижало их. Удивились разбойники: никогда им не приходилось встречаться с человеком, который мог огромное дерево вырвать с корнями и забросить высоко на вершину горы.

– Ну и силища у этого полоумного! – сказал один из разбойников.

А атаман вытаращил глаза, смотрит вниз на Рустама и не знает, что делать дальше.

А Рустам тем временем подобрал кусок белой глины и крупными буквами написал на скале: «Разум – лучшее лекарство! Доверьтесь разуму, и вы излечитесь!»

Не поняли разбойники, что предлагает им богатырь.

Атаман подумал и приказал подать коня.

– Поскачу вниз и узнаю, чего он хочет! – крикнул атаман и, вскочив на коня, поскакал

вниз.

Когда он подъехал к Рустаму и сошел с коня, Рустам положил руку на спину скакуна. Спина у жеребца согнулась, еще чуть-чуть и она могла бы сломаться.

Как увидел это атаман, затрясся, на миг лишился голоса, стоит с широко открытыми глазами.

Смекнул Рустам, что перед ним атаман, и говорит:

– Лучше делать добро, чем зло!

Промолчал атаман. А Рустам опять ему:

– Сколько в шайке мужчин?

– Сорок! – рассерженно ответил тот.

– Женить всех надо, – сурово проговорил Рустам и приказал атаману, чтобы тот велел своей шайке спускаться вниз.

Атаману поневоле пришлось покориться. Свистнул он три раза, махнул рукой, и разбойники мигом прискакали на своих скакунах и стали как вкопанные перед атаманом. Стоят и ничего толком понять не могут. Да и сам атаман не знает, как быть, что делать. Вроде не спит, а все как во сне. «Как же так, – думает он, – я, храбрый атаман, испугался какого-то полоумного?!» Почувствовал он прилив сил, глаза его налились злобой и с криком «Гей-гей!» бросился он на Рустама. Бросились на Рустама и остальные разбойники. Они подобно летучим мышам вцепились в него, решив повалить и задушить. Но не тут-то было! Повел Рустам одним плечом – двадцать разбойников с шумом покатались по земле и остались лежать. Повел Рустам другим плечом – и остальные разбойники разлетелись как мухи. Подошел Рустам к атаману, поднял его одним пальцем, поставил на ноги и говорит:

– Ну как, атаман, сдаешься или обнажим кинжалы?

– Сдаюсь! Сдаюсь! – закричал в страхе атаман и стал просить пощады. – Требуй, чего хочешь, только не убивай нас, богатырь, не убивай!

И вот тут-то Рустам сказал:

– Ладно! Не стану убивать! Но требую, чтобы все вы женились и навсегда бросили разбой!

Вскоре в сорока дворах степного города забили барабаны и заиграла веселая музыка. Все плясали, пили вина, ели вкусные кушанья и воздавали хвалу силе и справедливости Рустама. Только Рустам не придавал этим лестным словам никакого значения. Все это время он думал об одном: о чем должен поведать путнику тот рисунок, который довелось ему увидеть на скале у горной дороги? Может быть, кому-то нужна его помощь?!

Всему приходит конец. Пришел конец и радостным свадебным дням. Поселили

почтенные старцы степного города Рустама в царский дворец и ушли по своим домам.

Спустя несколько дней Рустам услышал, как кто-то стучится в дворцовые ворота.

– Входите! Ворота открыты! – с балкона крикнул Рустам.

Когда ворота открылись, он увидел внизу почтенных старцев города и пригласил их войти к нему.

– Мы не переступим твоего порога, если ты, Рустам, сын Зола, не дашь нам своего согласия стать нашим царем, – сказали почтенные старцы города.

Приложил Рустам к груди руку, поклонился пришедшим в знак глубокой признательности и сказал:

– Пусть царем будет тот, у кого есть желание. А у меня в жизни другая цель.

– А чем отблагодарить тебя, богатырь, за твое доброе дело? – спросили Рустама почтенные старцы.

И тогда Рустам сказал:

– У меня к вам, почтенные, будет одна просьба.

– Да быть нам всем твоей жертвой, говори, – попросили присутствующие.

И Рустам сказал:

– Постройте мне на вершине той самой горы, где были разбойники, крепость. А от жеребца атамана-разбойника и лучшей кобылы степняков выведите жеребенка и тоже поместите в крепости.

Не прошло и сорока дней, как крепость была сооружена. Ее высокие каменные стены и башни были украшены всевозможным диковинным орнаментом. Не прошло и года, как в крепость привели и жеребенка, которого Рустам назвал Рахшаром, что значит – дорога радости, и стал его выхаживать.

Кто знает, сколько времени провел Рустам в этой крепости?! Но известно, что каждый день он выводил своего жеребца на прогулку и тяжестью руки испытывал его выносливость. Шли дни, и Рустам уже мог осторожно садиться на жеребца, а жеребец выдерживал тяжесть своего хозяина. А спустя еще некоторое время Рустам мог выводить скакуна на скачки: теперь же жеребец совсем перестал чувствовать тяжесть своего хозяина. А еще через некоторое время Рустам решил отправиться в путь по той горной дороге, где на одной из скал был изображен огромный страшный дэв.

Пустился Рустам в путь. Пусть он скачет на своем скакуне Рахшаре, а я расскажу о злодействах страшного дэва, которого неизвестная рука изобразила на скале.

А случилось вот что. В горах была крепость, и жил в этой крепости летающий дэв.

Много зла причинял он людям вокруг себя. Бывало, проснется рано утром, взлетит высоко в небо и полетит в сторону какого-нибудь близлежащего селения. Кружится он над селением и такой ветер поднимает, что все дома рушатся и деревья с корнями вырывает. А бывало и так: полетит дэв к селению, пролетит над самой землей, схватит какую-нибудь красавицу, унесет к себе в крепость и кинет в темный зиндан. Какие только проклятия не посылали на его голову бедные люди, но все было тщетно: дэв продолжал разбойничать и причинять людям много бед.

И вот однажды утром полетел дэв в ту сторону, откуда восходит солнце, и видит: внизу на лужайке парень и девушка расстелили белую скатерть с разной снедью и пируют. А девушка неопиcуемой красоты. Если глаза человека увидят ее раз, то всю жизнь будут желать увидеть снова и снова. Приметил зоркий глаз дэва красавицу, и помутнел его взор от злости.

– Все вверх дном переверну, но девушку эту унесу! – решил дэв.

Спустился он пониже. Напустил на парня страшный ветер, и бедного унесло как пушинку.

А девушка пустилась в страхе бежать и звать людей на помощь. Но не тут-то было, настиг ее злой дэв, схватил в свои страшные лапы и унес к себе в крепость.

Видел все это юноша, но ничего не мог сделать. Пришел он домой в слезах и печали, упал на постель да так и остался лежать.

День лежит, два лежит, три лежит, месяц, два... Похудел, щепкой стал, а лицо как зола. Забеспокоились отец и мать. Спрашивают сына: скажи, мол, что случилось? А юноша ни слова в ответ, словно его язык мыши унесли и под семь пластов земли спрятали.

Видит мать мучения единственного сына, и глаза слезами горя наполняются, а сердце бедняжки, подобно маслу, расплавилось, перегорело. Совсем женщина голову потеряла: кружится весь день, не зная, куда пойти, что делать? Ну прямо как овца, потерявшая своего ягненка.

Пробовал и отец поговорить с сыном, узнать причину его горя. А сын в ответ только головой качает: отстаньте, мол!

Шли дни за днями, недели за неделями. А юноша по-прежнему молчит. Вроде и землей не пахнет, а мертвецом лежит. Не знает мать, как же помочь сыну, о сие позабыла, извелась вся: день ей не день, ночь не ночь. Отправилась она как-то к соседке, поведала ей обо всем, даже расплакалась. Посоветовала соседка отправиться к одному мудрецу, что жил в Багдаде.

– Расскажи ему обо всем, может быть, чем и поможет твоему горю, - сказала соседка.

На другой день взяла мать денег и отправилась в тот город, где жил мудрец. Пришла она в низенький дом, что стоял на краю города, расспросила о нужном ей человеке. Показали ей, как и где найти этого человека. А спустя некоторое время мать юноши была уже в доме бородатого мудреца. Рассказала она ему все как есть, ничего не утаила. Выслушал ее бородач и говорит:

– Дочь моя, есть лекарство от болезни для твоего сына. Ступай домой и будь спокойна душой. Не пройдет и дня, как я явлюсь в ваш город и сам дам в руки твоего сына это лекарство!

Вернулась мать домой. А сын по-прежнему лежит худой, как сухая щепка, бледный, как старая зола. Ни словом не обмолвилась мать на этот раз. Завязала она покрепче узелок своего горя и занялась делами по дому.

На следующее утро у их дома появился данусменд. Сел он напротив в тени дерева, раскрыл старинную книгу, повернулся лицом к окну, где лежал убитый горем юноша, и стал петь, как ашуг:

Если душа от горя болит, и черный червь сосет тебя,
Нужно тогда в душе своей раздавить черного червя
И, вскочив, как джигит, на коня, вступить в бой с врагом.
Только в бою, только в бою душу от горя излечишь ты!
Только в бою, только в бою сможешь ты счастье свое обрести!..
Поет старец бодрым голосом, а все присутствующие подпевают ему.

Услышал юноша песню данусменда, встал с постели, открыл окно и крикнул:

– Эй, чужестранец, это твои песни или ты их от кого другого слышал?

Прервал данусменд свое пение, посмотрел в сторону юноши, усмехнулся и говорит:

– Приди и посмотри! Все они записаны в этой старинной книге.

Вышел юноша на улицу, подошел к данусменду, упал перед ним на колени и говорит:

– О, почтенный данусменд, удостой наш кров своим посещением, дай мне почитать эту книгу... Не успеет солнце исчезнуть и вновь появиться на небосводе, как я верну ее.

Закрыв данусменд книгу, встал, положил руку на плечо юноши и сказал:

– Почему бы и не дать! Грешно таить от людей те мудрости, которые поэты тысячелетиями вкладывали в свои стихи... Для людей они писали, и люди должны их читать. Бери, сын почтенных родителей!

Всю ночь читал юноша стихи, написанные в старинной книге. Многие строки пришлись ему по душе, многие запомнились. Особенно же полюбились ему эти:

Только в бою, только в бою душу от горя излечишь ты!
Только в бою, только в бою сможешь ты счастье свое обрести.

В который раз повторял юноша эти строки и чувствовал, как они входили в его душу и кровь, разжигая решимость совершить дерзкий подвиг во имя возлюбленной.

Утром, возвращая книгу, юноша поблагодарил данусменда и сказал:

– О, спаситель души моей, благослови меня на подвиг. Летающий дэв похитил мою возлюбленную, и теперь я твердо решил вступить с этим злодеем в бой. Или погибну сам, или убью злодея!

Кивнул данусменд головой, одобряя решение юноши, и говорит:

– Добрый юноша, знай и помни, что для человеческой души самое необходимое лекарство – мудрые песни и стихи... А теперь ступай и постарайся победить в схватке с дэвом.

На следующее утро собрался юноша в дорогу, обнял родителей, поклонился данусменду и переступил порог дома. Смотрит юноша - жители города ждут-дожидаются его и хотят хоть чем-нибудь помочь. Одни ему коня подводят: бери, мол, конь – лучший друг джигита! Другие огромный меч к поясу привязывают: «Джигит без меча в дороге, что слепой без посоха», – говорят они.

Вскочил юноша на коня и тронулся в путь. Не успел он достигнуть края города, смотрит: двадцать всадников стоят, а к поясам подвешены мечи. Подъехал юноша и понял: это друзья дожидаются.

– Мы с тобой! Будь нашим предводителем и веди нас! – сказали друзья.

Поклонился им юноша в знак благодарности, и все поскакали в сторону крепости, где жил летающий злой дэв.

Много дней и ночей пребывали они в пути. Много селений проехали, у многих рек и озер делали привалы. Только на четырнадцатый день увидели вдали крепость. В этой крепости и жил дэв, а в темном зиндане у него томились: возлюбленная этого юноши и еще двадцать девушек-красавиц.

Увидел дэв всадников, взлетел высоко в небо, полетел им навстречу и стал из ноздрей ветер пускать. Дунул он в первый раз – кони так и замерли на месте, двинуться не могут. Дунул во второй раз – всадники с седел попадали, а кони их по сторонам разбежались. Дунул в третий раз – всех на землю свалил. Понял влюбленный юноша, что не так-то просто победить летающего дэва. Приказал он всем лежать ничком, пока не стемнеет.

– Только ночью будем двигаться, – сказал он.

Полетал-полетал дэв над ними и, решив, что дело сделано – юноши убиты, – улетел обратно в крепость.

А когда наступила ночь, вскочили юноши на своих коней и снова поскакали в сторону крепости.

Пусть они скажут, а мы расскажем про дэва. Спит дэв и сквозь сон слышит: где-то кони скажут. Проснулся, прислушался: и вправду скажут. Взял он тогда горящий факел и вылетел из крепости. Летит и видит: к его крепости приближается двадцать один всадник. Разозлился дэв, пролетел над всадниками и стал факелом размахивать, одежду на них жечь. Что тут

началось! Кони от страха ржут, на дыбы встают. Юноши кричат, прыгают со своих коней, сбрасывают горящие одежды и бегут прятаться в лес. Спрятались юноши в лесу и думают: как же быть?

– Нужно подкоп под крепость сделать! – сказал предводитель.

Стали юноши подкоп делать. Целый месяц рыли и наконец достигли стен крепости. Попробовали они крепостные стены разобрать или дыру пробить. Ничего у них не выходит: стены очень толстые. Решили тогда перелезть через стену.

Дождались ночи, сплели из бурьяна веревки, забросили их на зубцы стен крепости и только собрались лезть, дэв почуял запах человека, взял горящий факел и вылетел из своего жилища. Стал он факелом жечь юношей. Кричат те от боли, не знают, как быть.

Приказал тогда предводитель одному из друзей садиться на коня и скакать за помощью к Рустаму. Вскочил юноша на коня и поскакал в дальние горы, где Зол построил для сына крепость. Прискакал он, стал в ворота стучаться. Стучит-стучит, а никто ворота не открывает. Перелез юноша через стену, обежал все покои – никого нет. Догадался он, что давно здесь не ступала нога хозяина, поскакал он тогда по городам и селениям просить у людей помощи.

Скакал юноша, скакал и добрался до одной горной дороги. Остановил коня и нарисовал на одной из скал того самого дэва, у которого томилась в заточении возлюбленная его друга. Словом, нарисовал то, что вам уже известно. Затем вскочил на коня и поскакал дальше.

Пусть он скачет и собирает добрых юношей на помощь друзьям, а я расскажу вам про Рустама.

Скачет он, мчится подобно горному потоку. Кто знает, сколько времени он скакал. Но вот достиг подножия одной горы и видит: летает дэв, из ноздрей ветер гонит, да такой сильный, что пыль от земли к небу поднимается. Посмотрел Рустам вниз: лежат на земле какие-то люди, не то живые, не то мертвые.

– Э-ге-гей! – крикнул Рустам, да так громко, что горы задрожали. Услыхал дэв этот крик, повернул голову в сторону гор и видит: человек на коне сидит. «Ну, – думает дэв, – сейчас я тебе покажу.»

Полетел он в сторону Рустама и стал ветром дуть. Дунул первый раз, да так сильно, что верхушки деревьев сломались, а Рустаму и коню его хоть бы что. Стоят и с места не сдвинулись. Подлетел тогда дэв поближе, дунул второй раз – деревья с корнями вывернул. А Рустаму и коню хоть бы что: стоят и ни с места. Рассердился дэв, рассвирепел от злости и подлетел к богатырю вплотную. Рустаму только того и надо было, взял он толстый канат, изловчился и набросил на дэва. Затем спрыгнул с коня и стал дэва в воздухе крутить. Крутил-крутил, да и забросил на вершину горы. Ударился дэв об острые скалы и разбился.

Как увидели это юноши, обрадовались: кто лежал – вскочил, кто прятался в кустах – выскочил. А Рустам между тем спрашивает:

– Не скажете ли, чью девушку похитил этот злодей? Видел я на скале у горной дороги

изображение дэва, в когтях которого была девушка.

Показали юноши на Шарифа (так звали влюбленного юношу) и обо всем поведали богатырю Рустаму.

Погнал Рустам своего Рахшара к крепости убитого им дэва, сломал одним ударом огромный замок на воротах и въехал в крепость. Подъехал к дверям темницы, зажег факел и спустился глубоко вниз. Как увидели заточенные красавицы человека, испугались, крик подняли. А Рустам и говорит им:

– Не бойтесь, дэв убит, а вы спасены!

В это время в темницу прибежал и сам Шариф, а с ним и его друзья.

– Периджан, здесь ли ты, отзовись! – крикнул Шариф своей возлюбленной, спускаясь по ступенькам.

– Здесь я, Шариф, здесь! – отозвалась его возлюбленная. – Я закована цепями.

Бросился Шариф к своей Периджан и разорвал цепи. А юноши -друзья Шарифа – освободили от цепей всех остальных девушек. Что здесь было! Все обнимали друг друга, плакали от радости.

Вскоре они выбрались из темницы. Как увидели юноши красавиц при свете дня, тут же влюбились в них и пожелали жениться. Да и красавицы полюбили своих спасителей – славных богатырей. Вдруг кто-то из юношей запел песню:

Если душа от горя болит, и черный червь сосет тебя,
Нужно тогда в душе своей раздавить черного червя
И, вскочив, как джигит, на коня, в бой с врагом вступить.
Только в бою, только в бою душу от горя излечишь ты!
Только в бою, только в бою сможешь ты счастье свое обрести!

А спустя некоторое время юноши обратились к Рустаму с такими словами:

– О, наш заступник Рустам, сын Зола! Оставайся с нами и будь нашим царем!

Приложил Рустам к груди руку в знак благодарности и ответил:

– Царем вашим я быть не могу. У меня есть свое царство. А если вам хочется, чтобы у вас был царь, то им будет уважаемый вами Шариф. Я же останусь с вами ровно столько дней и ночей, сколько дней и ночей будут бить барабаны в честь ваших свадеб.

Семь дней и семь ночей играли музыканты, которые пришли сюда из близлежащих селений. Все плясали и веселились, ели и пили. А на восьмой день Рустам, пожелав всем молодоженам счастья, вскочил на своего Рахшара, пришпорил его и помчался как ветер по холмам, по долам, по сыпучим пескам, меж колючих кустов, по густым камышам, по горным ущельям, по тайным тропам – в сторону своей крепости.

А юноши тем временем сели на коней, посадили позади себя своих невест и с песнями тронулись в свой город. Кто знает, сколько времени они были в пути, но как бы то ни было, они прибыли под родительский кров. Через несколько дней юноши уговорили своих родителей, друзей и знакомых ехать с ними в крепость, которая когда-то принадлежала летающему дэву.

Когда пришло время, стали они сажать вокруг крепости сады и виноградники, стали сеять хлеб и растить марену, и добрая молва о трудолюбии пришедших сюда людей разнеслась по свету.

О ком теперь рассказать вам, о чем поведать? Расскажу я вам о богатыре Золе.

Много времени прошло с тех пор, как богатырь Зол построил в горах сыну крепость и поселил его там. И вот в один из дней позвал он к себе старшего богатыря и говорит ему:

– Сделай одно доброе дело: садись на коня своего и скачи в крепость к Рустаму. Что-то никаких вестей от него нет.

Сел старший богатырь на коня и мигом доскакал до крепости, где жил Рустам. Подъехал он к воротам, а они заперты. Стучал-стучал богатырь, но все напрасно – никто не отвечает. Перелез он тогда через крепостные стены, обежал все комнаты – никого нет. Догадался он, что давно здесь не ступала нога хозяина, и забеспокоился. Вскочил на коня, прискакал к Золу и доложил обо всем как есть.

Помрачнел Зол, выслушав рассказ старшего богатыря, и повелел своим богатырям отправиться на поиски Рустама.

Сказано – сделано. Оделись богатыри в дорожные доспехи, вскочили на коней своих и разъехались по разным местам. А Зол насыпал посреди комнаты золы и сел на нее в печали.

Поведаю снова о Рустаме. Кто знает, сколько времени уже находился Рустам в пути! Но в один из дней доехал он до пустыни и видит: сражаются два племени желтокожие и чернокожие. Желтокожие стреляют горящими стрелами в чернокожих, чернокожие – в желтокожих. И у тех и у других много убитых. А над трупами столько воронья летает, что солнечный свет до земли не доходит. Кружится воронье, кричит:

– Карр-карр! Бейте! Бейте! Убивайте! Убивайте!

Желтокожие думают, что вороны им кричат, а чернокожие думают, что – им. И снова начинают стрелять и убивать друг друга.

Увидел все это Рустам и закричал:

– Э-ге-гей! Что вы делаете?! Остановитесь!

А воронье кружит над трупами убитых и еще громче кричит:

– Карр-карр-р! Бейте! Бейте! Убивайте! Убивайте!

Сошел Рустам с коня и видит: лежит на земле лук и стрела. Подобрал он лук, вложил в него стрелу, натянул и пустил стрелу в кричащих ворон. Поразила стрела сразу сорок ворон, а остальные разлетелись по разным сторонам.

– Э-ге-гей! – снова крикнул Рустам в сторону обезумевших воинов. – Что вы делаете?! Остановитесь!

Прекратили воины стрелять друг в друга и ждут, что еще скажет им чужестранец. А Рустам тем временем вскочил на коня, выехал на середину поля и спрашивает:

– Из-за чего вы устроили такое кровопролитие?

А воины молчат, будто язык проглотили.

Но тут кто-то крикнул:

– А кто ты такой, чтобы к нам с вопросом обращаться?

– Я Рустам, сын Зола! – ответил Рустам.

Как услышали воины имя Зола, побросали стрелы и все разом упали на колени. Понял Рустам, что они своим коленопреклонением почитают доблестные подвиги его отца. Затем, обращаясь к ним, повелел, чтобы к нему подошли самые почтенные старцы из обоих племен.

На середину поля вышли несколько желтокожих стариков и несколько чернокожих. Предложил им Рустам сесть на траву, а затем и сам сел.

– Ну а теперь рассказывайте, из-за чего у вас идет война? – спросил он.

Первым начал свой рассказ старик из племени чернокожих. Вот о чем он поведал сыну Зола:

– Поле это раньше принадлежало нам, чернокожим. Но когда наши люди ушли на поиски девушки, которую унес летающий дэв, они, желтокожие, стали разводить на этом поле виноградники. Теперь же, когда мы, чернокожие, вернулись на свои места, желтокожие не отдают нам наши земли и воюют с нами. Вот уже сорок дней и ночей идет это сражение.

А вот о чем поведал сыну Зола бородатый старик из племени желтокожих:

– Когда чернокожие ушли из этих мест, их земли заполонило черное воронье. Мы пошли войной на проклятых птиц и отстояли эти земли. Затем мы стали разводить здесь виноградники. Откуда ни возьмись явились чернокожие, сожгли наши виноградники и стали воевать с нами. Мы же, желтокожие, порешили: лучше умереть, чем отдать им эти земли. Вот уже сорок дней и сорок ночей, как мы воюем.

Выслушал Рустам, сын Зола, эти рассказы и сказал:

– О, почтенные, я думаю, что теперь это поле никому из вас не принадлежит.

– Как так! – возмутились старцы.

А Рустам и говорит им:

– Поле это принадлежит и чернокожим, и желтокожим, которые погибли в глупом сражении. Вон их сколько! Долг ваш выкопать на этом месте огромную могилу и предать тела погибших земле.

– Верные слова говорит! – сказали почтенные старцы из племени желтокожих.

– Верные слова говорит! – согласились и почтенные старцы из племени чернокожих.

Вскоре павшие в бою воины были преданы земле, и на этом месте вырос огромный могильный курган.

– Вот он – конец вашей войны! – сказал Рустам, показывая на высокий могильный курган. – Пусть все, кто будет проезжать мимо этого кургана, знают, какие глупые люди есть еще на свете.

Затем сын Зола предложил желтокожим и чернокожим жить в стране убитого им дэва.

– Сейчас там царь Шариф восседает на троне, – сказал он. – Ему очень нужны и славные воины, и трудолюбивые виноградари.

Сказал так богатырь, сел на верного Рахшара и поскакал в сторону своей крепости.

Кто знает, сколько времени он скакал, но в одну из ночей достиг окраин своего царства. Смотрит: вдали, на стенах его крепости, огни горят. «Что бы это могло быть?» – забеспокоился Рустам и пришпорил коня. Подъехал Рустам к воротам, а навстречу ему выскочил кто-то и кричит:

– Кто ты? Отвечай!

– Я, Рустам сын Зола, хозяин крепости! А ты кто?

– Я богатырь твоего отца! – сказал человек и поведал Рустаму о том, как беспокоится и горюет Зол-богатырь.

– А почему факелы горят на стенах моей крепости? – спросил Рустам.

– Чтобы ты мог увидеть свет и прискакать сюда поскорее! – ответил богатырь.

Вскоре Рустам прибыл во дворец отца. Как увидел Зол-богатырь сына, поднялся с золы и вместо приветствия стал ругать его за то, что столько времени ничего о себе не давал знать. Рассказал ему Рустам о своих ратных подвигах и попросил отца простить его за причиненные горести. Тогда отец нежно прижал Рустама к груди и сказал:

– Рад видеть тебя, сын мой! Рад твоим добрым делам!

На следующий день Зол приказал устроить пир в честь благополучного возвращения сына. Сорок дней и сорок ночей длился этот пир, и все эти дни приходили и уходили гости.

На сорок первый день Зол позвал к себе сына и говорит:

– Сын мой, пора бы тебе жениться!

А Рустам в ответ сказал такие слова:

Если вокруг мир неспокоен, люди в тревоге живут,
Нужно, как дерево, мир встряхнуть, чтобы гнилье стряхнуть.
Нужно джигиту вскочить на коня и в бой с врагом вступить.
Только в схватке со злом мир от тревоги излечишь ты.
Только в бою, только в бою можешь ты счастье свое обрести!

Прижал Зол сына к груди и говорит:

– Да, сын мой, ты прав: только в бою можно обрести свое настоящее счастье! Бог тебе в помощь! Поступай, как тебе совесть подсказывает!

После этого, говорят, Рустам еще несколько дней погостил у родителей, а затем снова отправился в путь.

Везир и три мудрых совета Бахлюля

Однажды везир одного падишаха гулял по городу. Гулял он, гулял и вышел к берегу моря. Видит: на берегу сидит сам Бахлюль. Сложил он из песка три кучки и что-то шепчет себе нос. «Что бы это значило?» – подумал везир.

Подошел он к Бахлюлю, обменялся приветствиями и спрашивает:

– Что ты здесь делаешь?

– Песок в кучки собираю, – отвечает Бахлюль.

– Почему же ты предаешься такому бесплодному занятию?! – удивился везир.

– В каждой из этих кучек заключено по одному изречению, – ответил Бахлюль. – Если хочешь их узнать, заплати сколько не жалко и я скажу тебе.

Везир и раньше знал о мудрости Бахлюля и знал, что за его советы люди платят не скупясь. Решил везир узнать, что же посоветует ему Бахлюль, и дал ему десять золотых. Бахлюль взял вознаграждение, затем разметал одну кучку песка и сказал:

– Никогда не доверяй своей тайны женщине.

Везиру понравилось это изречение. И решил он услышать, какой еще совет припас для него Бахлюль. Дал везир ему еще десять золотых и попросил сказать второе изречение.

Бахлюль взял и эти деньги, разметал вторую кучку песка и сказал:

– Никогда не надейся на богатство! Знай, богатство приходит и уходит, ремесло же всегда при человеке.

По душе пришлось везиру и это изречение.

– Возьми еще десять золотых и дай мне еще один совет, – попросил он. И Бахлюль продолжил:

– Никогда не доверяй благосклонности шаха!

Сказав так, Бахлюль собрал деньги, которые дал ему везир, и бросил их в море.

– Бахлюль, зачем ты выбросил деньги? – спросил везир.

– Я мог бы и не давать тебе советов, но скажу, чтобы ты понял: не ради денег давал я эти советы, а затем, чтоб вразумить тебя.

Много дней прошло с тех пор. И вот однажды везир решил проверить на деле первый совет Бахлюля.

У падишаха был любимый джейран, и везир решил украсть его. Сказано – сделано. Привел он джейрана в свой двор и спрятал в конюшне. Затем везир тайком от жены купил козленка и тоже спрятал в конюшне. Сделав все это, он сказал жене:

– Я увел у падишаха его любимого джейрана. Только ты никому не говори об этом.

– Хорошо, – согласилась жена, – зарежем и съедем.

Тогда везир зарезал козленка, ноги и голову выбросил в реку, а тушу принес и отдал жене.

– Вот, я зарезал джейрана, – сказал он. – Приготовь из его мяса шашлык.

В этот день они лакомились шашлыком, веселились, запивая мясо вином. И так несколько дней подряд жена жарила мясо, угощала мужа и ела сама. В то время слуги падишаха, по его приказу, искали везде пропавшего джейрана.

И вот в один из дней неизвестно из-за чего везир поссорился со своей женой. И жена, рассердившись, крикнула везиру:

– Это ты украл у падишаха джейрана и зарезал его... Вор!

Как раз в это время мимо двора везира проходили нукеры падишаха. Услышали они крики жены везира и сразу побежали к падишаху.

– Твоего джейрана похитил и зарезал твой везир! – доложили они падишаху.

Загорелись недобрым огнем глаза падишаха, и он приказал немедленно привести к нему везира.

Привели везира, и падишах в гневе вскричал:

– Отрубить вору голову!

Упал везир перед своим правителем на колени и говорит:

– О, почтенный падишах! Возьми у меня все богатство и красавицу жену в придачу, только не лишай меня жизни. Ведь я столько лет служил тебе верой и правдой!

– Нет, не бывать этому! – сказал падишах.

И тут-то везир поведал падишаху всю правду. Рассказал он, как встретил однажды на берегу мудреца Бахлюля и получил от него три совета.

– Вот и решил я проверить, прав ли был Бахлюль, – закончил рассказ везир. – А джейран, мой падишах, живой и невредимый, стоит в моей конюшне.

Слуги привели джейрана, и падишах смягчился и помиловал везира.

Много времени прошло с того злопамятного случая с джейраном. В один из дней везир выгнал свою жену-предательницу, а сам же, выпросив у падишаха два месяца отдыха, отправился в город, где жили его мать и отец. Поведал сын родителям о случившемся, и вскоре женили его на соседской красавице. Свадьба была веселая и шумная.

...О ком теперь поведать вам, о ком рассказать. Расскажу о разбойниках.

В одну из темных ночей к безлюдному дому везира пришли несколько чужестранцев и стали стучаться в окна и двери. И нужно сказать, что эти чужестранцы были не просто чужестранцы, а разбойники. Стучали они, стучали, но на стук никто не отвечал, никто не отзывался.

– Да быть срезанной моей бороде, в доме никого нет! – сказал один из разбойников.

– По всему видно, это дом везира падишаха, – сказал другой разбойник и предложил не торопиться, прийти сюда завтра ночью и выяснить, есть ли кто в доме, или нет.

Пришли они на следующую ночь, стучали-стучали – опять ни ответа, ни отклика.

Убедившись, что в доме никого нет, пришли они на третью ночь, взломали двери, а все, что было в доме везира ценного, забрали и ушли бесследно, никем не замеченные.

Спустя несколько дней вернулся везир с молодой женой к себе, вошел в дом и видит: там ничего нет, его обворовали. Опечалился он, пришел к своему падишаху и поведал ему о постигшей беде.

Расчувствовался падишах и дал ему из казны тысячу золотых. И стал везир снова

богатым и всеми почитаемым человеком.

Шли дни за днями. Молодая жена везира родила ему сына. Радость его была беспредельна. Как говорят в народе: рождение сына сильнее всех бед и потерь. Забыл везир и о том, как был обворован его дом, и стал потешаться сыном. Но недолго длилась эта радость. В один из дней – и надо же такому быть – в дом везира, по какому-то делу пришли нукеры падишаха. Вошли они и увидели девушку неопишуемой красоты. Прибежали они к падишаху и стали расхваливать новую жену везира. Так они расхваливали и расписывали ее красоту, что падишах не удержался от соблазна увидеть красавицу.

В тот же вечер приказал он всем своим приближенным и слугам прийти во дворец со своими женами на пиршество, устроенное в честь прекрасного сна, который ему приснился вчера ночью.

– Кто не соизволит прийти, того я разжалую и выдворю вон, – пригрозил он во всеуслышание.

Ничего не оставалось делать приближенным и слугам падишаха: пришли они в назначенное время со своими женами на пиршество. Явился и везир со своей молодой женой-красавицей. Как увидел падишах жену везира, тут же прикусил палец, дабы усмирить свой пыл. И решил он завладеть очаровательной красавицей. Уединился он со своими нукерами и стали они вместе думать, как падишаху утолить пыл своей души. Долго они советовались и задумали черное дело. Наутро падишах вызвал к себе везира и приказал:

– Собирайся в дорогу!.. Поезжай в далекую страну царя гор, отыщи там труп погребенного моего гонца Шан-Хоана, откопай его и привези! Привезешь – вознагражу, нет – лучше не появляйся на глаза, голову велю отрубить.

Вернулся везир домой, и поведал он обо всем своей молодой жене.

– Я знаю, что задумал падишах, – сказала жена, – он, посылая тебя за невозможным, посягает на меня. Хочет сделать меня своей наложницей.

– Что же нам делать, любовь моя?! – почти в слезах спросил везир.

И тут жена ответила:

– Давай уедем из этой страны.

– Но куда?

– Куда придется! – спокойно ответила жена и тут же посоветовала мужу попросить у падишаха недели две на сборы. За это время, – продолжала она, – поспеши продать все, что можно продать. И только тогда мы украдкой можем сбежать.

Но не тут-то было. Подслушали нукеры падишаха разговор мужа и жены и сразу доложили своему повелителю. Разгневался падишах, затрясся от злости и приказал немедленно выдворить своего везира с женой и младенцем из дома с пустыми руками, а богатства везира поделить между нукерами-доносчиками в награду за верную службу.

Сказано – сделано. Постарались нукеры исполнить приказ своего повелителя.

Через несколько дней бывший везир ходил по шумному базару другого падишахства и вспоминал сказанные ему некогда мудрые советы Бахлюля.

– Баллах! Прав был мудрец Бахлюль! – говорил себе везир, упорно раздумывая над тем, как ему жить дальше. Вспомнились мудрые слова, которые Бахлюль извлек из второй кучки песка, «Никогда не надейся на богатство. Знай, богатство приходит и уходит, ремесло же всегда при человеке».

– О, Худо! – в надежде воскликнул бывший везир. – Какие верные слова!.. Нужно срочно выучиться какому-нибудь ремеслу.

Вскоре бывший везир выучился ремеслу чеканщика по металлу, и дела его стали постепенно поправляться.

Вот так везир испытал на себе все три совета мудреца Бахлюля, и более того – сам стал мудрее в жизненных обстоятельствах.

ВО ГАЛАМ, ВО САЛАМ.

СЛАВА ИМ, СКАЗКА НАМ!

Обиженного людьми судьба да вознаграждает

В некотором царстве, в некотором падишахстве жил-был шестидесятилетний правитель, и звали его Шоофорадин. Пышные хоромы, бескрайние сады, большая казна и три жены были у этого правителя. Старшая из жен была дочерью хана, средняя – дочерью бея, младшая – дочерью бедного пастуха. И ни одна из жен не могла родить ему ни одного ребенка, и правитель был очень несчастлив.

Однажды Шоофорадин сидел у окна, что выходило на дорогу. В это время по дороге проходил странствующий данандей. Увидел он в окне печальное лицо правителя и стал петь песню:

Я – странник, и много я царств исходил,
Я видел царей, в их глазах только солнце.
В твоих – колодец пустой, а в груди
Тяжелые тучи, закрывшие сердце...

Услышал Шоофорадин песню данандея и еще больше помрачнел. Разгневался на данандея, который своими песнями теребит и без того зудящую рану сердца, и велел слугам схватить и привести его во дворец.

– Ты же видел, что я грущу, зачем на мою рану еще соль сыплешь своими глупыми песнями? – зло спросил Шоофорадин.

Данандей ответил:

– Увидел я в окне твое грустное лицо и решил узнать в чем твоя печаль. Так бы меня к тебе не пустили. А пропел я эту песню – ты и позвал меня... О чем ты грустишь, почтеннейший Шоофорадин? О, не говори, я знаю сам: у тебя нет детей... Вот затем я и пришел сюда. Дам я тебе одно яблоко, и у тебя будут два сына. Когда им исполнится по восемнадцать лет, одного из них ты отдашь мне.

Согласился Шоофорадин, они заключили договор и заверили печатью. Одну бумажку данандей забрал себе, а другую оставил Шоофорадину. После чего данандей достал из кармана яблоко и передал бездетному правителю.

– Разделишь это яблоко на две части; одну половину съешь пополам с одной женой, другую половину – с другой. У тебя будут два сына. Одного из них ты отдашь мне. – Сказал так данандей, взял за это несколько золотых и с тем ушел.

Остался правитель наедине со своим горем и задумался: есть ли правда в этой затее? У него было два советника: везира правой руки звали Ахмед, а везира левой руки – Самед. Ахмед был очень злым и кровожадным, а Самед был добрым и честно исполнял свои обязанности. Решил бездетный правитель посоветоваться с ними. Позвал он советников и рассказал о случившемся.

Ахмед сказал:

– Почтенный Шоофорадин, данандеи обманывают людей и тем живут. Вот и вас этот колдун решил обмануть.

Нужно сказать, что Ахмед хотел, чтобы у падишаха не было детей и на престол встал его – везира – сын.

А Самед сказал иначе:

– Я верю данандею. Если вы, почтеннейший, сделаете все так, как велел данандей, у вас будут дети.

Послушался бездетный Шоофорадин Самеда и вечером пошел в покои старшей жены – дочери хана. Здесь он разрезал яблоко на две половинки; одну часть спрятал, а с другой снял кожуру и съел со старшей женой поровну, – и они достигли желаемого. Во второй вечер взял Шоофорадин оставшуюся половину яблока, отправился к средней жене – дочери бея – и тоже достиг желаемого. На третью ночь пришел правитель к третьей жене – дочери пастуха, рассказал про данандея, про яблоко и, довольный своим успехом, насмешливо сказал:

– Дочь пастуха, тебе-то яблоко я не принес, все с другими женами съел.

– Не беда, если я не отведаю вашего волшебного яблока, – ответила дочь пастуха, – я все равно достигну желаемого. В этот вечер они все же доверились друг другу.

Не знал Шоофорадин, что еще раньше, когда он чистил яблоко, дочь пастуха находилась в соседней комнате. Почувствовала она запах яблока, потихоньку вошла в покои, где находились правитель со своей старшей женой, и съела всю кожуру, которую правитель

выбросил.

Незаметно прошло девять месяцев, а жены правителя так и не рожали обещанных данандеем сыновей. Теревит бороду Шоофорадин, места себе не находит, на жен гневается. Но прошло еще девять дней, девять часов, девять минут и все три жены родили ему по сыну.

Ликованию Шоофорадина не было предела. Отметил он это радостное событие богатым пиршеством, пригласил мудрецов, чтобы дали младенцам имена. Сына его старшей жены – дочери хана – назвали Мелик-Мамед; сына его средней жены – дочери бея – Мелик-Ахмед; а сына его младшей жены – дочери пастуха – назвали Мелик-Джумшид. К каждому ребенку приставили по семь нянек, и Шоофорадин приказал всем нянькам ни под каким предлогом не выпускать детей во двор: кабы чего не случилось. Велел кормить их самыми вкусными обедами, чтобы скорее росли и были здоровыми. А когда сыновьям исполнилось по семь лет, пригласили во дворец данусмендов и стали детей учить древним мудростям.

Шли дни, сменяя друг друга. Шли месяцы, сменяя друг друга. И вот исполнилось мальчикам по семнадцать лет. За эти годы они ни разу не видели солнца: все время их держали дома, обучали грамоте и хорошим манерам. Но однажды им принесли мясной обед, а в обеде оказалась кость. Съели дети все, а костью стали кидаться. Вдруг Мелик-Джумшид бросил кость и нечаянно угодил в окно. Окно разбилось, и в комнату ворвался солнечный свет. Обрадовались ребята солнцу и стали ловить его лучи. Бегают по комнате, прыгают, а поймать никак не могут. В это время зашли няньки, и ребята стали проситься во двор поиграть.

– Мы во двор хотим! Мы уже взрослые! – пристали они.

Пошли няньки к отцу и доложили о случившемся.

Разгневался Шоофорадин на придворных поваров за то, что в обеде оказалась кость, и тут же решил выгнать их, а детям разрешил играть во дворе, на свежем воздухе.

Прошел еще год. И в тот день, когда ребятам исполнилось по восемнадцать лет, ко дворцу отца детей подошел тот самый данандей. Постучался он в ворота и сказал везирам, что хочет видеть падишаха. Везиры доложили своему правителю. Дал падишах свое разрешение, данандей прошел, и поклонившись, пожелал ему многих лет. Усадил падишах гостя и стал расспрашивать: «Откуда идешь, куда направляешься, какие новости в мире?»

А данандей отвечает ему:

– Новостей особых нет. А пришел я затем, чтобы забрать у тебя одного из сыновей и усыновить.

Разгневался Шоофорадин на данандея и говорит:

– Бери все, что пожелаешь, а сына не дам.

Данандей в ответ:

– Мне ничего не нужно. Отдай мне одного мальчика согласно нашей договоренности. –

И достал из-за пазухи договор с подписью и печатью падишаха.

Ничего не оставалось делать Шоофорадину. Пришел он к своей старшей жене – дочери хана – и говорит:

– Восемнадцать лет тому назад я заключил с этим колдуном договор о том, что одного из наших сыновей мы отдадим ему.

– Не отдам я сына своего, хоть убей меня, – закричала старшая жена и выгнала их обоих.

Пришел падишах к средней жене – дочери бея – и говорит:

– Восемнадцать лет тому назад этот колдун дал мне яблоко, и тогда у нас родились сыновья. За это я обещал ему отдать навсегда одного из сыновей. Отдай ему своего сына.

– У меня он единственный, ни за что его не отдам! – закричала дочь бея.

Пришел тогда Шоофорадин к младшей жене – дочери бедного пастуха – и говорит:

– Восемнадцать лет назад заключил я с этим колдуном договор о том, что он возьмет у меня одного из моих сыновей. Он нам дал яблоко, и у нас родились мальчики... Ходил я к старшей жене, – она выгнала и не отдала своего сына. Ходил я к средней жене, – и она тоже выгнала ... Отдай хоть ты своего сына данандею.

Ничего не оставалось делать дочери бедного пастуха. Отдала она своего Мелик-Джумшида и попросила, чтобы смотрели за ним, как за родным.

Пришел сын к матери прощаться. Благословила мать дитя своего, наказала беречь себя и помнить о том, что есть у него мать, да отпустила с Богом. Затем Мелик-Джумшид пришел к своему старшему брату -сыну дочери хана – и говорит:

– Брат мой, я ухожу, ты остаешься. Вот что я скажу тебе на прощание, может быть, тебе удастся помочь мне. – Мелик-Джумшид снимает с ремня свой кинжал и отдает брату. – Повесь этот кинжал на стену. Если с конца кинжала будет капать кровь, а на той чинаре, что растет в отцовском дворе, желтеть и осыпаться листья – знай, я в опасности. Спешу мне на помощь. Если же вдруг с кинжала кровь будет не капать, а течь, а на чинаре осыплются все листья до одного: я умер и уже не ходи за мной.

Попрощались братья и на том разошлись.

Взял данандей Мелик-Джумшида, и они предались дороге. Через семь гор перешли, по ущельям брели, шли семь месяцев и семь недель, много ли, мало ли шли, – оглянулись назад, – а всего-то пути прошли с полторы иголки, а впереди еще путь, равный кишкам шагаду. Опять пошли. Долго-долго шли и дошли до одного леса, через который протекала река, а река бурная, все что попадется ей – все уносит. Остановился данандей на этой стороне реки и говорит Мелик-Джумшиду:

– Переходи на ту сторону, а потом и я перейду.

Засучил юноша шаровары и вошел в воду. Дошел до середины и видит: перед ним огромный череп. Вместо глаз у него бездонные, как два колодца, глазницы зияют; вместо носа – глубокая, как ущелье, яма, вместо зубов – хребты гор во рту... Словом, что и говорить: если даже во сне такое приснится, и то сердце выскочит от страха.

Но не испугался Мелик-Джумшид черепа. Стал он брызгать в него водой, а сам идет дальше. Но вдруг череп заговорил человеческим голосом:

– Мелик-Джумшид, если ты спишь – проснись, если бодрствуешь – слушай... Я был таким же юношей, как и ты, но и меня этот данандей-колдун привел к себе, сварил в котле и съел, а кости бросил в реку. Остался от меня только череп. Я прошу тебя, отомсти ему за меня.

Стал Мелик-Джумшид слушать, – весь превратился в слух, всем телом слушает о чем говорит ему череп. А череп продолжал:

– Приведет тебя злой колдун к себе в дом и скажет: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и подмел мою комнату». А ты отвечай: «Дорогой отец, я сын такого богатого падишаха, что не научился подметать, – ты подмети, а я посмотрю и сам научусь». Потом он скажет тебе: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и принес мне воды». А ты отвечай: «Я сын такого богатого падишаха, что никогда не носил воду. Сначала ты принеси, а я посмотрю, научусь, и потом сам буду носить». Потом он скажет тебе: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и наколот дров». А ты, не будь дураком, и отвечай ему: «Я сын такого богатого падишаха, никогда не колол дрова, сначала ты наколи, а я посмотрю, научусь, и буду колоть». Потом он тебе скажет: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел, разжег огонь и поставил котел на очаг». А ты, не будь дураком, и скажи ему: «Я сын такого богатого падишаха, где мне было видеть, как разжигают огонь и ставят котел. Сначала ты сам это сделай, а я посмотрю, научусь, и сам буду так делать». Он сделает все это и скажет тебе: «Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и посмотрел в котел». А тут ты и скажи ему: «Я сын такого богатого падишаха, откуда я могу знать, как в котел смотрят? Сначала посмотри сам, я научусь, и также буду делать». Когда колдун наклонится, ты возьми да и опрокинь его в кипящий котел. Он будет тебя умолять, чтобы отпустил, будет обещать тебе все, что хочешь. Но ты не слушай. Если послушаешься и отпустишь, то он убьет тебя и выбросит в эту реку. Ты станешь таким же большим заколдованным черепом... А сделаешь все так, как я посоветовал, спасибо мне скажешь... Ну, теперь ступай.

Сказал все это череп и исчез под водой.

Перешел Мелик-Джумшид речку и стал данандея на том берегу дожидаться. Перешел данандей реку, и они тронулись опять в путь. Тысячу шагов прошли, семь рек перешли, по горам брели – много шли, оглянулись назад, а всего-то пути прошли с полторы иголки, а впереди путь, равный кишкам шагаду. Но не остановились – пошли дальше.

Пока они идут, мы вам расскажем о падишахстве Шоофорадина – отца Мелик-Джумшида.

Разгневался как-то отец Мелик-Джумшида на младшую жену, дочь бедного пастуха, и

приказал бросить ее в застенок. Сидит она в сыром застенке, ни дня не знает, ни ночи; вся от горя слезами изошла, поседела.

...А между тем сын ее Мелик-Джумшид и данандей прошли еще путь, равный тысячи шагам, прошли еще семь гор, семь рек, семь раз спускались в ущелье и семь раз поднимались, – оглянулись назад, а всего-то прошли путь величиной с кинжал и еще вдобавок путь, равный кишкам шагаду. Наконец, дошли они до леса, а в этом лесу стоит огромный, в сорок комнат, дворец данандея.

Вошли они во дворец, и данандей стал показывать юноше свои владения. В тридцати семи комнатах побывал Мелик-Джумшид, и во всех комнатах доверху лежат драгоценности мира.

– Теперь ты хозяин всех этих комнат, и все, что в них есть, отныне твое, – сказал данандей. Но оставшиеся три комнаты он не показал и ничего о них не рассказал. А хранились в них одежды трех пахлеванов, снаряжение для трех горячих коней, а в третьей комнате – сами кони.

Когда наступил вечер, данандей и Мелик-Джумшид легли спать. Спали они или не спали, видели сны или не видели, но с восходом солнца проснулся данандей и говорит:

– Сын мой, вставай, подмети комнату. Вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и подмел мою комнату.

Мелик-Джумшид встает, одевается и отвечает:

– Дорогой отец, я сын очень богатого падишаха, и не научился подметать – ты подмети, а я посмотрю и сам научусь.

Взял данандей в руки веник из верблюжьего хвоста и начал подметать. Он подметает, а юноша молчит и смотрит. Закончил данандей подметать и говорит:

– Дорогой сын, я вот уже восемнадцать лет, как жду, чтобы ты принес мне воды.

А Мелик-Джумшид отвечает ему:

– Дорогой отец, я сын очень богатого падишаха, никогда не носил воду, – ты принеси, а я посмотрю, научусь и сам принесу.

Ничего не оставалось делать данандею: взял он два ведра, а ведра не такие, как наши, – каждое с колодец, сходил к речке, принес воды и говорит:

– Дорогой сын, вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и наколот мне дров.

А Мелик-Джумшид отвечает:

– Дорогой отец, я сын очень богатого падишаха, никогда не колол дрова, сначала ты поколи, а я посмотрю, научусь и буду сам колоть.

Взял данандей огромный, как ствол дуба, топор и стал колоть. Гору наколол, а затем говорит:

– Дорогой сын, вот уже восемнадцать лет, как я жду, чтобы ты пришел и разжег огонь, поставил котел на очаг.

А Мелик-Джумшид опять свое:

– Дорогой отец, я сын такого богатого падишаха, где мне было видеть, как разжигать огонь и ставить котел на очаг. Сначала ты сам это сделай, а я посмотрю, научусь и сам буду делать.

Ничего не оставалось делать хитрому данандею, положил он в очаг дрова, ударил кулаком о кулак и высек огонь. Затем поставил на очаг огромный-преогромный котел, налил в него воды и говорит:

– Дорогой сын, вот уже восемнадцать лет жду, чтобы ты пришел и посмотрел в котел: кипит вода или нет?

А Мелик-Джумшид ему и отвечает:

– Дорогой отец, я сын такого богатого падишаха, откуда я могу знать, кипит вода или нет? Сначала посмотри сам, я научусь и так же буду делать.

Разозлился данандей необученности Мелик-Джумшида, открыл крышку и стал смотреть. А Мелик-Джумшид только того и ждал. Подскочил он к хитрому данандею да и опрокинул его в кипящий котел. Свалился колдун в котел и тут же сварился.

Остался Мелик-Джумшид один в этом далеком и никому не известном дворце.

«Куда идти? Как идти? Что делать?» – думает Мелик-Джумшид.

Стал он по комнатам ходить, драгоценности рассматривать. Тридцать семь комнат прошел – ничего не стал брать. Но когда дошел до тридцать восьмой комнаты, постоял у запертой огромным замком двери и подумал, что же может быть в этой комнате? Взломал он замок, вошел и видит: висят на стене три пахлеванских наряда. Не стал он их трогать. Взломал замок тридцать девятой комнаты, вошел и видит: здесь три добротных седла лежат на полу. Взломал юноша замок на дверях сороковой комнаты, а там три горячих скакуна стоят и овес едят. Одному скакуну два года, другому – три, а третьему – четыре.

Призадумался юноша, какого же скакуна брать?

Пока он думал, третий конь, которому четыре года, вдруг сказал человеческим голосом:

– Мелик-Джумшид, садись на меня. Я всегда смогу помочь тебе.

Взял тогда юноша из тридцать девятой комнаты одно седло, оседлал скакуна, из

тридцать восьмой комнаты взял один пахлеванский наряд, надел на себя и, вскочив на скакуна, доверился дороге. А дорога пролежала через густой, дремучий лес. Направил он скакуна направо. Едет, с трудом пробиваясь сквозь кустарники. Долго ли он ехал или недолго, только лес все не кончался, и Мелик-Джумшид заблудился. Вдруг слышит Мелик-Джумшид страшный рев где-то вблизи. До того страшный, что сердце замирает. Другой бы испугался, но нет, не таков Мелик-Джумшид! Он смело направил скакуна туда, откуда доносился рев. Подъехал к опушке и видит: бегают на трех ногах огромный лев и ревет во все горло. Так ревет, что деревья валятся.

– Эй, друг, что с тобой? Почему так сильно реवेशь? – спросил Мелик-Джумшид льва.

– Что, слепой, что ли? – отвечает лев. – Не видишь, заноза в лапе сидит, вот и реву от боли.

– Слушай, друг, давай я тебе помогу, вытащу из лапы занозу, – сказал Мелик-Джумшид, а сам залез в яму, чтобы лев не бросился на него да не растерзал в гневе, и говорит: – Дай мне свою лапу!

Обрадовался лев, сунул в яму опухшую лапу и говорит:

– Вытаскивай!

Достал Мелик-Джумшид свой нож, вскрыл рану и стал вытаскивать занозу. А лев кричит, гневается:

– Вай-ай! Кто там меня мучает? Попался бы ты мне в лапы, я бы тебя разорвал на куски...

Как бы то ни было, вытащил Мелик-Джумшид занозу и отпустил льва. Успокоился лев, свалился на бок и заснул. Когда лев проснулся, а проснулся он на третий день, то увидел около себя нож которым вытаскивали из его лапы занозу. Лев встал, ступил на лапу – не болит. И стал кричать он, да так громко, что за семь гор слышно:

– Эй, кто меня так успокоил? Клянусь волосами плешивого, излечившему меня чудотворцу дам все, что ни попросит! Только пусть покажется!

Собрались на крик льва звери: здесь и шакалы, здесь и зайцы, и волки, и лисицы, и даже туры... Словом, все звери, какие обитали в этом лесу.

– Ну! Кто из вас успокоил меня? – спрашивает лев.

– Я излечил, – отвечает заяц.

– Как? – спрашивает лев.

– Я поставил пиявку к ране, а пиявка вытащила занозу, – соврал заяц.

– Это ложь, – рычит лев.

Тут выступил шакал вперед и говорит:

– Я вытащил занозу, почтенный лев.

– Как? – спрашивает лев.

– Я разжег костер, подержал в огне твою лапу, и заноза сторела.

– Это ложь, – вскричал лев.

Но тут, услышав крики льва, явился Мелик-Джумшид и говорит:

– Это я вытащил, почтенный лев.

– Как? – спрашивает лев.

– Ножом, – отвечает Мелик-Джумшид.

– Этим? – лев показывает нож.

– Да, этим, – отвечает Мелик-Джумшид.

Тогда лев говорит:

– Требуй все, что хочешь! Я всегда готов тебе служить.

– Мне ничего не надо, – говорит Мелик-Джумшид, – только помоги выбраться из этого леса.

Позвал лев к себе своих львят и одного из них отдал Мелик-Джумшиду.

– Если ты не будешь хорошо служить этому доброму юноше, я отрекусь от тебя, – сказал лев львенку.

– Клянусь делать все, что скажет хозяин, – ответил львенок.

Доверился Мелик-Джумшид львенку, сел на скакуна, и они тронулись с места. Много ли, мало ли пути прошли Мелик-Джумшид и львенок, все же выбрались они из леса. Когда они прошли три горы, встретили чабана. Чабан испугался их и бросился бежать, оставив свою отару.

А Мелик-Джумшид ему вслед кричит:

– Эй, чабан, не убегай, не бойся, мы ничего дурного не сделаем тебе.

Остановился чабан, и они разговорились, доверились друг другу, а вскоре и подружились. Зарезал по такому случаю чабан самого жирного барашка и приготовил вкусный шашлык. Ух, какой вкусный! За семь лесов доносился его запах! Поели они вкусно, накормили львенка. Взял Мелик-Джумшид у чабана кишку от барашка, пригодится, мол, и

снова тронулся в путь.

Много ли, мало ли шли они, а всего-то прошли с полторы иголки, а впереди еще путь, равный кишкам шагаду. Наконец дошли они до огненной дороги, – дорога горит, как сухое дерево в печи. Так горит, что за семь морей видно пламя. Остановил Мелик-Джумшид скакуна и думает: как же быть? И тут львенок говорит Мелик-Джумшиду:

– Я пойду первым, если сгорю – вы не ходите за мной, а если не сгорю – тогда и вы можете проходить через огонь.

– Нет, мы вместе должны проходить. Если сгорим, так все вместе, -говорит Мелик-Джумшид.

Сказано – сделано. Стали все вместе переходить через огонь. В одном месте обойдут пламя, в другом перепрыгнут через него, в третьем наступят на пламя и дальше пойдут. Словом, как бы то ни было, прошли они сквозь огонь и остановились передохнуть.

Когда они расположились на отдых, Мелик-Джумшид стал осматривать своего скакуна: не обгорел ли? Все нормально – ни одного ожога! Затем осмотрел львенка: все нормально – ни одного ожога! Потом посмотрел на свои руки и видит, что на левой руке половина мизинца превратилась в золото. Провел он рукой по голове – волосы стали золотыми. Удивился Мелик-Джумшид такому чуду.

Вскоре они вновь тронулись в путь. Много ли, мало ли они шли, но прошли еще одну гору и одну речку. Когда они подходили к реке, им повстречался нищий. Остановил Мелик-Джумшид нищего и предложил обменяться с ним одеждой! Но нищий не поверил словам Мелик-Джумшида. Тогда Мелик-Джумшид снял с себя пахлеванскую одежду и отдал нищему. Сам же оделся в платье нищего, а на голову натянул баранью кишку. Сел на скакуна и поехал дальше.

Тысячи шагов прошли, семь гор перешли, по ущельям брели, семь недель и семь часов шли, много ли, мало ли шли, оглянулись назад, а всего-то пути прошли они с полторы иголки и еще путь, равный кишкам шагаду. Осмотрелись вокруг и видят: впереди виднеется один город.

– Всем идти в город нельзя – испугаются, – сказал Мелик-Джумшид львенку и коню своему. – Или убьют нас, или от страха убежать будут. Лучше я пойду, один. А вы идите в лес и ждите меня там.

А конь говорит юноше:

– Мелик-Джумшид, возьми мой волос, как только я тебе буду нужен, сожги его, и я тут же явлюсь.

Взял он волосок, отпустил скакуна и львенка в лес, а сам пошел в город. Вошел в город, смотрит – сад, а вокруг него каменная стена с башнями и войти в сад невозможно никак. Стал юноша обходить сад и видит – в стене дыра. Пролез он через дыру и стал есть вкусные плоды. А когда наелся, прилег в тени большой яблони, да и уснул.

О ком рассказать вам, о ком поведать? Расскажем о садовнике Рахаиме, о Гургур-падишахе, хозяине этого сада, и его дочерях.

Итак, детей у садовника Рахаима не было, и потому он целыми днями находился в саду, ухаживал за деревьями и цветниками, от того сад и выглядел очень красивым. В саду этом цветок с цветком перекликается, соловей – с соловьем. Каждое дерево своего цвета, и у каждого цветка свой аромат. И все это сделано руками садовника Рахаима. Случилось так, что шел по саду Рахаим и видит: в тени одной яблони лежит какой-то нищий, – голова плешивая, одежда рваная, а сам такой красивый, не ешь, не спи – с утра до вечера любуйся!

Жалко стало садовнику бедного юношу, разбудил он его и к себе домой пригласил. А когда накормил, расспрашивать стал: кто, откуда, куда идет и как прошел в сад?

Мелик-Джумшид ответил:

– Я нищий странник, а пришел сюда из другой далекой страны. Нет у меня ни отца, ни матери. А в сад я пролез через дыру. Хотелось очень есть и потому залез. А когда поел немного фруктов, решил прилечь отдохнуть, да и уснул.

Выслушал садовник юношу и говорит:

– У меня нет детей, оставайся у меня, я буду тебе отцом. Станем вместе в саду работать.

Мелик-Джумшид согласился. Каждое утро он теперь вместе с садовником ухаживал за садом. И так шли дни за днями. Но однажды в сад пришел нукер падишаха и сказал:

– Сегодня в сад пожелают падишахские дочери. Падишах приказал приготовить для них букеты.

Рахаим проводил нукера и, взяв с собой Мелик-Джумшида, пошел рвать цветы.

– Для кого будем букеты делать? – спрашивает Мелик-Джумшид названного отца.

– У падишаха три дочери. Они уже взрослые и время выдавать их замуж. Вот они-то и должны приехать сюда отдыхать, – ответил садовник.

– Дорогой отец, разреши мне тоже связать один букет, – стал просить садовника Мелик-Джумшид.

– Для самого себя разрешаю, а падишахским дочерям не смей, – сказал садовник. – Свяжешь не так, нас куска лепешки лишить могут.

Обрадовался Мелик-Джумшид и стал вязать букет. Где только ни есть красивый, благоухающий цветок – срывает его и собирает в роскошный букет. Собрал он букет, не букет, а загляденье! Затем вырвал со своей головы золотой волос и обвязал им и без того красивый букет. И пока садовник смотрел в другую сторону, он быстро положил на поднос свой букет.

Вскоре приехали дочери падишаха. Садовник мигом спрятал Мелик-Джумшида в

кусты, а сам пошел встречать гостей.

– Вот вам самые лучшие цветы, – сказал садовник и положил на скамейку поднос с букетами. Дочери падишаха вознаградили садовника за внимание несколькими черными пятаками и стали выбирать себе лучший букет.

Взяла старшая дочь один букет, понюхала и бросила в кусты: не по душе ей запах пришелся. Взяла букет средняя дочь, понюхала и тоже бросила в кусты. А младшая не торопилась с выбором. Она долго перебирала все букеты и, наконец, выбрала тот самый букет, который связал Мелик-Джумшид. Понюхала она букет и почувствовала, что никогда еще ей не приходилось испытывать такое удовольствие. Она стала любоваться своим букетом и вдруг увидела, что букет обвязан золотым волосом. Дочь падишаха поняла, что в саду есть какая-то тайна. Девушка была очень смышленная и решила разгадать эту тайну. Стала она ходить по саду и заглядывать на каждое дерево и за каждый куст. Подойдет к дереву, протянет руку, будто срывает плод, а сама смотрит – нет ли на дереве кого. Долго ходила она по саду и, наконец, подошла к тому самому кусту, за которым садовник спрятал Мелик-Джумшида, раздвинула кусты и видит: притаился за кустами плешивый юноша, но сам такой красивый, не ешь, не спи – с утра до вечера любуйся!

Мелик-Джумшид вышел из-за куста и видит: перед ним девушка небывалой красоты: черные, как два уголька, глаза удивленно и с любопытством смотрят на него, маленький, под стать индийскому фундуку, носик шмыгает. А янтарный ротик ее и нежные, словно сливки, губы так и просятся, чтобы их облизывали... Что и говорить! Если эта красавица скажет солнцу: не всходи ты, я взойду, – то солнце не взойдет; если она скажет луне: не всходи ты, я взойду, – луна не взойдет!

Увидел Мелик-Джумшид красавицу и оцепенел от удивления. Смотрит на нее, а сказать ничего не может, будто язык шакалы унесли.

– Меня зовут Гюльназ-ханум, – вдруг заговорила падишахская дочь. – А тебя как?

Мелик-Джумшид растерялся, но, совладав с собой, ответил:

– Меня – Мелик-Джумшид!

– Какое хорошее имя, – сказала Гюльназ-ханум и обнила Мелик-Джумшида. – Ты мой возлюбленный, ни за кого, кроме тебя, я замуж не выйду.

Мелик-Джумшид поцеловал красавицу, и они разошлись.

Всю ночь не мог заснуть Мелик-Джумшид. Перед глазами то и дело вставал образ прекрасной Гюльназ-ханум. Он хотел обо всем происшедшем рассказать садовнику, но никак не решался.

Неспокойна была в эту ночь и Гюльназ-ханум. Ей хотелось навсегда связать судьбу свою с очаровавшим ее Мелик-Джумшидом. Но как сказать отцу о том, что она, Гюльназ-ханум, хочет выйти замуж? Ведь еще не замужем старшие сестры, как быть ей, младшей?! Не положено по обычаям... Долго думала она над этими вопросами и, наконец, придумала. На следующий день послала она садовнику весть, чтобы он доставил ей три дыни: одну

перезрелую, другую – зрелую, третью – только что поспевшую.

Принес садовник три дыни: одна перезрелая, другая – зрелая, а третья – только что поспевшая. Взяла Гюльназ-ханум эти дыни и раздала сестрам. Старшей дала перезрелую дыню, средней – зрелую, а себе взяла только что поспевшую.

– Нужно отцу сделать угощение, – сказала Гюльназ-ханум.

Вонзили сестры в дыни по алмазному ножу и отправили свои угощения отцу.

Принял отец угощения дочерей и сел есть. Разрезал он большую, перезрелую дыню, попробовал на зуб, а она безвкусна и есть ее нельзя. Порезал он тогда среднюю, зрелую дыню, попробовал на зуб, так себе, можно есть, но вкуса нет! Разрезал падишах и третью, только что поспевшую дыню, попробовал на зуб – вкусная, очень вкусная! Ест он ее и оторваться не может.

Съел Гургур-падишах дыни и подумал: «Почему же у всех разный вкус?» Позвал он тогда советников, рассказал им о гостинцах дочерей и спрашивает:

– Что это значит?

А советники отвечают:

– Большую дыню прислала старшая дочь. Этим она хотела сказать, что давно пора ей выйти замуж и что она уже как эта дыня переспела и потеряла вкус... Средняя дочь своим угощением хотела сказать, что скоро и ее срок уйдет выходить замуж и что сейчас она похожа на посланную ею дыню: есть можно, а вкуса уже нет... А младшая дочь своим угощением говорит о том, что ее возраст как раз подходит для замужества: она – как посланная ею дыня – в соку, в расцвете, будешь есть и не оторвешься.

Выслушал падишах советников и тут же приказал золотых дел мастерам выковать три золотых яблока.

Вскоре три яблока лежали на падишахском столе. А через два-три дня Гургур-падишах объявил всему народу, что отдает дочерей своих замуж, и что желающий стать ему зятем, должен пройти под балконом, где живут его дочери. В кого бросят дочери золотые яблоки, те и станут их мужьями.

Много собралось женихов. Бросила старшая дочь свое яблоко и попала в сына везира. Бросила средняя дочь – попала в сына вельможи. А Гюльназ-ханум ни в кого не бросила.

Прошло три дня и три ночи, все женихи прошли под ее балконом – а она так и не бросила свое золотое яблоко. Доложили падишаху об этом. Догадался Гургур-падишах, что у младшей дочери есть жених, и издал приказ, где говорилось, что все, кто еще не проходил под балконом его дочери, должны немедленно прийти.

Прошло еще три дня и три ночи, но никто так и не пришел. «В чем дело? Почему моя младшая дочь не бросила свое яблоко?» – думает падишах. Вызвал он своих везиров и спрашивает:

– Есть ли еще кто-нибудь не прошедшие под балконом младшей дочери?

– Садовник и его сын, – доложили везиры.

– Пусть и они пройдут! – приказал Гургур-падишах.

Привели садовника и сына его и заставили их пройти под балконом красавицы. Когда они проходили под балконом, Гюльназ-ханум бросила свое яблоко, и оно попало в Мелик-Джумшида.

Доложили падишаху, что дочь его выходит замуж за сына садовника -красивого, но плешивого и мало на что способного.

Но как бы то ни было, сыграли дочерям свадьбы, да и на том успокоились.

Однажды падишах заболел. Лекари предложили ему съесть мясо джейрана. Гургур-падишах приказал старшему и среднему зятьям взять из конюшни двух коней и ехать на охоту. Сели сын везира и сын вельможи на своих скакунов и отправились на охоту.

Узнал сын садовника, что тесть его не счел нужным поручить ему такое дело, и послал к нему свою жену.

– Я тоже зять, – говорит он жене. – Пусть и мне дадут коня, я тоже пойду охотиться на джейрана.

Пришла Гюльназ-ханум и доложила отцу просьбу мужа.

Усмехнулся больной падишах, на что, мол, способен твой плешивый, но приказал привести из конюшни хромую лошадь, а из амбара взять ржавую саблю и все это отдать плешаку. Мелик-Джумшид взял хромую лошадь и ржавый меч и отправился туда, куда уехали сын везира и сын вельможи. Увидели люди, что под зятем падишаха хромая лошадь, а в руках ржавый меч, и начали смеяться, бросать в него тухлыми огурцами и помидорами. Мелик-Джумшид ехал и не обращал на все это внимания.

Приехал он в лес, стреножил свою хромую лошадь и пустил ее пастись. А сам достал из кармана волос скакуна, высек огонь и сжег волос. Издалека почуял скакун запах своего волоса и тут же явился и стал перед хозяином. Прибежал и львенок. Мелик-Джумшид и говорит ему:

– Да! Непристойно мне в нищенской одежде на охоту идти!

Не успел он произнести эти грустные слова, как львенок тут же помчался к тому месту, где некогда Мелик-Джумшид поменял свои пахлеванские наряды на лохмотья нищего и, порывав для большей строгости, забрал одежду своего хозяина и, доставив, бросил к его ногам.

Оделся Мелик-Джумшид в пахлеванский наряд, сел на скакуна, а львенку приказал собрать всех зверей лесных в ущелье и сам туда отправился, разбил там шатер, развел костер,

сел и стал ждать.

Вскоре туда же прискакали сыновья везира и вельможи. Подъехали они и видят: здесь столько разных зверей, что и невозможно сосчитать, а какой-то пахлеван сидит в шатре.

Владелец этих зверей, – подумали зятя Гургур-падишаха и решили обратиться к нему, но подойти побаиваются. Видит Мелик-Джумшид своих шуринов и говорит:

– Подходите, не бойтесь, звери вас не съедят.

Подъехали они поближе, поздоровались и молчат, не знают, что сказать, с чего начать.

Видит Мелик-Джумшид такое дело и спрашивает:

– С чем пришли?

– Наш падишах заболел, а лекари посоветовали ему есть мясо джейрана... Весь лес обошли мы, а джейрана так и не нашли, – сказали сыновья везира и вельможи.

Тогда Мелик-Джумшид говорит:

– Ладно, я дам вам джейрана, но с условием. Первое мое условие такое. Я наложу вам на спины клеймо; второе условие – я зарезу джейрана, туша вам, а голова и ноги мне. Согласны?

Ничего не оставалось делать зятям падишаха, и они согласились.

Мелик-Джумшид положил кусок железа в огонь, раскалил его докрасна и приложил к спинам сына везира и сына вельможи. Затем он поймал одного джейрана, зарезал его, тушу отдал им, а голову и ноги забрал себе. Когда Мелик-Джумшид резал джейрана, он тихо сказал:

– Пусть весь вкус уйдет в голову!

Взяли сыновья везира и вельможи тушу джейрана и радостные, что выполнили приказ тестя, возвратились домой. А Мелик-Джумшид переоделся, спрятал пахлеванскую одежду, отпустил зверей и своего скакуна, сам сел на хромую лошадь и, взяв голову и ноги джейрана, тоже вернулся домой к своей красавице-жене.

– Кто тебе дал эту голову и ноги? – спросила Гюльназ-ханум.

Мелик-Джумшид ответил:

– Я шел туда, куда уходили сыновья везира и вельможи. Они убили джейрана, тушу забрали себе, а голову и ноги отдали мне, чтобы я не возвращался домой с пустыми руками.

Он выложил свою добычу на стол и добавил: – Милая Гюльназ-ханум, свари из этой головы джейрана кушанье и отнеси отцу. Пусть угощается.

Послушалась Гюльназ-ханум мужа, сварила она кушанье и направилась в дом отца. В это же время принесли свои угощения тестю старший и средний зятья. Отведал больной тесть обеды, принесенные зятьями, и почувствовал, что ему стало еще хуже.

– Это же трава, а не мясо джейрана, – вскрикнул он. – Никакого вкуса.

Обиделись зятья и ушли.

– Отец, отведай угощение третьего твоего зятя. Он тоже ходил на охоту, – сказала младшая дочь.

Съел больной падишах угощение третьего зятя и почувствовал, что оно приготовлено из мяса только что убитого джейрана.

– Очень вкусно, – сказал падишах.

Через два-три дня он поправился и встал с постели.

Много ли, мало ли времени прошло с тех пор, нам неизвестно, но в один из дней Гургур-падишах получил от Шоофорадин-падишаха письмо, в котором говорилось: «Отдай своих дочерей за моих сыновей, а если не отдашь – готовься к войне». Опечалился Гургур-падишах, ни ест, ни пьет, ночами глаз не смыкает. Вызвал он к себе везиров, вельмож и спрашивает: как быть?

– Твои дочери уже замужем, делать нечего, придется воевать, – отвечают везиры и вельможи.

Так и написал Гургур-падишах Шоофорадин-падишаху: «Было у меня три дочери, все три вышли замуж, – писал он. – И я всегда готов воевать с тобой». Заверил падишах письмо своей подписью, печатью и отправил. Дошло письмо до Шоофорадин-падишаха. Разгневался Шоофорадин-падишах и послал свое войско на войну с Гургур-падишахом. Собрал Гургур-падишах свое войско и тоже отправился на поле боя вступить в сражение.

Пусть они воюют, а мы расскажем вам про Мелик-Джумшида – плешивого зятя Гургур-падишаха. Сел Мелик-Джумшид на хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Приехал в лес, стреножил хромую лошадь и оставил пастись. А сам ударил огнем о кремь, зажег волос скакуна и ждет. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед своим хозяином.

– Доставь мое военное снаряжение, – сказал скакуну Мелик-Джумшид.

Не успела подняться трава, примятая копытами лошади, как скакун умчался и мигом вернулся.

Оделся Мелик-Джумшид в военный наряд и тоже отправился на место сражения. Подъехал к ратному полю и видит, как его старший брат Мелик-Мамед, сын дочери хана, повалил сына везира и связал ему руки и ноги. Подбежал Мелик-Джумшид к победителю и говорит:

– Ты моего ученика победил, теперь надо меня победить.

Схватились Мелик-Джумшид и Мелик-Мамед, начали бороться. Долго боролись братья друг с другом. То Мелик-Мамед положит Мелик-Джумшида на колени, то Мелик-Джумшид – Мелик-Мамеда: ведь одного дерева плоды. К самому закату Мелик-Джумшид все же уложил брата на спину и одержал победу. Затем он сел на своего скакуна, поехал в лес, переоделся в лохмотья, сел на хромую лошадь и вернулся домой. Пришел к Гюльназ-ханум и как ни в чем не бывало поужинал и лег спать.

На следующий день вновь началось сражение. На этот раз сражался другой зять падишаха – сын вельможи – с другим сыном Шоофорадин-падишаха – Мелик-Ахмедом.

Не выдержал Мелик-Джумшид, сел он опять на хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес, стреножил хромую лошадь и отпустил пастись. Затем достал из кармана волос, ударил огниво о камень, зажег волос и стал ждать. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед своим хозяином.

Переоделся Мелик-Джумшид в военный наряд, сел на верного скакуна своего и мигом очутился на месте сражения. Подъехал он ближе и видит: средний брат Мелик-Ахмед – сын дочери бея – свалил среднего падишахского зятя. Подскочил тут Мелик-Джумшид к Мелик-Ахмеду и говорит:

– Ты победил моего ученика, теперь сразись со мной.

Усмехнулся Мелик-Ахмед дерзости противника и говорит:

– Как будем сражаться? Предлагай!

– Кто кого свалит с коня! – говорит Мелик-Джумшид.

Сказано – сделано. Вскочили противники на своих скакунов, стали на расстоянии трехсот шагов и ринулись навстречу друг другу. Когда они поравнялись, Мелик-Джумшид на ходу схватил среднего брата за голову и свалил на землю. А сам подстегнул скакуна и мигом отправился в лес. Здесь он переоделся в старое платье, сел на хромую лошадь и вернулся домой гордый и радостный своей победой.

Но нет, рано было радоваться. Сыновья Шоофорадин-падишаха пришли воевать по-настоящему, собрав большой отряд. По дороге стали они все предавать огню. Не выдержал Мелик-Джумшид такого дела и собрался на войну.

– Я тоже пойду воевать, – сказал он жене.

– Да что тебе, плешивому, делать там? – с горестью сказала жена.

– Ну, хоть воды принесу, войско поить буду, – ответил сын садовника.

Сел он на хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Здесь в лесу стреножил он и без того хромую лошадь, достал из кармана волос, ударил огниво о камень и зажег. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед хозяином.

– А где мои звери? – спросил Мелик-Джумшид скакуна.

Заржал скакун во всю мощь, и все звери тут же предстали перед Мелик-Джумшидом.

– Мне нужна ваша помощь, – обратился он к лесным зверям.

Звери дали свое согласие. И Мелик-Джумшид оделся в пахлеванский наряд, сел на верного скакуна, и все они пошли воевать. Идут, Мелик-Джумшид посередине, а звери по обе стороны.

Пришли к ратному полю и видят: войска противника перебили почти всех людей Гургур-падишаха. Приказал тогда Мелик-Джумшид зверям растерзать людей противника. Звери бросились на врагов. Кого успели растерзать – растерзали, а кого не успели – те еле ноги унесли.

Но нет, еще пуще разгневался Шоофорадин-падишах и велел во чтобы то ни стало уничтожить всех зверей и победить войско Гургур-падишаха.

Началось небывалое сражение: земля смешалась с кровью: кровь с землей, дробь барабанов слились с криками, крики – с барабанами.

Опечалился Гургур-падишах, мрачнее тучи стал, закрыл лицо рукой, дабы не видеть, как уничтожают его войско.

Не выдержал Мелик-Джумшид такого страшного кровопролития. Сел он на хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Приехал он в лес, стреножил хромую лошадь, достал из кармана волос и огниво, высек огонь и поджег. Почуял скакун запах горящего волоса и мигом предстал перед хозяином.

– Собери зверей, – сказал Мелик-Джумшид своему верному скакуну.

Скакун заржал на весь лес, и все звери тут же сбежались и предстали перед Мелик-Джумшидом.

Тронулись они к месту битвы: Мелик-Джумшид на коне посередине, а звери по обе стороны. Пришли на ратное поле и видят: от войск Гургур-падишаха почти никого не осталось. Приказал Мелик-Джумшид зверям растерзать людей противника и сам первый пустился в бой. Ринулись звери с криком и воем за ним. Долго длилось сражение. В этом сражении Мелик-Джумшид был ранен. Но звери и на сей раз одержали победу: кого смогли, растерзали, а кого нет, те насилу ноги унесли.

После боя Мелик-Джумшид стал травой вытирать с локтя кровь. Мимо возвращался довольный победой сам Гургур-падишах. Увидев раненого воина, достал из кармана платок и перевязал ему рану.

Пришел Мелик-Джумшид в лес, переоделся, сел на хромую лошадь и вернулся домой.

– А как ты сражался? – спросила Гюльназ-ханум.

– Я видел, что сыновья везира и вельможи изрубили вражеское войско, и не стал вступать в бой, – ответил сын садовника.

– А что у тебя с рукой? – опять спросила жена. – Наверное, упал со своей хромой лошади?

– Да, да, упал, – ответил плешивый. – Упал, попал под хромую ногу коня и ранил руку.

Гюльназ-ханум взяла у него окровавленный платок и отправилась к источнику постирать его. В это время с другой стороны к источнику подошла ее мать – жена Гургур-падишаха. Вдруг она увидела в руках дочери платок мужа.

– Один чудесный платок был у твоего отца, а ты унесла своему плешивому, – разгневалась мать и, отобрав платок, вручила его мужу.

– Где ты взяла этот платок? – вдруг спросил падишах.

Рассказала ему жена, что у жены плешака отобрала.

Приказал падишах привести к нему сына садовника.

Сказано-сделано.

– Откуда у тебя этот чудесный платок? – спросил падишах.

– Да жить падишаху и здравствовать! – сказал плешак и продолжил:

– Я был ранен в бою, и ты перевязали мне этим платком рану.

Не поверил падишах.

– То был другой человек, а ты просто плешак, – зло сказал он.

– Если не веришь, то смотри! – Мелик-Джумшид снял с головы баранью кишку.

Перед падишахом предстал юноша необыкновенной красоты: волосы на голове золотые. Словом, не ешь, не спи – с утра до вечера смотри.

Опять не поверил падишах.

– У тебя же хромая лошадь, а юноша, которому я перевязал рану, был на резвом скакуне, – твердил падишах.

Тогда Мелик-Джумшид, ничего не сказав, ушел, тем самым озадачив своего тестя. Затем сел он на свою хромую лошадь, взял ржавую саблю и отправился в лес. Достал он из кармана волос и огниво, высек огонь, поджег волос и стал ждать. Издалека почуял скакун запах горящего волоса и тут же предстал перед своим хозяином.

Переоделся Мелик-Джумшид в пахлеванский наряд, собрал зверей и отправился ко дворцу Гургур-падишаха. Доложили падишаху, что к ним в город едет какой-то воин, а вместе с ним идет множество зверей.

Вышел падишах на балкон и видит: перед дворцом проезжает какой-то воин, сопровождаемый лесными зверями. Обрадовался падишах и крикнул:

– Добрый воин, будь моим гостем!

Мелик-Джумшид сошел со скакуна, зашел к падишаху и, поклонившись спросил:

– Теперь узнаешь того воина, которому ты перевязал рану?

Падишах узнал своего зятя, обнял его крепко-крепко и даже поцеловал.

– Если бы не ты, я бы погиб, – сказал Гургур-падишах и добавил: -Назначаю тебя падишахом. Я уже стар, мне и отдохнуть пора.

– Почтенный падишах, я соглашусь на престол тогда, когда ты двух своих самых близких людей отдашь мне в рабы, – сказал Мелик-Джумшид.

– Кто они, пожалуйста, – отвечает падишах.

– Твои зятя, – сказал Мелик-Джумшид.

– Как же так, – возмутился падишах, – оставить дочерей без мужей? О, нет, проси все, что хочешь, но этого я не сделаю.

Не выдержал тогда Мелик-Джумшид и рассказал падишаху о том, как он убил джейрана и отдал им. Не поверил падишах.

Мелик-Джумшид привел сыновей везира и вельможи к падишаху, раздел их и спрашивает:

– Откуда у вас это клеймо? Говорите правду!

Посмотрели они на падишаха, как бы ища поддержки.

– Да, да, только правду! – сказал падишах.

Ничего не оставалось делать сыновьям везира и вельможи, и они рассказали все, как было.

– Ну, что скажешь на это, почтеннейший падишах? – спрашивает Мелик-Джумшид.

Падишах на сей раз промолчал, а Мелик-Джумшид простил своих шуринов.

Вскоре Гургур-падишах умер. Похоронили его со всеми почестями. После сорокадневного траура Мелик-Джумшид стал правителем.

Итак, стал Мелик-Джумшид падишахом, и Гургур-падишахство народ тут же переименовал в падишахство Мелик-Джумшида. Шли дни за днями. Текло торопливо время! И вот однажды Мелик-Джумшид сел на своего верного скакуна, собрал всех лесных зверей, взял с собой сокола и отправился на охоту. Вдруг видит: на дереве сидит другой сокол. Мелик-Джумшид выпустил сокола и говорит:

– Лети и принеси мне сокола, который сидит на дереве!

Но нет, не тут-то было: тот сокол оказался сильнее. Он схватил сокола Мелик-Джумшида и унес высоко в небо. Пошел Мелик-Джумшид вслед за птицей. Долго он шел. Прошел три горы, три ущелья, три речки, оглянулся назад, а путь, который он прошел всего с полторы иголки, а впереди еще путь, равный кишке шагаду. Прошел он еще немного и видит: чужой сокол с его соколом в когтях залетел в пещеру. Вошел Мелик-Джумшид в пещеру и видит: сидит на тахте какая-то страшная-престрашная старуха. Вся волосатая, тощая – кости да кожа, а во рту всего два зуба торчат. Это была колдунья Эней.

– Старуха, отдай моего сокола! – сказал ей Мелик-Джумшид.

– Какой ты непонятливый! Мой сокол оказался сильнее и унес твоего. А что тебе еще надо? – с гордостью сказала Эней.

– Ты должна вернуть моего сокола, – говорит Мелик-Джумшид.

– Ну, раз так, давай сыграем в карты: кто выиграет, тому и будет принадлежать твой сокол, – предложила колдунья.

Согласился Мелик-Джумшид и сел играть. Недолго пришлось играть ему: Эней обыграла его. Тогда Мелик-Джумшид заложил своих зверей. Старуха выиграла и зверей. Мелик-Джумшид предложил своего скакуна. Выиграла старуха и скакуна.

– Закладываю себя, – сказал Мелик-Джумшид.

– Играть так играть, – усмехнулась Эней.

Пусть они играют, а мы расскажем вам о старшем брате Мелик-Джумшида – сына дочери хана – Мелик-Мамеде.

Встал Мелик-Мамед рано утром и видит: с кинжала течет кровь, листья чинары пожелтели и опадают.

Прибежал он тогда к отцу своему и говорит:

– Мой брат околдован, я должен пойти и выручить его.

– Это твоя выдумка, его уже давно нет на свете, – отвечает Шоофорадин.

– Нет, отец, ты не прав, пока он жив, но может и умереть, – сказал Мелик-Мамед.

Как только не старался падишах отговорить сына, но нет, он не был воском, чтобы сдаться. Сложил Мелик-Мамед дорожные хурджуны и отправился в путь.

Тысячи шагов прошел, семь гор перешел, по ущельям брел, много ли, мало ли шел, оглянулся назад – а всего-то пути прошел с полторы иголки, а впереди еще путь, равный кишкам шагаду. Постоял, подумал и опять пошел, долго-долго шел и наконец дошел до леса, а через тот лес протекала река, а река бурная, все, что попадаете ей на пути – все уносит.

Но нет, не испугался Мелик-Мамед, подвернул он свои шаровары и перешел реку. Шел он шел, долго шел. Семь раз спускался в ущелья и семь раз поднимался и, наконец, дошел до того самого леса, где находился дворец данандея, который забрал себе в сыновья Мелик-Джумшида. Зашел Мелик-Мамед в первую комнату, вторую, третью, пятую... десятую, тридцать седьмую, и во всех комнатах столько всяких ценностей, что глаза слепнут. Но нет, ничего не взял Мелик-Мамед. Прошел он в тридцать восьмую комнату и видит: на стене висят два пахлеванских наряда. Взял один из них и толкнул двери тридцать девятой комнаты. Вошел он в комнату, а там два седла лежат. Взял он одно седло и прошел в последнюю сороковую, комнату. Вошел он и видит: два скакуна стоят, одному скакуну два года, а другому – три.

Обошел Мелик-Мамед все сорок комнат, и нигде нет его брата. Опустил он голову на грудь и заплакал.

– Не плачь, добрый человек, – вдруг заговорил скакун, которому три года, – садись на меня, я мигом донесу тебя туда, где живет твой брат.

Оседлал Мелик-Мамед скакуна, вскочил на него и мигом очутился в падишахстве Мелик-Джумшида. Вошел он в дом брата, а брата нет дома. Представился он его жене: кто он, откуда и зачем пришел.

Заплакала Гюльназ-ханум, просит выручить ее мужа от колдовских чар. Пообещал ей Мелик-Мамед во что бы то ни стало выручить брата.

Переночевал он в доме брата, а рано утром сел на скакуна, взял с собой сокола и отправился на охоту. Подошел к окраинам одного леса и видит: на высоком дереве сидит другой сокол. Выпустил Мелик-Мамед своего сокола, чтобы словить чужого. Только взлетел сокол Мелик-Мамеда в воздух, чужой сокол схватил его и унес.

Мелик-Мамед пошел вслед за соколом, который унес его птицу. Летит сокол по небу, а Мелик-Мамед по земле скачет. Доскакал он до пещеры и видит, как чужой сокол залетел в нее.

Мелик-Мамед слез со своего коня, а сам направился к пещере. У входа в пещеру ему встретился скелет.

– Не ходи в пещеру, околдует тебя колдунья Эней, как и меня, – вдруг заговорил скелет.

Мелик-Мамед попросил у скелета помочь ему выручить брата.

– Это я, твой брат Мелик-Джумшид, – говорит скелет. – Вот до чего довела меня

старуха Эней.

Мелик-Мамед хотел обнять своего брата, а скелет говорит:

– Не надо, а то я рассыплюсь... Ты лучше послушай, что я скажу.

Скелет, он же Мелик-Джумшид, рассказал, как и что должен сделать Мелик-Мамед, чтобы выручить его из колдовских чар злой колдуньи.

– Ладно, я все сделаю так, как ты говоришь, – сказал Мелик-Мамед и вошел в пещеру.

Долго шел он по темной и сырой пещере. Наконец дошел он до конца и видит: на тахте сидит сама Эней – страшная-престрашная. Вначале Мелик-Мамед даже испугался, но, взяв себя в руки, сказал:

– Слышишь, Эней, отдай моего сокола!

– Какой ты непонятливый! Моя птица оказалась сильнее и унесла твою. Что тебе еще надо? – с гордостью сказала Эней.

– Отдай моего сокола, – снова сказал Мелик-Мамед, повысив голос.

– Да ты не горячись. Лучше давай в картишки перекинемся. Обыграешь меня – возьмешь своего сокола. Нет, – значит, он останется у меня.

Сели они играть, – Мелик-Мамед проиграл.

– Играю на своего скакуна, – предложил Мелик-Мамед.

Эней ехидно рассмеялась и ушла во двор посмотреть, там ли ее сокол. Пока она не вернулась, Мелик-Мамед сел на ее тахту, в которой находились все колдовские чары.

Вернулась Эней и говорит:

– Встань с моего места!

– У нас такой обычай: когда хозяин встает, он уступает место гостю, – говорит Мелик-Мамед.

Эней ничего не оставалось делать, как пересесть на место Мелик-Мамеда и раздать карты. Стали снова играть. На этот раз Эней проиграла.

– Я играю на своего сокола, – сказала она.

Выиграл Мелик-Мамед и сокола.

– Играю на скакуна, которого я выиграла у одного юноши, – сказала Эней.

Выиграл Мелик-Мамед и скакуна брата.

Затем Эней проиграла ему и зверей, которых проиграл ей Мелик-Джумшид.

– Хочешь, у меня есть один юноша, но он уже превратился в скелет, -говорит Эней. – Играю на него.

– Ладно, давай играть, – отвечает Мелик-Мамед.

Выиграл Мелик-Мамед у Эней брата своего.

Эней вошла в азарт и заложила себя.

Выиграл Мелик-Мамед и ее. Убил он Эней, а тело сжег на огне.

Тут вошел скелет и вскрикнул:

– О, брат мой, что же ты наделал? Тебе надо было выиграть и мясо, которое было на мне.

Опечалились братья: «Как же нам быть?»

Но тут из норки выбежали два мышонка. Они стали грызть друг друга. Одна мышь съела мясо другой. Затем из норки вышла большая мышь, и пропищала на ту мышь, которая съела мясо, как бы ругая, потом, нарвав травы, стала натирать кости мышонка, мясо которого съели. Мышь ожила и опять забегала.

Мелик-Мамед увидел все это и тоже нарвал травы и стал натирать скелет своего брата. Не прошло и пяти минут, Мелик-Джумшид стал таким, как был прежде.

Обрадовались братья, крепко обняли друг друга, и тогда Мелик-Джумшид сказал:

– А теперь поехали ко мне в гости!

Сели они на своих скакунов и мигом очутились в падишахстве Мелик-Джумшида. Гюльназ-ханум накрыла им богатый стол. Поели братья сытно, хорошенько отдохнули, а на следующий день Мелик-Мамед собрался в падишахство своего отца.

Падишах Мелик-Джумшид написал отцу письмо с просьбой освободить его мать из застенка и отправить к нему.

Уехал Мелик-Мамед, а вскоре приехала мать Мелик-Джумшида. Увидела она, что ее бедный сын достиг такого счастья, и повеселела душой и сердцем, а лицо разгладилось и помолодело, как будто и не было тех горьких лет жизни в заточении.

И зажили они в добре, в ласке и в радости.

А спустя год или два Мелик-Джумшид сел на своего верного скакуна, поехал во дворец данандея, который когда-то забирал его в сыновья, и освободил из сороковой комнаты оставшегося там скакуна. А все драгоценности он перевез в свое падишахство, и как того

требует древний обычай, раздал всем бедным, чтобы выстроили они себе хорошие дома, нарядились в красивые одежды и стали воздавать хвалу своему доброму и смелому падишаху.

Вот так оно и бывает в жизни: обиженного людьми судьба да вознаграждает. Вскоре в ворота дома Мелик-Джумшида постучался странник и попросился к нему. Мелик-Джумшид впустил его и спросил:

– Кто ты и по какому делу пожаловал?

– Я тот самый череп, который давал тебе советы, когда ты по приказу данандея переходил реку... Когда ты сварил этого злодея, до меня дошел запах его вареного тела, и я вновь стал таким, каким ты меня видишь... И вот я пришел поблагодарить тебя за то, что ты меня спас от чар злодея.

Обрадовался Мелик-Джумшид такой встрече и предложил ему остаться у него жить столько, сколько тот пожелает.

– Спасибо!.. Но я сам падишах заморской страны и спешу к себе... Я хочу у тебя просить скакуна, которого ты освободил из сороковой комнаты злодея данандея, чтобы быстрее добраться до своей страны.

Мелик-Джумшид приказал слугам привести скакуна и передать своему дорогому гостю в подарок.

Не стал гость долго задерживаться, сел он на скакуна и умчался в свое заморское падишахство.

Спустя несколько лет у Мелик-Джумшида и Гульназ-ханум родились трое сыновей и одна дочь. Родились дети и у братьев Мелик-Джумшида, да такие красивые – ни налюбуеться.

Говорят, что Шоофорадин, все его три сына и матери этих сыновей, а также внуки часто ездили друг к другу.

Дай-то Бог, чтобы и в нашей жизни все было так же хорошо! А если кто и обижен людьми, пусть судьба да вознаградит его!

Старик и Азраил

Жил-был в одном городе старик-сапожник. Всю жизнь он усердно трудился. Случалось, что какой-нибудь бедняк был не в состоянии заплатить сапожнику за работу, и тот говорил: «Ничего, носи себе на радость!» И люди говорили доброму сапожнику: «Да прожить тебе сто двадцать лет!»

Может быть, поэтому сапожник и на самом деле дожил до глубокой старости. А может быть, так ему было на роду написано. К тому времени было у него сорок внуков и сорок внучек. Были у него и правнуки, и правнучки, а сколько их было всего – старик даже и не знал, знал только, что очень много.

Все внуки старика выросли хорошими людьми, и все они занимались ремеслом: кто был сапожником, кто портным, кто шапочником – одним словом, все были при деле.

...Однажды ночью к старику зашел Азраил и предупредил его, что через два дня и две ночи он придет забрать его душу.

– От меня уже землей пахнет, – с грустью подумал старик. – Пойду, проведу внуков и правнуков, а там уж можно со спокойной душой уйти на тот свет.

Отправился он к одному из своих внуков. Увидев деда, тот отложил работу, провел старика в дом, усадил на мягкий ковер, угостил вкусным обедом. Столетний дед и шестидесятилетний внук посидели, поговорили о том о сем, а потом старик стал играть с праправнуками, рассказывать им сказки, да и забыл, что к нему придет Азраил забрать его душу. Счастье молодых – отрада для старых.

Вечером внук постелил деду мягкую постель. Дал теплое одеяло и говорит:

– Сладкого тебе сна. Отдыхай!

– Нет, – отвечает старик, – я должен идти проведать других внуков. Внук обиделся и говорит:

– Уйдешь – и в глаза твои не посмотрю! Ложись, отдыхай! Мой дом – разве не твой?

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших – старшие должны принимать их уважение, ведь младшие у старших учатся. И остался дед у внука ночевать. Лег он на мягкую постель, укрылся теплым одеялом, да только сон к нему не идет, лежит старик и думает о том, что скоро Азраил придет, а он не успеет проведать всех своих родных. Долго, как кишки шагаду, тянулась эта ночь для старика. Но вот, наконец, настало утро. Дед попрощался с внуком и ушел.

В этот день он отправился к сыну. Обрадовался сын, провел отца в дом, усадил с почетом. Жена сына быстро подала угощение. Посидели отец с сыном, пообедали, выпили вина, поговорили. Потом старик стал играть с внуками и правнуками, рассказывать им сказки, да и забыл, что скоро к нему придет Азраил. Ведь счастье молодых – это радость для старых.

Вечером сын постелил отцу постель, дал теплое одеяло и говорит:

– Дай Бог тебе здоровья. Ложись отдыхай!

– Нет, – отвечает отец. – Я должен идти...

Обиделся сын:

– Уйдешь – ногой не ступлю к тебе на порог! Разве мой дом – не твой?

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших – старшие должны принимать их уважение. И остался столетний отец ночевать у сына.

Лег старик на мягкую постель, укрылся теплым одеялом, да только уснуть не может: лежит, ждет, когда же Азраил придет.

«Эх, не успел я обойти всех своих родных» – думает дед.

Наступила полночь, а Азраил все не идет, время тянется, а Азраил не идет, рассвет близится, а Азраил не идет. Наконец, рассвело, а Азраил так и не пришел.

«Где же он задержался? – думает старик. – Или, может быть, я уже мертвый?»

Приподнимает он голову – живой. Поднимает одну руку – живой, поднимает вторую – живой. Встает с постели – живой!

– Слава Богу! – говорит старик. – Азраил завтра придет, а я пока пойду дальше.

Пришел он ко второму внуку, постучался. На стук выскочили праправнуки, обрадовались, увидев прапрадеда, стали прыгать вокруг него, гладить ему бороду. Старик тоже обрадовался и спрашивает:

– А где ваш дед?

– На работе, – отвечают дети. – Сейчас мы его позовем.

Позвали они деда, тот пришел, увидел своего деда и очень обрадовался. Накрыл внук богатый стол, усадил деда, стали они есть, пить, беседовать.

Начал старик играть с детьми, рассказывать им сказки. Дети смеются – прадед смеется. Прадед смеется – дети смеются. Старик и позабыл, что за ним Азраил должен прийти. Ведь счастье молодых – это радость для старых.

Наступила ночь, внук постелил деду мягкую постель, дал теплое одеяло и говорит:

– Ложись, отдыхай, и пусть тебе снятся сладкие сны.

Спохватился старик, говорит:

– Нет, нет, я должен идти, проведать других внуков.

– Темно на дворе, завтра сходишь, – отвечает внук. – Да и обидишь, если уйдешь.

Что оставалось делать старику? Если младшие почитают старших – старшие должны принимать их уважение. И остался дед ночевать у внука.

Лег он на мягкую постель, укрылся теплым одеялом, да только уснуть никак не может. Все ему кажется, что вот-вот должен прийти за ним Азраил. Услышит старик какой-нибудь шорох и думает: «Пришел!» Лежит он выпрямившись, чтобы достойно умереть, глаза не закрывает, а сам все думает: «Эх, жаль, не успел я обойти всех своих внуков и правнуков, посмотреть, как они живут!»

А Азраил, оказывается, уже приходил к старику домой. Пришел, посмотрел на постель, где старик всегда спал, а его там нет. Пошарил он в комнате, а старика нет. «Ну ладно, – думает Азраил, – завтра ночью приду, никуда он от меня не денется.»

На другую ночь Азраил опять пришел, посмотрел на постель, а старика снова нет. Пошарил в комнате – нигде нет. Узнал Азраил, что старик ушел в гости к внуку, и решил пойти за ним туда.

А тем временем и рассвело. Старик встал, оделся.

«Слава Богу, – думает, – Азраил завтра придет, а я пока пойду проведу еще одного внука.»

Пришел дед к еще одному внуку, а у того в доме веселье, день рождения сына. Увидел внук деда, обрадовался:

– Очень хорошо, что ты пришел! Я как раз хотел за тобой идти.

Внук провел деда в дом, усадил на почетное место и кричит:

– Играйте, зурначи! За здоровье нашего деда играйте!

Зурначи играют, гости танцуют, едят, пьют. Не выдержал столетний дед, вышел на середину комнаты и пошел плясать! Все ему хлопают, а он еще быстрее пляшет и даже на носках ходит.

Видит Азраил, что у столетнего деда так просто не возьмешь душу, да и сам стал хлопать. Хлопает и приговаривает:

Пляши, пляши, пляши, старик,
Харса-харса, харса-харса!
Никуда от меня ты не уйдешь,
Харса-харса, харса-харса!
Если и сегодня забуду твою душу,
То завтра ее возьму.
Харса-харса, харса-харса, харса-харса,

Наплясался дед, устал, сел за стол, ест, пьет, поет песни. Азраил все это видит и говорит себе: «Завтра приду и возьму его душу. Теперь-то я знаю, где он бывает». И Азраил ушел к другим людям, забирать их души.

А столетний дед попиrowал как следует и лег спать. Утром проснулся, вспомнил, что за ним должен Азраил прийти, и заспешил к другим своим внукам.

Так он стал ходить то к одному внуку, то к другому, и везде ему были рады. Радовался и дед, да и забыл совсем о том, что должен умереть.

Говорят, что он и сейчас жив и ходит уже в гости к прапраправнукам, и все они ему рады. А Азраил и по сей день никак не может забрать у него душу, потому что в душе у того

старика живет радость: он для себя спит, а для других сны видит.

А с радостью Азраил бороться не может. Недаром в народе говорят: «Да увидеть вам радость своих детей!»

Пожелаем же и мы друг другу увидеть радость своих детей и жить так же долго, как трудолюбивый сапожник!

Сапожник и шах Аббас

Было так или не было, только жил в столичном городе сапожник. Он с самого утра и до позднего вечера латал на знойном базаре потрепанную обувь, а потом на заработанные за день пять-шесть монет покупал для своей семьи два чурека, кусок овечьего сыра, зелень, овощи, фрукты и все приносил домой.

Несмотря на свою бедность, сапожник по характеру слыл в городе самым веселым и гостеприимным человеком. Каждый раз, вернувшись с работы, он смывал с лица базарную пыль и садился вместе с женой за еду, а после брал теп с маленькими колокольчиками, ударял пальцами по его поверхности и до глубокой ночи пел и танцевал со своими домочадцами.

Пусть пока сапожник веселится, я расскажу вам о шахе Аббасе.

Люди говорят, что шах Аббас любил в одеянии дервиша в ночную пору ходить по своей столице и самолично проверять, кто не спит в такое позднее время и чем занят.

И вот однажды, когда шах Аббас прохаживался переодетым по тем магалам, где ютились ветхие дома бедняков, он неожиданно заметил, что в одном доме горит очаг, а из самого дома разносятся песни, смех и шум пляски.

Любопытство взяло вверх. Шах Аббас подошел к дому и постучался в дверь. На стук вышел сапожник и, увидев перед собой незнакомца в нарядах дервиша, сказал:

– Доброй ночи, дорогой дервиш!

– Доброй ночи, сын мой! – ответил шах Аббас. – Целый день я бродил по горным тропам и очень устал. Разреши хоть полчаса отдохнуть в твоём доме.

Сапожник широко распахнул двери дома и сказал:

– Заходи, добрый дервиш. Пусть твой приход станет счастливым знамением для моей многочисленной семьи.

– Да пребудет счастье в твоём доме, – сказал шах Аббас в ответ и последовал за сапожником.

Хозяин дома провел его в комнату, посадил рядом с собой и стал угощать чуреком, сыром и водой. Шах Аббас поел, выпил воды и спросил:

– Сын мой, кто ты и чем занимаешься?

– Я простой сапожник, дорогой дервиш, – ответил сапожник. – С утра и до вечера мне приходится латать потрепанную обувь бедных горожан, а на заработанные за день пятьдесят монет покупать пищу для моей семьи.

Посмотрел шах Аббас на бедно убранные комнаты, покачал головой и снова обратился к сапожнику:

– Если ты так беден, то почему же в твоём доме всю ночь слышатся песни, смех и танцевальные звуки тепа?

– Дорогой дервиш, по характеру я веселый и гостеприимный человек, – ответил сапожник. – Каждый день горе давит на мои плечи, чтобы скорее отправить меня под черное крыло Азраила. Но я не поддаюсь. Музыка, песни и танцы отгоняют смерть от моей семьи прочь. Поэтому я со своими домочадцами пою, веселюсь и танцую до глубокой ночи.

Выслушал шах Аббас бедного сапожника, встал и, поблагодарив за угощение, вышел на улицу.

На рассвете он вернулся во дворец, вызвал к себе главного везира и сказал:

– Пусть глашатаи передадут народу мой приказ: с сегодняшнего дня никто не должен заниматься ремеслом сапожника. Если кто нарушит мое повеление, того казнь на дворцовой площади.

– Слушаю и повинуюсь, – сказал главный везир и тут же направился к глашатаям.

...Чуть свет сапожник взял свои инструменты и отправился на базар. Только он сел под деревом и вытащил из сумки иголку, нитку и шило, как у торговых рядов увидел шахских глашатаев.

– Эй, люди добрые! – кричали они. – Слушайте приказ шаха Аббаса. С сегодняшнего дня никто не должен заниматься ремеслом сапожника. В противном случае, виновник будет казнен на дворцовой площади...

Услышал бедный сапожник приказ шаха Аббаса, схватил свои инструменты, побежал домой, взял кувшин с водой, метлу и снова отправился на базар. На базаре он полил землю водой и подмел мусор. То же самое бедняк сделал и на центральных улицах города. Некоторые торговцы и домовладельцы пожалели сапожника и дали ему за труд по медной монете. Таким образом сапожник заработал около десяти монет и на эти деньги купил, как всегда, два чурека, кусок овечьего сыра, зелень, овощи, фрукты и отнес домой. Так поступал он каждый день.

Как-то шах Аббас снова переоделся в одежды дервиша и глубокой ночью вышел в город на прогулку. Вскоре он очутился возле дома бедного сапожника и опять увидел, что там горит очаг, а из открытого окна слышится веселая песня, смех и топот зажигательной пляски.

Удивился шах Аббас и громко постучал в дверь. На стук вышел сам сапожник. Он пригласил знакомого дервиша в дом, усадил рядом с собой и протянул ему кусок чурека с

сыром и воду. Шах Аббас поел, попил и печальным голосом сказал:

– Сын мой, слышал я, что шах Аббас запретил заниматься ремеслом сапожника. Чем же ты промышляешь теперь?

– Да провалиться бы такому шаху сквозь землю! – со злостью и ненавистью ответил бедный сапожник. – Разве умный правитель такой приказ издаст? Как только до моего слуха дошли слова глашатаев, я быстро вернулся домой, взял кувшин с водой, метлу и снова вернулся на базар. Там и на главных улицах города я стал поливать землю водой и подметать мусор. Некоторые торговцы и домовладельцы пожалели меня и дали за мой труд по медной монете. На эти деньги я купил два чурека, кусок овечьего сыра, зелень, овощи, фрукты и отнес домой. Вот так я и промышляю целую неделю, дорогой дервиш.

Посидел шах Аббас у гостеприимного хозяина еще немного, а затем встал, попрощался со всеми и вышел на улицу.

Вернувшись во дворец, он вызвал главного везира и сказал:

– Пусть глашатаи передадут народу мой второй приказ: с этого дня никто не должен поливать водой и подметать мусор на базарах и улицах города. В противном случае, виновник будет казнен на дворцовой площади.

Рано утром, услышав о новом приказе шаха Аббаса, бедный сапожник вернулся домой, взял топор, веревку и отправился в лес. Там он нарубил дров, взвалил на спину тяжелую вязанку, принес на базар и продал за десять монет. На эти деньги он купил пищу для семьи и отнес домой. Затем, он снова взял топор и веревку, пришел в лес, нарубил дров, взвалил вязанку на спину и принес себе во двор, чтобы топить печь в зимнюю пору. Так поступал бедный сапожник несколько дней.

Через неделю шах Аббас опять переоделся в одежду дервиша и отправился в город на прогулку. Ровно в полночь он подошел к дому бедного сапожника и громко постучал в дверь.

Сапожник вышел на порог, увидел старого дервиша, пригласил в комнату, усадил рядом с собой и стал угощать чуреком, сыром и водой. Шах Аббас поел, попил и сказал сапожнику:

– Сын мой, слышал я, что шах Аббас запретил кому-либо поливать землю водой, подметать мусор на базарах и улицах города. Чем же ты занимаешься теперь?

– Да провалиться бы такому шаху сквозь землю! – с ненавистью ответил сапожник. – Разве умный правитель издаст подобный приказ? Как только до моего слуха дошли слова глашатаев, я быстро вернулся домой, взял топор, веревку и отправился в лес. Там я нарубил дров: одну вязанку продал на базаре, чтобы купить пищу для своей семьи, а другую отнес домой для топки в зимнюю пору. Вот так я и живу, дорогой дервиш.

Шах Аббас выслушал его, встал, поблагодарил за угощение и ушел во дворец.

Наутро он вызвал к себе стражников и сказал:

– Сходите сейчас же в лес и, если такой-то человек с топором и веревкой явится туда, схватите его и приведите ко мне.

– Слушаем и повинемся, – ответили стражники и покинули покои шаха.

А между тем бедный сапожник взял топор, веревку и отправился в лес, но не успел он дойти до опушки, как стражники схватили его, связали и повели к шаху.

В то же самое время шах Аббас надел свои праздничные наряды и сел на золотой трон, который с двух сторон окружили везиры, векили и знатные вельможи. Чуть дальше стоял страшный чернокожий палач с обнаженной саблей в руке.

Стражники втолкнули в тронный зал бедного сапожника. И только он увидел ужасного палача с обнаженной саблей в руке, как задрожал всем телом от страха. Шах Аббас узнал бедняка, но сделал вид, что встречается с ним впервые. А сапожник, в свою очередь, растерялся и не догадался, что шах Аббас тот самый человек, который неоднократно приходил к нему в гости в одежде дервиша.

– Разве ты не слышал о том, что я запретил под страхом смерти ходить в лес и рубить деревья? – грозно обратился шах Аббас к сапожнику.

– Нет, почтеннейший шах Аббас, – ответил бедный сапожник. – Я слышал только, что ты запретил заниматься сапожным ремеслом и уборкой базаров и улиц города от мусора. А вот о том, что ты запретил ходить в лес и рубить деревья, я слышу впервые, тобой клянусь!

Затем, получив разрешение шаха Аббаса, сапожник рассказал, как он всю жизнь занимался сапожным ремеслом, как недавно по приказу шаха забросил это ремесло и стал поливать землю водой, подметать на базарах и улицах города.

– А вот несколько дней назад, о великий шах Аббас, – продолжал сапожник, – когда ты запретил заниматься уборкой базаров и улиц, я начал ходить в лес и рубить деревья на дрова: одну вязанку я продавал на базаре за пять-десять монет и покупал еду для моей семьи, а другую вязанку относил домой для топки в зимнюю пору. Теперь же, почтенный шах, у меня нет никакой работы и поэтому я не знаю, чем прокормить жену и детей.

Выслушал шах Аббас бедного сапожника, и жалость к нему захватила всю его душу. Он велел стражникам развязать ему руки, встал с золотого трона и подошел к бедняку.

– Свой приказ я не хочу отменять, – сказал шах Аббас сапожнику, – но работу ты получишь: отныне ты станешь моим надзирателем. Сейчас тебе дадут подобающую службе одежду и золотую саблю в серебряных ножнах. С этой минуты будешь ходить по базарам, улицам и закоулкам города и делать то, что скажет тебе мой приказчик. За свою работу ты станешь получать деньги из моей казны в конце каждого месяца.

Слуги принесли для сапожника одежду надзирателя, вручили ему в руки золотую саблю в серебряных ножнах и отправили на работу.

С тех пор, как бедный сапожник стал надзирателем, прошло около месяца. А когда остался один день до получения денег из шахской казны, шах Аббас опять переоделся в

наряды дервиша и поздней ночью отправился в гости к сапожнику. Но не успел он дойти до его дома, как услышал веселые удары тепа, смех и танцевальные песни. Шах с нетерпением подошел к дому бедняка и громко постучал в дверь.

На стук вышел сам сапожник. Он увидел на пороге старого дервиша и пригласил в комнату. Шах Аббас поздоровался и последовал за хозяином дома. И как только он вошел в комнату, то сразу же заметил на расстеленной скатерти вкусную и разнообразную пищу, а также увидел, что жена и дети сапожника одеты в дорогие одежды. Шах Аббас был удивлен увиденным и подумал: «Я же этому бедняку не дал ни одной монеты из своей казны. Так откуда же у него деньги на такие расходы?»

Он молча сел рядом с сапожником, отведал немного плова, жареного гуся, долмы, вина и с грустью сказал:

– На рассвете я покину ваш гостеприимный город и отправлюсь с караваном в далекие страны. Зная, что у меня больше не будет времени, я пришел в твой дом, чтобы на прощание поблагодарить тебя за доброту и сердечность.

– Дорогой дервиш, – сказал сапожник, – мое отношение к тебе не стоит благодарности, ибо человек, уходя навеки к чернокрылому Азраилу, должен оставить в этом мире честное имя и добрые дела. А теперь, да прибудет с тобой Всевышний, ешь, пей и отдыхай сколько тебе нужно, дорогой друг!..

Шах Аббас снова принялся за угощение, а затем вытер губы и сказал хозяину дому:

– Сын мой, слышал я, что шах Аббас запретил ходить в лес и рубить деревья для продажи. Чем же ты занимаешься теперь, чтобы прокормить семью?

Прежде чем ответить на вопрос старого дервиша, сапожник призадумался: «Сказать ли ему о своей тайне, или держать в секрете? Ха, если и раскрою дервишу эту тайну, ничего страшного нет. Ведь сегодня он здесь, а через несколько дней уже будет в другом падишахстве. Никто о нашем разговоре так и не узнает».

Потом сапожник внимательно посмотрел в глаза дервиша, слегка засмеялся и начал рассказывать ему о том, как месяц назад стражники шаха Аббаса схватили его возле леса, связали руки и повели во дворец к самому шаху.

– Представ перед троном, я в первую минуту очень испугался, -продолжал он свой рассказ. – Мне почему-то казалось, что великий шах Аббас прикажет страшному палачу тут же отрубить мне голову. Ведь любому повелителю все равно, кого лишит головы – человека или цыпленка. Но шах Аббас этого не сделал, а, наоборот, подарил мне жизнь и назначил своим личным надзирателем. По его указу мне принесли надзирательские наряды и вложили в руку золотую саблю в серебряных ножнах. «Деньги же за верную службу ты будешь получать из моей казны в конце каждого месяца», – сказал шах Аббас и отправил меня на работу. Сказать-то он, конечно, сказал, а вот как мне содержать семью, не подсказал. Недаром же говорится в народной пословице: «Сытый не ведает о голодном»...

Выслушал его шах Аббас, покачал головой и спросил:

– Сын мой, как же ты выкручиваешься из трудного положения?

– А вот как, – ответил сапожник. – В тот же вечер я, прежде чем вернуться к голодным детям и жене, пришел к богатому ювелиру, вытащил из ножен золотую саблю и продал ему, а в ножны вложил простую деревяшку. Ювелир не стал торговаться и дал мне за саблю полный хурджун денег. Я, обрадованный, вышел от него, пришел на базар, обошел лавки купцов, купил жене и детям дорогостоящие наряды, разные продукты и отнес домой. А теперь, слава Всевышнему, у нас есть что надеть и чем насытить желудок. Да и денег еще осталось на питание сверх нормы.

Шах Аббас притворился обеспокоенным и спросил:

– Сын мой, не дай Бог такому случиться, но что делать, если повелитель откуда-то узнает, что ты продал золотую саблю и вместо нее вложил в ножны простую деревяшку?

Сапожник усмехнулся и ответил:

– Во-первых, пока шах Аббас узнает об этом, пройдет целая арба времени; во-вторых, до тех пор или ишак умрет, или хозяин ишака; а в-третьих, если мы оба останемся живы, я найду какой-нибудь выход, чтобы спасти свою несчастную голову, дорогой дервиш.

Шах Аббас встал, поблагодарил его за вкусные угощения и, попрощавшись, отправился во дворец. А утром он вызвал стражников и сказал им:

– В полдень приведите из зиндана такого-то преступника, чтобы казнить его на дворцовой площади.

– Слушаем и повинуемся! – ответили стражники и вышли из тронного зала.

И вот в полдень шах Аббас надел красно-пурпурные наряды, вышел на дворцовую площадь и сел на шахский трон. Слева и справа от него расположились его везиры, векили и знатные вельможи. Они молча взирали на горожан и ждали появления преступника.

Когда солнце достигло зенита, стражники привели преступника с кандалами на руках и ногах и, подгоняя его секирами вперед, подняли на высокий помост, где страшный палач одним ударом сабли должен был отрубить ему голову.

Тут шах Аббас внимательно всмотрелся в небольшой строй надзирателей и, заметив среди них бедного сапожника, подозвал его к себе.

– Обнажи свою саблю и отруби голову этому преступнику! – приказал он бедняку.

От неожиданности сапожник задрожал всем телом и, уныло глядя на небо, подумал: «О Всевышний! То, что мне ночью говорил старый дервиш, сбылось. Что мне теперь делать и как выкрутиться из трудного положения?»

А между тем шах Аббас продолжал смотреть на бедняка и, усмехаясь, прошептал:

– Теперь посмотрим, кто умрет раньше: ишак или хозяин ишака. Попробуй

выкрутиться у меня, философ!...

Сапожник перехватил взгляд повелителя и сказал:

– Почтеннейший шах Аббас! Я никогда в жизни не убивал человека. Скажи мне, кто этот преступник и в чем заключается его вина? Только тогда я смогу отрубить ему голову золотой саблей.

– Этот преступник – садовник, – ответил шах Аббас. – Главная вина его в том, что он поливал свой сад из моего колодца и не отдавал мне часть урожая.

– Почтеннейший шах Аббас! – воскликнул бедный сапожник. – Тот, кто верит во Всевышнего – создателя всей вселенной, может ли убить человека за какую-то пустяковую вину? Нет, конечно! И поэтому умоляю тебя, о великий шах, будь милостив и подари садовнику радость жизни!

Разгневался на него шах Аббас и закричал:

– Повторяю, обнажи свою золотую саблю и отруби голову преступника, а то сам сейчас лишишься головы!

Испугался бедный сапожник шахского гнева, схватил за рукоять сабли, обратил взор к Небесам и сказал:

– О Всевышний! Если этот садовник виновен в чем-то, укрепи мою руку, чтобы отрубить ему голову, а если он ни в чем не виноват, преврати мою золотую саблю в простую деревяшку!

Выхватил он из серебряных ножен саблю, и перед взором многочисленной толпы предстала... простая деревяшка.

Не было предела людской радости. Народ, глядя на руку сапожника, торжествовал, весело смеялся и дружно просил повелителя освободить безвинного садовника из-под стражи.

Понял тогда шах Аббас, что хитрый сапожник блестяще выкрутился из трудного положения, засмеялся и обратился к стражникам:

– Немедленно освободите садовника и отпустите домой, – затем повернулся к сапожнику и сказал: – Отныне отменяю свои приказы. С завтрашнего дня можешь смело отправляться на базар и снова заняться своим ремеслом. А вечером не забудь заглянуть ко мне, чтобы получить из моей казны сто золотых в награду. Живи и здравствуй, дорогой сапожник!..

Так бедный сапожник трудолюбием и сметливостью добился отмены шахских приказов, получил от него в награду сто золотых и снова занялся своим сапожным ремеслом, которое приносило бедняку радость и удовольствие.

Белго и Маравшей

Когда рассказывают эту историю -камни трещат, горы дрожат, море стонет, а небо черными тучами заволакивается. Когда же люди слушают ее, то горькими слезами заливаются.

А вас попрошу набраться мужества и выслушать до конца эту печальную историю, которую донесли до нас наши предки в назидание будущим поколениям.

В давние времена, в такие давние, когда еще были данандеи и дервиши, амалданы и данусменды, падишахи и владельцы сказочных дворцов, когда письма посылались друг другу через караванщиков, -вот в те дальние времена в одной горной стране жили-были муж и жена. Очень крепко любили они друг друга: между ними вода бы не просочилась, иголка бы не пролезла. За многолетнюю совместную жизнь ни муж, ни жена не сказали друг другу грубого слова, не повысили голоса своего. Муж называл жену свою Мозол, что значит -Счастье, а жена мужа своего – Шолум, что значит – Мир.

«Мозол, жить тебе и здравствовать!» – с этими словами всегда начинал муж свое обращение к жене.

Жили они очень богато: табуны коней, стада коров, отары овец, сотни гусей, индюков, уток; бескрайние сады и виноградники; огромный расписной дворец с семьей хейвунами. Всего у них было много: живи и радуйся! Но нет, ни богатство, ни огромное хозяйство, ни кованные сундуки с золотом и драгоценностями не радовали глаза супругов. Известное дело, самое дорогое – это собственное дитя. Но этого самого дорогого богатства у них не было.

Всякий раз, когда они сидели без дела, то мучительно раздумывали над тем, кто будет оплакивать их после смерти и кому же останется их большое хозяйство и казна?.. Чтобы забыться от этих дум, муж засветло уходил из дома, объезжал свое хозяйство и на время забывался. А жена оставалась дома и тоже находила себе работу: то птиц накормит, то коням овса даст, то коров подоит, то еду приготовит, – словом, что-нибудь да делала. Лишь бы не думать о том, что нет у них самого дорогого богатства – детей.

Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год трудились супруги. Но пришло время им состариться, стать бессильными и беспомощными. Теперь они все чаще и чаще сидели дома и доживали свою старость. Но скорбь и печаль не оставляла их, так сильно хотелось им иметь своего ребенка. А в старости это самое сильное беспокойство.

– Мозол, жить тебе и здравствовать, что-то нужно сделать, чтобы у нас родился ребенок, – то и дело поговаривал старик, – Хотя бы горбатого, слепого, но иметь бы дитя.

– Шолум, да исполнятся твои желания, – с горечью отвечала жена. -Все в руках Бога. От нас ничего не зависит.

А Шолум ей на это настоятельно повторял:

– Мозол, жить тебе и здравствовать, но надо что-то делать, мы уже стары, скоро в могилу сойдем, если сидеть и ждать, то и Бог не поможет.

Но что делать, ни он сам, ни его жена не знали, а потому только горестно вздыхали и

тайком друг от друга утирали слезы.

Но в один прекрасный день Шолума осенила мысль пригласить к себе данусмендов из далеких заморских стран и выложить им свое горе.

«Может быть, что путное и посоветуют», – решил он и послал во все концы своих глашатаев.

Вскоре дворец убитых горем супругов посетили данусменды. Поведал старик им свое горе и стал просить совета и помощи.

– Все в руках Бога. Мы здесь бессильны, – сказали данусменды.

Но один из них по имени Меошиерах сказал:

– Добрый человек, согласен ли ты пожертвовать собой, если у вас родится сын?

Старик, не задумываясь, ответил:

– Огнем клянусь!.. Согласен!

Тогда данусменд Меошиерах обратился к жене старика:

– Согласна ли ты, добрая хозяйка, пожертвовать собой, если вторым ребенком у вас родится дочь?

– Огнем клянусь... Согласна! Только бы были у нас дети, – сказала убитая горем Мозол.

Меошиерах повелел хозяину дома, не откладывая ничего на завтра, сегодня же собираться с ним в путь.

– Знай, старик, дорога дальняя и трудная, – предупредил данусменд.

Старик решительно ответил:

– Что будет, то и будет!

На следующий день, когда небо только начало светлеть, слуги изловили в табунах двух самых лучших коней, оседлали их и привели ко дворцу. А жена уложила в хурджуны разного кушанья, прочитала в дорогу молитвы и вышла во двор, где шли сборы. Много народу собралось провожать владельца этого сказочного дворца и данусменда в путь-дорогу, и все они желали им счастливой дороги и удачного возвращения.

– Мозол, жить тебе и здравствовать, не терзай себя дурными мыслями, – сказал на прощание старик своей любимой жене.

Затем он и Меошиерах сели на своих добрых коней и предались дороге. Семь месяцев и семь недель пробыли они в пути. За эти семь месяцев и семь недель семь раз они

взбирались на вершины крутых гор и семь раз спускались в глубокие сырые ущелья, у семи рек делали привал и поили коней своих; во многих караван-сараях, ночевали; семь велиетов проехали и, наконец, доехали до одного таинственного леса, где жила древняя старушка Гузелгюл. Остановили они на краю темного дремучего леса своих коней и стали искать тропинку, которая привела бы их к сакле старушки Гузелгюл.

Долго искали они эту тропинку, но так и не смогли найти. Сели тогда на лужайке, чтобы усталость с себя сбросить, и видят: к ним подлетел соловей и сказал:

– Я знаю, вы к старушке Гузелгюл пришли... Идите за мной, я вас проведу...

Путники взяли под уздцы своих коней и заспешили за перелетающим с ветки на ветку соловьем.

Старик Шолум и данусменд Меошиерах подошли к одному холму и видят, что на нем растет много кустов черных роз: одна красивее другой! Ну прямо загляденье! А запах от них такой одурманивающий, что путники наши тут же опьянели и бесчувственными свалились на землю. Увидел соловей все это, взлетел на одно дерево, набрал в клюв росинки и капнул им в рот: путники пришли в себя, встали и вновь пошли за перелетающим с ветки на ветку соловьем.

Наконец подошли они к низкой сакле старушки Гузелгюл, предстали перед ней и стали рассказывать о себе и о цели своего прихода.

Выслушала Гузелгюл путников и, посмотрев на их усталые лица, на изорванную одежду, на пыльные, порванные кожаные чуваки с высокими голенищами, пожалела их.

– Я бы помогла вашему горю, – сказала она, – но это не в моей власти. Вам нужны розы, которые растут в моем цветнике, но они строго охраняются всеми осами этого леса. Если вы сможете зайти в тот цветник, да так, чтобы осы не покусали вас до смерти, и сорвать розу и розочку, то ваша взяла. Если же осы вас кусают, то считайте, что вы пришли сюда, чтобы обрести свою смерть.

Данусменд выслушал старушку Гузелгюл и сказал:

– Что судьбой предрешиено – тому и быть. Ступай, мой хозяин, в цветник... Такой дальний путь прошли, много трудностей перевидали, стыдно ни с чем возвращаться.

Ничего не оставалось делать несчастному бездетному Шолуму. Вошел он в цветник и только потянулся к цветку, как из таинственной чащи леса с жужжанием слетелись рои огромных, большеглазых ос. Как только не махал старик руками, защищаясь от злых и разгневанных ос, как только не кричал, взывая неведомо кого на помощь, но огромные злые осы все садились ему то на плечи, то на шею, то на лицо, то на руки и больно жалили. Явная смерть ждала бы бедного старика, если бы не знакомый соловей. Сел соловей на куст розы и стал изо всей силы петь песню, в которой говорилось:

Если из моря взяли каплю воды,
Море не станет от этого мельче;
Нищему если дать напиться воды,

Воды от этого, нет, не убавится.

Если на клумбе розу сорвать,
За ночь другие вырастут.
Если уверовать в это во все,
Божья милость свершится
В этой и в будущей жизни...

Услышали осы волшебную песню соловья и тут же замерли, застыли на месте. Те, которые хотели ужалить – не могли высунуть свои жала; те, которые летали – так и застыли в воздухе; те, что хотели взлететь – так и не взлетели... Околдовала их песня соловья. А бездетный старик между тем поспешно сорвал одну розу и еще розочку и вышел из цветника, уже покусанный и опухший.

Пришел он к древней старушке Гузелгюл, а та и говорит:

– Высушишь розу и розочку, затем растолчешь и заваришь чай. Семь дней по семь раз в день с женой будешь чай этот пить. Пройдет девять месяцев и девять дней, и у вас родится сын. Но знай, когда сыну исполнится семь лет и семь дней, ты умрешь. За девять месяцев до твоей смерти жена родит тебе и дочь. Когда девочке исполнится семь лет, умрет и жена... А теперь возвращайтесь, Бог вам в помощь.

Старик и данусменд поблагодарили Гузелгюл за розы и тронулись в обратный путь.

Много месяцев и недель пробыли они в дороге, семь чужестранных земель проехали, во многих караван-сараях ночевали; семь раз спускались в непролазные ущелья и семь раз выбирались оттуда. А старый Шолум никак не мог дождаться конца пути: ему все не терпелось скорее добраться домой и обрадовать заждавшуюся его старушку.

Добрались они до седьмой реки, напоили коней своих, разожгли костер, поставили казан с пловом на огонь и сами сели у огня отдохнуть. Тут Шолуму представилось, как радостно встретит его Мозол и на радостях всплакнет. От этой приятной мысли в нем заиграла кровь, и старик стал танцевать вокруг костра:

– Арса, арса, у меня будет сын, у меня будет дочь!.. Арса! Арса!..

Неподалеку от этих мест жил один данандей. Услыхал вещун, что кто-то в такт танцу хлопает и «Арса! Арса!» кричит. Приблизился он к костру и, увидев пляшущего старика, спросил:

– Да пусть радость и веселье вечно сопутствуют вам, старцы! Почему вы так радостны?

Рассказали ему старцы все как есть. А вещун улыбнулся ехидно и говорит:

– У сегодняшней радости в завтрашнем дне горе бывает.

Не по душе пришлись данусменду слова незнакомца, и он зло сказал:

– Чтоб язык твой сгнил, собачий сын.

Разозлился данандей, стукнул своим волшебным посохом о землю и крикнул:

– Исчезни с глаз моих на дно реки, и стань там Серови.

В это время из того места, куда незнакомец ударил своим посохом, вырвался смерч, закрутил, завертел Меошиераха, и унес в реку.

– А ты, старец, ступай своей дорогой, – сказал данандей и добавил: – Но знай и помни, что у сегодняшней радости в завтрашнем дне горе бывает.

Сел старый Шолум на коня своего и, не отведав плова, поехал лицом к своей стране. Семь раз пришлось ему подниматься на вершины крутых гор и семь раз спускаться, но, наконец, добрался он до родного порога. Обрадовалась жена возвращению мужа. Много народу пришло проводить Шолума, а вечером он рассказывал собравшимся обо всем случившемся с ним в дороге и о встрече с незнакомцем.

Когда старый Шолум закончил свой рассказ, жена сказала ему:

– Шолум, да исполнятся твои желания, я просила бы тебя этому доброму данусменду в нашем дворце памятник из золота и мрамора поставить. Такому человеку, как он, нужно воздать заслуженную честь и память. Пусть слава о добром человеке будет примером для детей, которые у нас родятся.

– Словами самого Бога говорит жена твоя. И вправду, нужно бы такому доброму данусменду, каким был бедный Меошиерах, поставить памятник, – в один голос обратились к Шолуму все собравшиеся.

Распорядился владелец дворца, чтобы поставили доброму старцу данусменду Меошиераху памятник. Через три дня и три ночи его приказ был выполнен. Много народу приходило смотреть на этот памятник и почитать заколдованного данусменда Меошиераха.

Спустя несколько дней бездетные супруги потолкли в ступе привезенные розы, заварили чай и стали пить. Семь дней и по семь раз в день пили они этот чай. А через девять месяцев и девять дней, как и говорила Гузелгюл, у стариков родился сын необыкновенной красоты. Назвали его Гавриил. Если у человека два глаза, то нужно еще два глаза, чтобы смотреть на красоту этого ребенка. Радости стариков не было предела – они готовы были лопнуть от счастья.

О, бедные старики, если бы они могли знать, что ждет впереди их новорожденного.

Но не станем забегать вперед, а расскажем о том, как растили они свое чадо.

Его ватой пеленали, чтобы ветерок не мог тела его касаться; его в масле купали, чтобы здоровым рос; его мясом без костей кормили, чтобы сильным был, ему хлеб без отрубей давали, чтобы рос скорее, его всеми молитвами благословляли, чтобы Бог был к нему добр... И он рос изо дня в день красивым, умным, здоровым и добрым.

За девять месяцев до того, как мальчику исполнилось семь лет и семь дней старая мать родила дочь. Назвали ее Белго. В ту ночь, когда родилась дочь, луне стало стыдно – девочка затмила ее своей красотой. И звезды на небе погасли – их погасил взгляд девочки. А когда наступило утро, лучи солнца тут же исчезли в золотых ее волосах.

Спустя некоторое время после рождения девочки старый отец умер, как и предсказывала старая Гузелгюл. Предали его тело земле, а через год устроили серсали и надгробный мраморный памятник поставили.

Но время шло. Гавриилу исполнилось четырнадцать лет, и у него стали появляться усы, а девочке исполнилось семь лет, и ее косички превратились в сорок тугих кос. Старая мать глядела на детей своих и не могла нарадоваться ими.

– Дети мои, живите дружно и никогда не грубите друг другу, – часто говорила она. – Где дружба и согласие, там и колючка розой станет.

И дети обещали быть такими, как велит их мать.

Вскоре старая Мозол слегла в постель и умерла. Похоронили ее дети рядом с могилой отца, поставили надгробный мраморный памятник и остались совсем одни.

Жили они дружно, во всем помогали друг другу и никогда не сердились, грубого слова не роняли. Соседи их в пример другим ставили.

А между тем Гавриил каждое утро уезжал осматривать сады и виноградники, а поздно вечером возвращался домой. А сестра его оставалась дома, за дворцом присматривала, готовила к возвращению брата вкусные кушанья. Брат, глядя на сестру свою, всегда радовался тому, что только у него есть такая красивая и милая сестра, а сестра смотрела на брата своего и тоже радовалась, что только у нее есть такой красивый, добрый и вечно занятый хозяйством брат.

Так жили брат и сестра до тех пор, пока не случилось одно событие.

...Однажды, когда Гавриил уехал в сады, а Белго осталась дома одна и была занята хозяйством, к ней пришла поболтать соседская дочь и предложила свою помощь.

– Я сама справляюсь, – ответила Белго.

Но соседская дочь, а звали ее Маравшей, все же стала помогать. Много разных дел переделали в этот день Белго и Маравшей: и птиц накормили; и коров и лошадей загнали по своим местам; и двор прибрали; и комнаты в порядок привели; и обед приготовили... А когда дело близилось к вечеру, соседская дочь ушла, попрощавшись с хозяйкой дома.

С заходом солнца вернулся Гавриил домой, поцеловал, как того требовал обычай, сестру в лоб и угостил ее фруктами из сада.

– Ешь, сестричка, на здоровье. Для тебя рвал, – сказал он.

Сестра поблагодарила и велела брату садиться ужинать. За ужином Гавриил рассказал

любимой сестре о делах на виноградниках и в саду, а Белго рассказала брату, как приходила соседская дочь и помогала ей по хозяйству. Затем они ушли по своим комнатам спать.

На следующее утро брат, как всегда засветло, уехал в сады, а сестра занялась хозяйством. И в этот день к ней пришла соседская дочь и снова стала помогать. Между дел она сказала Белго:

– Брат твой красивый и умный!

Белго ответила:

– Да, он очень хороший.

И тут они разговорились.

– Вот женился бы он, и тебе было бы легче, – сказала соседка Маравшей. – Глядишь, вдвоем, невестка и золовка, станут хозяйство вести... Одной все же трудновато и скучно.

– Ну что ты, моему брату еще рано жениться, – ответила Белго, смущаясь.

Но нет, не так-то легко было отделаться от Маравшей. Она была себе на уме, да и хитрости не лишена.

Когда солнце, отработав свое время, ушло на покой, Гавриил вернулся домой. Как и всегда, он мило поцеловал сестру и угостил спелыми грушами.

– Ешь на здоровье, сестра! – сказал брат и, увидев ее грустное лицо, встревожено спросил: – Что с тобой, сестра, не больна ли?

И Белго ответила:

– Дорогой мой брат, у меня к тебе есть серьезный разговор.

– Говори, сестра, – ответил брат.

И сестра стала говорить брату, что пора бы ему жениться, что ей трудно в хозяйстве... Много всяких причин выставила Белго брату, но брат выслушал и, усмехнувшись, ответил:

– Дорогая сестра, мне и без жены неплохо... А помогать тебе я сам буду... Только не говори мне больше о женитьбе.

Сестре стало неловко, она покраснела и ушла в свою комнату.

На следующий день, когда Гавриил уехал в сады, Маравшей снова пришла и спросила:

– Ну как, красавица, говорила с братом о женитьбе?

– Говорила, но он и слушать не хочет, – ответила Белго, улыбаясь и гордясь своим братом.

А соседская дочь обняла Белго за плечи и стала советовать:

– А ты будь умницей, когда он вернется, расплячься и скажи ему, что тебе одной оставаться страшно... да и ужин ему не готовь... Женится брат, и тебе легче с невесткой будет, как-никак помощь.

Послушалась Белго подружку и сделала все так, как она насоветовала.

Увидел Гавриил, что сестра его плачет, испугался: не случилось ли чего? И, обняв ее за плечи, спросил:

– Милая сестра, что с тобой?

И вот тут-то Белго и высказала:

– Никакая я тебе не милая. Если бы любил сестру свою, то исполнил бы ее просьбу, женился бы...

– Дорогая сестра, но мне не на ком жениться. Где же я невесту найду? – сказал Гавриил.

Обрадовалась Белго, что наконец-то брат согласился жениться, и говорит:

– Да исполнятся твои желания, милый брат, далеко ходить не нужно, невеста рядом живет.

И она рассказала о соседской дочери и в конце заверила: – Лучшего и искать не надо. Она хозяйственная, умная, добрая.

Не хотелось Гавриилу обижать свою любимую сестру, и он сказал:

– Милая сестричка, быть по-твоему.

Вскоре сыграли богатую свадьбу, и Маравшей перебралась к мужу в дом. Так у красавицы Белго появилась невестка...

Стали они жить втроем и хозяйство вести. Гавриил, как и раньше, с восходом солнца в сады уезжал, а Белго и Маравшей оставались дома и все дела переделывали. А когда Гавриил возвращался, то привозил из сада жене и сестре вкусные фрукты.

– Ешьте на здоровье, – говорил он, угощая.

Белго от всего сердца радовалась за доброго брата своего, дорожила его вниманием и всегда старалась ответить заботой о нем. А Маравшей злилась дружбе мужа с золовкой и копила на них злобу, которая с каждым днем и часом готова была выплеснуться, причинить горе, изжить из дому Белго.

«Поселилось в доме зло – от горя не избавишься», – говорит народ.

И вот в один из дней, когда Гавриил отправился в сады, Маравшей тайком зашла в курятник и всем курам головы поотрывала. А когда муж вернулся, то она выбежала к нему навстречу и стала кричать, в ноги мужу падать. Испугался Гавриил и спрашивает:

– Что случилось?

А хитрая Маравшей отвечает:

– Зайди в курятник и посмотри сам.

Вбежал встревоженный Гавриил в курятник и видит, как в собственной крови безголовые куры трепыхаются.

– Это дело рук твоей любимой сестры, – поспешила уверить его Маравшей.

Не стал Гавриил браниться, а только сказал:

– Ничего страшного. Пусть жизнь этих бедных птиц будет жертвой перед Богом.

Еще злее стала Маравшей от всего того, что сказал ей муж, и пуще прежнего возненавидела она свою золовку.

На следующий день Гавриил снова уехал в сады, а она зашла в коровник, чтобы коров подоить, да всем животным пообрезала вымя и стала ждать возвращения мужа. А когда пришло время возвращения Гавриила, выбежала ему навстречу со слезами и стала кричать:

– Опять твоя любимая сестра беду натворила, всем коровам вымя пообрезала... Чего она только этим добивается?

И на этот раз не стал Гавриил браниться, а только коротко сказал:

– Ничего страшного, велю зарезать коров, а мясо – бедным раздать.

Лютой злостью налились глаза хитрой и коварной Маравшей от слов мужа, но она промолчала и затаила в душе новую злобу.

Шли дни за днями, брат и сестра по-прежнему окружали друг друга заботой и вниманием, а жена по-прежнему продолжала презирать золовку и, не переставая, думала, как бы выжить ее.

И такой день пришел. Маравшей на этот раз пообрезала всем лошадям хвосты, а когда муж вернулся из садов, растрепала свои волосы, глаза слюнями намазала и, свалившись на холодный пол, притворилась плачущей.

Гавриил обеспокоился, когда увидел жену в таком виде, подбежал к ней и спрашивает:

– Что с тобой? Почему ты на холодном полу лежишь? Так ты можешь застудить себя и у нас не родится ребенок.

И вот тут-то хитрая Маравшей поняла, что только ребенком можно напугать мужа и заставить его выгнать из дому любимую им сестру.

– Если ты хочешь жить со мной и ребенка иметь, то прошу тебя, выгони из дому сестру свою... На этот раз она всем лошадям хвосты обрезала... Чего она только этим добивается?

Испугался Гавриил, как бы с женой чего не случилось, и не осталась она без ребенка, и позвал к себе свою любимую сестру и сказал ей:

– Дорогая сестра, ни о чем расспрашивать тебя не буду и объяснять не стану. Построю тебе в другом месте дом – половина из серебра, половина из золота... Бери все, что тебе нужно из этого дома, и уходи!

Не стала Белго перечить любимому брату, но слез сдержать не смогла, расплакалась и сказала:

– Воля твоя, милый брат, поступай, как знаешь!

За три дня и три ночи по приказу Гавриила мастера выстроили в самом дальнем саду дом – половина из серебра, половина из золота, и бедная Белго перебралась туда. Радостям коварной Маравшей не было предела. Она торжествовала свою победу над золовкой.

Спустя несколько месяцев после того, как Белго покинула дом брата, у молодых супругов родился сын. Красотой своей он походил на отца своего, и Гавриил рад был этому сходству, и души не чаял в наследнике своем. Каждый вечер, возвращаясь из садов, он брал младенца на руки и подолгу забавлялся им, смеясь и радуясь от души.

«Злодейка не может жить, чтобы зла не делать», – говорит народ.

Не могла жить без зла и Маравшей. Все это время она только и думала о том, как бы вновь причинить своей золовке зло.

И вот однажды Гавриил, как всегда, отправился в сады, а жене наказал, чтобы за ребенком присматривала, плакать не давала да вовремя кормила. Осталась Маравшей с ребенком одна-одинешенька, и тут ей в голову пришла мысль: убить ребенка и свалить вину на свою золовку. «Вот когда я золовку вконец изничтожу!» – обрадовалась коварная Маравшей.

Когда пришло время кормить ребенка, она намазала грудь свою ядом и дала младенцу пососать. Не успел бедный крошка губами материнской груди коснуться, как тут же скончался, не издав ни единого детского писка. Коварная и жестокая Маравшей преспокойно запеленала и положила в колыбель-качалку мертвого ребенка и ушла во двор, чтобы вернувшийся муж мог видеть ее за работой.

Вскоре во двор въехал и сам Гавриил. Он привязал коней к коновязи и заспешил в дом, где находилось его чадо. Гавриил подошел к колыбели, чтобы взять ребенка, – и, о ужас! – сердце отца будто замерло, когда он коснулся мертвого, холодного родного тельца сынишки.

– Сыночек мой! – страшным голосом крикнул Гавриил, и из глаз его хлынули слезы.

А стоявшая в это время за дверью Маравшей, сделав растерянно-испуганный вид, вбежала в комнату, бросилась к ребенку, словно она еще ничего не знала, и стала кричать, рвать на голове волосы.

– Ой, ой! Сыночек наш родненький, – кричала она. – Зачем же ты оставил нас одних, ушел от нас?.. Это проклятая твоя тетя задушила тебя... Зачем я, дура, позволила ей с тобой играть... Зачем? Зачем? – Она металась по комнате, а сама исподтишка наблюдала за мужем.

Послушал Гавриил, о чем сквозь слезы кричит жена его, и тут же велел сходить за Белго и привести ее.

Со всех ног побежала коварная невестка к своей золовке. Прибежала, вошла в дом, а тем временем золовка была занята шитьем. Маравшей еле переводя дыхание, сердито сказала:

– Брат велел срочно явиться к нему, – сказала и сразу же ушла.

Вернулась она к себе и стала ждать, что же будет дальше.

А Белго тем временем связала в узелок подарки для своего племянника, нарядилась сама и заспешила в гости к брату. Не успела она переступить порог дома, подарки свои выложить, как брат сказал:

– Дай мне сюда твою руку.

Белго покорно протянула правую руку, не понимая, в чем дело. Брат обнажил кинжал свой и одним взмахом отсек сестре руку и швырнул ее на пол.

– Дай сюда и вторую руку, – сказал брат нервно.

Белго покорно протянула и левую руку. Гавриил отсек одним взмахом и вторую руку и швырнул ее туда же, где лежала правая рука.

– А теперь ступай на все четыре стороны. С этой минуты ты мне не сестра, я тебе не брат, – сказал Гавриил.

Не стала бедная Белго ни о чем расспрашивать брата своего, а только посмотрела на валявшиеся в крови руки свои, которыми она обнимала любимого брата, готовила ему обеды, стирала, гладила, и, обливаясь горькими слезами, покинула дом брата и невестки, покоряясь не разуму, а ногам своим.

Долго шла она, истекая кровью, обливаясь слезами боли и обиды. Ночи шла, дни шла, много месяцев шла, семь гор прошла. И все это время питалась чем придется и как придется. Лесом шла – дичками питалась. Если дички над головой росли, она губами тянулась к ним. Когда полем шла – ягоды собирала: ложилась на живот и губами срывала их.

Но в один из жарких дней случилось так: пришла она к одной шумной речке, такой шумной и могучей, что камни по дну ворочает, и села на крутом бережку. И так ей пить захотелось. Легла она ничком у самого берега и стала губами воду захватывать. Вдруг – надо же такому случиться, когда она хотела захватить губами воду, поток воды подхватил ее и стал уносить на дно. Бедная Белго стала кричать, да так громко, что в лесу деревья, словно от сильного ветра, гнуться стали, шелестя листвою, и крик этот о помощи дальше уносить. А как она, бедная, барахталась, старалась не уйти на дно шумной реки! Если бы кто видел все это, тут же ослеп бы от ужаса...

Но на счастье, ее страшный, предсмертный крик дошел до речной царицы Серови. Выплыла Серови на поверхность воды, вынесла несчастную на берег реки и исчезла.

Побрела бедная Белго в сторону леса, дрожа от страха, который ей только что пришлось испытать, и вскоре набрела на одно плодовое дерево, на котором росли дикие груши. Попробовала девушка губами сорвать с дерева одну грушу, а дерево поднялось и выше стало. Стала тогда Белго на носки и снова потянулась к плоду, а дерево еще выше стало. Села тогда она под деревом и стала ждать, когда с дерева упадет плод. Долго сидела она так, но дерево все не роняло плодов. И девушка взмолилась, запрокинув к небу голову:

– О, Худо, за что же ты так жесток ко мне? В чем моя вина?.. Даже этими дикими плодами и то не хочешь накормить меня, несчастную, беспомощную, бездомную.

Не успела Белго произнести эти слова, как с неба сорвался длинноголовый, многохвостый ветер. Он подхватил своими длинными, костлявыми руками девушку, тихо поднял ее, посадил на грушевое дерево и тут же с шумом поднялся и исчез.

Обрадовалась Белго, что какое-то чудо посадило ее на дерево, и спокойно стала рвать губами груши и есть. Много дней и ночей сидела она на дереве и ела дикие груши. Кто знает, сколько еще она могла так сидеть на дереве, если бы не случай.

А случилось вот что.

Неподалеку от этого леса, где на дереве сидела бедная безрукая красавица Белго, находилось падишахство одного знатного падишаха, которого звали Генедон. Было у этого падишаха три сына: старшего звали Нагулдан, среднего – Шумшун, младшего – Джугово. Все братья были очень красивыми и сильными, и всегда во всем помогали отцу своему.

И вот в один из дней Генедон говорит старшему сыну:

– Нагулдан, погоди лошадей на водопой.

Взял Нагулдан плетъ, сел на коня и погнал весь табун к реке. Когда лошади подошли к лесу, вдруг остановились, как вкопанные, и ни с места.

– Но!.. Гей!.. – кричит старший сын Генедона и бьет плетью лошадей.

Лошади ржут на весь лес, на дыбы встают, а к реке не идут. Семь часов мучился падишахский сын, семь потов сошло с него, но так и не смог он заставить запрямявшихся лошадей подойти к реке. Пригнал он тогда табун обратно и говорит:

– Отец, не знаю почему, но лошади не идут к реке. Чего-то боятся.

Послал тогда падишах среднего сына. Пригнал Шумшун табун в лес, встали лошади на одном месте, словно к земле приросли, и ни с места. Семь часов мучился Шумшун, семь потов с него сошло, но и он не смог подогнать лошадей к реке.

Вернулся он домой и говорит:

– Отец, лошади и вправду кого-то боятся, не идут к реке.

Обратился тогда падишах к младшему сыну:

– Джугово, погони табун и выведай, в чем дело.

Джугово пообещал отцу все выведать, вскочил на коня и погнал табун на водопой. Лесом лошади шли спокойно, но, когда стали подходить к реке, встали и ни с места: ржут на весь лес, землю копытят, друг друга кусают. Видит Джугово, что нет смысла кричать на них, погнал он тогда их обратно, а сам остался, чтобы вызнать, в чем дело.

Пошел он налево, каждый куст, каждое дерево осмотрел – ничего нет. Пошел он направо – опять ничего нет. Спустился он тогда к реке и вдруг почувствовал, что глазам его стало больно от какого-то света. Прикрыл юноша ладонями лицо, чтобы глаза свои не ослепить, и стал сквозь пальцы смотреть вокруг. Посмотрел он на одно дерево, и глазам его предстало невиданное, неслыханное чудо! С дерева водопадом спадали золотые, ослепляющие своим блеском волосы. Такой свет излучали эти волосы, что, казалось, лес пылает огнем и погасить этот огонь никто и никогда не сможет.

Подошел Джугово к дереву и, не отрывая от лица рук, спросил:

– Кто сидит на этом дереве, отвечай?

Но ему никто не ответил. Только золотые волосы заколыхались и еще сильнее стали слепить юноше глаза.

А Джугово опять обратился к невиданному чуду:

– Если старушка – станешь мне второй матерью, если старик – вторым отцом будешь, если юноша – четвертым братом будешь, если девочка – сестрой станешь, если девушка – женой будешь. Скажи хоть слово, дай о себе знать, назови свое имя...

И тут с дерева донесся ответ:

– Не возьмешь ты меня в жены, добрый юноша.

Поклялся тогда Джугово в верности своих слов и попросил девушку сойти на землю.

– Я не могу сойти, у меня нет рук, – сказала девушка. Из глаз ее капнули слезы. Капнула одна слеза – трава под деревом тут же сгорела, капнула вторая слеза – яма

образовалась, капнула третья – и угодила юноше на плечо, и ему стало больно: слеза девушки обожгла ему кожу. Больно жгучими были от всех обид и мучений слезы бедной красавицы Белго.

Когда увидел Джугово красавицу, тут же всем сердцем влюбился в нее. Примчался он со всех ног домой, запряг в золотую карету двух самых добрых коней. Затем повязал этим коням черными повязками глаза, чтобы не пугались блеска волос красавицы, и мигом приехал в лес, под то самое дерево, где сидела неведомая ему девушка. Взобрался юноша на дерево, снял оттуда безрукую красавицу, и привез в отцовский дворец.

Старый Генедон – отец юноши – вышел на хейвун, посмотрел вниз, и чуть было чувств не лишился. Уж очень красива была эта безрукая невестка. Вышла на другой хейвун и жена Генедона, посмотрела на красавицу и тут же упала в обморок: едва привели в чувство. Прибежали и старшие братья посмотреть на девушку, которую привез во двор их младший брат. Как увидели старшие братья, так и ахнули. Долго, разинув рты, смотрели собравшиеся на ослепительную красоту безрукой девушки и ничего не могли сказать от восторга и удивления, а Джугово тем временем помог безрукой красавице выйти из кареты, провел ее в отцовские покои и объявил всем собравшимся:

– Она моя невеста.

Назначили день свадьбы. Падишах наказал мастеровым сделать его невестке руки из чистого золота, дворцовым портным наказал сшить ей дорогие свадебные наряды, а хундекучи своим велел созывать на свадьбу сына всех знакомых и незнакомых, всех бедных и богатых.

Вскоре во дворце Генедона заиграла музыка – это справляли свадьбу Джугово и красавицы Белго. Гости только тем и занимались, что восторженно хвалили невесту. А она и вправду была так красива и прелестна в своем свадебном одеянии, что гости наслаждались, глядя на нее. А когда она танцевала, подняв над головой свои золотые руки и мелкими шажками шла по кругу, то казалась всем грациозной ланью.

– Надо быть счастливым, чтобы иметь такую красавицу в доме, – говорили гости и подносили молодым два стакана: один с медом, другой с маслом.

Сорок дней и ночей шло пиршество в честь молодых. На сорок первый день гости разошлись по домам, а молодые супруги предались радостным объятиям и стали жить в дружбе и привязанности, будто медом помазанные.

Шли дни за днями, недели за неделями. Джугово вместе со старшими братьями каждый день уезжал в сады помогать отцу. А красавица Белго оставалась дома и помогала по хозяйству свекрови. Ей бы с такой красотой и обаянием сидеть бы целыми днями и озарять собою весь падишахский дворец! Но нет, не такой была невестка, она еще с детства привыкла к труду. За что ни возьмется – все спорится в ее золотых руках. И свекровь была довольна и рада за свою невестку, всегда хвалила ее мужа и сыновьям своим. А молодой супруг вовсе не мог нарадоваться своей красавицей женой.

– Моя радость, – говорил он нежно, всем сердцем обнимая ее. Все шло хорошо, так хорошо, что большего и желать не нужно было.

Но случилось так, что на одно падишахство напали войска другого падишахства. Юноши всех падишахств стали собираться на войну. Пошел на войну и Джугово, сел он на коня своего и уехал вместе с братьями воевать в далекую страну. Осталась бедная Белго без любимого, без его ласки и объятий. Но не пала духом, не омрачилась. Чтобы не думать о милом супруге, не наводить ни на себя, ни на других тоску, стала она целыми днями и ночами, без сна и отдыха трудиться по хозяйству, ездить со свекром в сады, помогать ему. «И откуда столько силы у этой красавицы?!» – удивлялись все. Неведомо было им, что от большой любви к своему супругу передавались ей силы.

Вскоре в падишахском доме появился новый человек: Белго родила сына – такого красивого, что на всем свете еще никто не видывал ничего подобного. Каждому, кто видел этого ребенка, чудилось, что он отлит из золота. А каким же он должен был быть, если родила его красавица?! Назвали новорожденного Манисманом.

Решили старики – Генедон и его жена – поделиться радостью со своим сыном и написали ему письмо, где были такие строки: «Дорогой наш сын Джугово, жена твоя родила тебе сына небывалой красоты. Силой он в тебя пошел, а красотой и мать свою превзошел». Препоручили письмо это караванщикам, что двигались к тем краям, где шла война, – и стали ждать ответа.

Пока караванщики находятся в пути, я расскажу вам про злодейку Маравшей, которая была женой брата красавицы Белго.

После того как разгневанный Гавриил отрубил любимой сестре своей обе руки и прогнал ее, сам он остался жить с женой Маравшей. Много лет еще они прожили вместе, но детей после того, как коварная мать отравила своего сыночка, ненажили. Этим Гавриил был очень опечален и не находил себе места. День для него был ночью, а ночь – могилой, и он готов был от такой жизни умереть, провалиться под семь пластов земли.

Но однажды до Гавриила дошли слухи, что на какое-то падишахство напали войска другого падишахства и что падишах страны, на которого напали, просил дружественные с ним падишахства помочь ему крепкими юношами, и он – Гавриил – решил податься на войну.

«Все равно горем и тоской изнываю, там хоть смерть обрету», – подумал Гавриил и уехал.

Осталась его жена-злодейка хозяйкой на весь огромный дворец, и вскоре ей стало скучно быть одной. Решила она тогда дворец под караван-сарай использовать и к воротам прибила вывеску.

Много всяких путников, дервишей и караванщиков переночевали за это время в караван-сараях. Но на сей раз случилось так, что остановились здесь на ночлег караванщики, которым поручили передать письмо для Джугово.

– Что нового в тех местах, где вы побывали? – спросила хозяйка караван-сарая.

И караванщики рассказали ей, что в таком-то падишахстве у невестки такого-то падишаха родился внук небывалой красоты, и старики препоручили им письмо для сына, и

что мать этого ребенка вместо рук своих носит золотые протезные руки, и что сама она очень красива, и что свекор и свекровь не нахвалятся ею, не нарадуются.

– Счастливым надо быть, чтобы такую красавицу жену иметь, -вздыхнув, сказал один из караванщиков.

Догадалась коварная Маравшей, что это о сестре мужа речь, и хитро, как бы невзначай, спросила:

– Что же старики пишут сыну в этом письме?

Караванщики без всяких подозрений показали ей письмо и вскоре легли спать.

Когда караванщики уже спали глубоким сном, злодейка Маравшей украла это письмо, а вместо него положила другое, составленное ею самой. А писала она в письме следующее: «Дорогой наш сын Джугово, спешим сообщить тебе, что жена твоя родила уродца. Если ты видел обезьяну, то этот ребенок на два дня раньше обезьяны родился; если ты видел черта, то он во много раз страшнее его. Знай, что на нашу голову свалилось непоправимое горе. Все люди над нами смеются. Мы просим тебя, сын наш, разреши нам выгнать твою безрукую жену вместе с ее уродом».

С восходом солнца караванщики, заплатив за ночлег, тронулись в путь. Долго ли они были в пути, много ли раз делали привалы, но, наконец, пришли в те места, где шла война. Отыскали они Джугово, отдали ему письмо и, не задерживаясь, пошли дальше.

Прочитал Джугово письмо, разозлился на своих стариков и тут же написал ответ, где говорилось: «Я, ваш сын Джугово, прошу, умоляю, падаю вам в ноги, не выгонять и не обижать мою жену, если даже родила она уродца... Я ее люблю».

Отдал он письмо путникам, шедшим в те края, где жили старики и его любимая жена с сыном, – и стал ждать с нетерпением ответа.

По пути путники заночевали в том караван-сараяе, где хозяйкой была злодейка Маравшей. Узнала Маравшей, что они едут из тех мест, где идет война, и ночью, когда путники спали, нашла в кармане одного из них письмо, прочитала и спрятала, а взамен написала следующее: «Дорогие мои отец и мать, если даже жена моя родила мне сына сильного, как я, и красивее, чем мать его, мне жена моя не нужна. Я очень вас прошу, умоляю, падаю вам в ноги, выгоните ее до моего возвращения. Мне не нужна безрукая калека».

Переночевали путники, а с рассветом, не ведая, что письмо, препорученное им, подменено, тронулись в путь. Долго ли они были в пути, много ли раз устраивали привал – это им знать, но нам известно, что, когда они проходили через падишахство старика Генедона, бросили во дворец письмо и отправились дальше.

Когда письмо было прочитано, старики прикусили от обиды пальцы себе и стали обрушивать на дурную голову сына проклятия и ругательства.

– Дурак, ай, дурак! Ума лишился! Такую жену с таким ребенком выгнать, – возмущалась старая мать.

– Пока мои глаза открыты, этому не бывать, – гневался Генедон, нервно шагая по комнате. – Я его, негодника, самого скорее выгоню из дому.

Долго возмущались и гневались старики, но письмо это решили спрятать подальше и ни слова и даже ни полслова не говорить об этом невестке. Сыну же они составили ответное письмо, где обзывали его всякими неприятными словами и приказывали образумиться, не выгонять такую прекрасную жену и такого красавца сына, не совершать позорнейшую глупость.

Через несколько дней препоручили они письмо это караванщикам, а сами остались в печали и слезах ждать ответа. «Горе и печаль человека по лицу видно», – говорит народ. Видя печальные, удрученные лица стариков, Белго стала догадываться, что здесь что-то неладное.

– Что с вами? Вы так печальны? – спросила она как-то. – Может быть, с моим любимым Джугово что случилось?

– Нет, доченька, – ответили ей Генедон и его жена. – Просто мы устали от работы.

Но в сердце Белго то и дело закрадывалось что-то неприятное, страшное, она не могла молчать и стала просить стариков сказать ей правду. Но свекор и свекровь таили от нее правду и говорили, что от сына нет писем и они обеспокоены, или что-то другое придумывали, а сами все писали и писали сыну ругательные, гневные письма, а в ответ получали глупые письма, где сын все настойчивее требовал выгнать жену и сына: ведь письма эти все время подменяла злая и коварная Маравшей.

Но в один из дней, когда Белго вернулась из сада домой, то у дворцовых ворот подобрала письмо: оно было от ее любимого Джугово. Вскрыла она письмо и горько-горько заплакала. Ведь любимый муж и отец ребенка писал: «Дорогие мои родители, я уже который раз пишу вам, чтобы вы выгнали до моего возвращения безрукую жену мою и ее сына, каким бы он распрекрасным не был. Прошу, умоляю, падаю вам в ноги, исполнить мою просьбу. Я женился уже на другой».

Бедная и несчастная Белго со слезами на глазах пришла к Генедону и попросила, чтобы сшили ей хурджун.

– Я должна покинуть ваш дом, – сказала она.

Догадались старики, что ей в руки попало дурное и глупое письмо сына, и стали умолять ее не оставлять их одних.

– Для нас ты и внук наш дороже, чем наш сошедший с ума сын, – сказал Генедон. – Мы так полюбили тебя, красавица, что без тебя тут же умрем.

Но нет, напрасны были уговоры и лесть стариков, Белго и слушать их не пожелала.

– Я вас очень прошу исполнить мою последнюю просьбу: сшить мне хурджун, – стала просить она со слезами на глазах. Сшили мастеровые хурджун, а когда закончили, принесли и тут же удалились, чтобы не видеть горьких слез и не слышать душераздирающие вопли

бедных стариков. Попросила Белго своего свекра закинуть хурджун ей за спину и посадить в него младенца.

– Я этого не сделаю, – в слезах промолвил Генедон.

Тогда бедная Белго попросила сделать это стоявших рядом слуг. Исполнили слуги ее просьбу, едва-едва сдерживая свои горькие слезы. И вот тут-то все, кто здесь были, не могли удержаться от воплей и слез, а больше всех плакали старый Генедон и его жена: ведь их лишали внука – забавы семьи и продолжателя рода. Не сдержалась и сама Белго, чтобы не заплакать.

– Возьмите ваши золотые руки. Если своих рук нет – протезы не помогут, – сказала красавица сквозь слезы и, оставив свои золотые протезы, ушла, доверяясь ногам, а не разуму.

Много дней и ночей шла она с ребенком за спиной, и все это время плакала, горькими слезами обливалась. Слезы стекали ей на грудь, жгли платье и затмевали белый свет.

В один из дней дорога привела ее к лесу, где росло множество различных ягод и дичков. Осталась она жить в этом лесу, стала, как когда-то с деревьев, дички губами рвать, с кустов ягоды есть. Часть сама съест, а часть разжует и ребенку в рот положит. И так все время. Днем бродила по лесу, кое-как питалась, а на ночь забиралась в дупло старого огромного дерева и спала там, телом своим согревая ребенка.

В один из жарких и сухих дней бедной Белго сильно захотелось пить. Спустилась она к берегу реки, легла, как когда-то, на живот и стала губами захватывать воду. Сама попьет и изо рта ребенку даст попить. Но неожиданно случилось так: когда она хотела губами захватить из реки глоток воды, из хурджуна выпал ребенок и стал тонуть. Что тут было!.. Бедная и несчастная мать с криком о помощи на устах бросилась в реку за тонущим сыночком своим, да и стала сама тонуть. Так она страшно, бедная, кричала, что от ее крика лес дрожал, бледное небо качалось. А если бы кто увидел бы этот ужас, сразу же лишился бы рассудка или оглох.

На счастье мимо плыла огромная рыба. Она подплыла к утопающим и проглотила их – сначала ребенка, а затем мать – и, вильнув хвостом, ушла на дно. Долго плыла эта рыба с людьми в животе – ей было очень трудно плыть от такой тяжести. Но как бы то ни было, доплыла она до одного затона, предстала перед Серови – хозяйкой реки, и спросила:

– Приказывай, что дальше делать с этими людьми?

Серови погладила свои белые, словно из пены, волосы и таинственно сказала:

– Перенеси их на тот берег, прочти свои добрые заклинания и выпусти.

Когда рыба подплыла к другому берегу реки, она прочитала добрые заклинания на своем рыбьем языке и, выплеснув изо рта вместе с водой бедную женщину, опять ушла под воду.

Едва Белго коснулась земли, как почувствовала, что у нее выросли настоящие руки. Сначала она даже не поверила такому чуду, но, убедившись, что это не сон, а явь, всем

сердцем обрадовалась и даже на мгновение забыла о ребенке. Но когда вспомнила, что сыночек остался в рыбьем животе, то бросилась к воде, стала плакать и звать своего младенца.

– Сынок, сыночек, где ты?... Где?... – кричала она, обливаясь слезами.

А рыба в это самое время на дне реки кормила младенца своим рыбьим молоком и наказывала:

– Манисман, ты будешь сильным, но смотри, не твори зла доброму делу, люби всех птиц и рыб. – Сказав это, она выплеснула его на берег и погрузилась на дно реки.

Обрадовалась Белго, увидев сына здоровым и невредимым. Взяла его в первый раз за всю свою жизнь на собственные руки и, целуя его всего, счастливая зашагала вдоль реки. Долго шла она вдоль берега. Теперь ей с руками было легче: она могла разжечь огонь и сварить обед, нарвать всяких дичков и ягод и тем жить.

Однажды в один из жарких дней Белго решила искупать в реке своего младенца. Окунула она его в первый раз – ребенок тут же подрос и стал как трехлетний, окунула во второй раз – он еще больше стал. Обрадовалась мать такому чуду, окунула его в третий раз – а ребенок на сей раз стал походить на семилетнего.

– Мама, я в этом лесу у самого берега реки дом выстрою и мы будем жить в нем, – вдруг сказал семилетний Манисман.

Наломал он много хвороста, сплел из него стены, смазал их глиной, сверху покрыл плетень – и дом был готов. Стали они жить в этом доме не бедно и не богато: что раздобудут, то и съедят. Белго то и дело занималась шитьем или вязанием, только бы не сидеть без дела, не скучать и не предаваться печальным воспоминаниям, а Манисман целыми днями бродил по лесу, купался в реке, лазал по деревьям. Он так полюбил и сдружился с лесными птицами и речными рыбами, что вскоре научился понимать их языки. А рос он не по дням, а по часам, на удивление любимой матери.

Когда Манисман стал походить уже на одиннадцатилетнего мальчика и стал понимать, что у всех на свете бывают отцы, он стал изо дня в день докучать матери своей расспросами об отце. Но красавица Белго все уклонялась от ответа и рассказывала ему разные сказки и небылицы. Мальчик на время отставал, а потом опять задавал свои вопросы. И так шли дни за днями, недели за неделями. В один прекрасный день Манисман, взяв с собой кусок чурека, отправился далеко в лес. В лесу он стал кормить чуреком птиц. Но случилось так, что один самый старый ворон сел мальчику на плечо и сказал в самое ухо:

– Манисман, хочешь, я тебе расскажу, почему вы с матерью остались одни?

– Да, очень хочу, добрый ворон!.. Рассказывай, да поскорей! – попросил мальчик.

Рассказал ему старый, выдавший все на веку своем ворон о том, как он наблюдал за матерью мальчика в другом лесу, когда она еще была безрукой, как она ложилась на живот и губами собирала ягоды, как она тонула в реке, как ей помогла выбраться на берег Серови... – обо всем, что случилось с мальчиком и его матерью, поведал Манисману старый ворон. Даже

о том рассказал, как письма, которые посылались его отцу Джугово и ответы на них перехватывала злодейка Маравшей -жена дяди мальчика.

– А не знаешь ли ты, добрый ворон, где сейчас находятся мой отец и дядя? – спросил Манисман птицу.

– Как не знть! Знаю! Они на войне, далеко отсюда, – ответил ворон.

Тогда Манисман спросил ворона: не знает ли он, как можно отыскать добрую Серови, чтобы отблагодарить ее.

– Этого я не знаю, – ответил ворон, – это знают рыбы.

Прыгнул тогда Манисман в реку и стал созывать к себе всех рыб. Когда рыбы подплыли, он спросил их:

– Добрые мои друзья, где можно увидеть Серови?

Одна из рыб, ничего не ответив, проглотила мальчика и мигом доставила его в чудный подводный дворец хозяйки реки – Серови. Предстал Манисман перед беловолосой Серови, поклонился ей в пояс и сказал:

– Почтенная и добрая речная хозяйка! Ты в самые трудные минуты пришла на помощь мне и моей матери и спасла нас от гибели... Поэтому я, Манисман, сын этой женщины, пришел отблагодарить тебя и сослужить любую службу.

Серови прижала к себе мальчика, насупила свои большие белые брови и, устремив свой взгляд куда-то вдаль, печально сказала:

– Службу сослужить, говоришь?... Никому не под силу помочь в моем горе.

Манисман стал просить хозяйку реки поведать ему свое горе.

– Я все сделаю, чтобы избавить вас от горя, – сказал мальчик.

– О, добрый человек, вот уже много-много лет, как меня один данандей у седьмой реки околдовал в Серови...

А дело было так. В те далекие годы в стране горцев жил один богатый и почтенный старик, звали его Шолум. И была у него жена, которую звали Мозол, и любил он ее безмерно, и она его тоже любила. Но случилось так, прожили они вместе много лет, но детей родить все никак не могли. И вот в один из дней решил этот почтенный старик пригласить к себе со всех концов данусмендов и просить у них помощи или совета... Я тогда был самым мудрым данусмендом Хоазарии. Решил я помочь бедному старику и отправился с ним в далекую лесную страну Гузелгюл за волшебными розами, настой из которых надо было пить, чтобы у них родились дети. Много трудностей пришлось испытать нам в пути, но как бы то ни было, мы пришли в страну Гузелгюл, сорвали одну розу и одну розочку, хотя это было совсем не просто и, радостные, предались обратной дороге. У седьмой реки, когда мы сделали привал, нам встретился один данандей. Он увидел веселившегося Шолума и сказал: «У сегодняшней

радости в завтрашнем дне горе бывает... Что вы так веселитесь?»

Не по душе пришлись мне слова злого данандея, и я сказал ему: «Чтобы язык твой сгнил, собачий сын». За эти слова он разгневался на меня, стукнул своим волшебным посохом о землю и гневно сказал: «С глаз моих исчезни в реке и стань там Серови». В это самое время на небе появилось облако, а в том месте, где он ударил посохом, расступилась земля, и оттуда выскочил длинный и страшный джинн в образе Смерча. Завертел меня этот джинн, закружил, да и в реку сбросил. Едва я коснулся дна реки, как тут же превратился в Серови. И вот с тех пор я, человек земли, живу заколдованный в Серови в реке, среди множества рыб... Много лет прошло с тех пор. Родились ли у этого почтенного старца дети, мне не ведомо.

Манисман не выдержал и тут же спросил:

– Добрая речная хозяйка, а можно ли вас расколдовать, сделать такой, какой вы были? Если можно, я все сделаю для вас, только повелите.

Серови угрюмо усмехнулась и ответила:

– Расколдовать меня можно, но это тебе будет не под силу.

– Добрая Серови, я все сделаю, я сильный, только скажите, как это сделать, – не отставал Манисман. – Скажите как, скажите!

Ничего не оставалось Серови, и она сказала:

– Чтобы сделать это доброе дело, тебе нужно добраться до седьмой реки. Там между горами в семи шагах от берега находится жилье джинна в образе Смерча, который заколдовал меня в Серови. Если ты сумеешь словить его и привести ко мне, то я опять приму человеческий облик и смогу жить на земле.

Пообещал Манисман во что бы то ни стало изловить злого джинна в образе Смерча и попросил одну из рыб, чтобы она доставила его на берег. Проглотила рыба мальчика и поплыла. Дорогой она напоила его рыбьим молоком и выплеснула на берег. Когда ноги Манисмана коснулись земли, то он тут же стал рослым и крепким юношей. Обрадовался он, что стал большим и сильным, но мысль о том, что ему предстоит вступить в единоборство со злым и сильным джином, поборол в нем это радостное чувство. Пришел Манисман домой и украдкой от матери лег под огромный лист дерева, который он иногда использовал вместо одеяла. Лежит он и думает о том, как поймать джинна.

«Если связать его канатом, он все равно сбежит, – думал он. – Пожалуй, надо сшить мешок из каменной шкуры, в котором не было бы ни одной щели.»

Рано утром отправился добрый юноша к одной скале, содрал с нее шкуру, принес домой и говорит:

– Мать, ты должна из шкуры скалы сшить мне каменный мешок.

Мать в недоумении спросила:

– Сынок, а зачем тебе понадобился каменный мешок?

– Мать, вопросов мне пока не задавай, потом сама все узнаешь. Лучше поспеши исполнить мою просьбу, да постарайся, чтобы в этом мешке ни одной щели не было.

Не стала мать ни о чем больше расспрашивать сына, разожгла во дворе костер, на костре раскалила края каменной шкуры и скрепила их так, чтобы ни одной щели не было. Три дня и три ночи остывали раскаленные концы каменной шкуры, а на четвертый день все было готово, и Манисман стал собираться в дорогу. Свернул он мешок из каменной шкуры, положил под мышку и, захватив с собой самим же выкованную саблю, пошел к реке. Здесь он прыгнул в воду и стал звать рыб. Собрались вокруг него рыбы и спрашивают:

– Зачем мы тебе понадобились?

Рассказал им Манисман, что к чему, и попросил одну из рыб, чтобы она доставила его к седьмой реке, к тому самому месту, где живет джинн в образе Смерча. Проглотила рыба юношу и поплыла к нужному месту.

Долго ли она плыла с человеком в животе или нет, но, наконец, приплыла к берегу седьмой реки, где когда-то, много-много лет назад, делали привал нынешние водяная царевна Серови и почтенный старец Шолум из далекой горной страны. Здесь она напоила Манисмана своим рыбьим молоком, чтобы он стал еще сильнее, чем есть, и сказала:

– Старайся лишить противника земной опоры!..

Затем заботливая рыба выплеснула юношу на берег и, ударив хвостом по глади воды, скрылась в ее глубинах.

Не успел Манисман отсчитать от берега семь шагов, как со страшным шумом из расщелины земли выскочил огромный и страшный джинн с большими, как два арбуза, глазами и стал быстро-быстро вращаться вокруг Манисмана. Юношу поначалу охватил страх, но он его переборол и, обнажив свою саблю, бросился на джинна. Ударил он джинна в первый раз, закружился, заревел Смерч и как мяч отлетел в сторону. Второй раз ударил юноша по джинну, но Смерч и на этот раз отлетел в сторону, и опять закружился на месте, захватывая своими щупальцами юношу. Тогда Манисман присел на корточки и изо всей силы ударил джинна под самые подошвы ног. Джинн еще отлетел на семь шагов в сторону. И тут его охватила такая злоба, что он со всей яростью и со страшным свистом бросился на юношу и стал сильно вертеть его, таскать из одного места в другое, из другого – в третье. Долго вертел разъяренный джинн Манисмана, но юноша то и дело садился на корточки и, не переставая, размахивал саблей, лишая злого и сильного противника земной опоры. Вскоре джинн вовсе выбился из сил, истощился и растянулся на земле во всю свою невероятную длину, и вскоре замер в бесчувствии.

И вот тут-то смелый Манисман немедля схватил огромного джинна, сжал его в маленький ком, запихнул в каменный мешок и прыгнул в реку. Здесь он позвал своих рыб, одна из них проглотила его и мигом доставила в подводный дворец Серови.

Обрадовалась Серови, увидев побежденного джинна – врага своего, и говорит, обращаясь к нему:

– Злодей, ты, наверное, и позабыть успел, как когда-то давно скрутил меня, бросил в реку и заколдовал в Серови?.. Теперь-то мы с тобой поквитаемся.

Взмолился джинн и еле-еле проговорил:

– Речная хозяйка, не убивай меня,пусти на землю, я тебя расколдую и вновь сделаю человеком.

Джин вытянулся во весь рост и стал вертеться вокруг Серови в обратную сторону, да так быстро, что в реке вода пеной покрылась. Когда джинн перестал вертеться и уменьшился, все рыбы и Манисман увидели перед собой не Серови, которая только что была покрыта рыбьей чешуей, а почтенного старика с добрыми, вдумчивыми глазами -это был тот самый данусменд Меошиерах, который некогда шел с бездетным стариком Шолумом в далекую лесную страну Гузелгюл.

– Спасибо тебе, смелый Манисман, за мое освобождение, – сказал бывший Серови.

Рыбы в реке и птицы на берегу, увидев расколдованного Серови, обрадовались и стали песни петь, и пляски устраивать. Но больше всех радовался Манисман. От радости он даже станцевал да так молодцевато, что заядлый танцор позавидовал бы его умению ходить на носках.

Только не радовался злой джинн: он молчал и думал о том, что как только данусменд простит его и выпустит на берег, он снова заколдует его, заодно и дерзкого юношу, а вместе с ним и всех рыб, и всех птиц этого леса. Данусменд посмотрел на джинна и тут же разгадал его тайные, коварные мысли и сказал:

– Манисман, ты должен немедленно убить этого джинна!.. Знай, если он сейчас вынужден был совершить добро, то при удобном случае он обязательно совершит новое зло... Я слышу его мысли, они коварные и таят в себе злобу ко всему праведному.

Разрубил смелый Манисман злого и коварного джинна на части и зарыл на дне реки, а рыб попросил доставить данусменда и его самого на берег, где он построил себе и матери дом.

Вскоре привел Манисман старого данусменда к себе домой и представил матери:

– Это добрый старик, та самая Серови, которая не раз спасала тебя, когда ты была безрукой, – сказал он матери и добавил. – Отныне он будет жить с нами.

А мать пригрозила сыну, мол, выдумки все это, и наказала, чтобы он больше не болтал всяких глупостей.

Но нет, так просто она не могла отделаться от прошлого и вновь скрыть от сына всю правду: перед ней сидел живой свидетель тех страшных минут, когда река чуть-чуть не проглотила ее и сына.

– Не надо врать мальчику, дочка. Ему все известно и даже больше, чем нам, – сказал

данусменд и принялся рассказывать о том, как он был заколдован джинном в Серови и жил в реке; как он слышал душераздирающие крики утопающей женщины; как он подплыл к ней и увидел, что у несчастной нет рук, как помог ей выбраться на берег. Рассказал он также о том, как она тонула вторично, но на этот раз не одна, а с грудным ребенком, и она – Серови – речная хозяйка, – приказала большой рыбе спасти утопающих, и рыба проглотила их, доставила на берег и, выплеснув там, прочитала свои добрые заклинания.

– Кто вы, откуда и почему очутились в реке, мне и по сей день неизвестно, – заключил данусменд.

Ничего не оставалось делать. Повела Белго ему, все как было, начиная с того времени, как брат отрубил ей руки и выгнал из дома, а за что, она и сама не знает; как она стала женой прекрасного юноши, как он ушел на войну, а оттуда писал отцу и матери, чтобы выгнали ее и сына; как она ушла из их дома и нечаянно выронила из хурджуна ребенка, а вслед за ним и сама бросилась в реку и стала тонуть.

– Но тут, откуда ни возьмись подплыла огромная рыба, проглотила меня и моего ребенка, доставила к берегу и выплеснула, но уже с руками. Вот с тех пор я и мой сын живем здесь, добрый данусменд, – закончила Белго свой рассказ.

– Все это мне было давно известно, – сказал Манисман и добавил: – Я даже знаю, что письма эти писал не мой отец, а злая жена моего дяди.

Долго они говорили в этот день и только поздно ночью легли спать.

Шли дни. Манисман по-прежнему дружил с птицами и рыбами. И вот однажды, когда он бродил в лесу, села ему на плечо одна птица и говорит:

– Я видела, как отец твой сюда на коне скачет.

Обрадовался Манисман и бегом пустился домой, чтобы сказать матери и данусменду добрую весть.

– Не болтай глупостей, нет у тебя отца, – рассердилась было мать.

Манисман опять за свое:

– Нет есть, он едет сюда, я точно знаю.

В это самое время в дверь постучались, и Манисман радостно вскрикнул: «Отец приехал, я же говорил». Он выбежал во двор и, обняв незнакомого гостя, сказал:

– Отец, заходи в дом, мы с мамой очень заждались тебя.

Незнакомец вытаращил на него глаза и ответил:

– Но у меня нет такого большого сына... Я постучался к вам, чтобы спросить, по какой дороге ехать в падишахство Генедона.

Но подросток провел отца в дом и представил матери.

– Вот твой муж, а ты его жена, – сказал Манисман.

Смотрят они друг на друга и не могут понять, почему мальчик так говорит.

– Ведь у моей жены были золотые протезные руки, а у нее, как мне видится, свои, настоящие. А сын еще должен маленьким быть, – сказал растерянно незнакомец, глядя то на женщину, то на мальчика, то на седобородого старика.

А когда Белго посмотрела внимательнее на вошедшего, то и вправду узнала в нем своего любимого Джугово. Узнал ее и он.

Вскоре они рассказали друг другу все, что случилось с ними, и стали обнимать и целовать друг друга, а Белго не сдержалась, чтобы не прослезиться. Глядя на нее, и Джугово пустил слезу.

– Мужчина не должен слезу ронять, – сказал Манисман.

Когда все сели к столу, в окно влетела та же самая птичка, села мальчику на плечо и что-то прочикала в самое ухо.

– Мать, слышишь, дядя сюда едет, – сказал мальчик и выбежал во двор.

На лесной тропинке встретил он всадника и говорит ему:

– Дядя, ты мой дядя!

А всадник пожимает плечами и говорит в ответ:

– Нет у меня племянников. Никого у меня нет, кроме жены.

Привел Манисман дядю в дом и говорит:

– Мама, вот и брат твой приехал. Но знай, он ни в чем не виноват. Во всем виновата его жена, злодейка Маравшей.

Посмотрел гость на хозяйку, хозяйка на гостя – и они сразу узнали друг друга. Но брата охватило сомнение:

– Нет, здесь какая-то ошибка. У моей сестры не было рук. Я их сам ей отрубил. Но предо мной женщина, точь-в-точь похожая на сестру мою, но с руками. – Гость расплакался.

Рассказала тогда сестра обо всем, что с ней было, познакомила со своим мужем и с добрым данусмендом.

– Да, сынок, все было так, – сказал данусменд. Это я велел рыбе проглотить ее и, прочитав добрые заклинания, выплеснуть с руками. И мальчик стал не по годам большим с помощью заклинаний той доброй рыбы. – Вдруг данусменд призадумался и спросил: –

Скажите, дети мои, как звали ваших родителей?

– Отца покойного звали Шолум, а мать покойницу – Мозол, – сказал Гавриил.

– Это правда, – подтвердила Белго.

Узнал старый данусменд, что перед ним дети того самого почтенного старика, с которым он ходил когда-то в далекую лесную страну Гузелгюл. Рассказал им данусменд об отце Белго и Гавриила, рассказал, что приключилось с ним самим... Долго они в тот день рассказывали, вспоминали, связывали всю эту страшную и трогательную историю в одну большую поучительную повесть. Кто знает, сколько они еще так говорили бы, но Манисман сказал:

– Хватит вам в воспоминания вдаваться, все это можно потом сделать. Лучше давайте скорее поедem и привезем сюда на растерзание злодейку Маравшей, жену моего дяди. Все беды и горести, которые пришлось всем нам перенести, испытать, были из-за нее.

Свое слово сказал и старец данусменд:

– Да, поистине правильно народ говорит: «Поселишь в дом зло – от горя не избавишься»... Так, вижу, у вас и получилось, дети мои. Везите сюда злодейку.

Гавриил, Джугово и мальчик Манисман сели на коней и предались дороге. Семь дней и ночей провели они в пути. За это время семь раз они поднимались в горы и семь раз спускались; семь раз проезжали через густые леса и проходили через глубокие ущелья; у семи рек делали привал и наконец прибыли к месту. Въехали они в город и заспешили ко дворцу, где когда-то жили покойные Шолум и Мозол, а после их смерти – любимые брат и сестра, а теперь – злодейка Маравшей. Подъехали они к воротам и видят: на воротах вывеска: «Караван-сарай». Постучались мужчины и ждут. Долго ждать не пришлось, вышла на стук сама злодейка. Увидела она, что перед ней муж ее стоит и еще какие-то незнакомые люди, и сразу догадалась, что за ней приехали, отомстить хотят, но, так как она была хитра и коварна, решила пригласить их в дом, на ночлег, будто ничего не знает, не подозревает, а ночью, когда они уснут, убить их.

– Проходите! Проходите! Места свободные есть, – сказала она вежливо.

Но тут Манисман не сдержался и говорит:

– Маравшей, мы не ночевать сюда приехали, а чтобы тебя, злодейку, убить.

Связали они злую и коварную Маравшей, и доставили туда, где дожидались их красавица Белго и старый данусменд.

– За каждый стон всех безвинно пострадавших – свое возмездие, – сказал данусменд, глядя в злые глаза коварной злодейки Маравшей.

Привязал Манисман злодейку к хвосту коня и погнал его по колючкам, а злодейка кричит не своим голосом, стонет, прощения просит. Но нет, не таков Манисман, он не может зло простить, он знает, что от злодейки добра нечего ждать. До тех пор волоком тащил по

земле, пока колючки не разорвали злодейку. А разве иначе можно поступать со злом? Ведь всем известно, что камень ватой не станет, а зло – добром. И потому каждому свое: за зло платят злом, за добро – добром. Вот так и поступил Манисман: за добро, сделанное заколдованным данусмендом, он ответил добром: помог расколдовать данусменда; а за зло, которое сотворила злодейка Маравшей и причинила много горя, он ответил злом: по колючкам поволок и убил ее...

Но вам интересно знать, что же было дальше?

Красавица Белго опять вернулась в падишахство мужа своего и стала в любви и дружбе жить с ним, а Гавриил – брат ее – вернулся в свое падишахство и женился на одной милой красавице, а вскоре стал и счастливым отцом. А вот Манисман и старый данусменд остались жить вместе на берегу реки, где юноша построил дом, и где в реке плавали верные его друзья – рыбы, а в сказочном лесу обитало множество пернатых друзей.

– Я рожден для того, чтобы жить с птицами и рыбами, – сказал он отцу и матери.

Как только его не уговаривали родители остаться с ними, он так и не согласился.

Говорят, что этот мальчик и старый данусменд и сейчас живут, – но где? – право, не знаю. Может быть, в вашем городе или селе?.. Поищите.

Ум и Счастье

Было это или не было нам не ведомо, но рассказывают так. Встретились как-то Ум и Счастье и заспорили.

Счастье говорит:

– Я сильнее и нужнее, чем ты!

– Нет, я! – говорит Ум.

Долго ли они спорили, нам не известно, известно только, что их спору не было бы конца, если бы Ум не сказал:

– Давай на ком-нибудь испробуем свою силу!

Счастье согласилось и говорит:

– У падишаха служит кечал. Все, кому не лень, обижают его, сотню щелчков получает он за день по своей лысой башке. А я его, беднягу, осчастливлю.

На том Ум и Счастье порешили и разошлись. И вот Счастье украдкой вселилось в кечала. Прошел один день, и кечал получил всего десять щелчков, на второй день – только три, на третий – ни одного. На четвертый день падишах вышел на прогулку и ему встретился кечал. Увидел падишах, что на его лысой башке сплошные синяки и ссадины, пожалел он слугу, подозвал к себе и сказал:

– О, дорогой кечал, я знаю, что за день тебе дают сто и более щелчков по лысине. Так ты и умереть можешь! С сегодняшнего дня я тебя из водовозов перевожу в скотники. Будешь убирать коровник.

Так началась работа кечала в коровнике. Много ли, мало ли трудился он там, но в один из дней падишах проезжал мимо и решил заглянуть в коровник. Вошел и видит: кечал убирает навоз. Падишах подозвал кечала и сказал ему:

– Я вижу, ты устаешь от этой работы. С сегодняшнего дня я заберу тебя к себе во дворец.

И кечал начал служить во дворце стражником. Целый день он встречал и провожал гостей: одному поможет раздеться, другому предложит посидеть, третьему скажет, как пройти к падишаху.

Много ли, мало ли трудился кечал на новой работе, кто знает. Известно только, что падишах решил послать кечала к раввину учиться грамоте.

Долго ли кечал учился, или нет, нам неизвестно. Рассказывают только, что находясь у раввина, каждую субботу по адату кое-как нес службу в синагоге. А когда кечал закончил учиться, падишах назначил его правителем в один из городов своего падишахства.

Кечал правил некоторое время этим городом, а потом падишах перевел его в крепость служить раввином в синагоге. Как уж он там справлялся со службой – мы не знаем, знаем только, что падишах забрал его к себе везирем правой руки.

Шли дни за днями, недели за неделями, много воды утекло в соседней реке с тех пор, как кечал стал везирем падишаха. Теперь он разъезжал в паланкине, убранном коврами, все люди знали, что падишах полностью ему доверяет. В общем, скажу только, что кечал был самым любимым и доверенным приближенным падишаха. Многие везиры завидовали кечалу и готовы были навредить ему.

Однажды падишах приказал всем своим везирам прийти к нему по очень важному делу. Когда кечал вошел во дворец, он услышал, как один везир говорит другому:

– Ты только посмотри, какой счастливый этот кечал, которого совсем недавно все шлепали по лысине! Теперь его не узнать, он самый близкий к падишаху человек.

Другой везир отвечает:

– Да, ты прав, и везет же дураку!

А первый везир и говорит:

– Давай мы его обманем. Скажем ему, что если он мужчина, то пусть даст падишаху подзатыльник. Он, дурак, нас послушается и ударит. Падишах разозлится и прогонит его.

Тогда кечал сказал везирам:

– Дай вам Бог здоровья, дорогие везиры! Если вам очень хочется, чтобы я дал подзатыльник падишаху, я это сделаю.

Везиры обрадовались. Вскоре пришел и сам падишах. Не успел он ответить на приветствия приближенных, как кечал ударил его по затылку. С головы падишаха упала корона, а из нее вылезла огромная змея и уползла в щель в углу зала.

Сначала падишах испугался, но потом пришел в себя и сказал:

– О дорогой кечал, ты меня спас от смерти, и за это я отдаю тебе в жены свою дочь!

Везиры только переглянулись, и каждый из них подумал:

– Как же так? Мы старались сделать так, чтобы падишах прогнал кечала, а он берет его в зятя.

Прошло еще несколько дней, и падишах опять пригласил своих приближенных к себе.

Везиры и на этот раз решили обмануть кечала. Пришли они во дворец пораньше и стали его поджидать. Едва он переступил порог, как услышал, что один везир говорит другому:

– Давай научим кечала, чтобы он толкнул падишаха ногой, когда тот сядет на трон. Падишах свалится с трона, разгневается и прогонит его.

Другой везир говорит:

– Да, это ты хорошо придумал!

Тогда кечал сказал везирам:

– Дай вам Бог здоровья, дорогие везиры! Если вам очень хочется, чтобы я столкнул падишаха с трона, я это сделаю.

Везиры обрадовались.

Вскоре пришел падишах и пригласил своих приближенных пройти к нему в комнату. Едва падишах уселся на трон, кечал подошел и столкнул его на пол. В это время – и надо же счастьем быть рядом! – со стены упал обнаженный кинжал и воткнулся в то самое место, где только что сидел падишах. Увидел это падишах и воскликнул:

– О, спаситель мой, ты опять спас меня от смерти!

И падишах приказал сыграть свадьбу своей дочери и кечала.

На свадьбу падишах пригласил своих приближенных и родственников. Множество гостей съехало во дворец, много вкусных блюд было для них приготовлено. Гости пили, ели, плясали. Все шло так хорошо, что лучше и быть не может. Но тут – Господь да покарает дурака! – жених стал рассказывать собравшимся, как его, кечала, шлепали по этой вот, лысой

башке, как он убирал в коровнике навоз. Услышали подружки невесты такие разговоры и передали ей.

Дочь падишаха воскликнула:

– Не хочу быть женой этого плешивого дурака!

Позвал ее отец, а она и ему говорит:

– Не хочу быть женой плешивого дурака!

Как только не уговаривал падишах свою дочь, чего только он ей не говорил, та и слушать не желала.

Видит Счастье, что дела кечала совсем плохи, что не быть ему зятем падишаха. Думало-думало Счастье, как помочь ему, но ничего не придумало и решило обратиться за помощью к Уму.

– Дорогой Ум, прости меня, ты был прав: счастья мало, если нет ума. Сколько я ни старалось помочь плешивому дураку, сколько ни выручало его, но пришло время, когда я не в силах что-нибудь сделать. Очень прошу тебя, Ум, ради меня, помоги теперь ты ему, ведь все мои старания пропадают зря.

Пожалел Ум друга и решил сделать из плешивого дурака умного человека. Вселился Ум в кечала, заставил говорить умные вещи, все гости на свадьбе собрались вокруг него и стали с любопытством слушать забавные и мудрые истории. Увидел это падишах и повел кечала к своей дочери: пусть она своими глазами увидит, что ее жених вовсе не дурак.

Вошел кечал в комнату к невесте и говорит:

– О, моя красавица, ты и я – одно яблоко, внутри которого зерна. А зерна – это наши дети!

Услышала дочь падишаха умную речь жениха и улыбнулась от радости. Падишах тоже обрадовался и закричал:

– Играйте, зурначи! Веселитесь, гости! Это свадьба моей красавицы дочери и умного кечала!

И все гости веселились, пили, ели. Был там и я, пил, ел, веселился, плясал. Не верите?

Но если я не был на той свадьбе, то откуда мне знать всю эту историю?

Мудрость отца

Жил говорят, был говорят, в одном ауле, старик со своею старухой. Старика звали Агулменд, а старуху -Асульменд. Было у них три сына. Старшего звали Рабо, среднего – Хибо, а младшего – Кабо. Жили старики и сыновей растили.

Когда Рабо исполнилось тринадцать лет, отец построил ему саклю в том же магале, да и красавицу из соседнего аула засватал.

Сыграли свадьбу: не сказать, что очень богатую, и не сказать, что очень бедную. На свадьбе гуляли жители двух аулов: жители аула, где жил жених, и жители аула, откуда привезли невесту. Три дня и три ночи не смолкали звуки звонкой зурны и дробные стуки барабана. Гости уставали от огненной пляски. Особенно много приходилось танцевать сватам, считалось за великую честь пригласить их на танец. Что и говорить, все были довольны и веселы.

На четвертый день, когда гости разошлись, молодые супруги переехали в новую саклю, стали жить да поживать и друг друга радовать.

Шли дни, отсчитывая недели, шли недели, отсчитывая месяцы... Старик со старухой трудились на винограднике и растили еще двух своих сыновей: Хибо и Кабо.

Прошло еще три года со дня свадьбы старшего сына, пришло время женить среднего. Отстроили ему, как и старшему сыну, в том же магале саклю, подыскивали девушку. Сыграли свадьбу. Также три дня и три ночи гуляли гости. На четвертый день жених и невеста перебрались в свою саклю.

С тех пор прошло еще три года. Женили старики и младшего сына, только оставили молодых жить у себя, как этого требует горский обычай и как гласит народная мудрость: «На старших сыновей надейся, а младшего не отпускай от себя».

Стали старик со старухой жить вместе с молодыми на радость друг другу. Но радость эта длилась недолго.

Вскоре и младший сын оставил родительский кров и, выстроив себе саклю, вместе с молодой женой стал жить отдельно от родителей.

Остались старики одни-одинешеньки. Засветло, как и всегда, уходили они на виноградники, а поздно вечером возвращались в свою опустевшую саклю. Все, что им удавалось получить с виноградника, шло на их жалкое старческое существование.

У сыновей уже родились свои сыновья, и каждый жил своими домашними заботами. Они почти успели позабыть о своих добрых, вырастивших их тружениках-родителях и даже не интересовались, как они там живут. Иногда только старший сын говорил среднему:

– Ты средний, и у тебя двое детей, а у меня – трое. Ты должен навестить родителей и помочь им.

А средний, в свою очередь, говорил младшему:

– Ты младший и тебе следует помогать отцу и матери. У тебя один ребенок, а у меня – два.

– Нет, – отвечал младший. – У меня скоро будет второй. Я не могу.

Так они изо дня в день и перекладывали друг на друга свой сыновний долг. Вскоре старик приболел и слег в постель. Старуха, как могла, выхаживала захворавшего мужа. А детям все было безразлично.

Захворала в нескончаемых хлопотах и Асильменд. Тогда и сказал ей старик:

– Вот так-то, старуха, вырастили мы детей, поженили их, а они навсегда позабыли родительский дом.

– Да что поделаешь, – закручинилась старуха, утирая платком слезы, – такова наша родительская доля. Умрем – и похоронить некому будет.

Так они доживали свои тягостные, старческие дни.

Раз старик и говорит:

– Старуха, соберись с силами, пойдешь за сарай, возьми там арбу да съезди к реке. У реки лежит огромный, пудов на пять, камень. Попроси ребят из аула, чтобы помогли положить этот камень на арбу, и вези его домой.

– Да ты что, старик, с ума спятил?! – вскричала старуха. – Ты что еще задумал?

– Говорю тебе вези, значит, вези, – повторил старик.

Взяла старуха рассохшуюся арбу и с помощью ребят покатила ее к реке. Кое-как погрузили они на арбу камень и с трудом привезли во двор.

Старуху разбирало любопытство, и она все приставала к старику:

– Что ты задумал, старик?

– Сейчас увидишь, – говорит старик, – и, собравшись с силами, вышел из сакли.

Во дворе он столкнул с арбы камень и, бормоча что-то невнятное, стал катить его в саклю, а старуха ему помогает. Когда они камень вкатили, старик открыл старый пустой сундук, который до женитьбы сыновей был еще полным, и с трудом положил туда камень.

– Вот так, – сказал он, закрывая крышку сундука и вешая на него большой заржавленный замок.

На следующий день старик говорит жене:

– Сходи, старуха, и скажи старшему сыну, что отец зовет его к себе.

Пришла Асильменд к старшему сыну и передала ему отцовские слова.

– Ему некогда, у него и своих дел хватает, – ответила за сына невестка.

А сын стоит, словно воды в рот набрал.

Мать не стала упрашивать сына, повернулась и ушла.

И все же, вечером, когда в саклях затопили камины, пришел старший сын к отцу. Увидел Агулменд сына, обрадовался, попросил старуху выйти, да и стал украдкой говорить:

– Сынок, ты у меня старший. Все свои силы и здоровье я отдал на то, чтобы вырастить тебя и твоих братьев. А теперь я скоро умру... От отца моего, деда твоего, осталось небольшое наследство. Вон, видишь, в углу сундук стоит, в нем и лежит то наследство.

Сын встал и быстро направился к сундуку.

– Он на замке, сынок, – сказал отец. – Ты попробуй сдвинуть его с места.

Сын подергал-подергал сундук, да так и не смог сдвинуть его с места, только глаза, как у шакала рыжего, огнем загорелись.

– Так вот, сынок, – продолжал старик, – сначала сядь около меня и внимательно выслушай, что я тебе скажу. Скоро я умру и все это достанется тебе, как старшему сыну. Но только, чтобы младшие братья не знали об этом. Я хочу, чтобы богатство это досталось тебе. Прошу тебя об одном: похоронить меня с почестями, как этого требуют наши обычаи. Ты должен всех пришедших людей угостить. Этот обычай не мною выдуман, и ты должен, как сын, его соблюсти.

– Ладно, ладно, отец, будь спокоен, – сказал старший сын, но старик его оборвал:

– Слушай дальше. Когда меня похороните, на сорок первый день пригласи в мою саклю старшину аула, и мать отдаст ему ключ от сундука. Он откроет его и все содержимое сундука вручит тебе, как самому достойному наследнику. Ты все понял, сынок?

– Да, отец, – отвечает старший сын, а сам не сводит глаз с сундука.

– А теперь иди, там тебя жена и дети ждут, – с этими словами отец и проводил сына.

Придя домой, Рабо рассказал жене все, что слышал и видел в доме отца, и заверил жену, что они в скором времени получают от отца наследство.

– Ну и заживем мы тогда! – сказал он.

На следующий день жена Рабо нарядила по-праздничному детей, положила в хурджун всякой всячины, начиная от фруктов и кончая большими кусками баранины, и отправились они всей семьей в гости. Когда пришли в саклю больного отца, невестка бросилась к изголовью умирающего свекра и защебетала на все лады:

– Ты смотри, Рабо, какой у тебя хороший и добрый отец. Мы будем его теперь каждый день навещать... Как мы раньше забывали об этом!

Невестка все говорила и говорила, а старик все слушал и молчал.

На следующий день вызвал к себе отец среднего сына Хибо и сказал то же самое, что и старшему. А через день он пригласил младшего Кабо и повторил также таинственно все то, что сказал Рабо и Хибо.

С этого дня родители не знали отбоя от почестей, которые им оказывали сыновья, их жены и дети их. Они проводили у постели отца целые дни и заваливали стол вкусными яствами. Старик радовался, а по аулам пошла добрая молва о семье старика Агулменда. Но радость его была недолгой: вскоре он скончался.

К сакле умершего стекались со всех концов аула и его окрестностей люди. Седобородые старики стояли у дверей, а сакля была наполнена плачущими женщинами.

Проводили Агулменда на тот свет. Семь дней, как того требовал обычай, сыновья справляли поминки и угощали гостей. Когда закончился овил, люди разошлись, а сыновья, каждый по отдельности, с нетерпением ждали: скорее бы справить сороковину и забрать завещанное отцом наследство.

...И вот наступили сороковины. Вновь в доме собрались люди, и вновь были щедрые угощения и добрые воспоминания об усопшем. Присутствующие не переставая хвалили щедрых сыновей Агулменда, ставя их в пример другим. Когда на сорок первый день люди разошлись, а в сакле остались три сына со своими женами и детьми, к сундуку подошел Рабо и сказал:

– Братья мои, когда умирал наш отец, он сказал мне, что все богатство, оставленное ему в наследство от нашего деда, будет моим, так как я старший и больше всех вас потратился, справляя похороны отца. Да и при жизни отца семья моя каждый день навещала его. Мы сидели у изголовья, приносили гостинцы... И содержимое сундука поэтому принадлежит моей семье.

Но его братья и жены их вскричали:

– Ничего подобного!.. Он нам завещал!.. Мы навещали его каждый день. С этими словами они разом бросились к сундуку, отталкивая друг друга. Они стали даже драться и обзывать друг друга. А когда утихли, решили пригласить для разрешения спора старшину аула.

Пришел старшина аула, и старуха передала ему ключ от сундука. Едва успел старшина аула приоткрыть крышку, как все склонились над ним и увидели, что в сундуке – большой камень. Братья и их жены стали вновь ругаться и приставать к бедной вдове.

Видя все это дело, старшина аула сказал свое слово:

– Дети мои, вы должны жить в мире и добре. Ничего страшного, что вместо богатства в сундуке оказался камень. Этот камень создал вам большую славу, которая прокатилась по всем аулам наших гор... Живые получили славу, а мертвые, как и следует, – великие и щедрые почести. Ваш отец славился мудростью. Мудрым он оказался и в этом. Пусть все сделанное вами зачтется Богом и усопшим отцом... Советую вам не ссориться и быть такими добрыми и щедрыми всегда.

После слов почтенного старшины аула, все мирно разошлись по своим саклям и с тех пор стали жить в дружбе и согласии. Но случай с камнем и мудрость старика Агулменда и по сей день живет в народе. Одни, рассказывая эту историю, с почтением говорят о хороших и добрых сыновьях Агулменда, другие высмеивают их и с почтением говорят об их отце – старике Агулменде... Как бы то ни было, я рассказал вам эту сказку и рад, если вы смогли извлечь из нее что-то хорошее.

Счастье бедняка – его дети

Жил когда-то вдовец с тремя дочерьми-красавицами. Был он очень беден: выщербленный топор – вот и все его состояние. Но мудрые люди говорят: «Счастье богача – его казна, счастье бедняка – его дети». Старый отец радовался, глядя на дочерей своих, никому не завидовал и забывал обо всех невзгодах и лишениях.

Бывало, возьмет он топор и вместе с дочерьми отправится в падишахский лес рубить хворост. Часть хвороста он продавал, а часть оставлял, чтобы разжечь свой очаг. Так они и жили много лет.

Но однажды падишахские слуги заметили, что лес их владыки с каждым днем редее.

«Кто-то ворует лес», – подумали они и доложили об этом падишаху. Решил падишах выследить неизвестного и отрубить ему голову.

В один из дней, позавтракав и взяв с собой двух нукеров, падишах отправился в лес. По пути ему встретились четверо неизвестных людей. Каждый из них нес по вязанке хвороста. Это был старый дровосек с дочерьми.

– Вот они, воры, кто лес мой таскают, – сказал падишах нукерам и прищпорил коня. – Я им всем головы отрублю!

Подъехал падишах к старому дровосеку поближе и обомлел.

Перед ним стояли старик и три девушки, одна красивее другой. Влюбился падишах в девушек и, сменив гнев на милость, сказал дровосеку:

– Знаешь ли ты, старый и седой человек, что за воровство моего имущества тут же отрубают преступнику голову. Если хочешь, чтобы твоя голова осталась цела, отдай мне в жены одну из своих красавиц.

Дровосек сбросил с себя вязанку, поклонился падишаху и говорит:

– Почтенный наш падишах, – да продлятся дни твои! – я не могу отдать тебе в жены ни одну из своих дочерей без их на то согласия. Это их дело. Я могу только спросить у них.

И старик спросил старшую дочь:

– Хочешь ли ты стать женой нашего падишаха?

– Нет, – сказала старшая дочь.

Тогда отец спросил об этом же среднюю дочь.

Та ответила, что должна подумать.

Спросил отец и младшую дочь:

– Да исполнятся, отец, твои желания, – сказала она. – Я согласна стать женой падишаха.

Обрадованный падишах подхватил красавицу, посадил на своего коня и увез во дворец.

Так младшая дочь дровосека стала жить в покоях падишаха, а дровосек со своими старшими дочерьми остался жить в старой дымной сакле. По-прежнему он ходил в падишахский лес, рубил хворост, часть продавал, а часть для себя оставлял.

Однажды старый отец соскучился по младшей дочери и говорит старшим:

– Дети мои, пойду я проведу вашу младшую сестру. Посмотрю, где она там и как устроилась.

Сказал так отец, и собрался в дорогу...

Вскоре прибыл он в падишахский город. Ходит по улицам и ищет дом падишаха. Но случилось такое: когда он проходил мимо одного большого каменного дома, то увидел на хейвуне красавицу в дорогих шелках и загляделся на нее. А это и была его дочь. Она узнала своего старого отца и попросила свекровь пригласить его в дом.

– Это мой отец, – сказала девушка.

Пригласила свекровь дорогого гостя в дом. Вошел отец и видит: дочь его в дорогие шелка одета, по дорогим коврам ходит, а вокруг нее прислуга мечется. Обрадовался отец, обнял дочь и говорит:

– Умница моя!

Рассказали они друг другу, как живут, как себя чувствуют.

А вскоре вернулся с прогулки и сам падишах. Увидел он тестя, обрадовался, приказал слугам по такому случаю накрыть стол, а гостя нарядить в дорогой халат.

Три дня и три ночи провел бедный дровосек в семье зятя и дочери. На четвертый день он сказал им:

– Дай Худо, чтобы стол ваш не пустовал, и здоровье было крепкое. Мне пора домой возвращаться. Дочери меня ждут, не дождутся.

Спросил падишах у тестя:

– Что же тебе подарить?

А старый дровосек отвечает:

– Ваше здоровье!

– За добрые пожелания – спасибо. Но подарок я тебе должен сделать, – отвечает падишах.

Подарил он старику бубен и говорит:

– Когда будет нужно, скажешь этому бубну: «Воку, теп» – и тут же перед тобой появятся всякие яства. А теперь ступай.

Попрошался старый дровосек с зятем, дочерью, со сватьями и ушел. Долго ли он шел, кто знает, но дошел до одного холма и почувствовал, что хочет есть. Сел он на холме, достал из хурджуна бубен и говорит:

– Воку, теп!

Не успел он это вымолвить, как перед ним появились разные кушанья. Здесь и хлеб, и плов, и долма, и сладости, – словом, все, что может пожелать душа человека.

Поел плотно старый дровосек, выпил немного вина и говорит:

– Сахтбош, теп, сохбоши!

Сказал он так, и все исчезло. Положил дровосек бубен в хурджун и заспешил к своей сакле, где ждали его дочери.

Долго ли он шел – это ему знать, но наконец пришел. Вошел в саклю, обнял дочерей и говорит:

– Дети мои, пройдите по нашему аулу и позовите всех в гости, буду всех угощать. Пусть знают, что и старый дровосек может принять гостей.

А сестры смотрят друг на друга и ничего понять не могут: не то отец с ума сошел, не то всерьез говорит. Стоят на месте, будто приросли.

А старый отец опять:

– Дети мои, я же вам сказал: идите и зовите гостей.

Пожали дочери плечами, не стали отцу перечить и пошли созывать гостей. Ходят из сакли в саклю и говорят:

– Отец вас в гости зовет, стол накрывает.

А жители аула смеются и отвечают:

– Ему самому есть нечего.

А сами думают: «Любопытно сходить и посмотреть, чем же будет угощать гостей старый дровосек».

Много народу пришло из любопытства во двор бедного дровосека. Стоят люди во дворе, шепчут друг другу на ухо:

– Что он, старый, с ума сошел? Чем же он нас угощать будет? Может быть, свежими новостями?

А старый дровосек тем временем вышел из сакли и спрашивает:

– Все гости пришли?

– Все! – отвечают собравшиеся.

Достал старик из хурджуна свой бубен и тихо говорит:

– Воку теп, для гостей!

Не успел он это сказать, как во дворе появились столы, полные угощения. Здесь и хлеб, и плов, и куры, и шашлыки, и вина, и сладости -все, что душе хочется.

– Ешьте, пейте, веселитесь на здоровье, дорогие мои гости, – говорит старый дровосек и сам садится рядом с дочерьми.

До полуночи угощались гости в доме дровосека, а потом стали расходиться. Вскоре все разошлись по домам, только один старик не ушел, остался спать у дровосека.

– Я твой родственник, – говорит, – хочу с тобой вдвоем остаться.

Стали они пить. Напоил старик дровосека, украл у него волшебный бубен и скрылся.

Утром проснулся дровосек, и видит: бубна нет и старика нет. Понял он, что старик украл его теп, но не стал он искать вора, а только опустил голову на грудь и призадумался: опять в нищете жить.

Увидели дочери, что отец чем-то опечален, догадались, в чем дело, и говорят отцу:

– Не грусти, отец, что поделаешь. Судьба наша такова. Видно, не суждено нам жить в радости и достатке.

И стал старый отец снова ходить с дочерьми в лес падишаха рубить хворост. Часть хвороста продадут, а часть себе оставят. Так и жили.

Но спустя три месяца старый отец загрустил по младшей дочери и решил ее проведать.

Сказал он об этом старшим дочерям и ушел.

Обрадовалась младшая дочь приходу отца. Обрадовался гостю и зять. Накрыв в честь него стол. Три дня и три ночи гостил старый дровосек у зятя и дочери. На четвертый день старик собрался в обратный путь. А зять снова спрашивает его:

– Что тебе подарить?

Отвечает ему тесть:

– Ваше здоровье и благополучие!

Подарил дровосеку на этот раз падишах ларчик и говорит:

– Скажешь ларчику: «Сурхе-зар» – и из него будут сыпаться золотые монеты и драгоценности.

Поблагодарил старый дровосек зятя за гостеприимство и за подарок, попрощался со всеми и ушел.

Идет час, другой, третий и не терпится ему узнать, как же из ларчика будут золотые монеты сыпаться. Дошел он до холма, не сдержался и говорит ларцу:

– Сурхе-зар!

Не успел он так сказать, как его хурджун наполнился золотыми монетами и бриллиантами. Обрадовался старик, что в его руках неиссякаемый клад. «Ну, – думает, – теперь я богато проживу, назло тому, кто украл у меня волшебный бубен.» Вскоре старик уже был дома и показывал дочерям чудесный ларчик:

– Ну, дети мои, смотрите в оба. – А ларчику сказал: – Сурхе-зар!

Не успел он положить ларчик на ковер, как из него стали сыпаться золотые монеты и бриллианты. Обрадовались сестры, хватают пригоршнями монеты и бриллианты, смеются и обнимают отца.

Спустя два-три дня решил старый дровосек в баню сходить, кости старые попарить. Взял он ларчик и стал в баню собираться. А дочери говорят ему:

– Отец, не бери ларчик с собой. Оставь дома. Мало ли кто увидит и украдет.

Не послушался старый дровосек дочерей, положил ларчик в карман халата и ушел.

Пришел в баню, дал банщику одну медную монету, разделся и стал мыться. А у банщика была привычка шарить по карманам посетителей. Не изменил своей привычке он и на этот раз: нашел в халате дровосека ларчик и спрятал. Когда дровосек помылся в бане и стал одеваться, то обнаружил, что ларчика в кармане халата нет. Бросился он к банщику и стал требовать, чтобы тот вернул ему ларец. А банщик отвечает:

– Ты что, с ума сошел? Где это слыхано, чтобы бедный дровосек ларчик имел. Ничего я не брал, и никто тебе не поверит. Ступай отсюда по-хорошему.

Ничего не оставалось делать бедному дровосеку. Поплелся он с поникшей головой к себе, рассказал дочерям о пропаже ларца. А дочери стали его бранить, мол, не послушался. Но что поделаешь: разговорами дело не поправишь!

Жил бедный дровосек некоторое время на те деньги и бриллианты, что были в их сакле. А когда и они кончились, стал снова из лесу хворост таскать; часть продавал и покупал еду, а другую часть клал в очаг, чтобы поддержать огонь.

Но вскоре старый отец вновь затосковал по младшей дочери и решил провести ее, а заодно и пожаловаться падишаху на банщика и того старика, которые украли у него подарки зятя. Сказал старый дровосек дочерям, что идет младшую дочь проводить, и ушел.

Обрадовались дочь и зять приходу старика. Накрыли в честь гостя стол. А когда немного поели, дровосек рассказал зятю о банщике и старике. Выслушал падишах тестя и говорит:

– Ничего, главное – здоровье. Не переживай! Подарю я тебе на этот раз палку. Коснешься ты этой палкой кого захочешь и скажешь: «Зе-куш»... А там сам знай, что делать.

Погостил старый дровосек три дня и три ночи, а на четвертый взял подарок, поблагодарил зятя за внимание и направился к своему аулу.

Долго ли он шел или недолго, – это ему знать, а нам известно, что когда он дошел до холма, то решил испробовать: что же это за палка и в чем ее польза. Достал он палку, положил себе на плечо и говорит:

– Зе-куш!

Не успел он это сказать, как палка начала колотить его по плечам, по спине, по ребрам. Да так больно, что дровосек едва удержался, чтобы не крикнуть и не позвать на помощь.

А когда старик сказал палке «сохбоши», она перестала бить его. Положил дровосек волшебную палку в хурджун и заспешил к своему аулу. Идет и раздумывает: «Теперь-то я накажу старика за то, что украл у меня чудесный бубен. И банщика накажу за ларец... Ай да падишах, какой молодец, что подарил мне такую палку! Ведь она и меня наказала за мою доверчивость, за то, что я дочерей не послушался».

Вот вошел старый дровосек в родной аул, подошел к сакле старика, который украл у него чудесный бубен, и крикнул:

– Верни мой теп, вор!

А старик стал отказываться и даже грозить дровосеку. Достал тогда дровосек свою волшебную палку, коснулся ею спины старика и говорит:

– Зе-куш!

И пошла палка колотить вора по спине, по ребрам, по голове, а дровосек опять повторяет:

– Верни мой бубен, вор! Верни, говорю.

Долго била палка вора, всего искалечила. Он уж и подняться с земли не мог. Наконец взмолился:

– Перестань колотить. Сейчас верну.

Поблагодарил дровосек палку, и она перестала бить вора. Забрал дровосек свой чудесный бубен и, пригрозив вору, заспешил к банщику. Пришел он к банщику и говорит:

– Верни мой ларчик, вор!

А банщик стал выталкивать дровосека за дверь. Достал тогда дровосек свою чудесную палку, коснулся ею спины банщика и говорит:

– Зе-куш!

И пошла палка колотить банщика по спине, по голове, по ребрам, по рукам. А банщик кричит, людей на помощь зовет. Повыскакивали из бани голые люди, смотрят, а понять ничего не могут. А дровосек свое кричит:

– Эй, ты, вор, не будешь шарить по чужим карманам. Верни мне мой ларчик подобру, верни!

Ничего не оставалось делать банщику, и он сказал дровосеку:

– Верну, только пусть эта палка перестанет меня колотить.

Сказал дровосек палке «сохбоши», и та перестала колотить банщика.

Забрал дровосек ларчик, обрушил на голову банщика-вора проклятия и заспешил к своей дымной сакле. Вошел он в саклю, радостно улыбается и дочерям говорит:

– Теперь-то мы заживем, дети мои.

Рассказал старый отец обо всем старшим дочерям. Обрадовались сестры, пожелали зятю и младшей сестре всего доброго и говорят отцу:

– Отец, скажи-ка бубну, пусть нас накормит. Мы очень проголодались.

И сказал дровосек: «Воку, теп», – тут же перед ними появилась скатерть с разными яствами. Наелись старый дровосек и его дочери, отдохнули. А через некоторое время с помощью ларчика старый дровосек выстроил себе два огромных каменных дома, обставил их дорогими вещами. В один дом поселил старшую дочь, в другой – среднюю, а сам стал ходить в гости то к одной, то к другой и приговаривать: «Теперь-то женихи сами придут и ноги

дочерей моих целовать будут... Ишь ты, как бедный, так никому и не нужен. Все к богатым приходят. А я выдам своих дочерей за бедного. Бедность не порок, лишь бы ум был высок».

И выдал старик своих дочерей за бедных и умных юношей, и зажили они в любви и согласии. А старый дровосек то у одного зятя гостит, то у другого, то у третьего, и везде его встречают с уважением, сажают на почетные места и мягкую подушку подкладывают. А старый отец радуется, крутит рыжие усы и думает: «Не так-то плохо дочерей иметь».

Яблоки добра и зла

Жили-были муж и жена. Было у них три сына: старший, средний и младший. Жили они дружно, все работали. Но однажды мать захворала и перестала ходить на работу. Стали ей в голову все чаще и чаще приходить мысли о смерти. И решила она складывать в сундук все необходимое на день своей смерти. Вскоре она слегла, а спустя несколько дней почувствовала, что вот-вот явится к ней смерть. Встала она в этот день еще раз, перебрала свой сундук -не забыла ли чего положить? – и, убедившись, что все в порядке, закрыла его на замок, ключ взяла в руку и легла в постель ждать прихода мужа и сыновей с работы, чтобы отдать им ключ. Но они, как назло, все не возвращались. Умерла она, не повидав мужа и сыновей в последний раз, а ключ так и остался в ее руке.

Вернулись отец и сыновья и видят: женщина мертва. Кинулись к сундуку, где лежало все необходимое для похорон, – сундук закрыт на замок. Стали искать ключ, весь дом перерыли, но так и не нашли.

Ничего не оставалось им делать, как ходить по соседям и просить: у кого посуду, у кого скатерть, у кого материю на саван, у кого мясо и хлеб. Словом, кое-как собрали все нужное и похоронили мать. После того как прошел овиль, прошло еще три недели, тогда отец позвал своих сыновей и говорит:

– Дети мои, вот мы и похоронили нашу мать, и перед смертью так и не поговорили с ней. Может в этом сундуке она оставила что-то дорогое. Кто из вас отправится к матери в страну Эдем и спросит, куда она спрятала ключ?

Старший сын ответил на это так:

– Я не пойду туда. Да и вообще, зачем это нужно?

А средний сын, зевнув во весь рот, сказал так:

– Мне ни ключ от сундука не нужен, ни то, что в сундуке. Пусть отправляется тот, кому это нужно.

И тут вступил в разговор младший сын:

– Не нужно спорить. Я пойду к матери на тот свет и узнаю, где она спрятала ключ. Вот только схожу на конюшню и спрошу своего коня, согласен ли он отправиться со мной?

Пошел младший сын на конюшню и говорит коню:

– Мой верный конь, я хочу отправиться на тот свет к матери и спросить, где она спрятала ключ. Как ты относишься к моему желанию?

Конь ответил ему так:

– Желание твое понятно. Но дорога очень дальняя и трудная. Твоя мать попала в рай, но нам придется проехать через ад. Много всяких чудес встретится на нашем пути. Но знай, что бы ты ни увидел, ни о чем у меня не спрашивай. Когда придем к матери, у нее все спросишь. А теперь ступай собираться в дорогу. Да не забудь взять с собой два хурджуна. В один положи хлебные корки, в другой – старое тряпье.

Сделал младший сын все так, как наказывал конь. И отправились они в путь.

Долго ли скакал конь или недолго, но, наконец, ступил он на землю того света. Скачет он по аду день, второй, третий, а на четвертый день дорога подошла к глубокой реке. Не решился конь войти в воду. Погнал тогда юноша коня по берегу реки и видит, как двое мужчин, один с одного берега, другой – с другого, схватили друг друга за плечи, словно бы дерутся. А вода под ними течет, камни ворочает и грозно шумит. Смотрит младший сын и диву дается, а понять, что к чему, не может. У коня спросить – значит нарушить обещание.

Долго стоял он, и, наконец, спросил у этих мужчин:

– Как мне перебраться на другой берег?

– Через нас проезжай.

– Вы же люди, как я могу через вас проехать?

А мужчины опять ему:

– Проезжай. Не ты первый, не ты последний – все через нас проезжают.

Пришпорил тогда младший сын своего коня и проехал по мужчинам.

Скачет он дальше: день, второй, третий. А на четвертый день дорога привела его к поляне. Увидел он здесь множество кувшинов из-под молока и женщину, которая переливала молоко из одного кувшина во второй, из второго – в третий и так до бесконечности. Посмотрел на это юноша, но ни о чем не стал расспрашивать. Пришпорил коня своего и поскакал дальше.

Долгий путь проделал он и на этот раз, и, наконец, приехал в поле, где увидел целую гору яиц. Сидела у этой горы женщина и перекладывала яйца с места на место. И так целый день.

Посмотрел на это юноша, пожал плечами и поскакал дальше своей дорогой.

Долго ли он скакал, это ему знать, а нам известно, что он доехал до высокой горы и видит: у самой горы стоит тонур, а рядом сидит женщина и печет лепешки. Испечет она одну лепешку и тут же ест ее, а другую в печь кладет и кричит: «Есть хочу!» Долго смотрел юноша

на эту женщину и все думал: «Сколько же она может съесть?»

Еще через три дня и три ночи прискакал он к роднику и видит, как женщина наполняет кувшин водой, пьет и никак не может напиться. Удивился юноша, а спросить не решился: обещал ведь не расспрашивать.

Поскакал он дальше. Скачет день, второй, третий, а на четвертый день дорога привела его к месту, где было великое множество холмов. Едва он подъехал к этим холмам, как холмы расступились и из них появились исхудавшие и оборванные люди. Они протягивали к юноше руки и просили:

– Хлеба! Подайте кусок хлеба! Подайте! Не проезжайте мимо!

Раздал юноша весь хлеб, который лежал в его хурджуна, и поехал дальше.

Только отъехал немного, как опять увидел такие же холмы. Подъехал юноша к холмам, а они расступились, и из них вышло множество раздетых людей. Они тянулись к юноше и просили, чтобы он дал им хоть какую-нибудь одежду. Тогда юноша достал из хурджуна тряпье, которое он захватил из дому, и раздал им.

Едет он дальше, а сам все думает о том, что за странные люди попадались ему в пути.

Много дней и ночей ехал юноша. Но как бы длинна не была дорога, всему приходит конец. И вот увидел он впереди веселую зеленую равнину, которая манила пышными садами. Это начинались уже земли рая. Проехал юноша еще немного и очутился в райском саду. Каких только здесь ни было деревьев! А на ветвях сидело множество пестрых птиц, распевавших на все лады!

Вскоре подъехал юноша к золотым воротам рая. Привязал он коня к дереву, постучался и стал ждать. Вскоре открылись перед ним двери, и рыжий статный и высокий старичок у входа поклонился и сказал:

– Со злом пришел – прочь ступай, а с добром пришел – входи в рай.

Рассказал юноша рыжему старичку зачем он пожаловал, а тот и говорит ему:

– Знаю, знаю такую женщину. Она, бедная, все время говорит о том, что не успела детям своим отдать ключ от сундука. Если ты сын ее, то входи.

Вошел юноша в рай и видит, его мать сидит под яблоней и райских птичек с руки кормит. Как увидела она своего младшего сына, бросилась к нему, обняла и спрашивает:

– Сынок, зачем пожаловал сюда?

Отвечает ей сын:

– Тебя проведать, да и о ключе спросить: куда ты его спрятала?

А мать спрашивает:

– А кто тебя послал сюда?

– Отец собрал нас, братьев, и спросил: кто поедет к матери на тот свет спросить, где она спрятала ключ. Старший брат сказал, что не поедет. А средний брат сказал, что ему ни ключ от сундука не нужен, ни то, что лежит в сундуке. Ну а я все-таки решил отправиться в путь.

– Как мог отец послать туда, откуда не возвращаются? Неужели твоя жизнь стоит меньше, чем содержимое сундука?

Мать сказала так, поцеловала сына и пошла к своей золотой тахте, чтобы из-под подушки достать ключ и передать сыну. А сын остановил ее и говорит:

– Мама, не спеши дать ключ. Ты лучше ответь мне на несколько вопросов.

– Спрашивай, сынок, – сказала мать.

И сын спросил:

– Мама, когда я ехал к тебе, то встретил на пути быструю реку. Вместо моста, на разных берегах, стояли двое мужчин. Они держали друг друга за плечи, и я по ним проехал, как по мосту. Кто они такие и почему висят над рекой, я так и не узнал. Ответь мне, в чем тут дело?

Мать усмехнулась и говорит:

– Эти люди, сын мой, провинились. Их в рай не пускают потому, что они и при жизни дрались между собой из-за этой реки. Вот теперь они в аду и живут.

Обрадовался сын, что наконец-то узнал в чем дело, и задал матери второй вопрос:

– Мама, ехал я дальше и вдруг встретил женщину, которая переливала из кувшина в кувшин молоко. Кто она такая и почему занята столь бессмысленным делом?

Мать усмехнулась и говорит:

– Эту женщину также не пускают в рай. Она при жизни мешала молоко с водой и продавала людям. За обман ее наказали такой работой в аду.

Задал юноша матери третий вопрос:

– Ехал я дальше и вдруг вижу, как одна женщина перекладывает гору яиц с одного места на другое. Почему она так делает?

Мать опять усмехнулась и говорит:

– Эта женщина также наказана. Она украла у своей соседки три яйца. И теперь ей надо найти именно те яйца и вернуть их хозяйке. Но она не знает, какие точно яйца, вот и

перебирает всю грудку.

Обрадовался сын этому ответу и снова спрашивает:

– Мама, ехал я дальше и вижу, как у самой скалы стоит тонур, а рядом сидит женщина и печет лепешки. Испечет она лепешку и тут же ест, а в печь бросает другую. И так все время ест и ест, а сама кричит: «Есть хочу!» Кто она такая и почему так кричит?

Мать вновь усмехнулась и отвечает:

– Женщина эта при жизни пекла лепешки и ела сама, а детям своим ни крошки не давала. За это Всевышний наказал ее и дал ей ту же работу, мол, пусть объедается, а в рай не пустил.

Снова спрашивает юноша:

– Мама, ехал я дальше и увидел: сидит у родника женщина, наполняет водой один кувшин за другим и пьет. И так все время. Кто она такая и почему пьет без конца воду?

Мать усмехнулась и ответила:

– Ехали как-то в степи двое и захотели пить. Подъехали к роднику, увидели эту женщину и попросили напиться. Она отказала им. За жадность Всевышний поселил ее в аду и заставил все время пить воду.

Обрадовался сын такому ответу и снова спросил:

– Мама, поехал я дальше и увидел горы. Когда я подъехал к этим горам, то из них вышли люди и стали просить у меня: одни – кусок хлеба, другие – одежду. Кто они такие?

Мать усмехнулась и ответила:

– Это – нищие. Они и при жизни попрошайничали, не хотели работать, а потому Всевышний поселил их в аду. Вот и здесь без конца будут тем же заниматься.

Поклонился юноша матери и поблагодарил за все ответы. А потом говорит:

– Теперь давай мне ключ, и я поеду домой.

Отдала ему мать ключ, сорвала с яблони четыре яблока и говорит:

– Сын мой, вот тебе четыре яблока. Одно отдай отцу, другое – старшему брату, третье – среднему брату и скажи, что Бог им судья. А четвертое, сынок, съешь сам... А теперь ступай, Худо хармах ту!

Обняла мать сына и повторила:

– Ступай, сынок!

Поклонился сын матери и вышел из рая. Сел он на своего доброго коня и мигом очутился дома, где ждали его возвращения отец и старшие братья. Когда он вошел в дом, отец и старшие братья стали расспрашивать обо всем, что пришлось ему увидеть и испытать. Рассказал он им все, как было, и говорит:

– Мать велела угостить вас яблоками и сказать: Бог вам судья!

Съел отец яблоко – превратился в осла за то, что разрешил младшему сыну отправиться на тот свет. Съел старший брат яблоко – и за свою лень превратился в свинью и стал жить в болоте. Съел яблоко средний брат – и за свою грубость превратился в собаку да сбежал в лес. Съел свое яблоко младший брат и видит: вместо их дома вырос каменный дворец с семьей хейвунами. Во дворце том ждет его красавица-невеста. Он заключил ее в объятия и добился всех радостей жизни.

Но при этом младший сын покойной матери всегда помнил, как были наказаны все те люди, которые поступали при жизни против воли Бога.

Да воздаст Худо каждому по его заслугам!

Всему свое время...

Однажды на рассвете халиф Багдада встал с постели и вышел на хейвун своего великолепного дворца. Опершись руками о перила, он посмотрел на верхушки старой яблони и увидел между густыми ветвями одинокое яблоко. Оно было до того красивым и румяным, что халиф не мог отвести от него взгляда. Такого удивительного плода не нашлось бы ни в одном из многочисленных садов всего халифата. Поэтому халифу очень захотелось собственными руками сорвать это яблоко и съесть. А желание правителя – всегда закон. Быстро он вышел из дворца, вскарабкался на верхушку дерева и только хотел сорвать яблоко, как неожиданно из-за облаков появился огромный орел, схватил халифа мощным клювом и взлетел в небо.

Летел он долго и к полудню опустился в неизвестной местности. Освободившись от ноши, орел закричал зычным голосом, широко взмахнул крыльями и улетел за горизонт.

Тем временем халиф очнулся от обморока, поднял голову и видит: вокруг ни травинки, ни дерева, ни живой души, только слева шумит бесконечное море, а справа возвышается небольшая песчаная гора.

Встал несчастный халиф на дрожащие ноги, с трудом перевалил через гору и очутился в темном лесу. Раздвигая руками густые заросли, он прошел сотни метров и неожиданно оказался у крепостной стены.

Подошел халиф еще ближе и видит: у открытых ворот стоят четверо пахлеванов, у каждого в руках сверкают остроконечные сабли и пики. Испугался он могучих пахлеванов, отступил назад и, спрятавшись за плотными кустарниками, стал дожидаться ночи.

Пусть халиф пока дожидается ночи, а я расскажу вам о падишахе Чиме-Чине. На старости лет у него родился единственный сын. Однажды к нему пришли предсказатели судеб и заявили:

– О, повелитель, когда твоему сыну исполнится ровно пятнадцать лет, он погибнет от руки багдадского халифа. Так предсказали нам книги и далекие звезды.

От такой неприятной вести падишах задрожал всем телом, а затем, чуть придя в себя, посоветовался со своими везирами и отправил их на поиски такой местности, где б до сих пор не ступала нога человека.

Сказано-сделано. Отправились везиры в путь и через неделю оказались в безжизненной местности, где слева шумит бескрайнее море, а справа высится песчаная гора. Пришли они тогда к падишаху и доложили ему обо всем.

Тот, выслушав их, призадумался и приказал слугам посадить там дремучий лес.

– Посреди леса, – сказал он, – постройте крепость и, когда моего сына доставите туда, поставьте у ворот стражников с обнаженными саблями и пиками в руках. Если в крепость проникнет хоть один человек, то ответите за него головой.

– Слушаем и повинуемся, – ответили слуги и принялись за дело.

Вскоре в безлюдной местности зашумел ветвями непроходимый лес. За такое же время среди густых деревьев появилась неприступная крепость. Слуги привели туда четырехлетнего сына падишаха, оставили возле него старую служанку, доверили охрану ворот стражникам и пошли докладывать падишаху о выполненном приказе.

Прошло много лет. Мальчик достиг подросткового возраста и узнал от старой служанки, что по достижении пятнадцати лет он должен погибнуть от руки багдадского халифа. Погоревал сын падишаха с полгода, а затем взял себя в руки и стал терпеливо дожидаться предначертанного судьбой.

Годы, месяцы и недели пролетели незаметно. Наступил тот час, когда до пятнадцатилетнего возраста оставалось ровно три месяца. Подросток уже возмужал и стал стройным юношей. В последние дни он был весел, много шутил. Когда служанка приносила ему изысканные блюда, он ел и пил с завидной охотой, спал так, как спят юноши только в его годы.

Пусть сын падишаха пока растет и радуется, а я расскажу вам о багдадском халифе.

Глубокой ночью несчастный халиф вышел тихо из своего укрытия, тайком, на четвереньках, прошел мимо спящих стражников и очутился внутри крепости. Пробравшись на второй этаж, он остановился у едва приоткрытой двери и вошел в просторную светлую комнату. Тут несчастный халиф осмотрелся и видит: на роскошной кровати лежит юноша неопишущей красоты и спокойно читает книгу. Подошел к нему халиф, приложил руку к груди и поздоровался.

От неожиданности юноша вздрогнул всем телом, затем посмотрел на него удивленно и спросил:

– О, человек, кто ты и как оказался в этой адской местности, где за всю мою жизнь не

пролетела ни одна птица, и не прошел ни один верблюд?

Подошел халиф к нему поближе и сказал:

– Дорогой юноша, обо мне ты узнаешь после того, как расскажешь о себе.

– Хорошо, – согласился юноша и пригласил халифа к столу.

Тот сел напротив юноши, выслушал его печальную историю и подумал: «Почему так сурова и не разборчива человеческая судьба? Что плохого сделал для меня этот красавец, чтобы непременно погибнуть от моей руки?..»

– Теперь твоя очередь рассказывать, – прервал мысли халифа юноша и с грустью посмотрел на него.

Трудно было несчастному халифу сказать о себе правду, и поэтому он поведал выдуманную повесть:

– Дорогой юноша, родился я в богатой семье и с молодых лет занимаюсь торговлей. Две недели тому назад нанял я корабль, нагрузил его трюмы товаром и отправился в море. И вот вчера начался небывалый шторм, огромные волны накрыли корабль и вместе с грузом все отправили в морскую пучину. По воле судьбы я спасся, ухватившись за обломок мачты, и чудом оказался на берегу этой загадочной местности.

Поверил юноша халифу и призадумался. Халиф выпил бокал вина и, улыбаясь, сказал:

– Юноша, если я тебе не в тягость, то с этого часа давай жить во дворце, как отец с сыном. И тебе будет хорошо, и мне. Согласен?

Юноша утвердительно кивнул головой, и стали они жить с халифом вместе.

Шли дни за днями, недели за неделями. Халиф рассказывал юноше разные сказки и небылицы, пел ему вдохновенно восточные песни и читал мудрые книги. За это короткое время привязался юноша к названному торговцу всей душой и полюбил его, как родного отца. Его доброта и приветливость отвлекали сына падишаха от дурных мыслей, и незаметно приближалось его пятнадцатилетие.

А между тем этот день настал. Рано утром юноша выбежал во двор крепости, выбрал на бахче крупную созревшую дыню и, возвратившись в комнату, положил на серебряный поднос. Через минуту дыня была разрезана на множество кусков. Халиф и юноша радостно вдыхали приятный аромат плода и ели ломтик за ломтиком. И когда на подносе остался единственный кусочек, халиф решил выразить свою наивысшую доброту и вежливость. Он встал с места, нанизал последний кусочек на острие ножа и поднес к губам юноши. Но из-за спешки не заметил на полу скользкую кожуру дыни и наступил на нее ногой. Тело халифа на мгновение зашаталось и дернулось вперед. Острый нож изменил свое направление и по самую рукоять вонзился в горло юноши. От неожиданности и боли юноша вскрикнул хриплым голосом, схватился за окровавленную рукоять и упал бездыханным прямо к ногам халифа.

Поняв, что случилось с сыном падишаха Чиме-Чина, халиф пришел в ужас. Безумно глядя на мертвое тело юноши, он завыл во весь голос и с воплем выбежал во двор крепости. В эту минуту ему хотелось, чтобы стражники схватили его и зарубили саблями.

Так бы оно и случилось, если б неожиданно из-за облаков не появился орел, который когда-то занес халифа в эту одинокую местность.

Он стремительно влетел во двор, разбросал стражников в разные стороны, вцепился лапами в одежду халифа и, взлетев с ним над крепостью, быстро растаял в облаках.

Преодолев огромное расстояние, орел оказался в саду багдадского халифа, положил его под той самой яблоней и скрылся.

Сколько лежал халиф на земле, никто не знает, но сам он говорил, что, когда пришел в себя, он посмотрел первым делом на верхушку дерева и увидел вместо зрелого, румяного плода какое-то сморщенное яблоко, которое закачалось от ветра и, сорвавшись с ветки, упало к ногам удивленного халифа. И понял халиф: «Что предназначено судьбой – того не изменить!»

Рассказы трех юношей

Рассказывают, что любил шах Аббас в одеянии дервиша ходить вечерами по своей столице. И вот однажды, когда шах Аббас гулял переодетым, на окраине города он заметил костер и захотел узнать, что за люди сидят у костра. Подойдя поближе, он увидел трех юношей, спрятавшихся за кустами и решил подслушать, о чем они будут говорить.

Долго ждать ему не пришлось. Один из юношей сказал:

– Разные дороги из разных мест привели нас в столицу шаха Аббаса. Кто мы, зачем пришли сюда? Давайте расскажем об этом друг другу.

Второй юноша сказал:

– И вправду, раз мы доверились одному огню, почему бы нам не доверить друг другу свои мысли.

А третий юноша сказал:

– Рассказывать так рассказывать, но кто же начнет первым?

Они переглянулись, и тот, который первым нарушил молчание, заговорил снова:

– По всему видно, я – старший, давайте сказывать по-старшинству, мне начинать.

– Говори, – сказали остальные.

И первый юноша начал рассказывать:

– Я – одинокий странник, ровно месяц я шел сюда пешком. Слышал, что шах Аббас

никому ни в чем не отказывает, вот я и решил обратиться к нему за помощью. Посплю ночь у костра, а утром пойду к шаху Аббасу и скажу: «Дай, Худо, шаху Аббасу здоровья! Слышал я о твоей доброте и пришел попросить у тебя в подарок хорошего скакуна со сбруей да сто золотых монет в придачу». И еще я скажу: «За твое здоровье буду ездить по городам, пить-гулять». Вот почему я сюда пришел.

Так закончил свой рассказ первый юноша, а шах Аббас наблюдал за ними и ждал, что же скажет второй. Тот сказал:

– Я тоже одинок и беден. Пора мне жениться, но кто отдаст свою дочь без калына? К тому же где мне взять денег для свадьбы? Думал я, думал и вот что придумал. У шаха Аббаса есть дочь. Утром пойду к шаху и скажу ему, что слышал о его доброте и потому пришел просить в жены его дочь. Если отдаст за меня дочь – хорошо, а не отдаст – так не отдаст. С такими мыслями я и шел сюда пешком два месяца.

Второй юноша закончил свой рассказ, а шах Аббас ждет, что скажет третий.

– Эх, друзья мои! Один из вас целый месяц шел сюда, другой – два месяца, и все для того, чтобы попросить у шаха Аббаса: одному – коня и денег, второму – шахскую дочь. О нет, не просить пришел я в этот город, хоть я, как и вы, одинок и беден. Целых три месяца был я в пути, пока дошел сюда. А пришел я сказать шаху Аббасу: «Чтобы ни тебя не было, ни твоей доброты, ни твоего богатства! Что толку от того, что ты дашь мне сколько-то денег – ведь все, что мне суждено, дает мне мое счастье!»

Выслушав рассказ третьего юноши, шах Аббас вернулся домой и велел нукерам схватить троих юношей и заключить их в темницу. Стражники побежали, схватили юношей, связали их и бросили в темницу.

Наутро шах Аббас оделся в шахские наряды, сел на трон и созвал старейшин.

Поставили виселицу, и шах Аббас велел привести из темницы троих юношей. Палачи их привели, и шах Аббас сказал:

– Эй вы, юноши, видите эту виселицу? Она не для красоты сделана. Тому, кто будет говорить неправду, висеть на ней. Понятно?

– Понятно, – ответили все трое.

– Так вот, – продолжал шах, – я вас видел ночью во сне и хочу проверить правоту своего сна. Расскажите правду о себе – останетесь в живых, а если нет – смерть вам будет. Говорите, кто вы и зачем пришли.

Палачи подвели к шаху Аббасу старшего юношу. Упал он перед шахом на колени и говорит:

– О, добрейший шах Аббас. Я одинокий и бедный странник. Ровно месяц шел я сюда. Слышал я, добрейший шах Аббас, что ты никогда и никому ни в чем не отказываешь. Я беден, нет у меня ни одежды, ни денег на пропитание. И вот я прошу у тебя хорошего скакуна, сбрую, уздечку, седло и еще сто золотых твоих монет. Если дашь – буду за твое здоровье

ездить по городам, пить, гулять. А теперь, хочешь убить – убей, не хочешь – оставь среди живых. На все твоя воля, шах Аббас!

Выслушав его, шах Аббас сказал:

– Рассказ юноши и мой сон совпадают. Вымойте его, накормите и спать уложите.

Везиры выполнили повеление шаха: умыли юношу, накормили и спать положили.

А шах Аббас сказал:

– А теперь подведите ко мне второго!

Палачи привели второго юношу, тот поклонился шаху, стал на колени и начал говорить:

– О, добрейший шах Аббас. Я тоже одинок и беден, к тому же пришло мне время жениться, но нет у меня денег ни на калын, ни на свадьбу. Слышал я, что у тебя есть дочь. И я задумал просить у тебя отдать дочь мне, бедняку, в жены. Целых два месяца шел я сюда, а теперь, добрейший шах Аббас, воля твоя: хочешь убить – убей, не хочешь – оставь среди живых.

Шах Аббас говорит:

– Рассказ юноши совпадает с тем, что я видел во сне. Вымойте его, накормите и спать уложите.

Выполнили везиры это повеление шаха Аббаса: умыли юношу, накормили, уложили спать и вернулись назад.

А шах Аббас говорит:

– Подведите ко мне третьего, послушаем, что он нам расскажет.

Привели третьего юношу, стал он перед шахом и сказал:

– Эй, шах Аббас! Мои уши слышали твой приказ. Твое дело – повелевать, а мое – покоряться. Только я вот что скажу. Каждый из вас -и шах, и мулла, и любой другой, – когда вам даром дают золотые монеты, торжествует и восклицает: «о, Худо!» Но когда у вас просят, вы говорите: «Умей добывать сам!» А мне ни доброты твоей, ни милости твоей не нужно. И если суждено мне чего-то достичь, так это даст мне мое счастье!

Шах Аббас выслушал его и сказал:

– Сон мой совпал с твоим рассказом. А теперь ступай, ищи свое счастье. Пусть оно тебе поможет, а от меня добра не жди.

Утром везиры выбрали первому юноше из табунов шаха хорошего скакуна, к нему сбрую да еще сто золотых монет, второму отдали в жены дочь шаха Аббаса, а третьему

ничего не дали, даже не накормили: пусть, мол, счастье ему даст.

И отправились юноши разными дорогами. Но вскоре в один день, к вечеру, все трое оказались в одном лесу, где им и предстояло устраиваться на ночлег. Старший из юношей в этот день, как, впрочем, и всегда, был сильно пьян. По пути он, куда бы ни заезжал, везде пил араги – ведь на то он и был люти.

Средний тоже был пьян, только не от вина или водки. Нет, его пьянила молодая и красивая невеста, которую он вел к себе домой. Стать мужем дочери шаха – это что-нибудь да значит!

А что касается младшего юноши, то, хотя он был голоден и утомлен, он верил в свое счастье, которое должно было выручить его.

Не успели трое юношей и дочь шаха Аббаса расположиться на ночлег, как поднялась сильная вьюга, такая сильная, что нельзя было понять: небо ли ее послало на землю, или земля на небо. Старший юноша снял с себя верхнюю одежду и накрыл скакуна. Средний укрыл бараньей шубой свою невесту, а младший залез на дерево и спрятался в дупле. Здесь ему было тепло, и он уснул.

Утром проснулся и не увидел ни скакуна, ни его хозяина, ни девушки, ни ее жениха. Стал он разгребать снег и нашел замерзшую девушку. Юноша разжег костер и отогрел ее. Затем он откопал скакуна, криками поднял его на ноги и стал гонять вокруг дерева. Конь разогрелся и опять стал резвым. Вскоре на небе появилось солнце, растопило снег, и юноша увидел своих товарищей. Оба были мертвы. Юноша похоронил их, погоревал немного, а затем и говорит дочери шаха Аббаса:

– Садись-ка на отцовского коня и скачи домой.

Но дочь шаха Аббаса ответила:

– О нет, добрый юноша, нога моя больше не ступит на отцовский порог. Без моего согласия отец выдал меня за нелюбимого и даже свадьбы не сыграл.

Потом девушка заплакала и говорит:

– О, добрый юноша, не оставляй меня одну, возьми меня в жены!

– Нет, ты должна вернуться домой. Я не женюсь до тех пор, пока счастье мое не придет ко мне.

Долго и слезно упрашивала юношу дочь шаха Аббаса.

– Это я – твое счастье, – говорила она. – Если тебе вздумается убить меня – убей, хочешь – сделай меня женой, хочешь – рабыней, только к отцу моему не отсылай!

Юноше стало ее жалко. Вытер он слезы дочери шаха и сказал:

– Ладно, давай жить вместе, но только как брат и сестра.

– Женись на мне, добрый юноша, – то и дело упрашивала его дочь шаха Аббаса.

– Нет, я дождусь своего счастья, дождусь того дня, когда отец девушки придет ко мне, увидит, как я живу, и, если ему понравится, сам отдаст мне свою дочь в жены. А с тобой мы будем жить как брат с сестрой.

Девушка согласилась, и они отправились в путь. Вскоре добрались они до какого-то города и устроились на ночлег в караван-сараяе. Утром юноша отправился наниматься на работу. Пришел он на фахлебазар и видит: ищущих работы много, а нанимателей нет.

«Как же дальше жить? Как же расплачиваться с хозяином караван-сарая?» – думает бедный юноша. И тут он заметил, что к базару подходит какой-то купец. А те бедняки, которые искали работу, закричали:

– Смотрите, смотрите!.. Опять этот живодер идет!

И сразу все начали расходиться. Юноша стал спрашивать:

– Почему вы все уходите?

– Потому что этот купец – сущий живодер, – отвечают ему.

А юноша воскликнул:

– Ничего не поделаешь, доля наша такова! Я наймусь, а там будь что будет!

Другие бедняки переглянулись и говорят:

– Ты глупец! У всех, кого он нанимает, с утра до вечера жилы вытягивает.

Тем временем купец подошел и видит: на всем фахлебазаре только один человек готов работать.

– Эй, ты, пойдешь ко мне работать? – спрашивает купец.

– Пойду, – отвечает юноша.

Купец говорит:

– А сколько тебе платить?

– Смотря какая работа.

– Ну ладно, дам я тебе ишака, топор и веревку, поедешь в лес и привезешь хворосту. За каждую вязанку – один золотой. Согласен?

И юноша согласился. Взял он ишака, взял топор и веревку и отправился в лес. Лес был густым, непролазным, и лишь одна тропинка вела в чашу. Юноша стал собирать на опушке

сухой хворост, а когда собрал целую вязанку, взвалил ее на ишака и вернулся к хозяину. Увидел купец, что работник вернулся живым и невредимым, и подумал: «Как же так? Ведь до сих пор все, кто ходил в лес, погибали, а ишак один возвращался с хворостом».

И купец дал юноше вместо одного – два золотых. Довольный, возвратился юноша в караван-сарай, где ждала его названная сестра-дочь шаха Аббаса.

– Дорогая сестра, дела наши хорошие! – воскликнул юноша и рассказал, как он заработал два золотых.

На следующее утро юноша снова пошел к тому самому купцу, опять взял ишака, топор, веревку и отправился в лес за хворостом. На краю леса юноша набрал сухого хвороста, взвалил на ишака и отвез хозяину. Тот обрадовался, что работник опять вернулся живым и невредимым, и дал ему целых четыре золотых.

На следующий день хозяин заплатил юноше восемь золотых. И так с каждым днем увеличивал плату вдвое.

Наконец, в один из дней юноша решил привезти хвороста потолще и погнал ишака в глубь леса.

Там юноша нарубил сучьев, погрузил на ишака, и только было собрался возвращаться, как кто-то крепко схватил его за руку. Юноша обернулся и увидел незнакомого человека. А тот закричал:

– Эй, разбойник, кто тебе разрешил ходить в мой лес и воровать хворост? С того дня, как мать родила меня, я сторожу этот лес и убил немало людей. А теперь я убью тебя!

Юноша упал на колени и взмолился:

– Не убивай,пусти меня, добрый человек! Разреши мне вернуть ишака хозяину, иначе он не заплатит заработанные мною деньги.

Хозяин леса говорит:

– Вернуть хозяину ишака ты успеешь, а сейчас пойдем со мной. Знай же, что в тот день, когда ты родился, в этом лесу появился подземный клад. Всю жизнь я сторожил его и многих людей убил. Я ждал твоего прихода и глаз не спускал с тропинки. Теперь я тебя не отпущу.

Хозяин леса взял юношу за руку, повел за собой и привел к подземной сокровищнице с чугунными дверями, на которых висел большой замок. Хозяин леса протянул юноше огромный ключ из чинары и говорит:

– Вот тебе ключ от этого замка.

Сказав это, он исчез.

Открыл юноша чугунные двери, вошел в подземный зал и увидел, что там хранятся

все сокровища мира.

– О Худо! – воскликнул юноша. – Наконец-то я нашел свое счастье!

Взял он две горсти драгоценных камней и насыпал в карманы. Потом он вышел из сокровищницы, запер двери, спрятал ключ и погнал ишака из лесу, к дому купца. Получив заработанные деньги, юноша говорит своему хозяину:

– Почему ты платишь мне так много за легкую работу?

Купец отвечает:

– Потому что никто другой не мог привезти мне хвороста из этого леса. Все пропадали. Ведь недаром лес называется «Туда пойдешь -назад не придешь». Только ты возвращался , и потому я плачу так много за твой труд.

Выслушал его юноша и обратился к нему со словами:

– Дорогой хозяин, купи для меня этот лес. А я до конца твоих дней буду возить тебе хворост.

Купец удивился и говорил:

– Для чего тебе этот лес? Люди считают его проклятым. Если хочешь -бери лес, никто тебе слова не скажет.

Но юноша говорит:

– У каждого есть что-то свое собственное, даже у птицы и зверя есть логово или гнездо. И я хочу купить этот лес по всем правилам. Плачу я, а ты договаривайся с падишахом. Сделаешь – до конца твоих дней буду возить тебе из этого леса дрова.

Пошел купец к падишаху и говорит:

– Я хочу купить проклятый лес.

Падишах рассмеялся и отвечает:

– Дорогой купец, думал я, что у тебя важное дело, а тебе проклятый лес понадобился.

Купец говорит:

– Нет, падишах. Я хочу купить лес не для себя, а для одного человека, моего работника. Он каждый день возит мне дрова из этого леса.

Падишах опять засмеялся и говорит:

– Да возьми его даром!

А купец в ответ:

– Нет, моему работнику захотелось по всем правилам, за деньги купить этот лес, даром он не хочет, просит завершить покупку твоей печатью.

Тогда падишах распорядился обставить продажу проклятого леса по всем правилам. Составили договор, а падишах и юноша подписали его и завершили печатью.

Потом юноша нанял людей и стал вырубать лес, а искусные мастера построили ему на перекрестке четырех дорог высокий каменный дом с расписными воротами, не дом – дворец. На воротах юноша велел сделать надпись: «Проходящий мимо! Если ты не зашел ко мне в дом и не отведал моего чурека, значит, ты мой враг!»

Через некоторое время на месте проклятого леса возник целый магал, и юноша стал его старшиной. К себе в помощники он пригласил тех бедняков, которые когда-то на базаре искали работы у богачей. Свою названую сестру, дочь шаха Аббаса, юноша одел в красивые наряды и стал жить да поживать.

С того дня, когда трое юношей были у шаха Аббаса, прошло семь лет. И вот однажды, шах Аббас собрался объехать своих подданных и собрать у них семилетний долг. Доезжает он до леса, который назывался «Туда пойдешь – назад не придешь», и видит, вместо густого леса новый магал. Подъехал шах к дому старшины и прочел надпись на воротах его дома. Решил шах Аббас зайти в гости, а заодно и отдохнуть немного. Постучался в ворота и попросил сообщить хозяину, что к нему шах пожаловал.

Юноша велел впустить путников, а названую сестру спрятал в одной из комнат, чтобы чужой глаз ее не видел. Предложили гостям богатое угощение – еду на золотых тарелках, вина в золотых рогах.

Все стали есть, пить, рассказывать всякие небылицы, лишь один шах Аббас был скучным и не прикасался к угощению. Ему очень хотелось узнать, кто этот хозяин и откуда у него такие богатства.

Хозяин дома увидел, что один из путников сидит, закутав лицо, и ничего не ест, говорит ему:

– О, мой почтенный гость, почему ты не ешь? Или ты чем-нибудь недоволен?

Шах Аббас отвечает:

– Дорогой и гостеприимный хозяин, я не смогу есть до тех пор, пока не расскажешь, кто ты и откуда у тебя все это богатство.

В ответ хозяин воскликнул:

– Может быть, ты завидуешь? А ты сам кто такой, чтобы я тебе все рассказывал? Не нравится тебе мое угощение – можешь встать и уйти!

Но шах Аббас отвечает:

– Нет, если я не отведаю твоего чурека, то буду твоим врагом. Ну расскажи мне о себе, как написано на твоих воротах.

Рассердился юноша и закричал:

– Кто ты такой, чтобы я тебе рассказывал? Почему ты прячешь свое лицо?

Тогда шах Аббас открыл лицо, и юноша сразу же узнал его. Поклонившись шаху, он сказал:

– Дорогой шах Аббас, прости меня за дерзость! Если ты просишь меня рассказать, я расскажу, но с одним условием: ты пообещаешь говорить мне тоже правду.

Шах Аббас пообещал, и юноша спросил его:

– Дорогой шах Аббас! Кто приходил к тебе в такой-то день, в такой-то год?

Шах Аббас раскрыл свою книгу записей, посмотрел и говорит:

– В такой-то день, в такой-то год ко мне приходили трое юношей. Одному я дал коня из своего табуна, дал сбрую и денег, другому отдал в жены свою дочь, а третий ничего у меня не попросил. Он сказал: «Если мне суждено чего-то достичь, то это даст мне мое счастье, а в том, что ты дашь, проку нет».

– Вот этим, третьим юношей был я, – сказал хозяин дома и поведал шаху все, что с ним было.

Шах Аббас воскликнул:

– А где моя дочь?

Юноша зашел в комнату девушки, передел ее в старые наряды, которые были на ней, когда она покинула родной дом, и вывел к отцу.

Шах Аббас на радостях даже прослезился. А хозяин дома вывел из конюшни того скакуна, которого семь лет назад шах Аббас подарил одному из юношей, и сказал:

– Можешь забрать и своего скакуна, и свою дочь. Семь лет я жил с ней, как брат с сестрой.

Растрогался шах Аббас тем, что слышал и видел, и воскликнул:

– Нет, не нужен мне другой зять! Ты будешь моим зятем!

Говорят, семь дней и семь ночей справляли свадьбу, и съехались на нее гости из семи падишахств. Много было радости, дай Бог, чтобы и у вас в доме такая радость была!

Шах Аббас и пахарь

Как-то раз шах Аббас, переодевшись надзирателем, вышел на прогулку в город в сопровождении своего везира. Разговаривая между собой о государственных делах, они очутились на окраине города и увидели: на небольшом поле пахарь погоняет двух буйволов и пашет каменистую землю. Но перед тем как провести борозду, он громко хлопает в ладоши и начинает плясать. То же самое бедный пахарь делает, когда доходит до конца поля.

Шах Аббас долго и с любопытством следил за проделками пахаря и удивлялся до глубины души.

– Что это за спектакль? – спросил он везира, показывая рукой в сторону пахаря. – Ты что-нибудь понимаешь, дорогой везир?

Призадумался везир над вопросом повелителя и ответил:

– Почтеннейший шах Аббас, видимо, у этого пахаря нет домашних забот. Глядя на его работу и пляску, могу сделать вывод, что пахарь доволен женой.

– Надо это как-то выяснить, – сказал шах Аббас. – Иди и сообщи ему, что я приглашаю его в гости вместе с женой.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал везир, подошел к пахарю и передал ему повеление шаха Аббаса.

Когда повелитель и везир ушли в сторону города, пахарь подумал: «Я бедный пахарь. С утра до ночи волочусь за грязным плугом и знаюсь только с землей да с такими же бедняками, как сам. И какое родство может быть между мной и шахом Аббасом, чтобы он приглашал к себе в гости такого голодранца, как я? О Всевышний, ну и времена настали!»

– Если зовет, надо идти, – решил он и крепче схватился за плуг.

Вечером, когда пахарь вошел во двор, жена выбежала ему навстречу, взяла из рук его хурджун, прижалась к нему и пошла рядом до самого дома. В комнате она сняла с него грязные чарыки, помыла ему ноги и ласково пригласила за стол, где уже лежало готовое угощение. Поужинав, пахарь поцеловал жену и сказал:

– Душа моя, наш повелитель, великий шах Аббас, пригласил нас к себе в гости. Иди одевайся.

– Хорошо, милый, – сказала жена и сразу же начала наряжаться.

И вот бедный пахарь и его красавица-жена уже шагают по улицам большого города. У самого дворца путь им преградила река. Пахарь поднял жену на руки и с большой осторожностью перенес на другой берег.

У широких дворцовых ворот их встретили стражники. Они приветствовали пахаря с женой и повели в покои шаха, где повелитель находился в окружении своих трех жен.

Увидев гостей, шах Аббас встретил их с доброй улыбкой, подозвал к себе и усадил

рядом на мягкие подушки. Когда пахарь и его жена уселись, он спросил:

– Дорогой пахарь, скажи мне, почему ты во время работы на своем поле весело и громко бьешь в ладоши и танцуешь?

– О, почтенный шах Аббас, – ответил пахарь, – дело в том, что я спокоен душой за мою красавицу-жену и порядок в доме. Когда я нахожусь в поле, то твердо знаю, что моя жена всегда занята делом: штопает одежду, стирает белье, готовит обед, а по вечерам сидит дома и терпеливо ждет моего возвращения с работы. Так почему же мне не бить весело в ладоши и не танцевать, имея такую умную и трудолюбивую жену?

– Очень хорошо, дорогой пахарь, – сказал шах Аббас. – В таком случае оставь во дворце свою жену, а взамен заведи с собой трех моих нерадивых жен. С ними тебе, милый пахарь, некогда будет бить весело в ладоши и танцевать в начале и в конце борозды.

Пригорюнился бедный пахарь и подумал: «Зачем мне сразу три жены? Как же я один прокормлю этих женщин? Для чего великий шах разлучает меня с моей доброй и трудолюбивой женой?» Но как бы ни горевал бедный пахарь, он не посмел высказать повелителю свои противоречивые мысли. И вот пахарь взял с собой трех шахских жен и отправился домой. У самой реки он взвалил на плечи первую жену шаха Аббаса и вошел в воду. Когда он дошел с тяжелой ношей до середины реки, то резко остановился и строго спросил женщину:

– О, первая жена шаха Аббаса, почему повелитель так легко расстался с тобой? Скажешь правду – будешь жить, соврешь – отправишься на дно!

Испугалась первая жена шаха Аббаса и ответила:

– Вся беда из-за моего языка. С ним я никак не могу справиться. Целый день я хожу по дворцу и никому не даю вымолвить даже одного словечка, а сама тараторю без отдыха. В такое время из моего рта вылетает больше злых слов, чем добрых.

– О, злодейка! – воскликнул пахарь. – С таким языком, как у тебя, трудно ужиться. Иди-ка, несчастная, на дно речное! Пусть тебя рыбы воспитывают!

И не успела первая жена шаха Аббаса ахнуть, как очутилась в бурном речном водовороте. А сильное течение подхватило ее и унесло неведомо куда.

Увидели такую картину другие жены шаха Аббаса и от страха прижались друг к другу.

А пахарь выбрался на берег, взвалил на свои плечи вторую жену шаха Аббаса и понес к реке. Достигнув середины реки, он остановился и строго спросил женщину:

– О, вторая жена шаха Аббаса, почему повелитель так легко расстался с тобой? Скажешь правду – будешь жить, соврешь – отправишься к речным рыбам!

Испугалась вторая жена шаха Аббаса и ответила:

– Вся беда в том, что я тайно от повелителя жила с любовником.

– О, злодейка! – воскликнул пахарь. – Ты поступила подло, но твой поступок можно исправить. Живи и здравствуй!

Выбрался он с женщиной на противоположный берег, опустил ее на песок и пошел за третьей женой шаха Аббаса. А та стояла на солнцепеке и дрожала всем телом. Пахарь подошел к ней, взвалил ее на свои плечи и вошел в воду. Достигнув середины реки, он остановился и строго спросил женщину:

– О, третья жена шаха Аббаса, почему повелитель так легко расстался с тобой? Скажешь правду – будешь жить, совершь – отправишься в речное царство!

Испугалась третья жена шаха Аббаса и ответила:

– Вся беда в том, что я нечиста на руку: частенько воровала деньги у повелителя и прятала на черный день.

– О, злодейка! – воскликнул пахарь. – Ты поступила подло, но твой поступок нетрудно исправить. Живи и здравствуй!

Наконец привел пахарь двух женщин домой и сказал:

– По воле Всевышнего и самого шаха Аббаса я ваш законный муж. Этот дом и все, что в нем находится, принадлежит и мне, и вам. Если ты, вторая жена шаха Аббаса, будешь впредь иметь любовника, жди смерти от моей руки! А ты, третья жена шаха Аббаса, если не сможешь жить без воровства, пеняй на себя. Деньги лежат в этой железной коробке, что стоит в шкафу, и в будущем они будут всегда лежать там. Можешь ими пользоваться, как тебе хочется, но учти: отныне все расходы будут лежать на твоих плечах. Понятно вам, мои милые женушки?

Бывшие жены шаха Аббаса ответили вместе:

– Понятно, дорогой пахарь! Мы сделаем так, как ты велишь нам.

Наутро пахарь встал, позавтракал и отправился на работу. А вечером, когда он вернулся домой, женщины поочередно помыли ему ноги, вытерли их чистым полотенцем и усадили за стол, на котором лежало горячее вкусное угощение.

Так проходили дни за днями, недели за неделями. Третья жена шаха Аббаса, что раньше воровала деньги у своего повелителя, как-то подумала: «Если бедный пахарь полностью доверил мне все расходы по дому, зачем же я должна воровать?» А вторая жена шаха Аббаса, что тайно жила с любовником, тоже подумала: «Зачем же мне иметь любовника, если мой пахарь – настоящий мужчина?»

Обе женщины, не сговариваясь меж собой, крепко полюбили пахаря, и он стал им мужем, посланным самим Всевышним.

...Оставим на время пахаря и этих женщин в покое, потому что я хочу рассказать вам о шахе Аббасе.

В тот же час, когда бедный пахарь покинул дворец и увел с собой его трех жен, шах Аббас вызвал в тронный зал везира и сказал:

– Подбери для жены пахаря пожилую женщину-служанку, и пусть она неотлучно живет в одной комнате с женой пахаря. Только не забудь предупредить ее, что она ни днем ни ночью не смеет оставлять свою госпожу в одиночестве, даже в том случае, когда жена пахаря ест, пьет и выходит во двор. Помимо этого служанка обязана сразу же сообщить мне, если кто-нибудь попытается обидеть ее госпожу.

Прошли семь месяцев. И как-то шах Аббас сказал везиру:

– Идем на окраину города и проведем пахаря.

– Слушаюсь и повинуюсь, – сказал везир и последовал за повелителем.

Вскоре они миновали окраину города, подошли к тому самому полю и видят: пахарь уже бьет в ладоши и танцует в трех местах – в начале, середине и в конце борозды.

Шах Аббас удивился пуще прежнего и спросил везира:

– Отчего теперь пахарь танцует и хлопает в ладоши в начале, середине и конце борозды?

– Почтенный шах, видать, что жизнь пахаря во много раз улучшилась по сравнению с тем днем, когда ты оставил во дворце его красавицу жену и взамен отдал ему своих трех нерадивых жен.

– Если так, дорогой везир, – сказал шах Аббас, – тогда сходи к пахарю и пригласи его с тремя женами ко мне в гости.

Подошел везир к бедному пахарю и передал ему приглашение повелителя. На этот раз пахарь не стал дожидаться вечера и тут же отправился к себе домой. Еще на пороге он сказал женщинам:

– А ну-ка, милые мои, скорее переодевайтесь во все праздничное. Мы приглашены в гости к шаху Аббасу.

Принарядились все трое в новую праздничную одежду и направились к шахскому дворцу. И как только они прибыли, шах Аббас пригласил их в тронный зал, где уже находился везир и прежняя жена пахаря со служанкой. Шах Аббас, увидев, что с пахарем пришли только две жены, спросил его вежливо:

– Дорогой пахарь, с тобой я вижу двух моих бывших жен. А где же третья жена?

Рассказал пахарь повелителю обо всем, что приключилось с ним у реки, и добавил:

– Первую твою жену, о почтеннейший шах Аббас, я сразу же утопил в реке, узнав, что у нее ядовитый язык. Такую женщину даже Господь не исправит, потому что злые слова,

выпущенные изо рта, страшнее пули и кинжала.

Призадумался тогда шах Аббас и спросил:

– Почему ты теперь весело бьешь в ладоши и танцуешь в трех местах: в начале, середине и конце борозды? Ведь раньше ты веселился и танцевал лишь в двух местах: в начале и в конце борозды.

– Почему же мне не веселиться и не танцевать трижды на одной борозде, если я счастлив? – удивился пахарь. – Когда я возвращаюсь с поля усталым после пахоты, твои бывшие жены ухаживают за мной, как за малым дитем: моют мои ноги, стирают белье, готовят вкусную еду... Теперь моя жизнь стала гораздо лучше, чем была прежде...

– Как же так? – пожал плечами шах Аббас. – Ведь одна из них -воровка, а другая – развратница! Разве они понимают суть жизни?

Помолчав, пахарь ответил:

– Ты об этом спроси своих жен, почтеннейший шах. Они сами тебе скажут – понимают суть жизни или нет.

Повернулся шах Аббас к той жене, которая тайком воровала деньги, и спросил:

– Занимаешься ли ты сейчас воровством?

– Нет, дорогой шах Аббас, – сказала женщина. – Мне стыдно даже вспомнить об этом. Ворует тот, от кого прячут деньги. А бедный пахарь их полностью доверил мне. Не буду же я воровать у самой себя!

Тогда шах Аббас обратился к той жене, которая имела любовника:

– Имеешь ли ты сейчас любовника, женщина?

– Зачем же мне любовник, дорогой шах Аббас, – ответила та, – если муж всегда находится рядом со мной? Он не оставляет меня одну, как это делал ты, повелитель!..

Понравился шаху Аббасу поучительный урок пахаря и ответы его бывших жен. Он сошел со своего трона, обнял пахаря и сказал:

– Милый пахарь, спасибо тебе за добрый пример. Отныне я возвращаю назад твою законную жену. В моем дворце никто ее не обижал. Она чиста и прекрасна, как и раньше, когда ты привел ее ко мне в гости. Береги свою жену и отправляйся домой.

А моих исправившихся жен оставь при мне. Я буду к ним относиться так же, как относился ты. Твой поучительный урок с моими женами станет для меня хорошим примером на всю жизнь.

Вот так простой пахарь на личном примере показал мудрость и суть жизни самому шаху Аббасу.

Необыкновенные приключения юноши по имени Аслан

О ком рассказать вам, о чем поведать? Расскажу-ка я вам об одной женщине. Муж у нее давно умер, и она еле-еле сводила концы с концами. По утрам бедняжка приходила на базар, покупала на мелочь шерстяные нитки и целыми ночами вязала красивые разноцветные журабы. Продав их соседям, она покупала в лавке что-нибудь съестное и кормила своего восемнадцатилетнего сына. Так изо дня в день проходила ее жизнь в труде и печали.

Но вот однажды женщина заболела и не могла встать на ноги. Подозвала она тогда своего сына, по имени Аслан, и сказала:

– Сынок, как видишь, я уже стара и слаба. До сих пор я доставала для тебя еду и одежду, а с этой минуты уже не в силах чем-либо тебе помочь. Поэтому ты должен преодолеть свою лень и наняться на работу.

Юноша согласился с матерью и молча покинул дом. Но сколько бы он ни бродил по улицам и базарам города, все же не смог найти себе работу. Имущие горожане хоть порой и любовались его богатырской фигурой, но ни при каких условиях не хотели иметь с ним дело, потому что знали о его неисправимой лени. Аслан пожимал плечами и не обижался на них. А когда к вечеру он оказался на окраине города, твердо сказал самому себе:

– Пока не наймусь на работу к какому-нибудь богачу, домой не вернусь!

Сказано – сделано. Повернулся Аслан спиной к городу и направился в сторону леса. Достиг он его, когда сгустились сумерки. Но юноша не остановился и смело вошел в чащобу. Через некоторое время он очутился в дремучих дебрях, осмотрелся вокруг и видит: из-за стволов деревьев пробивается тонкая полоса света. Аслан почесал за ухом и быстрее зашагал к манящей полоске.

Шел он, шел и наконец дошел до огромного шалаша. Задержался юноша немного у входа и подумал: «Беда не приходит одна. Войду-ка я в шалаш и посмотрю, что же там происходит».

Приоткрыл он тихо дверь, вошел внутрь освещенного шалаша и видит: сидят на полу сорок разбойников и делят между собой золотые изделия и монеты.

Разбойники тоже заметили Аслана, схватились за кинжалы и бросились к нему. Но атаман громким криком остановил их, подозвал к себе юношу и мирным голосом спросил:

– О, Аслан, какая беда тебя привела в наш шалаш?

Рассказал юноша разбойникам о своем житье-бытье и почему в такую пору оказался в диком лесу.

Выслушал его атаман и сказал:

– Без работы ты не останешься, если исполнишь одну небольшую услугу.

– В чем она заключается? – поинтересовался Аслан.

Атаман вытащил из коробки молоток и гвоздь, протянул их юноше и сказал:

– На другом конце леса находится старая, полуразрушенная баня. До утра ты должен добраться до нее и вбить в стену этот гвоздь.

– Ха! – удивился Аслан и воскликнул: – Разве это работа? Стоит ли ради такой услуги пачкать руки?

Разбойники рассмеялись, а атаман шутливо сказал:

– Ты ее выполни сначала, а потом задавай вопросы.

Аслан нехотя пожал плечами, положил в карман молоток и гвоздь, вышел из шалаша и отправился на другой конец леса.

Всю дорогу он шагал по тропке и насвистывал веселые мелодии. Через час-два лес остался позади. И вскоре он оказался возле старой бани. Приложив гвоздь к стене, Аслан вытащил из кармана молоток и только размахнулся им, как стена заговорила человеческим голосом:

– Эй, Аслан, пока твоя голова цела, уходи прочь!

Вначале юноша оглянулся по сторонам и, не заметив никого, снова принялся за дело. Но не успел он взмахнуть молотком, как стена снова заговорила:

– Аслан, разве ты меня не слышишь? Пока твоя голова держится еще на плечах, лучше убирайся вон!

И на этот раз Аслан посмотрел по сторонам. Кругом ни одной живой души. Рассердился он и крикнул:

– Сам убирайся вон, негодник! Если ты такой герой, то зачем же спрятался в стене? Выходи сюда и давай поговорим, как настоящие мужчины! Что, силенок не хватает или боишься меня?

Не успел он выразить в словах всю свою ненависть, перед ним появился прекрасный юноша с очень тонким миловидным лицом. Он хмуро взглянул на Аслана, вырвал из ножен остроконечную саблю и сделал несколько шагов вперед.

Кроме молотка с гвоздем, в руках у Аслана ничего не было. Он испуганно посмотрел на грозного соперника и понял, что наступил его смертный час. Отложив в сторону молоток с гвоздем, он отступил назад и с усмешкой сказал юноше:

– С таким оружием, как у тебя, любой одержит верх в неравном бою. Если ты честный воин, вложи свою саблю в ножны и давай тягаться в единоборстве!

– Хорошо, – сказал юноша, воткнул саблю в мягкую землю, засучил рукава бешмета и

подготовился к броску.

И у стены старой бани завязалась борьба. Она была долгой и изнурительной, потому что ни один противник не мог перебороть другого и одержать победу. Они то расходились в разные стороны, то сходились в клубок, но результат оказывался прежним.

И вот юноша решил схитрить и резким рывком бросился на Аслана. В это мгновение с его головы сорвалась папаха и обнажила сорок золотых кос. Аслан, увидев их, обомлел от удивления. Теперь он понял, что борется не с каким-нибудь воином, а с милой и красивой девушкой. От этого у него на минуту руки расслабились и потеряли прежнюю силу. А красавица воспользовалась моментом и, оттолкнув его от себя подальше, побежала куда глаза глядят. Аслан опомнился и побежал за ней следом. Догнав девушку, он схватил ее за ногу и потянул в свою сторону, но красавица ударила его по щеке и, вырвавшись, побежала еще быстрее. Аслан усмехнулся и перестал ее преследовать, потому что у него в руке очутился жураб девушки, вязаный золотыми и серебряными нитями. Он обрадовался удачному приобретению, быстро подскочил к стене, забил в нее гвоздь и сказал вслух:

– Отнесу-ка я эту драгоценную вещь в лавку купца, продам ее за приличную цену, куплю больной матери всякие овощи и фрукты, и только после этого возвращусь к разбойникам.

Сказано – сделано. Пришел Аслан в лавку купца и говорит ему:

– Дорогой купец, оцени, пожалуйста, мой жураб и дай за него несколько монет.

Осмотрел хитрый купец предложенную вещь со всех сторон и, поняв, что она бесценна, подумал: «Чтобы обмануть Аслана и не дать ему за жураб даже копейку, надо что-то придумать». И не успел Аслан выхватить свой жураб из его рук, как купец выбежал из лавки и закричал на всю улицу:

– Эй, добрые люди! Сегодня ночью этот воришка незаметно пробрался в мой дом и выкрал драгоценный жураб дочери, а теперь, не боясь Бога, принес его в мою лавку и начал торговаться.

Прохожие услышали крик купца и окружили лавку. Купец подбодрился от этого и закричал еще громче:

– О, добрые люди, ловите скорее жулика и ведите к падишаху!

Выкрутили прохожие руки Аслану и стали его избивать. Тот стонал от боли и старался доказать, что этот единственный жураб он сорвал с ноги девушки-воина, когда под утро забивал гвоздь в стену старой, полуразвалившейся бани. Но люди не верили ни одному его слову, потому что знали, что за многие годы никто не смог забить гвоздь в заколдованную стену. Поэтому и посчитали Аслана обманщиком и начали избивать его еще усерднее. Вскоре прохожие прекратили избиение и повели Аслана во дворец. А когда они вошли в тронный зал, купец вырвался вперед и сказал падишаху:

– О, повелитель, жить тебе и здравствовать! Этот паршивый Аслан сегодня ночью пробрался в мой дом и выкрал сорок пар драгоценных журабов, которые были связаны из

золотых и серебряных нитей. Мы схватили его и привели на твой суд.

Падишах сурово посмотрел на виновника и спросил:

– Так ли было дело?

Аслан начал рассказывать ему как можно подробнее, но падишах прервал его и сказал:

– Если твоя мать не вернет к завтрашнему утру сорок пар драгоценных журабов моему верному купцу, не миновать тебе смерти. Стража, ведите вора в тюрьму!

Схватили стражники бедного Аслана, заковали в кандалы и бросили в темное подземелье...

О ком рассказать вам, о чем поведать?

Расскажу-ка я вам о разбойниках и их атамане. После ночного веселья они спали в шалаше, как убитые. Первым проснулся атаман и разбудил товарищей. Когда те привели себя в порядок, атаман почесал свой затылок и сказал им:

– Друзья, почти двое суток мы спали беспробудно. Настало второе утро, а нашего Аслана до сих пор что-то не видать. Не лучше ли ради потехи пойти нам всем к старой, полуразвалившейся бане и посмотреть, что случилось с ним?

Разбойники согласились. Вышли они вместе с атаманом из душного шалаша, прошли по тенистому лесу, подошли к старой, полуразвалившейся бани и видят: в расколотой стене торчит вбитый Асланом гвоздь, а самого его нигде нет.

Удивился атаман такому чуду и сказал товарищам:

Клянусь Всевышним, наш Аслан – смелый человек! Если мы найдем его, я сделаю ему хороший подарок. Идемте в город. Он, видимо, торчит у какой-нибудь лавки и пьет вино.

Сказано – сделано. Пришли разбойники в город и видят: горожане собрались на площади и терпеливо ждут чьей-то казни. Посмотрели они в сторону виселицы и поняли, что вот-вот казнят бедного Аслана. Подбежал тогда атаман к падишахскому трону и спросил:

– О, почтеннейший повелитель, в чем вина этого человека?

Падишах ответил:

– Он виноват в том, что пробрался в дом известного купца и выкрал оттуда сорок пар драгоценных журабов, которые были связаны золотыми и серебряными нитями. За такой поступок Аслан должен быть вздернут на виселице!

Разбойники переглянулись.

Аслан тем временем, услышав их разговор, попросил падишаха повременить с казнью, а затем коротко рассказал атаману, что случилось с ним у стены старой, полуразвалившейся

бани и как жадный купец овладел его журабом и наговорил падишаху о нем всякой всячины.

Понял атаман, что Аслан безвиновен, и тогда сказал падишаху:

– О, повелитель, надо проверить честность Аслана. Пусть твои слуги сейчас же отправятся к старой, полуразрушенной бане и сами увидят, вбит ли гвоздь в расколотой стене или нет.

Падишах согласился и отправил своих слуг в указанное место.

Пришли слуги к старой, полуразрушенной бане, увидели в расколотой стене вбитый гвоздь, вернулись к падишаху и сказали ему:

– Так и есть, о повелитель! Гвоздь действительно вбит в стену.

Тогда падишах решил спор таким образом:

– Для доказательства правоты даю Аслану и купцу ровно сорок дней. Кто из них к этому сроку принесет сорок пар журабов из драгоценных нитей, тот окажется честным человеком. Но прежде чем отпустить Аслана из-под стражи, его должны заменить сорок заложников. Если он не вернется назад, они будут казнены вместо него.

Тогда разбойники сказали:

– Хорошо, мы готовы стать заложниками до возвращения Аслана!

Падишах тут же отправил разбойников в глубокий зиндан, а Аслана отпустил на волю.

Вернулся Аслан домой, рассказал матери о своих мытарствах, попрощался с нею и в тот же вечер двинулся в путь на поиски драгоценных журабов.

Прошел день, затем второй, а на третий день Аслан остановился у развилки четырех дорог. Здесь он встретил с большой караван верблюдов и сказал его хозяину:

– Дорогой купец, позволь мне идти с твоим караваном. За это я готов выполнить любое твое приказание.

Купец согласился:

– Присоединяйся к нам. За услугу будешь получать бесплатную еду.

Поблагодарил Аслан купца и отправился с его караваном в дальнюю дорогу.

Через несколько дней караван подошел к берегу огромного моря и остановился у пристани. Купец, не теряя времени, нанял большой корабль, набил его трюмы товаром, поднял на палубу своих слуг, и поплыли они все вместе к неизвестным берегам.

Плыли они целую неделю. Как-то утром матросы увидели вблизи корабля рыбу-аждага и доложили об этом капитану. Тот задрожал всем телом, вошел в каюту купца и сказал:

– Мне хорошо известны повадки этой рыбы-аждага. Она может одним ударом своего хвоста разбить наш корабль на мелкие куски. Если сейчас же не бросишь в море одного из твоих слуг, мы погибнем все!

Призадумался тогда купец, вызвал к себе Аслана и сказал:

– Дорогой Аслан, там, за бортом корабля, беснуется рыба-аждага. Чтобы ее успокоить, я должен пожертвовать одним человеком. Выбор пал на тебя. Если ты вступишь в единоборство и окажешься победителем, я награжу тебя золотом. Согласен?

Аслан подумал и ответил:

– Я готов пожертвовать собой, но с одним условием. После моей гибели ты должен вернуться в такое-то падишахство и отдать моей матери обещанное в награду золото.

Купец тут же согласился с ним. Аслан поднялся на борт и бросился в морскую пучину. Увидела его рыба-аждага и подплыла к нему вплотную. Аслан прищурился и заметил, что нос рыбы окольцован золотым кольцом. Юноша не растерялся, схватился обеими руками за кольцо и вырвал его из носа чудовища. От страшной боли рыба-аждага издала громоподобный крик, от которого у Аслана зазвенело в ушах, и разрезав хвостом волну, мгновенно исчезла за горизонтом.

Тем временем Аслан подплыл к борту корабля и попросил матросов поднять его на палубу. Те охотно выполнили его просьбу, подняли на корабль и тут же доложили капитану, что юноша одержал победу над рыбой-аждага. Капитан радостно обнял Аслана и приказал матросам приготовиться к плаванию.

Корабль поднял паруса и, качаясь на волнах, направился прежним курсом. А между тем Аслан высушил мокрую одежду, вошел в каюту купца и попросил у него свое вознаграждение.

Купец злобно посмотрел на Аслана и грозно сказал:

– Благодарю Господа за то, что рыба-аждага не проглотила тебя, а меня благодари за то, что кормлю и везу тебя бесплатно!

В ответ Аслан только опустил голову и молча покинул каюту.

А корабль тем временем подошел к полуразрушенному городу и остановился. Купец вышел из каюты и сказал Аслану:

– Мы должны расстаться с тобой. Сойди немедленно на берег и иди своей дорогой. Я отправляюсь в другую сторону.

Плюнул Аслан себе под ноги и сошел на безлюдный берег. Корабль поднял снова паруса и поплыл дальше. Аслан с грустью посмотрел ему вслед, подумал немного и направился к городу.

Вскоре он достиг главных городских ворот, прошелся по улицам и закоулкам и не встретил ни одной живой души. Только всюду валялись груды камней различных размеров. Удивился Аслан их бесчисленному количеству и через полчаса оказался на мейдуне. Там на высоком валуне сидел юноша необыкновенной красоты. Он увидел Аслана и грозно спросил:

– Эй, Аслан, как ты очутился в этом мертвом городе? Боясь моего гнева, здесь птица не вьет гнезда, а верблюд не ступает ногой. Пока я не превратил тебя в камень, лучше убирайся вон!

Посмотрел Аслан вокруг себя и понял, что камни, разбросанные повсюду, были некогда живыми людьми. Разгневался он на юношу и закричал:

– Эй, негодник, если ты настоящий мужчина, спустись и попробуй со мной потягаться силой!

Грозно спустился юноша с валуна, подошел к Аслану и первым начал борьбу. В ходе борьбы Аслан задел плечом грудь противника, и она показалась ему чем-то подозрительной. «Не девушка ли борется со мной? – подумал он. – У него лицо точно такое же, как у той красавицы, которая недавно схватилась со мной у старой, полуразрушенной бани. Надо проверить!»

Сказано – сделано. Схватил он юношу за грудки и сразу же понял, что он борется с девушкой. Не растерялся Аслан и сжал ее еще сильнее. Девушка вскрикнула, резко оттолкнула его и побежала. Она до того была напугана, что не заметила, как ее золотое кольцо соскользнуло с пальца и упало на землю. Аслан быстро поднял его, рассмотрел внимательно и положил в карман.

Прошло несколько минут. За это время Аслан немного отдохнул и отправился дальше. Очутившись на окраине города, он увидел огромный сказочный сад, в середине которого возвышался необыкновенный дворец. Аслан открыл калитку и вошел во двор. Прошел он метров десять, присмотрелся и видит: под старым деревом расстелена белая скатерть, а на ней изысканные блюда. Аслан был голоден, но до еды не дотронулся. «Здесь какая-то тайна. Надо подождать немного и разгадать ее, а там видно будет, что делать дальше», – подумал он и быстро спрятался в кустах.

В это время из дворца вышли три девушки, сели вокруг скатерти и положили перед собой еду. Аслан выглянул из укрытия и увидел, что девушки – одна красивее другой и, своими прекрасными ликами затмевают и луну и звезды.

Когда они принялись есть, одна из них сказала:

– Милые сестры, долгое время мы не виделись друг с другом, потому что жили в разных падишахствах. Не лучше ли нам рассказать друг другу о своих приключениях?

– Ты права, – сказала старшая сестра и первой начала свой рассказ: «В некотором падишахстве, на окраине столичного города я спряталась в стене старой, полуразрушенной бани. Здесь мне хотелось встретиться с храбрым юношей и вступить с ним в единоборство. Каждый раз, когда кто-либо из молодых парней норовил забить гвоздь в стену, я тут же выходила, вступала с ним в борьбу и, повалив его на землю, отрубала голову. Так я поступила

с дюжиной сильных юношей. Но однажды судьба столкнула меня с одним плешивым. Этот храбрец переборол меня хитростью и сорвал с моей ноги драгоценный жураб, который был связан золотыми и серебряными нитями. Я тогда успела вырваться из его рук и убежать. Но если бы сейчас этот юноша оказался здесь, я бы с удовольствием вышла за него замуж!..»

Выслушав рассказ, начала рассказывать о своих приключениях и средняя сестра.

– Как-то раз, – сказала она, – я превратилась в рыбу-аждага и стала плавать по морю-океану. За несколько лет я потопила больше десяти кораблей, чтобы найти среди матросов такого смельчака, который мог бы одолеть меня. И вот однажды проходил по этому морю парусный корабль с товарами. Я преградила ему дорогу и стала ждать. Ждать пришлось недолго. Некий Аслан смело бросился с борта в морскую пучину. Я подплыла к нему и хотела проглотить его целиком, но он не растерялся, быстро схватил руками золотое кольцо, что торчало из моего носа, и вырвал его. Я испугалась и уплыла от греха подальше. Если бы сейчас этот Аслан оказался здесь, я бы тоже с радостью вышла за него замуж!..

Младшая сестра глубоко вздохнула и коротко сказала:

– Милые сестры, этот плешивый встретился и мне. Во время борьбы он понял, что перед ним девушка. Я не дала ему опомниться, вырвалась и сразу убежала. Но в этот момент с моего пальца соскользнуло кольцо и упало на землю. Он поднял его и положил в карман. Если бы сейчас Аслан оказался здесь, я бы без сожаления вышла за него замуж!..

Выслушал Аслан рассказы трех сестер, вышел из-за кустов и сказал:

– Дорогие красавицы, вот и я! Рад, что вы не держите на меня зла.

Увидели девушки храброго юношу, подошли к нему и обняли, затем повели его во дворец, хорошенько искупали в бане, переодели во все чистое, и когда он отдохнул, стали вместе с ним есть и веселиться.

И вот в самый разгар пиршества Аслан, вспомнил свою больную мать и разбойников, которые остались у падишаха в заложниках, и взгрустнул.

Красавицы заметили, что он опечален, и спросили:

– Дорогой Аслан, что с тобой случилось?

Рассказал им юноша о том, что тяготит его. Те выслушали юношу и сказали:

– Ха! Стоит ли из-за таких пустяков портить себе настроение? Не беспокойся, милый! Мы ради нашей любви к тебе, все твои просьбы выполним за несколько минут.

Сказано – сделано. Принесла младшая сестра таз с водой, прошептала что-то про себя, прошлась по улицам и закоулкам города и окропила все камни водой, камни ожили, став людьми, продолжили заниматься своими делами, как будто с ними ничего не случилось. Аслан смотрел на все с радостной улыбкой и удовлетворением.

Теперь дошла очередь до старшей сестры. Она коснулась ладонью плеча Аслана и

превратила его в соломинку, а себя и сестер в белых лебедей. Она схватила соломинку и взлетела в небо. За нею взлетели и сестры.

Сколько летели они, никому не известно, но все же через некоторое время прилетели в падишахство Аслана, приняли человеческий облик и направились в нищенский дом юноши.

Мать Аслана лежала неподвижно в уголке комнаты и с тайной мольбой посматривала на дверь. Неожиданно дверь приоткрылась, и в комнату вошли Аслан и три прекрасные девушки. Юноша подбежал к матери, обнял ее и заплакал.

Пожалели девушки Аслана и его умирающую мать, приготовили быстро какое-то снадобье, прошептали над ним и протянули женщине. Та приняла лекарство и почувствовала себя бодрой и здоровой.

Дошла очередь до средней сестры. Она хлопнула в ладоши, и в комнате появились джинны. Девушка подошла к ним и приказала построить за ночь на этом самом месте гранитный дворец.

– Слушаем и повинемся! – сказали джинны и скрылись.

Ранним утром Аслан, его мать и красавицы сидели за столом нового дворца и пили ароматный чай. После этого они подошли к открытому окну и видят: мимо дворца пробегают люди группами и в одиночку, направляясь на центральную городскую площадь. Аслан удивился и спросил их:

– Эй, горожане, что случилось и куда вы так спешите?

Напротив окна остановились двое мужчин и ответили:

– Разве ты не знаешь? Через час на центральной площади должны лишиться жизни разбойников-заложников, которые остались у падишаха вместо Аслана.

Выслушал их юноша, закусил губу от досады и обратился к девушкам:

– Если сейчас же не будут изготовлены сорок пар драгоценных журабов, то погибнут мои верные друзья.

Старшая сестра кивком головы дала понять, что согласна с ним. Вызвала джинна и приказала ему изготовить как можно скорее сорок пар драгоценных журабов из золотых и серебряных нитей. Тот хлопнул в ладоши, и на столе появились сорок пар журабов.

Завернул Аслан журабы в цветастый сатиновый платок матери и торопливо побежал на центральную площадь.

А падишах уже вышел из ворот дворца, в окружении своих высокопоставленных вельмож, поднялся на возвышенное место, сел на золотой трон и, приветливо кивнув толпе, удивленно обратился к главному везиру:

– Почему нет Аслана?

– Не знаю, повелитель, – ответил везир. – Аслан должен быть здесь с самого утра.

Тогда падишах грозно сказал:

– Если Аслан не явится через десять минут, я тут же вздерну на виселицу всех разбойников-заложников...

Не успел он высказать свою мысль, как на площади, с разных сторон, появились Аслан и палачи, которые вели разбойников-заложников. Увидев их, Аслан кинулся к трону падишаха, а палачи подвели к виселице разбойников, во главе с атаманом, и стали ждать повеления падишаха.

– О, повелитель, жить тебе и здравствовать! Я принес сорок пар драгоценных журабов и выполнил твое приказание. Пусть теперь сделает то же самое купец-обманщик! – сказал Аслан.

В этот момент купец находился среди многочисленной толпы. Он слышал то, что сказал Аслан падишаху, и хотел скрыться, но Аслан кинулся к нему, схватил за шиворот и подвел к трону. Горожане взволновались, и дружно закричали:

– На виселицу лжеца и завистника!

Падишах поднял руку. На площади все замерли и прислушались к голосу падишаха. Тот вызвал палачей и повелел освободить разбойников, а вместо них лишить жизни купца-клеветника. Палачи с готовностью выполнили указание своего повелителя и стали ждать, что будет дальше.

А ждать пришлось недолго. Падишах встал с трона, приблизился к Аслану, крепко обнял его и сказал:

– Твои журабы мне пришлись по душе, и я хотел бы две пары взять себе, если на то есть твое желание.

Аслан заулыбался и весело сказал:

– О, повелитель, твоя просьба для меня – закон! У тебя сегодня же будет дюжина журабов, но эти сорок пар позволь отдать моим друзьям-разбойникам, которые ради меня готовы были лишиться жизни.

Падишах согласился и вернул ему узелок с драгоценными журабами. Аслан раздал все журабы разбойникам и сказал им:

– Друзья, отныне я готов выполнить вашу любую просьбу, но прошу вас об одном: с этого часа не обижайте бедных людей и по возможности помогайте им.

Разбойники с благодарностью приняли от Аслана подарки и сказали ему в ответ:

– За бедняков больше не беспокойся. Мы постараемся помогать им, как родным

братьям!

Вскоре горожане разошлись по своим домам. Разбойники тоже покинули мейдун. Аслан попрощался с падишахом и с легкой душой отправился в свой дворец, чтобы рассказать матери и будущим женам о справедливом суде падишаха.

Падишах и его бедные сватья

Некогда в одном горном ауле жили старик и старуха. У них была красавица-дочь. Бедно жилось им. Так бедно, что мать будила засветло дочь, брала с собой и уходила в ближайшие поселения попрошайничать. Целыми днями ходили они от одних ворот к другим, от одного порога к другому. А вечером на пути к дому подбирали с земли хворост, чтобы дома разжечь в очаге огонь. Не сидел сложа руки и старый отец. Он за жалкую плату нанимался к богачам выполнять всякую грязную работу.

А когда вся семья собиралась под крышей дряхлой сакли, они стелили на глиняный пол скатерть, выставляли на нее скудную свою еду и съедали все, что было куплено на заработанные за день деньги.

Так они и жили много лет подряд.

Но в один прекрасный день, нужда привела их к дому, где жил сам падишах. От одних ворот к другим ходили мать и дочь просить милостыню, но к большому каменному падишахскому дворцу подойти не решались.

Но надо же такому случиться: в это самое время сын падишаха вышел на хейвун и увидел старушку и ее красавицу-дочь. Посмотрел падишахский сын на красавицу двумя глазами, а тысячью сердец - влюбился. Он видел, как они стучались то в одни ворота, то в другие и брали милостыню; как они, переходя улицу, подбирали с земли хворост и клали в хурджун... Долго смотрел сын падишаха на дочь нищенки и все любовался ее красотой. А когда нищенка и дочь ее исчезли в конце улицы, то сын падишаха понял, что без этой красавицы больше жить не сможет. Бросился он вслед за ними, но их уже нигде не было: они ушли к своей дряхлой сакле.

После этого случая сын падишаха потерял покой, а вскоре заболел и слег в постель. С каждым днем он все хуже чувствовал себя, его то бросало в жар, то в холод, то он бредил. Видел все это падишах и рвал на голове седые волосы, кусал от горя пальцы и губы свои. Каких только знахарей и лекарей не приглашал падишах, какие только деньги им не платил! А они смотрели на худеющего, бледного больного сына падишаха, качали головами и говорили:

– Почтенный падишах, ничем помочь не можем, – и уходили.

А убитый горем падишах и жена его сидели у тахты больного и со слезами на глазах спрашивали:

– Сыночек, что же нам сделать? Как помочь тебе?

А сын бредил и стонал в ответ:

– О, отец, о, мать, никто, никто мне больше не сможет помочь.

И родители плакали пуще прежнего.

Но в один из дней к падишахским воротам подошел древний старичок и попросился во дворец. Привратники доложили о загадочном старичке-страннике, и падишах велел впустить его. Предстал странник перед падишахом, отбил поклоны и говорит:

– Почтенный падишах, пришел я, старый и мудрый человек, из далеких мест. Хочу помочь горю твоему, узнать болезнь сына и избавить дом твой от несчастья. Известно мне, что сыну уже восемнадцать лет. А возраст этот очень восприимчив к различным болезням... Но, пользуясь своей жизненной мудростью, попробую избавить от недуга сына твоего. И попросил старичок падишаха, чтобы поселили его на три дня и три ночи в покои больного и никого не впускали к нему. Попросил он еще принести два хурджуна орехов и высыпать их на пол.

Сказано – сделано. Поселили старичка в покои больного, высыпали на пол два хурджуна орехов и закрыли двери на засов. А старичок положил на пол мягкую подушку, уселся на нее и подобрал под себя ноги. Стал он перебирать четки да на больного поглядывать. А сын падишаха ворочается в бреду, места себе не находит, все стонет и кричит: «Умираю!»

Жалко стало старичку больного юношу, достал он из своего халата флакончик с какой-то жидкостью, открыл его и поднес к носу больного. Понюхал падишахский сын флакончик и тут же заснул. А старичок сел на свое место и стал опять перебирать четки. Сидит, четками стучит да на спящего юношу поглядывает. До самого вечера перебирал старичок четки, а больной спал крепким сном. А когда стемнело, стал старичок ворошить на полу орехи. Провел он руками по орехам в первый раз – орехи застучали, а больной перевернулся на другой бок. Провел во второй раз – орехи пуще прежнего гремят, больной проснулся, а глаз не открывает. Провел по ним в третий раз – орехи так загремели, будто по мостовой множество повозок катятся, а больной стонет и кричит:

– Ой-й, кто мне спать мешает?.. Ой-й...

И вот тут-то старичок встал с пола, подошел к больному, взял его голову в руки и говорит:

– Это я тебе мешаю спать. Открой глаза свои, сынок, и взгляни на меня. Я с доброй вестью пришел к тебе из дальних мест.

Открыл юноша глаза, посмотрел на старичка, быстро вскочил и взволнованно спросил:

– С какой вестью? От кого?

И сказал тогда старичок спокойным голосом:

– Сынок, не спеши все знать. Вначале наберись сил, встань с тахты и сядь со мной колоть орехи. Будем вместе орехи колоть да сказку рассказывать, а потом скажу, кто я и с какой доброй вестью пришел к тебе...

Послушался падишахский сын старика, встал с постели, сел на пол и стал орехи бить. А старичок ему и говорит:

– Сынок, обещай мне дослушать сказку, которую я тебе расскажу, до конца и никаких вопросов не задавать... Знай, терпение всегда одержит победу.

Пообещал юноша выслушать сказку до конца и никаких вопросов не задавать.

И рассказал старичок в первую ночь сказку о том, как двое молодых людей любили друг друга и хотели пожениться. Но случилось такое, что падишах влюбился в эту девушку и силой забрал ее к себе, а юношу заточил в зиндан.

Слушал-слушал падишахский сын сказку, а когда старичок рассказал о том, как злой падишах забрал себе в жены девушку, а ее возлюбленного заточил в зиндан, не выдержал и вскрикнул:

– Да я такого падишаха сам бы убил. Как он мог разбить такую любовь... Разве есть на свете сила сильнее любви? А он, этот злой падишах, разбил такую любовь...

Старичок дал высказаться больному и многозначительно сказал:

– О, сынок, на свете еще страшнее бывают истории, – а сам думает: «Значит, он болеет любовью».

Падишахский сын попросил старичка рассказать ему еще сказки о любви.

Старичок лукаво усмехнулся, провел по своей рыжей бороде руками и сказал:

– О, сынок, не спеши. Другую сказку я тебе завтра расскажу. А сейчас ложись спать.

На следующую ночь старичок рассказал ему сказку о том, как бедный юноша влюбился в дочь падишаха и согласился работать на него семь лет бесплатно: только бы эта девушка стала его невестой.

«За семь лет или хозяин умрет, или ишак его сдохнет», – подумал юноша и согласился.

Множество различных непосильных работ выполнил юноша за семь лет. А когда время пришло свадьбу играть, падишах вызвал юношу и сказал ему так:

– Глупец, где это слыхано, чтобы дочь падишаха стала невестой какого-то там бездомного?

Но нет, не так-то легко было падишаху избавиться от влюбленного юноши. Нанялся он на работу к одному мудрецу, а вместо платы за работу решил научиться у него всяким премудростям. А когда выучился, пришел снова к падишаху просить у него дочь замуж. Видит падишах, что так просто не отделаться от юноши, и предложил тогда ему отгадать три загадки:

– Если отгадаешь, то быть тебе моим зятем, если же нет, то лишишься, глупый, головы.

Задал падишах первую загадку. Юноша тут же отгадал ее. Падишах вскинул правую бровь и задал вторую. Отгадал юноша и вторую загадку. Падишах приподнял от досады и левую бровь и задал третью загадку. Тут юноша слегка призадумался, но все-таки отгадал и ее. Разгневался падишах, что какой-то оборванец умнее его, и приказал юношу казнить.

Обо всей этой истории услышала дочь падишаха. Она послала отцу записку, где писала: «Бедный, если он умен, богатым всегда станет».

Разгневался падишах на дерзкую дочь и приказал выгнать ее из дворца. А юношу от казни добрые люди спасли.

Что и говорить, бедный юноша и дочь падишаха нашли друг друга и поженились, а вскоре так разбогатели, что злой падишах от досады и зависти скончался.

Выслушал больной эту сказку и говорит:

– Да, бедный юноша оказался молодцом. Он все муки и унижения выдержал ради своей любви.

А старичок слушает высказывания юноши, лукаво улыбается и радуется тому, что знает уже, чем юноша болен: любовь – это потеря рассудка. Но в кого он влюблен – пока не известно, а спросить старичок так и не решился. Пуганую лань и солнцем испугать можно.

А юноша тем временем окинул взором комнату и, убедившись, что его никто не подслушивает, очень тихо, почти шепотом, спросил:

– А не знаешь ли ты, добрый старичок, сказку о том, как сын падишаха влюбился в дочь нищенки?

Старичок так же, как и юноша, окинул комнату взглядом, будто бы тоже не хотел, чтобы их разговор кто-то подслушал, и сказал:

– Знаю, почему же нет. Но всему свое время, сынок... Ложись спать, скоро утро. А ночью я расскажу тебе и такую сказку.

Ничего не оставалось делать падишахскому сыну, он поверил доброму старичку и лег спать.

А на третью ночь старичок рассказал ему сказку о том, как сын одного падишаха из далекой страны отправился на охоту и в пути встретил девушку небывалой красоты. Влюбился он в нее, голову потерял. «Ну, -думает, – теперь-то и я женюсь на красавице». Но нет, не так-то просто было это сделать. Ведь у юноши был злой и жестокий отец. Запретил он сыну своему строго-настрого жениться на нищенке. Много раз просил сын женить его по любви на бедной девушке, но отец даже и слушать не хотел. И решил тогда падишах скорее женить сына своего на дочери другого падишаха. Сыграли богатую свадьбу. Жили молодые год, другой, третий, но радости никакой в жизни не видели. Сын падишаха все вспоминал

бедную девушку, в которую он влюбился. Но годы шли и шли, а юноша так и ни разу не улыбнулся, не сказал жене своей ласкового слова. Говорят, что они и сейчас живут, да все ругаются.

Закончил старичок свою сказку и ждет, что же теперь скажет падишахский сын. А он сидит и слова молвить не может. Вспомнил нищенку, в которую влюбился, и ком к горлу подкатил. Долго молчал он, будто боялся, что и с ним то же самое может случиться, что случилось с сыном злого и жестокого падишаха из сказки. Видит старичок, что юношу охватила грусть, и как бы невзначай спрашивает:

– А ты бы, сынок, как поступил?

Сын падишаха окинул комнату холодным взглядом и говорит:

– Я бы убежал от отца к той нищенке и жил с ней, как бы трудно ни жилось нам.

Сказал так юноша и заплакал.

Понял старичок, что падишахский сын влюблен в нищенку и поэтому потерял рассудок и заболел. Но в кого он влюблен, так и не успел узнать. Знал старичок, что в таких случаях нельзя спешить. Дал он возможность юноше наплакаться, а когда тот успокоился, предложил лечь спать. Лег юноша в постель и пуще прежнего заболел: старичок своими рассказами его раны разбередил, и они вновь у него воспалились пуще прежнего, отчего ему стало намного хуже.

Пришел тогда старичок к падишаху и попросил продлить срок лечения на сутки. Ничего не оставалось делать падишаху. Согласился он, а сам и верить перестал в хороший исход дела. А старичок между тем пришел в покои больного, дождался, когда все уснули, разбудил падишахского сына и говорит ему:

– Вставай орехи колоть.

А тот сквозь бред ему и отвечает:

– Не нужны мне твои орехи и твои ядовитые сказки.

Старичок промолчал, а через некоторое время и говорит:

– Сынок, хочешь я тебе погадаю и скажу, о чем ты все это время думаешь и чем мучаешь себя?

А тот сквозь бред ему и отвечает:

– Ничего ты мне толком не скажешь.

Старичок в ответ ему спокойно и говорит:

– Сынок, я знаю, что ты влюблен в одну красавицу. Но она живет далеко отсюда...

Когда падишахский сын услышал слова старичка, то вскочил с постели и стал его спрашивать:

– Добрый человек, скажи мне, где она живет, и я поправлюсь.

А старичок опять спокойно говорит ему:

– Вначале, сынок, скажи мне, откуда ты ее знаешь?

Посмотрел падишахский сын доброму старичку в глаза и затем рассказал все, как было.

Старичок выслушал юношу, покачал головой и сказал:

– Значит, сынок, ты говоришь, что она нищенка и, ты не знаешь, кто она и где живет, и что отыскать ее невозможно?

Юноша кивнул головой.

Старичок в ответ ему:

– А знаешь ли ты, что ничего невозможного на свете нет. Есть только разница: одни невозможности тут же делаются возможными, другие -чуть попозже, третьи – еще позже. Через семь дней и семь ночей будет в твоём доме эта красавица... Только с условием, что ты больше болеть не будешь. Будешь все эти семь дней хорошо есть, поправляться... Посмотри, какой ты худой и бледный. Придет красавица, посмотрит на тебя такого тощего и бледного, и не приглянешься ты ей.

Пообещал падишахский сын сделать все так, как велел ему старичок. А спустя некоторое время, юноша стал ходить по отцовским покоям и насвистывать веселые песни, есть вкусные обеды и поправляться. А падишах тем временем разослал во все концы своих глашатаев с приказом, в котором говорилось:

«Все, кто знает лично или через кого другого место жительства нищенки, которая в такой-то день вместе со своей дочерью ходила из дома в дом в моем городе и попрошайничала, сообщить мне или же привести их самих, если таковое возможно... Кто выполнит этот приказ в недельный срок, будет щедро вознагражден самим падишахом».

Разъехались глашатаи в разные поселения, а через несколько часов к падишахскому дому стали приходить бедные люди, которые вместе со своими дочерьми попрошайничали в указанный день. Их собралось так много, что яблоку негде было упасть. Тогда добрый старичок велел слугам падишаха, чтобы те направляли пришедших под хейвун комнаты, где жил падишахский сын. А сам вывел его на хейвун и наказал искать среди пришедших свою возлюбленную.

С утра до вечера смотрели старичок и падишахский сын на проходивших внизу девушек. Много прошло в этот день под их хейвуном девушек: одна другой красивее. Но нет, не встретил падишахский сын среди них ту, в которую влюбился тысячами сердец.

И на второй день, и на третий не было среди красавиц той, единственной. И так прошло шесть дней, а его возлюбленная так и не явилась. Опечалились глаза юноши, грустным стал его взгляд, день вновь стал для него ночью, а ночь – адом. А падишах и его приближенные стали поговаривать между собой, мол, или юноше приснился сон, или он сошел с ума.

...Пусть пока падишах и его приближенные судачат между собой, а мы расскажем вам о старике и старухе, в дочь которых влюбился падишахский сын.

А между тем старуха и дочь ее по-прежнему ходили по разным поселениям и попрошайничали, а старый отец, так же как и раньше, нанимался к богачам выполнять различную грязную работу... Что и говорить, ни о каком падишахском приказе они не слышали, да и слышать не желали.

Они знали одно: ни падишах, ни его слуги ничем и никогда не помогут бедняку. Нужно надеяться только на Бога и на себя.

Но случилось такое, что в это утро дочь нищенки предложила матери сходить в тот самый город, где их разыскивали.

– Давно мы там не были, а потому нам будет удача, – сказала она.

Вскоре они шли по улицам этого города, стучались то в одни ворота, то в другие и просили милостыню. Когда они дошли до улицы, где стоял большой падишахский дворец, то увидели у дома огромную толпу людей. Девушке очень захотелось узнать, что же там такое происходит, и она попросила мать подойти к толпе.

Подошли они к толпе, а спросить, в чем дело, почему собрался народ, она не решилась. Но едва девушка прошла под хейвуном, как падишахский сын увидел ее среди толпы и крикнул:

– Вот она, Вот она! – и от радости упал в обморок.

Обрадовался падишах, что наконец-то сын увидел свою возлюбленную, и велел тут же привести нищенку и ее дочь во дворец.

Ведут слуги их, а нищенка плачет, из рук вырывается и страшным голосом кричит:

– Вай-вай, спасите!.. Я ничего не сделала... У меня есть муж... Вай-вай! Вай-вай!

А падишах успокаивает ее и говорит:

– Милая сестрица моя, мой сын влюбился в твою дочь и заболел от этого. Я хочу эту красавицу взять в жены сыну моему.

Говорит так падишах и смотрит на девушку. А девушка прячет глаза свои, смущается и еще красивее от этого делается.

Что и говорить, когда нищенка убедилась, что никто ни ей, ни ее дочери плохого не

желает, а, напротив, хотят им хорошего, сказала:

– У моей дочери есть отец... Пойду его спрошу.

Нарядили нищенку в богатые наряды, взвалили на плечо ей два хурджуна золотых монет на мелкие расходы и проводили к мужу, а дочь оставили при дворце и сказали, что она будет в полной сохранности до тех пор, пока родители не дадут согласия на ее замужество.

Пришла нищенка в свою развалившуюся саклю вся наряженная, с полными хурджунами добра. Как увидел муж жену в дорогих нарядах, испугался, стал протирать глаза – сон это или не сон. Стал он кричать не своим голосом:

– О Худо, спаси семью мою! Жена моя – колдунья. Вот уже тридцать лет с ней живу. Все видел: холод и голод, скандалы и драки, но в таких нарядах жену никогда не видел.

Жена засмеялась, глядя на мужа, и говорит:

– Эй, старый дурак, я пришла спросить тебя: хочешь ли ты породниться с падишахом?

Выслушал ее муж, а понять так толком ничего и не понял. Ходит он по сакле и вместо того, чтобы радоваться такому счастью, кричит:

– Никакого падишаха я не знаю! Я сам здесь падишах. Тридцать лет, как падишах.

А жена ему опять пытается объяснить, но он так нечего и не смог понять. Да и откуда же ему понять?! Никогда он не смел даже подумать о том, что дочь его пригласится падишахскому сыну... Что и говорить, долго спорили в этот день отец и мать красавицы. А падишах тем временем назначил день свадьбы, сказав, что «радость на потом откладывать не позволено».

Пригласили хундекучи падишаха на свадебный пир множество гостей. Среди них падишахи из семи падишахств. И всех тех горожан, которые хоть малость старались помочь его горю, пригласил. А за своими новыми родными он отправил украшенную дорогими коврами карету.

Вскоре во дворце падишаха стали играть свадьбу. Какие только яства не украшали падишахские столы: жирный плов с индюшатиной, самые тонкие вина, различные фрукты и сладости. А своих бедных родственников падишах усадил на самом почетном месте в глубине комнаты. Сидят отец и мать невесты рядом, никак понять не могут, что же здесь происходит. Они не знали, как едят плов и как пьют вина. Сидят они и то и дело поглядывают друг на друга, улыбаются, на богатых гостей посматривают, а сами так ни к чему и не притрагиваются. Увидел это падишах и говорит им, мол, почему не едите? Ешьте!

А родители невесты отвечают ему:

– Да жить тебе множество лет, мы за такими столами не привыкли сидеть, мы такие обеды не знаем, как есть, ты нас лучше где-нибудь в сарае посади, угости нас луком, солью, кукурузной лепешкой и поставь перед нами ведро воды.

Понял падишах, что лишние уговоры ни к чему не приведут, и сделал так, как просили его сватья.

Усадили их в сарае на бревнах, расстелили на пол скатерть и угостили всем тем, что они сами пожелали, а вместо воды ведро вина поставили. Едят они аппетитно лук с лепешкой, вином запивают и падишаха добрым словом поминают.

А во дворе играют зурначи, бьют в барабан, а в сарае двести гусей криком исходят, места себе от свадебного шума не находят.

И тут жена говорит мужу:

– Эй, старый дурак, ты слышишь, как гуси кричат. Видимо, их блохи кусают. Давай скорее ешь и пойдем их искупаем в горячей воде -от блох избавим. Нашему доброму свату поможем, порадуем его.

Дело близилось к вечеру. Родители невесты разожгли в сарае печь, поставили на нее огромный петил с водой, а когда вода вскипела, стали они по одному окунать гусей в кипящую воду. До самого утра трудились муж и жена. Искупав всех гусей, жена сняла со своей головы гребень, стала расчесывать птиц и блох давить. А когда дело было сделано, она облегченно вздохнула и сказала мужу:

– Ну вот видишь, старый дурак, как гуси успокоились, заснули. Теперь их блохи не будут кусать.

А гуси уже были мертвы.

– Устал я от работы, старуха, – говорит муж. – Давай немного поспим.

Легли они и тут же крепко заснули.

А утром, когда падишах вспомнил о своих сватях, отправился он в сарай, чтобы пригласить их в дом. Пришел он к сараю, а тот изнутри крепко-накрепко закрыт. Стучит падишах, зовет, ему никто не отвечает. Испугался падишах – не случилось ли чего? Велел он тогда нукерам взломать двери. Сказано – сделано. Взломали двери и видят: все двести гусей лежат мертвые, на печке все еще кипит петил, а в самом углу лежат в обнимку его сватья и сильно храпят. Понял падишах, в чем дело, разбудил их и говорит:

– О, мои дорогие сватья, я вам очень благодарен за труд и помощь, которую вы оказали мне – избавили гусей от блох... Я, право, не знаю, как вас и благодарить.

Радуются муж и жена, улыбаются, друг на друга поглядывают и поклоны падишаху отбивают.

Всякому делу приходит конец. Кончилась и свадьба, стали гости расходиться по домам. Пришло время матери и отцу невесты отправляться домой. Дал им падишах по два полных хурджуна золотых монет, сказав, что когда монеты кончатся, то он даст еще, и отправил их домой.

Идут они час, другой, третий и видят: стоит у самой дороги одинокая сакля.

– Эй, старый, давай зайдём в саклю и воды попросим... Я пить очень хочу, – говорит жена.

Постучались они в дверь и попросили воды. А хозяева видят, что путники издалека идут, пригласили их в дом:

– Входите, будьте, как дома... Расскажите, где были, куда идёте.

Рассказали им муж и жена все как есть и не забыли добавить, что падишах им дал по два полных хурджуна золотых монет и пообещал ещё дать, когда эти кончатся.

А хозяйская жена рассыпается в пожеланиях в адрес жениха, невесты и их родителей, а под конец и говорит:

– Ой, мои дорогие гости и уважаемые сватья великого падишаха, я вижу, вам очень тяжело нести по два хурджуна – путь-то не близкий. Оставьте нам два хурджуна золотых монет, а сами по одному несите. Так вам будет легче.

Посмотрел муж на жену, а жена на мужа, да и говорят:

– А что, мы можем все четыре вам отдать. Нам эти золотые и вовсе не нужны. Мы даже не знаем, что с этими монетами делать.

Оставили они им все четыре хурджуна и отправились дальше в путь.

– Эй, старый, без этих золотых легче идти, не правда ли? – спрашивает жена.

– А я разве спорю, – отвечает муж.

Что и говорить, пришли они под крышу своей дряхлой сакли, отдохнули, а утром опять занялись делом: жена пошла по дворам просить милостыню, а муж, как и раньше, пошел наниматься к богачам на работу.

А дочь их и сын падишаха стали жить, всем сердцем полюбив друг друга. А доброго старичка – спасителя юноши – падишах все уговаривал остаться жить с ними.

– Будешь мне отцом, а детям моим – дедом, оставайся, – уговаривал падишах.

Но нет, не согласился старичок остаться. Отбив падишаху низкие поклоны, старичок сказал:

– Много ещё людей нуждаются в моих мудрых советах, и я не могу им не помочь.

И, пожелав благополучия падишахскому дому, ушел странствовать по миру.

Говорят, что он и сейчас находится в пути. Так что все те, кто нуждается в помощи доброго и мудрого старичка, спешите отворить ему двери и усадить на самое почетное место

в вашем доме, ибо он может пройти мимо.

Словарь терминов, собственных имен и непереводаемых слов

Аббас реальный персонаж: Аббас I (27.1.1571 – 19.1.1629), шах Ирана (с мая 1587) из династии Сефевидов, крупный военачальник. Популярный персонаж сказаний и легенд, где выступает, как правило, в качестве положительного героя

Адат обычное право, совокупность обычаев, которыми руководствуются народы Кавказа

Аждага мифологический персонаж, исполинский дракон с огнедышащей пастью, образ которого восходит к иранским эпическим традициям. В иранской мифологии Ажидахака – трехглавый или шестиглавый дракон или иноземный царь – узурпатор, захвативший власть над Ираном. В наиболее распространенных мифах Аждага угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает Аждага, спасая очередную жертву (обычно падишахскую дочь), на которой и женится

Азраил ангел смерти. Наблюдает за умирающим, и отделяет душу от тела

Амалдан также дан-Амалдан: сказочный персонаж, всегда добрый и хитроватый мудрец, принимающий обычно образ бородатого гнома или старца

Араги водка

Ашуг народный поэт-певец

Векил вельможа, высокопоставленное лицо

Велиет также вилайт: страна, провинция

Воку открой, откройся

Гаравош стражник, охранник

Данандей сказочный персонаж: предсказатель, вещун, чародей, колдун

Данусменд сказочный персонаж: всезнающий мудрец

Дервиши нищенствующий отшельник-аскет. В народном фольклоре, как и другие религиозные чины, стал носителем как доброго, так и злого начал. Олицетворял всевозможных чудовищ, людоеда, колдуна, чародея, оборотня и т.д.

Долма мясной фарш, завернутый в виноградные листья

Дэвы в иранской мифологии: злые духи, звероподобные великаны, обитающие под землей и владеющие несметными сокровищами. Им противостоят добрые духи – ахуры. Дэвов бесчисленное множество, они служат верховному духу зла. Знаменитые богатыри борются с дэвами и побеждают их

Зе-куш бей, убивай

Зурна духовой язычковый музыкальный инструмент

Инчегуз девушка из свиты сына или дочери падишаха, обязанная развлекать своего господина или госпожу

Кечал сказочный персонаж: обычно, плут, пройдоха, ловкий мошенник, как правило, плешивый в уничижительном смысле

Кунзевер почетное место в глубине комнаты

Люти человек, ведущий разгульный образ жизни; кутила, забулдыга, мошенник, пройдоха, плут, гуляка

Магал также махагал: жилой квартал

Мейдун главная площадь города или селения. Место, где собираются для общения или решения дел

Нимаз синагога

Охои! возглас удовлетворения

Оуиур богатый человек

Пахлеван акробат, канатоходец, смельчак, наездник, а в военное время воин-богатырь

Петил чугунный котел

Рулада исполненная в быстром темпе часть мелодии

Саз струнный щипковый музыкальный инструмент

Сахтбош закройся

Серови также Сер-Ови: мифологический персонаж в образе белой, как снег, воздушной девы, охраняющей воду от загрязнения. Иногда Серови манит к себе и топит в воде молодых людей. Серови, по поверью, боится булата, поэтому, когда ночью идут за водой, берут какую-либо стальную вещь, либо носят на большом пальце булатные кольца. В темную ночь Серови преобразовывается и расстилается над водой в виде черного тумана

СТАРШИНАсудья, выборное лицо, уполномочен решать тяжбы и споры до определенной суммы

Сурхе-зар золотом озари

Теп музыкальный инструмент в виде цилиндра, обтянутый с одной стороны животной

перегородкой

Тонур круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки лепешек. Лепешки прилепляют изнутри на горячие стенки тонура

Фахлебазар место, где нанимались на поденную работу бедняки

Хейвун балкон

Худо имя Творца

Худо хармах ту! бог в помощь, доброго пути

Хундекучи зазывала, приглашающий гостей на пиршество

Хурджун дорожная переметная сума

Хурмет почет, уважение

Чарыки вид обуви (род сандалий): кожаные полусапожки с загнутыми носками и завязками вокруг голени, тип поршней. Поршни: обувь, которая не шьется, а гнется (загнуть поршни) из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью). Поршни носят летом, налегке или на покое

Чимечин сказочная страна от искаженного названия китайской династии Цинь

Чувяки мягкие кожаные туфли без каблуков с пришитой подошвой. В грязь или холод мужчины и женщины поверх чувяков (без подошв) надевают башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев

Шагаду мифологический персонаж: нечистый дух, принимающий всевозможные образы. В подчинении Шагаду множество других духов, которые по его приказу вселяются в душу, и человек сходит с ума. Духи представляют собой существа, похожие на людей, но имеющие кривой рот с клыками по бокам, рожки и хвост, широкие ноги и руки с шестью сильными пальцами, расположенными веерообразно друг над другом, и длинными когтями

Шербет фруктовый прохладительный напиток

Эдем мифологическая страна, где, по библейскому рассказу, находился рай – место пребывания Адама и Евы, до изгнания их оттуда, по повелению Бога Яхве, в наказание за то, что они «вкусили плоды древа познания добра и зла»

Эней сказочный персонаж: колдунья, выступающая то в образе доброй феи, то злой и коварной ведьмы, нечто вроде Бабы-Яги

Яхве произносимое имя Бога

Идиомы и примечания к сказке...

Золотой сундук – стр. 10

Садиться на золу у холодного камина...

Народный обычай, связанный, видимо, с желанием человека убедиться в том, что он не стал жертвой демонов или нечистой силы. Если на золе появляется что-то вроде отпечатка петушиных лап, то это означает, что человек стал жертвой нечистых духов.

Пришел сын бедняка к отцу друга и говорит...

Народный обычай, когда считалось, что детям говорить с родителями о браке «совестно», поэтому сын уведомлял отца о своем намерении жениться через близкого товарища.

К еде не прикоснусь...

Народный обычай: не прикасаться к угощению, пока хозяин не выполнит просьбу гостя. Видимо связан с кознями Шагаду. Известно, что тот кто отведаст еды или питья Шагаду, попадает под его власть, поэтому сначала гость хочет, чтобы хозяин выполнил его важную просьбу.

Надень на голову подаренную мной шапку-аракчи и знай, когда

Всевышний пишет на Небесах свою Книгу Жизни...

Обращение к библейскому образу Илии-пророка. Согласно Талмуду, Илия, вознесенный живым на небо, принимает постоянное участие в земных делах, появляясь там, где срочно необходимо Божественное вмешательство. Он странствует по миру то в облике благочестивого старца, то вовсе невидимкой, но всегда как ангел-хранитель праведников и мудрецов, выступая как добрый волшебник, выручающий героя из беды

Меошиерах призывал всех не уподобляться этой искусительнице, а брать пример с поднебесных птиц...

Обращение, подчеркивающее особое расположение Яхве к орлам: «Все птицы носят своих птенцов в лапах из страха перед птицей, летящей над ними, но орел опасается только человека, как бы тот не метнул в него стрелу, а сверху опасность ему не грозит, ибо никакая птица выше его не летает...» По тексту сказки усиливает образ Илии-пророка, стремящегося открыть глаза на истину юноше и девушке, которые отделились от своего Божественного предназначения.

Седобородый старик бросил под ноги сына богача и его жены свой медный посох, который и, вправду, вмиг превратился в живую змею...

Продолжение основной темы, когда добро при участии Илии-пророка обязательно побеждает зло. Здесь используется библейский сюжет, когда народ роптал на Моисея, и Яхве в наказание послал на Израиль ядовитых змей, так что многие умерли, а оставшиеся в живых раскаялись, и тогда Моисей, по повелению Яхве, сделал медное изображение змея, и всякий ужаленный, взглянув на это изображение, исцелялся.

Рустам, сын Зола

Да быть мне твоей жертвой...

Пословица, отражающая, вероятно, верования иудеев в то, что можно подарить часть своей жизни другому человеку. Известно, что Адам, провидя смерть царя Давида в младенчестве, подарил ему семьдесят лет из своей жизни.

Под семь пластов земли...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли под семью пластами, а рай – над седьмым небом. Небо представлялось воздушной массой, состоящей из семи «табага» – этажей. Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой «перде» и предназначен для звезд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

Связать горе свое в один узел...

Распространенное выражение, означающее набраться терпения, довериться судьбе.

Выпить чашу шербета...

Древний обычай, сопровождающий приношение клятвы верности и непоколебимости между джигитами.

Везир и три мудрых совета Бахлюля

Да быть срезанной моей бороде!

Выражение считается святой клятвой, ибо верующие обязаны были носить бороду; безбородые считались неверными Богу.

Землей не пахнет, а мертвецом лежит...

Народная поговорка: парафраз фразеологического оборота «ни жив – ни мертв».

Во галам, во салам!

Присказка: образный парафраз «Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка».

Старик и Азраил

Да прожить тебе сто двадцать лет!

Древнееврейское поверье, означающее предельный срок человеческой жизни.

Путь длинный, как кишка шагаду...

Народное поверье, о том, что кишки шагаду не имеют ни конца и ни края; отражает томительность, тщетность какого-либо действия.

Белго и Маравшей

Огнем клянусь!

Клятва, связанная, видимо, с зороастрийским периодом. Зороастризм – религия единого Бога добра и света Ахура Мазда. Его антипод – владыка мрака Ангро Майнью, управляет своим воинством – дэвами. Согласно зороастризму, пространство и время бесконечно. Ахура Мазда в бесконечном времени выделил период в двенадцать тысяч лет, который разделил на отрезки по три тысячи лет. Сначала происходит творение идеального мира, затем создание материального мира. Все это время не прерывается борьба добра и зла, сил света и сил тьмы. Наступают последние три тысячи лет – в это время появляется Зороастр, силы зла терпят поражение, мир очищается огнем.

Гости подносят два стакана, один с медом, другой с маслом...

Народный обычай на свадьбе: при входе в дом жениха новобрачной подносят два стакана, один с медом, другой с маслом; невеста кладет свою правую руку в масло, а левую в мед и должна немного помазать наддверной косяк обеими руками – это делается в знак будущей благополучной и роскошной жизни.

Шить мешок из каменной шкуры...

Идиома, возникшая, вероятно, от древнееврейского «лежать в мешке», что означало попасть в безвыходное положение.

Справить овиль...

Народный обычай: неделя после похорон, в течение которой родственники не оставляют дома покойного ибо, по поверью, в продолжение недели душа не может свыкнуться с мыслью, что она лишилась своего жилища, и все это время посещает дом, в котором жила при жизни. Во все продолжение недели родители усопшего сидят дома: мужчины там, где лежал покойник, а женщины – на женской половине, и никуда не выходят; поэтому и все знакомые их не покидают, а утешают и сочувствуют. На седьмой день родители или родственники покойного устраивают поминки, называемые «хайрат», и отпускают своих гостей, поблагодарив их за выраженное участие. Траур носится родственниками покойного в течение года. Иногда обряд похорон превращается чуть ли не в свадьбу, и все проводят траурные дни в веселье с танцами и пированьем. Это в том случае, когда умирает какой-либо почтенный старик или старуха, жившие около ста лет и имеющие несколько поколений потомков.

Ум и Счастье

Услышала дочь падишаха умную речь жениха и улыбнулась от радости...

Древнееврейская традиция, когда на свадьбе жених должен был продемонстрировать гостям свою образованность.

Играют зурначи, бьют в барабаны...

Традиционная народная музыка, сопровождающая значительные события, исполнялась в сочетании гармонии и тепа, либо зурны и барабана.

Мудрость отца

На старших сыновей надейся, а младшего не отпускай от себя...

Народное поверье, когда младший сын, на долю которого выпадает больше добрых дел, обычно считается умнее и смелее старших братьев и более любимым в семье, поэтому вся надежда родителей на обеспеченную и спокойную старость возлагается именно на младшего сына.

Шах Аббас и пахарь

Злые слова, выпущенные изо рта, страшнее пули и кинжала...

Парафраз язвительных слов Талмуда: «Десять мер болтовни спустились в мир: девять взяли женщины и одну – весь остальной мир».

Падишах и его бедные сватья

Сидеть у тахты больного...

Народный обычай, когда было принято во время болезни посещать дом недомогающего. Около больного ни днем, ни ночью не бывает менее двух-трех сиделок, потому как односельчане, как правило старики и старухи, заботливо ухаживают за больным, исполняя его малейшее желание, и даже остаются ночевать.

notes

Примечания

1

Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.).

МИФОТЕКА - мифологическое наследие народов мира:

<http://mifoteka.ru>

Истории мудрого странника

Амалдан Кукуллу

Золотой сундук #2

Вторая книга литературного наследия поэта, сказочника и фольклориста – Амалдана Кукуллу, посвящена сказаниям горских евреев, которые автор собирал, записывал и подвергал литературной обработке на протяжении всей жизни. Тексты приведены без изъятий и купюр с оригинала авторской рукописи. Книга продолжает серию посмертных изданий трудов Амалдана Кукуллу, куда входят пословицы, поговорки, поэтические и изыскательские работы талантливого писателя.

Амалдан Кукуллу

Истории мудрого странника

О проекте «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» говорят...

Рав. ДАВИДОВ ГАВРИЭЛЬ: «...с большой радостью и огромным удовольствием читал книги... замечательного горско-еврейского писателя и поэта Амалдана Кукуллу. Рад, что древние сказания горских евреев... сохранены им на века и теперь переданы потомкам... Наследие горских евреев, культурное и религиозное, неповторимы. У нашего народа большое будущее...»

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ: «...Амалдан Кукуллу один из ярчайших представителей нашего самобытного древнего народа... человек, посвятивший всю свою жизнь сбору исторических и культово-этнографических корней и сведений о гордом народе-горце, сохранившего свою иудейскую веру на протяжении тысячелетий...»

НИСАНОВ ЯХЬЯ ИСАЙЕВИЧ: «...об источнике, истоках, корнях вспоминают те, кто об этом мог какое-то время не помнить, и это именно то, чего не скажешь об Амале Даниловиче Кукулиеве. Поэзия, проза, диссидентский самиздат, признанность в литературных кругах – эти и многие другие высоты не отдалили его от вопросов о своих корнях и корнях своего народа. Это присуще большому сердцу народного писателя. И наконец-то этот народ получает доступ к его книгам...»

ЯКУБОВ МАНАШИР АБРАМОВИЧ: «...Книги имеют свою судьбу, Рукописи не горят. Рукописи не горят, если мы их издаем, книги имеют свою судьбу, но эту судьбу делаем мы тоже. Я испытываю чувство радости, благодарности, благоговения, восхищения за то, что издали, за то, что не забыли культуру своего народа...»

Спасибо Вам. Даниил Кукулиев

Предисловие

Сказка – это человек-сказитель, умноженный на воображение

Прежде чем перейти к изложению горско-еврейских сказок и сказаний, мне хотелось бы совершить беглый экскурс в земную историю моего народа[1 - Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.)].

Всем известно, что колыбелью евреев была и есть территория Иудеи, в том широком смысле как это понимали наши предки: когда с расколом объединенного израильского царства после смерти Соломона территории северного царства стали именовать Израиль, а южного – Иудея. После падения Израильского царства (721 г. до н.э.) название Иудея привилось постепенно для названия всей страны и сохранялось вплоть до подавления восстания Бар-Кохбы (135 г. н.э.), пока римский император Адриан в административном порядке не переименовал Иудею в Палестину.

Аврам – праотец наш был сыном Тераха, внуком Нохора, правнуком Сируха... десятым поколением потомков Сима, одного из трех сыновей Ноя. Сыновья Сима стали праотцами евреев, эдамитян, ассирийцев и арамейев; сыновья Хама стали праотцами ханаанян, египтян и эфиопов; сыновья Иафета расселились на островах в море.

Несмотря на то что земная история еврейского народа на протяжении нескольких тысячелетий была насыщена невероятным количеством ужасных событий, связь с Богом не прерывалась ни на миг. К месту будет напомнить, что во времена правления царя Давида (1010 – 970 г. до н.э.) и царя Соломона (970 – 931 г. до н.э.) шли постоянные войны с местными племенами, чтобы отстоять земли для строительства Первого Божьего Храма. К месту также будет вспомнить и те жестокие времена, которые связаны с переселением ассирийским царем Саргоном II (в 721 г. до н.э.) большинства евреев Десятиколенного царства в Месопотамию, Хузестан и Мидию. И даже когда вавилонский царь Навуходоносор предпринял карательные походы против Иудеи (605 – 598 г. до н.э.), захватил и разрушил еврейский Иерусалим, а вместе с ним и Первый Иерусалимский Храм (587 г. до н.э.), уводя в плен большую часть жителей страны; несмотря на то что в период Римского владычества (63 г. до н.э. – 324 г. н.э.) и после разрушения Второго Храма (70 г. н.э.); и несмотря на многие невероятно трагические события, выпадавшие на долю моего народа, и даже теряя письменные свидетельства Моисеева Пятикнижия, дарованного Богом, он продолжал нести нерушимо свой союз с Богом, передавая Тору из уст в уста, не прерывая этот союз.

О памяти, что живет в сознании человека, как сгусток образа и трепет души, ибо она есть то, о чем человек или племя и даже смешавшиеся племена, если они осознают значение, не скажу даже Бога, а Неба, не может забыть никогда. Эту память, пусть и приглушенную и уже отдаленную, знали и кавказские племена, среди которых более выделяющимся языческим племенем были хазары, приверженные к зороастрийской огнепоклоннической религии.

Образование Хазарского Каганата на территории всего Предкавказья, Северного Причерноморья, Нижнего и Среднего Поволжья и землях некоторых восточнославянских племен во главе с тюркской династией Ашина относят к VII веку. А уже в VIII веке сложилась система двоецарства, где каган из династии Ашинов исполнял представительские функции, а каган-бек из иудейских хазар фактически управлял Каганатом.

Так вот сошлюсь хотя бы на письмо хазарского каган-бека Иосифа, который, отвечая на письмо испанского еврея из Кордовского халифата Хасдая Ибн-Шафрута «...к какому роду принадлежат иудеи Хазарского царства», отвечал: «Хазары – иудеи, ведут свое происхождение не от Сима, первенца Ноя, а от Иафета, точнее, его внука Тогармы». И далее пишет: «Тогарма имел 10 сыновей, которых звали: Агийер, Тирос, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-н, Хазар, Знур, Булгар, Савир. Мы – сыновья Хазара, седьмого...»

Источники свидетельствуют: когда в 861 г. н.э. хазарский языческий царь Булан решил объединить множество местных племен, а все эти племена числом 26 имели своих богов, в одну религию, то он устроил диспут, пригласив для этого религиозных деятелей из трех, существовавших уже к тому времени монотеистических религий.

Христианский представитель, которым был византийский ученый-богослов Константин Философ, автор славянской азбуки, сказал, что, мол главное, – бессмертие души в загробной жизни. А на вопрос: «Где истоки вашей религии?» – ответил, – «В иудаизме».

Затем был приглашен представитель ислама, который также на вопрос: «Где истоки вашей религии», – ответил, – «В иудаизме».

Тогда хазарский правитель призвал к себе из Вавилона реш галута, т.е. буквально с древнееврейского, – «князя изгнания» иудейской религии и также спросил: «В чем суть вашей Веры?» На что тот ответил: «В законе Моисея, взявшего из рук Всевышнего, сотворившего по Слову Своему и Небо и Землю, Тору; спасшего и вас и меня от потопа, поглотившего грех человечества, и велевшего соблюдать Его Закон».

Вот так и сошлись два древнейших племени Ноя и Аврама на территории Кавказа, а с ними вместе – те множества местных племен-язычников, когда, по результатам диспута, около 1.000.000 хазар приняли государственной религией Хазарии иудаизм.

Язык кавказских евреев – джугури относится, как говорит предмет языкознание, к индоевропейской (фарситской) группе, также исходящей от прапраязыка, на котором говорили до потопа и до вавилонских событий, – и таит в себе Тайну Божьего Слова.

Сказка у джугури – это человек-сказитель, умноженный на воображение, вознесенное в бесконечную, вселенскую степень плюс мечты, чаяния и быт народа. Иногда горские евреи Кавказа говорят: «Овсунечире зугуню хорунде», буквально: «Сказителя его язык кормит». Сказка – не стихи, а сказитель – не поэт. Если «рождение поэта -опасная все же примета», с рождением которого «меняется и рушится старый гнилой атрибут», как писал я в стихотворении «Творчество», – то сказка – это прославление, убажнение, кейф духа и воображения, мастерство и экстаз изложения в изустной форме сказителем своих чаяний и своего Я.

Часто сказки рассказываются в семейном кругу, особенно в длинные зимние ночи без всякого повода, чтобы «длинную, как кишка Шагаду, ночь сделать короткой». Хороший сказитель или просто рассказчик может не прерывать повествования много часов подряд. Он, как тот искусный ковровых дел мастер, который связывает разноцветные нитки в одно целое полотно, где не видно ни швов, ни узлов. Интонация рассказчика монотонная, ритмически стройная и немного таинственная. Ему не чужды различные эмфазы, жесты и пантомимика. Если рассказчику желательно обратить внимание аудитории на какой-то факт или эпизод, он делает небольшую паузу, иногда глубоко вздыхает, как бы переводя дыхание, и тем самым разряжает обстановку. При этом он кивает головой и гладит бороду или садится поудобнее, чтобы снова поведать о чем-то новом и интересном. Почти то же самое повторяют за рассказчиком плененные и замороженные повествованием слушатели. Эти паузы в сочетании с интонацией повествования, эти вздохи и кивание головой, эта удобная посадка, которыми сказитель заставляет слушателя обратить на себя внимание и вновь «с головой» уйти в рассказ, являются выражением причинных, следственных и условных отношений. Все это в

синтезе заставляет «обрамляющих» сказителя людей слушать молча, настороженно, с затаенным дыханием. Иногда, более беспокойные, эмоциональные слушатели, часто пожилые, свой восторг или удивление выражают вслух словом «Машалла!» или просто междометием «О!».

Итак, в чем же заключается национальная специфика джугурских сказок? Вопрос этот может рассматриваться в комплексе признаков: история и судьба народа; обычай, нравы и бытовые реалии; политические и религиозные воззрения; окружающая обстановка и соприкосновение с ней; влияние и преемственность культуры соседних народов; логика и здравый смысл мышления народа; родство и наличие в сказках других видов устного народного творчества, достоверные факты и образы действующих лиц; своеобразие языка и художественные средства; типизация образов и композиции; персонажи и их взаимосвязь; идейно-тематическая направленность и содержание произведения; ассортимент сюжетов и манера рассказчика повествовать; географические и природные условия; архитектурные сооружения и многие другие факторы.

Уместно здесь будет заявить о широком бытовании среди горских евреев Кавказа, так называемых «библейских сказаний». Известно, например, что многие «библейские сказания» – «агадие» (дается в горско-еврейском произношении – прим. сост.) вошли в фольклорный репертуар тех народов, которые находили в Библии пищу для своего воображения. Не были исключением и горские евреи Кавказа. Оно и понятно: мораль отвечала духовной потребности простого обездоленного человека. Относительно использования библейского материала горскими евреями Кавказа в устной повествовательной форме: почти такое же, как и у других народов Востока, т.е. все эти сказания настолько видоизменены, согласно «климатическим и географическим условиям», настолько перенаряжены, что могут жить самостоятельно, как и все сказки вообще.

Еще хочется сказать несколько слов о том, как с детства пришлось мне слушать и полюбить сказки моего народа, а позднее навсегда связать свою жизнь с его фольклором. Сказать и о том, какие трудности встречались мной при записях и при переводе на русский язык.

Военные дни были пришибленные, неразговорчивые, мрачные, как и сами люди в ту пору. Матушку я видел только по вечерам. Утром, когда я просыпался, ее уже не было дома: она уходила на работу незаметно, без шума, словно на крылышках. Поешь, бывало, оставленную на столе кукурузную кашу, макухи погрызешь, кое-как накормишь этой кашей вечно плачущую сестренку, а затем посадишь на подоконник ее да и сам взберешься и останешься сидеть до прихода пугающей темноты в страхе и с дрожью в теле, затаив дыхание, пока мама не вернется и не озарит собой и керосиновой лампой саклю.

Так было до тех пор пока к нам не приехал из другого города двоюродный дедушка (по отцу) с женой. Дедушка любил играть на комузе, и сочинять ерламаго – частушки, а я молчал и слушал. А вскоре в нашу низкую, присевшую на корточки саклю (мне почему-то казалось тогда, что все дома, ушедшие по самые наличники окон в землю, сидят на корточках, а высокие с чердаками – стоят во весь рост), в гости к дедушке Шиколаю стал ходить все чаще и чаще сосед – дедушка Маштанай, у которого под огромной лохматой папашой «рождались и жили забавные истории – сказки». Бывало, войдет он с холода, заберет в себя дорогое, нелегко добытое моей матерью тепло и, сев на тахту, ближе к печке, лукавя пепельными глазами, скажет мне: «А ну, отцовский сын, достань из моей папахи овсуного – сказки!»

Мне было странно и непонятно, как же под его засаленной от пота папахой рождаются и живут сказки: ведь я их никогда не мог достать. Но всегда делал это с огромным желанием, часто выворачивая папаху наизнанку и встряхивая ее. Тогда дедушка Маштанай смеялся и, поглаживая свою зеркальную лысину, говорил: «О, отцовский сын, сказка уже здесь, под этой лысиной. Садись и слушай!»

Я влезал на печку, сажал рядом сестренку, и старик начинал рассказывать про смелых дядек, которые сражались со злыми и страшными Дэвами и Аждага, Гари-Неме и Азраилами. Мне казалось, что богатыри – это мой отец и отцы соседских девочек и мальчиков.

Так детство мое, омраченное и прерванное войной, уходило в мир сказки, в мир древний и таинственный, о котором рассказывал до глубокой ночи дедушка Маштанай. Много сказок приходилось слышать мне и из уст моей матери...

Были в моей практике разные случаи... По рекомендательному письму отца я приехал в родной мне с детства город Хасавюрт и, наполненный радостью предстоящей встречи и воспоминаниями, направился к дому популярного в городе сказителя Бирорле Назарова, моего далекого родственника и родного племянника дедушки Маштаная. Прочитав письмо, этот статный, но уже слабый здоровьем, преклонных лет человек, вскинул свои густые черные с рыжеватым оттенком брови и выдохнул: «Вааллах – «О, Худо!», сказать правду времени нет: дел много всяких, да и силы не те, что раньше. Стар стал...». Он встал в паузе, нацелил на меня вызнающий мысли собеседника взгляд и остался стоять так минуты две. В безмолвии стоял и я, чувствуя всем телом, как плотная, свинцовая масса обиды выдавливалась из меня раннюю радость, которую я с трепетом ощущал в себе всю дорогу сюда и которая заполняла собой каждую мою клетку. Выразительнее всего обида выдавала себя на лице моем, и, особенно – в глазах, застывших в прищуре, в холодном сумраке, словно сосульки на морозе к закату бессолнечного дня. «Шутка ли, приехать из другого города, в данном случае из Москвы, с остановкой в Махачкале в доме моих родителей и вернуться «порожняком», – думал я с грустью и обидой.

Видимо, хозяину дома от холода глаз моих стало неловко, морозно; он вычитал в них мою обиду на него и поэтому вдруг сказал: «Ладно, ради отца твоего и уважения к тебе, сынок, из сотни сказок две-три расскажу!.. Сначала садись... покушай!.. С дороги отдохни!..» Он распорядился подать на стол суфле – ужин.

Только поздно вечером, когда в доме горели уже лампочки, добрый и гостеприимный хозяин стал рассказывать сказки. Желающих послушать собралось немало: жена его, внуки, зять с женой, невестка и несколько соседей, и даже племянница с мужем тоже мастером сочинять всевозможные небылицы или экспромтом предать осмеянию кого-нибудь из общих знакомых.

Вначале рассказ у Бирорле Назарова не клеился: он забывался, останавливался, смотрел то на одного из слушателей, то на другого, словно старался прочесть их взгляд. Но постепенно, одухотворенный эмоциональной реакцией аудитории, он увлекся и стал рассказывать интересно, то повышая, то понижая голос, часто меняясь в лице в соответствии с разворачивающимися действиями в сказке...

Более двухсот сказок записано мною из уст горских евреев Кавказа, его народных мудрецов. В моих дорожных тетрадях и магнитофонных лентах значатся и другие записи –

это частушки, пословицы и поговорки, детский фольклор, анекдоты и – просто забавные истории, ценные воспоминания. Фольклор моего народа мало изучен, он как забытый, заброшенный пустырь, который нужно вспахать, дать взрасти на пользу людям, фольклористике, нравственному и духовно-историческому единению людей в назидательной мудрости.

Немало трудностей встречалось и при переводе на русский язык. Первое, с чем пришлось столкнуться на этом этапе работы – обилие диалектизмов, вульгаризмов, штампов; чрезмерное присутствие в сказках рассказчика, его отступлений и ремарок, часто не несущих никакой нагрузки в произведениях, а напротив, разрушающих динамику повествования; полемика рассказчика со слушателями, его собственная реакция, выражающаяся, например, в возгласах: «Гочу хуби» – «Так ему и надо», когда отрицательные персонажи наказываются; или: «Хать! Хать!» – возглас, выражающий радость, торжество самого рассказчика по поводу того, как герой сказки разделяется с противником и т.п.

Главное, что сохранено при переводе, – это литературная сторона: сюжет, композиция, завязка, такие особенности, как ритм и стиль, фразеологические и идиоматические выражения, пословицы и поговорки, проклятия и пожелания. Сохранены характерность и типичность образов, мудрость, красота слова, меткость образных выражений, присущих горско-еврейским сказкам. При переводе важно было дать посильное представление о строе джугурской речи, понимая при этом, что нельзя механически пересаживать на почву русского языка всю джугурскую фразу, но сохраняя перспективу и пропорцию джугурского предложения.

Некоторые сказки заканчиваются выражением: «Во галам, во салам!» В переводе это значит: «И перо (в руки) и привет (от рассказчика)!» Это выражение я с превеликим удовольствием заимствую у своего народа и адресую вам, дорогие мои читатели.

Амалдан Кукуллу

поэт, сказочник, фольклорист

Бессмертный Немюрюм

Жили в одном древнем городе страны гор два преданных друга. Так они привыкли друг к другу, что и дня не могли прожить, чтобы не повидаться.

И вот случилось так, что один из друзей по имени Дердохош заболел и слег в постель. Каких только лекарей и знахарей не приглашали родители Дердохоша, чтобы вылечить сына от постигшего его недуга. Но никто и никак помочь ему не мог. С каждым днем он, подобно горящей свече, таял, худел, уходил в беспамятство. Но был у Дердохоша друг по имени Немюрюм, что значит «бессмертный». Он ни на минуту не отходил от постели больного. День сменялся ночью, ночь – днем, но он и глаз не смыкал: все сидел у изголовья друга, стараясь хоть как-то разделить его участь и тем самым утешить, облегчить недуг.

Но неизвестная болезнь, в конце концов, свершила свое непоправимое, коварное дело, и Дердохош умер. Предали тело усопшего земле и разошлись. Немюрюм места себе не мог найти – так сильно он переживал смерть своего друга. Целыми днями и ночами думал о случившемся.

«Почему же люди умирают? – не переставая думал он. – Разве нет такого места, где никто и никогда не умирает?» – вопрошал он сам себя, теребя душу, будоража ум.

Шли дни, а вопросы эти не покидали его. И вот в один из дней Немюрюм обратился к своей матери:

– Неужели и ты умрешь, как и мой друг?

Мать очень удивили эти слова, и ей даже подумалось, что сын ее сошел с ума.

– Если прадеды, деды, отцы наши не умирали, то и я не умру, – шутила мать. – Ничего вечного нет. Все живут, пока за ними неумолимая смерть не придет. Никого еще не было на свете, чтобы не умер... Перестань думать и переживать о смерти друга.

– Нет, мать, я твоим словам не верю. Я буду жить всегда... Я не умру, – ответил Немюрюм матери, – да и имя мое об этом говорит, – заключил он.

– Пусть недруги твои умрут, – ответила мать.

– Мама, я не верю в то, что нет такого места, где бы люди были бессмертны. – Я найду это место, обязательно найду.

– Нет, сынок, такого места на земле. Все под этим Небом рождены для смерти.

– А на Небе тоже умирают? – спросил сын.

– Кто его знает, сынок, – ответила мать.

– А я знаю, – возразил сын, – на Небе не умирают...

И велел сын матери собрать хурджун в дорогу.

– Я должен найти то место, где люди не умирают, – убежденно повторял сын.

Как только мать не упрашивала сына, чтобы он образумился, не делал глупости, не оставлял ее одну... Но сын и слушать не желал, ибо решил он доказать и себе и людям, что есть такое место, где человек не должен умирать.

Матери ничего не оставалось, как сложить в хурджун лепешек и сказать сыну в дорогу добрые напутствия.

И на следующий день, едва солнце коснулось гор, сын, прощаясь, успокаивал свою мать, что он вернется домой уже бессмертным.

Со слезами на глазах проводила мать сына в дорогу, а сама осталась одна.

Шел Немюрюм день, второй; месяц шел, второй месяц; мимо городов и сел шел; озера и реки переплывал. Все эти места, где он проходил, ему были знакомы. Прошло много, очень

много месяцев, как юноша находился в дороге, и места, где он теперь проходил, были пустынные – ни одной сакли, ни одного аула, ни одной живой души. Скучно, тоскливо стало юноше. Даже птицы здесь не летали. И вдруг впереди он увидел старое чинаровое дерево. Подошел ближе и видит: на дереве сидит соловей и поет свои песни, да так поет, что прямо за душу берет. Обрадовался юноша встрече и предложил птице стать ему другом. Соловей охотно согласился, но юноша неожиданно спросил его:

– Ты умрешь или нет?

– Конечно, умру, – отвечает соловей. – Каждый год с моих крыльев опадает по одному перышку. А когда земля под этим деревом застелится моими перьями, я упаду на них и умру.

– Нет, тогда я не согласен дружить с тобой, – ответил юноша. – Я, Немюрюм, что значит «бессмертный». А иду я туда, где никто и никогда не умирает.

Соловей рассмеялся над словами юноши и говорит:

– Куда бы ты не пошел, как бы тебя не звали, смерть придет, умрешь и ты... Вечного ничего нет.

Не поверил юноша словам соловья, взвалил он свой хурджун на плечи и пошел дальше.

Кто знает, сколько он шел, но когда солнце трижды зашло и трижды взошло, дошел он до одной речки и видит: под большим дубом лежит пятнистый олень с огромными ветвистыми рогами.

– Давай дружить с тобой, – обратился Немюрюм к животному.

– Дружить так дружить, – согласился рогатый олень.

– А ты умрешь или нет? – спросил его юноша.

– Конечно же умру, – недоуменно ответил олень, – все мои предки умерли, и я умру... Каждый год на берегу вот этой речки с моей головы опадают рога, а потом вырастают новые. Но когда земля под деревом застелится моими рогами, то я свалюсь вот здесь у речки и умру.

– Тогда не хочу я с тобой дружить, – сказал юноша и добавил: – Я иду туда, где никто и никогда не умирает.

Сказал так юноша и зашагал дальше.

Прошло еще несколько дней, и юноша незаметно для самого себя оказался на вершине горы, у самого Поднебесья. Здесь ему повстречался горный петух, который сидел на огромном дереве и смотрел на взбирающуюся в гору дорогу, по которой шел Немюрюм.

– Эй, человек, куда путь держишь? – крикнул путнику горный петух. – Как ты сюда попал? Здесь никогда ни одной человеческой души не бывало.

Юноша ответил:

– Уважаемый горный петух, ищу я себе друга и никак не найду... Давай дружить с тобой.

Горный петух обрадовался и сказал:

– Мне тоже хочется иметь друга.

А Немюрюм и спрашивает его:

– А ты бессмертен или нет?

– Сколько лет живу на этом свете, но подобного вопроса мне не приходилось слышать! – удивился горный петух и добавил: – Когда наступает время смерти – все умирают: и люди, и животные, и даже деревья... Умру и я, когда мои разноцветные перья осыпятся и на их месте вырастут белые.

– Нет, тогда мы не можем быть друзьями, – сказал юноша и продолжил: – Я, Немюрюм, что значит «бессмертный». Я должен оправдать значение своего имени, чего бы мне это не стоило.

Попрощался Немюрюм с горным петухом и пошел своей дорогой искать то место, где никто и никогда не умирает.

Долго шел он, но никого так и не встретил. Кругом было пустынно. Только на сороковой день, когда солнце всходило из-за гор, юноша, уставший и в лохмотьях, добрался до одной Поднебесной крепости. Подошел он к ее каменным стенам и видит: сидит у окна красавица. Если у человека два глаза, то нужно еще два глаза, чтобы смотреть на нее и любоваться, утешая тем самым душу свою, измаявшуюся в суете земной жизни.

– Куда путь держишь, юноша? – спросила красавица.

– Иду туда, где никто и никогда не умирает, – ответил Немюрюм.

– Здесь это место, – сказала красавица.

Обрадовался Немюрюм, что наконец-то нашел то место, где никогда не умирают. Попросил он красавицу, чтобы она впустила его в крепость, а красавица ему в ответ:

– Добрый юноша, для этого тебе надо много мудрых книг прочитать, в душу Небесную истину вобрать и жить с любовью ко всем и даже к врагам своим.

– Но где мне взять такие книги, добрая красавица? – спросил Немюрюм. Не успел он еще что-то сказать, как вдруг перед ним образовалась каменная обитель среди яблоневого сада. Вошел юноша под расписные своды каменной обители, а там огромное количество старинных божественных книг на полках лежит. И стал юноша читать эти книги да умом душу наполнять, а через некоторое время он почувствовал как возносится к Небу, а с языка так и просятся мудрые, благодатные речи. А еще через какое-то время он поднял глаза свои к

Небу и всей душой возжелал вознестись в Небесные владения, где никто и никогда не умирает.

Едва возжелал он себе такое, как сверху показалась светящаяся веревка, которую опускала из окна Поднебесной крепости уже знакомая ему красавица.

– Добрый юноша, пришло твое время жить в моей Поднебесной обители, – сказала красавица.

И Немюрюм взобрался по светящейся веревке прямо в Поднебесную крепость.

Стал он жить вместе с красавицей, да так хорошо и счастливо, как вольно или невольно мечтает жить каждый человек. Все, чего бы он не пожелал, тут же исполнялось и наполняло душу радостью и благодатью.

Прошло неизвестно сколько времени, как Немюрюм стал жить со своей любимой красавицей, и за все это время ни чуточки не состарился. Здесь счет времени не велся, как на земле, и ничто здесь не старило, не угнетало человека. Потому Немюрюм не знал, не ведал о том, сколько же времени прошло с тех пор как он, оставив свою мать, ушел из дому.

Но однажды Немюрюму вспомнились родные места, мать, которую оставил, знакомые, друзья, и решил он вернуться назад, хотя бы на время. В один из дней, когда его жена стирала белье, он сказал ей, что очень хочет побывать, хотя бы два-три дня, в родных местах, повидаться с матерью, друзьями и знакомыми, рассказать о Стране бессмертия, о своей красавице...

А она между тем рассмеялась и говорит, что много веков прошло с тех пор как он пришел в страну, где никто и никогда не умирает, а там, где он жил в давние, очень давние времена, никого не осталось из тех, кого он знал, все умерли, а на смену им приходили и уходили другие поколения.

Но не поверил Немюрюм словам своей жены и настоял на своем.

– Ну что же, если тебе очень хочется проверить правоту моих слов, то можешь собираться в дорогу... Счастливого пути!.. – сказала она, всем сердцем чувствуя, что-то недоброе должно с ее мужем случиться... Ведь женское сердце как воск – оно плавится от пылающего огня любви. Собрала она Немюрюму в дорогу разного кушанья, сложила все в хурджун и еще дала ему с собой четыре яблока из Поднебесного сада.

– Возьми эти яблоки в дорогу. Они тебе пригодятся, – сказала красавица. – Но смотри не урони их и не ешь... А теперь ступай!..

Взял Немюрюм четыре яблока, положил их в карманы, пообещал вернуться и ушел.

Долго ли шел он, сильно ли уставал – это ему знать. Но известно, что шел он той же дорогой, по которой некогда шел в Страну бессмертия, где никто и никогда не умирает.

Дошел он до огромного дерева, а под деревом на перьях лежат косточки какой-то птицы. Немюрюм сразу понял, что это косточки того самого горного петуха, которому он

предлагал свою дружбу. Наклонился Немюрюм и поцеловал кости птицы. Но когда он наклонялся, из кармана выпало одно яблоко. И Немюрюм заметил, что волосы на его голове поседели.

Попрощался Немюрюм с костями горного петуха и пошел своей дорогой – к родным местам.

Долго ли шел, сильно ли уставал – это ему знать. Но через много дней он подошел к тому месту, где когда-то встретился ему рогатый олень. Подошел он к речке и видит: под дубом лежат рога и кости того самого животного, которому он предлагал свою дружбу. Нагнулся Немюрюм и поцеловал кости оленя. Но когда нагибался, то из кармана выпало еще одно яблоко. В это время Немюрюм почувствовал, что сильно постарел и силы его стали оставлять.

Отдохнул Немюрюм какое-то время и пошел своей дорогой -к родным местам.

Долго ли он шел, сильно ли уставал – это ему знать. Но нам известно то, что через какое-то время он дошел туда, где на чинаре сидел соловей и пел свои прекрасные песни. Подошел Немюрюм к дереву и видит: лежат на перьях косточки того самого соловья, которому он предлагал свою дружбу.

«Да, правы были все они: ничего вечного нет. Все живет, пока смерть не придет», – подумал Немюрюм и, нагнувшись, поцеловал косточки умершего соловья. Но когда он нагибался, то выронил из кармана и третье яблоко. И тут-то Немюрюм почувствовал, что ноги уже отказываются его носить. Вырезал он из чинары палку и, опираясь на нее, пошел дальше – к своим родным местам.

Еще через какое-то время Немюрюм добрался наконец-то до родного города, где когда-то похоронил своего дорогого друга Дердохаша.

Вошел он в родной город и видит: все здесь изменилось, ничего узнать невозможно. Шел он по улицам и не мог встретить ни одного знакомого, все здесь не так, как раньше было: и саки, и люди, и одежда – все другое.

Стал Немюрюм жителей города расспрашивать о своей матери, но никто не помнил, не знал такой женщины. Повели тогда Немюрюма к одному двухсотлетнему старцу, чтобы расспросить у него о матери. Но и этот старик не смог ее вспомнить. Только слышал от других, что жила здесь когда-то, в очень давние времена, одна старушка и умерла она с именем сына своего на устах, который отправился искать то место, где никто и никогда не умирает, и не вернулся.

Услышал Немюрюм горькие слова старца и сильно опечалился. Напрасно вернулся он в эти места. Лучше бы послушался совета своей жены и не уходил из Страны бессмертия. Лучше бы жил он там в своей Поднебесной крепости да книги древние читал, душу свою ублажал, а в голове мудрость веков откладывал.

Утром, когда солнце еще только начинало просыпаться ото сна, пошел Немюрюм на кладбище, отыскал могилу матери и долго-долго плакал. Наплакавшись, решил он вернуться в те места, где осталась его жена-красавица и где никто и никогда не умирает.

Нагнулся Немюрюм над могилой матери и поцеловал надгробную плиту. Но когда он нагибался, из кармана выпало последнее – четвертое яблоко. И вот тут-то Немюрюм почувствовал, что нет у него больше сил. Сел он на землю и заснул. Спит он, и снится ему сон: с высокого Неба спускается к нему рыжебородый старик дан-Амалдан и говорит: «Я, как и ты, искал страну, где никто и никогда не умирает. Искал и нашел. А найдя, не стал возвращаться обратно в земную суету. Похоже, читая мудрые книги, не принял ты всей глубиной души Истину Страны бессмертия, гласящую: придя в Страну бессмертия – назад в земную суету не возвращаются... Не послушался ты совета своей красавицы-жены, нарушил законы бессмертия, а потому умрешь и будешь похоронен здесь, на земле».

«О, попечитель мой, – вскричал Немюрюм, обращаясь к рыжебородому старичку дан-Амалдану, – что же мне делать, чтобы снова вернуться в эту прекрасную и благодатную Страну бессмертия?»

«Предаться снова дороге и назад не оглядываться», – ответил рыжебородый старичок дан-Амалдан.

Немюрюм хотел было послушаться доброго совета и снова предаться дороге в Страну бессмертия, но в это время к нему подошел Азраил и говорит: «Куда тебе, старому, дороге дальней и нелегкой доверяться... Не дойдешь, пропадешь дорогой неведомо где... Ты видишь, вот я уже яму копаю».

Немюрюм встал и, еле-еле передвигая ноги, приблизился к Азраилу и глуховатым голосом спросил:

– Кому копаешь эту яму?

Азраил и отвечает:

«Тут один сомневающийся старик умирает, а я ему могилу копаю... Он такого росточка, как и ты. Будь любезен, ляг в эту яму, я измерю, подойдет она ему или нет». Немюрюм залез в яму, лег и протянул ноги. А Азраил тем временем взял у него душу, и Немюрюм умер. Засыпал Азраил землей яму и, взмахнув крыльями, улетел искать очередную наполненную земными страстями душу...

И вправду сказывают в народе: достигнув истины, от нее не отдаляются. А отдалившись, знай: погибель свою обретешь от земной суеты.

Так случилось и с Немюрюмом. Не оправдал он Божественное значение своего имени. А жаль!

Бежон и Менежон

Когда-то в очень давние времена, когда на земле были еще дэвы, жил богатырь по имени Рустам, сын Зола. Он был заступником народа, защитником добра и справедливости.

Где бы не затевалось сражение, Рустам всегда седлал своего скакуна и мчался расправиться с обидчиками.

Однажды Рустам победил в сражении дэвов; после этого он привел домой маленького дэва и стал его растить.

Шло время. В один из дней отец Рустама – Зол, прогуливаясь по двору, увидел маленького дэва. Он тут же позвал к себе сына и говорит:

– Глупец! Для чего ты привел этого злодея в мой дом? Ты что забыл, что змея и маленькая остается змеей? – Зол схватил маленького дэва за ноги и разорвал на куски, а сыну дал хорошую оплеуху.

Обиделся Рустам, сел на своего скакуна и умчался из отцовского дома, где остались жена Рустама и его шестилетний сын по имени Бежон.

Семь лет прошло, как Рустам уехал из отцовского дома. Бежон по утрам ходил учиться в школу, а вечерами возвращался домой.

Нелегко было Золу без сына. Он был уже стар, да и жены у него не было. Дошли до дэвов слухи о том, что Рустам обиделся на своего отца и уехал жить в крепость за семью горами. Предводитель дэвов собрал свой отряд и говорит:

– Пока Рустама нет, надо отомстить старому Золу за все его проделки.

И дэвы ринулись на падишахство Зола. Когда они перешли границу, жители хотели преградить им путь. Но нет, не тут-то было. Дэвы пригрозили горожанам и говорят:

– Сходите к вашему падишаху и скажите: если через три дня он не выйдет сражаться с нами, мы предадим его падишахство огню.

Пришли гонцы к Золу и доложили обо всем. Задумался Зол: «Как быть? Я уже стар, а Рустам на меня в обиде!»

Приказал тогда Зол зурначам выйти на площадь и играть сбор богатырей. Собрались пахлеваны, а Зол и говорит им:

– Наша земля, города наши, народ наш в опасности. На нас напали дэвы. Они грозятся предать все огню... Есть ли среди вас люди, которые любят меня и готовы вступить в сражение с дэвами? Если есть, то пусть подойдут, выпьют со мной чашу шербета и дадут клятву верности.

Но никто не подошел и не выпил с ним чашу шербета.

– С дэвами только Рустам может сразиться. Нам они не под силу, – ответили богатыри.

В это самое время из школы возвращался сын Рустама – Бежон. Смекнул он в чем здесь дело, но, ничего не сказав, прошел мимо.

Зол-падишах и на второй день созвал на площадь богатырей и опять предложил им распить с ним чашу шербета в знак верности. Но ни один из богатырей не осмелился осушить

эту чашу. И Бежон, возвращаясь из школы, прошел мимо.

Созвал богатырей Зол и на третий день и вновь предложил им испытать с ним чашу шербета. Но и на сей раз никто не вызвался сражаться с дэвами. Но тут вдруг появился Бежон. Он подбежал к Золу и схватил его за руку, чтобы взять у него чашу шербета. Но Зол не выпустил из своих рук чашу.

– Эй, дед мой!.. Третий день я вижу в твоих руках эту чашу. Для кого ты приготовил ее? – спрашивает Зола внук.

– Для тех, кто разделит со мной мое горе, – отвечает Зол.

– Я выпью с тобой эту чашу. Дай ее мне. Я сын Рустама, внук Зола и не позволю унижить честь нашего рода. – Бежон выхватил из рук Зола чашу и выпил шербет. Затем он надел на себя богатырские доспехи, вскочил на коня и мигом очутился там, где дэвы ожидали решения Зола.

Срок уже истекал, и дэвы были готовы напасть на город падишаха Зола и уничтожить всех горожан. Но тут они увидели, что к ним в богатырских доспехах скачет мальчик необыкновенной красоты.

– Наверное, гонец с письмом, – решил главный дэв.

Услышал это Бежон и говорит:

– Нет, я не с письмом явился, а принес вам смерть.

Рассмеялся предводитель дэвов и отвечает:

– Да я на тебя дуну, и ты в небо взлетишь!

– Герой слов на ветер не бросает, – говорит Бежон. – Выходи на поле битвы, будем биться. Или тебе умереть или мне.

Стали они бороться. Долго боролись. Как не старался главный дэв сдвинуть Бежона с места, но так и не смог. Стоит Бежон, как дуб, выросший корнями в землю.

Но вот Бежон собрал свои силы и свалил главного дэва на землю. Затем выхватил из ножен свой кинжал и отрезал ему голову. Дэвы увидели, что у сына Рустама сила такая же, как у его отца, и повернули, ушли обратно в свое царство дэвов.

А Бежон положил в хурджун голову главного дэва, чтобы удивить деда, и направился в сторону дома.

По пути он остановился у реки, смыл с кинжала кровь злодея и собрался было идти дальше. Но тут ему повстречался зять Зола. Поздоровались они, расспросили друг друга откуда, мол, и куда.

Бежон рассказал ему все как было и показал голову главного дэва.

– Покажу ее деду. Вот удивится, – радуется Бежон.

«А почему бы не мне похвалиться перед стариком Золом», -думает зять и говорит:

– Ты лучше, пока не поздно, поезжай в падишахство Эршефиена. У этого падишаха есть красавица дочь. Он отдаст ее замуж за того, кто докажет свою богатырскую доблесть. Я верю, что ты будешь лучшим, и красавица будет твоей. А голову дэва я отвезу Золу и расскажу ему о твоей победе.

– Хорошо, – согласился Бежон.

Отдал он дяде хурджун с головой главного дэва и поскакал в падишахство Эршефиена.

Пришел зять к Золу и, показывая голову дэва, говорит:

– Я убил злодея.

– А Бежона не встретил там? – встревожился Зол.

– Нет, – отвечает зять.

– Наверное, дэв убил его, – решил Зол, стал бить себя в грудь и рыдать. Он сбросил падишахские одежды, облачился в траур, обсыпал себя золой и сел у холодного очага.

А Бежон тем временем, не зная ни дня, ни ночи, находился в пути. Вскоре добрался он до города падишаха Эршефиена.

«Как же быть? – задумался Бежон. – Ни знакомых нет у меня здесь, ни друзей, ни крыши над головой... Пойду-ка я в чайхану. Там наверняка кто-нибудь есть».

Пришел он в чайхану, а там сидят гуляки.

– Салам алейкум! – приветствует их Бежон.

– Алейкум салам! – отвечают гуляки.

Усадили они его рядом и стали расспрашивать: «Откуда и куда путь держишь? Чей сын и зачем пришел сюда?»

Рассказал им Бежон, кто он и откуда, а потом и спрашивает:

– Друзья, какие новости в вашем городе?

Рассказали Бежону и о дочери падишаха Эршефиена. Она так прекрасна, что во всем мире не сыскать другой такой красавицы. А зовут ее Менежон. Дворец падишаха стоит посреди города, а дом его дочери Менежон – на окраине. Позади ее дома – горы, а впереди – море. С берега моря до окна дома Менежон отец протянул канат и объявил: кто пройдет по этому канату к дому его дочери, за того он ее и отдаст. Из многих падишахств, из многих

земель приезжают сюда красавцы-богатыри. Но никто из смельчаков не смог дойти по канату до окна.

– Ну а ты, случаем, не за этим ли приехал сюда? – спрашивают гуляки Бежона.

Бежон промолчал. Догадались они, что и Бежон прибыл попытать счастья, и стали его отговаривать:

– Образуемся. Не рискуй! Пропадешь ни за что.

– Да что вы, – хитрит Бежон, – Я просто посмотрю на других... Вы только покажите мне это место.

Повели его гуляки и показали то место, где протянут канат. Посмотрел Бежон, и снова все вернулись в чайхану. Поздно ночью разошлись гуляки по домам, а Бежон отправился в караван-сарай.

Еще солнце не успело подняться над землей, как Бежон пришел занять очередь, чтобы попытать счастья. Часов в десять забили в барабаны, заиграли зурначи. Весь народ от мала до велика собрался сюда. Вышел на балкон и сам падишах Эршефиен со своими векилами и везирами. Все ждут, волнуются. Но никто из богатырей не решается попытать счастья. Не выдержал Бежон и быстро взбежал на канат. Вот идет он по канату, а его новые друзья увидели это и замерли от страха.

– Пропадет, пропадет, – волнуются они за Бежона.

Когда Бежон прошел половину пути, везир и векил говорят Эршефиену:

– Почтеннейший падишах, этот мальчишка будет твоим зятем!

Рассмеялся Эршефиен и отвечает:

– Не прыгай в яму, не зная, что на дне.

Солнце успело уже дойти до середины неба, а люди все ждут, чем же кончится эта затея.

Вот Бежон прошел больше половины пути. Остановился, передохнул и снова пошел. Вдруг одна нога соскочила с каната, но он все-таки сумел удержаться. Наконец добрался он до окна, за которым скрывалась красавица, и затанцевал от радости на канате.

Громче забили барабаны, звонче заиграли зурначи. Все были рады победе смелого джигита.

– Эй, дочь падишаха, открой окно, – кричит Бежон.

– Подожди, я должна переодеться, – отвечает красавица.

Бежон не стал дожидаться, толкнул ногой окно и вошел. Увидели они друг друга, и

любовь вошла в их сердца.

День и ночь молодые супруги не отходили друг от друга. Бежон рассказал ей, откуда он и чей он сын. Еще крепче привязались они друг к другу. А Эршефиен все это время не находил себе места: «Сыновья падишахов, беков, ханов приходили свататься к моей дочери, а я не отдал, – думал он. – Выдумал это зрелище, а теперь моя дочь досталась какому-то ничтожному мальчишке... У него еще и усы не выросли».

Созвал Эршефиен своих советников и говорит:

– Придумайте, как избавиться от такого зятя... Не по душе он мне.

Подумали советники и решили: от дома Менежон до дворца падишаха проложить дорогу и застелить ее коврами. На середине дороги вырыть огромную яму. Когда молодой зять пойдет к падишаху, он дойдет до этого места и провалится.

Как порешили, так и сделали.

И вот в один из дней Бежон направился в гости к падишаху. Дошел он до середины дороги, ступил на ковер и мигом очутился на дне глубокой ямы. Увидели это слуги падишаха и быстро завалили ее огромной каменной глыбой. Потом побежали к падишаху и доложили, что дело сделано. Обрадовался Эршефиен и послал дочери письмо, в котором писал: «Дорогая дочь, твоего супруга по моему приказу сбросили в яму. Он еще слишком молод, а тебе нужен настоящий богатырь. Откажись от него, и я выдам тебя за другого».

Менежон отвечает отцу: «О, отец мой, сколько горя ты принес многим семьям из-за меня. Сотни богатырей погибли из-за твоей выдумки. А этот юноша своим подвигом покорила меня, и я останусь с ним. Никто другой мне не нужен».

Приказал Эршефиен привести к нему несговорчивую дочь.

– Если будешь упрямым, не жить тебе во дворце, – говорит отец дочери.

– Я буду верна Бежону, – ответила красавица.

Выгнал падишах свою дочь на улицу, а на ее дом повесил огромный замок.

На сердце – камень, на глазах – слезы, ходит бедная Менежон по базарам и продает свои дорогие наряды. На полученные деньги покупает еду. Большую часть опускает через маленькую щель в яму Бежону, а меньшую ест сама. И так изо дня в день.

Прошло много дней, все продала с себя красавица и осталась наедине со своим горем. Пришлось бедной Менежон, дочери падишаха, ходить по дворам нищенкой. Добрые люди сочувствовали ей и подавали кто что мог. А она большую часть относил своему Бежону, а меньшую ела сама.

Дошли до Эршефиена слухи, что дочь его собирает милостыню и кормит Бежона.

Тогда издал бессердечный падишах приказ: «Кто подаст милостыню дочери моей

Менежон, дом того негодника будет предан огню».

Испугались горожане падишахского гнева и перестали помогать девушке. День стал ночью, ночь – могилой для бедной красавицы Менежон. Как же быть? Стала тогда она выходить на дорогу и просить милостыню у проезжих и прохожих чужеземцев: большую часть отнесет Бежону, а меньшую съест сама. И так каждый день.

Но наступили холода, реже стали появляться чужеземцы. И вот в один из дней вышла бедная Менежон в поисках куска хлеба. На одной из улиц города она встретила дервиша. Он играл на сазе и пел песни. Когда народ разошелся по своим домам, а дело было к ночи, Менежон протянула дервишу руку за милостыней. Видит дервиш: перед ним стоит красавица, во всем мире красивее не сыскать. На глазах у нее слезы и сама в лохмотьях. Проникся дервиш жалостью к красавице, дал ей несколько монет. Купила она на эти деньги ломоть хлеба и кусок сыра: большую часть отнесла Бежону, меньшую съела сама.

На следующий вечер Менежон опять подошла к дервишу и опять протянула руку. И на этот раз дал ей дервиш немного денег. Купила она ломоть хлеба и кусок сыра: большую часть отнесла Бежону, а меньшую съела сама.

Пришла Менежон к дервишу и на третий вечер, посмотрела по сторонам и, убедившись, что за ней никто не следит, вновь протянула руку. Удивился дервиш странному поведению девушки и спрашивает:

– Эй, красавица, я сам нищий дервиш, но все-таки могу дать тебе кое-что. Ответь мне: почему ты всегда приходишь с темнотой и почему оглядываешься по сторонам? Может быть, у тебя горе и я могу помочь?

– Добрый дервиш, мое горе никакими весами не взвесить, -отвечает Менежон.

– Положи на мои весы, я взвешу, – говорит дервиш.

Но нет, не положила она свое горе на чужие весы: горе одного -другому что пух.

– Скажи мне, дервиш, где твоя Родина? Откуда ты и куда идешь? -спрашивает Менежон.

– У меня нет Родины. Я хожу из одного падишахства в другое. Пою свои песни и так живу под этим небом, – отвечает дервиш.

– А будешь ли ты, дервиш, в падишахстве Зола? – спрашивает Менежон, а сама все плачет.

– Пройду я два падишахства, третьим будет падишахство Зола, -отвечает дервиш.

Сняла Менежон с головы платок, бросила его к ногам дервиша, упала на колени и говорит:

– Добрый дервиш, не осуди меня за то, что я обнажила свою голову. Еще никто не видел мои волосы, но перед тобой я это сделала. Умоляю тебя: будешь в падишахстве Зола,

пропой им такие слова:

Менежон, Менежон,
Из падишахства Эршефиена.
Полюбила смелого Бежона.
Ой, Бежон, бедный Бежон!

– Могилами своих предков клянусь исполнить твою просьбу, -говорит дервиш. – Пусть небо и земля будут свидетелями. Эту ночь я сделаю днем для тебя!

На этом попрощались Менежон и дервиш, пожелали друг другу всего хорошего и разошлись. Менежон осталась опять одна со своим горем. Целыми днями в лохмотьях и босиком ходила она по дорогам и искала встречи с чужестранцами. Выпрашивала у встречных милостыню и тем кормила Бежона и питалась сама.

В сказках все быстро делается, а на деле – долго.

Прошло несколько месяцев, и дервиш наконец добрался до падишахства Зола. Увидели его джигиты и пригласили на площадь петь песни. Много собралось народу послушать. Дервиш повесил на шею свой саз и начал петь:

Менежон, Менежон,
Из падишахства Эршефиена.
Полюбила смелого Бежона.
Ой, Бежон, бедный Бежон!

Услышали люди, что дервиш в песне повторяет имя Бежона, примчались к своему падишаху и говорят:

– Почтеннейший наш Зол, хватит тебе сидеть на золе. Вставай, пойдем на площадь. Там дервиш поет песни про Бежона.

– Никакие песни дервишей мне не помогут, – ответил Зол. – Пока жив, с зола не встану.

– Тогда разреши нам пригласить дервиша сюда. Пусть он споет перед тобой, – сказали богатыри.

Согласился Зол. Привели дервиша, усадили и попросили спеть. Поет дервиш, а падишах не слушает. Сидит на золе и лицо как зола.

Но вот дервиш запел:

Менежон, Менежон,
Из падишахства Эршефиена.
Полюбила смелого Бежона.
Ой, Бежон, бедный Бежон!

Услышал падишах Зол имя Бежона и вскочил со своего места.

– Позовите ко мне дочь, – распорядился он.

Прискакали джигиты в город, где жила дочь Зола, и говорят:

– Отец ваш велел передать: «Если даже у рта кружка с водой, отставь ее и срочно явись».

Растерялась Бонуш, дочь Зола, и спрашивает:

– Что случилось?

– Не знаем, – ответили джигиты.

Бонуш быстро переделась в одежду богатыря, вскочила на коня и, не сказав мужу ни слова, примчалась к отцу.

– Отец, что случилось? – еще со двора крикнула Бонуш.

– Позвал я тебя послушать песни дервиша, – отвечает Зол. – Спой, дорогой дервиш, свои песни.

Повесил дервиш на шею свой саз и начал петь.

Выслушала Бонуш песни дервиша и говорит:

– Отец, сколько же мы будем ждать Бежона?

– Вот потому-то я и вызвал тебя, дочь моя, – отвечал Зол. – Я уже стар. А Рустам ушел из отцовского дома, обиделся на меня. Хочу выслушать тебя. Что будем делать? – говорит Зол.

– Отец, пусть зарежут самую большую козу из твоего стада, а шкуру отдадут мне. Сегодня вечером Рустам будет здесь, – говорит Бонуш.

Зарезали самую большую козу. Содрали с нее шкуру и отдали Бонуш. Взяла она козью шкуру и к каждому волосу привязала по одному колокольчику. Затем завернула шкуру в вату, чтобы звона колокольчиков не было слышно, вскочила на коня и поскакала за семь гор, где был Рустам.

В эту ночь Рустам, вернувшись с охоты, поужинал и лег спать. А Бонуш привязала в укрытии своего коня, быстро вскарабкалась по канату на крышу, натянула на себя козью шкуру и стала у трубы звенеть колокольчиками. Подула в трубу – труба волком завывала. Услышал Рустам звон колокольчиков и страшный вой и удивился.

– Кто на моей крыше? – спрашивает он.

– Я, Азраил. Пришел забрать твою душу... Давай ее сюда, – кричит в трубу Бонуш.

– Дорогой Азраил, – отвечает Рустам, – много лет как я обиделся на своего отца и

ушел из дома. Прошу тебя, дай мне еще немного жизни, чтобы я мог повидаться с семьей и отцом. Потом можешь забрать мою душу.

– Хорошо! – кричит в трубу Бонуш. – Даю тебе время попрощаться с родными.

Пока Рустам одевался в свои доспехи, Бонуш слезла с крыши, вскочила на коня и мигом вернулась к отцу.

– Отец, Рустам сейчас будет здесь, – сказала она.

Не прошло и нескольких минут – земля и небо задрожали.

– Это Рустам скачет, – сказала Бонуш и вышла встречать брата.

Въехал Рустам во двор, слез с коня и вбежал в дом.

– Дорогой отец, прости меня! Я свою душу должен Богу отдать. Азраил приходил за ней.

– Дорогой брат, – прервала его Бонуш, – то был не Азраил, а я.

– Как?! – удивился Рустам.

– Сейчас не время рассказывать, – отвечает сестра, – лучше войди в ту комнату и послушай, о чем поет дервиш.

Вошел Рустам в комнату и услышал песню дервиша.

Понял Рустам, что с Бежом что-то неладное случилось, и заплакал.

– Где, где мой сын? – обратился он к собравшимся.

Рассказали отцу все, как было. Выслушал Рустам рассказ дервиша и решил отправиться на поиски сына.

Сборы были недолгими. Бонуш, Рустам и его жена оседлали коней, наполнили едой хурджуны и тронулись в путь. По дороге к ним присоединился и муж Бонуш.

В сказках все быстро делается, а на деле – долго. Доехали они до падишахства Эршефиена, переночевали в караван-сарае, а утром Рустам и муж сестры отправились в горы на поиски Бежона. Сестра и жена Рустама остались в караван-сарае, чтобы к возвращению мужчин приготовить еду.

Пусть женщины готовят обед, мужчины бродят по горам в поисках Бежона, а я расскажу про бедную Менежон.

В этот день, как и всегда, Менежон вышла на дорогу, чтобы встречать чужестранцев и просить у них милостыню, и видит: в караван-сарае остановились какие-то люди.

Пришла она к караван-сараю, вся в лохмотьях и босиком, протянула руку и стала просить милостыню. Жалко стало Бонуш и матери Бежона эту нищенку. Завели они ее в дом и угостили пловом и супом. Менежон съела суп, а плов завернула в свой рваный платок и, поблагодарив добрых людей, заторопилась к Бежону...

Вечером, усталые и голодные, вернулись Рустам и зять Зола. Поужинали они и легли спать. Наутро мужчины вновь отправились на поиски Бежона. Женщины остались готовить еду. В полдень к ним опять пришла Менежон и снова попросила милостыню.

Завели они ее в дом и опять угостили пловом и супом. Съела девушка суп, а плов сложила в свой рваный платок и, поблагодарив добрых людей, заторопилась к любимому Бежону.

Догадалась Бонуш, что эта девушка похожа на ту, о которой рассказывал дервиш, и ждет, чем же все это кончится.

На следующее утро, когда мужчины уже в который раз отправились на поиски Бежона, Менежон снова пришла за милостыней. И на этот раз перед девушкой поставили плов и суп.

Съела девушка суп, а плов сложила в свой рваный платок и собралась было уходить, но Бонуш преградила ей путь и спрашивает:

– Дочка, кому ты каждый раз носишь плов? Ведь мы угощаем тебя.

Менежон испуганно посмотрела по сторонам. Ей почудилось, что эти люди сейчас отведут ее к отцу, и она заплакала. И откуда столько слез! Каждая слеза, как орех.

– Не плачь, дочка! Мы тебя не обидим. Скажи, кому ты носишь еду.

– Я Бежону ношу, – сквозь слезы говорит девушка.

Услышав имя Бежона, Бонуш и мать Бежона бросились обнимать и целовать девушку.

– Ты же моя невестка! Мы услышали о тебе от дервиша и пришли сюда, – говорит мать Бежона и плачет.

Словом, как вам описать все это! В слезах друг друга купаются...

Вскоре вернулся и Рустам. Вошел и видит: в комнате от слез потоп.

– Что случилось, говорите скорее! – закричал Рустам.

– К чему расспросы, лучше обними и поцелуй свою невестку! – отвечают женщины.

Обнял Рустам девушку и тоже стал плакать:

– Где сын мой? Где Бежон?

Рассказала девушка о том, как ее отец издал приказ выдать дочь за того, кто пройдет по

канату, и о том, как много джигитов погибло от дурной затеи отца. Рассказала и о том, как Бежон прошел по канату и стал ее мужем, и как Эршефиен бросил ее любимого в глубокую яму; и поведала как она носила ему еду все эти месяцы...

Девушка рассказывает, а женщины плачут. Все до конца рассказала она родителям Бежона.

Девушку тут же искупали и переодели в новые платья.

– Слышишь, брат,ними со своего пальца кольцо и дай мне, -сказала Бонуш.

Снял Рустам кольцо и передал сестре. Бонуш наложила полную чашку плова, а в плов положила кольцо.

– Дочка, отнесешь плов Бежону. Когда он будет есть, то увидит кольцо и спросит тебя: «Где ты взяла это кольцо?» А ты скажи, что за ним приехали родные и что завтра утром высвободят его из ямы.

Взяла Менежон чашку плова и пришла к яме, где вот уже много месяцев томился ее любимый Бежон. Опустила она плов в яму, а сама стоит и ждет.

Вдруг из ямы Бежон кричит:

– Менежон, откуда ты взяла это кольцо?

Девушка рассказала ему все как есть, а вечером вернулась в караван-сарай к родителям Бежона.

На следующий день Менежон привела всех к яме, где сидел Бежон. Яма была завалена огромной глыбой. Рустам поднял одной рукой эту глыбу и забросил далеко в овраг.

– Эй, Бежон, сын мой, лови канат, – крикнул Рустам.

– Отец, я не выйду отсюда до тех пор, пока голова мужа твоей сестры не будет в этой яме, – закричал из ямы Бежон.

– О! Что ты болтаешь?! Этому не бывать! – ответил Рустам.

– Тогда тyani свой канат обратно, – закричал Бежон.

Рассердился Рустам на сына и говорит:

– Сто лет будешь сидеть в этой яме, а голову мужа моей сестры я все равно не отрублю.

Вернулся Рустам в караван-сарай сердитый и расстроенный. А Менежон, обливаясь слезами, осталась сидеть у ямы.

– Менежон, зачем ты плачешь? Успокойся! – кричит ей снизу Бежон.

– Как же мне не плакать. Столько мук перенесла я, пока дождалась приезда твоих родителей, – говорит Менежон, – а теперь каких дней еще дожидаться?

Жалко стало Бежону свою любимую.

– Хорошо! Если они еще раз придут за мной, я выйду из ямы, -говорит он.

Прибежала Менежон в караван-сарай, упала на колени перед Рустамом и говорит:

– Сходите и вытащите Бежона из ямы ради меня, ради всех моих мук.

Ничего не оставалось Рустаму делать, взял он канат и отправился к яме. Вместе с ним пошли и остальные. Вытащили они Бежона, а тот подбегает к зятю Зола, выхватывает из его ножен кинжал и замахивается, чтобы отсечь ему голову.

Но Рустам успел схватить его за руку и дал сыну хорошую оплеуху.

Вмешались женщины, успокоили отца и сына, примирили их, и все вместе отправились во дворец падишаха Эршефиена.

– Злодей, выходи на площадь, будем биться, – говорит Бежон Эршефиену. – Кто кого: или тебе умереть, или мне.

– Да я тебя, как вошь, раздавлю, – возмутился Эршефиен.

Услышал Рустам как Эршефиен оскорбил сына и коснулся кинжала.

– Успокойся, отец, я сам с ним рассчитаюсь, – говорит Бежон и вновь обращается к Эршефиену:

– Мужчина слов на ветер не бросает.

Не выдержал злодей Эршефиен и вышел на площадь. Начали они бороться. Бежон так сдавил Эршефиена, что тот замертво упал на землю.

В тот же день Бежон разделался со всеми придворными Эршефиена: связал их канатом и бросил в ту самую яму, где долгое время томился сам.

– Пусть подохнут! – сказал Бежон.

– И без твоего проклятия они подохнут, – сказали старцы города. -Их некому любить! Только любовь может сохранить человека.

Стали тут горожане просить Бежона стать их падишахом.

– Дорогие мои, – говорит Бежон, – мне надо ехать в падишахство деда. Вы лучше скажите, кого назначить падишахом.

– Кого угодно, лишь бы был справедливым, – ответили горожане.

Тогда Бежон пригласил тех гуляк, которые распивали с ним чай, и хозяина чайханы. Чайханщика назначили падишахом, а гуляк – его везирами и векилами.

– Эти люди не подведут, – сказал Бежон.

На следующее утро Бежон и все его родные попрощались с горожанами и новым падишахом и тронулась в путь: Бежон и Менежон – впереди, а остальные – сзади.

Долго ли ехали, коротко ли, доехали до того самого места, где Бежон победил дэвов. И тут Рустам говорит мужу своей сестры:

– Пусти коня в галоп и порадуй старого Зола хорошей вестью!

Узнал старый Зол о благополучном возвращении всех и велел зурначам выйти встречать победителей.

Встретил старый Зол своего внука Бежона, обнял его, расцеловал. Даже на радостях прослезился. Рассказал Бежон деду о проделках зятя; о том, как тот обманул его, Бежона, и забрал голову дэва. Выслушал дед и говорит:

– Мне не нужен такой зять. В моем роду еще не было подлого человека.

Обрадовался Бежон, сорвал с дерева яблоко и со всей силой запустил им в зятя. Яблоко попало в спину, выскочило из груди. Зять упал и больше не встал. Увидел Рустам, что сын убил мужа сестры, обнажил свой кинжал и направился к Бежону, чтобы отрубить ему голову.

– И очень правильно сделал, туда ему и дорога, – преградив брату путь, сказала Бонуш, – это из-за него наш отец сидел на золе. Спрячь свой кинжал!

Тут Бежон подвел к деду свою невесту-красавицу.

По душе пришлась старому Зола девушка. Приказал он ради такого торжества зарезать сорок баранов, выкатить из погребов сорок чанов вина.

Сорок дней и сорок ночей пировали гости во дворце легендарного Зола-богатыря, соблюдавшего древнейшие традиции своего народа. Много понаехало с ближних и дальних мест почетных гостей. Все радовались радостью старого Зола, поздравляли его с тем, что нашелся внук Бежон, и с тем, что он привел с собой такую красавицу-невесту. Зол почтительно кивал головой в знак благодарности и отвечал:

– За всю эту радость надо благодарить этого человека, – и Зол указывал на сидящего рядом с ним дервиша.

Вскоре, говорят, Зол женил дервиша на своей дочери Бонуш. И стали все жить, не зная ни горя, ни нужды. Каждый получил свое: гости пили, ели; тот, кто должен был жениться – женился; та, которая должна была выйти замуж – вышла; кто должен был радоваться – узнал радость; кто должен был получить по заслугам – получил; а кто должен был узнать эту

историю – узнал.

А что же осталось мне?.. Наверное, открыть свой волшебный золотой сундук и, достав оттуда новую сказку, рассказать вам. Но при одном условии – чтобы вы запомнили и рассказали другим. Ведь сказки живут в веках и кочуют по всему лику земли, и все их любят и слушают!

Три сына старого ошира

Жил, говорят, в одной южной стране в давние времена всеми почитаемый ошир. Какого только добра не было у этого богача! Был у него большой дворец с богатыми кладовыми, глубокими подвалами и множеством слуг. В подвалах хранились кованые сундуки полные золота и серебра. Огромный сад с плодовыми деревьями и всевозможными кустарниками. Диковинные птицы пением и трелями наполняли этот сад! Его дворец украшали пурпурные, благоухающие всеми пряностями мира розы, мраморные бассейны и фонтаны. Да что там говорить, если кому-нибудь случалось побывать во дворце этого богача и полакомиться плодами его сада или просто подышать воздухом в этом саду, то до смерти невозможно было забыть этот счастливый миг. Кто хоть раз в своей жизни побывал во дворце этого ошира, тот постоянно помышлял хотя бы еще раз побывать там.

Была у этого богача и красивая жена, которую он очень любил, да и она его любила безмерно. Как говорится, живи себе и довольствуйся тем, что Богом дано. Но нет, ни богатства, ни сказочный сад, ни красивая жена не радовали глаза и сердце богача. Белый свет был ему не мил – и все из-за того, что не было у него детей.

Богач понимал это и потому был до глубины души встревожен и опечален.

«Я еще молод, но стану же я старым, беспомощным, – постоянно думал он, – чье сердце будет болеть обо мне? Кому останется все мое богатство?».

От таких мыслей день для богача делался ночью, а ночь – могилой.

Иногда, говорят, он помышлял привести в дом вторую жену, дабы иметь ребенка, но совесть и чувства, которые он питал к своей красавице-жене, да к тому же законы его религии не позволяли ему решиться на такой недостойный шаг. Он отгонял от себя дурные мысли и продолжал верить и надеяться, что жена еще родит ему ребенка, ибо знал: вера, надежда, любовь – эти три основы жизни – должны являть себя в своей правде.

Но шли годы, и ничего не менялось в жизни богача. Тогда он решил призвать на помощь знахарей и мудрецов в надежде, что они хоть как-то смогут помочь беде. Как не старались, чего только не советовали знахари и мудрецы, но все это оставалось на словах и никаких результатов не давало. И обратился тогда богач ко всем жителям своего города с такими словами: «Тому человеку, который поможет избавить от бесплодия жену мою и сделать так, чтобы она стала матерью, а я отцом, – тому я дам из моей казны все, что пожелает».

Из уст в уста, из уха в ухо передавались эти слова. И каждый старался помочь бездетному богачу, посоветовать ему все то, что они знали или слышали на этот счет. Двери его ворот не знали покоя – так много было людей желающих помочь, а еще больше было

желающих пройти по благоухающему сказочному саду.

Люди приходили и уходили, а у жены богача все оставалось без изменений. А между тем время неустанно двигалось, проглатывая дни и недели, и тем самым старя всеми почитаемого бездетного богача и его бесплодную жену.

И вот в один из дней обращение богача к людям, тщетно пройдя по городу и его окрестностям, докатилось до другого города, где жили странствующие купцы. И решили купцы помочь непоправимому горю бездетного богача и его жены.

– Наш путь, так или иначе, мимо его города проходит, – сказал один из них, – заедем в город и угостим его жену яблоками, которые росли в садах Эдема. Кто знает, может она и родит... Ведь были же случаи, когда бесплодные вкушали эти плоды и рожали.

Вскоре купцы отправились в дорогу; от восхода и до самого захода они были в пути и наконец добрались до стен города, где жил бездетный богач. Постучались они в один из домов, что находился на окраине города, и стали ждать. На стук вышла хозяйка дома. И когда она открыла ворота, купцы увидели перед собой сгорбленную старушку, которая поначалу испугалась незнакомых людей, но, распознав в них странствующих купцов, успокоилась.

– Добрый вечер! – сказали купцы.

– Вечер добрый! – ответила старушка. – Что вам нужно?

– Гостей принимаешь? – спросил один из купцов.

– К врагам пусть в дом не приходят гости, – ответила хозяйка. – Заходите!

Вошли купцы в дом, расположились кто где мог и не знают с чего начать свой разговор. А хозяйка между тем раздула очаг и выложила на стол все, что у нее было, чтобы накормить гостей.

Когда все было съедено, и хозяйка стала убирать со стола, гости спросили у нее о новостях в городе.

– Слава Богу, все хорошо, все живы, здоровы, – ответила старушка. – Правда, есть одна новость. У местного богача есть все, что глаза человека пожелают, а вот ребенка нет. Жена не рожает. И вот этот богач обратился с просьбой: кто поможет его бесплодной жене стать матерью, а ему отцом, тому – все, что пожелает, из своей казны отдаст. Много разных знахарей и мудрецов приходило с советами, но от этих советов жена богача не стала матерью... Вот какие дела, дети мои, – сказала старушка с горечью.

Купцы переглянулись.

– Ну а ты ходила с советом к богачу? – спросили купцы.

– Нет, не ходила. Что я могу им, несчастным, посоветовать, – ответила старушка. – Я никаких заклинаний не знаю. Если бы знала, то сама не осталась бы на старости лет одна.

Посоветовались купцы и решили отдать яблоки, которые они принесли, доброй старушке с тем, чтобы богач вознаградил ее.

– Мы дадим тебе три яблока из садов Эдема, а ты отнеси эти яблоки и отдай жене богача. Пусть она каждый день по одному яблоку чистит и ест, а кожуру отдаст кобылице. Через девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут у нее родится ребенок, а у кобылицы – жеребенок, – сказали купцы старушке.

В эту ночь до самого рассвета старушка от радости не смогла сомкнуть глаз. А утром чуть свет она проводила своих гостей в путь, пожелав им, как подобает, доброго пути, и заспешила во дворец богача. Постучалась она в кованые ворота и стала ждать.

Удивились гаравоши, кто бы это мог в такую рань стучаться. Открыли ворота и видят: перед ними стоит сторбленная старушка с узелком в руке.

– Мне нужно богача видеть, – говорит старушка и тут же добавляет. – А жена его дома?

Догадались гаравоши в чем тут дело и мигом доложили служанке, а та – своему хозяину.

– Пусть войдет! – приказал ошир.

Провели старушку к богачу. Вошла она. Как посмотрела на расписные ковры и вазы, которые украшали дом хозяина, да так и забыла, зачем пришла. Стоит и молчит, будто лишилась языка.

– Говори, с чем пришла? – спросил богач.

– Мне твое здоровье и благополучие нужно, – вдруг заговорила старуха и развязала узелок. – Я для твоей жены лекарство принесла... Вот возьми эти три яблока и отдай жене. Пусть она каждый день по одному яблоку чистит и ест, а кожуру отдаст кобылице. Через девять месяцев, девять дней, девять часов, девять минут, у нее родится ребенок, а у кобылицы – жеребенок.

Обрадовался богач приходу старушки, усадил ее в золотое кресло, угостил вкусными яствами и спрашивает:

– А есть ли правда в том, что ты говоришь?

– Почтенный человек, плюнь мне в лицо, если вру. Ведь эти яблоки из сада Эдема странствующими купцами привезены и мне дарованы, – сказала старушка.

Поверил богач старушке, взял яблоки, а ей в подол насыпал много золотых монет и сказал:

– Если твои заверения сбудутся, то я дам тебе из моей казны все, что пожелаешь.

Поблагодарили они друг друга, и старушка ушла.

Отдал богач жене все три яблока, разъяснил ей, что она должна делать с ними, и стал молить Всевышнего об исполнении их желания.

Прошло время, и точно в срок у них родился сын.

Ожеребилась и кобылица, которой жена богача отдавала кожуру от яблок.

Обрадовался богач и приказал устроить пир для всего города.

– Режьте баранов, доставайте вина! Приглашайте гостей!

Зовите музыкантов!.. Пусть все приходят разделить со мной радость! – кричал богач с балкона. Вскоре все узнали о радости уважаемого ошира.

Стали люди сходиться. Ни одного человека, даже детей, не осталось в городе, кто бы не пришел. Все приняли участие в этом пиршестве. А за старушкой счастливый отец послал золотую карету.

Семь дней и семь ночей не смолкала музыка во дворце безмерно счастливого богача.

На восьмой день богач пригласил старушку в свою сокровищницу и говорит:

– Все, что пожелаешь, бери... Ты осчастливила меня.

Разбежались глаза у бедной старушки, не верится ей, что она может брать все, что пожелает. Долго стояла она в растерянности, но наконец наполнила свой подол золотыми монетами, отбила поклоны щедрому богачу и ушла. Дорогой ей встретила бедная, многодетная семья. Жалость и сострадание охватили старушку, и она не сдержалась, чтобы не отсыпать часть своих золотых монет со словами: «У дающего бери, просящему – дай!»

Шли дни, недели, месяцы, богач еще крепче полюбил свою красавицу-жену. А спустя три года жена родила ему второго сына. В эти же дни ожеребилась и кобылица. Отметил богач пиршеством и эту свою радость. Все плясали и пели, пили и ели, шутки шутили и всевозможные были и небылицы рассказывали, прошлые времена вспоминали.

Спустя несколько лет жена богача родила третьего сына, ожеребилась и кобылица. Если тогда во дворце богача семь дней и семь ночей не смолкала музыка, то на сей раз, все сорок дней и сорок ночей без усталости играли музыканты. Все радовались и веселились, а больше всех сам богач – счастливый отец уже троих сыновей.

Много лет прошло с того дня, как отпраздновал богач появление в своем доме третьего сына. Состарился, сгорбил за эти годы богач, от его гордой осанки ничего не осталось. Теперь он ходил с палочкой, с трудом переставляя ноги. Он знал, что все на свете не вечно. Но пока глаза его еще видят, а язык говорит, решил старый богач позаботиться о своих сыновьях: построить им большой дом под одной крышей, где для каждого из трех сыновей будут отведены одинаковые покои.

Как решил старый отец, так и сделал. Построили мастера прекрасный дом под одной

крышей и пришли доложить своему хозяину. Осмотрел старый отец построенный дом и велел принести для каждого из сыновей одинаковые ковры и сундуки, и прочими дорогими вещами дом украсить. По душе пришлось богачу все, что сделали мастера.

– Это в дар сыновьям, в память обо мне, – сказал он.

Через несколько дней велел богач для каждого сына сшить по одинаковому наряду, чтобы одна нитка была золотая, а другая серебряная. И еще заказал он сделать три красивые сбруи для коней. А потом повелел богач кузнецам выковать три сабли, чтобы все три были одинаковые, из самой крепкой стали и из золота.

Когда все было готово, богач отправился в новый дом своих сыновей и оставил каждому из них сбрую, саблю и наряды. После этого он облегченно вздохнул и вернулся к себе.

На следующий день богач позвал слуг и сказал им:

– На сей раз я позвал вас, чтобы вы в моем дворе вырыли огромную яму, обложили эту яму горным камнем, а на пол постелили дубовые доски. В эту яму нужно спустить трех скакунов, которых принесла кобылица, съевшая кожуру яблок. Проведите в эту яму желоба, по которым бы могли давать корм и воду скакунам. А потом завалите яму скалой.

– Все будет сделано по твоему приказу, – сказали слуги.

За сорок дней слуги вырыли огромную яму и сделали все как велел хозяин.

Шли годы. И вот в один из дней богач сильно заболел и слег в постель, он чувствовал, что ему больше не встать. И позвал он тогда к себе жену и говорит:

– Я знаю, что скоро умру и все, что есть у меня, останется моим сыновьям. Они уже большие, и я верю, что они тебя в обиду не дадут, да и моему имени не дадут на землю упасть, ведь они сыновья такого уважаемого всеми богача, как я! И вот прошу тебя, дорогая, когда сыновья возмужают, ты покажи им дом, который я выстроил для них, а также место, где спрятаны три скакуна и скажи: «Это подарок вам от отца. А там поступайте, как знаете».

– Я все исполню так, как ты наказываешь, – сказала жена.

Вскоре ошир умер. Много народу пришло попрощаться с умершим. Женщины плакали, причитали, восхваляя покойника. Близким желали здоровья и терпенья. Осталась жена покойного богача вместе с тремя сыновьями в печали, не зная, как ей жить дальше, что делать, как воспитывать детей.

Но в один из дней жена покойного богача говорит сама себе:

– Если в море вода перестанет прибывать, то и море высохнет. А если сидеть ничего не делая, да и слуг кормить, одевать, обувать, то так можно и всю казну разбазарить.

На следующий день жена покойного богача распустила слуг, а сама стала наниматься к другим местным богачам делать всякую работу: то белье стирает, то воды принесет, то двор

или покои подметет. А на деньги, которые ей платили за труд, кормила себя и троих своих сыновей.

У людей глаза есть. Видели все это горожане и стали между собой поговаривать.

– Как только ей не стыдно стирать грязные чужие тряпки, -говорили одни.

– Неужели она нуждается в этом? Ведь от мужа у нее большая казна осталась... Честь покойного мужа позорит, – говорили другие.

– Да чтобы ей, дурочке, золу на голову сыпать, – возмущались третьи, – совсем за детьми перестала смотреть... Целыми днями по улицам бегают... Не было детей – плакала, а родились – ценить не стала... Бедные дети!..

Брань эта осталась с теми, кто ее произносил, а жена покойного богача каждый день ходила на поденную работу и на заработанные гроши себя и детей кормила.

В один из дней жена покойного богача, как и всегда, была на работе, а дети на улице играли в джай с другими детьми. По улице, от источника, с кувшинами на спине, проходили женщины. Увидели они чумаzych и оборванных детей покойного богача и разговорились.

– Бедные дети, совсем без присмотра остались, а матери за стиркой чужих тряпок все некогда, – сказала одна из женщин.

– Разве она нуждается в этом. От мужа большая казна осталась, -сказала другая женщина.

– Какой был человек! Каким почетом и уважением пользовался! -с сожалением сказала третья.

Разговор двоих ветер до третьего донесет. Так случилось и на сей раз. Разговор женщин ветер донес до младшего сына покойного ошира.

«Значит, наша мать от нас все скрывает! – подумал мальчик. -Она честь моего отца о землю бьет!»

И решил он тут же поговорить с матерью. Оставил он игру в джай и, ничего не сказав братьям, отправился на поиски матери и, найдя, так и прикусил палец от стыда и позора: мать желтой глиной мазала стены у одного богача. Предстал мальчик перед матерью и говорит:

– Мама, я есть хочу, пойдем домой!

– Сходи домой и поешь. Я что с собой, что ли еду таскаю, -ответила мать, разводя испачканными глиной руками.

– Нет, я без тебя и шага не ступлю, – сказал мальчик и затопал ногами.

– Ну и не надо, – сердито ответила мать.

Разозлился мальчик на слова матери, набрал камней и стал бросать в стену, которую обмазывала мать. Увидела это хозяйка дома, у которой работала женщина, и стала стыдить мальчика.

– Пусть сейчас же мать идет домой! – заупрямился младший сын покойного богача.

Ничего не оставалось делать матери. Вымыла она руки, и они отправились домой.

Когда они вошли в дом, мальчик снова обратился к матери:

– Я хочу есть. Испеки мне сейчас же чурек. Если не испечешь, то я все, что есть в доме, побросаю на пол.

Удивилась несчастная женщина такому поведению сына, стало ей до слез обидно, но она сдержала себя и покорно растопила тонур. Затем принесла муки, замесила тесто и принялась на доске его раскатывать лаваша. А когда мать стала закладывать лепешки в тонур, сын подошел близко к огню и говорит:

– Скажи правду, что осталось нам от отца в наследство. Если не станешь говорить, то я сожгу в огне свои руки.

Мать стала кричать и осыпать сына проклятиями, то просила Бога, чтобы он вразумил сына, то желала ему, чтобы он исчез в седьмом подземелье, но юноша не слушал ее и еще дальше просовывал руки в огонь, и требовал говорить правду.

– А ну посмотри мне в глаза, – вдруг сказала мать.

Они посмотрели друг другу в глаза: сын со злобой, а мать -с радостью, что сын ее стал взрослым.

– Пусть будет по-твоему, скажу всю правду, – сказала она. – Быстрее убери руки и зови сюда своих братьев. Пусть и они слышат.

Позвал младший сын своих братьев, и мать стала рассказывать:

– От отца вашего осталось вам большое богатство, но он наказывал мне, чтобы я вам ничего не говорила до тех пор, пока вы не подрастаете. Но вижу, вы теперь ни за что от меня не отстанете... Идите за мной... Я покажу вам наследство вашего отца.

Все трое сыновей последовали за матерью. Привела их мать к яме, где вот уже много лет находились трое скакунов.

– Сдвиньте эту скалу, – сказала мать.

Сдвинули братья скалу и увидели спрятанных в яме трех великолепных скакунов: шерсть на них под солнцем лоснилась, да так, что слепила глаза смотрящих.

– Каждому по одному, – сказала мать. – А теперь идемте дальше.

Направились они к дому, который покойный отец построил в наследство своим сыновьям. Идут они – мать впереди, а дети – сзади; идут, спешат братья, друг друга обгоняют: не терпится им скорее узнать, куда их мать ведет.

Наконец провела она их через двойное ограждение, подвела к красивому дому с балконами, построенному из золота и серебра, и, протягивая сыновьям ключи, сказала:

– Под одной крышей будете жить. Такова воля отца была.

– Этот дом нам?! – удивились сыновья. – А мы все эти годы думали, что это чужой дом, как-никак за оградой стоит.

– Это ваш дом, дети мои, – со слезами радости на глазах произнесла мать.

Когда братья, открыв двери, вошли в свои покои, так пальцы и прикусили от увиденного. Таких ковров и ваз им еще не приходилось видеть. У стен стояли кровати, и над каждой, на ковре, висело по золотой сабле и по богатому наряду, сотканному из золотых и серебряных нитей. А в самых дальних комнатах братья увидели сбрую для скакунов и оружие. Здесь же стояли три кованых сундука, в которых хранились золотые монеты и драгоценные камни.

Показала им мать все и говорит:

– Покойный отец, да будет ему земля пухом, а небо – раем, умирая, наказывал мне передать вам все это и сказать: «Это подарок вам от отца. А теперь поступайте как знаете»... Вот так-то, дети мои.

Когда младший сын увидел все это, то не сдержался, чтобы не упрекнуть свою мать.

– Как же ты при таком наследстве могла заниматься поденщиной и мыть чужую грязь? Или ты хотела честь нашего отца позорить?

– Если в море вода перестанет прибывать, то и море высохнет. А если сидеть ничего не делая, да и слуг кормить, одевать, обувать, то можно было бы и всю казну разбазарить, – ответила мать.

Услышав такое объяснение, обняли дети свою мать, к груди прижали и наказали ей не заниматься больше поденщиной.

– Мы уже, как видишь, не маленькие, – сказали они.

– Увидели бы глаза отца вас такими, от радости жил бы он еще долго – всплакнула мать.

Вскоре братья вывели скакунов из ямы, оседлали их, оделись в свои одинаковые, дорогие наряды, привязали к поясным ремням золотые сабли, вскочили на своих резвых коней и выехали за дворцовые ворота.

Едут они по улицам своего города – важные, красивые – один другого красивей! – в

дорогих нарядах, ну просто загляденье! – а под ними как говорится, «не конь, а огонь», так и гарцуют, будто не по земле, а по воздуху несутся, да так, что шелковые гривы ветер развеивает.

– Чьи это юноши? Откуда они, такие красавцы? – спрашивали горожане друг друга.

– Наверное, из какого-нибудь падишахства, – говорили они.

Едут братья, слегка похлестывая своих скакунов, а городские дети то и дело забегают вперед, радуются, видя такое зрелище.

И так объехали сыновья покойного богача все улицы города, а к вечеру, радостные и довольные, вернулись домой. Отвели они своих скакунов на место, переоделись в обычную одежду и пришли к матери. Нужно сказать, что, пока сыновья объезжали город, мать приготовила бараний плов, достала из подвалов многолетние вина и пригласила детей к столу.

Обрадовались братья, увидев приготовленное матерью кушанье. Первый раз после смерти мужа накрыла она богатый стол.

– Ну, дети, садитесь, пока не остыло, – сказала она.

Долго сидели в этот вечер мать и три сына за столом. Они ели вкусный плов, пили ароматные вина, шутили, загадывали друг другу загадки, рассказывали небылицы. А мать смотрела на все это и от радости готова была расплакаться.

На следующий вечер мать снова собрала детей за стол на вкусное кушанье. Как и вчера, братья ели, пили, шутили, вспоминали добром покойного отца, и тут мать сказала:

– Дети мои, вот вам три железных прутика. Кто из вас согнет их все вместе?

Братья удивились затее матери. К чему бы это она?

– Давай я согну, – предложил старший сын. Взял он из рук матери все три железных прутика и стал гнуть. Как не старался, но так и не смог их согнуть. И наконец, убедившись в бессмысленности своих стараний, передал прутья среднему брату, но тот тоже не смог согнуть.

– Попробуй-ка ты, – сказал средний брат младшему.

Взял младший брат прутья и тоже стал гнуть. Долго напрягал он свои силы, и все же слегка согнул.

– Еще, еще, – радостно просила мать.

– Больше не могу, – признался младший сын и бросил прутья на пол.

Сыновья посмотрели на мать и стали просить ее сказать причину этой затеи.

– А теперь возьмите по одному пруту и попробуйте согнуть, – не отвечая на просьбы сыновей, сказала она.

Взяли братья по одному прутику и с легкостью согнули.

Догадались дети, к чему задала им мать эту загадку, и пообещали ей, что все трое братьев всегда будут вместе.

– Будете вместе дружны, вас никто не сможет одолеть, как и вы не смогли согнуть три вместе соединенных прута, – пояснила мать и добавила: – Где дружба в цене, там всегда победа.

В этот вечер братья принесли в свой новый дом сшитый из коровьей шкуры бурдюк, наполнили его коровьей кровью и молоком, повесили под потолком в коридоре и договорились между собой: если одному из братьев придется отлучиться из дома и его где-то постигнет беда, то из бурдюка будет капать кровь. Если же все будет хорошо, то из бурдюка будет капать молоко. Но если из бурдюка начнет течь кровь, то каждый из братьев должен немедленно спешить на выручку попавшему в беду.

Шли дни, недели, месяцы. Братья жили в дружбе и согласии, да и хозяйство, оставшееся им в наследство от отца, вели умело и прибыльно, чем приумножили добрую молву о себе по всему городу и честь покойного отца не предавали забвению.

Все было бы хорошо. Но однажды старший брат решил отправиться в странствие, посмотреть как живут люди в других краях. Надел он свой дорогой наряд, оседлал своего скакуна, привязал к поясному ремню золотую саблю и, попрощавшись с матерью и братьями, усакал, сказав, что через неделю будет дома.

Прошла неделя, а старший брат не возвращается. Прошла еще неделя, и вдруг братья видят: из бурдюка капает кровь.

– С нашим братом что-то случилось, – встревожился средний брат. – Я поеду к нему, узнаю в чем дело.

Оделся средний брат в свой дорогой наряд, оседлал своего скакуна, привязал к поясному ремню свою золотую саблю, попрощался с грустившей матерью, а младшему брату сказал:

– Поглядывай на бурдюк!

Прошла неделя с того дня, как уехал средний брат, а мать и младший сын все поглядывают на бурдюк. А из бурдюка по-прежнему кровь капает: значит, средний брат еще в пути или не может отыскать старшего брата. К концу второй недели младший брат увидел, что из бурдюка кровь уже не капает, а течет.

– Мои братья в беде! – воскликнул младший брат. – Я должен спешить на помощь.

Оделся младший брат в свой дорогой наряд, опоясался своим золотым поясом, повесил к поясу золотую саблю, вскочил на своего огненного скакуна и, обращаясь к матери, сказал:

– Живыми или мертвыми привезу братьев домой.

Расплакалась мать, прощаясь с младшим сыном, и дала ему в дорогу амулет.

– Возьми с собой этот амулет. Он сохранит тебя... Ну а теперь поезжай. Да поможет тебе Бог! – сказала она.

Хлестнул младший брат своего скакуна, и конь мигом рванул с места, да так, что пыль столбом поднялась.

Долго скакал юноша и наконец доскакал до развилки дорог. Остановился он и думает: «По какой же дороге поехали мои братья?»

Почуял конь, что его хозяин скачет на выручку братьев, а значит, и коней, на которых они усаkali, и помчался в сторону восхода солнца.

Три дня и три ночи не сходил юноша со своего скакуна. Днем дорогу ему освещало солнце, а ночью, как факелы, горели глаза коня. На четвертый день к полудню доскакал юноша до одной зеленой равнины, в конце которой виднелись пышные сады. А за садами возвышались зубцы крепости и башни городских стен, вздымавшиеся к небу. На пути к этой крепости стали попадаться люди, одетые в траурные одеяния. Даже дети, погонявшие ослов, и те были одеты в черное.

– Что бы это все значило? – встревожился всадник и скорее погнал коня к крепости. – Будь что будет! – решил он.

Когда юноша подъехал к воротам, ему встретилась пожилая женщина с кувшином на плечах. Она была одета, как и другие встречные, в траурное одеяние.

– Почтенная, прости меня, – обратился юноша к ней. – Почему все люди, которые мне встречались вблизи этой крепости, ходят в трауре?

Подняла женщина на всадника глаза, опустила наземь кувшин и сказала:

– О, сынок, и не спрашивай. У нашего падишаха есть одна-единственная дочь, которую он очень любит. И вот уже скоро год как она заболела, и никто ее не может излечить. Какие только траты не делал отец – все напрасно. Дочь с каждым днем сохнет и сохнет. Лекари говорят, что если ее не напоить молоком серны, то она умрет.

– Почему же не дадут ей молока серны? – удивился юноша.

– О, добрый юноша, не так-то легко достать это молоко, – ответила женщина, – говорят, что в каком-то падишахстве живет один пастух и у него в стаде есть единственная серна, молоко которой и может излечить дочь падишаха.

– Почему же не послать кого-нибудь к этому пастуху? – спросил юноша.

– О, это не так просто. На пути к падишахству есть горы, а в горах обитают три злых аждага. Много юношей отправлялось туда, и ни один не вернулся. Как говорится: туда пошли – назад не пришли.

Не стал юноша больше ни о чем расспрашивать, хлестнул он коня своего и мигом очутился в городе-крепости, где жил отец больной девушки. Едет он по городу – не город, а сказочный рай. Дворцы и каменные дома, сады и цветники, бассейны и фонтаны – все поражало взор приехавшего сюда впервые. Вскоре юноша подъехал к падишахскому дворцу, постучал в расписные ворота. На стук ответил привратник.

– Доложи падишаху, что его хочет видеть странник, – сказал младший сын покойного богача.

Обрадовался падишах, услышав слова привратника. «Наверное, молоко серны привезли!» – подумал он и бегом помчался к воротам. Открыл ворота и видит: перед ним на коне сидит юноша необыкновенной красоты. Если у человека два глаза, то еще нужно два, чтобы смотреть на него! Одежда на нем золотом блестит! А конь под ним будто на иголках, то и дело цокает копытами, гарцует!

– С чем приехал, юноша? – спросил падишах и первым приветствовал его поклоном.

Соскочил младший сын ошира с коня и, ответив на приветствие поклоном, сказал:

– Приехал помочь твоему горю.

Провел падишах доброго юношу в свои расписные, богатые покои. Приказал слугам накрыть в честь гостя стол.

– Почтенный падишах, благодарю за гостеприимство, но я не прикоснусь к угощениям, пока не помогу твоему горю... Ты лучше расскажи, куда мне скакать, чтобы достать для твоей дочери молоко серны?

Вздыхнул падишах и говорит:

– Что же тебе, дорогой, рассказать?.. Много добрых и смелых юношей обещали помочь моему горю. Вот уже скоро год, а обещания тех джигитов не исполняются.

Жалко стало юноше несчастного отца больной девушки, и он сказал:

– Почтеннейший падишах, да продлятся дни твои в добре и радости, я поскачу туда, несмотря ни на какие трудности, и достану для твоей дочери молоко серны.

Посмотрел падишах в глаза юноше, жалко стало ему посылать его на явную погибель, и он сказал:

– Если бы можно было достать молоко серны, то хотя бы один из сорока юношей, которые отправились за этим самым молоком, вернулись бы... Ты лучше возвращайся домой.

– Нет, ты должен рассказать мне куда ехать, – настаивал юноша.

Ничего не оставалось делать падишаху. И он рассказал о том, что неподалеку от крепости Чиме-Чина высятся неприступные горы, в этих горах живут три аждага. У первой

горы – одноголовый аждага, у второй – двухголовый, а у третьей – трехголовый. Если пройти за четвертую гору, то там живет пастух, а у этого пастуха, говорят, в стаде есть одна серна. Молоко этой серны и нужно моей дочери. Если моя дочь выпьет это молоко, то будет жить, – а если нет, то умрет.

Ничего больше не сказал юноша падишаху. Пожал ему крепко руку, отбил поклон и, вскочив на своего скакуна, выехал за ворота.

– Худо хармах ту! – сказал вслед падишах.

У храбрецов нет слов, у них – дела.

Много аулов и городов проскакал юноша. Семь дней и семь ночей находился он в пути. Семь рек и семь лесов прошел, на семи дорогах побывал и, наконец, достиг огромной пустыни, где ни одной травинки не росло. Там, где кончалась пустыня, начинались горы. Вот туда-то и направил юноша своего коня. Скачет конь по раскаленной пустыне и от боли ржет: больно ему ступать – копыта плаваются. Да и всаднику не легко. Сверху солнце голову печет, да так сильно, что голова кругом идет, а снизу раскаленный песок жаром дышит.

Кто храбр – любые трудности преодолеет.

Три дня и три ночи скакал юноша по пустыне, а на четвертый день вдруг поднялся сильный ветер, такой сильный, что глаза не видят, рот не дышит, уши гложут, впору лечь и умереть. Но как бы то ни было подъехал юноша к подножию горы и видит: сидит на вершине одноголовый аждага, а изо рта у него клубами вихри несутся, да так сильно, что камни с горы катятся, а коня, как соломинку, сносит назад.

Хлестнул юноша своего скакуна три раза. Хлестнул он первый раз – искры посыпались, а конь оторвался от земли. Хлестнул второй раз – огонь высек, а конь в небеса поднялся, выше той горы, на которой сидел одноголовый аждага. Хлестнул он коня в третий раз, да так сильно, что все небо запылало, а конь камнем стал падать вниз к тому самому месту, где сидел и исторгал вихри одноголовый аждага.

Когда же конь приблизился к аждага, юноша обнажил свою золотую саблю и ослепил злодею глаза. Закрыв аждага глазищи своими ручищами, а юноша не растерялся и с размаху отсек ему голову. Покатилась голова чудовища вниз по одну сторону горы, а юноша поскакал вниз по другую сторону. Спустился он к подножию горы, а тут непролазное топь-болото начинается. Хотел было юноша пустить коня своего через болото, но не решился – болото вмиг могло засосать и коня его, и самого юношу.

Как быть? Как проехать это топь-болото?

Перед каждым новым делом отдых нужен, чтобы снова за дело браться. Решил отдохнуть и юноша. Стал он коня загонять в расщелину горы – ведь дело близилось к ночи, да и небо уже звезды свои поразвесило, – а конь сопротивляется, не хочет в расщелину лезть: ржет, копытами стучит. Рассердился юноша на коня своего и, взяв его под уздцы, стал силой тянуть к расщелине. Но не тут-то было. Упрямится конь и еще сильнее ржет да копытами стучит. Чувал верный конь, что в расщелине находится душа убитого аждага, превратившаяся в огромную трехголовую змею. В любую минуту могла эта змея ужалить их и отомстить за то,

что убили одноглавого аждага. Но юноша, ничего не подозревая, продолжал все настойчивее загонять своего скакуна в расщелину. Но все его усилия были напрасны: конь ни в какую не подчинялся воле хозяина, назад пятился да удила грыз.

Наконец устал юноша возиться со своим скакуном. Оставил он его, а сам вошел в расщелину скалы и лег спать. Верно говорится: чем усталость сильнее, тем и сон крепче. Так случилось и с младшим сыном покойного богача. Едва успел он прилечь на камень, как тут же уснул крепким богатырским сном. Только конь его остался верен своему чутью. Встал он у входа в расщелину и глаз не отводит от спящего хозяина. Чуюл конь, что в любую минуту могла коварная трехголовая змея ужалить джигита смертельным ядом. Оно так бы и случилось, если бы не чутье коня. Вдруг слышит конь в глубине расщелины какой-то шорох. Это ползла огромная трехголовая змея. Вот уже расстояние в три тела змеи их разделяет, а юноша все спит и опасности не чувствует. А змея уже совсем приблизилась, жало свое обнажила, вот-вот ужалит.

Как увидел это конь, заржал в четверть силы, копытами по скале ударил, да так сильно, что кусок от скалы отлетел, а юноша спит и ничего не слышит. Заржал тогда конь вполсилы и сильнее ударил по скале – глухой и тот бы проснулся, а юноша только с боку на бок перевернулся – и все тут. А змея уже у самого лица юноши жалом водит. Заржал тогда конь во всю свою мощь, ударил копытом по скале, искры высек. Упали искры на спящего юношу, а он только почесался. Заржал тогда конь в четвертый раз, да так сильно, что мертвый и тот бы вскочил. Но как же быть живому? Открыл юноша глаза и видит прямо перед собой трехголовую змею, которая ужалить его хочет. Не стал юноша мешкать, тут же вскочил на ноги и обнажил свою золотую саблю. Как увидела коварная змея ослепительный блеск сабли, тут же от боли в глазах отвернулась и стала убежать. Но не тут-то было: догнал юноша злодейку, отсек ей сразу все три головы, распорол змее живот, а оттуда – о чудо! – выехали на своих скакунах оба его брата. Обрадовался младший сын покойного богача, увидев своих братьев и их скакунов живыми и невредимыми, бросился их обнимать. А верный конь его, узнав своих братьев-коней, заплясал от радости.

– Как же эта змея вас живыми проглотить сумела? – спросил, наконец, младший брат.

– Она сначала ужалила нас и усыпила, а как проглотила, мы и не знаем, – ответили братья.

– Здесь какая-то древняя тайна, – сказал младший брат и продолжил: – Ну ладно, радости радостями, а начатое дело до конца доводить надо. Ждите меня здесь, отдохните, сил набирайтесь. Если же я попаду в беду, не мешкая, спешите мне на помощь.

Сел младший брат на своего верного скакуна и поскакал через болото ко второй горе, где жил двухголовый аждага. Долго ли скакал юноша, нет ли, вяз ли конь его в топь-болоте или поверху неся, но наконец доскакал он до подножия второй горы. И вдруг – надо же такому случиться – почуюл двухголовый аждага, что к горе человек приближается, и стал грязью плевать. Плюнул один раз куском грязи – юноше в лицо угодил и глаза залепил. Плюнул во второй раз – коню ноги залепил. Плюнул в третий раз – по самое брюхо конь увяз, да так, что с места сдвинуться не может.

Понял юноша, что медлить нельзя. Каждая минута может смертью стать. Хлестнул он три раза коня своего. В первый раз хлестнул – искры посыпались, а конь оторвался от земли.

Во второй раз хлестнул – огонь высек, а конь в небеса, выше той горы, на которой сидел двухголовый аждага, взвился. Хлестнул юноша в третий раз – все небо запылало, а конь камнем начал падать вниз к тому самому месту, где сидел и плевался грязью двухголовый аждага. Когда конь приблизился к чудовищу, юноша обнажил свою золотую саблю и ослепил ему глаза. Глазам аждага больно стало, прикрыл он тогда их ручищами, а юноша немедленно отсек ему сначала одну голову, а затем и вторую. Скатились головы вниз в одну сторону горы, а юноша, даже не отдохнув, поскакал к третьей горе, где жил самый страшный злодей – трехголовый аждага. На пути к этой горе лежала до травинки выжженная долина. Земля на ней дымилась и дымом своим выедала глаза и коню, и всаднику, душила горло.

Долго ли скакал юноша через сожженную местность или недолго, но, наконец, конь довез своего хозяина к подножию третьей горы. Увидел трехголовый аждага, что к его горе подъехал человек, и стал испускать из ноздрей мощное пламя. Испустил первый раз -на склоне горы лес загорелся: не пройти, не проехать. Испустил второй раз – скалы стали плавиться и клокотать.

Не стал юноша ждать, пока злодей испустит огонь третий раз. Хлестнул он своего коня – искры высек, а конь оторвался от земли. Хлестнул во второй раз – огонь высек, а конь в небеса, выше той горы, на которой сидел трехголовый аждага, взвился. Хлестнул юноша коня своего в третий раз – все небо огнем запылало, а конь камнем стал падать вниз к тому самому месту, где сидел и испускал пламя трехголовый аждага.

Как увидел трехголовый аждага прямо на него летящего огненного коня с всадником на спине, дыхнул он огнем сразу из трех пастей и опалил смелого скакуна. Почуяли кони старших братьев запах горящего конского волоса и стали ржать, грызть удила, копытами стучать. Догадались старшие братья, что их младшего брата постигла беда.

– Младший брат в беде. Надо торопиться, – сказал средний брат старшему.

Вскочили они на своих верных скакунов, и кони мигом доставили их к нужному месту.

Сабля в руках одного – это полпобеды, а сабли в руках троих -это полная победа.

Так случилось и с братьями. Вовремя подоспели они на помощь младшему брату. Не успел трехголовый аждага снова опалить огнем младшего брата, как не то с неба, не то из-под земли на все три его головы обрушились удары. Младший брат своей золотой саблей отсек противнику одну голову. Из горла аждага хлынула кровь и стала заливать и тушить охваченный огнем лес. Ударил средний брат – отсек злодею вторую голову. И полилась кровь на расплавленные скалы. Ударил старший брат своей золотой саблей и отсек аждага его последнюю, третью голову. Хлынула из горла кровь, обрызгала опаленного скакуна младшего брата, и волосы на теле коня перестали гореть.

После каждого труда отдых нужен, чтобы силы восстановить и за новое дело взяться. Так поступили и братья. Отпустили они своих коней погулять, порезвиться друг с другом, да и сами присели отдохнуть. Поговорили о разном, поведали о своих приключениях, вспомнили старушку-мать и ее наставления: «Будете дружны, вас никто не сможет одолеть, как и вы не смогли согнуть три вместе сложенных прута».

– И вправду, поодиночке мы бы не одолели трехголового чудовища, – сказал старший

брат.

А средний добавил:

– Где дружба в цене, там всегда победа.

– Вот так мы и должны поступать всегда, – сказал младший брат и вдруг воскликнул: – Смотрите! Смотрите!

Посмотрели братья туда, куда показывал младший брат, и удивились. Там, где только что была выжженная долина, вдруг вырос город с каменными дворцами и домами, с нарядно одетыми людьми и всякой живностью, с пышными садами и пестрыми цветниками.

Удивились братья такому чуду и даже слегка испугались.

«Здесь какая-то древняя тайна», – думал каждый из них, но ничего не знал, не ведал о том, что некогда здесь до появления на вершине горы трехголового аждага было древнее поселение, где люди жили по праведным законам древности. Но когда в горах этих поселился злодей и стал испускать на этот мирный город огненное пламя, постепенно весь город сгорел дотла и покрылся пеплом. А когда братья убили трехголового аждага, из его горла хлынула кровь и залила выжженную долину. Город опять ожил и принял прежний вид. Но братья ничего об этом не знали, не ведали и не попытались узнать, так как очень спешили раздобыть молоко серны, чтобы спасти больную дочь падишаха той страны, которая им встретилась на пути.

Сели они на своих коней и поскакали туда, где за четвертой горой жил тот самый пастух, в стаде которого была та самая серна.

Долго ли они скакали или нет, но сказывали сказители, что семь раз солнце прогнало с лица неба Луну, и семь раз она вновь появлялась. Но как бы то не было, наконец, они подъехали к одному полю и видят как на этом поле пасутся сорок коров, четыре быка, а среди них и одна серна. А рядом на холме сидит пастух и на дудочке играет. Так искусно играет, что самым певчим соловьям впору поучиться его мастерским руладам.

Подъехали братья к пастуху, спешили с коней своих, отбили ему низкие поклоны. Пастух как увидел живых людей, так обрадовался, что даже стал приплясывать под звуки своей дудочки: как-никак семь лет не ступала здесь нога чужестранца, и все из-за злых аждага, которые жили в горах и преграждали сюда дорогу.

– Каким чудом сумели вы пройти через горы?! – спросил пастух удивленно, хотя и сам догадался, что таким джигитам и злые аждага не угроза. Но как бы то не было попросил он братьев ответить на свой вопрос.

И рассказали сыновья ошира, как они вступили в схватку с чудовищами и убили всех троих. Затем они поведали, зачем прибыли сюда, и стали ждать ответа.

Выслушал их пастух и говорит:

– Я дам вам молоко серны, но с одним условием, – предупредил он и рассказал

братьям о том, что у него было три дочери. Одну дочь, которой только исполнилось семнадцать лет, Чиме-Чин падишах насильно похитил и увел в свою страну и отдал в жены своему непутевому сыну. Недолго ей, бедняжке, пришлось быть в неволе. Изжил ее со свету сын Чиме-Чин падишаха, и она теперь покоится в земле. А недавно, я слышал, задумал он жениться на средней моей дочери. Но я не хочу этого и потому предлагаю своих дочерей вам в жены. Женитесь на них – получите молоко серны. Откажетесь -не видать вам этого молока.

– Отец, а где же ваши дочери-красавицы? – спросили юноши.

Пастух вместо ответа заиграл на своей дудочке, и на звуки этой свирели, словно белые лебеди, плавно и легко ступая, из хижины вышли две девушки и подошли к тому месту, где стояли три сына покойного богача.

Если у человека два глаза, то нужно еще два, чтобы смотреть на них. У каждой из этих девушек-красавиц по семь кос спускались до самой земли, а большие и темные глаза их были такие, что смотрит в них человек и чувствует, как душа его, словно воск на солнце, плавится, и ничего с этим человек не властен сделать.

И вправду! – ни одной девушке мира не сравниться с ними, ни красотой, ни стройностью стана, ни походкой.

Как увидели старший и средний братья этих красавиц, тут же влюбились и, казалось, ради этой любви могли совершить любые подвиги, а если надо и умереть. Слава Богу, умирать не понадобилось: как увидели красавицы сыновей ошира – красивых и статных, -тут же их полюбили и уже не могли разлюбить.

Посмотрел младший брат на своих старших братьев и сразу понял, что сердца их слились с сердцами этих красавиц и ничем их теперь не разнять.

– Ладно, беру ваших дочерей в жены двум моим братьям, – сказал младший сын покойного богача.

Обрадовался пастух, что Бог послал его дочерям достойных женихов, и поспешил расспросить добрых молодцев, кто они, где живут и как долог путь к ним.

– А вдруг вздумается мне в гости к вам приехать, – полушутя, полусерьезно сказал пастух.

Рассказали братья все как есть, о матери-старушке поведали, а пастуха заверили в том, что дочерям его будет хорошо у них, что ему не следует беспокоиться, и пригласили его самого в гости.

Наконец, когда все разговоры иссякли, младший брат напомнил, что пора возвращаться, так как больная дочь падишаха может, не дождавшись молока серны, умереть.

Вскоре пастух поймал в стаде серну, надоил в глиняный сосуд молока и передал младшему из братьев. А утром, едва забрезжил рассвет, старшие братья посадили на скакунов невест своих, младший брат положил в хурджун глиняный сосуд с молоком серны, вскочил на своего коня, и все, попрощавшись с добрым пастухом, тронулись в обратный путь.

Сорок дней и ночей были они в пути, в трех городах останавливались, любопытству предавались. Первый город, в котором они остановились, был тот самый, который ожил после того как братья вместе убили трехголового аждага, жившего на вершине горы.

Стали братья расспрашивать горожан первого города, каким чудом здесь, на этой сожженной долине, появился прекрасный город.

– Дети мои, историю нашего города тремя словами не расскажешь, – сказал братьям один старец. – Если это вам интересно, то оставайтесь ночевать, и я расскажу все как есть.

Согласились братья на ночлег, и старец пригласил их к себе в дом.

– Город наш очень древний, – начал старец свой рассказ. – Был он построен в давние времена, когда люди не знали, кого слушать и кому верить. Когда каждый делал все, что ему вздумается. Ну, скажем, вздумалось кому-то бить поклоны скале – и он бил. Или захотелось другому посмотреть, в каких хоромах и дворцах живут под землей мыши, – он всю жизнь рыл землю. Но так как у мышей нет подземных дворцов и хором, то и весь труд был глупым и напрасным. И вот в те глупые времена, один человек решил построить здесь, на этом месте, дворец. Сказано – сделано. Собрал он сорок человек и стал им приказывать.

«Принесите кусок скалы и положите сюда», – говорил этот человек.

И сорок мастеровых приносили и клали куски скалы друг на друга. Затем человек приказал на положенные друг на друга куски скалы положить еще и еще. Так был построен наш город, а человек стал хозяином города. Правда, город не сразу стал таким большим и красивым. Каждый новый правитель что-нибудь да строил... Короче говоря, все делалось так, как и должно было делаться. Умирили одни правители, их сменяли другие. Умирили люди, им на смену рождались новые. И так сотни лет. Но однажды, когда на смену умершему правителю пришел наш правитель, на город обрушилась беда. А причиной послужило то, что жена нашего правителя была бесплодна. Решил он тогда жениться во второй раз. Выискал себе девушку, назначил день свадьбы, а первую жену выгнал. Разгневалась первая жена и решила отомстить. А между тем наш правитель отпраздновал свадьбу с новой женой и на том успокоился. Шли дни, но и на этот раз у правителя не родилось ни одного ребеночка. А ему ой как хотелось иметь хоть одного наследника. Известное дело – не всегда все, что нам хочется, может исполниться. Выгнал он и вторую жену, а вместо нее привел во дворец третью. И вторая жена затаила на него лютую злобу. Но годы шли, а покои правителя так и не оглашались детским криком. Выгнал он и третью жену и женился в четвертый раз. Решила и третья жена отомстить бывшему супругу. Мсть мстью, а у нашего правителя так и не было детей. И на этот раз выгнал он жену свою и взял новую. Семь раз он женился и семь раз выгонял своих жен. Но восьмая жена, прежде чем дать свое согласие, пригласила в свидетели трехголового аждага и сказала будущему своему мужу:

«Я согласна стать твоей женой, но с одним условием. Будет у нас ребенок – хорошо, но если не будет, то обещаю, что не выгонишь меня».

«Пусть сгорит и пеплом покроется мой город, если я когда-нибудь выгоню тебя», – поклялся правитель и приказал играть свадьбу.

Семь дней и ночей без устали играли музыканты, веселя подвыпивших гостей. Но всему приходит конец; на восьмой день гости разошлись, оставив виновников торжества наедине с тем, чтобы они доверились друг другу и достигли желаемого. Семь лет они доверялись друг другу, но наследника у них не было. Ни богатство его казны, ни божий свет, ни жена-красавица – ничто не радовало глаза и душу старого правителя. Все больше и больше терзала его неутолимая жажда иметь наследника, который бы занял наконец-то родовой престол и приумножил его богатства. Но не всегда человеческие желания достигают своей цели – на все воля Господня. Решил правитель испытать свое счастье в последний, девятый раз. Выгнал он восьмую жену из дворца и хотел было жениться еще раз. Но в это самое время на город обрушился огонь. Семь дней и ночей горел наш город и, наконец, весь сгорел и пеплом покрылся.

А дело было вот как. Слышал трехголовый аждага, как правитель поклялся восьмой жене: «Пусть сгорит и пеплом покроется мой город, если я когда-нибудь выгоню тебя». Со дня этой клятвы прошло семь лет, и вот все эти семь лет трехголовый аждага с нетерпением ждал, пока правитель выгонит и восьмую жену, а он, аждага, даст волю своим злодеяниям. Как узнал злодей, что правитель выгнал и восьмую жену, обрадовался безмерно и стал на город наш испускать вихри огня то из ноздрей, то из пасти трех своих голов. До тех пор испускал, пока не сгорел весь город и его жители. Семь лет назад наш город и все его жители были превращены в уголь и пепел. Но на восьмой год на сожженный город хлынула кровь из горла убитого трехголового аждага, и город и все его жители – о чудо Небес! – снова ожили, и все стало так, как было раньше. Говорят, что этого аждага кто-то убил. Кто именно, мы не знаем, но теперь каждый день возносим во здравие нашего спасителя добрые молитвы, – сказал в конце своего рассказа старец и воскликнул: – Жить вечно нашему спасителю!

Все присутствующие в доме старца люди разом упали на колени, коснулись лбом земли, затем привстали и, воздев к небу руки, вместе обратились с молитвами на устах к Богу.

Поняли братья в чем тут дело, но о том, что этот трехголовый аждага был убит ими, так и не сказали.

– А жив ли тот правитель? – спросил старца младший брат.

Горожане предложили братьям пройти во дворец правителя. Вошли братья во дворец и видят: на правительственной ложе полулежит какой-то тощий человек. Если он сегодня жив, то в завтрашний день может не войти – настолько он был безразличен ко всему происходящему вокруг и даже к тому, что город каким-то чудом ожил. Всякий, кто видел правителя таким, не мог не посочувствовать ему, не пожалеть его. А у некоторых людей вид правителя вызывал и слезы сострадания, и они плакали и причитали, будто он уже лежал на смертном одре. Жалкий вид правителя и у братьев – гостей города – вызвал сострадание, а заодно и желание хоть как-то облегчить его горестную участь. Они подошли к нему, отбив поклоны, поцеловали край его халата и остались стоять рядом, не зная, с чего начать разговор. Но правитель как полулежал на ложе, так и остался полулежать, будто не его приветствуют и не к нему пришли во дворец.

– Почтенный человек и правитель города, мы с добром пришли к тебе. Посмотри на нас и доверься, – сказал тогда младший брат.

Правитель нехотя повернул голову и холодно проговорил:

– Теперь мне никакое добро не нужно. Я жду спасителя моего города. На днях я видел сон, будто ко мне приехал он, отбил поклоны и предложил облегчить мое тяжкое горе. Я хотел оставить ему свое наследство, но тут я проснулся, и теперь вот я дожидаюсь прихода моего спасителя. Не знаю, есть ли правда в моем сне или нет, но я продолжаю ждать и верить, что он придет. – Тут правитель с любопытством посмотрел на трех добрых юношей и вдруг спросил: – Не вы ли убили этого проклятого трехголового аждага и спасли мой город и его горожан?

Братья посмотрели друг на друга, не зная, признаться или промолчать. Известное дело: герои не любят хвалиться. Пусть их другие хвалят. Но младший брат все же сказал:

– Это наш старший брат убил трехголового злодея.

– А чем можете доказать? – спросили присутствующие жители города.

Обнажили братья свои золотые сабли, блеск этих сабель ослепил всем глаза и заставил поверить в правоту их заслуживающего похвалы подвига.

– Ладно, спрячьте свои сабли, – сказал правитель. – У меня есть одна редкая птица, она все знает. – Правитель наконец-то встал со своего ложа, прошел в соседние покои и принес птицу. – На кого она сядет, тот и убил аждага, – сказал он и выпустил птицу.

Полетела птица, и села всем троим братьям на головы: сначала на голову старшего брата, потом – среднего, а затем и младшего.

– Значит, вы все вместе убили этого злодея? – спросил правитель.

– Да! – поспешили подтвердить присутствующие здесь две дочери пастуха и добавили, что одна из них – невеста старшего брата, другая – среднего.

Ничего не оставалось делать братьям, и они рассказали все как было. Рассказали о том, как их старушка-мать задала им троим загадку с тремя железными прутьями... Все как есть рассказали и стали ждать, что же будет дальше.

– Да, верные слова: где дружба в цене, там всегда победа, – молвили присутствующие здесь старцы.

Наконец и правитель сказал свое слово.

– Скоро я умру, – обратился он к трем юношам, – и потому доверяю одному из вас быть правителем. Также завещаю и свое богатство.

Сначала братьям не хотелось расставаться друг с другом, но потом младший брат сказал старшему:

– Оставайся! Живи здесь со своей красавицей. Если что случится, мы тут же прискачем.

– Ладно, брат, – отвечал старший. – Буду правителем, достойным доверия жителей этого города.

В честь такого события три дня и три ночи в городе шел пир, а на четвертый день два других брата, а вместе с ними и красавица-невеста среднего брата сели на своих коней и тронулись в путь туда, где их с нетерпением дожидался отец больной девушки.

Долго ли они находились в пути или нет, мне неизвестно, да и это уже не столь важно, но когда братья переехали гору, то увидели: на том месте, где они некогда проезжали и где было непролазное топь-болото, теперь раскинулся огромный сказочный город, окруженный садами и виноградниками. Удивились братья такому чуду и решили узнать тайну преобразования.

Подъехали они к городским воротам и видят: над воротами нарисован тот самый двухголовый аждага, которого на пути к пастуху убил младший брат, а сверху над изображением высечено название города -Хофтэгиз, что значит – Семь близнецов. Въехали они в город – и ахнули! Никогда еще они не видели такого красивого города со сказочными дворцами и каменными домами, с расписными нишами и мраморными порталами, а во дворах – огромные бассейны с фонтанами. А на стенах везде и всюду нарисованы шесть девушек-красавиц, и все они как две капли воды похожи друг на друга.

Братьям очень понравился город. Понравился этот город и невесте среднего брата.

Посоветовались они и решили провести в этом сказочном городе несколько дней, чтобы осмотреть его как можно лучше. Расположились в караван-сарай, накормили своих коней, сами поели, насладились прохладой бассейна и журчанием фонтанов, а к вечеру пошли к самому древнему жителю этого города.

– От него наверняка мы узнаем историю города, – сказал младший брат.

Предстали они перед старцем, отбили поклоны и попросили его поведать им историю этого сказочного города.

– Это долгая история, – сказал самый древний житель. – Хватит ли у вас терпения и мужества выслушать ее до конца?

– Хватит! – ответили гости.

– Ну, тогда садитесь поудобнее и слушайте, – сказал самый древний житель города и начал рассказывать: – В какой-то далекой стране в те времена, когда рождение девочки считалось величайшим позором, жена одного правителя родила семерых дочерей. Правитель разгневался на жену и убил ее, а младенцев отвез в безлюдную пустыню и бросил. О, бедные детки, как они жалобно плакали, призывали хоть кого-нибудь на помощь. Так жалобно и громко, что Бог услышал их плач и стал кормить их то молоком, то кашкой. И так с Божьей помощью и молитвами природы семь сестер-близнецов и выжили. Но однажды, когда сестрам исполнилось семь лет, пошли они к озеру, что по ту сторону горы находится, и стали из этого озера воду пить. Едва они наклонились над гладью воды, как тут же увидели свое отражение. Увидели – и диву дались! Все семь сестер, как две капли воды, похожи друг на друга, да и красотой никакая девушка не могла бы сравниться с ними. Днем своей красотой

они смущали солнце, а ночью – луну. Да что и говорить, всякий, кто хоть раз видел красавиц, не мог бы их позабыть.

Дни шли за днями, год за годом, а семь сестер-близнецов жили в безлюдной пустыне, не зная, что кроме них, где-то еще есть люди, которые общаются друг с другом, путешествуют из одной страны в другую, ведут торговые и другие сделки.

Но так как у сестер-близнецов не было встреч с другими людьми, и они не слышали человеческую речь, то общаясь между собой, стали свои мысли выражать рисунками. Надо было им сказать, что они похожи друг на друга, то каждая рисовала облик какой-нибудь сестры на камне и руками объясняла, что она похожа на остальных сестер. Но однажды одна из сестер нарисовала нечто похожее на сказочный дом и показала другим, а затем все вместе стали, глядя на этот рисунок, строить из разноцветных камней дом, а построив, стали все вместе в нем жить... Так было положено начало нашему городу.

Шли годы, и с годами сестры росли. Они уже умели говорить изображениями так, что даже самый искусный живописец, увидев эти рисунки, мог бы позавидовать не только мастерству, но и той убедительности, понимания вложенного в них смысла общения.

Но в один из дней случилось так: мимо этих мест проезжали верхом на верблюдах какие-то люди, которые стали для нас, горожан, теперь уже далекими предками. Увидели люди каменный, расписной дом и решили никуда больше не ехать, а поселиться здесь, на этом месте. Вошли они в дом и замерли, увидев перед собой семь девушек-красавиц, как две капли воды похожих друг на друга. Стали их расспрашивать, кто они, когда и каким образом оказались здесь. А сестры испугались, молчат и не понимают, что от них хотят эти незнакомцы.

Наконец, девушки осмелели и стали кое-как, то картинками, которые они тут же рисовали растертыми в порошок разноцветными камнями, то жестами, то какими-то никому не понятными возгласами объяснять, кто они и что могут делать. Поняли люди, что все рисунки, которые они видели, сделаны не кем-нибудь, а этими семью сестрами-близнецами. Удивились этому караванщики, увидев мастерство сестер-близнецов, а старший караванщик, обращаясь к своим спутникам, сказал:

– Зачем нам где-то искать лучших мест? Останемся здесь, построим город, а девушки эти нам его украсят.

Один сказал – остальные поддержали.

Начали караванщики строить здесь дворцы и храмы, сажать сады и виноградники. Растить верблюдов и овец разводить. Ни одного сооружения не осталось, чтобы сестры-близнецы его не разрисовали. Все стены и все мостовые, цветники и бассейны, арки и ниши -везде и всюду были разукрашены их изображениями и изображениями животных и птиц. За несколько лет наш город стал таким красивым, что и вправду никакой другой город земли не мог с ним сравниться.

Все шло хорошо, так хорошо, что лучшего и желать не нужно было. Но однажды прослышал двухголовый аждага о нашем сказочном городе и стал завидовать лютой завистью. Задумал он лишить наш город умельцев, а умельцами города были эти семь сестер-

близнецов. Поселился злодей на вершине гор и стал девушек-близнецов по одной в горы уносить: унесет и в скалу превратит. Зависть, которая поселилась в нем, не давала ему покоя, все мучила, терзала его сознание и душу. Прилетел он первый раз в наш город, схватил одну из сестер, унес ее в горы, ударил о скалу и девушка-красавица тут же стала бездыханным камнем. А одна из сестер-близнецов решила запечатлеть навеки образ своей сестры. Нарисовала она на стене дома ее изображение, чтобы знали потомки, кто основал этот город.

Спустя некоторое время двухголовый аждага вновь явился в город. На сей раз унес он в горы вторую сестру. Ударил он девушку о скалу, – и она тоже стала бездыханной скалой.

Другая сестра в память о похищенной сестре нарисовала на стене ее образ, дабы знали потомки, кто основал этот прекрасный город.

Так двухголовый аждага по очереди похитил всех семерых сестер-близнецов и всех их превратил в бездыханные скалы. Но каждая из оставшихся в живых сестер-близнецов рисовала на стенах образы похищенных, дабы знали все, кто основал этот прекрасный город. Но когда аждага похитил и превратил в скалу последнюю из сестер-близнецов, то ее уже некому было нарисовать в память потомкам.

Вот уже много веков стоят эти семь сестер-близнецов, превращенные коварной волей двухголового аждага в семь скал, а на городских стенах по известной вам причине нарисованы всего шесть сестер-близнецов.

На этом месте рассказчик прервал рассказ, погладил свою седую бороду и замолчал. Кто знает, сколько бы он так молчал, если бы невеста среднего брата не спросила:

– А что же было дальше?

И вот тут-то рассказчик, довольный тем, что наконец-то речь зашла о дальнейшей судьбе семи сестер-близнецов и его родного города, продолжил свой рассказ словами:

– А дальше было вот что. Решил двухголовый аждага подчинить нас всех себе. Он даже еще при жизни последней из сестер-близнецов приказал ей на воротах города изобразить себя, дабы все-все знали, кто правитель этого города. Хотя этот аждага и возомнил себя нашим правителем, мы отказались повиноваться ему и выполнять его приказы. Стал тогда злодей месить в озере землю и превращать его в топь-болото. Затем он заглатывал эту грязь и плевался ею до тех пор, пока наш город и все его обитатели совсем не скрылись под толщей грязи. Наш древний город и вправду стал похож на непролазное топь-болото.

Много веков находились мы на дне болота. И вот совсем недавно вся эта толща грязи была смыта кровью двухголового аждага, и город наш вместе с его обитателями ожил... Кто-то убил чудовище, но только кто, мы не знаем. С того самого дня как ожил наш чудный город, все мы, его жители, каждый день читаем добрые молитвы во здравие нашего спасителя.

Старец закончил рассказ, окинул всех присутствующих мудрым взглядом, устало откинулся на своем ложе и замолчал. Молчали и гости, находясь под впечатлением услышанного. Они не знали, что и говорить, потому и молчали, словно бы некто незримый отнял у них язык и тем был доволен.

Кто знает, сколько бы длилось это молчание, если бы снова первой не заговорила невеста среднего брата.

– А нельзя ли расколдовать окаменевших сестер-близнецов? –спросила она старца.

Старейший житель города Хофтэгиз погладил свою длинную седую бороду и ответил:

– Их можно расколдовать только искусной игрой на дудочке... Сестры-близнецы очень любили музыку. Бывало, усядутся они под деревом, где пели соловьи наших мест, и целыми днями с наслаждением слушают соловьиную трель.

Как услышала невеста среднего брата эти слова старца, тут же радостно воскликнула:

– Мой отец так умеет играть на дудочке, что и соловьям не сравниться...

– Может быть, он своей игрой расколдует этих бедных сестер-близнецов? – сказал кто-то из присутствующих жителей города.

И тут младший сын покойного богача, ничего не сказав, выбежал во двор и, вскочив на своего верного коня, хлестанул его три раза. Взвился конь в небо и вскоре домчал своего доброго хозяина к месту, где жил тот самый пастух – отец двух девушек-красавиц, которые стали невестами двух старших сыновей покойного богача из той самой страны, о которой вам, дорогой читатель, уже известно.

Вошел юноша в дом пастуха и прямо с порога закричал:

– Отец, бери свою дудочку и скорее в древний город Хофтэгиз. Нужно музыкой расколдовать превращенных в скалы семь сестер-близнецов.

Не стал пастух ни о чем расспрашивать и, наказав соседскому мальчику пасти стадо, вскочил на своего скакуна. Вскоре вместе с младшим сыном покойного ошира они прибыли туда, где их очень и очень ждали.

Привели горожане пастуха к горе, усадили на пестрые ковры, которые здесь по такому случаю расстелили, и попросили играть на дудочке.

Сел пастух поудобнее и начал играть. Так он искусно играл, что от его игры кустарники цвели, а колючки в пышные розы превращались! Люди слушали-слушали и не могли устоять на месте, начинали в такт этой чудесной музыки приплясывать. А что касается певчих соловьев, то все они, услышав эти прекрасные трели пастушьей дудочки, не могли с ней соперничать, а потому замерли на ветках деревьев и слушали музыку с замиранием сердца. Вот так очаровал пастух своей игрой всех, кто здесь находился, а дочь его так рада была тому, что отец ее пленил всех искусной игрой, что все это время и глаза ее, и улыбка выражали восторг и ликование! Только заколдованные двухголовым аждага семь сестер-близнецов оставались бесчувственными скалами.

Семь часов без устали и передышки продолжал играть пастух, и только на восьмом часу все увидели, как скалы начали трескаться, и огромные глыбы, слоями отваливаясь, с шумом покатались вниз. Обрушились горы, и заколдованные двухголовым аждага сестры-

близнецы ожили по пояс. Повели они глазами по сторонам, изумляясь всему здесь происходящему, посмотрели вниз – собравшиеся люди глаза попрытали; посмотрели вдаль – даль озарилась ярким светом, посмотрели они вверх – солнце на лице неба потускнело. А пастух продолжал играть все звонче и звонче на своей волшебной дудочке. До тех пор он играл, пока все семь сестер-близнецов совсем не ожили и с улыбками на лицах не стали спускаться с горы вниз. Так они плавно и нежно ступали, будто не людьми были, а лебедями, плывущими по глади воды. Подошли они и всем низко поклонились. А затем все семь сестер-близнецов подошли к пастуху, каждая по очереди ему поклонилась.

– Отныне, добрый человек, ты будешь правителем нашего древнейшего города, – в один голос сказали все жители города пастуху.

Растерялся пастух от такого неожиданного предложения и отвечает:

– У меня есть стадо овец, оно без меня пропадет.

Стали горожане просить пастуха оказать честь сестрам и остаться в городе, а пастух все свое твердит, мол, стадо пропадет.

Тогда свое слово, обращенное к пастуху, сказал младший сын покойного богача:

– Быть тебе правителем этого древнейшего города! Народ и семь сестер-близнецов хотят этого. Отказать – грех великий.

Не решился пастух возразить доброму юноше, но предупредил, что стадо свое обязательно пригонит и будет пасти.

– Да будет по-твоему, – сказали жители города.

В честь того, что, спустя много лет, все семь сестер-близнецов были расколдованы, а у города Хофтэгиз стал новый правитель, все жители города решили, как и подобает в таких случаях, отметить это величайшее событие народным гуляньем и сорокадневным пиршеством.

Как решили, так и сделали. Разукрасили жители дворцы и улицы разноцветными полотнищами, пригласили лучших музыкантов и поваров города – и пиршество началось. Все пили и произносили торжественные речи, ели вкусные яства и плясали, кто где может, и до упаду.

Только младшему сыну покойного богача было не до плясок и вкусных яств, лицо его выражало печаль и озабоченность. Сердце юноши тревожилось о больной девушке, которой он должен был привезти молоко серны. Сказал он об этом брату, а брат и говорит, мол вместе поедem.

– Нет-нет, – возразил младший брат среднему, – ты пока гуляй, а я мигom доставлю дочери падишаха молоко серны и тут же вернусь.

Согласился средний брат, пожелал младшему брату доброго пути и скорого благополучного возвращения. Но не тут-то было: заподозрили горожане, что их почетный

гость собирается покинуть их, и преградили ему дорогу.

– Никуда не поедешь, пока с нами не поделишь нашу радость, -сказали они.

– Я должен обязательно спасти от смерти больную девушку. Она и отец ее надеются и ждут, когда я привезу им молоко серны и спасу несчастную от неминуемой смерти.

– Ладно, раз так, поезжай и тут же возвращайся, – сказал свое слово самый древний житель города и поспешил предупредить: – Пока слюна высохнет, чтобы ты вернулся. – Он плюнул на пол, как бы тем самым обязав юношу скорее возвращаться.

– Как сказал, так и будет, – ответил младший сын покойного богача.

Выйдя во двор, он ловко вскочил на своего верного скакуна и три раза хлестнул его. Хлестнул в первый раз – конь от земли оторвался. Хлестнул второй раз – конь в небеса взвился. Хлестнул в третий раз – конь доставил своего хозяина в тот самый город, где жила больная девушка.

А время было ночное. Подъехал юноша к падишахским воротам, постучался и стал ждать. Открыли расписные серебряные ворота, юноша передал им лекарство со словами: «Для падишахской дочери», – и, хлестнув своего верного коня, исчез в ночи.

Вернулся он в город Хофтэгиз, а там пир вовсю идет. Сел младший сын покойного богача на свое прежнее место и тоже стал есть, пить, веселиться.

Сорок дней и сорок ночей веселился весь город. Сорок ночей люди жгли плошки и не снимали с себя праздничные наряды. На каждой улице и в каждом доме играли музыканты и били в барабаны барабанщики. Они как бы спорили между собой: кто искуснее и лучше играет.

Известно, у каждого начала есть и свой конец. На сорок первый день пиршество кончилось, и горожане вернулись к своим делам. Приступил и пастух к обязанностям правителя города. Сестры-близнецы тоже стали заниматься прежним ремеслом – расписывать стены и ниши города, а также мостовые, фонтаны и бассейны, удивляя, как и раньше, горожан своим несравненным живописным мастерством.

Спустя несколько недель младший сын покойного богача, а вместе с ним и его средний брат со своей невестой собрались в дорогу. До самых городских ворот с шумом провожали горожане дорогих гостей – спасителей их города. И вот гости доверились дороге...

Долго ли они находились в пути или нет, это не столь важно, но когда они переехали гору, то услышали стуки молотков по наковальням. Посмотрели братья в ту сторону, откуда доносились эти стуки, и видят: там, где раньше была огромная безлюдная пустыня, теперь раскинулся город, а над городом вьется голубой флаг. Удивились братья такому чудесному превращению. Въехали они в город и видят: здесь живут оружейники и у всех свои кузни и мастерские, а возле них сложено множество различного оружия.

– По какой надобности вы смастерили столько оружия? – спросил одного оружейника младший сын покойного богача.

– А вы кто такие? – сердито произнес в ответ оружейник.

Рассказали братья, кто они, откуда и куда едут.

– Вижу, добрые вы воины, – выслушав гостей, наконец, сказал оружейник. – Значит, вас интересует для какой надобности мы изготавливаем столько оружия? Тогда слушайте и не перебивайте... Рассказ будет долгим.

Сели оба брата, а с ними и красавица-невеста – дочь пастуха -и стали слушать.

– Мы, жители этого города, – начал один из оружейников, – воины. Много раз нам приходилось воевать, и мы всегда побеждали. Но однажды нашему предводителю приснился сон, будто бы к нему с неба спустился ангел и сказал: «Добрый воин, слава о тебе и твоих воинах известна нам, небожителям... Быть тебе хозяином и земли и неба. Для этого ты должен покорить и звезды и Луну».

Сказал так ангел и улетел на небо.

На следующий день наш предводитель собрал нас всех и рассказал свой сон. Затем он обратился к нам с такими словами:

– О, воины! Я должен подчинить себе все звезды и Луну. Стать хозяином и земли, и неба... Нужно готовиться к бою!

Затрубили трубы, забили барабаны, и мы пошли туда, где всегда прячется Луна. Препираждали нам дорогу крутые склоны гор, повсюду зияли страшные пропасти и ущелья. Днем наши головы жгло солнце, а ночью наши тела и душу приводили в дрожь холодные облака, которые все время окутывали вершины гор. Но мы шли, падали, расшибали колени, скатывались вниз, но снова и снова карабкались вверх, в гору. Долго продолжался наш путь, но мы шли, не зная ни сна, ни отдыха. Дело прошлое, но, наконец, добрались мы до вершины скалы и стали ждать пока взойдет Луна. Когда стало темнеть, на небе появился лик Луны, а чуть позже – все ее звездное, небесное воинство. И вот тут-то наш предводитель приказал нам стрелять в Луну и в звезды.

Начали мы стрелять, долго и яростно стреляли, так яростно, что горы дрожали, скалы рушились, а звезды по-прежнему смотрели на нас и, дразня, улыбались, видя тщетность наших усилий.

Разозлился вконец наш предводитель и приказал стрелять до тех пор, пока с ночного небосвода все звезды не будут сбиты. До самого восхода солнца стреляли, но так ни одну звезду и не сбили. Днем мы отдыхали, а ночью опять и опять с яростью стреляли, но только ни одной звезды сбить так и не могли.

Семь ночей продолжался бой, а на восьмую ночь между нашими воинами и воинами Луны пролетел одноголовый аждага. Увидав это страшное летающее чудовище, все испугались, и началась паника. А наш предводитель выстрелил в это летающее чудовище и попал ему в ногу. Рассвирепел аждага, подлетел к нашему предводителю и проглотил его, да так быстро, что мы даже не успели что-то предпринять. Потеряв предводителя, мы вернулись

в город, а одноголовый аждага поселился в наших горах и стал засыпать наш город песком. Семь месяцев, не переставая, летало над городом это чудовище, испуская изо рта песок и засыпая наш город вместе с нами, и, наконец, мы оказались под толстым слоем песка, а над нами образовалась безлюдная пустыня. Много веков пробыли мы под песком, но совсем недавно чья-то кровь хлынула с гор и смыла толщу песка, а мы ожили. Мы боимся, что этот самый одноголовый летающий аждага может вновь засыпать наш город. Потому мы теперь готовимся пойти войной на этого аждага и убить его, – закончил свой рассказ оружейник.

Братья рассказали оружейникам, что одноголового аждага уже нет, он убит, и ничто городу не угрожает.

Оружейники города не поверили сказанному.

– Его целая армия не сможет убить, – сказали они.

Тогда младший брат рассказал всем историю о своей золотой сабле и верном коне.

– Если то, что ты говоришь, правда, то будь нашим правителем, – сказали оружейники города.

– Стать вашим правителем я не могу, меня мать дома заждалась, да и другие дела ждут впереди, – ответил младший сын покойного богача и добавил: – Если не возражаете, пусть вашим правителем будет мой средний брат, который помогал мне убить аждага.

– Мы не возражаем! – согласились оружейники города.

По такому случаю был устроен пир, люди поздравляли друг друга, радовались. И с этого времени средний брат стал правителем в городе оружейников и поселился во дворце вместе со своей прекрасной невестой, а младший брат обнял крепко-крепко своего среднего брата и дочь пастуха, пожелал им здоровья и, запрыгнув на своего верного скакуна, отправился в дорогу.

Долго ли он скакал или нет, но когда проехал четверть пути до родного дома, где его и его братьев заждалась мать, то конь под ним стал ржать, грызть удила, бить копытами о землю. Насторожился и всадник, почувствовав запах гари. Поднял он голову и видит – все небо дымом затянуто. Не стал он медлить и поскакал туда, откуда несло гарью.

Пусть он скачет, а я пока расскажу вам, в чем было дело.

А дело было вот в чем. Прослышал Чиме-Чин падишах, что пастух отдал своих дочерей замуж за каких-то юношей из далекой южной страны. Разгневался он и решил отнять дочерей пастуха у этих юношей, а самого пастуха убить. Собрал свое войско и внезапно напал на город Хофтэгиз, где правителем по просьбе горожан и семи сестер-близнецов стал пастух.

Узнали горожане, что войска Чиме-Чина в сторону их города идут да на пути своем все огню предают, собрали войско и стали на защиту своего города.

Долго противостояли жители города Хофтэгиз натиску войск Чиме-Чина. Но сила

была на стороне нападавших. Защитники города стали отступать, и казалось, вот-вот войска Чиме-Чина ворвутся в город, будут бесчинствовать, грабить, и самое страшное, убьют правителя города – бывшего пастуха, а заодно и сестер-близнецов. Но не тут-то было: почувствовали сыновья покойного богача запах гари, догадались, что здесь что-то неладное происходит и поспешили на помощь. Примчались они и видят: войска Чиме-Чин падишаха под барабанный стук со знаменами вступили на земли города и каждого встречного убивают.

– Э-гей-гей! – крикнули братья и, обнажив свои золотые сабли, напали на войска Чиме-Чин падишаха и вмиг разбили их. Кто успел унести ноги – остался жить, а кого ноги подвели – тут же смерть нашли.

Так дружные братья, помня наказ своей матери – быть всегда вместе, вновь одолели сильного врага, а в честь такой победы, как и подобает в таких случаях, устроили празднество.

Пусть они празднуют победу, а я расскажу вам о больной девушке – дочери падишаха, которой младший сын покойного богача доставил молоко серны, а сам тогда вернулся на пиршество в город Хофтэгиз.

С того времени, как младший сын покойного богача отправился к пастуху за молоком серны для больной падишахской дочери, прошло семь лет и семь месяцев. Долго опечаленный падишах – отец девушки – ждал дня, когда кто-то из тех юношей, пожелавших помочь его горю, привезет молоко серны и спасет от верной смерти любимую дочь. Ждал он, ждал, да и перестал ждать. Много всяких лекарей посетили дворец падишаха за это время, но никто и ничем не смог помочь дочери падишаха. А между тем бедная дочь падишаха с каждым днем все таяла и уже, казалось, была обречена на верную смерть. Страшно переживали это горе отец и мать девушки, не зная все это время ни сна, ни покоя и не снимая с себя траурное одеяние. В траурных одеждах продолжали пребывать и все жители этого падишахства.

– Через семь недель и семь дней дочь падишаха умрет, – предсказали лекари.

И вот в это самое смертельно опасное время для дочери падишаха прискакал на своем добром коне младший сын покойного богача, передал молоко серны, а сам умчался на пиршество в город Хофтэгиз.

Передали слуги молоко серны своему падишаху.

– Откуда? Кто привез? – спросил падишах.

– Какой-то юноша вручил нам и тут же ускакал... Мы не успели разглядеть его, – сказали слуги и стали молить Бога излечить болеющую дочь своего правителя.

Обрадованный отец стал поить свою больную дочь молоком серны. Семь дней по одной ложке давал он ей это молоко, и вот, наконец, девушка стала поправляться, а вскоре и по комнате ходить, а потом и во двор вышла.

Не стану утруждать ваши головы, а скажу лишь то, что она с каждым днем стала хорошеет и обретать свою былую красоту. Обрадовались горожане, сняли с себя траурные

одеяния, облегченно вздохнули: радость падишаха – их радость, горе падишаха – их горе.

А вскоре дочь падишаха совсем поправилась, похорошела, да так, будто и болеть-то не болела. Решил отец скорее выдать свою дочь замуж.

– Надо жениха тебе выбирать, – сказал он дочери.

А дочь в ответ:

– Я стану женой того, кто достал мне молоко серны.

Ничего не оставалось делать падишаху, пригласил он к себе глашатаев и велел им побывать во всех городах разных стран и объявить о том, что отдаст свою красавицу-дочь за того, кто добыл и привез ей молоко серны и тем спас ее от смерти.

В каких только городах и странах не были глашатаи, объявляя указ своего правителя. Но случилось так, что дорога привела их в тот самый город Хофтэгиз, где в это время сыновья ошира праздновали победу над войском Чиме-Чин падишаха.

Пришли глашатаи на базар, держа в руках щит, на котором была изображена главная башня города их падишахства, и стали объявлять:

– Слушайте! Слушайте! Падишах нашей страны велел найти человека, который доставил для больной его дочери молоко серны. За этого человека он отдаст свою красавицу-дочь. Если кто знает или кто слышал об этом человеке и сообщит нам, тот получит сто золотых из падишахской казны.

А нужно сказать, что в это самое время сыновья покойного богача были на этом самом базаре. Услышали они, о чем вещают глашатаи, поначалу удивились тому, что услышали, а затем, поняв, что к чему, подошли к глашатаям и обо всем рассказали.

Выслушали их глашатаи и спросили:

– А кто же из вас в ту ночь доставил молоко серны?

Старшие братья указали на младшего и, обращаясь к нему, сказали: – Иди, брат, испытай и ты свое счастье.

Вскоре братья простились, и младший сын покойного богача вместе с глашатаями предался дороге.

Долго ли они были в пути или нет, но, наконец, добрались до места. Обрадовался падишах, увидев знакомого юношу, – некогда гостя его дома, – и спрашивает:

– Это ты доставил для моей дочери молоко серны, а сам ускакал?

– Да, – отвечает юноша.

– Как же тебе удалось победить страшных чудовищ? – любопытствовал падишах.

– О, это долгая история, – ответил юноша.

– Нет-нет, ты расскажи, мне интересно, – попросил его падишах.

– Ну, ладно, – согласился юноша.

Вскоре в тронном зале собралось много народу. Была здесь и дочь падишаха. Как увидел юноша такую красавицу, так всем сердцем и влюбился. А она и вправду была красива и мила и казалась не просто девушкой, а самой феей. Нужно сказать, что и юноша ей пришелся по душе: это было видно по тому как она не сводила с него глаз, будто боялась, что – не дай Бог – стоит ей отвести свой взгляд в другую сторону, как тут же этот самый юноша, – ее спаситель может исчезнуть и больше никогда не появиться перед ее очами, и очи эти покроются мраком, а душа будет постоянно тосковать.

– Ну, ладно, рассказывай, как ты победил страшных чудовищ? – снова обратился падишах к юноше.

И младший сын покойного богача рассказал собравшимся обо всем, что было. Все слушали с замиранием сердца и удивлялись, слыша о том, что и присниться не могло, не только правдой быть.

Когда юноша закончил свой рассказ, а слушавшие облегченно вздохнули, переводя дыхание, падишах подошел к сыну покойного богача, обнял его крепко-крепко и поцеловал, а затем сказал:

– Сын мой, если душе твоей угодно полюбить мою дочь, я с огромным желанием отдам тебе ее в жены.

Младший сын покойного богача, отбив поклон в знак благодарности, сказал:

– Я затем и ехал сюда, отец.

Сорок дней и сорок ночей не смолкали звуки музыки и дробные стуки барабанов. На всех площадях народ веселился, шутил, ел вкусные кушанья, пел песни и слагал во множестве оды в честь храброго жениха и красавицы – невесты. На свадьбе были и братья со своими женами, и даже пастух приехал со своей волшебной дудочкой и играл на ней. Так искусно играл, что никто не мог усидеть на месте: все танцевали. Танцевал со своей красавицей-невестой и жених. Все смотрели на них и всей душой радовались, особенно отец и мать невесты.

На сорок первый день, когда гости разошлись, жених и невеста вошли в свои опочивальни и вскоре, обняв друг друга, поняли – они для того и были рождены на свет, чтобы всегда быть вместе.

А еще через семь дней, все трое братьев вместе со своими женами-красавицами сели на своих добрых коней и отправились в тот самый город, где они родились, и где с волнением ждала их мать.

Долго ли они ехали или нет – это уже не столь важно, но когда, добрались до родного города, три раза с гордостью и как бы приветствуя его, объехали и лишь затем приблизились к родительскому порогу. Как увидела мать едущих верхом сыновей своих, тут же бросилась им навстречу, стала целовать их, плакать от радости. Да что и говорить, она была уже старенькой, слегка сгорбленной. Разве тут не состаришься в тревожных думах об уехавших в долгое странствие сыновьях – ведь от них все это долгое время не было никаких вестей.

Верно говорит народ: если впереди радость, горе остается позади. Обрадовалась старушка-мать, что ее глазам наконец-то предстали сыновья живыми, невредимыми, да еще с такими женами-красавицами; провела она их всех в дом, который когда-то выстроил сыновьям покойный отец. Войдя в отцовские покои, сыновья облегченно вздохнули, сбрасывая с себя дорожную усталость.

Вскоре мать приготовила вкусные кушанья, нарвала в саду яблок, груш, на огороде – всякие овощи – и все на стол. Затем пригласила она соседей и знакомых – пусть, видят, какими богатырями стали ее сыновья, да и каких себе красавиц в жены взяли, – и стала угощать.

– Ешьте, ешьте, – то и дело говорила она всем, подкладывая то одно, то другое кушанье, а особенно и с любовью угощала она своих невесток.

После вкусного и сытного угощения она попросила своих невесток рассказать о том, где они были, что видели и как собираются дальше жить.

Рассказали и сыновья все, как было. Все слушали и восторгались их подвигами, особенно старушка-мать.

Несколько дней спустя оба старших сына, собираясь в обратный путь, предложили матери ехать с ними.

– Мать, – сказали они, – поехали с нами, в наше падишахство, погости у нас. А жить потом можешь, у кого захочешь.

Посмотрела мать на своих сыновей, да так, будто выбирая, у кого сначала погостить, и, приняв решение, сказала:

– Ладно, уговорили. Погощу у каждого из вас, посмотрю, как вы там живете, да и вернусь обратно.

Собралась старушка-мать в дорогу и поехала со старшими сыновьями. Погостила она то у одного, то у другого, порадовалась от души их радостям, а жить вернулась обратно под родную крышу, где остался со своей красавицей-женой младший сын.

– Старших сыновей люби на расстоянии, а с младшим – не расставайся, – сказала сама себе старушка-мать.

Стали все три сына покойного богача жить со своими женами-красавицами в своих падишахствах на радость друг другу и особенно старушке-матери. Шли годы, у всех братьев родились дети, да такие красивые, будто спорили друг с другом в красоте. Старушка-мать

постоянно навещала то одного сына, то другого, забавлялась их детьми, радуясь от всей души за таких прекрасных сыновей и внуков. Но жила она всегда у младшего сына и с еще большей радостью забавлялась с его детьми.

Правда, если вдруг случалась какая беда, братья тут же приходили друг другу на выручку и всегда все вместе, дружно избавлялись от нее.

Да, права была мать троих сыновей, когда сказала им: «Где дружба в цене, там всегда победа». Не забывают об этом и вы, дорогие читатели.

Истории мудрого странника

Было это или не было, только жил некогда в одном ауле старый пахарь. Был у него клочок скудной, не благодатной земли, которую он из года в год со всей присущей ему любовью к земле обрабатывал и засеивал этот клочок кукурузными семенами в надежде на то, что осенью, собрав хороший урожай, хоть как-то прокормит себя и семью свою. Но вся трудная жизнь пахаря и жизнь его семьи, состоящей из любящей и кроткой жены и трех малых деток, всецело зависела от того, каков осенью выдастся урожай и какую часть возьмет себе староста аула. А староста имел привычку брать большую часть урожая, а оставшейся едва-едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду. И эта беспросветная нужда тяготила пахаря. В такие минуты он задавал себе вопрос: «Есть ли на свете человек, у которого бы не было горе?»

Однажды он обошел все семьи аула и всех спрашивал: «Есть ли в их семье какое горе или беда?» – и оказалось, что у всех были свои беды и горести. У одних коза-кормилица пала; у других ребенок утонул в горной реке; у третьих, как и его самого, угнетала нужда; у четвертых и того хуже – с голоду пухли и умирали близкие; у пятых кого-то из семьи ни за что ни про что заточили в зиндан...

– А есть ли вообще на свете человек без горя? Или только на долю моих односельчан такая участь выпала? – спросил тогда опечаленный пахарь у своих земляков.

И те отвечали:

– Кто знает! Может быть, в больших городах и живут люди без горя, безбедно.

И вот тут-то пахарю в голову пришла мысль: отправиться странствовать, чтобы узнать: «Есть ли на свете человек без горя?»

Семь дней и семь ночей собирался пахарь в путь. Ни сна, ни отдыха не знал он все эти дни и ночи – то чарыки и одежду свою чинил, то часть своей еды откладывал, чтобы взять в дорогу. На восьмой день жена сложила в хурджун кукурузных лепешек, а он вырубил себе в дорогу посох, ведь недаром говорят: «Путнику посох, что друг и попутчик», – и стал прощаться со своей горемычной семьей и односельчанами.

Весь аул пришел проводить пахаря, все желали земляку здоровья и силы в нелегком странствии.

– Земляки мои, помните, я не вернусь до тех пор, пока не узнаю, есть ли на свете

человек без горя или нет? – сказал, прощаясь, пахарь и отправился в нелегкий путь.

Долго шел бедный пахарь под гору. Много раз над ним всходило то солнце, то луна, а он все шел и шел, опираясь на посох. Наконец, горы остались далеко позади, а впереди показалась желтая пустыня. Здесь нестерпимо палило солнце, а ветер швырял горячие песчинки в лицо. Вдруг до слуха старого пахаря донесся звон бубенцов, стук барабанов, переливчатые звуки флейты и пронзительные крики погонщиков. Пахарь заслонил лицо рукой, прячась от несущихся навстречу песчинок, и посмотрел вперед. Навстречу шел извивающийся в бесконечном пространстве караван верблюдов, навьюченных товарами.

Бедный пахарь обрадовался, что наконец-то встретил людей, у которых, как видно, нет ни горя, ни бедности, и заспешил к ним, нащупывая посохом себе дорогу.

– Добрый день, почтеннейший, – сказал он человеку в чалме и в дорогом черном халате. – Да пусть будет дорога твоя радостной.

– Да будет и твой день добрым, – ответили ему встречные. – Быть твоей дороге радостной... Откуда и куда путь держишь?

Рассказал им старый пахарь, кто он, откуда путь держит и зачем.

– Эй, человек правды, значит, ты идешь искать: есть ли на свете человек без горя? – сказал ему человек в чалме и черном дорогом халате. – Так слушай, я расскажу тебе о себе...

Человек в чалме приказал остановить караван и напоить утомившихся в долгой дороге животных. Затем сошел с коня, расстелил на песке расписной ковер, устало опустил на него и жестом руки повелел пахарю присесть рядом.

– Значит, ты хочешь знать: есть ли на свете человек без горя? – переспросил он пахаря. – Тогда слушай... Я поведаю тебе о себе... Я купец из далекой приморской страны. Всю свою жизнь живу тем, что езжу в другие страны, закупая там товары, ну, скажем, фарфор, хрусталь, шелка, табак, порох и многие другие товары, и все это перепродаю в своей стране. Казна моя, как догадываешься, не из бедных была и есть. Но раньше меня не радовало это богатство. Жена не могла родить мне сына. Каких только не приглашал я лекарей из других далеких стран, сколько не тратил денег, никто не мог помочь моему горю. Уже голова моя стала лысеть, а к пятидесяти годам я совсем полысел, а ребенка у нас так и не было. Но однажды одни люди посоветовали отправиться мне в далекую страну Чиме-Чина и купить у падишаха этой страны три яблока из его сада. Отправился я в эту страну; много мук и трудностей испытал в пути. Когда проезжали пустыню, поднялся такой ветер, какого в жизни своей не видывал, не знавал. Караван мой заблудился и потерялся в этой проклятой пустыне. Три дня и три ночи дул этот страшный, злой ветер, гоня барханы песка. На четвертый день ветер стих, будто его совсем и не было. Поднялся я с земли, отряхнул с себя песок, протер глаза, посмотрел направо, потом налево, а от каравана моего и следа не осталось. Кинулся искать, туда побежал, сюда побежал, а караван свой так и не нашел, а тут еще во рту пересохло, пить хочется, умираю. Такое в пустыне, говорят, бывает... Вот и со мной случилось... Лег я тогда в песок, схватился руками за голову, плачу и все на свете кляню. «Ну, – думаю, – смерть моя пришла»... Сколько я так лежал – не помню. Помню, что кто-то поднял меня, напоил водой, в чувство привел... А это были купцы, которые тоже шли в страну Чиме-Чина за товаром. Рассказал я им, кто я, что со мной случилось, куда и зачем шел.

Пожалели они меня и взяли с собой.

Прибыл я в страну Чиме-Чина, предстал перед падишахом и рассказал ему о своих невзгодах и мучениях и попросил у него три яблока от бесплодия.

«Цена этим трем яблокам очень большая, тебе не по карману будет», – ответил он мне.

Я ему говорю: «Любую цену назначай, я готов заплатить, только бы был у меня наследник... Все у меня есть, но нет наследника, кто бы взял в руки мою казну».

«Если так просишь, то полмешка золотыми», – назвал цену падишах.

Послал я в свою страну гонца. Написал в письме жене все как есть и велел передать через этого гонца мешок золота.

Привез гонец мешок золота, заплатил я ему за труд, затем полмешка отдал падишаху страны Чиме-Чина. Купил у него эти три яблока, а на оставшееся золото накопил немного разных дорогих товаров и направился лицом к родным местам.

Не стану утруждать твою голову, человек правды, а скажу, что съели мы с женой эти яблоки, и у нас родился сын небывалой красоты. От радости ни я, ни жена места себе не находили, радостью наполнились наши до этого печальные сердца. По такому случаю устроил я пир небывалый. Семь дней и семь ночей гостям не было конца... Нанял я семь нянек, чтобы за сыном смотрели, вовремя кормили, сказки рассказывали, а когда вырос и грамоте научили. Так они за ним смотрели, так его растили и холили, что и за падишахским сыном так не смотрели. Кормили его вкусными обедами, рассказывали ему интересные сказки, ни на миг его одного не оставляли, все, что есть лучшего, – все для него делалось. Так он рос, не зная ни в чем отказа. И вот снова отправился я за товарами в страну Чиме-Чина. Думаю: «На старости лет приумножу свою казну». Пристал ко мне сын и говорит: «Я уже взрослый, хочу мир посмотреть». Не стал я ему отказывать, душа не пошла на это. Думаю: «Пусть едет со мной!»

Взял я его с собой. Едем, а он обо всем увиденном расспрашивает меня. Хоть и четырнадцать лет ему, все же интересно знать, что к чему и для чего. Всему радуется, целует меня, обнимает за то, что я его с собой взял.

А когда мы прибыли в страну Чиме-Чина, он так и прикусил от удивления палец. Красота там какая! А дома будто на картинках нарисованы. Все разные, расписные!.. Вот он и удивлялся всему.

Пробыли мы там две недели, а он, бедный, возьми и заболей: губы опухли, на теле появились язвы. Стала его лихорадка бить. Каких только врачей я не звал на помощь. Даже врачей самого падишаха привел. И все напрасно. За три дня превратился он в сухой хворост и умер... Вай-вай, что я перенес тогда!.. На теле своем живого места не оставил. Голову о камни и стены бил, тело и руки искусал, исципал. Вот смотри! – Купец снял с себя папаху и показал свою в шрамах лысую голову. – Шутка ли, – продолжал он, – не было сына у меня на старости лет, наконец родился, и вот тебе: когда вырастил, выучил, человеком сделал, хотел казну свою завещать ему... – а он умер...

Похоронил я сына своего там. Поставил ему памятник из трехцветного мрамора, огородил его золотой оградой, оплакал, слез в глазах не осталось. Собрал свой караван и вот возвращаюсь домой. Бедная старушка моя еще ничего не знает об этом. Узнает, тут же Богу душу отдаст... Вай-й! Родился сын мой от яблок той земли и в ту же землю ушел... Теперь вот и скажи, человек правды, есть ли у меня горе или нет?

Бедный пахарь вздохнул сочувственно, покачал головой и сказал:

– Да, дорогой купец, горе твое непоправимое.

Вытер купец с глаз слезы и говорит:

– Эй, человек правды, разве только у меня и у тебя горе? Не обошло горе и падишаха... Есть у него красавица дочь... Красоте ее цены нет. Длинные косы, румяные щеки. Одна улыбка миллион стоит. А она больная. Вот уже много лет болеет... Живот у нее огромный. Говорят, что в ее животе змея живет... Каких только лекарей не приглашал Чиме-Чин падишах, и никто не может вытащить из живота змею... Говорят, что змея на мед и молоко выходит из своей норы. Пробовали так сделать, а змея не выходит. Что ест дочь падишаха, тем и змея питается... Пробовали уморить змею голодом. Тогда змея сосет ее кровь. Что только, говорят, не пробовали делать, чтобы спасти девушку... И ничего не помогает... Разве это не горе?..

Пахарь кивнул головой и говорит:

– Да, спору нет, это все тяжкое горе.

Вскоре купец поднял свой караван, попрощался с пахарем, и они расстались.

«Не может быть, чтобы на целом свете не было человека без горя, – сказал про себя пахарь. – Пойду-ка в какой-нибудь большой город. Может быть, хоть там найду человека без горя!»

Много дней и ночей шел пахарь. Много раз развязывал свой хурджун, стелил скатерть! Много раз мочил в родниках и речках свою шапку, чтобы голове было прохладно. Но, наконец, увидел он вдалеке город с каменной резной стеной и высокими башнями. Когда пахарь ступил в этот чудный город, то услышал дробные стуки барабана.

«Свадьба! – догадался пахарь. – Жених и невеста!.. Вот у кого не будет горя!» – решил он и поспешил в ту сторону, откуда доносилась музыка.

Дошел он до того дворца, где играли свадьбу, и видит: огромный двор, а во дворе разбита палатка, а под ней сидят гости и едят изысканные обеды и пьют вина янтарные.

Недолго пришлось стоять пахарю у раскрытых ворот и смотреть на это развеселое зрелище. Люди, сидевшие за свадебными столами, увидели его и догадались, что этот человек пришел сюда издалека, так как одежда и чарыки на нем были в пыли и изорваны.

– Добрый чужестранец, почти нас и нашу свадьбу, посиди с нами, отведай наших угощений, – сказали они пахарю.

Пахарь пожелал благополучия и счастья молодым, но к столу не подошел.

– Я не коснусь ваших угощений до тех пор, пока вы не проведете меня в комнату молодых... Хочу им задать один вопрос и услышать ответ, – сказал пахарь.

Не смогли жители этого города отказать старику. Провели пахаря в комнату молодых и оставили там вместе с женихом и невестой.

– Благополучия и счастья вам, дети мои, – сказал пахарь и поклонился. – Сам я житель далекого горного аула, – продолжал он, – а отправился в дорогу лишь для того, чтобы узнать одну правду жизни...

Жених перебил пахаря и говорит:

– Если я могу помочь тебе в этом, то пожалуйста.

– Да, дитя мое, можешь помочь, – сказал пахарь и добавил: – Вышел я в дорогу, чтобы узнать: есть ли на свете человек без горя?... Вижу, что у тебя нет горя, сын мой... У тебя сегодня свадьба! Радость!.. Не так ли я говорю?

Жених улыбнулся, тяжело вздохнул и сказал:

– Разве есть у кого такое горе, как у меня?!

Пахарь пожал плечами и растерянно спросил:

– Какое это такое у тебя еще горе, сынок?

– Об этом пусть лучше моя невеста расскажет, – сказал жених.

Тогда пахарь попросил невесту поведать ему, в чем же все-таки горе жениха.

Невеста откинула с лица край платка и сказала:

– Слушай, я тебе расскажу одну историю. А там сам, добрый человек, подумай и рассуди.

...В одном городе жили и живут два друга. Оба они состоят на службе у падишаха. Вскоре они поженились и у них родились дети: у одного – сын, у другого – дочь. Устроили друзья по такому случаю веселье, гостей пригласили, яствами угощали, и на этом застолье один друг, крепко подвыпивший, сказал другому:

– Друг мой, беру твою дочь в невесты моему сыну.

Тот похлопал друга по плечу и ответил:

– Дорогой, быть по-твоему: отдаю свою дочь в невесты сыну твоему.

Они наполнили свои кубки и выпили, закрепляя свой договор.

Так дочь одного друга с пеленок стала нареченной сына другого друга.

Шли годы, и нареченные дети росли. Девочка помогала матери в хозяйстве, училась ткацкому ремеслу, обеды готовить. А мальчик целыми днями бегал по пыльным улицам с ребятами, играл в чехарду, сражался на саблях.

Но однажды, когда девочке исполнилось тринадцать лет, она вышла за городскую стену, чтобы нарвать цветов. И встретился ей юноша. Он сидел на холме среди цветов, играл на сазе и пел песни.

Увидел юноша девушку и крикнул:

– Красавица, иди посиди со мной! Я тебе песни спою!

Девушка села рядом, и он стал петь ей такие песни:

Здравствуй, девушка-красавица! Слушай песенку мою.
Ты во всей округе слависься, о тебе везде поют,
Что глаза твои – алмазы, в них небес всех бирюза.
Очаровываешь сразу, гибок стан твой, как лоза.

И в губах твоих, что в розе, младость свежестью пылает,
И ее сорвет лишь равный, – тот джигит, что обретает
Свою радость в час жестокий, в час ответственный и славный.
Твоих взглядов пить источник наслаждения и славы.

И горят краснее яблок райских щеки от смущенья.
Перед ними – всякий слабый, в них – прощенье и отмщенье.
И твоей красою наслаждаются не грубо.
Кто тебя хоть раз полюбит, тот вовеки не разлюбит...

Много песен пропел юноша в этот день. И все песни о любви, о красоте, о весне.

А вечером они разошлись и пообещали друг другу снова встретиться на этом же месте.

Девушке понравились песни юноши, и она стала все чаще и чаще приходить на этот холм. Вскоре они так подружились, что дня не могли пребывать в разлуке.

– Хочешь, я научу тебя играть на сазе и песни сочинять? -спросил как-то юноша.

Девушка ответила:

– Да, очень хочу.

И он посоветовал ей петь о том, что она думает, о чем переживает.

– В таких случаях песни сами рождаются. Они от самого сердца идут, – сказал юноша.

А однажды он песней признался ей в любви:

Гаснут зори ранние.
Кружка – в ней вино.
Сердце мое ранено.
Ты тому виной.

В ответ девушка пропела следующее:

Гнездышко я в сердце твоём свила,
Жизней сто чужих перелистав.
Твое сердце ядом отравила я,
И тот яд хмельным шербетом стал.

Так они объяснились в любви и крепко полюбили друг друга.

Прошел год, второй, третий, а они все больше и больше любили друг друга. А вскоре стали поговаривать о свадьбе. Бывало, он нарвет в горах цветов, сплетет из них благоухающий венок, наденет ей на голову и скажет:

– Ты самая красивая на всем свете. И мне никакая другая больше не нужна.

А она только смеялась, радовалась и была в постоянном восторге от любви к своему избраннику.

Но как-то он сказал ей, что она дочь шахского слуги, а он сын бедной прачки и что у него нет денег на свадьбу и на калым.

Тогда девушка ему ответила так:

– А я своим родителям скажу, чтобы они меня без калыма выдали.

– Так не бывает... Это наш обычай, – сказал юноша и добавил: – Я лучше отправлюсь в далекую страну и наймусь на любую работу. Заработаю много денег, и мы поженимся.

Как только не отговаривала его девушка никуда не отправляться, а он так и не переменял своего решения и, расставаясь, со слезами на глазах пропел ей такую песню:

Ухожу я в заморские дали, унося в своем сердце любовь,
И как долго бы мы не страдали,
через годы мы встретимся вновь.

Для тебя я достану и звезды, и луну на ширазском ветру,
Не тревожься, моя дорогая, сохрани теплоту своих рук

И, открывши тяжелые двери, сердце я для тебя сберегу.
Только ты сохрани свою верность на далеком на том берегу.

Ну а если ты вдруг улыбнешься, приоткинув немного чадру,
Проходящему юноше – солнцем, я проклятья свои отопру:

Пусть орла в небе ласточка сменит,
пусть хохочет сова в тишине,
Горький яд твоей подлой измены жизнь отравит и мне и тебе.
Девушка взяла из его рук саз и пропела:
Где бы тебя не носила судьба, где б не пришлось пройти,
Верного сердца звучащий саз звать тебя будет в пути.

Как бы меня не терзала судьба, выдержу я и дождусь.
В сердце любви играет твой саз, слезы из глаз, как дожди.

Кончив петь, девушка в первый раз припала к груди своего возлюбленного и поцеловала его – по всему было видно, что еще больше воспламенились сердца их великой любовью друг к другу.

Так он и ушел на заработки, а она долго смотрела ему вослед и горько плакала.

После того как они расстались, девушка стала все чаще и чаще приходить на этот холм и предаваться радостным воспоминаниям. Она подолгу смотрела с этого холма на дорогу, по которой ушел ее возлюбленный. А вскоре она почувствовала, что без него не сможет жить на свете, и от этого рассудок ее помутился, благоразумие покинуло ее, а слезы разлуки не переставали течь из глаз.

Видели все это родители и обеспокоились: не заболела ли их дочь? Наконец они поняли, что ее что-то беспокоит. Долго упрашивали родители рассказать причину ее тревоги.

И однажды она, в тайне от отца, во всем призналась матери. А мать все передала отцу. Отец сильно разгневался на дочь и крикнул:

– Горе тебе, блудница! Я тебе покажу как влюбляться в какого-то там бездомного бродягу... У тебя уже есть жених. Ты, бесстыжая, еще с пеленок наречена за сына моего друга.

– Нет, я не буду его женой, – вскрикнула дочь и зарыдала. -Не буду! У меня уже есть жених. Я его полюбила всем сердцем.

И она запела:

Если зло не в силах сделаться добром,
Я сойду с ума, мои родные,
Золото не станет серебром,
А сады не вырастут из дыма.
Ворону вовек орлом не стать,
Камень пухом – нет! – не обернется.
А любовь, как истина, проста:
Он ко мне таков – как есть – вернется.

Он уже живет в моей душе,

Он мне снится, хоть и на чужбине.
Лучше смерть, чем жить не по любви,
Камень лучше, чем его нести по жизни.

Но отец девушки был глух к ее словам.

– Быть по-моему, блудница, – сказал он ей.

Два раза она убегала из дому. Но ее ловили и приводили домой. А вскоре злой и бессердечный отец девушки принес в дом огромный сундук с дырками, посадил в него дочь свою и повесил на него замок.

Сколько дней и ночей пробыла девушка в этом сундуке – она сама не знала, не ведала. За это время весь сундук пропитался ее горькими слезами. Так она, бедная, плакала, что услышавшие ее плач сами разревелись бы.

Через некоторое время пришли сваты от друга отца. Обрадовался отец девушки и назначил день свадьбы. Когда об этом узнала несчастная девушка, она потеряла рассудок, а коса ее тут же поседела, словно ее окунули в расплавленное серебро. Девушку побрызгали водой, привели в чувство и через несколько дней повезли в дом жениха, где уже играли свадьбу. Всю дорогу плакала горькими слезами бедная девушка, оплакивая судьбу и любовь свою к юноше, который ради ее счастья отправился на нелегкие заработки. И поняла, что слезами ничего не изменишь – каменные сердца не растопишь, -и решила: что лучше умрет, но не будет принадлежать нелюбимому мужу. И девушка сочинила песню. В эту песню она вложила все свои думы и надежды, всю свою тоску по любимому. Вот такая это песня:

Друг мой единственный, друг мой любимый!
Нас разлучают. Вины моей нет.
Воспоминанием встречи стали,
свет мне не белый, а черный мне свет.
Горе какое! – любить нелюбимого,
волка овца разве может любить?
Все пролетело так быстро и мимо,
Трудно все это сердцем забыть.

Милый мой, вот моя верная гибель,
ты мне простишь, я надеюсь, вину:
Лучше спокойная пропасть могилы,
лучше навеки с любовью усну.

Невеста закончила свой рассказ и спросила пахаря:

– Ну, как ты считаешь, есть ли горе у этой несчастной девушки?

Пахарь покачал головой, тяжело вздохнул и ответил:

– Да, это страшное горе, и не только для самой девушки, но и для жениха, за которого насильно ее выдали. И еще большее горе возлюбленному, который отправился ради великой любви на заработки. Как он узнает, что любимая девушка вышла за другого и обманула его,

он отдаст себя на вечное истязание или покончит с собой. Горе их родителям и близким... Да, дочь моя, этому горю нет равных.

Когда невеста услышала слова пахаря, вдруг заплакала навзрыд и сказала:

– Так знай же, человек правды, все то, о чем я поведала тебе, это случилось со мной... Но я в вашем присутствии заявляю моему нареченному жениху, что все равно убегу от него или покончу с собой.

Пахарю до слез стало жалко и несчастную девушку, и ее возлюбленного и нареченного жениха, и их родителей, и он сказал:

– Все во власти судьбы! Да пусть все кончится хорошо, и каждый добьется желаемого.

Сказал так пахарь, поклонился, попросил прощения и вышел во двор. А во дворе по-прежнему играла музыка и сыпались дробные звуки барабанов. Гости пели, плясали, ели заморские блюда, произносили тосты за счастье молодых и их родителей...

Пахарь усмехнулся всему этому зрелищу и заспешил скорее удалиться. Но его заметили и стали звать к столу. Тогда пахарь сказал им:

– Нет, не стану я пить за горе, нависшее над женихом и невестой, над их родителями и близкими.

Собравшиеся подняли на смех слова пахаря, а пахарь, не обращая внимания на эти усмешки, спросил присутствующих:

– Люди добрые, скажите, есть ли кто-нибудь из вас без горя?

И все ответили:

– Нет! У каждого из нас свое горе. У одного оно больше, у другого поменьше!

Пахарь между тем взвалил на плечи свой хурджун, окинул взглядом гостей и заспешил за ворота. За городской стеной в роднике он помыл лицо, руки, ноги, намочил головной убор и надел его на голову.

«И все-таки я должен найти на свете человека без горя», – сказал он в сердцах и пошел дальше, опираясь на свой посох.

Много ли дней он был в дороге – это ему знать, но нам ведомо, что, наконец, ранним утром он добрался до одного небольшого белокаменного города.

В начале он решил отправиться на рынок. Здесь пахарь подошел к мясной лавке и, поклонившись старому мяснику, сказал:

– Доброе утро! Да будет удачной твоя торговля!

Мясник посмотрел на пахаря и понял, что перед ним чужестранец.

– Да пусть и твое утро будет добрым, чужестранец! – ответил он. – Вижу издалека к нам пожаловал. Какая дорога к нам привела?

Посмотрел пахарь на мясника доверительно и поведал ему, кто он, откуда и по какому делу в этих местах. Рассказал также обо всем, что увидел и узнал.

Выслушал мясник рассказ чужестранца и прослезился:

– Ты рассказал мне о своем горе и горе тех людей, которых тебе довелось встретить в пути! Да, все это действительно горе. Но мое горе во много раз сильнее. Человек правды, пойдем со мной в дом, и я поведаю тебе о своем горе!

Мясник закрыл свою лавку, повел пахаря к себе домой, накормил его, и начал свой рассказ.

– Итак, слушай... Как ты уже видел, я – мясник, имею свою лавку. Покупаю живность, режу, как учил меня мой дед, и продаю. Барыши на этом деле неплохие, слава Богу! Все у меня было. И дом каменный, и казна, и ковры. Как говорится: живи и никому не завидуй. Если у меня спросишь: куда все это делось? – ты будешь прав. Теперь же, как ты видишь сам, живу я в этой низкой сакле и в ней пусто: четыре стены, два стареньких коврика, на которых спим я и сын мой... Лучше бы родила мне жена камень, чем такого сына... Сначала все было хорошо, но случилось так, что сын мой сдружился с ничтожными людьми и сам стал таким же, как они. Стал с ними в джай играть на деньги. Первый раз он попросил у меня десять золотых монет, потом – пятьдесят, затем – сто. И дошло до того, что он все стал таскать из дому и проигрывать... Правду говорит народ: упустил голову – за хвост не удержишь... Так у нас и получилось: вовремя не удержали сына от всего этого, а потом уже и не смогли, как не старались... Все, что было дома, проиграл. Всех нас раздел и разул... Женили мы его. Нашли красавицу из красавиц... Думали, ради жены и любви к ней перестанет в джай играть, поумнеет. Где там: горбатого и прямая дорога не сделает прямым... Проиграл он такому же, как и он сам, подлецу, жену свою... О, бедная! Как она плакала, как билась головой о землю, о стены, о стол – у увидевшего все это сердце пополам лопнуло бы. Не давали мы невесту свою отвести к тому, кто выиграл ее, а он – да чтобы сдох! – достал нож и говорит: «Уйдите, не мешайте... Я проиграл ее... Будете вмешиваться – убью всех и ее убью!.. Какая разница, с кем будет жить!» Так силой и угрозой связал жене руки, а рот заткнул грязной тряпкой, чтобы не кричала, и поздно ночью отвел... Это еще полбеды, полгоря!

Однажды он проиграл и родную мать, молоком которой был вскормлен. Да чтобы собственной кровью ему захлебнуться! Пришел он домой, и все вокруг матери своей ходит. А в кармане нож держит... Хочет мать родную убить. Она на кухне обед для него готовила. Дома никого не было... Догадалась мать, что сын неладное задумал – убить ее хочет, и пропела из одной песни такие строки:

Воды из арыка можно испить,
пустыня, поверьте, вам горло иссушит.
За золото можно полмира купить,
но мать и отца ни за что ты не купишь.

Когда сын услышал, о чем пропела мать, не выдержал, расплакался, хлопнул дверью и

пошел к тому, кому проиграл жизнь матери, и говорит: «Не могу мать убить, рука не поднимается. Хочешь, я вместо матери отдам обеих сестер своих?»

Пока они договаривались, я и две дочери моих вернулся домой. Жена со слезами на глазах, вся бледная, как зола, рассказала, как сын хотел убить ее... Не стал я мешкать, собрал жену и дочерей в дорогу и тайком отправил их к теще. Пришел сын в тот вечер поздно, увидел, что ни сестер, ни матери нет дома, и пристал ко мне: «Где сестры мои, – кричит и трясет меня за ворот. – Я договорился за жизнь матери отдать сестер своих... Где? Где они?!» А я ему: «Сам не знаю, куда уехали». А он: «Знаешь, знаешь! Где, говори!» Долго он колотил и тряс меня. Но я так и не сказал правду. Разозлился он, ударил меня по голове, плюнул в лицо и ушел. Три дня, три ночи не приходил... Думал что, наконец-то кто-то убил его, подлеца. Но нет, пришел на четвертый день ко мне в лавку и потребовал пятьсот золотых. Говорит: «У кого хочешь, займи и дай, иначе убью!» Ничего не оставалось делать. Занял и дал.

Видит он, что из дома нечего уже таскать, стал в лавку ко мне приходиться и всю выручку подчистую забирать. Задолжал я, продал свой дом, отдал долги, а на оставшиеся деньги купил вот эту саклю, вот и живу в ней, как видишь.

Люди советуют и мне тайком от сына – да чтобы ему сойти в могилу – уехать в другой город. Ибо от него так не избавишься. И вот я решил скрытно от сына накопить немного денег, продать свою лавку и уехать. Скоро уже три месяца будет, как я задумал это дело. Но сын – да чтобы ему кровью харкать и умереть – каждый день приходит в лавку, пугает меня, а иногда и бьет и забирает всю выручку. Устал я от такой жизни. Иногда думаю покончить с собой.

Мясник заплакал, обнял пахаря и говорит:

– О, человек правды, дай совет мне: что делать дальше, как жить?

Не успел пахарь и рта открыть, как в саклю вбежал сам сын мясника. Подбежал он к отцу, схватил его и говорит:

– Хоть сверху земли, хоть снизу, откуда хочешь достань мне пятьсот золотых.

– Где же я тебе достану! Никто мне больше в долг не даст. Да и рассчитывать нечем, – взмолился мясник.

Тогда сын мясника пристал к пахарю – гостю дома.

– Откуда у меня деньги, я бедный странник, – сказал пахарь.

Сын мясника схватил гостя за ворот и выставил на улицу, а вслед и посох, и пустой хурджун выбросил.

Поднял пахарь с земли свой хурджун, взял в руку посох и поспешил быстрее уйти от греха подальше. А из сакли бедного мясника доносились крик и плач. Это кричал сын, а отец умоляюще плакал.

«Да что же это такое: сколько исходил дорог, скольких встретил людей, и у всех горе, одно хуже другого! – думал так пахарь, шагая по пыльной дороге. – Наверное, только падишахи живут без горя!.. Пойду-ка прямо к какому-нибудь падишаху, – решил пахарь, – узнаю, есть ли у него горе?! У него-то наверняка не будет горя».

Как решил, так и сделал.

Семь дней и ночей находился пахарь в пути. Семь перевалов прошел, семь раз в ущелье спускался и семь раз поднимался, у семи рек отдыхал и семь раз чинил свои чарыки и вот прибыл в большой город. Спросил он у горожан, где находится падишахский дворец, и заспешил туда. Не успел пахарь пройти и трехсот шагов, как издали увидел высокие дворцовые стены. Подошел он к чугунным воротам и постучался. Слуги открыли маленькую дверь и спросили:

– Зачем пришел?

Пахарь рассказал, что он чужестранец и что лично хотел бы поговорить с падишахом. Слуги доложили падишаху, тот разрешил, и перед ним открылись двери во дворец. Пахарь как вошел, так и ахнул от удивления. Его глазам предстала такая красота, какую он никогда еще не видывал. Повсюду благоухали цветы, всюду журчали прозрачные ручьи, струились фонтаны, деревья макушками доставали небо, и росло на них множество разных плодов – только смотри и будешь сыт. С ветки на ветку перелетали изумительные птицы и щебетали на разные лады. Пахарь так засмотрелся на эту красоту, что на время даже забыл, где он и зачем пришел. Внезапно до его слуха донеслись звуки музыки, песни и хлопанье в ладоши. Пахарь повернулся и увидел на лужайке беседку, огороженную низенькой каменной стеной. А в беседке веселились какие-то люди. Пахарь собрался было подойти к ним в надежде на то, что среди этих людей есть и падишах, но в это время царский слуга предложил ему идти прямо по дорожке.

– Падишах у себя на хейвуне, – сказал он.

Пахарь, оглядываясь по сторонам, незаметно дошел до огромного каменного дома. Когда пахарь поднял голову вверх, чтобы посмотреть на росписи, которые украшали дворец, то на балконе увидел высокого, стройного человека красивой наружности с белой бородкой. Это был сам падишах.

– Здравствуй, чужестранец! – первым поприветствовал его падишах. – С чем пожаловал в мою страну?

Пахарь поначалу растерялся и не знал, что ответить. Но когда он понял, что к чему, отбил падишаху поклоны, пожелал ему долгих лет жизни и сказал:

– Я житель далекой горной страны, а вышел я в путь, чтобы узнать: есть ли на свете человек без горя?.. Вижу что, наконец, нашел человека без горя...

Тут падишах перебил его и сказал:

– Не спеши, человек правды. Лучше поднимись ко мне наверх и расскажи, какое у тебя горе? Где ты был, что слышал, что видел? А потом я расскажу о себе.

Пахарь поднялся на хейвун, еще раз поклонился и, сев на предложенное падишахом место, стал рассказывать, кто он, как живет, в каких землях побывал, каких людей встретил, что видел и что пришлось ему слышать.

– Но нигде я так и не встретил человека без горя, – заключил пахарь с досадой свой рассказ и добавил: – И тогда решил я пойти прямо к вам и спросить: есть ли у вас горе или нет? Думается мне, что у хозяина такого поистине райского сада не должно быть горя.

Падишах ударил в ладоши, и тут же перед ним предстал слуга и сказал:

– Слушаюсь и повинуюсь!

Падишах приказал расстелить скатерть и подать гостю угощение. Когда угощение было подано, падишах заговорил:

– Позволь мне, человек правды, посочувствовать твоему горю и горю тех, о которых ты только что поведал. Но я попрошу тебя, человек правды, набраться терпения и выслушать то, о чем я поведаю тебе.

Они уселись поудобнее, и падишах начал:

– Когда был жив мой покойный отец – чтобы прах его, воспоминаниями не побеспокоить! – сел я на своего коня и отправился в дальний лес на охоту. Ехал я по лесу и вдруг набрел на огромное дерево. Подъехал к дереву, спешился с коня и думаю: «Сяду в тени дерева, отдохну». Едва я привязал коня, как услышал женский стон. Я осмотрелся по сторонам и догадался, что крики доносятся изнутри этого дерева. Я обошел его вокруг, ища вход. Но входа нигде не было. А взлезть на дерево я не мог, потому что его нельзя было обхватить. Рядом с деревом росло другое, гибкое. Я тут же догадался: чтобы взлезть на огромное дерево, нужно пригнать к нему растущее рядом гибкое дерево и взлезть по нему. Я так и сделал. Когда я взобрался на огромное дерево, то увидел там дупло и заглянул в него. О, ужас! Мои глаза увидели чудовищное зрелище. Какой-то юноша в богатой одежде избивал розгами связанную по рукам и ногам девушку и приговаривал: «Выходи за меня замуж! А то убью и здесь оставлю. И никто не узнает о твоей смерти. Выходи, говорю, за меня замуж!» А девушка кричит, стонет, заливаясь слезами и отвечает: «Убивай! Не пойду. Не пойду!» А юноша опять все сильнее бьет розгами девушку и топчет ее грудь ногами. Устал юноша истязать девушку, вытер с лица пот и говорит: «Я завтра вновь приду и вновь буду требовать твоего согласия... Знай: или выйдешь за меня замуж, или обретешь здесь смерть!» Он собрался уходить, но тут заметил меня, натянул свой лук и выстрелил. Стрела угодила мне в ногу, и я свалился с дерева. Затем юноша выбрался наружу и, увидев меня, распростертого на земле, прыгнул и стал душить. В глазах моих все пошло кругом, все потемнело, казалось, что я испущу дух. Но тут рука моя коснулась стрелы, которая торчала в моей ноге. Я напряг все свои силы, вырвал ее и проткнул разъяренному противнику горло. Он разжал свои руки и свалился на землю, истекая кровью... Убил я его, затем приложил к своей ране траву, перевязал ее, и, вновь забравшись на дерево, спустился в дупло, где лежала связанная девушка. Когда я спустился, то увидел, что дно дупла обложено камнями, на полу рядом со связанной девушкой валяются десятка три розг.

Я освободил девушку, поднял ее, и – о чудо! – глазам моим предстала красавица, какой

я еще в жизни никогда не видел. Я спросил ее: «За что же он так жестоко обошелся с тобой?»

Она упала передо мной на колени, стала целовать мне ноги и упрашивать:

– О, юноша, спаси меня от этого злодея.

Я сказал, что она спасена, что злодей этот лежит мертвый, и вновь попросил ее рассказать: кто она и за что так жестоко обошелся с ней этот палач?

– О, юноша! – сказала она. – Знай, я дочь падишаха Востока, и имя моего отца Фарадж, а меня зовут Десте-Гуль. Везир моего отца влюбился в меня и стал всюду преследовать. Я отвергла его и предупредила, что, если он не оставит меня, я расскажу обо всем отцу. Везир испугался моих угроз и ночью, связав меня, похитил. Привез сюда в лес, спустил в это дупло и насильно стал требовать моего согласия выйти за него замуж. Ровно год, как не ведомо никому томлюсь я здесь, в дупле. Каждый вечер он приходил, чтобы добиться моего согласия выйти за него замуж. Но я отвечала ему: «Нет». И он всякий раз избивал меня до тех пор, пока я не теряла сознание... О, мой спаситель, прикажи мне умереть, я ради тебя умру! – воскликнула тогда девушка и расплакалась.

Я сказал, что такая красавица должна жить и своей красотой тешить друга своего.

– Быть мне твоей жертвой, мой спаситель, – сказала она.

Я посадил ее позади себя и пришпорил своего скакуна. Через некоторое время мы подъехали к одной крепости, окруженной толстыми стенами. Это было падишахство ее отца. Безмерно обрадовался отец тому, что наконец-то дочь нашлась. Приказал он стелить мне под ноги дорогие ковры, жечь в честь меня плошки, накрыть стол угощениями и лишь потом сказал:

– За то, что ты спас мою дочь от этого злодея, я отдаю ее замуж за тебя. Ты достоин ее любви, добрый человек!

Тогда я спросил:

– Пожелает ли она сама быть моей женой?

Десте-Гуль пала передо мной на колени и произнесла:

– Да, я согласна! Другой мне во веки не нужен!

Назначили день свадьбы, и стали мы жить и веселиться в кейфе. Так мы жили год, а ребенка у нас в этот год не было. Не родился у нас ребенок и на второй год, и на третий год... А все из-за проклятого везира, который ее изувечил.

Но я никогда не попрекнул ее за это. Да и виновата ли была она в том, что какой-то злодей избивал ее розгами? Она чувствовала все это и очень любила меня.

Но в один из дней гонец вручил мне послание, где писалось:

«Мне, младшему брату покойного везира, стало известно, что мой старший брат был убит тобой, а поэтому я должен отомстить: убить тебя. Жду тебя такого-то числа в такое-то время в таком-то месте. Кровь за кровь! Смерть за смерть! И подпись: Младший брат везира».

Ничего не оставалось делать, отправился я в назначенный день и час биться с ним. «Или я, или он», – сказал я тогда сам себе. Рассказал обо всем жене, а она поцеловала меня и говорит:

– Худо кумек эшму! – и надела мне на палец свое обручальное кольцо. – На счастье... Когда тебе будет трудно, ты посмотри на кольцо и вспомни меня. Знай, что я жду тебя и верю в твою победу... И еще знай, что без тебя не будет и меня. Если любишь меня – одержишь победу.

Сел я на своего скакуна и поехал. Прибыл я в такое-то место и вижу: сидит на коне здоровенный юноша и дожидается меня.

– О, негодяй! – закричал он на меня. – Как будем биться?

Я ответил ему так:

– Любое искусство борьбы доступно богатырю одинаково.

– Значит, так! – и брат покойного везира поднял щит и, обнажив меч, с быстротой сокола ринулся на меня. Когда наши кони сошлись, завязался бой. Долго бились, но так никто из нас не мог одержать победу. Тогда мы стали колотиться пиками, и опять ничего не получилось. Тогда стали стрелять друг в друга из луков и опять ничего. Стали накидывать арканы... Как только мы не бились, никто из нас не мог победить. Мы так устали, что впору было упасть на землю и умереть. Дошло дело до рукопашной, как только я не старался, но побороть, придавить противника к земле так и не мог. Он был ловким, изворотливым, сильным. Но случилось так, что он схватил меня, пригнул к земле и говорит:

– Вот и смерть твоя пришла. Привяжу тебя к хвосту коня и по колючкам протащу, а потом мертвым в город повезу. Пусть все видят, как брат отомстил за брата. Пусть все видят, какое ты ничтожество... Пусть все знают, как ты подло убил моего брата...

Лежу я под ним и нет сил дальше сопротивляться. «Ну, – думаю, -все, смерть пришла». Но тут вдруг я увидел у себя на руке кольцо, которое надела мне жена, вспомнил ее наставления, ее лицо и почувствовал в теле своем прилив силы.

«Нет, – сказал я тогда себе. – Я люблю ее. Она меня тоже. И я должен ради нашей любви победить врага своего, чего бы мне это не стоило!»

И тут я собрался с силами, изловчился, схватил противника за пояс, крикнул во весь голос, да так, что в небе замерли птицы, и сбросив его с себя, поднял над головой и, крикнув сильнее прежнего, ударил о землю. Так я победил своего сильного противника... Нет, это не я победил. Это любовь победила врага. После этого случая мы с женой еще крепче полюбили друг друга. Минуты не могли пробыть друг без друга.

Но случилось так, что жена вдруг заболела и слегла в постель. Каких только ловловиго

я не приглашал, какие только не тратил деньги. Только бы вылечили они мою любимую. Я знал, что без нее у меня не будет больше жизни. Но никто помочь мне не мог. Все говорили, что она неизлечима и скоро умрет.

Перенес я ее в другую комнату, чтобы спокойней ей там было, приставил к ней сорок слуг и семь самых лучших лекарей, да и сам целыми сутками сидел у ее постели. О еде, о сне и покое позабыл. А она кровью кашляет, да в жар ее бросает.

– Умираю! Ой-й, умираю!.. Убейте меня! Умираю, – кричала она в бреду.

А я обнимаю ее, плачу и говорю:

– Нет, ты не должна умереть. Что я буду делать без тебя?..

Не оставляй меня одного. Я люблю тебя.

Так она болела целый год.

Но в один из дней, когда ей немного стало лучше, она говорит мне:

– Вот я умру. Обещаешь мне никогда не жениться на другой и никогда не иметь дело с другими женщинами?

Я ей говорю:

– Да, обещаю! – а сам плачу.

А она мне опять:

– Я не верю твоим словам... Если ты сказал правду, то сходи к резнику и пусть он лишит тебя способности иметь дело с женщиной... Если ты это сделаешь, то я смогу спокойно умереть.

Я ей стал возражать, говорить, что я и без этого сдержу свое слово.

А она:

– Нет! Я не верю... Сходи к резнику.

На другой день ей опять стало плохо, и она в бреду и слезах вновь потребовала, чтобы я сходил к резнику.

Ничего не оставалось делать, и я решил ради нашей любви сходить к резнику и сделать все так, как хотела жена. Лишил он меня возможности впредь иметь дело с женщиной. Поболел я немного и вскоре явился к больной жене и сказал:

– Я сделал все так, как ты хотела... Теперь ты веришь, что я люблю тебя и что говорил правду?

Она ответила:

– Да, верю. Теперь могу спокойно умереть.

Но случилось так, что она с каждым днем стала чувствовать себя лучше и лучше. А вскоре встала с постели и стала ходить по комнате. Я был так рад, что места себе не находил: дни и ночи проводил рядом с ней, всякие небылицы ей рассказывал – только бы было ей хорошо. Даже овсуначи приглашать стал, чтобы ей сказки рассказывали и тем забавляли ее. Вскоре она поправилась, похорошела, обрела прежнюю красоту.

Но однажды она мне сказала:

– Я люблю тебя, но ты как мужчина для меня непригоден... Мне нужен мужчина. Я так больше жить не могу.

Выслушал я жену, опечалился и сказал:

– Ведь я лишил себя этих возможностей из-за любви и верности к тебе. Ты же сама требовала этого.

– Да, но я женщина и мне нужен мужчина, – сказала она мне.

Через несколько дней я случайно застал ее в объятиях моего везира. О, как это было жутко! Я так и застыл на месте, слова сказать не мог. Но когда пришел в себя, сильно разгневался и ударил ее по щеке. Первый раз в жизни. Она заплакала и ушла в другую комнату.

Через несколько дней я застал ее в постели с сыном садовника. Я зло вышвырнул за двери сына садовника. А жену безжалостно избил...

Но тут я понял, что ни угрозы, ни избиения жене не помогут. Что случилось, то случилось. Стала жена моя каждый раз новых и новых любовников приглашать к себе. Соблазняет их, спаивает и с каждым удовлетворяет свое желание. И все это на глазах моих... Видят все это глаза мои, а язык сказать ничего не может. И все из-за моей дурной головы и безмерной любви к жене. Ни этот райский сад, ни мое богатство, ничего теперь меня на свете не радует. А все через жену мою. Горе и страдание свалилось на меня и на мою голову. И нести мне все это, пока не умру. А когда умру, кто знает!.. Вот какое горе у меня, человек правды, – закончил падишах и тут же, указывая на беседку в саду, добавил: – Вон видишь в беседке кейфующих людей? Спроси у меня: кто они такие? Правду сказать: сам не знаю. Но знаю, что все они бродяги, бездельники, плуты и любовники моей жены. Целыми днями они так веселятся, пьют, едят, музыку слушают, а когда все это надоедает им, отправляются в покои моей жены и предаются прелюбодеяниям. И какой только бес вселил в нее столько страсти! Радость и веселье, ликование и довольство сопутствуют ей каждый день. Мне же, вот уже сколько лет, сопутствует горе и уныние, раскаяние в совершенном и беспомощность во всем, позор и унижение. Живу я, имея все на свете, и в то же время ничего не имею. Душой таю, без слез плачу и каждый день, видя все злые проделки любимой жены, только об одном прошу Всевышнего: «Или пусть меня лишит жизни или ее». Но тот, что над нами, глух к моим мольбам... Теперь скажи мне, человек правды, есть ли на свете человек с большим горем, чем мое горе?

Пахарь сочувственно и тяжело вздохнул и сказал:

– Да, всемилостивый падишах, горю твоему нет предела. Горе других может забыться. Но твое горе, пока глаза твои видят, пока сердце бьется в груди всегда с тобой.

Семь дней и ночей пробыл пахарь в гостях у падишаха. И все это время падишах уделял гостю почтительное внимание. А на восьмой день, когда пахарь собрался уходить, падишах наполнил его хурджун золотом и сказал:

– Ступай теперь, человек правды, под крышу родного крова, там ждет тебя семья. А человека без горя нигде ты не найдешь. Построй себе хороший дом, открой лавку и займись торговлей. Сделаешь так, как я наставляю тебя, – и о своем горе забудешь. Не сделаешь – живи как знаешь.

Попрощался пахарь с добрым и гостеприимным падишахом, поцеловал подол его халата и покинул дворец.

Сорок дней и ночей находился пахарь в дороге. За это время он сорок раз спускался в глубокие ущелья и овраги, сорок раз взбирался на высокие горы, сорок гор и перевалов перешел, в сорока реках умывался и пил воду. Во многих городах и аулах побывал, многие базары посетил, со многими людьми встречался и говорил и, наконец, добрался до своего аула. Увидели жители пахаря и пошли за ним, чтобы поскорее новости узнать. Вошел он в свою саклю, обнял жену и детей, а потом сказал во всеуслышание:

– Много земель исходил я, многих людей встречал, у самого падишаха погостил, но нигде так и не встретил человека без горя.

– Муж мой, неужели нигде так и не нашел ни одного человека, у которого не было горя? – спросила жена, сомневаясь.

Рассердился пахарь на жену свою, мол, еще сомневается, и хотел было уйти. Но земляки стали просить его, чтобы он рассказал все, что с ним было в странствиях, кого он встречал, что видел, слышал.

Много дней и ночей рассказывал пахарь обо всем землякам, и все слушали его, кивали головами и восклицали: «Машалла! Машалла!»

Через несколько месяцев пахарь выстроил себе на подаренное падишахом золото дом, отправился в большой город, закупил там разных товаров, привез все в свой аул и открыл в новом доме лавку. Зажил бедный пахарь, не зная ни нужды, ни горя.

Но жить ему без горя пришлось недолго. Рядом с его домом стоял дом одного портного. Этот портной был злым и завистливым человеком. Он никому не желал добра и все старался быть лучше других односельчан. Но когда семья пахаря переселилась в новый дом и зажила без нужды и горя, портной стал завидовать ему. Затаил он против него недоброе, да и исполнил это.

Дело было так. Как-то отправился сынишка пахаря в лес за орехами. А вслед за ним

украдкой пошел и портной. Спрятался он в лесу и стал поджидать мальчишку. Когда сын пахаря проходил мимо него, портной вдруг выскочил из-за укрытия и как крикнет, мальчик испугался и упал на землю. А портной преспокойно пришел к себе домой и довольный своим злодеянием лег спать.

А между тем родители ждали возвращения сына домой, а его все не было. Забеспокоились они и стали искать всем аулом, долго искали и наконец к утру нашли его в лесу, лежащим на холодной земле. Когда люди хотели подойти к нему и поднять, мальчик стал кричать: «Гав! Гав!» – и кусаться. И тут все поняли: он потерял рассудок.

Каких только лекарей и знахарей не приводил отец, но никто излечить его сына так и не смог. Свалилось на голову пахаря горе. А злой и завистливый портной видел все это и торжествовал, что это он извел соседа. Ушло от пахаря одно горе, а другое пришло.

«Воистину нет на свете человека без горя», – еще и еще раз твердо и навсегда решил бедный пахарь.

Хитрая жена бедняка

В одном городе жили муж и жена.

Бедно жилось им. Так бедно, что и есть уже было нечего – животы к спине приросли. Как-то жена и говорит мужу:

– Надо что-то придумать, а то так и умереть можно.

Жили в этом городе и богатые люди. Но у них и зимой снега не выпросишь – такие жадные. И потому жена бедняка решила на хитрость. Повела она мужу о своей затее, а утром отправилась к соседке, попросила на два-три дня наряды, мол на свадьбу приглашена. Жена бедняка нарядилась в чужое платье и заспешила в лавку. Подошла она к лавке, скрыла свое лицо под чадрой и, выбрав удобный момент, вошла и говорит лавочнику:

– Да быть мне твоей жертвой, выбери для меня два-три аршина самой лучшей и дорогой материи.

Лавочник усмехнулся и говорит:

– Хоть десять! Бери любую, красавица, – и стал снимать с полок один тюк за другим и класть на прилавок перед женой бедняка.

А женщина выбирала, выбирала и наконец говорит:

– Быть мне твоей жертвой, добрый человек, но все это не по мне.

Рассердили лавочника слова женщины. Ведь никогда еще не было такого, чтобы покупатель ушел из его лавки с пустыми руками. Ему очень захотелось узнать, кто эта женщина. И он, умирив свою злость, спросил:

– Скажи, красавица, кто ты и почему прячешь свое лицо?

Жена бедняка тяжело вздохнула и ответила:

– Да быть мне твоей жертвой, добрый человек, но если я и скажу, кто я, тебе-то будет ни к чему. Да и рассказывать долго придется, – больше прежнего разожгла любопытство лавочника эта женщина, и он стал еще настойчивее просить ее рассказать о себе.

Жена бедняка поправила чадру, но так, чтобы слегка показать свое лицо, и, тяжело вздохнув, сказала:

– Вот уже пять лет, как моего мужа бросили в темницу, и мне неведома его судьба. Я даже не знаю, жив ли он, а может давно отдал Богу душу.

Обрадовался лавочник и говорит:

– О, какое счастье нам привалило! Я тоже холост, – слукавил он. – Скажи мне, где ты живешь, и разреши прийти.

Женщина объяснила, как ее найти, и заспешила домой. Пришла она в свою бедную саклю, приготовила похлебку, накрыла на стол скатерть и стала ждать лавочника.

А лавочник между тем надел свой праздничный костюм, запряг тарантас, погрузил на него множество подарков и гостинцев и отправился к дому женщины.

Подъехал он к ее дому и видит: стоит низкая, покосившаяся сакля, такая дряхлая, что, того и гляди рассыплется. Но лавочник не стал долго раздумывать – какая разница, под какой крышей наслаждаться с женщиной, – и постучался. Жена бедняка отворила двери ипустила лавочника. Вошел лавочник, осмотрелся – никого нет, женщина одна.

– Позволь мне занести подарки, – говорит он.

Жена бедняка обрадовалась и отвечает:

– Да быть мне твоей жертвой, добрый и милый человек, занеси.

Занес лавочник все в дом, лошадь привязал к столбу у сакли и вошел.

В соседних домах все давно уже успели поужинать и лечь спать, а из трубы сакли бедняка валит дым, из щелей наружу разносится запах жареной баранины – жена бедняка жарит шашлык.

Что и говорить, в саклю бедняка пришел праздник.

Вскоре лавочник и жена бедняка стали есть баранину, пить вкусные вина, шутить, смеяться. А голодный муж стоял за стеной сакли и глотал слюнки. Лавочник уже успел изрядно выпить и полез к жене бедняка целоваться. Тут женщина ему и говорит:

– Да быть мне твоей жертвой, милый человек, но мне все это не совсем нравится. Всему свое время, спешить нам некуда, целая ночь еще впереди. Успокойся, садись, поешь,

выпей.

Ничего не оставалось делать лавочнику. Сел он за стол и стал есть и пить. Жена бедняка себе на уме: ждет, когда лавочник вином страсть заглушит. А у лавочника все наоборот: ест, пьет, страстям волю дает. Снимает с себя нарядные одежды и говорит жене бедняка, чтоб она поторопилась:

– Пора и в постель.

Жена бедняка делает вид, что раздевается.

– Долго ли мне еще ждать? – кричит лавочник.

А жена бедняка ему спокойно отвечает:

– Разуваюсь.

Не успела женщина снять с ноги одну туфлю, как в дверь постучался сам бедняк. Жена бедняка сделала вид, что очень испугалась, и растерянно говорит:

– Да гореть отцу моему в аду, вот уже пять лет как никто к моему порогу не подходил... Кто это там стучится?!

А бедняк в ответ:

– Я – твой муж. Неужто успела забыть?

Услышал лавочник голос хозяина дома, испугался, вскочил с постели и не знает, как быть, куда бежать.

Жена бедняка хватается нарядные одежды лавочника, спешно бросает под тахту и приговаривает:

– Вай-вай, пропали. Была я твоей жертвой, а теперь мы оба станем жертвой моего мужа. Он нас обоих тут же убьет. Ему это не впервой. Что мне делать с тобой?!

А бедняк опять стучит и кричит:

– Отворяй! Это я – твой муж.

Отвечает жена:

– Сейчас. Одеваюсь!

А лавочнику говорит:

– Я брошусь его обнимать, а ты беги и не оглядывайся.

Отворила жена двери, бросилась мужа обнимать, а лавочник припустился бежать что

есть силы. Так и бежал без штанов. Добежал он до столба, где стоял его тарантас, смотрит: от лошади и тарантаса и следа нет – украли.

Ничего не оставалось делать лавочнику, как без штанов бежать до дома. Вошел он в дом, а жена и дети от испуга подняли вой. Кричат, плачут: что к чему не знают и понять ничего не могут. А лавочник, немного придя в себя, стал придумывать, как объяснить такое свое поведение.

– Был я в одном ауле у друга в гостях. Пили, ели, в шутках время проводили. Но когда я возвращался домой, на меня напали семеро разбойников, раздели, свалили на землю и говорят: «Проболтаешься -смерть тебе и твоей семье», а сами сели в мой тарантас и скрылись. Вот что свалилось на мою голову. Но успокойтесь, это все и щелчка не стоит. Главное – я живой, хотя мог быть уже и мертвым. Смотрите, никому об этом ни слова, а то худо будет нам всем...

Врет лавочник без удержу, а родные его слезами горькими обливаются, никак успокоиться не могут.

А бедняк и его хитрая жена тем временем в своей сакле насмеваются над глупым лавочником. Наелись они оба, напились, и муж говорит жене:

– Пока ты с ним в любовь играла, я тоже без дела не стоял. Тарантас во двор загнал. Продадим его завтра ночью и опять устроим пир.

Долго в эту ночь веселились, смеялись над обманутым лавочником муж и жена. А спустя несколько дней жена бедняка сшила из принесенной лавочником материи себе платье и говорит мужу:

– Теперь обманем еще кого-нибудь.

На этот раз пошла она к ростовщику как бы деньги займы просить. Пришла и говорит:

– Да быть мне твоей жертвой, дорогой ростовщик, выручи. Дай мне займы тысячу туме.

Посмотрел на нее ростовщик и слова сказать не может: такая красавица стоит перед ним. А она смотрит на него и повторяет:

– Да быть мне твоей жертвой, дорогой ростовщик, может быть, пожелаешь меня, несчастную, выручить?

Обрадовался ростовщик, что такая красавица просит у него помощи, и говорит:

– Такой красавице не только тысячу туме, но и всего себя в придачу отдать не жалко.

Усмехнулась ему жена бедняка и говорит:

– Нет, не стою я того, дорогой ростовщик. Я несчастная и никому не нужная женщина.

Некому моему горю помочь.

Заинтересовала ростовщика судьба красавицы. И он попросил женщину поведать о своем горе и пообещал помочь ей.

Жена бедняка поправила на голове платок, тяжело вздохнула и сказала:

– Вот уже пять лет, как моего мужа бросили в темницу за то, что он убил человека, и мне неведома его судьба. Я даже не знаю, жив он или давно отдал Богу душу.

А ростовщик и говорит ей:

– Вот возьми тысячу туме и можешь не отдавать. А мне скажи, где ты живешь. Я сегодня приду к тебе в гости... А мужа своего ты забудь. Не нужно о нем думать. Нам сегодня вместе будет весело.

Сказала жена бедняка ростовщику, где ее дом, поблагодарила его и ушла. Дорогой она купила баранины и бурдюк вина и заспешила домой. Дома накрыла стол и стала ждать ростовщика. А мужа накормила, напоила и на улицу выпроводила.

Пришел ростовщик вечером к дому женщины и удивился, что такая красавица в такой старой сакле живет.

«Какая разница под какой крышей спать, лишь бы женщина была под боком», – подумал ростовщик и постучался. Впустила его жена бедняка, взяла подарки и гостинцы и посадила за стол. Стали они шашлыки есть, вкусное вино пить, смеяться и шутить. Лезет ростовщик целоваться, а жена бедняка стыдит его.

– Всему свое время, – говорит и опять его за стол сажает.

Наконец надоело ждать ростовщику, попробовал он жену бедняка силой поцеловать. А муж-то смотрит в щель и все видит.

«Тут уж больше нечего ждать», – думает он и стучится в дверь. А жена сделала вид, что испугалась, и кричит:

– Да гореть отцу моему в аду! Вот уже пять лет, как никто к моему порогу не подходил. Кто это еще там стучится?!

А муж с улицы отвечает:

– Я – твой муж. Неужто позабыть успела?

Жена бедняка посадила ростовщика в погреб, а сама пошла открывать двери. Стала она обнимать мужа и приговаривать:

– Дорогой мой муж, пять лет я ждала тебя и наконец дождалась. Как я рада!

А муж шумно ходит по сакле, ногами топчет, но при этом молчит. Потом несколько

раз сильно хлопнул ладонью о ладонь, будто жену избивает, и крикнул:

– Кто у тебя здесь был? Где он, этот развратник? Я его тут же убью. – И он снова хлопает ладонью о ладонь, а жена кричит, будто ее режут.

Ростовщик сидит в погребѣ, все слышит и весь дрожит от страха. Да так дрожит, что глина со стен погреба сыплется.

Тут бедняк и открыл погреб да как закричит:

– Ах ты, развратник! Чужих жен обманываешь! А ну вылезай!

Ростовщик весь дрожит. «Ну, – думает – сейчас убьет».

А жена держит мужа за руки и просит:

– Да быть мне твоей жертвой, дорогой мой муж, не убивай его! Он богатый человек и заплатит тебе три тысячи туме. Только не убивай! Могилами отцов наших прошу, образумься!

Услышав эти слова, ростовщик тоже взмолился:

– Милый человек, не убивай меня. Я тебе и пять тысяч туме дам. Только не убивай!

Тогда бедняк сменил гнев на милость и говорит:

– Ладно. Давай пять тысяч туме и живи себе, но только чтоб глаза мои тебя не видели больше. Мне деньги сейчас нужнее, чем твоя смерть.

Обрадовался ростовщик, что хозяин дома даровал ему жизнь, написал записку своей жене, чтобы та дала такому-то человеку пять тысяч туме, поставил свою подпись и передал бумагу бедняку. Бедняк взял бумагу, посадил ростовщика опять в погреб, а сам направился за деньгами к его жене. Прочитала жена ростовщика написанное, подивилась, но отдала бедняку деньги. Пришел бедняк радостный в свою саклю, выпустил ростовщика из погреба и говорит:

– Давай еще тысячу туме, а то жене твоей расскажу, что ты изменяешь ей.

Ничего не оставалось делать ростовщику, отдал он еще тысячу туме и быстро исчез.

А бедняк с женой съели весь шашлык, выпили оставшееся вино и, довольные удачей, легли спать.

Спустя три дня жена бедняка решила обмануть судью-взяточника. Пришла она к нему и говорит:

– Да быть мне твоей жертвой, почтенный и всеми уважаемый судья, помоги мне в одном деле.

Судья поднял голову и, увидев перед собой красавицу, тут же прикусил от радости палец. Затем оглянулся по сторонам – не видит ли их кто – провел по своей длинной рыжей

бороде, хитро улыбнулся своим мыслям и ласково сказал:

– Именем Бога и его милосердием помогу тебе, красавица. Говори, с чем пожаловала.

Рассказала ему жена бедняка о том, что вот уже пять лет как ее муж сидит в темнице, и что она не знает, живой или давно отдал Богу душу. И она, бедная и несчастная, не знает как ей дальше быть: ждать или не ждать мужа?

Судья сделал вид, что очень сочувствует ее горю, и многозначительно сказал:

– О, красавица, ты совершила большой грех перед Богом и могилой мужа. По нашему адату женщине недозволено столько времени оставаться вдовой. Этим самым ты доставляешь беспокойство умершему мужу, мучаешь его душу своим ожиданием. Да и сама терзаешься в одиночестве.

Жена бедняка тогда и спрашивает судью: но как же мне быть?

– О, красавица, именем Бога и с его помощью давай мы с тобой поженимся. Вот уже шесть месяцев как умерла моя жена. Милосердный Бог свел нас вместе на счастье и радость нашу. Скажи, где ты живешь, и вечером я приеду к тебе и свой холостяцкий скarb привезу.

Жена бедняка как бы нехотя сказала, где она живет, и, довольная успехом, заспешила домой.

А судья в этот день взял все свои немалые сбережения и до самого вечера бегал из лавки в лавку, с базара на базар, покупал дорогие подарки: золотые серьги и кольцо, золотой браслет и медальон, шелковую шаль и нарядные платья, короче говоря, целых два мешка вещей накупил. Все это на арбу погрузил, а когда стемнело, отправил арбу к дому жены бедняка, сам же пошел пешком.

Пришел он к сакле, посмотрел по сторонам – не видит ли его кто -и постучался. Открыла жена бедняка дверь,пустила его и говорит:

– О, почтенный судья, где же твои подарки?

– Везут, моя красавица, – сказал судья.

Жена бедняка посадила его за стол и стала угощать. А судья ест, а сам поглядывает на красавицу и думает: «Когда же она станет моей?»

Вскоре к сакле подъехала и арба с подарками. Извозчик занес в саклю оба мешка и уехал. А судья и жена бедняка целых два часа разбирали мешки, разглядывали дорогие подарки. Потом судья надел на жену бедняка дорогие наряды, украсил ее палец обручальным кольцом и сказал:

– Вот и все. Теперь по воле милосердного Бога ты – моя жена, я – твой муж. Позволь мне поцеловать тебя, – и заключил в своих объятиях.

Не успела жена бедняка ответить, как бедняк постучался в дверь.

Жена в страхе подбежала к дверям и говорит:

– Да гореть отцу моему в аду! Вот уже пять лет, как никто к моему порогу не подходил... Кто это еще там стучится?!

А бедняк кричит с улицы:

– Я – твой муж. Вернулся! Неужто успела позабыть?

Услыхал судья голос вернувшегося мужа его возлюбленной и в страхе заметался по сакле. А женщина схватила судью, положила в колыбель, связала и говорит:

– Лежи спокойно. Когда моего мужа бросили в темницу, я была от него беременна. Он увидит тебя и подумает, что ты – его ребенок, – а сама открыла двери ипустила мужа.

Вошел муж в саклю и видит: лежит в колыбели связанный судья, а ноги до полу висят. Но бедняк делает вид, что ничего не замечает, и спрашивает жену:

– Кто это в колыбели лежит?

А жена ему в ответ:

– Это твой сын.

Подошел бедняк к колыбели, посмотрел на связанного судью и говорит:

– О, женушка моя, как же так, на что ребенку борода? Придут люди проведать меня, да и насмех поднимут. Дай-ка мне ножницы, я состригу ему бороду. Женщина принесла ножницы и отдала мужу, который тотчас же остриг судье бороду. А судья лежит связанный, шелохнуться не может, весь бледный, будто в аду находится. А бедняк снова к жене обращается:

– О, женушка моя, так у него еще и зубы есть!

Дай-ка мне молоток, я их выбью. Придут друзья меня проведать, да и насмех поднимут, увидев маленького ребенка с большими зубами.

Принесла жена бедняку молоток. Стал бедняк выбивать судье зубы. Стукнет молотком по зубу – зуба нет, а судья кричит истошным голосом.

Кричит судья, кровью обливается, а колыбель под ним качается.

Но случилось такое: колыбель перевернулась, и судья вскочил на ноги. Когда он почувствовал под ногами землю, тут же выскочил на улицу и пустился бежать с колыбелью на спине. А бедняк и жена его смотрят вслед и кричат:

– Будешь знать, как людей обманывать и взятки брать.

Что и говорить, прибежал судья к себе домой и говорит жене:

– Закрывай, жена, окна, двери! Никого не впускай! Я теперь поумнел – всегда с тобой буду жить!

Спустя несколько дней судья пришел в себя, а на улицу выходить не решается: нет зубов, нет бороды, – людям показаться стыдно. Но весть о том, что судья болен, быстро разошлась по городу. Стали к судье горожане приходить, а жена никого не впускает, мол, нельзя беспокоить.

Дошла молва о болезни судьи до лавочника и до ростовщика. Догадались они, что с судьей случилось то же, что и с ними. Упросили они его жену впустить их.

Вошли лавочник и ростовщик в покои судьи и видят, что судья не больной, а безбородый и беззубый.

И вот тут лавочник рассказал судье о том, как одна красавица обманула его: пригласила к себе, забрала все принесенные им подарки, а потом якобы из тюрьмы вернулся муж. И лавочник вынужден был, бросив все, бежать. Про подобный случай рассказал судье ростовщик. Не выдержал судья и тоже рассказал им обо всем, что с ним случилось. А потом вдруг впал в сомнение: «А не обманывают ли меня эти люди? Не делают ли они так: неправду дают, а правду берут?» – и спрашивает:

– Скажите мне, если и с вами то же самое случилось: сколько лет сидел в темнице муж этой лживой красавицы?

Лавочник и ростовщик переглянулись и в один голос ответили:

– Пять.

Услышав это, судья стал смеяться:

– Ай да женщина! Ай да хитрая! Как она вас обошла!

– И вас тоже, уважаемый судья, – сказали лавочник и ростовщик, и они стали друг над другом смеяться.

А тем временем бедняк и его хитрая жена сидели в своей дряхлой, покосившейся сакле, ели шашлык, пили вино и смеялись над одураченными лавочником, ростовщиком и судьей.

Через несколько дней, говорят, бывший бедняк и его хитрая жена, боясь возмездия, покинули этот город.

Так хитрая жена бедняка проучила жадных и сластолюбивых богачей города.

Кривой Якуб и шах Аббас

В давние времена жил в Иране шах по имени Аббас. Он был мудрым и справедливым.

А страна его была необъятной. Нелегко было ему одному править такой большой страной. Разделил он ее тогда на отдельные области и ханства, и поставил туда своих векилов. Бывало, вызовет их шах Аббас к себе и каждому задаст один и тот же вопрос:

– Какого ты роста?

– Такого, такого-то! – отвечают векилы.

А шах Аббас опять с вопросом:

– А сколько у тебя подданных?

– Столько-то, столько-то!

И вот тут-то шах Аббас и говорит:

– Знай: ты уполномоченный великого шаха Аббаса и слуга своих подданных. Мудрость твоя должна превзойти твой рост во столько раз, сколько людей в твоём ханстве.

И вот однажды назначил шах Аббас старостой Хоайтага человека по имени Дауд. Вызвал его к себе шах и сказал ему те же слова, что говорил всем своим векилам.

Пообещал Дауд оправдать шахское доверие и приехал в Хоайтаг. Здесь он подобрал себе из местных людей везиров и стал заниматься делами.

Среди везиров Дауда был человек по имени Якуб. Он был очень маленького роста и к тому же кривой. Кривой Якуб – так звали его все, и даже сам Дауд. Но Якуб был очень мудрым. Ни одно дело не решал Дауд без Якуба.

Случалось так, что Дауд ошибался, но Якуб тут же помогал ему поправить дело. Главной заботой Дауда была забота о подданных. Словом, все жили в достатке и радости и прославляли шаха Аббаса за такого старосту, как Дауд. Рад был и Якуб; как-никак его ум и его заботы приносили людям пользу и радость, а общая радость – известное дело – в каждой семье радость.

У Дауда была жена и двое детей – сын и дочь. Он очень любил свою семью. Его жена в заботах о муже и детях не знала ни минуты покоя. И так они жили много лет. И кто знает, сколько бы они еще прожили, если бы не один случай.

Решил как-то Дауд поехать в загородный сад отдохнуть. И вот в один из дней он вместе со своими везирами выехал из города. Кто знает, сколько времени он был в пути, но известно, что встретил он по дороге девушку необыкновенной красоты. Остановился Дауд и обратился к девушке:

– Красавица! Кто ты и почему сидишь среди пыльной дороги?

Посмотрела красавица на Дауда и ответила:

– Почтенный Дауд, да быть мне твоей жертвой, не оставляй меня на дороге. Меня

ужалила змея.

– О! – воскликнул Дауд и приказал слугам поднять и посадить девушку к себе в повозку.

Посадили ее рядом с Даудом и снова тронулись в путь. В дороге Дауд узнал, что красавица – вдова, что у нее никого на всем свете нет. Воспылал он к ней любовью и стал просить совета у везиров.

– У шаха Аббаса, говорят, сорок наложниц. А у тебя, староста, ни одной! – ответили везиры.

Не по душе пришлись Якубу советы везиров, но он промолчал. Тогда Дауд спросил его:

– А ты, кривой Якуб, почему молчишь! Или сам воспылал к ней любовью?!

И ответил тогда ему Якуб так:

– О, мой повелитель, если ты настаиваешь, я отвечу!

– Говори! – приказал Дауд.

– Не женщину змея ужалила, а тебя, мой повелитель, – сказал Якуб. – Мой тебе совет – держись подальше от этой женщины!

Но Дауд пренебрег советом своего мудрого и преданного везира. Целыми днями он вместе со своей наложницей пропадал в загородном саду. Все свои дела запустил.

Между тем по Хоайтагу прошел слух о том, что жена Дауда исчезла. Одни считали, что она упала с обрыва в реку и утонула. Другие – что ее похитили разбойники... Много было разных толков. Только Якуб решил, что это дело рук наложницы Дауда. Все крепче опутывала она Дауда своими сетями. Не прошло и нескольких месяцев после исчезновения жены, как Дауд отправил своих детей в другой город и объявил всему народу, что женится на наложнице.

Свадьба была веселая, шумная. Но с этого дня между Даудом и его везирами не было согласия. А все потому, что новая жена Дауда строила всякие козни. Бывало, обнимет она мужа и скажет:

– Такой-то из твоих везиров сказал такое-то плохое слово.

Верил Дауд словам жены и с криками и бранью обрушивался на везиров.

Однажды новая жена Дауда уснула и видит сон, будто кривой Якуб помогает ей взаимности, берет он ее за плечи своими большими руками и пытается сорвать с нее платье. Она смеется над ним, а он твердит: «Или ты станешь моей возлюбленной, или я сделаю так, что тебе придется уйти».

На следующий день пришла она к Якубу и говорит:

– Эй, Якуб, отвечай, что ты затаил против меня?

Удивился Якуб такому вопросу и отвечает:

– Ничего!

А она легла на пол и стала кричать, и рвать на себе одежду. Ничего не оставалось делать Якубу, подошел он к ней и стал ее держать за руки. А она еще громче кричит, зовет людей на помощь. Услыхали слуги ее крик, побежали к Дауду и взволнованно рассказывают ему:

– Да быть мне перед тобой жертвой, почтенный! – отбив поклоны, сказал один слуга.

– Чтобы в огне гореть кривому Якубу! – отбив поклоны, продолжил другой.

– В чем дело, докладывайте! – накричал на них Дауд.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – сказали слуги.

Привели его в комнату, где были коварная жена и Якуб. Как увидел Дауд лежащую на полу жену, подошел к Якубу и ударил его.

– Что здесь происходит? – со злобой спросил он.

Хотел Якуб объяснить, но жена Дауда опередила его и говорит:

– Чтоб тебе в огне гореть! Смотри, что твой кривой везир со мной сделал!

Не удержался Якуб, плюнул в лицо коварной женщине, а Дауду сказал:

– Правитель, потерявший ум из-за какой-то блудницы, не заслуживает любви и уважения. Прощай!

Пришел Якуб к себе домой и обо всем рассказал своей жене. Выслушала жена взволнованного мужа и стала утешать его:

– Не кипятись, Якуб, все уладится, – сказала жена. – Дауд поймет, что ты ни в чем не виноват.

– Нет, жена, – ответил Якуб, – я решил уехать отсюда. Не хочу видеть ни разорения народа, ни самого Дауда, так низко павшего в глазах людей.

– Куда голова, туда и хвост, – ответила жена. – Как считаешь нужным, так и поступай!

Через несколько недель Якуб купил на базаре крепкого мула, а к мулу – большую арбу. Сложил на арбу все необходимое, посадил поверх всего этого жену и единственного сына и, взяв мула за поводья, тронулся в путь с тяжелым грузом обиды в сердце.

Едет он и думает: «Куда податься?» И тут ему вдруг пришло на ум отправиться в Исфаган, во дворец самого шаха Аббаса.

Спустя несколько дней Якуб достиг города, где жил шах Аббас. Он оставил жену и сына в караван-сараях, а сам, написав прошение шаху Аббасу, отправился ко дворцу, сел на скамью для посетителей и стал ждать.

Заметили его шахские слуги и подошли. Не стал Якуб ни о чем говорить с ними, передал свое прошение шаху Аббасу и остался ждать ответа. А шах Аббас прочитал прошение Якуба и тут же пожелал его увидеть.

Привели Якуба слуги в тронный зал. Посмотрел шах Аббас на низкого, кривого, большеголового человечка и его смех разобрал. Смеется шах Аббас, а вместе с ним покатываются со смеху все его приближенные.

До слез задел Якуба такой прием шаха Аббаса, но он связал свою обиду в узел и говорит:

– О, великий шах Аббас! Я пришел не затем, чтобы надо мной смеялись, а затем, чтобы быть твоим везиром!

Еще громче рассмеялись и шах Аббас и его слуги.

А Якуб опять за свое:

– О, великий шах Аббас! Я пришел сюда, чтобы быть твоим везиром!

Посмотрел шах на странного человека и отвечает:

– Не только кривой, но и не всякий зрячий сможет быть моим везиром. Ступай туда, откуда пришел.

– О, почтенный шах Аббас! – ответил тогда Якуб. – Отцы наших отцов говорили: «Не всякое прямое дерево дарит людям целебные плоды».

Всю эту ночь не спалось шаху Аббасу. Он все время думал о кривом Якубе. «Станный человек! – размышлял шах Аббас. – Как будто в здоровом уме, а так дерзко говорит со мной. Может быть, и вправду он мудрец». Размышлял так шах Аббас, вспоминая сказанные кривым Якубом слова упрека.

Утром он приказал своим слугам разыскать этого человека и привести к нему.

Теперь расскажем вам про самого Якуба.

Вернулся Якуб в караван-сарай в большой печали и говорит жене:

– Завтра поедем куда-нибудь подальше от Исфагана. Здесь я не нужен!

Успокоила его жена, и спать уложила. А вскоре, уложив сына, легла и сама.

Слышит утром Якуб, кто-то в дверь стучится. Открыл он и видит: перед ним стоят шахские слуги.

– Якуб из Хоайтага, тебя зовет шах Аббас! – сказали они.

Оделся Якуб и пришел к шаху Аббасу.

– Чем могу служить? – спрашивает Якуб.

А шах Аббас отвечает:

– Может быть, тебе нужны деньги?

– У меня есть голова, руки и ноги. Я хочу работать, – ответил Якуб, поклонившись.

– Ладно, – говорит шах Аббас. – На восточной границе страны есть шахская конюшня. Поезжай туда, будешь работать конюхом.

Согласился Якуб. «Во всякой работе можно найти радость», – решил он. Через несколько дней прибыл он в тот аул, где находилась шахская конюшня, и стал работать конюхом. Утром он выгонял коней за пределы аула, а вечером пригонял обратно.

В том ауле было много мальчишек. Целыми днями они бегали без дела, дрались между собой, лазили по чужим садам. Словом, доставалось от них всем, особенно Якубу. Бывало, прибегут они на луг, разгонят табун и начнут дразнить:

Якуб кривой
С большой головой,
А сам с вершок,
Хоть клади его в мешок.

Решил тогда Якуб обучить этих мальчишек грамоте. Многие мальчишки не хотели идти к нему учиться.

– Лучше на речке купаться, чем у пустой головы звону учиться, – говорили они.

Но некоторые отцы все-таки привели к Якубу своих детей.

– Чему бы не научились, лишь бы от озорства отвыкли, – говорили они.

Стал Якуб читать ребятам древние книги о подвигах богатыря Рустама, о мудрых советах Бахлюла. По душе пришлись детям эти рассказы. Стали они пересказывать другим ребятам то, что узнали у Якуба. Не прошло и недели, как в ауле не осталось ни одного мальчика, который не ходил бы к Якубу учиться грамоте.

Шли дни. Якуб читал мальчикам древние книги, а они помогали ему пасти коней.

Теперь Якуб стал зарабатывать столько денег, сколько никогда еще не зарабатывал.

И вот как-то он говорит жене:

– Знаешь, жена, о чем я думаю?

– О чем? – спрашивает она.

– Я думаю о том, – отвечает Якуб, – как хорошо было бы построить в нашем ауле школу для детей на те деньги, которые я за это время получал за их учебу.

– Верные слова говоришь, Якуб, – одобрила жена. – Никто еще не забирал своих денег в могилу.

И стал Якуб строить на окраине аула школу. А потом пригласил в школу нескольких шейхов-каллиграфов и других ученых людей, и занятия в школе пошли по всем правилам.

Шли дни, Якуб, как и прежде, выгонял на луг шахских коней.

Как-то раз пришел он домой и говорит:

– Знаешь, жена, о чем я думаю?

– О чем? – спрашивает жена.

– Я думаю о том, – отвечает Якуб, – как было бы хорошо, если бы эти шахские кони служили людям, приносили пользу.

– О, Якуб, – сказала жена, – ты навлечешь на себя гнев шаха.

– Запомни, жена, – ответил Якуб, – важно то, чем дело кончится.

Жена промолчала, а Якуб тут же принялся за работу. Нанял он нескольких мужчин, привел их в поле, приказал запрягать в плуги шахских коней и пахать землю. Вспахали поле, засеяли его кукурузой, овсом и подсолнухом. Пришло время урожай снимать. Богатый выдался урожай. Поручил Якуб этим же мужчинам грузить урожай и вести продавать в соседние села. Большие деньги выручил Якуб от всего этого. Решил он построить на эти деньги на окраине аула конюшню для шахских коней. Нанял он мастеров, и вскоре конюшня была готова. Поставил он туда шахских коней и стал дожидаться весны. Весной он собрал людей аула и говорит:

– Знаете, о чем я думаю?

– О чем? – спрашивают его люди.

– Я думаю о том, – отвечает Якуб, – как было бы хорошо, если бы мы вокруг нашего аула сады разбили. Ведь для себя сажаем, а раз так, то нечего ждать нам шахских приказов.

– Верные слова говоришь, Якуб! – сказали люди.

И через некоторое время вокруг аула выросли сады.

Прошло несколько лет, и сады стали плодоносить. Каждый раз фрукты продавали в соседних аулах, а выручку собирали в большой кованый сундук. А когда этот сундук наполнился до краев, Якуб собрал людей и говорит:

– Знаете, о чем я думаю?

– О чем? – спрашивали люди.

– Я думаю о том, – отвечал Якуб, – как было бы хорошо на эти деньги построить хорошие дома для жителей нашего аула.

Все были так рады, что не знали, как и благодарить такого премудрого человека, как Якуб.

Наняли мастеров – и стройка началась. Вскоре от старого аула почти ничего не осталось. Улицы теперь были прямые и широкие, дома красивые и высокие. Все были довольны, и Якуб был рад.

Расскажем теперь о шахе Аббасе.

Много лет прошло с тех пор как он отправил кривого Якуба в этот аул. Отправил да и забыл о нем. И вот однажды шах Аббас решил поехать по делам государства в страну франков.

Торжественно встретили его правители этой страны, богатые пиршества устроили в честь его приезда. Случилось так, что везир царя этой страны завел разговор о древних поэтах и мудрецах страны шаха Аббаса.

– Много мудрых людей жило в вашей стране, – сказал везир страны франков.

– Их и сейчас немало! – с гордостью ответил шах Аббас.

Шах Аббас завершил свои дела и вернулся на родину. Кто знает, сколько времени прошло с тех пор как шах Аббас побывал у франкского царя, но в один из дней к шаху Аббасу приехал тот самый везир франкского государства, который говорил некогда с шахом Аббасом о поэтах и мудрецах Ирана. Шах Аббас и этот везир разговорились, и везир сказал:

– Да быть мне твоей жертвой, о великий шах Аббас! Хотел бы я убедиться в правоте твоих слов: так ли мудр ваш народ, как в прошлые времена?

Шах Аббас улыбнулся и спросил:

– Как я могу это доказать?

Везир франков встал, поклонился и сказал:

– Я задам вашим мудрецам четыре вопроса, на которые они должны дать ответы. Первый вопрос такой: где на земле видели солнце всего один раз? Второй вопрос такой: с кем люди говорят каждый день, а ни разу не видели. Третий вопрос такой: кто у Бога служит мельником и из той муки, что он намолот, другие пекут лепешки, а он ест лепешки, испеченные до него? И четвертый вопрос такой: кого больше – мертвых или живых?

Хотел было шах Аббас сам ответить на эти вопросы, но не сумел. Обернулся тогда он в сторону везира левой руки, а тот говорит:

– На такие вопросы сразу не дать ответа.

Посмотрел тогда шах Аббас в сторону везира правой руки.

– А ты что скажешь?

– Дайте сорок дней и сорок ночей, и ответы будут.

– Ладно, – сказал шах Аббас, – даю вам сорок дней и сорок ночей, но с условием: если не дадите правильных ответов – лишу вас головы! Смотрите, не позорьте меня перед везиром царя франков!

Шли дни. Много книг перевернули шахские везиры, но ответов так и не нашли. Приказал тогда шах Аббас своим глашатаям объявить по городам и селам страны вопросы, заданные везиром царя франков. «Кто ответит правильно, тому шах Аббас даст половину своей казны. А кто ответит неверно, того шах Аббас лишит головы» – так гласил указ шаха.

Во многих городах и селах побывали слуги шаха, но нигде не нашли человека, который бы сказал: «Я отвечу на эти вопросы!»

А между тем время истекало. Всего два дня и две ночи осталось. Но ответы так и не были найдены.

В эту ночь шах Аббас увидел такой сон: он восседает на троне, а у его ног сидит кривой Якуб. Вдруг из горбатой спины Якуба выросли два дерева, а на деревьях этих по четыре спелых яблока висят. «Эй, Якуб, угости меня яблоками со своего дерева!» – говорит ему шах Аббас. А Якуб покачал своей большой головой и ответил: «Эти яблоки я вырастил для твоего почтенного гостя!»

Проснулся шах Аббас и думает: «Что бы это значило? Позову-ка я к себе Якуба и задам ему вопросы везира царя франков».

Тут же приказал шах Аббас своим везирам ехать в далекий аул и узнать у Якуба ответы на вопросы везира царя франков.

Сели везиры на быстрых коней и в сопровождении нескольких слуг поскакали в сторону того самого аула, где жил кривой Якуб.

Кто знает, сколько времени были слуги шаха в пути, но известно, что подъехали они к окраине аула и замерли от удивления. Перед ними расстилались огромные сады и

виноградники, за которыми виднелись красные крыши домов, синие купола мечетей, нимазы и храмы.

– Я думаю, что мы не туда заехали. В том ауле, где живет Якуб, не было всего этого, что предстало нашим очам, – сказал один из везиров.

В это время вдалеке показались арбы. Шахские слуги дождались, пока эти арбы приблизились, и спросили у арбечи:

– Люди добрые, скажите нам, чьи эти земли?

– Эти земли принадлежат великому шаху Аббасу. Разве вы не знаете об этом?

– А где такой-то аул и шахская конюшня?

– Здесь! Вот они, шахские кони, полезным делом заняты!

– Странно, но здесь ничего этого не было! – воскликнули везиры шаха.

– Да, это так, – ответили арбечи и рассказали обо всем посланцам шаха Аббаса.

– Значит, это сделал тот самый кривой Якуб, которого шах Аббас послал сюда работать конюхом?! – удивились везиры.

Едут шахские слуги дальше и диву даются. По правую сторону сады и виноградники тянутся. А по левую сторону дороги то кукурузные поля попадаются, то поля подсолнухов, то овес, то рожь. Словом, ни одного клочка земли не пустует.

– Машалла! Машалла! – удивляются везиры.

Наконец доехали они до огромного каменного здания и видят: на плоской крыше этого здания сидит на подушке большеголовый горбун, а перед ним лежат на животах мальчики и что-то пишут. К рукам горбуна и детей привязаны веревки, которые тянутся и на окраину аула, и на крыши соседних домов, где сушатся фрукты, и в окна того здания, на крыше которого сидят горбун и мальчики. А у самого горбуна, кроме веревок, в руке – длинная палка. Ею он то и дело касается того, кто забывает макать свой калам в чернильницу и писать.

Долго наблюдали шахские слуги за горбуном и мальчиками, которых он обучал, и не могли понять, с какой целью к их рукам привязаны веревки.

Наконец, один из везиров сказал:

– Салам алейкум!

– Ваалейкум ассалам! – ответил горбун. – Кто вы?

– Я везир правой руки великого шаха Аббаса! – ответил один везир.

– Я везир левой руки великого шаха Аббаса! – ответил другой.

– А мы – слуги шаха, – ответили остальные, приставленные охранять шахских везиров.

– А с чем пожаловали, добрые люди?

– Нас шах Аббас послал к Якубу... Где его можно найти? – спросил везир левой руки.

– Он перед вами, – ответил горбун и спросил: – А что угодно вашему шаху?

– Шах Аббас послал нас к тебе, чтобы спросить, сумеешь ли ты дать ответы на вопросы, заданные везиром царя франков.

– Половину своей казны отдаст шах Аббас тому, кто ответит на эти вопросы, – поспешил сообщить везир левой руки.

– А что это за вопросы? – спросил Якуб.

Шахские везиры назвали ему вопросы. Якуб выслушал и сказал:

– На такие вопросы ничего не стоит ответить.

Шахские слуги посоветовали Якубу торопиться. Но Якуб покачал головой и говорит:

– У меня нет времени по пустякам ездить к шаху Аббасу.

– Чем же ты занят, – спросил везир правой руки со смехом. – Уж не тем ли, что дергаешь веревки и учишь этому детей?

– Мы совсем не зря дергаем веревки, – ответил Якуб. – В руках у меня веревки, которые приводят в движение пугала, что стоят на кукурузном поле и на полях подсолнуха. А веревки, привязанные к рукам этих мальчиков, качают колыбели со спящими детьми, отпугивают птиц от фруктов, которые сушатся на крышах домов. Возвращайтесь к шаху Аббасу и расскажите ему обо всем, что увидели.

– Тогда ответь нам на вопросы везира царя франков, – попросил везир правой руки.

– Нет! – сказал Якуб. – Если шаху Аббасу очень нужны ответы, пусть он сам приедет сюда.

Ничего не оставалось делать везирам. Пришлось им возвратиться к шаху. Вернулись они и рассказали все как есть. Выслушал их шах Аббас и разгневался на Якуба за дерзость.

– Я проучу этого горбуна! – сказал он.

Переоделся шах Аббас в одежду простого человека и отправился в путь. Вскоре он достиг окраин того самого аула, где жил Якуб. Едет шах Аббас и удивляется всему тому, что встречается на его пути.

Наконец, добрался он до дома Якуба.

– Якуб, открывай!

– Кто вы? – спрашивает Якуб.

– Мы слуги шаха Аббаса.

Впустил их Якуб в дом, усадил и спрашивает:

– Чего вы хотите?

Тут шах Аббас, выдавая себя за слугу, говорит:

– Шах Аббас приказал написать ответы на вопросы царя франков и доставить ему!

– Нет! – отвечает Якуб. – Пусть приедет сам шах Аббас, если ему нужны ответы.

Тут шах Аббас снял с лица покрывало и говорит Якубу:

– Я шах Аббас, говори скорее ответы!

– Нет, великий шах Аббас, не скажу! Вези меня к везиру царя франков, и я отвечу ему сам!

В тот же вечер Якуб был доставлен во дворец шаха Аббаса.

Усадили его как самого почетного гостя на мягкую подушку, а напротив посадили везира царя франков.

И вот везир царя франков снова задал свои вопросы.

– Первый вопрос такой: где на земле видели солнце всего один раз?

Якуб ответил:

– Когда Миширахуно, спасая своих единоверцев от преследования фараона, простер руку и приказал волнам расступиться, то волны тотчас же расступились и на этом месте образовалась суша. Миширахуно вывел свой народ на другой берег, а разъяренный фараон вместе со своими воинами ринулся за ними. И тогда Миширахуно повернулся, снова простер руку, и по его знаку водяные стены обрушились на преследователей... Так Миширахуно спас Богом избранный народ. А в том месте морское дно и видело солнце всего только раз.

– Верно! – сказал везир царя франков.

Шах Аббас и везиры от радости даже вскочили со своих мест.

– А второй вопрос будет такой, – продолжал почетный гость.

– Кого люди ни разу еще не видели в глаза, хоть каждый день с ним говорят?

И Якуб коротко ответил:

– Худо.

Тогда везир царя франков задал третий вопрос:

– Кто у Бога служит мельником и из той муки, что он мелет сам, другие пекут лепешки, а он ест лепешки, испеченные до него?

Якуб некоторое время помолчал в раздумье, а потом ответил:

– Человек, родившийся на свет, поступает к Богу мельником и мелет в муку свою жизнь, а время печет из этой муки лепешки, которые едят новые мельники. И так все время, пока существует жизнь!

Ничего не оставалось делать везиру царя франков. Он встал, обнял Якуба и говорит:

– Ты верно ответил на третий вопрос.

Шах Аббас обрадовался и, обращаясь к гостю, сказал:

– Задавай свой последний вопрос!

И везир царя франков спросил:

– Где больше людей – на земле или в земле?

Якуб учтиво поклонился и ответил:

– Конечно, людей больше в земле: сколько поколений ушло в землю и назад не вернулось, им и счету нет. А на земле всегда велся и ведется счет!

Как только Якуб ответил на последний вопрос, тут же по приказу шаха Аббаса забили барабаны. Победенный гость поблагодарил шаха Аббаса и мудрого Якуба и собрался было уходить, но тут Якуб обратился к нему:

– Почтенный гость нашего великого шаха Аббаса! Теперь я хотел бы задать тебе всего два вопроса.

– Хорошо, – сказал везир царя франков.

– Первый вопрос такой: кто от кого зависит – солнце от земли или земля от солнца? А второй вопрос такой: что такое добро и что такое зло?

Долго думал везир царя франков, но так и не смог ответить. Попросил он тогда сорок дней и ночей сроку и тут же отправил гонца в свою страну, чтобы найти человека, который смог бы дать ответы.

Много дней и ночей слуги царя франков ездили по своей стране в поисках ответа. Только на сороковой день в одном ремесленном квартале нашли кузнеца, который сказал, что знает как ответить на вопросы восточного мудреца. Тут же его искупали в царской бане, переодели в шелковые одежды и доставили во дворец шаха Аббаса.

Посадили Якуба и кузнеца друг против друга и стали ждать, как кузнец будет отвечать на вопросы Якуба. Но кузнец сам задал вопрос Якубу:

- Когда ты появился здесь?
- Вот уже пятьдесят лет! А ты?
- Я тоже пятьдесят лет! А когда снят урожай на этих горах?
- Вот уже семь лет! А когда выпал снег на этих горах?
- Вот уже три года! А что делает твоя дочь?
- Она радует душу отца и людей! А чем занимается твоя дочь?
- Она все мучает душу отца своего! – с печалью ответил кузнец.

А Якуб ему говорит:

- Ты бы взял одиннадцать да освободил двенадцатую!
- Бедность не позволяет! – ответил кузнец.

На этом Якуб и его гость окончили разговор.

- О чем вы говорили? – спросили везир царя франков и шах Аббас.

Якуб долго не хотел отвечать, но наконец сказал:

– Первый вопрос: «Когда ты появился здесь?» – означает -сколько нам лет. Вторым вопросом: «Когда снят урожай на этих горах и когда выпал снег на этих горах» – значит: когда я полыхнул, а он поседел? Третий вопрос: «А что делает твоя дочь?» – означает – чем мы занимаемся и довольны ли своей работой. И последнее: «Ты бы взял одиннадцать да освободил двенадцатую» – означает – поработай одиннадцать месяцев в году, двенадцатый месяц оставь для отдыха! Вот и весь наш разговор, – закончил Якуб.

– А где же ответы на те два вопроса, которые ты, Якуб, задал везиру царя франков? – спросил шах Аббас.

- Я не сомневаюсь, что мой гость знает, как на них ответить! -сказал Якуб.

Но все потребовали ответа. И гость ответил:

– Во все времена солнце зависело от земли, а земля от солнца.

– Почему? – тут же спросили его.

– Не будь на небосводе солнца, земля бы наша была мертва. Хвала солнцу! Но если бы не было земли, то и солнце было бы не нужно. Хвала земле! Не так ли царь и народ? Не будь царя – народ был бы сиротой, не будь народа – цари были бы не нужны.

– Верный ответ! – сказал Якуб и посмотрел на шаха Аббаса.

Шах Аббас догадался, для чего Якуб задал такой вопрос, но промолчал. А кузнец уже отвечал на второй вопрос:

– Добро – это песнь души и плач радости; добро – это счастье труда и благодарность ближнему. Добро – это привязанность к матери, к отцу, к Родине. Добро – это любовь, с которой человек смотрит в глаза другого человека. А зло – это муки души, пораженной раскаянием; это – дело, которое в тягость; это – унижения, причиняемые другим...

– Хватит! – воскликнул Якуб и снова посмотрел на шаха Аббаса.

И опять шах Аббас догадался, для чего Якуб задал такой вопрос, но промолчал.

Вскоре почетные гости уехали, а шах Аббас пригласил к себе Якуба и говорит:

– Да простит меня Худо за мое безумство, Якуб!

– Да простит великий и справедливый шах Аббас! – сказал ему в ответ Якуб.

Шах Аббас обнял Якуба и повел в зал, где хранилась шахская казна.

– Я обещал тому, кто сумеет ответить на вопросы посла, половину своей казны, но теперь решил назначить тебя казначеем, – сказал шах Аббас.

Якуб поклонился и ответил:

– Да продлит Господь твои дни, великий шах, но я должен сначала поехать к себе в аул и найти подходящего конюха вместо себя.

– Хорошо! – согласился шах Аббас. – Поезжай, сделай все, как ты считаешь нужным, и возвращайся!

Приехал Якуб в свой аул, выбрал на свое место одного из своих учеников, дал ему несколько полезных советов, попрощался со всеми односельчанами, велел слушаться старосту и уехал вместе с семьей.

Приехал он во дворец шаха Аббаса, устроился с жильем и вскоре приступил к своим новым обязанностям казначея. Шли дни. Якуб пересчитал всю шахскую казну и как-то говорит жене:

– Знаешь, о чем я думаю?

– О чем? – спрашивает жена.

– Не лучше ли будет, если шахскую казну пустить в оборот? Лежит эта казна, как мертвец в гробу, что в ней проку?

– О нет, нет, Якуб, не советую тебе без ведома шаха Аббаса что-либо делать.

– Не могу я сидеть без дела и сторожить эту казну! – сказал Якуб.

На следующий день призвал он к себе купцов и разослал их по разным государствам, а кому нужны были деньги, дал из шахской казны и сказал:

– Вот вам деньги. Пустите их в оборот, а из выручки часть возьмите себе, а остальную часть верните в шахскую казну.

И стали купцы ездить по другим государствам. Туда везут ковры, шелка, серебро и фарфор, а оттуда – другие товары. Довольны купцы, и Якуб радуется: приумножается казна шаха Аббаса.

Как-то пришел Якуб домой и говорит жене:

– Жена, а жена, знаешь, что я задумал?

– Что? – спрашивает та.

– Приумножил я шахскую казну... Вот и думаю пустить часть казны на строительство.

– Доброе дело задумал! – одобрила жена.

На следующий день стал Якуб приглашать к себе тайно от шаха Аббаса и его везиров людей и говорит им:

– Вот вам столько-то денег из шахской казны, стройте в своих городах храмы, да так, чтобы любо было смотреть не только нам, но и нашим правнукам!

Обрадовались люди, поблагодарили Якуба и стали строить храмы в своих городах и селениях.

А между тем Якуб пригласил к себе старост из разных городов и говорит им:

– Вот вам столько-то денег из шахской казны, стройте дороги и мосты, дворцы, мечети, синагоги, храмы... Сажайте сады... А если понадобится какой совет, поезжайте в такой-то город (и Якуб назвал тот самый аул, где он совсем недавно был шахским конюхом), скажите, что от меня, и вам окажут любую помощь.

Так наставлял Якуб каждого старосту. А они возвращались и тут же принимались за дело.

Спит как-то шах Аббас и видит сон: в зале, где хранится его казна, завелось множество мышей. А сундук с казной весь в дырках, и мыши растаскивают казну. Около сундука сидит серый кот, все видит, а с места не двигается, только своими большими глазами по сторонам водит и радуется, что мыши шахскую казну растаскивают. Рассердился шах Аббас, пнул ногой кота, а кот перевернулся и превратился в кривого Якуба.

В страхе проснулся шах Аббас и тут же приказал слуге доставить к нему казначея Якуба.

Подняли Якуба с постели и привели к шаху Аббасу.

– Да буду я твоей жертвой, великий шах Аббас! – поклонившись, сказал Якуб.

Рассказал ему шах Аббас свой сон и спрашивает:

– Как там моя казна? На месте или нет?

Усмехнулся Якуб и говорит:

– О, великий шах Аббас, изволь прийти и посмотреть!

Вошел шах Аббас в зал, где казна хранилась, и видит: кругом чисто, а вместо одного сундука стало три.

– Что это? – спрашивает он.

Открыл Якуб крышки всех трех сундуков и говорит:

– Вот она, твоя казна, о великий шах Аббас!

Как увидел шах Аббас доверху наполненные сундуки, так и замер на месте.

– Откуда все это? – спрашивает.

И вот тут-то Якуб поведал ему все как есть, ничего не утаил.

Рассердился шах Аббас:

– Почему меня не спросил? Или я уже не твой шах?

Якуб низко поклонился и учтиво ответил:

– О, великий шах Аббас, стоит ли меня в чем-либо укорять? Ведь все, что я сделал, я сделал во имя великого уважения к тебе, справедливому правителю. Я не держал с тобой, мой правитель, совета, но ведь я знал, что делаю доброе дело и могу с ним справиться сам. Для чего же мне отрывать тебя от государственных дел по таким пустякам?

Успокоился шах Аббас и перестал сердиться на Якуба.

Шли дни за днями, месяцы за месяцами, годы за годами. Много перемен произошло в стране шаха Аббаса за это время, и однажды случилось такое.

Шахский везир правой руки принес домой рыбу и велел жене приготовить к вечернему столу бухлеме. Ел, говорят, везир бухлеме, подавился костью и умер. Семь дней и ночей весь народ был в трауре. Был опечален случившимся и сам шах Аббас. Долго думал он, кого же назначить везиром правой руки. «Может быть, назначить казначея Якуба? – думал он, но тут же говорил себе: Нет, нет! Это не тот человек. От него всякое можно ожидать: и хорошее, и плохое. Кто знает, для чего он так старается?»

Несколько дней и ночей колебался шах Аббас. Наконец он решил испытать преданность Якуба. Позвал он к себе главного звездочета и наказал ему:

– Пойди к казначею и предскажи ему по звездам, что через три дня и три ночи шах Аббас умрет, если он, Якуб, не принесет в жертву своего сына. Сделаешь все как я сказал и тут же явишься ко мне доложишь!

– Да быть мне твоей жертвой, великий шах Аббас. Все будет сделано, как ты велишь! – сказал главный звездочет и, поклонившись, удалился.

Вот Якуб возвращается домой и видит: у дворцовых ворот сидит главный звездочет и держит на коленях книгу.

– Салам алейкум! – говорит ему Якуб.

– Ваалейкум ассалам, Якуб! – отвечает звездочет и тут же говорит: – Якуб, хочешь, я погадаю тебе по звездам?

Якуб остановился и говорит:

– Сделай милость, погадай!

И подосланный звездочет начал гадать:

– Перемещение звезд предвещает в ближайшие дни несчастье для всей нашей страны!

– Какое?! – встревожился Якуб.

– Уста мои не смеют произнести вслух эту черную весть!

– Говори, почтенный! – попросил Якуб.

– Звезды предсказывают смерть нашего великого и справедливого правителя...

– Шаха Аббаса?! – в тревоге спросил Якуб.

– Да, – ответил звездочет.

– Неужели нет никакого спасения?! – взмолился Якуб. – Ведь шах Аббас не заслуживает смерти. Он такой многомудрый и справедливый!

Звездочет хитро молчит.

– Неужто никак нельзя предотвратить это несчастье? – снова спросил Якуб.

И только теперь подосланный звездочет ответил:

– Есть одно средство, но оно невыполнимо.

– Нет ничего невыполнимого, говори, – потребовал Якуб.

– Нужно, чтобы кто-нибудь из приближенных шаху людей принес в жертву своего единственного сына, – продолжает звездочет, – и чтобы сыну было двадцать четыре года, как и самому шаху Аббасу...

У Якуба подкосились ноги, сердце облилось кровью – его сыну было двадцать четыре года.

– Что мой сын по сравнению с таким великим и справедливым человеком, как наш шах Аббас! – воскликнул Якуб и быстро направился домой.

Тем временем звездочет пошел прямо к шаху Аббасу. Рассказал звездочет шаху все как есть. Шах Аббас тут же переоделся в одежду дервиша, накинул на себя черный халат и поспешил к дому кривого Якуба. Взобрался он на крышу дома и стал смотреть в слуховое окно. Смотрит он и видит: Якуб обнял жену и говорит:

– Жена, знаешь, что я хочу тебе сказать? Перемещение звезд предвещает в ближайшие дни несчастье для всей нашей страны!

– Что, война или голод? – в тревоге спрашивает жена.

– Нет, хуже! – отвечает Якуб. – Умрет наш шах Аббас... Но это несчастье можно предотвратить. Для этого нам нужно пожертвовать своим сыном. Эта жертва будет принята Богом, и Бог отведет от нашей страны большое горе!

Расплакалась жена Якуба. Долго не могла она успокоиться. Плакал и сам Якуб. Увидел сын плачущих родителей, забеспокоился и спрашивает:

– Что случилось?

Рассказал отец сыну все как есть и говорит:

– Сын мой, Бог только тогда примет эту жертву, если сам жертвующий пойдет на нее добровольно! Раздевайся, сын мой, человек нагим приходит в мир и нагим уходит к Богу.

Сын покорно разделся и лег на пол. Связал его Якуб по рукам и ногам, положил его голову к себе на колени, снял со стены кинжал и только собрался было перерезать сыну горло

как сверху донесся голос:

– Остановись, Якуб! Бог видит твоё чистосердечное желание помочь шаху и принимает его как искупительную жертву за великого шаха Аббаса. Дарую твоему правителю и твоему сыну жизнь. А ты, Якуб, за верность Богу и твоему правителю с этого времени будешь более счастлив!

Голос замолк. Пораженный Якуб бросил кинжал, упал на колени и, совершив молитву, бросился во дворец.

А шах Аббас, никем не замеченный, вернулся в тронный зал, переоделся в шахские наряды и стал ждать прихода Якуба.

Вскоре Якуб предстал перед шахом Аббасом. Упал он на колени и стал целовать шаха ноги.

– Ты что, Якуб, ума лишился или сон какой увидел? – сердито крикнул шах Аббас, делая вид, что он ничего не знает о случившемся.

– Прости, великий шах, прости. Да, я видел страшный сон! Но теперь это уже не страшно! Бог милосерден!

– Якуб, успокойся и иди домой, – повелел шах Аббас и ушел. На следующий день великодушный шах Аббас собрал на совет всех своих приближенных и объявил:

– Отныне казначей Якуб будет моим везиром правой руки.

Так кривой Якуб стал везиром правой руки самого шаха Аббаса.

Шли дни. Много добрых дел совершил Якуб, будучи везиром правой руки. Теперь он свое умение и ревностную любовь к стране и к своему справедливому шаху Аббасу использовал с большим усердием и правами. Но вот однажды к нему пришло письмо из Хоайтага. Вот что в нем было написано: «Дорогой Якуб! Мы гордимся тобой и рады твоим успехам! Но почему ты забыл то место, где родила тебя мать?» Далее в письме рассказывалось о том, как новая жена старосты Дауда довела своего мужа до страшной болезни, заточила его в загородном доме, выгнала всех его приближенных, а на их место поставила своих людей, алчных и корыстолюбивых... Сборщики податей, муллы и кадии, ростовщики и торговцы, воры и жулики быстро богатеют, говорилось в письме, а народ впал в нищету и отчаяние.

Якуб погрузился в глубокое раздумье, не зная, как поступить. Пошел, говорят, он тогда к шаху Аббасу и рассказал ему обо всем.

– Что же ты будешь делать? – спросил шах Аббас.

– Не знаю! – первый раз в жизни ответил Якуб. – Это моя Родина, все мне там знакомо, поэтому и не знаю, великий Аббас!

Не стал шах Аббас больше ни о чем говорить. Написал он указ, где говорилось:

«Новым старостой Хоайтагской области назначаю Яхью, сына Якуба». Написал и велел Якубу собирать сына в дорогу.

Приехал, говорят, Яхья в Хоайтаг, а вместе с ним сорок шахских слуг. Собрал Яхья на площади народ и прочитал указ шаха Аббаса.

С радостью принял народ этот указ. А слуги Яхьи схватили всех корыстных людей и жену Дауда и тут же на площади казнили. Говорят, Дауд был очень рад, что наконец-то избавился от этой жены-гадюки. Вскоре Дауд вернулся в свой каменный дом.

Не прошло и двух месяцев, как дела в Хоайтаге пошли на лад. Народ был доволен своим новым старостой. Однажды случилось так, что Яхья увидел дочь бывшего старосты и влюбился в нее. Да и она полюбила его. Через два месяца Яхья женился на дочери Дауда.

Семь дней и семь ночей не смолкали звуки барабанов и зурны. Все плясали, веселились, пили, ели и воздавали хвалу великому шаху Аббасу и его везирам. Говорят, что вместе с Якубом и его женой на свадьбе был и сам шах Аббас и тоже пил, ел, веселился и даже плясал и бросал на голову невесты, по древнему обычаю, золотые монеты.

Так кривой Якуб своим долготерпением и умением, добром служить людям и своему правителю достиг больших успехов и оставил добрую память о себе.

Верно говорит народ: и кривое дерево приносит целебные плоды.

Младшая дочь шаха Аббаса

Стояли жаркие летние дни. В один из таких дней отправился шах Аббас на охоту. Как всегда взял он с собой на охоту предсказателя данусменда Бахлюля. Целый день они были в пути и только к вечеру добрались до одного аула. Было очень душно, небо собиралось к дождю. Да и они изрядно устали.

– Нас в дороге может застать дождь. Давай лучше остановимся до утра в этом ауле, – говорит данусменд Бахлюль шаху Аббасу.

Посмотрели они и видят: в одной сакле горит очаг. Подошли они и постучались в двери. А в этой сакле жил бедняк с женой. Открыл бедняк двери и спрашивает:

– Что за дело у вас?

– Если можно, разреши нам до утра остановиться, – говорят шах Аббас и данусменд Бахлюль.

– Ладно, – говорит бедняк, – в дом входите, радость вносите.

Шах Аббас и его предсказатель не сказали, кто они и куда путь держат, только пожелали хозяевам всего хорошего и сели к огню.

Жена бедняка быстро собрала гостям ужин, выложила на стол свои бедняцкие угощения, предложила есть на здоровье и ушла в другую комнату. Она была беременна и

должна была вот-вот родить.

И надо же было случиться такому: в эту же ночь жена бедняка почувствовала боль в животе. Бедняк позвал мамой, – и вскоре его жена родила сына. И вот в это самое время – от Бога ли пришло или от самой жизни – неважно, важно то, что данусменд Бахлюль хлопнул в ладоши и стал смеяться. Шах Аббас, видя, что его предсказатель смеется, спрашивает:

– Что случилось?

– Что могло случиться? – ответил данусменд Бахлюль. – У бедняка родился сын. Он вырастит и женится на твоей дочери.

– Да сгореть твоему отцу, что ты болтаешь! Этому никогда не бывать, – отрубил шах Аббас.

В эту ночь шах Аббас никак не мог уснуть. Слова предсказателя мучили его душу.

«Надо убить этого новорожденного», – подумал шах Аббас.

Утром, перед тем как уходить, шах Аббас подозвал к себе бедняка и говорит:

– Знаешь что, у меня нет детей, а у вас они еще будут. Отдай мне вашего новорожденного, а я тебе дам за него два хурджуна золотых.

Посоветовался бедняк с женой, и решили они взять два хурджуна золотых и отдать ребенка.

Спеленали они сына и отдали шаху Аббасу, а взамен получили два хурджуна золотых монет. Поблагодарили хозяева и гости друг друга и разошлись.

Когда шах Аббас и его предсказатель прошли два аула и проходили вдоль леса, шах бросил ребенка в колючий кустарник со словами: «Да умереть тебе здесь!» – и они пошли дальше, а мальчик остался лежать один, такой крохотный, в большом темном лесу.

А теперь расскажу я вам об одном бедном одиноком старике, который жил в ауле, что был неподалеку от леса, где бросил шах Аббас ребенка. У этого одинокого и бедного старика была коза. И каждое утро он эту самую козу гнал в лес, а поздно вечером пригонял обратно домой. Вот и сегодня одинокий старик погнал пастись свою козу. Целый день пробыли они на пастбище: коза щипала траву, а старик лежал на солнце и грел свои старые кости.

Вечером, когда старик возвращался в аул, до его слуха донесся плач маленького ребенка. Старик направился в ту сторону, откуда слышался плач. Подошел он ближе и видит: в колючем кустарнике лежит ребенок. Он так сильно плакал, что у него уже почти не осталось сил дышать. Взял старик на руки дитя и говорит: «У того, кто тебя бросил здесь, Бога над головой нет. Чтобы твое горе избило того бессердечного человека».

Принес старик ребенка к себе в саклю и думает: «У меня тоже, как и у этого мальчика, никого нет. Оставлю я его себе. Буду кормить его и поить козьим молоком. Выращу, глядишь, будет мне помощь в предсмертные дни».

С этого дня старик и ребенок стали жить вместе.

Шли дни, годы, бедный старик так хорошо смотрел за своим названным сыном, что и некоторым отцам и матерям стоило бы позавидовать. Спустя семь лет ребенок подрос и стал таким красивым, что и описать невозможно.

В один из дней вышел мальчик на улицу поиграть с аульскими ребятами в лапту.

И надо же такому случиться: шах Аббас и его предсказатель данусменд Бахлюль возвращались с охоты мимо этого самого аула. И дорога их проходила именно по той самой улице, где играли дети. Проезжая мимо на лошадях, данусменд Бахлюль увидел ребенка, которого когда-то шах Аббас бросил в колючки, хлопнул в ладоши и рассмеялся:

– Что еще там случилось? – спросил своего предсказателя шах Аббас.

– Что еще могло случиться? – ответил ему данусменд Бахлюль. – Помнишь ребенка, которого ты купил за два хурджуна золотых когда-то у бедняка, а затем бросил в лесу... Он уже подрос и вон с ребятами играет в лапту. Я же тебе говорил, что он вырастит и женится на твоей дочери.

Увидев этого ребенка уже большим мальчиком, глаза шаха Аббаса налились кровью. Ему на миг представилось, что этот голодранец может стать его зятем и жить в его доме.

– Нет, не бывать ему никогда моим зятем, – сказал он. – Я должен что-то придумать.

Подъехали они поближе к играющим детям, подозвали к себе этого мальчика и спрашивают его: чей он сын?

– Иди, позови своего отца или мать, – сказал шах Аббас.

Ребенок, ничего не подозревая, побежал и позвал своего отца. Когда бедный старик увидел, что перед ним сам шах Аббас, от испуга даже пожелтел, будто в нем от страха желчь разлилась.

Шах Аббас спросил старика:

– Говори, только правду... Иначе голову твою отделю от твоей шеи... Откуда у тебя взялся этот ребенок?..

Бедный старик рассказал ему все, как было, ничего не утаив.

– Даю хурджуны золотых, отдай мне мальчика.

«Ребенок не мой, – подумал старик, – и никогда чужой ребенок родным не будет. Возьму-ка я лучше хурджуны золотых, да и буду себе жить без нужды... С золотыми все можно».

– Согласен, – промолвил бедный старик.

Взял шах Аббас и на этот раз бедного мальчика, отдал старику хурджун золотых, и они поехали дальше.

Доехали они до дальнего леса. Остановились. Шах Аббас завел мальчика в колючий кустарник, поставил к дереву, обмотал его семь раз веревкой и завязал тугой узел.

– Да быть тебе здесь трупом, – зло сказал шах Аббас.

Они поехали дальше, оставив бедного, взывавшего о помощи мальчика в большом и страшном лесу. Долго плакал бедный ребенок, да так сильно, что голос его стал сиплым. Но нет, никого не было в лесу и некому было помочь бедному, несчастному мальчугану.

Но случилось так. Отправился как-то на дальнюю охоту в тот самый лес Чиме-Чин падишах. И вдруг до его слуха донесся какой-то хриплый плач.

– Наверное, шакалы кричат, – сказал один из слуг.

Но Чиме-Чин падишах не согласился.

– Что не говорите, это плач ребенка, – сказал он и повелел осмотреть лес.

Слуги по плачу отыскивали бедного мальчика. А он землей не пахнет, а мертвецом лежит. Глаза красные от слез. Доложили слуги падишаху. Подошел Чиме-чин падишах и видит: к дереву привязан чудо-красоты мальчик, и нет цены такой красоте.

– Какой бессердечный человек привязал этого красавца? – возмутился падишах. – Скорее режьте веревки!

Слуги быстро разрезали веревки, дали мальчику воды, успокоили, накормили, уложили отдохнуть и часа через два поехали дальше, взяв с собой и этого бедного сироту.

– Нет у меня сына, – говорит Чиме-Чин падишах своим слугам, – возьму-ка я этого мальчика себе в сыновья. Такой красавец достоин быть сыном такого, как я, падишаха... Возвращаемся домой, – приказал падишах. – Охота оказалась очень удачной.

Посадил падишах мальчика на свою лошадь, и они тронулись в обратный путь, к городу-крепости.

Привез Чиме-Чин падишах сироту к себе домой, раздел его в самые дорогие наряды и стал растить его и кормить хлебом, на котором пылинку не встретишь; мясом, в котором косточку не найдешь...

Прошли годы... Исполнилось мальчику тринадцать лет. Возмужал он. И вот в один из дней говорит Чиме-Чин падишаху:

– Дорогой отец, мне хочется отправиться на охоту, посмотреть чужедальные края... Я уже не маленький...

– Милый мой сын, для чего тебе чужедальние края? Все, что ни есть у меня – это ты. И без тебя все мое богатство ничто в моих глазах... Не дай Бог, случится что-нибудь с тобой... Не уговаривай отпустить тебя. Все мое богатство и шахство – тебе, – говорит сыну Чиме-Чин падишах.

Сын еще долго упрашивал отца отпустить его, но падишах не соглашался. А сын все приставал со своей просьбой. И отец сдался, разрешил ему отправиться на охоту.

Собрал тогда Чиме-Чин падишах десять своих слуг и приказал им отправляться вместе с сыном на охоту.

– Ну, ладно, пусть познает жизнь. Он же не хуже сыновей других падишахов, – думал Чиме-Чин падишах.

Взяли они все необходимое, сели на своих скакунов и отправились на охоту.

У Чиме-Чин падишаха был смелый и красивый сокол. Этого сокола он всегда сажал в золотую клетку и брал с собой на охоту. На этот раз сокола взял с собой его сын.

Стояли летние жаркие дни. Сын Чиме-Чин падишаха и слуги отца его разбили на опушке леса шатер и сели отдохнуть, попировать.

Пусть они пируют, а я расскажу вам про шаха Аббаса и его предсказателя данусменда Бахлюля.

Шах Аббас и его предсказатель данусменд Бахлюль тоже охотились в этом лесу, где и сын Чиме-Чин падишаха. И вот когда они, уставшие и голодные, тоже разбили шатер и сели обедать, данусменд Бахлюль хлопает в ладоши и смеется:

– Что это еще случилось с тобой, негодник? – испуганно спрашивает своего предсказателя шах Аббас.

– А что еще может случиться? – отвечает данусменд Бахлюль. – Помнишь, ты у бедняка за два хурджуна золотых купил ребенка и бросил его в колючки, а затем этого же ребенка купил у бедного, одинокого старика за хурджуны золотых и привязал в лесу к дереву? Так вот, этот мальчик стал уже юношей и отдыхает недалеко отсюда в шатре, а его сокол поклевал твоего сокола и улетел к хозяину... Я же тебе говорил, что этот ребенок все равно женится на твоей дочери.

Шах Аббас нервно вскочил с места и говорит:

– Что ты болтаешь, негодник. Этому никогда не бывать. Где это слыхано, чтобы дочь такого почтенного, как я, шаха стала женой какого-то бедняка. Я ему сейчас наказание придумаю...

Шах Аббас написал письмо сыну Чиме-Чин падишаха, что ему необходимо прийти в такое-то место, в такое-то время к самому шаху Аббасу.

Поручил шах Аббас своему предсказателю отнести письмо и вручить юноше.

Сказано-сделано.

Прочитал юноша письмо и растерялся, для чего зовет его сам шах Аббас?

Но решил юноша идти к шаху Аббасу.

– Я скоро вернусь, – сказал он слугам своего отца и ушел.

Предстал сын Чиме-Чин падишаха во всей красе перед шахом Аббасом. А шаху Аббасу стыдно стало смотреть в лицо юноше, которому он причинил столько зла. Настолько красивым стал этот юноша, что цены нет его красоте!

– Быть тебе в здравии и радости, – приветствовал юноша шаха Аббаса и добавил: – Чем могу тебе служить?

Шах Аббас и говорит:

– Исполни мою просьбу: отвези это письмо в мое шахство, отдай любому человеку и скажи им, что шах Аббас передал.

– Исполню! – сказал юноша и взял у шаха письмо.

«Выполнить просьбу шаха – доброе и благородное дело, – подумал юноша, – отвезу и к вечеру вернусь».

Ничего не сказав своим слугам, сын Чиме-Чин падишаха вскочил на своего скакуна и поскакал в шахство Аббаса.

Скачет он и не знает, что написано в том письме, которое везет. А написано в нем вот что: «О сыны мои, о дочери мои, о невестки мои, о зятя мои, о слуги мои, о гаравоши, о векилы... Этого юношу, который передаст вам письмо, придет он к вам ночью или днем, в полночь или в полдень, вообще в любое время суток, убейте (подпись: шах Аббас)».

Город шаха Аббаса, куда поехал сын Чиме-Чин падишаха, скажу я вам, был очень красивым городом, с каменными домами и цветущими садами.

И вот в полдень въехал юноша в город и видит: перед ним красивый, цветущий сад. Въехал он в сад, сошел со своего скакуна, накормил его свежей травой, затем привязал к дереву, а сам умылся холодной родниковой водой и лег в тени, положив под голову свою папаху.

«Отдохну часок, потом и отнесу письмо семье шаха Аббаса», -подумал юноша и незаметно уснул.

Пусть он спит, да и снятся ему сладкие сны, а я расскажу вам про дочь самого шаха Аббаса... Дочь шаха Аббаса вместе со своими инчегузами прогуливалась в этом самом саду, где уснул юноша-красавец. Сад был очень большой. А росли в нем все фрукты, какие только знал человек. И был там бассейн с четырьмя источниками. И жили в этом саду соловьи и

другие певчие птицы.

И вот незаметно для самих себя, дочь шаха Аббаса и ее инчегузы подошли к тому самому роднику, где спал сын Чиме-Чин падишаха. Подошли они поближе и видят: к дереву привязана лошадь, а на траве спит какой-то незнакомец.

«Кто же это может быть, чтобы без разрешения прийти в сад моего отца да еще разлечься и спать? – подумала дочь шаха Аббаса, -Наверное, какой-нибудь гонец от отца».

Подошла она еще ближе к спящему и видит: спит юноша, да не юноша, а само чудо красоты. Если у человека два глаза, то еще два глаза нужно, чтобы смотреть на него. Настолько красив был юноша, что цены нет его красоте.

Влюбилась дочь шаха Аббаса в юношу, глаз не может отвести. Сняла девушка, дочь шаха Аббаса, со своей головы платок, накинула на то дерево, под которым спал этот юноша, чтобы солнце не жгло его и без того разгоряченное лицо.

Наклонилась красавица над юношей и увидела, что из его папахи виднеется клочок письма: «Наверное, отец через него переслал», -подумала дочь шаха Аббаса.

Она осторожно вынула из папахи это письмо и прочла написанное.

– Какой жестокий человек мой отец, – сказала девушка своим инчегузам, – как только могла его рука написать, чтобы такого красавца убили?

Она разорвала на клочки письмо отца и тут же составила другое письмо, в котором написала: «О сыны мои, о дочери мои, о зятья мои, о невестки мои, о слуги мои, о гаравоши, о векилы мои... Этого юношу, который передаст вам мое письмо, придет он к вам ночью или днем, в полночь или в полдень, в общем, в любое время суток, отдайте ему в жены мою младшую дочь и сыграйте богатую свадьбу». Подписалась дочь шаха Аббаса, как подписывается отец, и положила это письмо в папаху юноше.

...Вернулась дочь шаха Аббаса домой и ждет прихода гонца с письмом.

А юноша проснулся и видит, что день приближается к ночи. Заторопился он, отвязал своего скакуна, вскочил на него и поскакал к дому шаха Аббаса. Прискакал и стал стучаться в шахские ворота. На стук вышли стражники шаха Аббаса.

Юноша объяснил им, что его с письмом послал шах Аббас.

Провели его в дом, к семье шаха. Вручил юноша письмо и собрался было уходить, а дочь шах-Аббаса и говорит:

– Прочитайте письмо, может быть, нужно ответить.

Стали читать письмо, а в письме написано, чтобы выдали замуж младшую дочь за этого юношу и сыграли богатую свадьбу.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу во дворце шаха Аббаса. И стали юноша и

младшая дочь шаха Аббаса жить на радость друг другу.

К тому времени прошел год, как шах Аббас ушел на охоту. И вот в один из дней семья шаха получает письмо, в котором сообщается о возвращении шаха Аббаса домой.

В тот день, когда шах Аббас должен был уже въехать в город, девушка рассказывает своему мужу историю о том, как она порвала письмо отца, а сама написала другое...

– Сегодня все мы пойдем встречать отца моего, – сказала она, – сядем в золотую отцовскую карету и поедем. Когда мы подъедем близко, ты сойдешь, обнажишь свой кинжал, протянешь отцу моему и скажешь:

«Твое право этим кинжалом отрубить наши головы».

Данусменд Бахлюль, видя такое дело, встанет перед отцом моим и скажет: «Жить им тебе на радость!» И отец простит нас.

Семья шаха Аббаса с радостью вышла навстречу отцу. Еще издали увидел данусменд Бахлюль юношу и рядом с ним младшую дочь шаха Аббаса. Данусменд Бахлюль хлопнул в ладоши и громко рассмеялся.

– Что там еще случилось? – встревожился шах.

– Что же еще могло случиться? – говорит ему его предсказатель. – Помнишь, ты за два хурджуна золотых купил у бедняка его ребенка и бросил в колючки. Затем ты купил этого мальчика еще раз за хурджун золотых у одинокого, бедного старика и привязал в лесу к дереву, а потом ты этого же юношу послал с письмом к себе домой и приказал убить его. А теперь смотри... Вон он и твоя младшая дочь едут на колымаге встречать тебя... Я тебе что говорил...

Шах Аббас остолбенел, лицо его налилось кровью:

– Я их обоих убью, – вскричал шах.

Когда шах Аббас и карета поравнялись, юноша соскочил с нее, обнажил свой кинжал и сказал шаху:

– Твое право этим кинжалом отрубить наши головы.

Шах Аббас протянул руку к кинжалу, а данусменд Бахлюль встал перед шахом Аббасом и сказал ему:

– Смири свой гнев... Пусть живут тебе на радость!

Когда шах Аббас вошел к себе в дом, он собрал всех своих слуг, везиров и советников, всех своих сыновей и дочерей, всех своих невесток и зятьев, вообще всех, кто жил в его доме, и спросил он: кто дал вам право не выполнить мой приказ?!

Все собравшиеся, слыша такой вопрос шаха Аббаса, подумали, что он потерял свой

разум. Принесли и показали ему то письмо, которое им вручил юноша. Посмотрел шах Аббас на письмо и узнал в нем почерк своей дочери.

– Если дочь сама решила, что же мне делать? – сказал шах Аббас.

Данусменд Бахлюль сказал тогда шаху Аббасу:

– Разве я тебе не говорил, что сын бедняка женится на твоей дочери?! Я никогда не вру!

Шах Аббас кивнул головой, подтверждая слова своего предсказателя, и сказал:

– Связанное Богом да не развяжется!

Лиса и плешак

О ком рассказать, о ком поведать?!

Расскажу-ка я вам про плешака и лису.

Было так или не было, жил в одном городе плешак. А неподалеку от тех мест в лесу жила лиса.

Однажды плешак неведомо где отыскал грушевое дерево и принес к себе во двор. Посадил он его в своем саду и стал дожидаться, когда дерево даст плоды и он сумеет насладиться ими.

Проходят дни, недели, а плешак все ухаживает за деревом: то принесет воды с речки и поливает его, то окапывает, то еще что-нибудь делает. Как мать лелеет ребенка, так и плешак растил свое грушевое дерево.

Наконец пришло время и дерево принесло плоды. Груш было так много, что плешаку пришлось ставить подпорки, иначе ветки сломались бы под тяжестью плодов. Каждый раз, когда плешак подходил к дереву и видел созревающие груши, у него текли слюнки. Но он был терпелив и не сорвал ни одного плода, пока не пришло время.

– Пусть наберут сока, – говорил он себе. – Уж я тогда позову друзей и закатим пир.

Между тем лиса, что жила поблизости в лесу, повадилась бегать в сад плешака. Прибежала она в первую ночь и видит: растет дерево, а на нем столько груш, что ветки к земле гнутся. Обрадовалась лиса и давай рвать груши. Рвет и песенку поет про то, как она, лиса, пирует, а плешак спит.

Поет лиса, а плешак видит сон, будто груши спели и он объедается ими.

Тем временем лиса наелась и убежала в свой лес. А плешак утром проснулся, взял лопату и пошел в сад. Подошел он к грушевому дереву и видит, что ветки обломаны, а самых спелых груш нет.

– Э-гей, кто-то украл мои груши! – воскликнул плешак и решил в эту ночь не спать и выследить вора.

Наступила ночь. Долго плешак не спал и высматривал вора, но сон взял свое, он все же уснул и до самого рассвета не просыпался.

А лиса и в эту ночь пришла в сад. Вдоволь наелась груш и убежала.

Плешак проснулся и видит: груш на дереве почти не осталось -все оборвано.

– Пусть я буду проклят, – вскричал плешак, – если сегодня ночью не выслежу вора!

Ночью плешак спрятался в траве и стал ждать прихода вора. Длинной, как кишка шагаду, показалась эта ночь плешаку. Уж очень ему хотелось спать!

Под утро он вдруг увидел как через забор перепрыгнула лиса и побежала прямо к грушевому дереву. Стала лиса рвать оставшиеся плоды, а плешак притаился и ждет, когда будет сподручнее схватить воровку. И вот, когда лиса потянулась за очередной грушей, плешак выскочил из своего укрытия и схватил лису.

– Так, значит, это ты ворует мои груши! – закричал плешак. –Значит, на готовое пришла! Сейчас ты останешься без головы!

Испугалась лиса и говорит:

– Да буду я твоей жертвой, почтенный шах грушевого дерева! Отпусти меня, а я тебе добром отплачу.

– Ты еще пощады просишь! – рассердился плешак. – Обещаешь отплатить мне добром! Где это слыхано, чтобы лиса делала хорошие дела?

Лиса расплакалась и говорит:

– Душой отца клянусь, плешак, я женю тебя на дочери самого падишаха!

Обрадовался плешак, что будет зятем самого падишаха, и помиловал лису.

– Ладно, быть по-твоему, – сказал он. – Жени меня на дочери падишаха.

Они ударили по рукам и с тем расстались. В то же утро лиса направилась ко дворцу падишаха. Подошла она к воротам, постучалась и стала ждать.

– Кто стучит? – спрашивают падишахские слуги.

– Это я, лиса, у меня к падишаху дело есть.

Слуги пришли к падишаху и доложили ему о приходе лисы.

«Лиса без дела не придет», – подумал падишах и велел пропустить к нему лису.

Пришла лиса в покои падишаха и уселась напротив него, подложив под себя хвост.

– С чем пришла, дорогая лиса? – спрашивает падишах.

– Жить тебе и здравствовать, почтеннейший падишах, – отвечает лиса. – Я пришла по очень важному делу. Я знаю, мне ты не откажешь. Я всегда желала тебе добра и благополучия. Я всегда молилась за тебя.

Слушал-слушал падишах лестные слова лисы и не выдержал:

– Да не терзай мне душу, говори, с чем пришла?

А лиса свое твердит:

– Душой отца своего клянусь, с добром пришла. Мой приход весельем пахнет... Повезло тебе.

– Да говори, в чем дело! – рассердился падишах.

– Я пришла просить тебя выдать дочь за шаха грушевого дерева. Уж если не выдать за такого шаха, как он, то и выдавать не за кого. Счастье само тебе в руки идет. Бери, почтенный падишах!

Выслушал падишах лису и говорит:

– Много сватов приходят сватать мою дочь, но я всем отказываю. Не по мне все они. Но ради тебя я отдам свою дочь за шаха грушевого дерева.

Договорилась лиса с падишахом о дне свадьбы, пожелала ему счастья и собралась было распрощаться, но тут падишах говорит:

– Дорогая лиса, прежде приведи ко мне жениха. Я посмотрю на него. Да и дочь пусть увидит его. Хоть свадьбу вечером играют -договориться надо днем.

– Быть по-твоему, почтенный падишах, – отвечает лиса, – жених с друзьями и сватами придет.

Падишах остался в своих покоях, а лиса что есть духу примчалась к плешаку и стала кричать еще с порога:

– Дорогой брат плешак, где ты?

Выскочил плешак навстречу лисе и спрашивает:

– Что случилось, говори?

– Да что может случиться, – отвечает лиса. – Все хорошо. Падишах согласился отдать за тебя свою дочь.

Плешак от радости пустился в пляс.

– Слушай, плешак, – продолжает лиса, – ты должен делать все так, как я тебе скажу. Не послушаешься меня – будет плохо.

– Буду, буду слушаться, – говорит плешак.

– Так вот, выпроси у своей матери золотой эршефи.

– Что ты задумала, лиса? – спрашивает плешак.

– Иду к падишаху тебя сватать... А золотой эршефи заставит падишаха поверить в твои богатства. Ведь в мире этом все богатством измеряется.

– Как же ты обманешь падишаха? – спрашивает плешак.

– Я пойду и попрошу у него мерку для золота. Скажу, что шаху грушевого дерева нужно подсчитать свои эршефи. А когда буду возвращать ему мерку, то оставлю на дне один эршефи, будто бы его там забыли. Шах увидит деньги и подумает: «Да он так богат, что золотой эршефи ни во что не ставит». Теперь тебе понятно?

– Валлах-биллах, здорово ты придумала, – радуется плешак. – Я сделаю все так, как ты велишь, дорогая лиса.

Пошел плешак к матери и стал просить у нее один золотой эршефи.

– Зачем тебе эршефи? – спрашивает мать.

– Лиса женит меня на дочери падишаха, – отвечает плешак и рассказывает о затее лисы.

Мать всегда мать. Достала где-то золотой эршефи и отдала сыну. А лиса между тем пришла к падишаху и говорит:

– Жить тебе и здравствовать, почтенный падишах. Я пришла попросить твою мерку. Жених хочет подсчитать свое золото.

Отдал падишах свою мерку, а сам думает: «Видно, однако, мой будущий зять очень богат».

А лиса пришла с меркой к берегу моря и стала накладывать в нее ракушки да высыпать в кучу, пока мерка не треснула. Тогда лиса засунула в трещину золотой эршефи и понесла во дворец падишаха.

– Отдайте эту мерку падишаху, – сказала лиса слугам, а сама спряталась за углом и стала ждать.

Передали слуги мерку падишаху. Падишах посмотрел в нее и видит: в трещине застрял

один золотой эршефи.

– Позовите сюда лису, – приказал падишах.

Лиса вошла и жалуется:

– Ох, и устала я мерить женихово золото.

А падишах говорит:

– В мерке остался один золотой эршефи. Возьми, лиса, отдай хозяину.

– Не дай Бог, чтобы наш шах грушевого дерева услышал твои слова! Он бы обиделся, почтенный падишах. Такую мелочь он нищим отдает. Отдай этот эршефи какому-нибудь бедняку. – Лиса сказала так и ушла.

«О! – думает падишах. – Да мой зять богаче меня, если золотые эршефи направо и налево швыряет!»

Падишах не стал оттягивать день свадьбы. Он послал к лисе своих слуг с письмом, в котором приглашал ее с женихом на смотрины. Взяла лиса письмо и примчалась к плешаку.

– Плешак, падишах приглашает нас завтра к нему. Надо идти.

– Дорогая лиса, мы опозоримся перед падишахом, – отвечает плешак.

– Прикуси язык да помалкивай, – отвечает лиса. – Я все сама сделаю.

На следующее утро лиса пришла к одному богачу и говорит:

– Почтенный богач, ты всегда был добрым. Никогда и никто не слышал, чтобы ты не выручил человека. Добрая молва о тебе за семь верст идет...

– Говори, лиса, с чем пришла?

– Да продлятся дни твои. Ради здоровья детей своих ты должен меня выручить, – продолжала лиса. – Дай мне ненадолго пару платьев, сапоги да папаху. Решила плешака женить...

Богач хотел отказать, да вспомнил лисьи похвалы. Как тут не дать ей одежду. Недаром в народе говорят: «Лестной речью и змею в друга превратишь».

Взяла лиса у богача все, что ей было надо, и прибежала к плешаку.

– Идем со мной, – говорит.

Привела она плешака к морю и стала мыть ему голову. Моет и моет, а плешак кричит:

– Умираю, дорогая лиса, хватит!

– А ты что хочешь – и зятем падишаха быть, и грязь с головы не смыть, – говорит лиса.

Вымыла лиса плешаку голову, а затем повела его в баню. Там хорошенько искупала его и лишь тогда нарядила в одежду жениха.

Потом лиса собрала юношей – сыновей знатных людей города, и все они пошли ко дворцу падишаха.

Впереди идет плешак-жених, а следом лиса и остальные сваты.

У слуха быстрые ноги. Дошло до самого падишаха, что идут к нему сваты шаха грушевого дерева. Обрадовался падишах и приказал музыкантам встречать гостей.

Забили барабаны, заиграла зурна... С музыкой и плясками вошли в падишахский дворец гости.

Тут же слуги падишаха накрыли свадебный стол. Чего там только не было! Здесь и бараний плод, и долма, и вино... В общем, зачем вас расстраивать – столы гнулись от разных яств!

Расселись гости и стали угощаться. Посадили плешака на самое почетное место. Подвинули к нему разные яства. А плешак смотрит на все это, радуется и ест, ест. Прямо с костями глотает мясо!

Видел все это падишах и от стыда готов был сквозь семь пластов земли провалиться. Отозвал он лису в сторону и говорит ей:

– Дорогая лиса, что-то не нравится мне этот жених. Он так ест, будто семь дней и семь ночей в рот ничего не брал. То на свои наряды смотрит, то со стола все хватает. Не похож он на богатого человека.

А лиса всегда найдет что сказать.

– Жить тебе и здравствовать, почтенный падишах. Что для него твой богатый стол и эти угощения! Просто он никогда в жизни не видел мяса с костями. Для него мясные блюда готовят без костей. Вот потому-то он и ест мясо с костями. А на свои наряды он смотрит от смущения. Жалеет о том, что не свое шахское платье надел. Ему кажется, что люди с осуждением смотрят на его простой наряд, -вот как ответила лиса падишаху.

Кончилось сватовство, назначили день свадьбы. Плешак ждет не дождется, когда же, наконец, будет свадьба. Долгими кажутся ему дни ожидания – каждый час как целые сутки, а сутки – как месяц. Забыл плешак обо всем на свете и даже о своем грушевом дереве не вспомнил. Зато для лисы время летело быстро. Она все думала: куда же привести невесту?

И вот пришло время играть свадьбу, а лиса так ничего и не придумала.

– Опозорилась! – решила лиса и вдруг вспомнила, что на окраине города есть огромный дворец. В семь раз больше и красивее, чем у падишаха. А живут в нем пара аждага.

«Вот туда-то я и поведу невесту», – решила лиса.

– Собирай всех своих друзей, знакомых и незнакомых, встречных и поперечных, соседей и детей, пойдем за невестой, – сказала лиса плешаку.

Сказано – сделано. Собрал плешак всех своих друзей, знакомых и незнакомых, встречных и поперечных, соседей и детей и стал ждать лису.

А лиса тем временем побежала к жене аждага и говорит:

– Меня твой муж послал. Сегодня вечером к вам почетные гости придут. Муж велел приготовить все самое вкусное.

Поверила жена аждага лисе и стала во дворе готовить в котлах разные яства.

Наступил вечер, и пришло время вести невесту в дом жениха. Вот лиса и говорит:

– Надо собираться, а то у жениха все угощение остынет, да и гости ждут не дождутся.

Вскоре на улицах раздались звуки барабана. Это вели невесту. Лиса шла впереди, а с двух сторон дети несли горящие плошки.

Вскоре подошли ко дворцу аждага. Тут лиса побежала вперед и давай кричать:

– Дорогой брат аждага, спасайся. На тебя идет войско семиголовых аждага. Они хотят убить тебя и твою жену. Скорее спасайся!

Поверил аждага лисе и спрятался в огромный стог сена. Там же укрылась и его жена. А лиса, не будь душой, возьми и подожги стог. Так и сгорели аждага с женой.

А лиса тем временем открыла огромные ворота дворца и стала осыпать жениха с невестой сахаром и рисом.

– Добра и счастья! Добра и счастья! – кричала лиса гостям.

Вошли гости во дворец, увидели прекрасные покои да так и прикусили от удивления пальцы.

– Счастье пришло в руки падишаха. За такого богатого жениха отдал он свою дочь! – говорили они.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу плешака и дочери падишаха. На восьмой день гости разошлись, а плешак с невестой остались в этом дворце.

– Ну что ж, плешак, ты хотел лишить меня умной головы за свои груши. А теперь что ты скажешь? Доволен ли ты мной? – говорит лиса.

Поклонился лисе плешак и говорит:

– Всю свою жизнь буду помнить то, что ты сделала для меня.

– Вот и хорошо, – отвечает лиса. – А теперь я пойду в лес, но когда-нибудь вернусь к тебе.

А кто знает, зачем она вернется? Лиса-то всегда останется лисой!

Фагир и мошенники

В одном городе жил с женой бедняк по имени Фагир. У них ничего не было, кроме старого дома, годовалого упитанного бычка и пятнадцатилетнего сына.

Как-то раз Фагир сказал своему сыну:

– Дитя мое, у меня нет времени, мне нужно заняться другими делами. А ты отведи-ка нашего бычка на базар и продай его за десять золотых.

Сын не стал возражать отцу, – вывел бычка со двора, привел его на базар и стал дожидаться покупателя.

Прошел час, другой. Наконец подошел к нему мужчина средних лет, осмотрел внимательно бычка и ласково спросил:

– Юноша, сколько стоит твоя коза?

Сын Фагира удивленно взглянул на него и ответил:

– Уважаемый человек, это бычок, а не коза. Разве ты не видишь?

Мужчина хотел что-то сказать, но в эту минуту подошли к ним еще двое покупателей. Они тоже внимательно осмотрели бычка со всех сторон и в один голос спросили юношу:

– Сколько стоит твоя коза?

Рассердился на них сын Фагира и недоуменно сказал:

– Неужели годовалого бычка не можете отличить от козы?

Словно сговорившись, – а это так и было, – все трое мужчин начали хором утверждать, что перед ними не годовалый бычок, а настоящая коза. Сын Фагира слушал, слушал их, и в конце концов согласился с ними. Получив от них несколько золотых и отдав им своего бычка, он положил деньги в карман и вернулся домой. Фагир взял деньги у сына и спросил:

– Почему так мало?!

Рассказал ему юноша о трех покупателях и о том, почему он продал годовалого бычка за цену тощей козы. Понял тогда бедный Фагир, что его несмышленный сын угодил в хитросплетенные сети ловких городских мошенников и поэтому решил им отомстить за

подлость и коварство.

Утром следующего дня он отправился в лес и поймал двух одинаковых зайцев. Возвратившись домой, он сказал жене:

– Одного из зайцев я отнесу на базар, а другого оставляю дома и приду с гостями. Ты же до моего прихода свари вкусный ингар, поставь на стол кое-что из зелени и кувшин сухого вина. Когда гости рассядутся, я спрошу у тебя, что ты приготовила на обед, отвечай: «Я приготовила на обед все, что ты передал через своего зайца».

– Хорошо, – сказала жена и стала готовить обед.

А тем временем Фагир обвязал веревкой одного из зайцев и, словно щенка, повел на базар. Там было шумно и многолюдно. Фагир подошел к тому месту, где продавали всякую живность, и стал терпеливо ждать. Долго ли он ждал, это ему знать, но, наконец, к нему подошли те мошенники, которые обманули его сына.

– Сколько стоит твой заяц? – спросил их атаман.

Фагир чуть прищурился и ответил:

– Мой заяц – бесценен, потому что он мудр, понимает человеческий язык и выполняет все приказы своего хозяина.

Мошенники от удивления уставились на него.

– Быть того не может! – воскликнули они. – На свете нет такого животного, которое понимало бы человеческий язык.

– А мой заяц понимает, – сухо сказал Фагир. – Давайте проверим. Тут же перед вами я сейчас прикажу ему передать моей жене, чтобы она до нашего прихода приготовила вкусный ингар и поставила на стол разной зелени и кувшин доброго вина. Согласны?

– Попробуй, если получится, – согласились мошенники.

Фагир усмехнулся про себя, взял своего зайца на руки, снял с него веревку и, приказав ему все, что только что сказал мошенникам, отпустил его. Заяц, почуяв свободу, тут же шмыгнул между ног прохожих и скрылся за воротами базара.

Через полчаса мошенники были уже в гостях у Фагира. Они вошли в чисто убранную комнату, осмотрелись вокруг и видят: на столе стоят стаканы и кувшин вина, а рядом несколько кусков лаваша и разная зелень.

– Все так, как ты нам говорил, – сказали мошенники, – но мы не видим твоего ученого зайца.

– А вы посмотрите в тот темный угол, – спокойно сказал Фагир.

Посмотрели мошенники в угол и видят: сидит себе заяц величаво и грызет морковь,

придерживая ее лапками.

Тем временем Фагир подозвал жену и спросил:

– Милая, что ты приготовила на обед?

Жена незаметно для гостей подмигнула ему и ответила:

– Господин мой, я приготовила все, что ты передал мне через твоего зайца. Садитесь за стол, я подам вам ингар.

Фагир и мошенники сели за стол и принялись за еду. А вскоре, наевшись и напившись, охмелевшие гости обратились к доброму хозяину:

– Дорогой Фагир, продай нам своего ученого зайца. Мы готовы заплатить за него столько золотых, сколько ты попросишь.

– Нет, дорогие гости, – сказал Фагир, – я раздумал продавать такого умного и послушного зайца. Он мне самому нужен почти что каждый день.

Мошенники начали его упрасивать долго и настойчиво. Фагир наконец сдался их натиску и сказал:

– Пусть будет по-вашему. Давайте мне цену двух годовалых бычков, то есть двадцать золотых, и забирайте моего зайца.

Отсчитали мошенники двадцать золотых и отдали Фагиру. Тот быстро спрятал деньги в карман, вручил им зайца и тут же распрощался с ними.

Выйдя на улицу, мошенники решили сразу же испытать свою драгоценную покупку. В это время заяц находился на руках у атамана. Он склонился к его уху и строго сказал:

– Сейчас же отправляйся к моей жене и передай ей, чтобы до моего прихода с друзьями приготовила нам вкусный обед.

Сказав так, он отпустил зайца. Заяц стремительно помчался по улице и вскоре скрылся за поворотом.

Ровно через час трое мошенников пришли в дом атамана. Вошли они в комнату и видят: стол пуст, а хозяйка сидит у окна и грызет семечки.

Атаман быстро подскочил к ней и грозно спросил:

– Эй, женщина, почему на столе ничего нет? Разве заяц не передал тебе мое повеление, чтобы ты до моего прихода приготовила вкусный обед и подала его?

Женщина удивленно уставилась на мужа.

– Какой заяц? – спросила она. – Не потерял ли ты свой рассудок, шляясь по городу в

поисках очередных простаков?

Услышав такое, поняли мошенники, что Фагир обманул их, и решили хорошенько его проучить.

А тем временем Фагир уже готовился к новой встрече с ними. Он подозвал жену и сказал:

– Слушай, милая! Вот эту кишку, наполненную козьей кровью, я привяжу сейчас к твоей шее. А когда к нам придут мошенники, плюнь на пол и ничего не делай. Тогда я понарошку рассержусь на тебя, выхватю из ножен свой кинжал и его острием слегка проколю кишку. Тотчас оттуда хлынет кровь. Ты с криком схватись за окровавленное горло и, упав на пол, притворись мертвой. Лежи так до тех пор, пока я не заиграю на зурне. А после, услышав музыку, встань на ноги и пригласи меня на танец...

Только он успел произнести последние слова, как в комнату ворвались разгневанные мошенники и бросились на него.

– Или верни наши деньги, – закричали они, – или мы убьем тебя, подлец!

Фагир выпучил глаза и удивленно спросил:

– В чем дело, друзья мои?

Атаман свирепо надвинулся на него и прошипел:

– Чтоб сгорел ты в аду, обманщик и плут! Твой заяц не пришел ко мне домой и не передал моей жене все, что я ему поведал. За это тебя повесить мало!

Выслушал Фагир его угрозы и вежливо сказал ему:

– О, почтенный человек, позволь мне задать тебе один вопрос!

– Задавай, пока я не убил тебя! – позволил атаман.

– Скажи мне, когда ты дал поручение своему зайцу, сообщил ли как найти твой дом?

Атаман почесал за ухом и ответил!

– Нет, шайтан меня побери!

– А если это так, то почему же ты свою ошибку валишь на меня и безвинного зайца?

Атаман и его друзья призадумались. А Фагир воспользовался временным затишьем и обратился к жене:

– О, женщина, накрой-ка нам стол! Мы проголодались.

– Ничего не буду делать! – проворчала жена. – Мой дом – не караван-сарай, чтобы

каждый час накрывать стол!

Услышав такое, бедный Фагир сделал вид, что очень разозлился. Он мгновенно выхватил свой кинжал из ножен, крепко схватил жену за плечо и острием кинжала проткнул козью кишку, привязанную к ее шее. Женщина с криком сжала окровавленное горло и замертво упала на пол.

От такой неожиданности мошенники чуть не потеряли сознание. Потом, придя в себя, они сжали кулаки и бросились к Фагиру.

– Эй, незаконнорожденный Фагир! – закричали они. – Разве настоящий мужчина убивает свою жену, если она не исполняет его просьбу?

Фагир усмехнулся и ответил спокойным голосом:

– Моя жена привыкла к таким выходкам. Я не впервые убиваю ее и не впервые оживляю.

Мошенники недоверчиво заморгали глазами.

– Неужели мертвого человека можно оживить? – удивились они. – Не верим мы тебе, хоть лопни!

– Сейчас поверите, – еще спокойнее сказал Фагир и снял со стены зурну.

Гости уставились на него. Фагир быстро приложил зурну к губам и тут же заиграл веселую танцевальную музыку. А через минуту мошенники увидели настоящее чудо: сначала мертвая женщина зашевелилась, потом присела, а затем ловко вскочила на ноги и пригласила мужа на танец. Фагир заиграл звонче прежнего и закружился вместе с женой в вихре музыки.

После танца мошенники заулыбались хозяевам дома и попросили Фагира продать волшебную зурну. Вначале Фагир отрицательно качал головой, а потом, не выдержав натиска гостей, пошел на уступки и продал им зурну за большую цену. Когда мошенники отсчитали деньги и ушли, Фагир сказал жене:

– Пока я во дворе вырою могилу, ты хорошенько растопи мангал и раскали в нем три шомпола. Затем, когда я лягу в могилу, спусти их ко мне. Затем прикрой меня досками, но так, чтобы между ними остались щели, и присыпь сверху землицей. А что будет дальше, ты увидишь чуть позже...

О ком рассказать вам дальше, о чем поведать?

Расскажу-ка я вам о трех мошенниках. Как только они покинули дом Фагира, решили сразу же испытать силу зурны на своих женах. Благо, что они все жили в одном дворе. И вот мошенники со своими супругами собрались в комнате атамана и затеяли скандал с женщинами, которые тут же сговорились между собой и стали лупить наглых мужчин чем попало.

В ответ мошенники просто озверели. Вырвав из ножен острые кинжалы, они

бросились на женщин и перерезали всем горло. И сколько бы потом не играли мошенники на зурне, их бедные жены продолжали лежать на полу без признаков жизни.

Поняли тогда овдовевшие мошенники, что Фагир снова обманул их и, заскрипев зубами, прибежали к нему во двор.

В это время жена Фагира сидела на краю свежей могилы и оплакивала своего несчастного мужа. Узнав от нее о внезапной смерти Фагира, мошенники решили осквернить место его погребения и тем самым отомстить ему за смерть своих жен.

Сказано – сделано. Но как только они присели на корточки, Фагир просунул раскаленные шомпола сквозь щели и опалил им зад. От боли мошенники заметались на месте и выбежали на улицу.

Прошло пять дней. Отправился Фагир к самому градоначальнику и обратился к нему, сказав:

– О, почтенный вершитель судеб, у меня трое рабов. С твоей помощью хочу дать им полную свободу. Твое мудрое решение будет полностью оплачено.

– Хорошо, – сказал градоначальник и приказал стражникам привести к нему трех известных мошенников.

Сказано – сделано. Тут же стражники привели мошенников к градоначальнику, а сами молча встали за их спинами. Градоначальник хитро посмотрел на Фагира и мягко спросил:

– Чем докажешь, что эти люди – твои рабы?

– У каждого из них, – ответил Фагир, – есть моя отметина, как тавро на лошадях. Можешь проверить.

Градоначальник проверил мошенников и убедился, что Фагир прав.

– Да, дорогой Фагир, – сказал он, – эти люди – твои рабы.

Тогда Фагир сказал ему:

– В таком случае пусть мои рабы получают свободу, а взамен дадут мне по пятнадцать золотых и расписку, что мы не должны друг другу ничего.

Градоначальник сурово посмотрел на мошенников и спросил:

– Вы согласны с решением добрейшего Фагира?

Мошенники дружно кивнули головами, отсчитали по пятнадцать золотых и вместе с распиской отдали Фагиру, а затем тут же покинули двор градоначальника. К вечеру их уже не было в городе, ибо они боялись наказания за убийство своих жен.

А тем временем Фагир вручил вершителю судеб пять золотых, остальные положил в

карман и отправился к себе домой.

Вот так бедный Фагир отомстил мошенникам за то, что они обманули его сына, а также за все те мошенничества, которые они совершали в этом городе.

Наджас, сын разбойника

Было это очень давно или совсем недавно. Но это было так и никак иначе. Жил на свете разбойник, и жил он в лесу. Звали его Лутип. И было у него семеро друзей, с которыми он шел на разбой. Жены у Лутипа не было: ее он убил лишь потому, что она не разделяла его преступного образа жизни.

От бедной покойницы остался мальчик и звали его Наджас. С торжественным блеском в глазах восторгался маленький Наджас своим отцом. Как-никак отец был грозным, как лев, и перед ним все-все – верховые и пешие – все, кому доводилось проезжать или проходить через лес, падали в страхе на колени и без звука отдавали все свои ценности.

Шли годы, принося разбойнику большие богатства. Он жил на широкую ногу в кайфе и удовольствии. И вот, когда сыну пришло время идти в школу, отец сказал:

– Сын мой, знай: книжки – это такое зло, которое направлено на того, кто их любит. В книжках ум и совесть, бунт и беспокойство. Книжки мешают людям жить спокойно... Не думай о книжках, а совесть свою захорони навсегда, да поглубже... Подлость, жестокость, лицемерие – вот то братство, которое принесет тебе деньги и золото, славу и власть. Понял, сын мой?

«Вот это отец!» – думал маленький Наджас и отвечал:

– Да, отец, понял!

А разбойник продолжал:

– Все, что пожелаешь, можно сделать при деньгах и золоте. Можно ограбить чужой дом и не быть грабителем. Можно убить самого уважаемого человека и не стать убийцей... Смотри, как это делается.

Позвал разбойник Лутип к себе одного из друзей, склонился к его уху и сказал:

– Друг Машади, хочу с тобой совет держать, тайною поделиться. Тебя я всегда умным считал... Слышали мои уши, что баши наш в прошлый раз не честное дело сделал: половину куша себе взял, а остальное на всех разделил. Да быть мне твоей жертвой, дорогой и глубокочтимый Машади, скажи, что за такие дела делают?

Вскружилась плешивая голова полоумного Машади от лестных слов разбойника Лутипа, и он сказал, полный радости и гордости от сказанных в его адрес похвал:

– За такие дела, дорогой Лутип, – голова с плеч долой – вот, что надо делать.

– Вот именно! – поддержал его разбойник Лутип и ко времени подлил в огонь масла: –

Вот тебе десять золотых, убей баши, а куш мы поделим... Если что, я здесь!

Загорелись безрассудные глаза Машади, забежали в ненасытной жадности, а костлявые руки спешно коснулись рукоятки кинжала и стали ее так сильно сжимать, будто благодарили верную в дружбе руку разбойника Лутипа.

– Будет сделано, друг, – сказал воинственно Машади.

Когда горы спрятали солнце и на лес опустилась темнота, Машади пришел к баши и, выбрав удобный момент, вонзил в спину атамана свой булатный кинжал; баши тут же упал на землю и испустил дух. А когда узнали разбойники об убийстве своего баши, набросились на убийцу с угрозами, повалили его на землю и стали бить. Прибежал сюда и Лутип. Стал он размахивать в воздухе кинжалом и кричать на Машади:

– Убийца! Убийца! Такого атамана убить! Такого атамана убить!.. Убить его! Убить его! Убить! Убить! – кричал он.

Кричи криком – дурак найдется. Знал об этом хитрый крикун, а потому и кричал. До тех пор кричал и неистово бросался на дрожащего в страхе Машади, пока один из разбойников, одураченный криком, не ударил смертельно бледного Машади кинжалом в спину. А разбойнику Лутипу того и надо было: сжег он свою зловонную подлость на чужом горящем костре и на том успокоился.

На следующий день отец вновь сказал маленькому Наджасу:

– Помни сын, что всегда надо говорить о честности, но самому оставаться бесчестным. Признаваться в любви и преданности, а самому ненавидеть и презирать. Шумно хлопать в ладоши, говорить громкие слова в знак признания сильного, но при случае этими же руками бесшумно задушить его... Словом, все делать против воли своей днем, а ночью дать полную свободу в поступках и делах.

Еще больше возгордился мальчик своим отцом и стал подражать ему во всем. Известно, что грязь легко пристаёт, а трудно счищается. У маленького Наджаса и походка изменилась, стала похожей на отцовскую. А походка у отца была бесшумная, не ритмичная, урывчатая, как у хитрой лисы, которая идет за добычей на охоту и боится спугнуть ее. А вскоре и поступки мальчика на отцовские походить стали.

Шли годы. Радовался стареющий отец за мужающего в грабежах и разбоях сына, с гордостью хвалил его, заботился и растил в сыне то нездоровое семя, которое он некогда заронил в его детскую душу. И если подсолнух тянется к солнцу, то в черную бездну стремилась душа Наджаса. Бывало, выйдут люти на разбой, а Наджас, словно пантера, неистово и яростно бросается из укрытия на беззащитную и растерявшуюся в страхе жертву и терзает, и рубит невинного человека на куски. Верно говорят: «Что посеешь, то и пожнешь». И наступит время, и сполна соберет разбойник Лутип тот урожай, который он сам когда-то посеял в детской душе Наджаса.

А дело было так.

В далекой и горной стране было падишахство, а правил им добренький, малодушный,

недалекий человек. Те, которые жили в ладу с Богом и совестью, считали своего правителя дурачком или того лучше – простофилей. А те, которые думали только над тем, как поплотнее наполнить свои и без того толстые животы, называли своего правителя «золотым человеком и мудрым падишахом». И все потому, что любил падишах кейфы устраивать по всякому поводу, а чаще и без повода: неоспоримо, что на чужой мед и дурак льнет. Оно и понятно: со всех концов съезжался к падишаху всякий сброд. Все, что было в этом падишахстве: и казна, которая постепенно истощалась его приятелями по кейфу; и этот огромный дворец с семьюдесятью мраморными ступенями; и падишахский престол, – все досталось ему в наследство от покойного отца, известного старикам, а особенно бедному люду под именем «Великий и Справедливый».

Но рассказ не об этом падишахе: то было и осталось в доброй памяти народа. Наш рассказ о добреньком, малодушном падишахе и его единственной дочери, которую он очень любил. И вот, когда пришло время выдавать ее замуж, решил любящий отец оповестить мир, что он – почтенный падишах далекой горной страны – выдает свою дочь замуж. Но любимая дочь упростила доброго отца своего позволить ей прежде, чем он отдаст ее замуж, отправиться в путешествие.

– Хочу посмотреть, как там, в далеких странах, живут люди, какие надевают наряды, какие песни поют, как танцуют и как веселятся, -сказала она.

Не сумел добренький отец противостоять дочери. Приказал он слугам подать золотую карету да застлать ее дорогими персидскими коврами. Дал он ей на расходы полный сундук золотых монет и проводил ее вместе с надежной охраной в дорогу.

Но случилось, что дорога, по которой поехала дочь падишаха, проходила через лес, где промышляли разбойники во главе с отцом Наджаса. Едва только слышали чуткие уши разбойников веселый звон колокольчиков и резвый стук колес, как тут же в радости и спешке спрятались в своих укрытиях и стали дожидаться очередного куша, который сам катился безвинной жертвой в их грязные руки.

Если бы знал человек, где горе и несчастье поджидают его, он, наверняка, обошел, объехал, облетел бы то место стороной! Но не знали о поджидающей их беде ни дочь падишаха, ни ее верные нукеры. Стали они подъезжать к тому месту, где спрятались разбойники -а разбойники только того и ждали, – и, о Боже! – как вдруг не то с неба свалились, не то из-под земли выскочили, налетели на них со свистом, в лохматых, по самые глаза папах – поди узнай их! -и всю охрану поубивали. Кинулся Наджас к дочери падишаха, чтобы и ее убить, да вдруг смекнул, что лучше за нее хороший выкуп взять.

– О, судьба, наконец-то ты послала мне настоящее дело – с радостью подумал Наджас. Немедля набросил он на белокурую, как ясный день, голову падишахской дочери свою черную лохматую бурку и уволок ее в подземелье, что под корнями огромного дерева находилось, и так спрятал ее от глаз своих же друзей-разбойников.

Много дней и ночей пробыла дочь падишаха в темном подземелье, много слез пролила, – но кто мог здесь, в этом страшном логове, пожалеть ее, помочь – душа разбойника, что камень: не расплавить, не растопить.

Нужно сказать, что и Наджас беспокойным был все эти дни, -не подумайте, что

влюбился он, – в такой, как у него, душе нет места для любви! Задумал он жениться на дочери падишаха, стать зятем падишаха далекой горной страны, а потом убить падишаха и занять его трон. Но не знал как это лучше исполнить. Все боялся, что не выдадут за него, разбойника, такую красавицу. Но как бы то ни было решил он все свое коварство, всю подлость в ход пустить, но во дворец падишахский пробраться. Пришел он к отцу мыслями своими поделиться, а отец и слушать не стал. Нахмурил свои лохматые брови, да так сурово, что ясное небо черными тучами заволокло, вот-вот страшной грозой разразится, градом обрушится.

– Не пущу! – говорит. – Здесь родился и здесь умирать будешь... Не послушаешься – убью, задушу этими грязными руками.

Промолчал Наджас, словно языка во рту и не было, но обиду на отца затаил недобрую. Прибежал он к своей пленнице – а время было позднее, ночь темная – и говорит ей:

– Я спасу тебя, если ты согласишься стать женой мне, и никому не скажешь, что я разбойник.

Согласилась красавица, обещала тайну о разбойнике Наджасе не раскрывать; а что ей оставалось делать: всю жизнь в подземелье провести или убить себя?

Оседлал Наджас коня, прихватил с собой хурджун с золотыми монетами, посадил девушку позади себя и только собрался было вскачь пуститься как из темноты выскочил отец, схватил сына за ногу и стал кричать:

– Не пущу! Отца старого пожалей! Разве для того я тебя растил, чтобы ты меня бросил?

Забыл совсем разбойник Лутип, чему учил своего сына. А у Наджаса разговор короткий: обнажил он свой кинжал и отрубил отцу голову, а сам поскакал в сторону большого города, оставив обезглавленного отца в темной ночи. Вот так и получил подлый Лутип то, что посеял и взрастил.

Кто знает, сколько времени пробыл Наджас в дороге, но на рассвете прибыл он в большой, шумный город и остановился в караван-сараяе.

– Мне комнату с железными решетками на окнах, – сказал он хозяину караван-сарая и отдал ему своего коня.

Поселил его хозяин в комнате с железными решетками на окнах и тут же подал на стол еду. Позавтракали разбойник Наджас и дочь падишаха и прилегли отдохнуть.

Едва голова уставшей девушки коснулась мягкой подушки, как она тут же уснула. А Наджасу того и надо было: закрыл он двери на огромный замок, положил в карман ключи, наказав хозяину ни в коем случае не открывать двери до его прихода, и ушел бродить по городу.

Идет он по городу и видит: на углу базара цирюльня, а у входа сам цирюльник стоит и зазывает прохожих такими словами:

Эй, небритый, эй, заросший!
Заходи сюда, прохожий!
Если старый, с бородой,
Вмиг ты станешь молодой,
Будешь милым, симпатичным —
Женихом весьма приличным...
Эй, небритый, эй, заросший,
Заходи сюда, прохожий!..

Потрогал Наджас свою бороду – а она у него, надо сказать, была грязной и заросшей – и решил сбрить ее.

Побрил его цирюльник, поправил усы, постриг волосы на голове и придвинул к лицу зеркало. Посмотрел Наджас и ахнул, не узнав себя. Теперь он выглядел совсем не разбойником, а обыкновенным приличным человеком, только вот одежда и папаха все еще выдавали в нем разбойника дремучих лесов.

Надо что-то купить! – подумал он и, бросив цирюльнику несколько простых монет, поспешил на базар, где было шумно от людского говора и пестро от всевозможных товаров.

Пусть пока бродит Наджас по базару и примеряет на себя наряды, а я расскажу вам про падишаха далекой горной страны, дочь которого отправилась в путешествие.

Спит в эту ночь падишах и видит страшный сон: «Кружится в черном небе черный орел, а в когтях у него маленькая красивая пташка, и кричит эта пташка от страха – спасения просит. Крикнул падишах своему нукеру, а когда тот прибежал, приказал убить орла, но было уже поздно: вдруг орел превратился в гадюку, проглотила она пташку и поползла с шипением к трону, на котором восседал он сам...»

Проснулся падишах в страхе и тревоге за странствующую дочь свою: не случилось ли что?! Позвал он везиров, поведал им страшный сон и стал ждать, что они скажут ему по этому поводу.

И сказал первый везир так:

– О, почтенный падишах, первую половину сна нетрудно разгадать: горе пришло в твой дом, дочь твоя, радость глаз твоих, в опасности.

То же самое сказали второй, и третий везиры.

Помрачнели глаза падишаха, слезами наполнились.

– В чем разгадка второй половины сна? – спросил он, утирая слезы.

Везиры поклонились в пояс и отвечали:

– Этого мы не знаем, почтенный падишах! Но знаем, что нужно что-то придумать, чтобы спасти светлую радость дворца нашего.

Но самая страшная загадка сна таилась во второй его половине. О, если бы знал падишах, что его ждет впереди, он лучше бы сам выколол себе глаза, вырвал бы язык свой! Но он ничего этого не знал и не мог знать!

Составил падишах такой текст: «Кто вернет мне дочь мою, тому в знак вознаграждения обещаю следующее. Если он старый – будет мне отцом; если старуха – матерью; если он моих лет – будет мне братом; если женщина моих лет – будет мне сестрой; если она молодая – будет мне второй дочерью; если юноша – отдам ему в жены свою дочь и назначу его своим везиром!»

Едва только занялась заря, отправились глашатаи во все концы, чтобы зачитать послание своего падишаха. Во многих местах побывали они, множество раз повторяли этот текст, но все было, что крик для себя: никто ничего не знал, углом глаза не видел, краем уха не слышал. Но в один из ясных дней прибыли глашатаи в тот самый шумный город, куда прискакал вместе с дочерью падишаха разбойник Наджас. Идут глашатаи по городу, в барабаны бьют и громко кричат:

– Имеющие уши – услышат, у кого есть язык – да скажет, у кого есть душа – поможет... Почтенный падишах далекой горной страны оповещает, что у него пропала единственная дочь, светоч его очей, которая отправилась странствовать и пропала без вести. Тому, кто поможет падишаху в его горькой беде, падишах в знак вознаграждения обещает следующее... И в который раз, потеряв всякую надежду, стали громко читать послание, составленное падишахом.

Услышал Наджас слова глашатаев – а был он в это время в караван-сараях и показывал дочери падишаха свои покупки, – обрадовался, но радость свою не выдал: знал разбойник, как вести себя в подобных случаях. Закрыл он дочь падишаха на замок, пригрозив ей, чтобы молчала, а сам вышел на хейвун караван-сарая и, как бы шутя, крикнул проезжавшим на верблюдах путникам:

– Эй, глашатаи падишаха далекой горной страны, а правда, что падишах ваш отдаст в жены свою дочь за того, кто найдет ее?.. Не откажется, сдержит слово?

Остановили глашатаи свое усталое шествие и ответили:

– Могилами наших предков клянемся, наш падишах слов на ветер не бросает, и он никогда не обманывал... О, добрый юноша, быть тебе зятем нашего почтенного падишаха и его везиром, если ты найдешь его красавицу-дочь.

Забегали глаза у Наджаса, затряслись руки мелкой дрожью, сдавило грудь, а в голове его уже завертелись коварные планы будущих дней. Уже видел себя Наджас падишахом далекой горной страны.

– Я знаю, где дочь падишаха, и я доставлю ее целой и невредимой, – сказал он, стараясь придать голосу возвышенную радость, – но прежде принесите мне бумагу с подписью и печатью падишаха далекой горной страны.

Мигом поскакал гонец со светлой вестью к своему падишаху. Много ли дней прошло,

или немного, кто знает, но вернулся он со свитком, где стояла подпись самого падишаха, заверенная его же печатью, да и карету золотую с собой привез.

Вскоре Наджас вместе с будущей своей невестой в сопровождении глашатаев и нукеров предались дороге.

Пусть они едут, взбивая резво дорожную пыль, а я расскажу вам о том, как же готовятся к встрече молодых во дворце падишаха далекой горной страны.

Едва только гонец привез светлую весть о том, что дочь падишаха уже в пути, и только эта весть коснулась слуха падишаха, как просветлевший отец тут же приказал готовиться к торжественной встрече.

Сказано – сделано. Зарезали сто самых крупных баранов из падишахской отары, содрали с них шкуры и стали вкусные обеды готовить. Выкатили из падишахских подвалов сто бочек самых лучших вин и стали ждать приезда молодых.

Долго, как кишка шагаду, тянулось время для истомившегося ожиданием отца. Но вскоре настал тот радостный миг, когда карета в сопровождении нукеров подъехала ко дворцу. Весь город вышел встречать молодых. Падишах был так опьянен благополучным возвращением дочери, что и подумать не мог, что радость встречи обернется для него горем страшных перемен, которые принесла в его дом по воле Наджаса его любимая дочь. Разве мог добренький и малодушный падишах почувствовать угрозу, о которой пытались рассказать ему грустные, неподвижные глаза его дочери.

Три дня и три ночи шел пир по случаю возвращения дочери падишаха, и все это время разбойник Наджас не устал при случае рассказывать всем свою подлую выдумку.

– Вот как мне удалось спасти дочь нашего падишаха от грязных рук разбойников, – говорил он и тут же добавлял, – я знаю, они замыслили надругаться над ее красотой, а потом и убить! – При этом он старался выглядеть непосредственно и просто, и никто не мог уловить в его писклявом, как у мышонка, голосе подлую ложь! И никто не мог прислушаться к стуку его сердца, которое все эти дни и ночи спешило уйти, убежать в падишахские покои, чтобы совершить там свою низкую, гнусную подлость.

«Тук-тук!.. Тук-тук!.. Скорее расходитесь, люди!.. Скорее расходитесь, люди...» – твердило его черное сердце, неумолимо и настойчиво.

«Ничего на свете вечного нет, всему приходит конец», – гласит народная молва. Подошла к концу и радостная встреча. Разошлись и гости по домам своим, погрузились в заботы и дела свои.

Только на четвертый день обошел разбойник Наджас весь дворец, все осмотрел, во все закоулки заглянул, а в конце, уставший, пришел в тронный зал, где восседал падишах.

– Добрый день, уважаемый отец! – сказал он, смущаясь и скрестив на груди руки, как этого требует этикет во дворцах, и низко поклонился.

Радости падишаха не было предела, ее глубину было не измерить. Он, добродушно

улыбнувшись, предложил будущему зятю сесть на падишахское кресло и сказал:

– Хорошо, что ты пришел, сын мой! Мне пора обещания исполнить, а тебе за работу браться! Я сейчас созову совет старейшин: назначу дату свадьбы, а тебя своим везиром.

Наджас также милостиво, как и в первый раз, отбил поклон и робко сел в кресло, покрытое персидскими коврами. Никогда ему еще в жизни не приходилось сидеть в падишахском кресле, а многим ли вообще приходилось сидеть?! – а вот разбойнику Наджасу пришлось. Он даже заважничал, сделал суровый властный вид, но тут же втолкнул в себя выползавшее наружу черное нутро своей души и принял робкий прежний вид.

Вскоре в тронном зале собралась все везиры и векилы падишаха. Когда вельможи заняли свои места, падишах открыл совет старейшин и, обращаясь к Наджасу, сказал:

– Хвала тебе, сын мой!.. Ты, вижу, смелый юноша... Назначаю тебя третьим везиром.

Только падишах произнес эти слова, третий везир ужаснулся, словно к его телу поднесли раскаленную кочергу, но сразу же спохватился и, нехотя улыбнувшись в ответ, посмотрел на будущего падишахского зятя виновато.

«Ух, кинжал, от кинжала и подохнешь!» – с гневом подумал Наджас о третьем везире. Но, сдержав свой гнев и злую обиду, сделался вдруг вежливым и внушительным, пристально посмотрел на третьего везира, который остался стоять, сжавшись в комок, подобно напуганному ежу, и, отбив трижды общий поклон, сказал:

– Нет, отец, не хочу быть третьим везиром.

Третий везир поклонился в сторону Наджаса, медленно выпрямил спину и сел. А падишах, тем временем, обратился к Наджасу с такими словами:

– Хвала тебе, сын мой!.. Вижу, ты и умом не обижен... Назначаю тебя вторым везиром!

Едва слова падишаха коснулись слуха второго везира, как тот бросил злой взгляд в сторону будущего зятя падишаха и нервно задвигал скулами.

«Ух, гадюка, от гадюки и умрешь!» – зло подумал Наджас о втором везире и также зло посмотрел на него. Из глаз второго везира неувидимо, но зримо сыпались тысячи ядовитых стрел. Но Наджас сдержал свою злую обиду, сделался вдруг вежливым и, отбив трижды общий поклон, сказал:

– Нет, отец, не хочу быть и вторым везиром.

Встрепенулся падишах, вскинул свою голову, подобно удивленному петуху, произнес гордо и учтиво:

– Хвала тебе, сын мой! Хвала!.. По всему видно, что ты можешь справиться с обязанностью и первого везира... Быть по-твоему: назначаю тебя первым везиром!

Прикрыл первый везир глаза рукой и медленно стал опускать руку на подбородок, а

опустив, сжал свои челюсти пальцами и, глядя на Наджаса зло и лукаво, остался сидеть так в ожидании чего-то страшного.

«Ух, крысиный яд, от яда и умрешь!» – подумал Наджас о первом везире и, улыбнувшись ехидно в жидкие усы, ударил своего недруга пристальным взглядом.

– Нет, отец мой, не хочу быть и первым везиром, – наконец сказал он, отбив трижды общий поклон.

Первый везир освободил свои челюсти и мило раскланялся во все стороны.

А падишах тем временем ухмыльнулся, косо посмотрел на будущего зятя и полусердито спросил:

– А хотел бы ты, сын мой, стать казначеем?

У казначея задрожали руки, затряслись ноги, глаза судорожно забегали по стенам, будто искали убежище.

«Хозяин казны – голова!» – подумал Наджас, но тут же улыбнулся тонко и ехидно и, приняв внушительный вид, сказал:

– Нет, почтенный отец мой, не хочу!

Рассердился, наконец, падишах, приставил сжатые кулаки к бедрам, выставил нижнюю губу вперед и косо, спустив левую ногу, что означало: «Да я тебе голову сейчас велю отрубить!» – раздраженно спросил:

– Кем же ты хочешь стать, сын мой?! – Последние два слова он произнес так тихо и жалостливо, словно обращался к покойнику.

И вот тут-то Наджас, с достоинством отбив поклоны – три низких поклона падишаху и по одному поклону в правую и левую стороны, – смущенно и робко заговорил:

– Почтенный отец мой, великий падишах горной страны! -Он сделал общий поклон. – Я с детства любил играть в военные игры, а потому научился метко стрелять из ружья и крепко держать в руке любое оружие. Все говорили мне в нашем ауле: «О, Наджас, хороший из тебя нукер будет...» Прошу вас, почтенный отец, и вас, почтенные везиры и векилы, назначить меня старшим нукером...

Как услышал старший нукер – гроза всех и всему, – зло и резко повернулся в сторону Наджаса, коснулся рукояти кинжала и, покручивая свои длинные усы, вздохнул в злобе и ярости, подобно льву, готовому броситься на своего противника. О нет, не растерялся разбойник Наджас! Он то давно для себя решил, что, только охраняя падишаха, сможет его убить и остаться незамеченным! Улыбнулся он своей тонкой улыбкой, легко кивнул в сторону старшего нукера и, обращаясь к падишаху и придворной знати, продолжил в том же тоне свою речь:

– ...А старого нукера, уважаемого всеми, назначьте казначеем. А казначея ко мне –

нукером... Я сказал все, почтенный отец мой! -Наджас поклонился низко-низко и сел.

Разве мог добренький и малодушный падишах отказать своему будущему зятю и спасителю его единственной дочери, возразить или не уважить его просьбу? Конечно же, нет!

– О, сын мой! – многозначительно произнес он, полный радости за умного и смелого Наджаса.

– Быть, по-твоему: назначаю тебя старшим нукером, а уважаемого нами нукера Али – казначеем, а казначея Вали – твоим нукером. Свадьбу сыграем через семь дней, – закончил совет старейшин падишах.

Все низко поклонились падишаху и стали расходиться. Наджас, Вали и Али ушли вместе.

Вот так разбойник Наджас стал старшим нукером падишаха далекой горной страны. О, если бы все на этом и закончилось! Но нет! Это было только началом черных и коварных планов разбойника Наджаса. Готовился он во что бы то ни стало скорее расправиться с падишахом.

Шесть дней с утра и до вечера, семь ночей с вечера и до утра, с высоких дворцовых башен до хрипоты в голосе возвещали хундекучи волю падишаха, созывали гостей, чтобы пожаловали они на свадебное торжество. Все дворцовые – от мала до велика – готовили вкусные яства и разливали по дорогим кувшинам изысканные вина. Где уж тут было им увидеть печаль в глазах дочери падишаха? Где уж тут было им заметить подлый огонек в глазах будущего зятя падишаха?

На седьмой день вечером закатали неслыханный свадебный пир. В разных местах, начиная от самого порога падишахских покоев и кончая входными воротами дворца и даже за дворцовыми воротами, на всех семидесяти лестничных ступенях звенела зурна, гремели бубны, барабаны; их сменяли нежные звуки тара и саза, все плясали до полной, но приятной и радостной усталости.

Столы ломились от всевозможных яств! – плов, епраги, шашлык, жареные бараньи туши, яблоки, груши и виноград, сладости и вина – всего было в изобилии; до самой последней ступени мраморной лестницы были поданы угощения. Все знакомые и незнакомые, все родственники и придворные принимали участие в этих торжествах. Был на этом пиру и уважаемый всеми местными жителями ашуг Агулменд со своей прекрасной женой, которую он очень любил и которой дорожил больше, чем самим собой.

А в центре дворца, подобно круглой луне на огромном небе, сияла неслыханной красотой невеста, озаряя своей доброй, прелестной улыбкой всех, кто смотрел на нее. Не сходила улыбка и с тонких бледных, как майский воск, губ подлого и коварного Наджаса. Временами он азартно рассказывал собравшимся выдуманную им ложь о том, как он хитро и незаметно пробрался в логово лесных разбойников и похитил, рискуя жизнью, из-под самого их носа красавицу, которую он впервые увидел, когда она проезжала в карете через их аул. «Увидел и сразу полюбил пылом тысячи юношеских сердец!» -говорил он и лукаво подмигивал своей невесте. А дочь падишаха молча кивала белокурой, как ясный день, головой: а что она могла сказать, если разбойник Наджас крепко повязал ее словом? Все

смотрели на молодых умиленными, восторженными взглядами, и никто не подозревал, какую ядовитую гадюку привела под отцовский кров бедная красавица.

И только чуткий и разбирающийся в людях Агулменд заподозрил в поведении Наджаса что-то подлое, страшное. Он как раз сидел напротив жениха и невесты и внимательно наблюдал за ними.

Много песен пропел Агулменд, и все благодарили его возгласами «Машалла!», говорили в его адрес и в адрес его супруги добрые пожелания. А сидящая рядом с ним супруга, скромная и чуткая женщина, всей душой гордилась своим милым и любимым Агулмендом. Не сидел безучастным к ашугу и жених. Он сдержанно улыбался своей холодной улыбкой, благодарил кивком головы певца и нет-нет да посмотрит на его супругу. И было в этих урывчатых взглядах что-то необъяснимое, подозрительное, грязное.

Насторожился Агулменд, задумался и решил пропеть такую песню:

Если невеста на свадьбе своей
Только улыбку безвольно роняет,
Если жених после длинных речей,
Пламенный взор на нее не кидает...
Зачем же тогда свадьба нужна?
Будет ли счастлива мужа жена?

Услышал Наджас эту песню Агулменда, и кровь бросилась ему в голову, опьяненную вином и близким успехом коварного замысла.

Схватил он кинжал и хотел по своей разбойничьей привычке перерезать ашугу горло, но не устоял на ногах, поскользнулся и упал, да так, что нож прямо в подлое сердце вонзился!

Как увидела такую смерть от руки самого Худо дочь падишаха, так и разрыдалась. Только слезы ее были слезами радости и освобождения.

Немедленно рассказала она всем присутствующим правду: как ее разбойник Наджас в подземелье прятал, и как она дала ему слово хранить тайну о его подлом прошлом, чтобы вернуться домой. Все замолчали. А ашуг Агулменд сказал:

– И слава Богу, что так все кончилось! Кто знает, какие черные планы могли созреть в разбойничьей голове Наджаса и каких подлых дел мог он еще натворить. Верно говорит народ: «Безграничную подлость только смерть укоротит!» Так и случилось в этой истории.

Младший сын падишаха

В одном падишахстве жил падишах уже немолодых лет. И было у него трое сыновей. Двое старших отличались умом и трудолюбием, а самый младший – легкомыслием и ленью. Поэтому падишах и все его придворные считали юношу ненормальным и не обращали на него внимания. С годами падишах стал замечать, что начинает стареть. Глаза его стали с трудом различать окружающий мир; уши – слышать плохо; ноги – сдавать; тело – дряхлеть, да и движения стали замедленными, неуклюжими, а временами старость вынуждала этого падишаха целыми днями возлежать на троне и напрягать притупляющуюся память, чтобы

давать нужные распоряжения своим подданным. Такое угрожающее состояние здоровья постоянно тревожило падишаха, и он, не желая больше откладывать на потом заботу о своем здоровье, пригласил мудрецов и стал просить совета как ему избавиться от постигшего его недуга.

Один из мудрецов, учтиво поклонившись и приложив к сердцу руку, сказал:

– О, почтенный падишах, да продлятся годы твои!.. Избавиться от всех твоих недугов есть одно средство, но для этого нужно, чтобы один из твоих сыновей, и советник посмотрел в сторону братьев, которые сидели неподалеку, отправился в Гюлистанский сад и нарвал в этом саду с чудотворного дерева листьев. Листья эти надо высушить и, связав в узелок, опустить в бассейн, в котором ты, почтенный падишах, купаешься. Сок листьев растворится и сделает воду бассейна чудотворным бальзамом. Стоит тебе несколько раз искупаться, как все твои недуги исчезнут, как бы и не было, и ты станешь здоровым, бодрым и даже помолодеешь.

Выслушал падишах внимательно и спрашивает:

– А где же этот самый Гюлистанский сад?

– Жить тебе и здравствовать, почтенный падишах, но я этого не знаю. Правда, я читал в древних книгах, что такой сад есть, но никто из живущих на земле людей не ведает, где находится этот волшебный сад, – ответил советник.

Расстроился падишах и, даже не поговорив с детьми, уединился в своих покоях. Как бы там не было, братья посовещались между собой и решили отправиться на поиски Гюлистанского сада.

Первым вызвался старший брат. Он взял с собой хурджун с едой, хорошее оружие, сел на коня и, попрощавшись, отправился в дорогу.

За три дня и три ночи он проехал бурные реки и зеленые леса и на четвертый день очутился между двумя горными вершинами, где находился необыкновенный сад. Юноша прошелся по его аллеям и подумал: «Видимо, это и есть тот самый Гюлистанский сад, о котором мудрец говорил отцу».

Обрадовался он своим мыслям, наполнил хурджун листьями и вернулся во дворец. Отдал он листья лекарям, а те тщательно высушили их, завязали в узелок и опустили в бассейн, где купался падишах. Но падишаху от этого лекарства стало еще хуже.

Настала очередь среднего брата. Он тоже взял с собой хурджун с едой, хорошее оружие, сел на доброго коня, попрощался со всеми и отправился в дальний путь.

За семь дней и семь ночей перевалил юноша через семь гор и семь долин и на восьмой день очутился у подножия снежного хребта, на вершине которого он увидел благоухающий необыкновенный сад и подумал: «Это, видимо, и есть тот Гюлистанский сад, где растут деревья с чудотворными листьями».

Обрадовался юноша такой удаче, быстро пробрался туда и наполнил хурджун

зелеными листьями, а вернувшись домой отдал их лекарям. Те умело высушили листья, завязали их в узелок и опустили в бассейн. Падишах выкупался в водах бассейна, но ему не стало легче. С каждым днем его все больше одолевала старческая слабость.

Теперь настала очередь младшего брата... За много дней и много ночей он перевалил через горы и ущелья, через моря и реки и очутился в лесу у прохладного источника. Дав волю своему коню, он умылся после нелегкой дороги и сел в тени ветвистой чинары. Только вытащил он чурек из хурджуна, как неожиданно перед ним возник седобородый старик с дорожным посохом в руке.

– Салам аллейкум, отец, – сказал ему юноша. – Не отведаешь ли ты со мной чурека?

– Ваалейкум ассалам, – ответил старик. – С хорошим человеком можно утолить и жажду и голод.

Юноша разломил чурек на две части и одну из них протянул старику. После еды младший сын падишаха рассказал ему, кто он родом и какая беда привела его в эти края.

Выслушал старик младшего сына падишаха и сказал:

– Сын мой, дорога к Гюлистанскому саду слишком опасна и полна неожиданностей. До тебя туда отправлялось много юношей, и все погибли. Боюсь, что и тебя ждет та же участь. Но пока цела твоя голова, лучше садись на своего коня и возвращайся домой.

В ответ юноша возразил:

– Нет! Домой я не вернусь! Или погибну, или же достану чудотворные листья из волшебного сада!

Понравилась старику смелость и доброта юноши, и он сказал:

– Тогда слушай меня внимательно. К Гюлистанскому саду ты выбрал верный путь. Скачи по этой дороге и никуда не сворачивай. Через день ты увидишь Гари-Нене. Она ростом и телом похожа на огромную слониху. Когда ты подъедешь к Гари-Нене, она будет сидеть посреди дороги с пудовой жвачкой во рту. Будь очень осторожен. Если Гари-Нене заметит тебя, лучше распрощайся с жизнью. Поэтому, прежде всего, незаметно подкрадись к ней на четвереньках и припади к ее груди и не выпускай изо рта грудь до тех пор, пока Гари-Нене не поклянется могилой своих родителей, что не лишит тебя жизни, и ты станешь ее молочным сыном. После такой клятвы можешь смело спуститься на землю. Гари-Нене приласкает тебя, словно родного, и сделает все, что тебе захочется. А теперь прощай! – Старик ударил посохом о землю и тут же пропал.

Юноша мысленно поблагодарил его и, вскочив на коня, быстро поскакал в сторону Гюлистанского сада. Через день он увидел посреди дороги Гари-Нене, она и вправду была похожа на слона. Младший сын падишаха незаметно подполз к ней и сделал так, как советовал ему старик. Сначала Гари-Нене подумала, что ее беспокоят кровожадные насекомые, но увидела юношу необыкновенной красоты и сразу же поклялась могилами своих родителей, что не убьет его, а наоборот, полюбит как родного сына и сделает все, что тот пожелает.

Поверил юноша клятве старой женщины и рассказал ей о себе и своем больном отце.

Выслушала его Гари-Нене и сказала:

– Эх, сынок, выбрал ты для себя самую опасную дорогу! Продолжишь путь – не вернешься назад! Мой совет: пока цела твоя голова, лучше садись на своего коня и скачи к дому!

– Нет, дорогая Гари-Нене, – воскликнул юноша, – или погибну, или же достану чудотворные листья из Гюлистанского сада!

– Что ж, – сказала Гари-Нене, – поступай по зову сердца! Но прежде выслушай мой совет. По дороге к Гюлистанскому саду ты увидишь огромного дэва. Он недавно занозил себе ногу и очень страдает от боли. Поэтому пройти мимо него не так-то легко. Но спрячься за деревом и дождись, пока страшный дэв не повернется к тебе спиной. В этот момент подползи к нему на четвереньках и вырви занозу величиной с ветку из его опухшей ноги. А когда ему станет легче, дэв побратается с тобой и выполнит твою просьбу.

Поблагодарил юноша старую женщину за добрый совет и сел на коня. Гари-Нене дотронулась ладонью до его плеча и сказала:

– Отныне у тебя сила и крепость семи гор!

Взмахнул плетью юноша и поскакал в сторону Гюлистанского сада.

На следующий день он встретился с раненым дэвом и вырвал занозу из его ноги, как посоветовала ему Гари-Нене. Дэв, успокоившись немного, побратался с юношей и строго сказал:

– Если ты хочешь остаться в живых, лучше возвращайся домой!

Но юноша ответил:

– Дорогой брат, или погибну или же спасу своего отца!

Тогда дэв сказал ему:

– Хорошо, брат мой, поступай по велению своей души! Но прежде отдохни и выслушай мой совет. Дорога будет нелегкой, и на своем пути ты увидишь три гранитные крепости. Они принадлежат злым дэвам, из которых один – трехглавый, другой – пятиглавый, а третий – семиглавый. Эти дэвы очень жестоки и держат у себя в плену трех прекрасных дочерей падишаха Чиме-Чина. Если их никто не освободит из плена, то они должны будут выйти замуж за злых дэвов, и по этому случаю каждый дэв припас для своей пленницы свадебное платье, к которому не прикасалась ни иголка, ни ножницы портного. Слушай дальше. Самая старшая из них находится у трехглавого дэва, средняя – у пятиглавого, а младшая – у семиглавого. Если эти милые девушки помогут тебе, хотя бы советом, ты сможешь одержать победу над этими страшилищами и продолжить путь к Гюлистанскому саду. Но тут ты увидишь собаку и лошадь, они прикованы железными цепями к скалам, по

разным сторонам дороги и от голода бросаются друг на друга. А все из-за того, что перед лошадьёю лежат кости, а перед собакой – стог сена. Ты не бойся их и смело поменяй еду местами: сено положи возле лошади, а кости – возле собаки. И та и другая с жадностью набросятся на свою еду и перестанут обращать на тебя внимание. Ты воспользуйся моментом и проскочи между ними. Не пройдет и часа, как ты подъедешь к железным воротам Гюлистанского сада. Но не вздумай их отворить руками. Сначала найди железный прут и толкни им ворота. Перед тем, как будешь входить в сад, оберни свои ноги травой. Там очень много деревьев с чудотворными листьями. Но не смей их рвать руками. Вначале расщепи палку и срывай ею листья, сколько тебе хочется, а после нигде не задерживайся и быстро отправляйся домой.

Внимательно выслушал юноша советы дэва и от всей души поблагодарил.

Тот вырвал волосок из своей головы, протянул юноше и сказал:

– Брат мой, когда тебе будет нужна моя помощь, сожги его, и я тут же предстану перед тобой!

Попрощался юноша с добрым дэвом, сел на коня и поехал в сторону Гюлистанского сада. За два дня и две ночи он миновал множество рек, лесов и гор, а на третий день приблизился к гранитной крепости трехглавого дэва. В это время кровожадный дэв находился на охоте. Старшая дочь падишаха Чиме-Чина сидела у окна и смотрела на пустынную дорогу, где внезапно появился скачущий всадник. Она увидела его, радостно захлопала в ладоши и выбежала к нему навстречу.

– Милый юноша, – ласково сказала красавица, – очень жаль, что ты прискакал сюда на свою погибель. Ведь, боясь гнева трехглавого дэва, мимо его крепости не пролетает птица и не проходит даже верблюд. И ты уходи подальше. С минуты на минуту придет дэв и уничтожит тебя.

– О, добрая красавица, – воскликнул юноша, – если ты поможешь мне, я быстро одолею трехглавого дэва и освобожу тебя из плена!

Девушка указала взглядом вдаль и сказала:

– На вершине той горы, что видна за лесом, стоит сухое дерево. На его верхушке находится воронье гнездо, а в нем лежит единственное яйцо. В яйце находится душа трехглавого дэва. Ты должен взобраться на это дерево, достать яйцо из гнезда и раздавить его. Если ты сделаешь, как я говорю, ты сможешь победить дэва.

Выслушал юноша красавицу, вскочил на своего коня и понесся к высокой горе. Достигнув ее вершины, он начал взбираться на безжизненное дерево, которое своими ветками касалось облаков.

А тем временем трехглавый дэв, возвращаясь в крепость, почувствовал, что его жизнь в опасности, и, задрожав всем телом, помчался к вершине горы.

Между тем юноша уже добрался до вороньего гнезда и вытащил яйцо. Увидев приближающегося дэва, он с силой раздавил яйцо, и его содержимое потекло по веткам.

Дерево ожило и зашелестело зелеными листьями. А трехглавый дэв схватился за грудь и замертво упал к подножию горы.

Обрадовался юноша такой легкой победе, спустился на землю, сел на коня и поскакал к крепостным воротам, где с тревогой его ожидала красавица. Увидев юношу целым и невредимым, она подошла к нему и сказала:

– О, храбрый юноша, не оставляй меня одну в этой страшной крепости! Возьми с собой, умоляю тебя!

– Потерпи немного, милая, – сказал ей юноша. – Я должен спасти твоих сестер и достать чудотворные листья из Гюлистанского сада.

Девушка покорно кивнула головой и, вырвав волосок из гривы черного коня трехглавого дэва, протянула ему:

– Если тебе будет нужна помощь, сожги этот волосок и черный конь предстанет перед тобой.

Попрощался юноша со старшей дочерью падишаха Чиме-Чина, вскочил на своего коня, взмахнул плетью и поскакал к Гюлистанскому саду.

Через день он доскакал до гранитной крепости пятиглавого дэва и постучался в ворота. На стук вышла средняя дочь падишаха Чиме-Чина, подбежала к юноше и радостно сказала:

– О, юноша, пусть твой приход будет счастливым! Уже более трех лет я не видела в этих краях живого человека. Мне известно, что ты вызволил из плена мою старшую сестру. Будь добр, помоги и мне...

– Я за этим и приехал сюда, – сказал юноша, и не успел он высказаться до конца, как задрожала земля и поднялся ураганный ветер.

Красавица побледнела и попятилась к воротам.

– Пятиглавый дэв приближается к нам! – закричала она. – Пока он не заметил тебя, поверни своего коня к лесу и спрячься в каком-нибудь дупле. Ну скорее же, милый!

Рассердился юноша на красавицу и громко сказал:

– Я прискакал сюда не в прятки играть, а биться насмерть с жестоким дэвом!..

Он хотел что-то добавить, но тут появился пятиглавый дэв и свирепо закричал ему:

– Эй, юноша, что ты делаешь возле моей крепости? Здесь почти тысячу лет не пролетала птица, а верблюд не ступал ногой. Ты же, паршивец, посмел прискакать сюда, да еще заговорить с моей пленницей. Меня все боятся, ну держись!

Услышав угрозу, юноша выхватил свою саблю из ножен и сказал ему с гневом:

– О, пятиглавое страшилище, я приехал к твоей зловонной крепости не ради твоего гостеприимства, а чтобы убить тебя и спасти среднюю дочь падишаха Чиме-Чина из плена!

Пятиглавый дэв расхохотался и полушутливо сказал:

– Из-за такой малявки, как ты, я не пошевелю даже своим мизинцем, а только слегка подую на тебя, подниму на воздух и проглочу, словно жалкого воробья.

Подул пятиглавый дэв на юношу, поднял его высоко над собой, подержал немного в воздухе и, широко разинув пасть, проглотил вместе с оружием и одеждой.

Но юноша, оказавшись в желудке дэва, не растерялся и тут же начал рубить остроконечной саблей его утробу. Пятиглавый дэв от страшной и невыносимой боли стал метаться из стороны в сторону, а вскоре изо рта у него хлынула фонтаном кровь, и он замертво упал на землю. Юноша, поняв, что дэв теперь не страшен, раскрыл ему пасть и спокойно выбрался на свободу.

Велика была радость средней дочери падишаха. Увидев юношу живым и здоровым, она начала умолять:

– О, смелый юноша, не оставляй меня в этой мрачной крепости, возьми с собой, увези отсюда!

Но юноша в ответ сказал девушке то же самое, что и ее старшей сестре. Красавица согласилась с ним, вырвала волосок из гривы красного коня пятиглавого дэва и сказала:

– Если тебе будет нужна помощь, сожги этот волосок и красный конь предстанет перед тобой.

Попрощался юноша с девушкой, сел на своего коня и поскакал к Гюлистанскому саду. На утро следующего дня он остановился у гранитной крепости семиглавого дэва и постучал в железные ворота.

Выбежала младшая дочь падишаха Чиме-Чина к нему навстречу и тревожно сказала:

– О, милый юноша, жить тебе и здравствовать! Мой мучитель -семиглавый дэв вот-вот вернется с охоты. Пока он не застал нас вместе, посади меня на своего скакуна и увези куда нибудь.

Рассердился юноша на нее и сказал:

– Я пришел сюда, чтобы убить семиглавого дэва, а не пятиться назад!

Тем временем семиглавый дэв почувствовал чужой запах и стремительно помчался к крепости. Еще издали он увидел юношу рядом с пленницей и бросился на них. Но юноша имел силу и крепость семи гор и не побоялся его. Он выхватил острую саблю из ножен и начал наступать на семиглавого дэва. Не успел тот сделать и десяти шагов, как юноша отрубил ему шесть голов. Все же дэв не ослаб духом и начал биться с противником

ожесточенно и грозно.

В первую минуту девушка следила за боем с любопытством и страхом, но потом поняла, что юноше не одолеть могучего дэва. Тогда она вынесла из тайника свою отточенную саблю и стала биться на стороне юноши. Вдвоем им было намного легче сразиться с чудовищем. К вечеру страшный дэв, наконец, потерял седьмую голову и упал бездыханным у крепостных ворот. Юноша оттащил его останки к пропасти и сбросил их вниз. Только после этого он взглянул на девушку и облегченно вздохнул.

Младшая дочь падишаха Чиме-Чина повела его в дом, накормила досыта и уложила спать. На рассвете юноша разбудил красавицу, вышел во двор и начал прощаться. Девушка вырвала волосок из гривы синего коня семиглавого дэва и, протянув своему спасителю, сказала:

– Если тебе будет нужна помощь, сожги этот волосок и синий конь тут же предстанет перед тобой.

Юноша поблагодарил красавицу, сел на своего коня и отправился к Гюлистанскому саду.

Через день-другой он подъехал к тому месту, где по двум сторонам дороги гремели тяжелыми цепями собака и лошадь. Юноша слез с коня, подошел к ним и поменял их еду местами: сено положил возле лошади, а кости – возле собаки. Они с жадностью набросились на еду и перестали обращать на него внимание. Юноша воспользовался моментом и быстро проскочил между ними.

Прошел ровно час. Юноша замедлил бег коня и остановился у железных ворот Гюлистанского сада. Вскоре он нашел небольшой железный прут и толкнул им ворота. Те широко распахнулись и заскрежетали человеческим голосом:

– О, хозяйка, нас открыли!

Услышала хозяйка скрежет ворот, протерла сонные глаза и спросила:

– Кто посмел вас открыть?

– Железный прут, – ответили ворота.

– Врете вы, железный прут не может открыть ворота! – рассердилась хозяйка и закрыла глаза.

Поняв, что хозяйка Гюлистанского сада уснула, юноша обернул ноги травой и вошел в сад. Но не успел он пройти и десяти шагов, как цветы закричали:

– О, хозяйка, проснись, нас безжалостно давят!

Хозяйка проснулась и хмуро спросила:

– Кто посмел вас давить?

– Трава, – ответили цветы.

– Врете вы, трава не может давить цветы! – гневно сказала хозяйка и повернулась на другой бок.

А тем временем юноша расщепил палку и начал срывать с деревьев листья, но те, что остались на ветках, зашелестели и жалобно закричали:

– О, хозяйка, нас срывают!

Услышала хозяйка голоса листьев и спросила:

– Кто посмел вас срывать?

– Дерево, – ответили листья.

– Врете вы, дерево не может срывать листья! – грозно сказала хозяйка и снова заснула.

Тем временем юноша наполнил свой хурджун чудотворными листьями и хотел было уже возвращаться домой, но подумал: «Как же это я, находясь в Гюлистанском саду, не увижу его хозяйки? А ну-ка пойду и взгляну на нее!»

Сказано – сделано. Пошел он по главной аллее волшебного сада и вскоре очутился у сказочного дворца, стены которого были выложены золотыми и серебряными плитами, и поэтому казалось, что дворец залит солнечными лучами. Юноша ахнул от удивления и вошел внутрь. Тут он посмотрел внимательно и видит: на медном гвозде висит связка ключей. Их было ровно сорок. Юноша понял, что эти ключи от сорока комнат, снял связку с гвоздя и пошел дальше.

За два часа он побывал в тридцати девяти комнатах и ни в одной из них не встретил человека. Вошел он тогда в сороковую комнату и видит: на золотой кровати спит хозяйка волшебного сада. Она до того прекрасна, что если у человека есть два глаза, то надо иметь еще столько же, чтобы налюбоваться ею. Словом, не ешь, не спи, а только восхищайся красотой этой девушки.

Не выдержал юноша и поцеловал красавицу в щеку, затем снял с ее пальца бриллиантовое кольцо и заменил своим. Потом он съел часть плова с бараниной, что стоял на мраморном столике, посмотрел еще раз на красавицу и поспешно покинул дворец.

Возле ворот Гюлистанского сада его поджидал верный конь. Юноша вскочил на него, взмахнул плетью и поскакал к трем дочерям падишаха Чиме-Чина. Посетив все крепости злых дэвов, он посадил девушек на выносливых лошадей и отправился вместе с ними к родному краю.

Долго ли ехали они – неизвестно, но только говорят, что наконец, добрались они до ворот одного гостеприимного караван-сарая. Юноша протянул его хозяину горсть золотых монет и сказал ему:

– Обеспечь нас свободными комнатами для отдыха.

За всю свою длинную жизнь хозяин не видел столько золотых, сколько дал ему щедрый юноша. Поэтому он тут же предоставил ему и его прекрасным спутницам четыре просторные комнаты, принес туда же вкусную еду и великолепные вина, увел их усталых коней под навес, положил перед ними овес и налил воды.

Пусть молодые люди отдыхают пока в караван-сараях, а я расскажу вам об отце юноши и двух его старших братьях.

Тем временем, не зная ничего о дальнейшей судьбе младшего брата, двое сыновей падишаха сели на своих коней и отправились на его поиски. И вот через день они доехали до того караван-сарая, где остановился юноша с дочерьми падишаха Чиме-Чина, и стали переговариваться с его хозяином.

Услышав знакомые голоса, юноша выбежал навстречу братьям, обнял их и коротко рассказал о том, как он добрался до Гюлистанского сада, а затем повел их в комнаты красавиц и познакомил с ними. После ужина они легли спать.

В эту ночь старшие братья, охваченные пламенем зависти, задумали недоброе дело:

– Если брат вернется во дворец с чудотворными листьями и с тремя прекрасными девушками, нам никогда не видать отцовского трона. А чтобы этого не случилось, мы должны убить его, пока он спит!..

Сказано – сделано. Они свалили брата с кровати на пол и начали топтать его ногами. А когда юноши увидели, что брат лежит бездыханным, взяли из его комнаты все чудотворные листья, прихватили с собой дочерей падишаха Чиме-Чина и тайком отправились домой.

На следующий день они прискакали во дворец, отдали листья лекарям и пошли переодеваться. Лекари не стали медлить. Они тут же высушили привезенные листья, завязали в узелок и опустили в бассейн. Вода стала чудотворной, и, когда падишах выкупался в ней, в тот же миг к больному вернулось зрение, исчезла старческая слабость, он стал здоров и крепок. Падишах обрадовался, ему больше не нужно было лежать в постели, он стал бодрым и полным сил, сел на свой трон и завел беседу с сыновьями. Юноши рассказали отцу, как они вызволили дочерей падишаха Чиме-Чина из плена, как достали чудотворные листья из Гюлистанского сада и, под конец, добавили:

– Младшего брата мы нигде не встречали. Он, видимо, погиб или же его съели дикие животные.

Выслушал их падишах, погоревал сорок дней, а затем вызвал к себе старшую дочь падишаха Чиме-Чина и сказал ей:

– Ты и твои сестры должны готовиться к свадьбе. Я выдаю вас замуж за моих сыновей и за единственного сына главного везира!

Девушка смело посмотрела ему в глаза и твердо сказала:

– Я не выйду замуж до тех пор, пока мне не сошьют венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой!

Пусть они на время останутся здесь, а я расскажу вам о хозяине караван-сарая и младшем сыне падишаха, которого братья сонного жестоко растоптали ногами.

Рано утром хозяин караван-сарая стал обходить свое заведение и вскоре оказался у двери комнаты, где остановился юноша. Дверь почему-то была слегка приоткрыта. Хозяином овладело любопытство. Он тихо зашел в комнату и видит: юноша лежит в кроватной луже и еле дышит. Вспомнил хозяин щедрость и доброту своего молодого постояльца, побежал к лекарю и привел его в караван-сарай. Осмотрев юношу, лекарь обнадежил хозяина, что тот будет жить, и принялся за лечение. Через четыре недели юноша почувствовал себя вполне здоровым, отблагодарил хозяина и лекаря и начал собираться в дорогу. Хозяин приготовил ему еду, обнял, как сына, и провел до окраины города. Здесь юноша попрощался с ним, сел на своего коня и поскакал в сторону родного края.

На следующий день он достиг ворот столичного города отцовского падишахства и, переодевшись в одежды странника, вошел в город. По совету жителей юноша остановился в доме старого портного, который взял у него три золотых и сказал:

– Сын мой, живи у меня, пока не найдешь себе другое место.

Прошла неделя. Потом другая. Как-то поутру пришли к портному слуги падишаха и сказали ему так:

– Старший сын нашего повелителя женится на одной из прекрасных дочерей падишаха Чиме-Чина, но невеста сказала, что не выйдет за него замуж до тех пор, пока ей не сошьют венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой. Если ты возьмешься за эту работу, то падишах даст тебе за труд полную шкатулку золотых.

Выслушал их старый портной и удивленно спросил:

– Разве можно сшить такое платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой?

Тут подошел к нему юноша, отвел в сторону и тихо сказал:

– Дорогой портной, не отказывайся от счастья. Ты только прими заказ, а остальное – мое дело. Но прежде не забудь попросить у слуг целый мешок фундука.

Не поверил портной своему постояльцу, но все же принял заказ.

Через час слуги падишаха внесли мешок, набитый фундуком, поговорили с портным о том, о сем и ушли. Но не успели они покинуть двор, как юноша сел у порога и начал есть орехи. Ел он вкусные ядра целый день и весь вечер. Старый портной ждал момента, когда юноша прекратит свое занятие и примется за дело, но так и не дождался. В полночь он лег на кровать и крепко заснул.

Тогда юноша вышел во двор, вытащил из кармана волосок из гривы черного коня

трехглавого дэва и сжег. В тот же миг перед ним появился вороной конь. На его золотом седле лежало черное венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой. Юноша подошел к коню, взял с седла платье, принес домой, положил на стол и лег спать.

Чуть свет проснулся старый портной и видит: юноша спит, а на столе лежит черное венчальное платье, до которого не касались ни ножницы, ни иголка с ниткой. Удивился он такому необыкновенному чуду и стал дожидаться прихода слуг.

А между тем слуги падишаха не замедлили явиться. Они взяли черное венчальное платье, дали портному полную шкатулку золотых монет и отправились во дворец.

Как только принесли старшей дочери падишаха Чиме-Чина венчальное платье, она сразу же поняла, что юноша жив и находится где-то вблизи от дворца. Узнав об этом, ее средняя сестра пришла к падишаху и твердо сказала:

– Я не выйду замуж до тех пор, пока мне не сошьют венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой!

Снова пришли падишахские слуги к старому портному и заказали ему сшить новое венчальное платье. Портной поговорил с юношей и согласился.

Ровно в полночь, когда хозяин дома крепко заснул, юноша вышел во двор, вытащил из кармана волосок от гривы красного коня пятиглавого дэва и сжег. В тот же миг перед ним появился красный конь с красным венчальным платьем на золотом седле. Юноша взял платье, отпустил коня и вошел в комнату. Положив его на стол, он лег на свою кровать и быстро заснул...

Наутро пришли слуги падишаха к старому портному, дали ему вторую шкатулку с золотыми монетами, забрали венчальное платье и ушли.

Узнав свое красное платье, средняя дочь падишаха Чиме-Чина теперь тоже убедилась, что юноша жив и находится где-то вблизи от дворца, и рассказала об этом младшей сестре. Та, в свою очередь, пришла к падишаху и заявила:

– Я не выйду замуж за сына главного везира до тех пор, пока мне не сошьют венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой!

И на этот раз пришли падишахские слуги к старому портному и заказали ему третье венчальное платье. Портной снова поговорил с юношей и принял заказ.

В полуночный час, когда хозяин дома находился в объятиях сна, юноша вышел во двор, вытащил из кармана волосок из гривы синего коня семиглавого дэва и сжег. Не успел он даже моргнуть глазом, как перед ним появился синий конь, с синим венчальным платьем на золотом седле. Юноша взял платье, отпустил коня на волю, вошел в комнату, положил платье на стол, лег на свое место и сразу же заснул крепким богатырским сном.

С первыми лучами солнца пришли слуги падишаха к старому портному, дали ему третью шкатулку с золотыми монетами, взяли с собой синее венчальное платье и отправились

во дворец.

Получив от них и это платье, дочери падишаха Чиме-Чина полностью уверились, что юноша в полном здравии, и стали готовиться к торжественному пиршеству.

Вечером следующего дня падишах сыграл самую богатую свадьбу. Во дворец понаехало много кунаков. Там были высокопоставленные вельможи из дружественных стран, купцы и крупные торговцы. Не забыл падишах пригласить и старого портного.

Узнав об этом приглашении, юноша попросил хозяина дома взять его с собой, чтобы хоть краем глаза посмотреть на танцующих людей, но портной ехидно усмехнулся и сказал:

– Нечего оборванцу делать во дворце падишаха! Ты лучше сиди дома и доедай свои орехи!

Юноша стыдливо опустил голову и вышел во двор. Дождавшись ухода портного, он вытащил из кармана волосок с головы доброго дева и сжег его. Но не успел он свободно вдохнуть свежий воздух, как перед ним появился дэв и спросил:

– Брат мой, что тебе надобно?

Рассказал ему юноша о всех своих горестях и бедах и попросил доставить его на свадьбу.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал дэв, посадил его на плечи и за несколько секунд доставил к воротам дворца.

А тем временем свадьба была в полном разгаре. Повсюду горели большие костры и жарились шашлыки из баранины и дичи. Зурначи и бубнисты с азартом играли веселую танцевальную музыку. Падишах, его родственники и знатные гости сидели во главе широкого стола и ели изысканные яства, запивая их легкими и крепкими винами.

Между тем дэв опустил юношу на землю, встал во весь могучий рост и, прикрыв своим телом ворота, со всей силой подул в сторону пирующих людей. За какую-то долю секунды вокруг поднялся ураганный ветер и разразился ливень с крупным градом.

В этот миг юноша встал между ногами дэва, внимательно присмотрелся и видит: костры потухли с шипением, и в воздухе завертелись белоснежные скатерти. Столы, блюда и золотые кувшины с вином упали на землю, а испуганные гости побежали врассыпную.

Но на этом их беда не закончилась. Дэв посмотрел на них торжествующе и вытянул руку вперед. В ней тут же появилась увесистая дубинка. Он с гиком выпустил ее на свободу, и дубинка заплясала по спинам бегущих людей. Несколько ударов достались и старому портному.

Одним словом, веселая и роскошная свадьба превратилась в место побоища и больше не возобновилась. Довольный дэв схватил дубинку и отошел от ворот. Гости от мала до велика, охая и ахая, выскочили со двора и побежали прочь от дворца падишаха. Вместе с ними, чуть припадая на ногу, побежал и старый портной. Юноша посмотрел ему вслед и

беззлобно засмеялся.

Пусть останется все, как есть, а я расскажу вам о хозяйке Гюлистанского сада. Сколько прошло времени нам того не ведомо, но однажды она проснулась от какой-то жгучей боли на щеке. Протирая глаза, девушка встала с кровати и видит: на пальце блестит чужое кольцо, а на щеке алеет пунцовое пятно, похожее на след поцелуя. Удивилась она такому непонятному явлению, подошла к мраморному столику и заметила, что часть плова с бараниной кем-то съедена.

Подошла тогда красавица к зеркалу, протерла его платком и спросила:

– О, милое зеркало, кто сегодня был в моей комнате?

Зеркало помолчало, а потом рассказало обо всем.

Выслушав его, красавица переоделась в доспехи богатыря, села на своего скакуна и отправилась в падишахство юноши. Не успела она трижды взмахнуть плетью, как очутилась во дворце, где жил тот самый падишах, некогда одолеваемый недугами. Пробралась она во дворец падишаха и, пригрозив, сказала ему:

– Я хочу узнать, кто пробрался в мой волшебный сад и сорвал чудотворные листья!

Первым подошел к ней старший сын падишаха и сказал:

– Это я пробрался в твой сад и сорвал чудотворные листья.

– Как же ты их рвал? – спросила красавица.

– Руками, – коротко ответил юноша.

– Врешь ты, – рассердилась хозяйка Гюлистанского сада. – Уйди прочь!

Вторым к ней подошел средний сын падишаха и сказал:

– Это я пробрался в твой сад и сорвал чудотворные листья.

– Чем ты их рвал?

– Зубами, – ответил юноша.

– Врешь ты, – гневно сказала хозяйка Гюлистанского сада. – Уйди прочь с моих глаз! – Она повернулась к падишаху и добавила: – Я хочу знать правду. Обратись к народу, может, кто из твоих горожан был в моем саду и рвал чудотворные листья.

Падишах согласился и тут же издал приказ созвать всех горожан на дворцовой площади. Когда горожане собрались возле дворца, он сказал им:

– Кто тот герой, который пробрался в Гюлистанский сад и сорвал для меня чудотворные листья?

Люди безмолвствовали. А между тем среди них находился младший сын падишаха и все слышал. Он вышел из толпы, подошел к красавице и сказал:

– Я сорвал чудотворные листья в твоём волшебном саду!

– А как ты их рвал? – спросила девушка.

Юноша рассказал, как он перехитрил сторожей Гюлистанского сада, и что случилось с ним после встречи с братьями в караван-сараях, затем снял со своего пальца кольцо девушки и протянул ей.

Взяла хозяйка волшебного сада свое кольцо, рассмотрела его со всех сторон и поняла, что этот юноша и есть тот самый смельчак, который поцеловал ее и съел часть плода. Тогда она подошла к нему поближе, сняла с себя мужской богатырский наряд и распустила по плечам сорок золотистых кос.

Увидели горожане в облике богатыря красавицу и возликовали от радости, а когда немного успокоились, стали требовать от падишаха, чтобы он приказал казнить своих нерадивых сыновей за обман и коварство.

Падишах решил, что они правы, и вызвал палачей. Но тут подошел к нему младший сын и умоляюще сказал:

– О, добрый отец, пожалуйста, не убивай моих братьев! Я знаю, что они совершили подлость и по закону нашего падишахства должны быть казнены. Но я прощаю их! Как-никак мы кровные братья!..

– Как скажут горожане, так и будет! – подытожил падишах, обращаясь к горожанам.

– Пусть исполнится желание твоего младшего сына, – сказали те и разошлись по своим домам.

По велению падишаха новую свадьбу сыграли прямо на дворцовой площади. Двое его сыновей женились на старших дочерях падишаха Чиме-Чина, а единственный сын везира – на их младшей сестре. А прекрасная хозяйка Гюлистанского сада вышла замуж за младшего сына падишаха, совершившего все эти подвиги.

Спустя некоторое время у всех молодоженов родились дети -девочки и мальчики. А когда они подросли, родители стали то и дело брать их с собой в те края, где некогда хозяйничали трех-, пяти-и семиглавый дэвы, а также и в Гюлистанский сад: теперь все это принадлежало им.

А дочери Чиме-Чин падишаха посетили отцовский дом и тем самым безмерно обрадовали своих родителей, которые считали дочерей погибшими.

Как гласит народная мудрость: смелость и доброта одного примиряет многих.

Словарь терминов, собственных имен и непереводаемых слов

Аббас Реальный персонаж: Аббас I (27.1.1571 – 19.1.1629), шах Ирана (с мая 1587) из династии Сефевидов, крупный военачальник. Популярный персонаж сказаний и легенд, где выступает, как правило, в качестве положительного героя

Адат Обычное право, совокупность обычаев обязательных к исполнению

Аждага Мифологический персонаж, исполинский дракон с огнедышащей пастью, образ которого восходит к иранским эпическим традициям. В иранской мифологии Ажидахака – трехглавый или шестиглавый дракон или иноземный царь – узурпатор, захвативший власть над Ираном. В наиболее распространенных мифах Аждага угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает Аждага, спасая очередную жертву (обычно падишахскую дочь), на которой и женится

Азраил Также Хазреил: распространенный мифологический персонаж у джугури; Ангел Смерти, чей образ, скорее всего, заимствован у соседей – мусульман.

Амалдан Также дан-Амалдан: сказочный персонаж, всегда добрый и хитроватый мудрец, принимающий обычно образ бородатого гнома или старца

Ашуг У некоторых народов Кавказа: народный поэт-певец

Бахлюль Историческая личность средневекового Ирана; мудрец, персонаж фарсоязычного фольклора

БАШ ИГлавный атаман

Бухлеме Национальная еда, также буглеме: студень из рыбы. К бухлеме подается вареный рис, откинутый на дуршлаг и предварительно остуженный

Векил Вельможа, высокопоставленное лицо

Везир Также визирь: титул министров и высших чиновников

Гаравош Стражник, охранник

Данусменд Сказочный персонаж: всезнающий мудрец

Дервиш Нищенствующий монах-аскет, факир. В народном фольклоре стал носителем как доброго, так и злого начал. Олицетворял всевозможных чудовищ, людоеда, колдуна, чародея, оборотня и т.д.

Джай Восточная игра в бабки. Бабка – у животных: надкопытный сустав ноги, кость которого употребляется для игры. Играть в бабки – броском сбивать бабки, установленные на расстоянии

Долма Национальная еда: мясной фарш, завернутый в виноградные листья

Дэвы В иранской мифологии: злые духи, звероподобные великаны, обитающие под

землей и владеющие несметными сокровищами. Им противостоят добрые духи – ахуры. Дэвов бесчисленное множество, они служат верховному духу зла Ангро-Майньо. Знаменитые богатыри борются с дэвами и побеждают их

Зиндан Подземная темница

Зурна Духовой язычковый музыкальный инструмент

Ингар Национальная еда: кусочки пресного теста, приготовленные из кукурузной или пшеничной муки, сваренные в мясном бульоне. Подается с вареной говядиной или бараниной и чесночной приправой, разбавленной сметаной, кефиром, томатом

Инчегуз Девушка из свиты сына или дочери падишаха, обязанная развлекать своего господина или госпожу

Кадий Также кади, кадия: духовный судья у мусульман

Кайф Также кейф: устаревшее и разговорно-шутливое – приятное безделье и отдых

Калам От греческого «тростник»: тростниковое перо, широко распространенное у народов, пользовавшихся арабским алфавитом

Калым Также калын: по обычаю выкуп, который должен заплатить будущий муж родителям невесты

Кунак У кавказских горцев: друг, приятель

Куш Большая сума денег

Ловповиго Люди, в основном женщины, которые лечили заговорами, священными молитвенными амулетами, внушением и т.п.

Машалла! Восточное восклицание, выражающее удивление

Меошиерах Также Миширахуно: у горских евреев имя библейского персонажа – пророка Моисея

Момой У горских евреев: бабка-повитуха

Нимаз Синагога

Нукер У народов Кавказа: служитель, отрок при господине, телохранитель

Овсунечи У джугури: сказочник, сказитель, искусный рассказчик историй

Ошир Богатый человек

Пахлеван Акробат, канатоходец, смельчак, наездник, а в военное время воин-богатырь

Саз Струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни

Сакля Русское название жилища кавказских горцев

Тар Струнный щипковый инструмент, распространенный на Кавказе

Тарантас Крытая повозка

Тонур Круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки лепешек

Туме Счетно-денежная единица, а с конца XVIII в. также золотая и серебряная монеты

Хейвун Балкон

Худо Имя Творца в джугурском эпосе

Худо хармах ту! Бог тебе в напарники!

Хундекучи На Востоке: зазывала, приглашающий гостей на пиршество

Хурджун Дорожная ковровая переметная сума

Чарыки Вид обуви (род сандалий): кожаные полусапожки с загнутыми носками и завязками вокруг голени, тип поршней. Поршни: обувь, которая не шьется, а гнется (загнуть поршни) из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью). Поршни носят летом, налегке или на покое

Чимечин Сказочная страна от искаженного названия китайской династии Цинь

Чинар Платан восточный – дерево рода платановых. Иногда чинарой называли бук

Чурек На Кавказе: плоский пресный белый хлеб

Шагаду Относится к неиудейским синкретическим верованиям горских евреев: нечистый дух, принимающий всевозможные образы. В подчинении Шагаду множество других духов, которые по его приказу вселяются в душу, и человек сходит с ума. Духи представляют собой существа, похожие на людей, но имеющие кривой рот с клыками по бокам, рожки и хвост, широкие ноги и руки с шестью сильными пальцами, расположенными веерообразно друг над другом, и длинными когтями

Шербет Фруктовый прохладительный напиток

Эдем Мифологическая страна, где, по библейскому рассказу, находился рай – место пребывания Адама и Евы, до изгнания их оттуда по повелению Бога в наказание за то, что они «вкусили плоды древа познания добра и зла»

Эршефи Золотая денежная монета, имевшая хождение на Востоке (Иран)

Идиомы и примечания к сказке...

Бессмертный Немюрюм

... он ни на минуту не отходил от постели больного...

Народный обычай, когда было принято, во время болезни посещать дом недомогающего. Обычно около больного ни днем, ни ночью не бывает менее двух-трех сиделок, потому как односельчане, как правило старики и старухи, заботливо ухаживают за больным, исполняя его малейшее желание, и даже остаются ночевать.

... и юноша незаметно для самого себя оказался на самой вершине горы, у самого Поднебесья...

По поверью джугури рай находится на седьмом табага – этаже. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

...добрый юноша, для этого тебе надо много старинных книг прочитать, в душу Небесную истину вобрать, и жить с любовью ко всем и даже к врагам своим...

Парафраз изречений из Ветхого и Нового Заветов. Дословно: «Люби ближнего, как самого себя» и «... любить, как самого себя, надо не только ближнего, но и врага, и если тебя ударят по одной щеке, подставить и другую...».

Бежон и Менежон

...пусть подойдут, выпьют со мной чашу шербета и дадут клятву верности...

Древний обычай, сопровождающий приношение клятвы верности и непоколебимости между джигитами.

...облачился в траур, обсыпал себя золой и сел у холодного очага...

Народный обычай, выражающий горе, отчаяние. Связан с трагическими событиями, когда внешние обстоятельства превосходят возможности человека их преодолеть.

... сняла Менежон с головы платок, бросила его к ногам дервиша...

У джугури для женщины считается позором показаться простоволосой мужчине. Если же она бросает свой головной платок к ногам мужчины, это значит, что она, унижая себя, о чем-то просит. В таких случаях отказ недопустим.

Три сына старого ошира

... иногда, говорят, он помышлял привести в дом вторую жену, дабы иметь ребенка, но совесть и чувства, которые он питал к своей красавице-жене, да к тому же законы его религии не позволяли ему решиться на такой недостойный шаг...

В общине горских евреев, также как и в других восточных еврейских общинах, не существовало запрета на многоженство. Наличие двух жен было распространенным

явлением. Однако к середине XIX века общественное мнение горских евреев постепенно склонялось к моногамии. Известно, что в еврейских общинах, находящихся в Дербенте и его окрестностях, многоженство считалось нежелательным. Основной причиной, по которой горские евреи гораздо чаще, чем окружающие народы, предпочитали иметь лишь одну жену, было то, что они считались с мнением женщины.

... женщины плакали, причитали, восхваляя покойника...

Знак глубокого траура у джугури. Когда умирает кто-то из родственников, женщины отправляются в его дом. Мужчины уступают им место в комнате умершего, и женщины, окружив постель, оглашают саклю раздирающими душу криками, восхваляя покойника, чтобы увековечить его заслуги перед небесами.

...то желала, чтобы он исчез в седьмом подземелье...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли (см. также комментарии к сказкам «Хитрая жена бедняка» и «Лиса и плешак»).

...возьми с собой этот амулет. Он сохранит тебя...

Универсальным средством предупреждения и лечения болезней у горских евреев было использование амулетов, защищающих их обладателей от духов болезней.

... семь рек и семь лесов прошел, на семи дорогах побывал...

Видимо, подчеркивает особое расположение Бога к осуществляемому юношей делу. По представлению иудеев, числа «три» и «семь» – святы, отсюда происходит тройная семерка 777 как выражение святого святых.

... когда рождение девочки считалось величайшим позором...

У джугури особенно желанным ребенком является мальчик. В этом случае момой (см. комментарии к сказке «Младшая дочь шаха Аббаса») требует за «бешерей» – радостную весть – подарок. Отец новорожденного с удовольствием исполняет ее просьбу и, пригласив присутствующих и утешающих его в кунацкую комнату, начинает угощать вином и закусками. Особенно радуется веселью мать, т.к. при рождении сына все начинают питать к ней особое уважение. Совсем не так встречают евреи новорожденную девочку. Муж, родственники и даже момой оставляют мать безо всякого внимания и не прислуживают ей.

... известно, у каждого начала есть и свой конец...

Парафраз Когелета: «Всему свой час, и время всякой вещи под небом...».

... старших сыновей люби на расстоянии,

а с младшим – не расставайся...

Народное поверье, когда младший сын, на долю которого выпадает больше добрых дел, обычно считается умнее и смелее старших братьев и более любимым в семье, поэтому

вся надежда родителей на обеспеченную и спокойную старость возлагается именно на младшего сына.

Истории мудрого странника

...на теле своем живого места не оставил...

Знак глубокого горя, как правило, по умершему у горских евреев. Когда покойник снаряжен для погребения, начинаются общие причитания женщин, сопровождающиеся ударами в лоб, в лицо, в грудь, вырыванием волос на голове, царапаньем щек, кусанием рук и другими выражениями печали и сочувствия.

... говорят, что в ее животе змея живет...

Горские евреи верили, что главной причиной любой болезни является злой дух, который нужно умиловать, уговаривать отпустить на свободу свои жертвы.

...у него нет денег на свадьбу и на калым...

Женитьба сопряжена с многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы для того чтобы, по обычаю, будущий муж мог заплатить родителям невесты выкуп. Сумма, как правило, весьма значительная, кроме того, поскольку свадьба продолжается обыкновенно около четырех суток и справляется за счет жениха и подвенечные одежды, богато обшитые серебряными и золотыми галунами, тоже должны быть оплачены им же; то в итоге выходит, что горский еврей, чтобы жениться должен иметь приличную сумму денег.

... покупаю живность, режу, как учил меня мой дед, и продаю...

Ремесло резника было одним из самых уважаемых в среде горских евреев. Обычно правила по ритуальному убою животных и птиц изучались на высших ступенях школы (хедера), закончить которую удавалось далеко не всем. Зачастую в общинах горских евреев раввин сочетал в себе многие обязанности, при этом важнейшей среди прочих была функция, связанная с ритуально-правильным забоем скота. Существенно, что круг духовной элиты у горских евреев был достаточно замкнутым: часто пост раввина и соответствующие знания переходили от отца к сыну. По тексту сказки указание профессии (мясник) особо подчеркивает в глазах странника горе рассказчика, ибо сын мясника, в первую очередь, опозорил ремесло резника.

... быть мне твоей жертвой...

Клятва джугури, возможно, отражающая верования иудеев в то, что можно подарить часть своей жизни другому человеку. Известно, что Адам, провидя смерть царя Давида в младенчестве, подарил ему семьдесят лет из своей жизни.

Хитрая жена бедняка

... да гореть отцу моему в аду...

Клятвы, связанные с огнем и солнцем, видимо, появились у джугури с

зороастрийского периода. Горские евреи считали, что между адом и раем находится толстая накалившаяся проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься от грехов и попасть в рай. Душа несколько раз пытается, доходит до середины длинного пути, спотыкается под тяжестью грехов и падает на проволоку, которая с шипением и свистом разрывает тело пополам. Тело летит вниз и попадает в огонь, где превращается в пепел. После этого тело опять возобновляется, и душа продолжает терзаться, пока на ней не останется ни одного греха. После очищения она благополучно доходит до седьмого неба, где ее встречают добрые ангелы, показывают ей все величие Бога и сопровождают ее в рай.

... нет бороды – людям показаться стыдно...

Все почтенные люди обязаны были носить бороду – безбородые считались неверными Богу.

Кривой Якуб и шах Аббас

...связать обиду в узел...

Распространенное выражение, означающее набраться терпения, довериться судьбе.

...Якуб читал мальчикам древние книги...

Образование у горских евреев было традиционно религиозным. Только в конце XIX века появляется и светское образование. В этнографической литературе отмечается, что профессиональная подготовка большинства учителей, особенно в небольших аулах, оставляла желать лучшего.

... как хорошо было бы построить в нашем ауле школу для детей на те деньги, которые я за это время получал за их учебу...

Горско-еврейская община никогда не содержала хедер (еврейская школа), он всегда принадлежал учителю, как правило местному раввину, и существовал за счет платы, которую вносили родители учеников как деньгами, так и продуктами. Также было принято после окончания курсов подносить подарки – вино, муку, соль, кур. Учение из-за общей бедности горских евреев стоило дешево, а материальное положение учителя чаще всего было очень тяжелым. Успехи Якуба по тексту сказки лишь подчеркивают его незаурядные способности.

... и стал Якуб строить на окраине аула школу ...

Горские евреи для школ строили специальные помещения возле синагоги или прямо в помещении синагоги. Иногда занятия проходили в доме учителя. В этнографической литературе отмечается, что по внешнему виду было трудно отличить горско-еврейский хедер от тюркского китаба (мусульманская школа). Та же домашняя, комнатная обстановка, то же расположение учащихся – вокруг учителя, на полу; то же ритмическое раскачивание; та же громкая, экстатическая напевность. Даже приемы наказания те же: длинной тростью учитель дотягивается до любого ученика; мальчики часами стоят в углу лицом либо к «классу», либо к стене, в зависимости от проступка.

... вспахали поле, засеяли его кукурузой, овсом и подсолнухом...

Основными занятиями горских евреев были: сельское хозяйство – обработка земли и возделывание полей, где сеяли пшеницу, ячмень, маис, рис и т.д.; разведение виноградных и фруктовых садов; культивирование марены, табака и овощных растений; шелководство; обрабатывающее производство – выделка сафьяна, кож из сырых шкур, которые получали от местного населения или от своих домашних животных; тканье, вязание и вышивание различных материй, приготовление сыра, масла и т.п. из буйволиного и овечьего молока; торговля – преимущественно коробейная.

... решил поехать по делам государства в страну франков...

Франками на Востоке называли европейцев.

... когда Миширахуно, спасая своих единоверцев от преследования фараона...

Почти дословный пересказ Торы (Исход 15:1-21): фараон, раскаявшись, что отпустил израильтян, вместе со своим войском пустился в погоню и настиг беженцев у Красного (Тростникового) моря. Но море расступилось, евреи (общим числом около 600 тыс. человек) прошли по сухому дну, не замочив ног. Египтяне же, погнавшись за израильтянами, утонули – Моисей ударил посохом и воды Красного моря сомкнулись. О чудесном спасении народа была сложена «Песнь Моисея» и хвалебная «Песнь Мариам».

...на земле всегда велся и ведется счет...

Раввины у горских евреев, кроме всего прочего, занимались переписью населения, выдачей метрических свидетельств, исполняли роль духовных судей, т.е. решали семейные тяжбы, выдавали разводы и т.д.

...нужно, чтобы кто-нибудь ... принес в жертву своего единственного сына...

Почти дословный пересказ Торы (Бытие 22): Аврааму было почти сто лет, когда Сарра родила сына Исаака, имя которого переводится, как «дитя смеха», – оттого, что девяностолетняя Сарра рассмеялась, когда Бог предсказал Аврааму рождение их ребенка. Когда Исаак подрос, Бог, испытывая веру Авраама, приказал принести ребенка ему в жертву. Авраам, не раздумывая, был готов положить своего сына на жертвенник, но, в последнюю минуту, ангел воззвал к нему с неба и сказал, что это испытание, которое послал Бог. Авраам пожертвовал вместо сына агнца.

...не смолкали звуки барабанов и зурны...

Традиционная музыка джугури: сочетание гармонии и тепа, либо зурны и барабана

... и бросал на голову невесты, по древнему обычаю, золотые монеты...

Элемент сложного свадебного обряда у горских евреев. Сохранившиеся описания свадебных обрядов имеют существенные отличия в деталях в зависимости от места горско-еврейского поселения.

Младшая дочь шаха Аббаса

... бедняк позвал момой...

Как только женщина чувствует время разрешения от бремени, домашние приглашают момой. Из этнографической литературы известно, что горская еврейка рождает или стоя или на коленях, поддерживаясь посредством веревки, перекинутой через брус в потолке, или лежа на земле, где готовится ей соломенная постель (липовая доска). Женщины из всего аула постепенно собираются в комнате рожавшей, принося с собою в больших чашках и тарелках, покрытых платками, муку, крупу, яйца, чеснок и проч. Все это собирается для момой. После того, как женщины собрались, одна из родственниц роженицы берет кусок белого полотна, бязи или другой белой материи и перевешивает через дверь так, чтобы одинаково ровно было видно как снаружи, так и внутри. Материя остается до тех пор пока роженица не станет совсем здоровой и потом дарится момой. Полагают, что белый цвет материи служит для удаления нечистого духа. При сильных болях посылают кого-нибудь на кладбище, чтобы принести горсть земли из могилы покойника – родственника или уважаемого при жизни человека. Выкопанную землю, смешав с водой, дают страдающей. Если и это средство не помогает, то муж приглашает учеников раввина, из которых одни трубят в «шофар» – трубы, употребляемые в Судный день и на Новый год при общественной молитве, другие читают псалмы, третьи стреляют из ружей. Все начинают молиться: «Единый Боже! Дай ей радость разрешиться...»

...землей не пахнет, а мертвецом лежит...

Народная поговорка по смыслу аналогичная фразеологическому обороту «ни жив -ни мертв».

... исполнилось мальчику тринадцать лет...

По еврейскому обычаю возраст религиозного совершеннолетия для мужчин тринадцать лет плюс один день. Бармицва – обряд, посвященный достижению этого возраста, у джугури называется «тефилин».

Лиса и плешак

...расскажу-ка я вам про плешака и лису...

Плешак, также можно встретить кечел или кечал: в горско-еврейских сказках обычно, плут, пройдоха. Образ лисы в сказках джугури имеет дуалистическую природу. По отношению лисы к зверям она предстает то хитрой, то ловкой, то коварной, то находчивой, то обманщицей, то злопамятной и т.д. Но для человека лиса довольно часто становится помощником в делах. Выбор таких персонажей в сказке не случаен: особо подчеркивается ее авантюрный сюжет через альянс двух ловких мошенников.

... длинной, как кишка шагаду, показалась эта ночь...

Народное поверье, о том, что кишки шагаду не имеют ни конца и ни края. По тексту сказки подчеркивается томительность, длительность ожидания действия.

... душой отца клянусь...

Клятва джугури. Считается, что клятва именем отца или именем собеседника самая крепкая, а ложная клятва оборачивается проклятием для того, кто клялся.

... сквозь семь пластов земли провалиться...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли под семью пластами, а рай – над седьмым небом. Небо представлялось воздушной массой, состоящей из семи «табага» – этажей. Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой «перде» и предназначен для звезд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

... и стала осыпать жениха с невестой сахаром и рисом ...

Элемент сложного свадебного обряда у горских евреев. Известно, что в некоторых горско-еврейских поселениях было принято осыпать жениха сарачинским пшеном, т.е. рисом и мукою, символами благосостояния, плодородия и чистоты семейного счастья. Также на новобрачную по дороге в дом жениха женщины бросали рис в пожелание плодородия (чтобы она родила много детей).

notes

Примечания

1

Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.)

МИФОТЕКА - мифологическое наследие народов мира:
<http://mifoteka.ru>

Легенды народного сказителя
Амалдан Кукуллу

Золотой сундук #3

В третью книгу литературного наследия горско-еврейского поэта, сказочника и фольклориста Амалдана Кукуллу включены двенадцать сказок, из которых семь публикуются впервые, равно как и сказки-потешки о Малахиме-арбечи. Тексты приведены без изъятий и купюр с оригинала авторской рукописи. Третья книга продолжает тематику двух ранее вышедших книг сказок из коллекции «Золотой сундук Амалдана Кукуллу», куда, кроме сказок, входят пословицы, поговорки, поэтические и изыскательские работы талантливого писателя.

Амалдан Кукуллу

Легенды народного сказителя

О проекте «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» пишут...

«Вестник ЕАР»: «...самая большая диаспора джугури проживала в древнем Дербенте и в Кубе (ныне Азербайджанская Республика). Нагрузившись тяжелым катушечным магнитофоном «Айдес», коробками с пленками, мы двинулись в Дербент. Обосновались у Бориса Гаврилова – баснописца и поэта, составителя словаря татов. Таская тяжесть магнитофонную по извилистым горбатым улочкам древнего города, Амал записывает из уст седых старух и мудрых медлительных аксакалов пословицы, поговорки, сказки, мифы и сказания. Он был неумолим в своих замыслах и умел убедить занятых своих единоплеменников в «нужности» того дела, которому служит...»

«Еврейские НОВОСТИ»: «...тематическая полифония сказок охватывает не только традиционное для еврейской изустной литературы толкование Торы и Талмуда, как, например, в Агаде, но и народные пословицы и поверья, фразеологические обороты, своеобразие народных обычаев. Все это – от библейских сюжетов до обычной народной разговорной практики – было той питательной средой, которая сформировала Амалдана Кукуллу как писателя-сказочника и поэта...»

«Международная еврейская газета»: «...нельзя не привести слова И.С. Брагинского – востоковеда, профессора, научного редактора первого сборника "Золотой сундук": „И для всех писателей-сказочников собираемый ими национальный родной фольклор, в данном случае – народная устная повествовательная проза, были и есть та самая плодотворная почва, на которой вырастало, утверждалось и будет вырастать и утверждаться всегда творчество каждого писателя, который доверится этому благородному делу...“»

«Новый рубеж»: «...впервые за всю историю московских книжных форумов в рамках Фестиваля Еврейской Книги проводилась объединенная презентация «Горские евреи: история, фольклор, Книга». Проведение мероприятия было доверено издательству «Амалданик» (<http://www.gold.amaldanik.ru>), уверенно вошедшему с проектом «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» в элиту издательских домов России. Стоит сказать, что сам проект и первая книга, сделанная на основе архива классика джугурской литературы Амалдана Кукуллу, в июне 2004 года были удостоены почетного диплома «Лучшая книга» Ассоциации книгоиздателей России...»

Спасибо Вам. Даниил Кукулиев

Предисловие

«И ХОРОШЕЕ, И ПЛОХОЕ В САМОМ ЧЕЛОВЕКЕ», так гласит одна из джугурских поговорок, и это неоспоримо верно[1 - Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.).].

Ведь в самом человеке в большей степени, чем в самой природе и животном мире, выявляют себя добро и зло, любовь и ненависть, нежность и жестокость, щедрость и

жадность, правда и ложь, победа и поражение, радость и горе... Словом – все те качества, которые и составляют саму жизнь, ее сущность и значимость, ее философию и бытие. Вот почему мы так цепко и с любовью держим в хранилищах памяти все то, что некогда происходило, пусть и не во всей полноте и подробностях, а как маленькое семя, которое через общение с другими веками и народами, где на смену одним поколениям приходят другие, произрастает своей жизненно необходимой правдой, утоляя в человеке голод познания и преемственности...

Итак, что же такое волшебная сказка?

На этот счет выдвинуто множество различных толкований. Одни считают, что «сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных фантастических сил»; другие – что «сказка – это проекция реальной жизни на особую («волшебную») плоскость, своего рода карта жизни, снятая с птичьего полета фантазии»; третьи утверждают, что волшебную сказку можно назвать фантастической народной повестью, и т.д.

Жанр «литературной сказки» сложился под огромным влиянием братьев Гримм. Они первыми обратились к народной сказке как к источнику поэтического народного творчества, большинство сказок были записаны ими в беседах с простыми крестьянами, сказительницами. «Сказки, – считали Вильгельм и Якоб Гримм, – это бессознательное, естественное отражение мира человеком, а мифы – это не что иное, как способ первобытного мышления...»[2 - Сформулировано в книге «Немецкая мифология» (1835).].

Попробуем разобраться, войти «внутрь» сказки и выявить там элементы волшебства действующих лиц – как человека, так и животных и мифических духов; познать пафос и идейно-тематическую направленность. Мы видим, как проявляется народная воля: избавиться от отрицательных типов, обладающих огромным ростом и большой физической силой; не только от реальных людей, занимающих высокое социальное положение, но и от ирреальных чудовищ, причиняющих горе честным и простым людям. Но чтобы вступить с ними в борьбу, нужны исполины «неестественных размеров», кроме этого, нужны еще и другие сверхъестественные силы – волшебство, фантазия, т.е. воображение, возведенное в бесконечную степень. Иногда и этого бывает недостаточно, ибо отрицательные персонажи живучи, коварны, страшны и злы. Вот почему героями волшебной сказки бывают не только богатыри-заступники, борцы за доброе дело, но добрые животные и звери, птицы и насекомые, вся природа вокруг. Только сообща – всем вместе, в дружбе и согласии можно победить чудовищ. А для того чтобы донести подобные идеи до всех, рассказчику нужен был некий способ. И он был найден в изустной повествовательной прозе, называемой волшебной сказкой, выраженной в форме простого, доступного всем говора.

Из всего сказанного выше можно вывести следующее определение: волшебная сказка – это совокупный и главенствующий над другими жанр, возведенный в бесконечную степень воображения, в котором мифические и тотемические духи используются для олицетворения человеческих качеств, в большинстве своем отрицательных, чуждых; форма изложения этого жанра – изустная повествовательная проза на доступно-бытовом говоре, при помощи которой можно высказать сполна свой взгляд на различные выпады мира и бытия.

Именно с этих позиций нужно и необходимо говорить о горско-еврейских волшебных сказках как о жанре. Проследим, какие факторы реальных и ирреальных явлений имеются в

наших сказках. К первым относится обыденный мир с его обыденной жизнью, бытом, нравами, обычаями и порядками, в котором живут и действуют герои сказок и сказаний, как конкретно-исторические – Зол, Рустам, Шах-Аббас, так и не исторические, вымышленные – Давид, Якуб, Эршифион и другие. Часто народные сказители прибегают к прономинации, т.е. вместо собственных имен используют клички, которые полнее раскрывают характер и поведение героя сказки, как положительные его черты, так и отрицательные. Например, положительные: Немурум, что означает бессмертный, Шолумо-Мелих – миротворец, Борухосох – благословляющий; и отрицательные: Хунхур – кровопиец, Одомнохов – человеконенавистник... Используются и безымянные герои, т.е. вместо имени сказитель называет его пол, внешность, положение в обществе и т.п. Например, юноша или девушка, старик или старуха, брат или сестра, отец или мать, красавица или добрый молодец, падишах или городской старшина, везир или страж, раввин или мулла и т.п.

На этой плоскости, под этим небом соседствует, вступает в непосредственное соприкосновение ирреальный мир. Это сказочный город семи близнецов Хофтэгиз, волшебные горы, скалы, чудодейственные бассейны, люди-чародеи; летающий на другие планеты золотой сундук; рыбы, проглатывающие человека, чтобы доставить его на другой берег; перелетающие через горы и моря скакуны; оборотни; подземные царства, где хранятся «все драгоценности мира»; шапки-невидимки; сказочные дворцы, где «один камень из золота и серебра, другой из чугуна и мрамора»; волшебные бурдюки, из которых течет молоко или кровь, сообщая тем самым друзьям или родственникам ситуацию, в которую попал герой; волшебные птицы, которые могут распознавать правду или ложь; волшебные яблоки или розы, от которых у бесплодных родителей рождаются дети; ослепляющие глаза чудовищ золотые сабли и т.д. Здесь же, рядом со всеми обыкновенными людьми, живут и страшные отрицательные типы, чуждые и ненавистные людям, – это мифические или тотемические чудовища: Дэвы, Аждага, Эней, Гари-Нене или навеянные религиозными представлениями духи: Азраил, Шагаду, Шайтан, Сер-Ови, Дедей-Ови, Эшмедей, Нум-Негир и другие; все они – персонажи ирреального мира и корнями своими уходят в глубь тысячелетий.

«Агул небистоге – мозол кумек нибу», – говорят джугури. Буквальный перевод: «Если нет ума – счастье не поможет». Отличительной особенностью горско-еврейской сказки является непосредственное участие ойсунечи в происходящих действиях. Он как бы служит комментатором, который тут же дает свою оценку или объясняет все то, о чем повествуется. По ходу действия лицо рассказчика бывает воинственным, гордым или просто выражает достоинство: он рад за добрые дела или успехи любимого героя. Часто сказитель, резюмируя тот или иной факт или поступок, дает свое наизидание, полемизирует или насылает проклятия: «Хорошие дни молодых – радость для старших»; «У храбрецов нет языка, у них – дела»; «Герой не болтает, он делом доказывает»; «Если впереди радость – горе остается позади»; «Чем ничего – что-то и то лучше»; «Да чтобы Бог разорил его дом»; «Детьми клянусь, правду говорю»; «Чтобы и ваши глаза радость видели» и т.п. Рассказчиком часто используются поговорки, пословицы, афоризмы, изречения, проклятия, пожелания, клятвы и наставления. Вообще горско-еврейской сказке присуще изобильное использование других видов фольклора – превращаясь в притчу, она тем самым исполняет роль народной педагогики. Подобные моменты можно рассматривать как самостоятельные произведения словесного искусства, их нельзя отнести в собственном смысле к осознанной художественной установке. Они стихийно появляются в повествовании из-за того, что один рассказчик помнит и знает лучше, а другое – хуже. Однако нельзя сказать, что эти приемы как-то разрушают последовательность повествования: в целом они все по-своему на месте, хотя зачастую и мотивируются не столько логикой развития действия, сколько прихотью рассказчика, по крайней мере внешне.

Неувядаемая прелесть горско-еврейских волшебных сказок выражается также и в описании величественной природы Кавказа, что свидетельствует о высоком напряжении творческой и поэтической фантазии: «В этом саду цветок с цветком перекликается, соловей-ссоловьём. Каждое дерево своего цвета, и у каждого цветка свой аромат...». Очень часто в наших сказках встречаются и такие выражения, которые по своему построению больше подходят к литературным произведениям: «Приближался вечер»; «Солнце успело дойти до середины неба»; «А день был по-летнему жаркий и душный» и т.д.

При рассмотрении национальной специфики и колорита горско-еврейских волшебных сказок следует принять во внимание тот факт, что горско-еврейский народ был непосредственным участником почти всех событий в Иране, а позднее в Дагестане. Глубокий анализ того, какие элементы встречаются чисто еврейского или библейского происхождения, требует изрядного труда специалистов, хотя очевидно, что во многих сказках сюжетная канва и вытекающая мораль повторяют библейские события. «Горские евреи, живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, – обращает наше внимание И. Черный, – отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей – горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий»[3 - Черный И.Я. Сборник сведений о кавказских горцах. Горские евреи. – Вып. III. – Тифлис, 1870.]. Характерной чертой для горско-еврейских волшебных сказок являются пересказы действия или какого-нибудь факта. Подобные повторы делаются для того, чтобы обратить внимание читателя (слушателя) на что-то главное.

Итак, в чем же заключается национальная специфика горско-еврейских волшебных сказок? Вопрос этот может рассматриваться в комплексе признаков: история и судьба народа; обычаи, нравы и бытовые реалии; политические и религиозные воззрения; окружающая обстановка и соприкосновение с ней; влияние и преемственность культуры соседних народов; логика и здравый смысл мышления данного народа; родство и наличие в сказках других видов устного народного творчества; достоверные факты и образы действующих лиц; своеобразие языка и художественные средства; типизация образов и композиция; персонажи и их взаимосвязь; идейно-тематическая направленность и содержание произведения; сюжетные линии и манера рассказчика повествовать; географические и природные условия; архитектурные сооружения и многие другие факторы.

Еще раз отметим, что «для еврейской сказки характерно и заимствование огромного количества прямых и скрытых цитат, использование мотивов и сюжетов из письменной литературы, прежде всего библейской и талмудической. Более того, зачастую логика развития сказочного сюжета подражает логике Библии или традиционных комментариев. Еврейская сказка, даже сохраняя стандартный набор сказочных мотивов и сюжетов, в то же время отличается специфическими персонажами, особой мотивацией их поступков, победителя ждет особая награда. Еврейская сказка часто содержит в себе мораль, поучение, апологию религиозных ценностей, что в целом нехарактерно для народной сказки. Часто происходит слияние таких далеких друг от друга жанров, как волшебная сказка и притча»[4 - Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е.С. Райзе / Сост. и предисл. В. Дымшица. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 493.].

Бытовые или, как их иногда называют, реалистические сказки у горско-еврейского народа считаются очень распространенным и живучим жанром. Дело в том, что в основе бытовых сказок лежат достоверные факты, события, случаи, происшествия, которые из уст

одного человека переходят в уста другого и постепенно, отойдя на неопределенное расстояние, превращаются из были в бытовую сказку. Репертуар бытовых сказок пополняется постоянно. И часто «виновниками» этого пополнения бывают гости – кунаки, приехавшие из других мест. Это они за рюмкой сухого вина и вкусного хинкала, что считается у горцев самым любимым блюдом, рассказывают о каком-то интересном случае, имевшем место в их ауле или городе, т.е. рассказывают о каком-то жизненном материале.

Уважение и внимание к гостю – черта общая всех горцев – считается у горских евреев священной обязанностью. Еще в 1888 году И.Ш. Анисимов в своей исследовательской работе писал о том, как, «завидев какого-либо приезжего, горские евреи собираются вокруг него, спрашивают, откуда он едет и куда, к кому и зачем, какие новости. Горцы вообще очень любят слушать приезжего, что бы тот ни говорил, верят словам его и передают новости друг другу и всему аулу, сделав, по обыкновению, из мухи слона. Нередко они приглашают с местного гадыкана (площади) к себе гостей, если те не имеют еще кунаков в ауле, и завидуют тому, кто имеет приезжего гостя с массой новостей...»[5 - Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – Вып. III. – М., 1888. – С. 242-243.].

О гостеприимстве горцев нередко упоминается и в некоторых сказках: «Проходящий мимо путник, если ты не зайдешь ко мне в дом и не поешь моего чурека, ты мне не друг»; или же другой пример, где на вопрос хозяину дома: «Гостей принимаешь?» следует ответ: «К врагам в дом пусть не приходят гости!» Именно с новыми хабарами (вести, новости) приехал как-то в дом моих родителей известный сказитель Бирорле Назаров и рассказал о том, как некий горский еврей-кожевник по имени Хакеук из селения Эндерей обработал и продал кожи, принадлежавшие не ему, а тому, кто дал ему их на обработку. Чтобы заказчик не избил его, Хакеук притворился мертвым. А когда те, по адату горцев, сказали покойнику: «Халал», – значит: «Да простится» – и ушли, лжепокойник встал. Но случилось такое. Кожевник и хозяева кожи встретились в одном из переулков селения, и последние в недоумении спросили его: «Ты разве не умер?!» – на что тот ответил: «Да, я умер, но когда вы простили мне долги мои и сделали "Халал", Бог услышал и тут же вернул мне душу...»

Горско-еврейские бытовые сказки по своему поджанру делятся на авантюрные, повествующие о каких-то похождениях и происшествиях; назидательные, в которых даются советы, нравоучения; сатирические, высмеивающие общечеловеческие или общественные пороки, и на сказки-побрехушки, цель которых сводится к тому, чтобы развеселить человека.

Особую нагрузку несут назидательные бытовые сказки, которые как вид изустного творчества даже древнее волшебных. Еще авторы древней литературы щедро пользовались этим видом повествования, чтобы различными нравоучениями действовать на ум и на чувства народа: сообщать ему, с одной стороны, нормы, по каким надлежит жить, и побудить его, с другой стороны, подчиниться этим нормам. Бесспорно, за время своего существования этот тип сказок накопил огромный опыт в освещении почти всей человеческой деятельности, выбрал в себя широкий круг явлений жизни с ее многообразным содержанием, свидетельствующим о меткой наблюдательности, сметливости и сообразительности народа. В сказках назидательного плана ярко отразились быт, нравы, психология, семейные отношения, общественно-трудовая практика, национальный характер, идеалы и жизненный материал, который рождается самой жизнью и на основе этого делает выводы с идейно-познавательными качествами. Пословицы и поговорки в этих сказках используются как средство аргументации в речи, как нравоучительный пример, как притча. Так, например, из

фабулы сказки «Отец и сын» вытекает назидание: за добро отца надо платить тем же. В ином случае – «Какую тяжесть сын даст отцу, такую же тяжесть от сына своего получит».

Если в зарождении других видов бытовых сказок немаловажная роль отводится жизненному материалу, то в сказках-побрехушках (махсерегьо) бытовые подробности почти никакого значения не имеют. Здесь главное то, что основываются они на веселых выдумках во время какого-нибудь увеселения (кайфа). Цель данных сказок не в назидании, не в критике, а в желании развеселить, рассмешить собравшихся. Чтобы эффект был больше, рассказчик в качестве действующего лица использует общего знакомого или всем хорошо известного персонажа, например жившего в военные и послевоенные годы в Хасавюрте (Дагестан) Малахима-арбечи... По своему размеру эти сказки небольшие. Они напоминают анекдоты и были-небылицы; некоторые истории и вправду могли бы иметь место, но превращаются сказителем в фейерверк смешных казусов. Увеселительная сила этого вида бытовых сказок не столько в сюжетной ткани произведения и факте повествования, сколько в интонации, своеобразно интерпретирующей текст и придающей ему юмористическое звучание.

Даром овсуначи махсерегьо обладал Папа Алхазов – человек невысокого, если не сказать совсем низкого роста, полный, чем-то похожий на Колобка из русской волшебной сказки, с большими толстыми губами и голубыми-голубыми, совсем неподходящими его внешности и комплекции глазами, которые таили в себе и лукавство, и одновременно человеческое достоинство. Стоило только ему начать рассказывать свои сказки, как мы – все присутствующие – превращались в единый хохочущий, доселе не придуманный музыкальный инструмент. Нужно было видеть, как этот низкорослый, пучеглазый человек превращался в живой смешной моноспектакль, рассказывая нам такие случаи из жизни, в которые можно и верить, и не верить. Но смеяться до слез, до коликов в животе становилось сутью нашего присутствия.

В горско-еврейский сказочный фонд входят и сказки о животных. Уже само название определяет, что персонажами в этих сказках выступают не богатыри и чудовища, не реальные или вымышленные люди, а звери, птицы, животные, насекомые и т.п. Каждый предстает перед нами не в различных ролях, как это свойственно человеку, а в сугубо характерных повадках – как отрицательных, так и положительных. Тысячелетиями изучали люди особенности поведения животных, доверяли познанное друг другу, суммировали все накопленное и, наконец, закрепляли за каждым только то, что присуще именно данному виду. Нельзя сказать, что люди замечали только отрицательные качества, – это было бы нелепо. «В каждом плохом человеке есть что-то хорошее», – гласит горско-еврейская поговорка. Так и в сказках про животных -их качества раскрываются, когда персонажи соприкасаются друг с другом, когда одни из них хотят обмануть или сделать своей жертвой других, т.е. во время разыгрывания жизненных сцен.

Вот почему лиса предстает то хитрой, то ловкой, то коварной, то находчивой, а по отношению к человеку зачастую как помощница, правда, в неудачных начинаниях. А вот заяц – трусливый зазнайка, брехун и пустозвон. Его образ отождествляется в народе с покорностью, хвастливостью, болтливостью и обманом. «Харии эн гъхуян (харагъуш) эз гъуш ю мэгэмули, гизбоию – эз дум» (буквально «Глупость зайца по ушам видна, трусость – по хвосту»), – так говорят люди. Нужно отметить, что образу лисы, обитательницы кавказских лесов, горско-еврейским народом посвящено больше половины всех сюжетов сказок о животных. Опыт народа, его мудрость и зоркая наблюдательность породили множество пословиц и поговорок, которые одним штрихом раскрывают различные повадки лисы, а если

взять во внимание нарицательную сторону этого образа, то и людей. Например: «Туьлки не сохуьго кор нибу» («Лиса на все проделки способна»); «Наз эн туьлки – э дум юни, убурию – э чум юри» («Кокетство лисы в ее хвосте, хитрость – в глазах») и т.д. Волк бывает жадным, деспотичным, глупым; медведь – неуклюжим и доверчивым; лев – сильным, мужественным, то злым, то добрым. В образе льва народ иногда показывает падишахов как хороших, так и плохих, а чаще – мужественных богатырей, которым, как и своим детям-мальчикам, горские евреи дают имена этих сильных животных, например, Аслан (Лев), Коплан (Тигр) и др.

Весьма характерны образы домашних животных: лошадь – сильная, находчивая, сметливая, верный и очень редко упрямый друг; осел – глупый крикун, но часто верный помощник; буйвол – неуклюжий, неповоротливый, даже лживый, но сметливый и мудрый; коза – сильная, драчливая, упрямая, но и находчивая; свинья – обычно глупая невежда, неряха и подхалимка. Птицы: соловей – смекалистый, мудрый, искусный, но доверчивый и беспомощный певец; воробей – непоседливый, упрямый, дерзкий, глупый и назойливый, однако смысленный; дикий петух (куропатка) – глупый, доверчивый, но смекалистый, мстительный и злопамятный; ворона – упрямая и вредная нищенка, наглая и безжалостная; петух – лгун, но и верный рыцарь, добрый и верный товарищ и т.д.

Кроме перечисленных и не упомянутых в горско-еврейских сказках о животных «живут» и различные насекомые, змеи, лягушки. Муха, например, вредная, упрямая, но добрая; комар – безжалостный и назойливый; пчела – добрая и щедрая, но только в том случае, когда к ней относятся так же; змеи – злые, хитрые, изворотливые и вредные; лягушки – глупые, крикливые неряхи, болтушки и сплетницы.

В настоящее время этот исчезающий жанр сказок чаще исполняется охотниками и чабанами. Они с большим желанием и темпераментом рассказывают другим или друг другу о своих приключениях. Наблюдательность и фантазия – вот что побуждает этих людей домысливать и сочинять встречи на охотничьих или чабанских тропах. Конечно, рассказывая, они «к одной правде» прибавляют еще две неправды и все выдают за реальность. Мастером на такое сочинительство в военные и послевоенные годы среди горских евреев города Хасавюрта считался овчи (охотник) Яшке Шубаев – брат моей матери, урожденной Шубаевой (Пустиниго), т.е. кожевники и портные по пошиву шуб, откуда и пошла фамилия рода Шубаевых. Многие его сказки о животных перешагнули порог «сказочного домика» и ушли в народ.

Так и я, заканчивая свой небольшой рассказ об особенностях горско-еврейских сказок, позволю себе напомнить, с чего начинается Агада – книга, которой более двух тысяч лет: «Не относитесь к притче пренебрежительно. Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина...»

Амалдан Кукуллу

поэт, сказочник, фольклорист

Любовь и мертвых воскрешает

Жили когда-то в одном горном ауле муж и жена, и было у них трое детей: мальчик и две девочки. В заботе друг о друге и о своих детях родители находили радость душевную.

Мать их очень любила, а дети дорожили ее постоянной нежной заботой и ласковым отношением. На радость родителям они никогда не ссорились, не делали друг другу зла, были дружными и добрыми детьми. Каждый прожитый год оставлял им частицу жизненной мудрости родителей.

Когда сыну исполнилось четырнадцать лет, одной девочке – одиннадцать, а другой – девять, в их дом пришло страшное, гнетущее горе. Умерла их горячо любимая мать. Оплакали они это несчастье горячими, из самой глубины души льющимися слезами, похоронили ее, а сами остались в тяжелой печали и трауре о столь ранней кончине любимой матери. Недаром говорят в народе: «Горе объединяет людей больше, чем радость». Так и случилось: еще дружнее стала жить их осиротевшая семья.

А отец раньше солнца просыпался и уходил в город на работу с болью в сердце и не оставляющими его думами о том, что дети его одни и нет за ними присмотра.

Забывая о них, через некоторое время отец привел в дом из другого аула новую жену, а детям наказал слушаться ее. Злой и коварной оказалась мачеха: не по душе пришлось ей чужие дети. Стала она их заставлять делать всякую трудную и тяжелую работу. Бывало, скажет она мальчику:

– Натаскай в котел воды из реки!

А сестры возьмут ведра и брату своему помогают воду таскать.

Бывало и так. Злая мачеха смешает рис и пшено с золой и заставит девочек целыми днями перебирать крупу. А брат сделает свою работу и тоже с девочками перебирает, сестрам помогает. Дружба детей всегда оказывалась сильнее, чем козни злой мачехи.

Возненавидела она детей лютой ненавистью и решила посеять между ними вражду. Задумала мачеха дело коварное, как уморить брата и сестер непосильной работой и избавиться от них.

Как-то ближе к вечеру кликнула она к себе детей и говорит:

– Эй вы, бездельники, не видите, какая в реке вода мутная. Принесите воду из чистого озера да котел наполните.

– До озера-то час пути, да все в гору подниматься. Как же нам управиться?! – попробовали возразить дети.

– Ничего не знаю и знать не желаю... А не натаскаете чистой воды, отцу вашему еды не приготовлю.

– Мы все сделаем, – смиренно согласились дети.

А время было зимнее, ветры жесткие в лицо хлестали. Год, надо сказать, выдался снежный и морозный, воду в озере льдом стянуло.

Оставил брат сестер дома сидеть, а сам взял ведро, кирку тяжелую и на озеро

отправился. Идет по горбатой дороге, все выше и выше взбирается, а ветер такой, что душу из тела выдувает и с ног валит. Как бы то ни было, пришел мальчик к озеру и стал лед ломать, чтобы до воды добраться. Долго махал он киркой, расступились ледяные оковы, зачерпнул он воды, а ноги трясутся – отдыха просят. Сел тогда мальчик отдохнуть, да и заснул от усталости.

Пусть бедный юноша пребывает на льду в одиночестве, а я поведаю вам про девочек – сестер его. Сидят они дома, волнуются, встревоженными глазами на пропадающую в сумерках дорогу смотрят, что увела их любимого брата, и ожиданием томятся. А злая мачеха видит это и радуется.

Но не тут-то было: не собирались сестры мачехе радость доставлять. Взяли они ведра и побежали к озеру. Смотрят – брат их с киркой на льду сидит, словно душу потерявший, почти замерз.

Испугались сестренки, подбежали, обогрели, подняли его и на ноги поставили. Увидел брат сестер своих и очнулся от тяжелого сна. Набрали они воды и домой отправились. Идут, а дорогу заснеженную словно ночь съела. Кое-как добрались до дома, друг друга в беде не оставив и воды не расплескав. Увидела их мачеха, словно частичка ада заклокотала у нее в груди, но гнева она своего не показала.

К тому времени вернулся домой отец, усталостью побитый и думами земными пришибленный. Накормила она всех и спать ушла. Но думы о том, что ее старания избавиться от детей бессильны перед их дружбой, не дали ей сомкнуть глаз в эту ночь. И решила мачеха отправить мальчика на тот свет к матери. Знала она, что никто с того света не возвращался.

На следующий день позвала она к себе детей, накричала, обругала их и с ехидством говорит:

– Матушку свою родную вы любите, в памяти держите, о разлуке печалитесь, слезы горькие льете, а вот никто из вас пойти на тот свет проведать ее так и не осмелился, не решился.

– Но с того света не возвращаются, – ответили ей сестры.

Не стала злая мачеха ни о чем более говорить. Взяла она хворостину, да стала детей бить; бьет да приговаривает:

– Так-то вы свою мать любите, а ни разу ее не проведали. Всю нелегкую жизнь она, бедная, вам отдала... Погостили бы у матери с недельку, порадовали бы ее...

Ничего не оставалось делать. На следующее утро чуть свет отправился мальчик в лес, вырубил себе палку и собрался к матери на тот свет. А сестры наполнили его хурджун лепешками и, плача, проводили брата.

Семь дней и ночей шел он землями родными, сердцу милыми, а затем вступил в неведомые, чужие края. Сколько прошагал он через мглой покрытые долины и хлебные поля, через жаркие пустыни и крутые овраги, через золотистые луга и зыбкие погибельные топи, заросшие бурьяном и кустарниками, нам не ведомо. Известно только, что вечерами,

измученный нескончаемой дорогой и тяжкими думами о сестрах своих и отце родном, располагался юноша где-нибудь на берегу речки или на краю леса для отдыха. Разжигал костер и не давал ему потухнуть до самой зари, чтобы свет пламени освещал окрестную тьму, отпугивая лютых зверей и злых, коварных духов, которые могли жить в этих краях. И когда на востоке всходило солнце и своими теплыми, пробуждающими жизнь лучами согревало все земное, мальчик чувствовал, что душа его снова обретает силу и надежду на грядущий день; тогда он поднимался на ноги и заставлял себя идти, опираясь на свой верный посох.

Сорок дней и ночей преодолевал любящий сын трудности пути, пересиливал себя в своей дорожной многодневной усталости и в конце концов добрался до развилки двух дорог. Одна из этих дорог убегала глубоко вниз, в бездонное ущелье, а другая – взбиралась высоко в гору и скрывалась где-то за облаками.

Остановился мальчик у этой самой развилки, глубоко озадаченный: по какой же дороге идти и где матушку свою родную искать? Сел он и совсем было надежду потерял, как вдруг бесшумно, но зримо приблизился к нему мудрый дан-Амалдан и спрашивает:

– Мальчик, что голову опустил, а тело истомленное земле предоставил?

Рассказал ему юноша все как есть, о злой и коварной мачехе, об оставшихся дома сестрицах, об отце поведал.

Выслушал его мудрый дан-Амалдан и говорит:

– Не ходи на тот свет... Мачеха отправила тебя туда, чтобы ты назад не вернулся.

– Нет, – говорит мальчик, – я должен обязательно проведать матушку свою родную, только не знаю, по какой дороге идти дальше. – Лучше с родной матушкой на том свете жить, чем со злой мачехой на этом, – заключил мальчик.

Посмотрел мудрый дан-Амалдан на него цепкими, всезнающими глазами, словно в самую душу заглянул, и говорит:

– Вижу, тебя не отговорить... Указать, по какой дороге тебе идти, я не могу, но вот что я расскажу.

И поведал ему дан-Амалдан о том, что хороших, добрых людей небо забирает к себе, а плохие уходят под семь пластов земли.

Понял все мальчик и, поблагодарив старца, заспешил по дороге, ведущей в гору.

Долго ли он шел или не долго – это ему знать, но нам известно, что дошел он до того места, где гора растворилась в облаках. И силы, растроченные на долгое восхождение, вновь наполнили его тело. Шел он бодро и радостно, а душа пела непрерывно что-то благое и возвышенное, и сам того не заметил, как облака оказались внизу, дорога перестала быть отчетливой, и стало уже непонятно, идет он по тверди горы или по облакам. Вокруг стали появляться живописные луга и благоухающие сады. Небольшие, аккуратные домики стояли в отдалении друг от друга, дополняя живописный пейзаж. Видит мальчик – в одном доме из трубы дым валит. Подошел он, постучался и стал ждать. Открыла ему дверь женщина и

впустила в дом. Женщина эта и была матерью мальчика, только она была намного моложе, чем тогда, когда жила с ним на земле. Они тут же узнали друг друга.

– Сын мой милый! – вскрикнула в тревоге мать. – Чего же ты пришел сюда? Ведь еще и земную жизнь, как надобно прожить, не прожил... Видно, не сладко живется вам с мачехой, коль ко мне сюда пожаловал.

Рассказал сын матери все как есть и говорит:

– Не могу больше с мачехой жить, хочу с тобой остаться.

Так и остался мальчик жить на том свете с родной и любящей матерью. Днем мать и сын ходили в сад слушать щебетание птиц и собирать яблоки, а вечером возвращались в свой дом, пекли пироги и ели.

Кто знает, сколько времени прошло, как отправился мальчик на тот свет, но я расскажу вам о сестренках его, которые остались на земле под одной крышей со злой мачехой.

Много за это время всяких козней – одна коварней другой – пришлось претерпеть и вынести бедным девочкам. Порой им казалось, что более не выдержат, не вынесут, да на погибель себя обрекут. Но вера в скорое возвращение любимого брата сохраняла в их душе силу, и они жили, крепились, как бы им тяжело не приходилось. Время шло, надежды становилось все меньше, а томительное желание увидеть родного брата не давало им больше ни о чем думать.

Видела все это мачеха и радовалась. Она помышляла уже о том, как бы от сестер избавиться и освободиться от всяких хлопот. И настало время, когда сестрицы решили отправиться на тот свет в поисках любимого брата и родной матери.

А случилось это вот как. Избила их злая мачеха беспричинно, да так сильно, что сестры три дня и три ночи плакали навзрыд, а там, где слезы сестер падали на землю, трава желтела и погибала -до того жгучие от несправедливой обиды были слезы. На четвертый день, когда злая мачеха ушла в свой аул, чтобы душу отвести да на бедных сирот напраслину навести, решили сестры отправиться на поиски брата и родной матери на тот свет.

– Как же мы дорогу на тот свет найдем? – спросила старшую младшая сестра.

– Нужно нам муки взять, на наших слезах замесить, да чурек испечь, да катить его по дороге, – ответила старшая сестра.

Не стали они откладывать задуманное дело. Взяли они полмешка муки и на слезах своих горячих стали тесто месить. Месят они тесто и приговаривают:

– Катись, катись, чурек, сестры ищут брата.

А когда тесто было готово, они раскатали из него огромный, как колесо арбы, чурек, да к раскаленному тонуру прилепили. Когда же чурек испекся, они вынесли его во двор и покатили, приговаривая:

– Катись, катись, чурек, сестры ищут брата!

И покатился чурек: сначала по двору, затем за ворота, да по дороге вдаль. Обрадовались сестрицы волшебному чуреку и следом бегут, пыль дорожную взбивают; желанием горят скорее брата найти и с матушкой родной повидаться.

Но нет! Не все так просто дается, как бы нам того хотелось. Всем известно, что от желания, пусть даже самого горячего, до цели конечной неведомое, неисчислимое расстояние, да к тому же и трудностями неимоверными, непредвиденными продлеваемое, а может быть, и неизвестностью исхода своего непредсказуемое. Так было и с сестрами.

Как долго они были в пути, догоняя волшебный чурек, нам не известно, но знаем мы, что путь их был трудный: сквозь непролазные болота они пробирались, в реке тонули, в пустыне на раскаленном песке ноги обжигали. Верно говорят в народе: «Одна беда другую влечет и головы поднять не дает». Покатился волшебный чурек через лес непролазный, а длинные петли колючих кустарников прохода не дают. Бегут сестры по лесу, от волшебного чурека отстать боятся. Всю одежду порвали, тело в кровь расцарапали... И надо же такому случиться – младшая сестра в колючках запуталась, и пока старшая помогала ей выбраться, волшебный чурек, не останавливаясь, через чащи заросшие, леса непролазные покатился дальше только ему одному ведомыми путями. А дело было к ночи, и кто знает, что произошло бы с ними, если бы не их любовь и огромное желание найти брата. Только благодаря своей воле и расположению на то Бога к утру добрались они до развилки двух дорог, одна из которых убегала глубоко вниз, а другая – взбиралась высоко в гору. Смотрят – их волшебный чурек лежит. Обрадовались сестры, что нашли его, но радость была недолгой. Волшебный чурек, несмотря на старания сестер покатить его, падал в дорожную пыль, не зная, по какой же дороге катиться дальше. Потеряв всякую надежду, девочки заплакали, всхлипывая и роняя горькие слезы на дорогу, по которой когда-то шел их брат.

Но тут откуда-то явился мудрый дан-Амалдан и спрашивает:

– Что так горько плачете?

Старшая сестра рассказала ему все как есть: и о злой мачехе поведала, и о брате любимом рассказала, и о трудностях, которые пришлось им в пути испытать, пережить, – словом, все по порядку выложила, и что волшебный чурек не показывает им дорогу.

Выслушал мудрый старец и говорит:

– Детки, возвращайтесь домой... С того света возврата нет... Вот видите, ваш брат ушел и не вернулся.

А сестры разом ему и говорят:

– Добрый дан-Амалдан, возвращаться мы не станем... Пожалуйста, скажи нам, по какой дороге дальше идти... Лучше с матушкой родной на том свете жить, чем на этом со злой и коварной мачехой.

Посмотрел дан-Амалдан на девочек своим мудрым взглядом, словно в самую глубину души заглянул, и говорит:

– Вижу, детки, вас не отговорить... Вы неудержимы – любовью к матери своей, пусть даже и умершей, да к родному брату влекомы... Тогда слушайте, о чем я вам поведаю, и вразумляйтесь.

И поведал им добрый и мудрый дан-Амалдан о том, что хороших, добрых людей небо забирает к себе, а плохие, злые уходят под семь пластов земли... Поведал и говорит:

– Ваш брат пошел по дороге, уходящей вверх, в гору, под самое поднебесье.

Поблагодарили они старца. Взяли и покатали свой чурек в гору, приговаривая:

– Катись, катись, чурек, сестры ищут брата!

И снова покатился волшебный чурек вверх в гору, по крутым уступам. Трудно, ой как трудно, им было взбираться по скалам отвесным, да мимо пропастей глубоких проходить. Ноги у них долгой дорогой и колючками изранены, тело кровавые ссадины стягивают, но бегут они вослед волшебному чуреку, радуются, что наконец-то знают, где их матушка и брат родной находятся. От этого на душе у них стало светлее и просторнее, будто тысячи солнц там поселились и своим светом все горести и беды из души прочь изгоняют...

Катится чурек через живописные луга и благоухающие сады, а девочки бегут за ним, отстать и заблудиться боятся. Наконец докатился чурек до одного дома, стукнулся о двери – двери открылись, а волшебный чурек сам по себе вкатился в дом и к стене прислонился. Вошли сестры в дом, а в доме никого нет, пусто. Только очаг горит и в углу знакомая палка брата стоит. Увидели они эту палку и обо всех горестях позабыли.

Сели сестры за стол и стали ждать прихода брата, но незаметно для себя уснули. А тем временем из норы вылезли мыши, увидели чурек, выкатили его на улицу и стали есть – и с птичками поделились, те все склевали до последней крошки.

Когда стемнело, вернулись домой брат с матерью и видят: спят за столом две девочки, в лохмотьях и рваных чуваках, а из ног у них кровь сочится. Мальчик сразу узнал своих сестер и тут же разбудил их. Глядят они друг на друга, наглядеться не могут; слишком долгой была разлука, столько друг другу рассказать хотелось. А мать прослезилась от радости, обняла своих детей и забыла, что девочки к ним на тот свет пришли. А когда опомнилась, браниться стала:

– Зачем пришли на этот свет? – говорит. – Вы еще маленькие, жизни совсем еще не видели, а уже от жизни ушли. Как же быть, что мне теперь делать? – заплакала мать.

– Не плачь, мама, – говорит старшая сестра. – У нас волшебный чурек есть, мы его сами испекли, он нас привел сюда и обратную дорогу покажет.

Кинулись девочки к волшебному чуреку, а его на месте нет. Посмотрели везде, даже в очаг заглянули – тоже нет, под топчаны и шкафы посмотрели – нет. Вышли они тогда из дома, смотрят вокруг, но волшебного чурека нигде – сколько не ищи, куда не смотри – не видно. Вернулись девочки обратно и стали всю свою нелегкую жизнь вспоминать и, причитая, рыдать.

Плачут сестры, слезы льют, а мыши выглядывают из норы, все видят, все слышат. А птички сидят на окошке и тоже вместе с сестрами слезы льют. Жалко им стало девочек. И тут одна мышь говорит другой:

– Давай скажем им, что мы чурек съели.

Выбежали мыши на середину комнаты и пропищали:

– Не плачьте, это мы ваш чурек съели, но мы поможем вам стать живыми и выбраться отсюда. Ступайте за птицами, они самую короткую дорогу покажут.

Только они так сказали, закружились птицы и полетели только им ведомой дорогой. Пошли сестры за птицами, а за ними и мать пошла. Взял брат свою палку и тоже побежал догонять их.

Долго они шли, много пришлось им испытать в пути. Но все же привели их птицы к тому аулу, где они когда-то жили. Махнули крыльями и исчезли.

Пришла мать с детьми в свой дом. А мачеха, как увидела их, так испугалась – стала из угла в угол бегать и кричать, людей на помощь звать. Тем временем из нор вылезли мыши, взяли у мальчика палку и поскребли ее концы. Пошла палка по комнате летать и мачеху бить. А когда мачеха дух испустила, мыши схватили ее и унесли на тот свет.

Верно издревле говорится в народе: «Любовь и мертвых воскрешает». Так вот случилось и в этой сказке. А если встретите как-нибудь на развилке двух дорог своей жизни дан-Амалдана и спросите совета, он обязательно поделится своей мудростью. Но свою дорогу каждый сам выбирает.

Рустам – сын Зола

У богатыря Зола был сын Рустам.

Он вырос таким же сильным и добрым, как и его отец. Пришло время, и однажды Рустам говорит:

– Я уже постиг многие науки, сяду-ка я на своего коня и поеду в дальние страны, посмотрю, кто и как живет на земле.

Оделся он в дорожную одежду и оседлал своего скакуна. А конь у Рустама был особенный. За один день он проходил тот путь, на который другим нужно было потратить семь дней и семь ночей.

Вот тронулся Рустам в путь. Семь дней и семь ночей мчался конь, и ни разу его ноги не коснулись земли. Через семь гор и семь морей пролетел скакун и привез Рустама к каменному городу. Смотрит юноша – ворота города открыты. Удивился Рустам.

Въехал он в ворота и видит, что город такой большой – за месяц пешком его не обойдешь. Погнал он своего коня и к полудню доехал до середины города. Видит – перед ним

четыре огромных бассейна. А вода в них такая прозрачная, что глазам больно. Будешь пить эту воду – она как масло льется. Смотреть станешь – себя увидишь как в зеркале.

Между тем настало время намаза. Рустам сошел со своего скакуна, омыл руки, ноги и стал молиться. Когда он совершил намаз, пошел бродить по центру города, осмотрел все улицы и закоулки, заглянул в дома и лавки. А они от добра ломаются, бери, что только душе угодно. Призадумался Рустам, как ему быть: ехать дальше или узнать, что это за город и кто его хозяин. И почудилось ему, что он слышит слова отца: «Как же так! Сын такого отца – и не узнал, что за город встретился тебе на пути. Стыдно, стыдно, сын мой!»

Тогда Рустам снова вскочил на скакуна и стал объезжать город. Долго скакал по улицам, но так и не встретил ни одного человека. Погнал Рустам скакуна в гору, туда, где кончался город. Подъехал к высокой крепости. А на воротах крепости висит огромный замок – вряд ли на всей земле другой такой найдется!

Объехал Рустам крепость, посмотрел кругом – никого не видно.

Расстроился юноша: «Как же я на глаза отцу покажусь?»

Вспомнил тут Рустам, что, постигая науку волшебства, он узнал семь заклинаний. Первое давало человеку силу горы, второе – силу двух гор, а все семь заклинаний делали человека сильным, как семь гор. И тогда, обращаясь к горам, произнес он первое заклинание:

– Пусть в моих руках появится сила горы, чтобы я мог сломать этот огромный замок, войти в крепость и узнать судьбу этого города.

Прочитал Рустам первое заклинание и почувствовал, что в него вселилась сила горы. Ударил он тогда по замку, и замок тут же разлетелся на куски. Раскрылись чугунные ворота крепости. Вошел Рустам в крепость и видит – стоит высокий дворец. У самого дворца – бассейн с прозрачной водой. А справа и слева от дворца навалены груды стрел с окровавленными наконечниками.

Привязал Рустам своего скакуна возле ворот, а сам вошел во дворец.

А внутри такая красота! Двух глаз не хватит, чтобы наглядеться: на полу, на стенах дорогие ковры; по углам горят свечи в золотых подсвечниках. В одной из комнат Рустам увидел на столе огромную миску с пловом и зажаренным целиком бараном. Рустам отведал плова и баранины и подумал: «Плов и мясо еще не остыли, значит, здесь кто-то есть». Решил он спрятаться в крепости и дожидаться возвращения хозяина.

Когда на небе появилась луна, Рустам почувствовал, что земля задрожала. Посмотрел он сквозь щель в воротах и видит – скачет на коне человек. Всадник хорош, да и скакун его не хуже. И человек, и конь под ним усыпаны торчащими во все стороны стрелами.

Удивился Рустам, а всадник тем временем подъехал ближе и видит – ворота открыты и замок сломан. Ударил он себя по колену и говорит:

– Разве есть на свете такой человек, кто бы мог сломать этот замок?

Въехал всадник в ворота, сошел с коня и давай выдергивать стрелы из крупа скакуна и из своего тела. Выдергивает, а из того места, где стрела торчала, кровь, как из кувшина, льется. Взял этот человек своего коня под уздцы, вошел с ним в прозрачный бассейн, окунулся – и все раны затянулись, зажили.

Затем человек вошел во дворец, а Рустам покинул свое укрытие и последовал за ним. Хозяин крепости прошел в комнату и видит, что кто-то съел часть плова и барана. Удивился он и говорит:

– Уж не появился ли на свете Рустам?

Услышал юноша, что хозяин крепости произнес его имя, и вошел в комнату.

– Салам алейкум!

– Ваалейкум вассалам, – растерянно отвечает хозяин крепости.

Тут Рустам спрашивает, кто он и что за город, где ни одной живой души нет. И почему хозяин дома назвал его имя?

– Вначале сядь, отведай моей еды, а потом я расскажу всю историю этого города, – предложил хозяин крепости.

– Я уже отведал твоей еды и теперь хочу услышать всю правду, – говорит Рустам.

– Хорошо, будь по-твоему, – согласился хозяин крепости и начал свой рассказ. – Я единственный сын падишаха этого города. Была у него еще и красавица дочь. Жители города занимались каждый своим делом. Одни разбивали сады, другие обрабатывали землю, третьи торговали в лавках, были в городе и мастера. В один из дней отец мой созвал министров и стал советоваться, кому из мудрецов отдать меня учиться наукам. И решили так: пусть меня учит Шейх-Исмаил, мудрец, которому нет равного в мире. Жил этот мудрый старец в крепости за семью горами.

Тотчас мой отец послал к Шейх-Исмаилу своих послов, чтобы пригласить его к нам. Приехал мудрый старец, и отец стал просить его обучить меня всем древнейшим премудростям.

«Сколько запросишь, столько и заплачу за труд твой», – сказал отец.

«Да продлятся дни твои, почтенный падишах, – отвечал Шейх-Исмаил, – ничего мне не надо в награду. Только согласишься отправить сына своего ко мне. Я буду учить его семь лет, а потом он вернется домой».

Отец мой, падишах Ашар, и Шейх-Исмаил заключили между собой договор. А потом надели на меня богатырские доспехи, дали хорошего жеребца, и с почетом, в сопровождении отцовского войска, тронулся я в путь, к месту, где жил Шейх-Исмаил. Так стал я у него учиться. Шли дни за днями, недели за неделями. От отца я каждый месяц получал письма и тут же отвечал ему.

Прошло четыре года. А на пятом я вдруг перестал получать от отца письма. Беспокойство охватило меня, и стал я просить Шейха отпустить меня проведать отца. А он мне отвечает: «У меня с отцом твоим есть договор: пока не пройдет семь лет, я не могу отослать тебя домой».

Прошло еще полгода, а от отца все нет вестей. Опять я стал просить мудрого старца: «Разреши мне съездить домой. Я тут же вернусь». – «О, сын падишаха, я не думаю о том, вернешься ты или не вернешься. Я должен исполнить свой долг, выучить тебя».

Не выдержал я тогда и заплакал. Увидел Шейх-Исмаил мои слезы и говорит: «Выйди во двор, а потом вернись». Вышел я во двор и вернулся обратно. Шейх-Исмаил и говорит мне: «Сядь на свое место и скажи мне: пока тебя не было здесь, стал толще низ мира или верх?» Я подумал и ответил: «Низ мира стал толще на один волос».

«Баракаллах!» – говорит Шейх-Исмаил. Он поднимает меня с подушки, вытаскивает из-под меня волосок и говорит: «Я из своей бороды вырвал этот волос и положил на твою подушку, и ты угадал это, Баракаллах! Иди, дорогой мой, ты уже овладел всеми науками. Знай, много горя придется перенести тебе, но ты победишь. Ни одна стрела не сможет поразить тебя. Но когда-нибудь на свет появится сын Зола – Рустам. Он будет очень сильным. Если даже мир перевернется, он сможет схватить его и поставить на место. Он будет другом людей и врагом войн. Никто его не сможет одолеть. Но и с тобой, кроме Рустама, никто не сможет совладать... Иди, сынок, счастливой тебе дороги!»

Сел я тогда на коня и отправился в путь. Три дня и три ночи копыта моего скакуна не касались земли. И вот достиг я падишахства своего отца. Въехал в город, но не встретил ни одной живой души. Поднялся сюда, в эту крепость отца, – и здесь никого нет. Завел я скакуна в конюшню, накормил, напоил и собрался было присесть и подумать, как вдруг услышал слабый стон. Подбежал и увидел телохранителя моего отца. Он был еле жив. «Что случилось? Где мой отец?» – спросил я у него. А он даже слова сказать не в силах. Поднял я его, принес во дворец, напоил целебной водой из бассейна, и он пришел в себя. И стал он мне сквозь слезы рассказывать, что падишах Чиме-Чин заслал к моему отцу сватов, чтобы сестру мою забрать в жены для своего сына. «Пока я жив, этому не бывать», – сказал отец.

На следующее утро войско падишаха Чиме-Чина напало на город моего отца. Началась битва. Небо смешалось с землей, земля с небом. Люди падишаха Чиме-Чина поубивали всех от мала до велика, а тех, кого не успели убить, угнали в плен. Мою мать и весь наш род убили, а сестру насильно забрали в плен в жены сыну падишаха Чиме-Чина.

И вот теперь, – закончил юноша свой рассказ, – я каждый день по утрам скачу к границам падишахства Чиме-Чина и вступаю в сражение с его войском. От моих стрел они погибают, а их стрелы не могут причинить мне вреда. Волшебная вода нашего бассейна излечивает все мои раны. А стрелы, которые я вытаскиваю из своего тела, я складываю в кучу... Вот и вся история, которую ты хотел услышать.

Тогда Рустам сказал хозяину:

– Я и есть тот самый Рустам, сын Зола, о котором говорил тебе мудрый Шейх-Исмаил. Я тоже учился у этого старца. Давай сейчас пойдем спать, а утром позволь мне отправиться в падишахство Чиме-Чина за твоей сестрой.

Настало утро. Чуть свет Рустам уже был на ногах. Вывел он своего коня, накормил его, оделся в чугунную одежду и собрался было скакать в падишахство Чиме-Чина, но его остановил юноша -хозяин дворца.

– Дорогой Рустам, – говорит ему сын падишаха. – Я верю, что ты спасешь мою сестру, но ведь ты ее не знаешь. Да и она тебе не доверится... Возьми это кольцо, покажи ей и скажи, что ты друг ее брата и пришел освободить ее. И еще скажи, что ты Рустам, сын Зола. А теперь поезжай, счастливого тебе пути!

Поблагодарил его Рустам, надел кольцо на палец и поскакал.

Всего два раза хлестнул он своего скакуна, как мигом очутился в падишахстве Чиме-Чина. Въехал в город и около бассейна повстречался с двумя девушками. У одной из них в руках был большой золотой кувшин, у другой – маленький серебряный. Первая девушка уже наполнила свой кувшин, а вторая еще нет. Рустам подошел к ним и говорит той, у которой был полный кувшин:

– Девушка, напои меня из твоего кувшина!

Она сердито отвечает:

– Этого кувшина не должны касаться чужие руки.

Разгневался Рустам. Схватил он ее за руку и крепко сжал. Вторая девушка, увидев это, испугалась и протянула свой серебряный кувшин. Рустам взял кувшин и спрашивает:

– Кто ты такая?

– Я служанка дочери падишаха Ашара, которую падишах Чиме-Чин привез в жены своему сыну, – отвечает девушка.

Не раздумывая долго, Рустам зубами стащил с пальца кольцо и незаметно бросил его в кувшин с водой.

– Пойди и скажи своей госпоже: «Один юноша отпил воды из кувшина, а тебе велел процедить ее и лишь потом пить», – возвращая кувшин, сказал Рустам.

Взяла служанка кувшин и ушла. Пришла она к дочери падишаха страны Ашар и слова не может вымолвить.

– Что случилось? – спрашивает девушка.

Тут рассказала служанка все, как было.

Дочь падишаха страны Ашар была очень смышленной. Прошла она в дальнюю комнату и стала процеживать воду. Из кувшина выпало кольцо. Она сразу узнала кольцо брата и тут же приказала:

– Скорее сходи к бассейну, ополосни кувшин и принеси свежей воды. А тому юноше скажи, чтобы он отправлялся в лес. Пусть дойдет до огромной скалы, на которой стоит мой дворец, и ждет там. Я спущу в окно цепь и подниму его. Иди, милая, не медли. Но смотри, никому ни слова, чтобы даже тень твоя об этом не знала.

Пришла служанка к бассейну, рассказала Рустаму все, что велела ее госпожа, набрала в кувшин воды и вернулась.

А Рустам погнал коня в глубь леса, доехал до той самой скалы и стал ждать.

Приближался вечер. Вдруг сверху спустили цепь. Рустам привязал к дереву своего скакуна, а сам ухватился за цепь и крикнул, чтобы его подняли. Подняла его дочь падишаха страны Ашар и видит, что перед ней не брат, а чужой человек. Хотела было она сбросить незнакомца вниз, но юноша сказал ей:

– Я Рустам, сын Зола и друг твоего брата. По его воле я приехал освободить тебя.

Поверила девушка Рустаму и впустила его в комнату.

– Дорогая сестра, расскажи мне, как все случилось, – попросил ее Рустам.

Девушка рассказала ему все, как было, и добавила:

– Привезли они меня сюда и хотели выдать замуж за сына падишаха Чиме-Чина. А я им и говорю: «Пока не пройдет год со дня смерти моих убиенных родителей, я не стану его невестой». А брат мой тогда учился за семью горами у Шейх-Исмаила. Я знала, что скоро он будет дома и тогда спасет меня. Прошел год, а брата все не было. Тогда я уговорила этих злодеев, чтобы подождали еще сорок дней. Вот уже тридцать семь дней как брат мой каждое утро сражается с войском падишаха Чиме-Чина. А сегодня его нет. Уж не случилось ли что с ним? Ведь сегодня мне предстоит провести брачную ночь с сыном падишаха Чиме-Чина.

– Не тревожься, – отвечает Рустам. – Все будет хорошо. Сними свой свадебный наряд, и я спущу тебя на цепи вниз. Жди меня в лесу, а с твоим женихом я сумею расправиться сам.

Потом Рустам осторожно спустил девушку вниз, а сам надел свадебный наряд невесты и стал ждать прихода жениха.

Вот наступила полночь, и в комнату вошел жених. Подошел он к постели своей невесты и собрался было лечь рядом, но тут Рустам схватил его за руку, дернул и оторвал ее. Повесил он оторванную руку на стену. Оторвал вторую руку – повесил на другую стену, оторвал ногу – повесил на третью стену, вторую ногу – на четвертую стену, а туловище с головой оставил на полу. Затем Рустам переоделся в свои богатырские доспехи и спустился через окно вниз, где ждала его дочь падишаха Ашара. Сели они на коня и помчались в сторону крепости покойного падишаха.

Тем временем брат девушки готовил плов и жарил баранину. Он знал, что Рустам вернется с его сестрой. Вдруг слышит – дрожит земля. Догадался он, что это скачет Рустам, и вышел за ворота крепости, чтобы скорее увидеть сестру и Рустама. А когда увидел – обрадовался. Брат и сестра прослезились от радости. Прослезился и Рустам, а потом говорит:

– Славно мы сегодня потрудились, пора и вкусного плова с бараниной отведать.

Поели они сытно и легли спать. Пусть они сладко спят, а мы посмотрим, что делается в доме падишаха страны Чиме-Чин.

Когда сын падишаха вошел в комнату своей невесты, его друзья остались за дверью. Долго ждали они, но жених все не выходил. Тогда один из них постучался в дверь – никто не отвечает. Постучали еще – опять молчат.

Пришли тогда друзья жениха к падишаху Чиме-Чину. Понял он, что здесь что-то неладно. Приказал он взломать дверь в комнату невесты. А там на полу в луже крови окровавленное туловище и голова его сына валяются, а руки и ноги висят по стенам. Увидел это отец, закричал от горя, стал волосы на голове рвать.

– Это дело рук ее брата, – сказал он и издал приказ, в котором говорилось: «Мужчины до семидесяти лет, женщины до шестидесяти лет должны сесть на коней, скакать в город падишаха страны Ашар и сжечь все, что там осталось».

Сказано – сделано! Помчалось войско падишаха Чиме-Чина в город падишаха Ашара, сжигая все на своем пути.

Между тем Рустам проснулся очень рано, поднялся, видит – весь город обвят пламенем. Догадался он, в чем дело, и решил, до того как проснутся сын и дочь падишаха Ашара, уничтожить войско падишаха Чиме-Чина. Пока он переодевался в свои богатырские доспехи, от едкого дыма, что лез в нос, проснулся и сын падишаха. Увидел он, что его город горит, и решил: «Пока Рустам еще спит, пойду и вступлю в сражение с этими злодеями». Он мигом очутился в конюшне и стал снаряжаться в путь.

Тем временем проснулась и дочь покойного падишаха Ашара. Отворила окно и видит – весь город в огне и в дыму. Испугалась она и крикнула брату:

– Брат, город горит!

– Тише, дорогая сестра, – отвечает брат, – не буди Рустама. Мы сами разделаемся с этими злодеями.

Услышал Рустам, что решили брат и сестра, и говорит:

– Я уже давно проснулся и готов сразиться с врагом.

Рустам выбежал во двор, вскочил на коня и собрался уже броситься в бой, но сын падишаха Ашара остановил его.

– Рустам, мы знаем твою силу. С тобой никто не сравнится. Но мы сами хотим отомстить врагам за кровь наших родителей... Ты лучше останься дома и приготовь нам жирный плов. А тем временем мы разделаемся с войском падишаха.

Согласился Рустам и вернулся во дворец. Когда плов и баранина были готовы, Рустам

выглянул в окно, в сторону гор, – ни одного человека на ногах, все убиты. Выглянул в другое окно, в сторону моря, – ни одного человека на ногах, все убиты. Посмотрел на запад – и здесь все лежат мертвые. Посмотрел на восток – и там ни одного живого человека.

«Где же сын и дочь падишаха?» – забеспокоился Рустам. Сел он на своего коня и поскакал искать их. Три дня и три ночи искал он юношу и девушку, но так и не смог найти. На четвертое утро нашел он их под деревом мертвыми. В пылу сражения брат заколол сестру, сестра – брата.

Погоревал Рустам и похоронил храбрецов под этим самым деревом: юношу с правой стороны, девушку – с левой; сел на своего коня и отправился в путь. Долго скакал он и на седьмой день доехал до городских ворот. Дело близилось к ночи, Рустам постучался в какой-то дом и остался здесь в гостях.

Падишахом этого города был человек по имени Пейгамбер. Он страдал сильной зубной болью и, чтобы отвлечься, созывал к себе стариков. Старики рассказывали ему сказки, смешные небылицы, и Пейгамбер на время забывал о своей боли.

И вот в ту ночь, когда Рустам приехал в город, у падишаха до слез разболелись зубы. Созвал он стариков, велел им рассказывать сказки или смешные небылицы. Долго рассказывали старики, но зубная боль не прекращалась. И тогда Пейгамбер говорит собравшимся:

– Я все это уже слышал, расскажите что-нибудь новое!

– О, почтенный падишах, мы рассказали тебе все, что знали, – ответили старики. – Новые сказки может рассказать лишь новый человек, исходивший много стран и много повидавший.

– Где найти такого человека? – спрашивает падишах.

Один из стариков сказал Пейгамберу, что в дом человека по имени Боба, что живет у городских ворот, сегодня пришел один странник.

– Только он может знать новости.

Послал Пейгамбер гонцов в дом Боба и велел пригласить к себе странника и хозяина дома.

Вот входят в покои падишаха Боба и Рустам.

– Салам! – говорят они.

– Алейкум салам! – отвечает Пейгамбер и сажает гостей рядом с собой.

– Кто ты и откуда? – спрашивает падишах, обращаясь к страннику.

Рассказал ему юноша, что он сын Зола – Рустам.

– Дорогой Рустам, я страдаю зубной болью, – начал Пейгамбер.

– Эти люди рассказывают мне всякие сказки и небылицы. Я слушаю их, и зубная боль проходит. Но они все, что знали, уже рассказали, и зубы начинают снова болеть. Не расскажешь ли ты чего-нибудь нового?

– О, почтенный падишах, уже много дней и ночей прошло с тех пор, как я выехал из отцовского дома. И все сказки успел позабыть, – говорит Рустам.

– Может быть, ты расскажешь о том, что видел в дороге и что испытал? – попросил Пейгамбер.

– Хорошо, я расскажу все, что довелось мне увидеть, – согласился Рустам и стал рассказывать Пейгамберу о городе падишаха Ашара, о его сыне и дочери, о злодеяниях падишаха страны Чиме-Чин, о том, как он, Рустам, спас дочь падишаха страны Ашар, о том, как брат и сестра вступили в сражение с войском врага и как они в пылу сражения убили друг друга...

Заслушался Пейгамбер рассказчика и забыл о зубной боли. А Рустам окончил свой рассказ и незаметно для себя самого заплакал.

– Успокойся, добрый человек, сын Зола, – говорит ему падишах Пейгамбер. – Пусть таких, как ты, добрых и мужественных людей будет больше в этом мире.

Рустам встал и поклоном отблагодарил Пейгамбера.

– А теперь, дорогой Рустам, сын Зола, скажи мне: найдешь ли ты могилы этих героев? – спрашивает падишах.

– Да, дорогой падишах! – отвечает Рустам.

Тогда Пейгамбер, обращаясь к своим мудрецам, говорит:

– Эй, мудрецы! Попросите Бога о помощи и садитесь на коней. Поедем в падишахство покойного Ашара.

И вот все сорок мудрецов сели на коней и тронулись в путь.

Много ли, мало ли месяцев они ехали, кто знает, но вот достигли они падишахства Ашара. Рустам показал могилы сына и дочери падишаха. Стали мудрецы вдоль могил, прочли свои мудрые книги и велели Пейгамберу ударить своим кнутом по могилам. Ударил первый раз Пейгамбер – земля расступилась, все увидели кости умерших. Ударил второй раз – кости обрели тело. Ударил в третий раз – к мертвецам вернулась жизнь.

Вытащили юношу и девушку из могил и поставили на ноги. Обрадовались они, что опять живы, и от радости прослезились.

– Добрые люди, – вдруг заговорила воскресшая дочь покойного падишаха Ашара, – не знаете ли вы, где Рустам?

– Не волнуйтесь, вот ваш друг Рустам! – ответили ей.

Обрадовались юноша и девушка и стали благодарить Пейгамбера.

– Большое спасибо, почтеннейший падишах Пейгамбер. Если бы не вы и ваша доброта, гнить бы нам в земле, а душа витала бы в небе... А у нас еще много дел на земле.

– Это не мне спасибо, а этим мудрецам – Божьим праведникам и знатокам Его тайн, – сказал Пейгамбер и добавил: – Справедливость всегда побеждает. Вы были правы в своих делах, и потому вы должны жить! А теперь поедem ко мне в падишахство, мне хочется, чтобы эта история закончилась на радостях.

Когда они достигли падишахства Пейгамбера, призвал он к себе свою красавицу дочь и сказал сыну падишаха Ашара:

– Отдаю тебе в жены прекрасную дочь свою. А сестру твою беру в жены славному Рустаму.

Сорок дней и сорок ночей играли свадьбы, из сорока падишахств были приглашены гости. Был здесь и отец Рустама – Зол-богатырь. Пил, гулял, а на сорок первый день собрался к себе домой. Вместе с ним отправился и Рустам со своей красавицей женой.

Ложь и Правда

Было это или не было, судить вам.

Но аксакалы рассказывают, что однажды в одном горном ауле собралось на пиршество очень много людей, и были туда приглашены Ложь и Правда. Да и надо же было случиться такому – оказались они рядом друг с другом, за одним столом, и затеялся между ними спор.

– Я больше нужна людям, чем ты, – сказала Правда.

Ложь расхохоталась в ответ:

– Ха-ха! Это еще посмотрим! – заявила она.

И тут Ложь начала рассказывать собравшимся одну историю.

– Однажды пришла я в гости к Манаширу, а он кричит на своего слугу и просит его вынести из хлева нечистоты и подмести пол.

А слуга в ответ:

– Заплати – сделаю!

А Манашир свое:

– Ах ты, собачий сын, выродок, тебе еще денежная плата нужна?... Вот тебе! Вот

тебе! – кричит он и плетью бьет слугу.

А слуга свое:

– Заплати – сделаю... Не заплатишь – делай сам.

Жалко мне стало бедного Манашира, устал он кричать и бить слугу, и тут я ему сказала:

– Обмани ты этого негодника. Мол, ладно, сделай – заплачу. А когда сделает, тогда откажись платить.

Послушался Манашир моего совета, пообещал слуге заплатить.

Целый день, не разгибая спины, убирал слуга хлев, а когда завершил всю работу, пришел за свой труд получить деньги.

А Манашир говорит ему:

– Я обманул тебя. Ничего не заплачу, собачий выродок!..

Закончила свой рассказ Ложь и добавила:

– Вот видите, как я нужна людям.

Присутствующие здесь богачи, вытирая свои жирные губы и поглаживая свои отяжелевшие животы, заключили:

– Ложь – самый верный наш друг и помощник всегда и во всем.

Правда и бедняки между тем молча сидели и зло смотрели на богачей.

– Ну, а ты, Правда, что скажешь? – обратилась к ней с ехидством Ложь.

Правда встала из-за пиршественного стола и начала:

– Шла я как-то через один город и вижу: собрались на мейдуне бедняки и ждут, когда к ним придет Правда. Ждут они день, ждут два, ждут семь дней, но Правды нет. И вот тут-то я, Правда, не выдержала и сказала: «Не ждите меня. Меня нужно добыть в борьбе с Ложью!»

– Правильно, да продлятся дни твои, почтенная Правда, – в один голос сказали бедняки.

Спустя некоторое время бедняки все вместе уничтожили Ложь и назначили падишахом Правду.

Но это длилось недолго. Ведь недаром в народе говорят: «Если Ложь захочет – и правду в ложь превратит».

Так и получилось. Не то из змеиной норы, не то от самого Шагаду появилась Ложь и стала клеветать на Правду: мол, Правда – правая рука самого Эшмедея, она сведет всех людей в черную могилу.

Долго и усердно клеветала Ложь на Правду. И нашлись те, которые поверили и перестали считать своим падишахом Правду и ушли в падишахство Лжи, да там и исчезли в горниле черных дел своих.

Ведь разные на свете живут люди. Одни дружат с Ложью и во Лжи погибают. Другие дружат с Правдой и Правдой спасаются.

Я же своим падишахом считаю Правду. Своей бородой клянусь! Великое счастье жить с Правдой и в Правде... Не верите?! А вы попробуйте!..

Нареченные

О чем рассказать вам, о ком поведать? Расскажу я о двух братьях. Росли они сиротами – без отца и без матери. Бедно жилось им, очень бедно. Но трудиться они любили – никакой работы не боялись, за всякое дело брались: богачам землю обрабатывали, воду с реки носили, а то и дрова кололи. Как говорится, труд человеку не даст умереть, и они не умирали. Так и жили, не ропща на судьбу. Шли годы, и старанием своим сумели они обзавестись землей, где поставили рядом два дома.

Братья росли, мужали, а когда пришло время, полюбили они красивых девушек и связали с ними свою судьбу, сыграв в один день две свадьбы. В тот же торжественный день братья дали друг другу клятву: если у одного из них родится сын, а у другого дочь, то они их поженят.

Если Богу угодно – то сбудется, а если нет – как бы ни желал человек, все будет напрасно. Так издревле говорит мой народ, испытав эту житейскую мудрость в поколениях. Сколько прошло времени – нам не ведомо, но пришел срок, и у одного брата родился сын, у другого – дочь. Велика была радость отцов, ибо сокровенное и давнее желание их исполнилось. Зазвали хозяева, как того требует обычай, гостей. Много людей пришло, самые почитаемые люди города пришли к ним в дом, и даже из дальних аулов гости с подарками пожаловали. Семь дней и семь ночей гости веселились, поздравляли родителей и удали своей волю давали.

Шло время, слаженно и дружно жили семьи. Вскоре один брат отправил своего сына на учебу к одному доброму и образованному земляку. Другой брат отправил свою дочь помогать по хозяйству жене этого ученого человека. Здесь юные двоюродные брат и сестра так крепко подружились, что и дня не могли быть друг без друга. А когда несколько лет учебы закончились, они уже так любили друг друга, что врозь и минуты не могли прожить и втайне мечтали стать мужем и женой, но боялись запрета родителей. Когда же им сказали, что они еще до рождения наречены были стать супругами, молодые поначалу засмутились, но затем, не сумев скрыть своего счастья, бросились обнимать и целовать своих отцов, как бы этим давая им знать, что ни он, ни она ничего против не имеют, а, напротив, – даже рады и благодарны им. Рады были и родители, ибо желания их души были и детям на радость.

– Слава Богу! – сказал один из братьев.

– На все Его воля! – добавил второй.

Но надо же было случиться такому: перед самой свадьбой молодых трагически погибают отец и мать жениха, а через некоторое время от простуды умирает мать невесты. Как и полагается по адату, свадьбу отложили на год.

Долго и томительно тянулся этот год. Молодые с нетерпением ждали, когда они наконец-то поженятся, создадут свою семью, детьми обраснут. Трудно приходилось и отцу девушки: держать ее при себе и нести отцовскую ответственность, да и от недостойных глаз и непредвиденных неприятностей прятать. Не хотел он, не дай Бог, чтобы дочь его влюбилась в кого-то другого или кто-то домогался ее любви. А самое главное для отца девушки было сдержать данную им клятву и тем самым не совершить греха перед доброй памятью трагически погибшего брата и его жены.

Но недаром в народе говорят: «Если горе, беда или неприятности вздумают посетить человека, они найдут лазейку». Так случилось и на этот раз.

В один из летних дней молодой, еще не женатый падишах страны, где жили наши влюбленные, отправился на охоту. Когда юноша оставил позади себя город и вошел в лес, то он отпустил в небо своего сокола, чтобы тот поймал ему добычу. А сокол полетел обратно в город и сел на одно высокое дерево, что росло во дворе, где проживала нареченная двоюродному брату девушка. Вернулся молодой падишах в город и видит: его сокол сидит на дереве, что растет за высоким забором, и не собирается никуда улетать. Подошел молодой падишах к воротам и хотел было открыть их, но они оказались крепко заперты. «Что делать?.. Как достать сокола?» – задумался молодой падишах. Ничего ему не оставалось, как постучать и ждать. Вскоре ворота открылись, из них вышел отец нареченной девушки и увидел перед собой какого-то незнакомого юношу в одежде охотника.

– С чем пришел, юноша? – спросил хозяин дома.

– Я охотник, возвращаюсь домой. А мой сокол сел на дерево у тебя во дворе, – сказал незнакомец и добавил: – Разреши мне войти и поймать его.

– Я во двор никого не пускаю, – ответил хозяин дома.

– Тогда достань сам моего сокола. Я подожду здесь.

– Ладно, – ответил хозяин дома и пошел доставать с дерева сокола, а ворота прикрыть за собой забыл. А в это время – и надо же такому случиться – его дочь, не то из любопытства, не то из беспокойства о долгой задержке отца, посмотрела в окно, и тут молодой падишах – да ослепнут его глаза – увидел девушку, нет, не просто девушку, а красавицу с сорока золотистыми косами и лицом, подобным лику луны. Если у человека два глаза, то нужно еще два глаза, чтобы любоваться такой красотой.

– Да будь я проклят, – сказал в сердцах юноша, – такая красавица живет в моем городе, а я ничего не знаю... Не напрасно мой сокол прилетел в этот двор и сел на это дерево. Эта красавица и будет моей добычей, – решил он.

А между тем отец девушки поймал и принес охотнику сокола. Молодой падишах поклоном отблагодарил хозяина дома и, схитрив глазами, спешно ушел. Вернувшись во дворец, молодой падишах, не откладывая задуманное на завтра, послал своих везиров и векилов сватать красавицу.

– О, если бы у меня была дочь, – выслушав сватов, стал лукавить отец девушки, – я бы не задумываясь выдал ее за падишаха. Найдется ли человек, который не мечтал бы породниться с падишахом?!

Сваты пришли во дворец и повторили молодому падишаху сказанные отцом девушки слова.

– Как так? – разгневался молодой падишах. – Что я – ослеп что ли?! Своими глазами видел... Пойдите и скажите этому обманщику, что тот юноша, который приходил за соколом, и был сам падишах. И еще скажите: когда он, хозяин дома, ушел, чтобы поймать сокола, то позабыл закрыть за собой ворота, и мне, падишаху, посчастливилось увидеть его красавицу дочь. И еще скажите: если он по-хорошему отдаст ее за меня, то я вознагражу его большим богатством; если же нет – то убью его, а дочь силой возьму себе в жены.

Снова пришли сваты в дом отца девушки и передали ему слова падишаха.

Долго не решался отец отдавать свою единственную дочь, да и притом уже нареченную за его же племянника. Но, не находя выхода, он скрепя сердце дал свое отцовское согласие. Сваты ушли, а отец рассказал дочери о случившемся и о том, что он дал согласие выдать ее за падишаха.

Не сдержалась дочь и расплакалась:

– Как же так, перед покойным братом ты обманщиком стал. Да и племянника своего в слезах хочешь искупать.

– Да продлятся дни твои, дочь, но как же мне поступить? – воскликнул отец. – Если я даже откажу падишаху, то он убьет меня, а тебя силой сделает своей женой.

Отец и дочь горе горькое делили пополам, а падишах тем временем послал сватов с гостинцами и подарками, чтобы обручить будущую свою невесту. Пришли сваты, посидели, поговорили и ушли, назначив день свадьбы.

Шли дни за днями. И вот наступил день свадьбы. В этот самый день девушка нарядилась в свои свадебные наряды, попросила у отца разрешения пойти к своему двоюродному брату и объяснить ему, что его дядя перед ним не виноват.

Пусть она пока еще пребывает под крышей отцовского дома, а я расскажу вам о бедном юноше – нареченном ее женихе. Когда до него дошли слухи, что молодой падишах силой хочет взять его нареченную и горячо любимую невесту себе в жены, то он с того самого дня не выходил на улицу. Ему было стыдно показать людям свое осунувшееся от горя лицо.

Теперь расскажу я вам о девушке, которая с согласия отца своего пришла в дом к

двоюродному брату, чтобы объяснить ему, что его дядя перед ним не виноват. Вошла она в одну комнату, окликнула -юноша не услышал. Вошла во вторую комнату, окликнула – юноша опять не услышал. Вошла она уже в седьмую комнату и видит – лежит на полу ее нареченный, от горя в щепку превратился, в глазах слезы.

– Дорогой брат мой, зачем ты так себя терзаешь? – сказала девушка.

– О, дорогая сестра, это горе ни Аждага, ни гора не выдержит. Я еще хорошо держусь, – отвечал юноша. – Как же мне не переживать, видя, как та, которая для меня была что день, что солнце, обрекла меня на вечную ночь, лишив света... Как же ты только могла?..

И отвечает тогда ему девушка:

– Другого выхода не было. Хотели отца убить, а меня силой забрать. И вот пришла я затем, чтобы стать твоей. Бери у меня все, что пожелаешь. Делай со мной все, что захочешь.

– О, сестра моя, – отвечает юноша, – добру здесь не бывать, а злу не видно конца. Если молодой падишах узнает об этом, то убьет нас обоих.

– Тогда давай сделаем так, – говорит девушка. – Сегодня вечером я невестой иду в дом падишаха. А тебе советую: до вечера купи хорошего скакуна и жди меня у стен падишахского дворца. А я ночью, в двенадцать часов, спущусь на веревке с чердака. Ты жди меня внизу и будь наготове. Мы вместе сбежим.

Обрадовался безмерно бедный юноша, встал с пола, умылся и говорит девушке:

– Есть ли правда в твоих словах?

– Да, есть, – отвечает девушка.

– Я буду ждать тебя внизу, – сказал брат.

Купил юноша хорошего скакуна. Сложил в хурджуны лепешки, а в двенадцать часов ночи уже ждал свою любимую у стен падишахского дворца.

Молодой падишах тем временем, угостив жирными блюдами и вкусными винами своих гостей, направился в комнату, где находилась молодая невеста-красавица, вся в нарядах и драгоценностях. Вошел жених и сказал невесте:

– Добрый вечер! – И стал обнимать ее в надежде заполучить ее непорочность.

– Ой, ой, умираю! – стала стонать девушка, хватаясь за живот.

– Что с тобой, моя красавица? – встревожился молодой падишах.

– Не трогай меня, я сейчас умру, – продолжала стонать девушка.

– Может быть, мамой позвать? – с ехидством предложил падишах.

– Нет, мой дорогой, – отвечает невеста, – мне не нужна никакая момой. У меня просто болит живот. Проведи меня во двор.

– Нет, только не во двор, там народ. Стыдно! – сказал молодой падишах. – Лучше поднимись на чердак.

Не снимая с себя свадебного наряда, девушка в сопровождении служанки пошла на чердак. Перед тем как подняться туда, невеста приказала приставленной к ней служанке, чтобы она дожидалась ее возвращения вниз и никого не пускала на чердак.

– Даже самого падишаха! – строго наказала невеста.

Взобралась девушка на чердак и видит: внизу, держа скакуна под уздцы, дожидается ее нареченный и любимый жених. Она сняла с себя шаль, разрезала ее на длинные полосы, сплела веревку, привязала один конец к оконной раме и быстро спустилась вниз.

– Вези меня куда хочешь, – сказала она своему любимому.

Юноша посадил свою любимую на скакуна, затем ударил его три раза плетью. Ударил первый раз – рассек скакуну шкуру и до мяса дошел. Ударил второй раз – рассек мясо и до костей добрался, ударил третий раз – кости потрескались. А конь уже не скачет, а птицей летит. До самого рассвета убегали брат и сестра, а когда день вступил в свои права, то были они уже в другом падишахстве. Здесь юноша спрятал девушку и скакуна в лесу, а сам отправился на базар купить своей невесте мужскую одежду. Недолго ходил он по базару и вскоре вернулся с покупками. Они вместе поели, отдохнули, сбросили с себя усталость и лишь потом, когда девушка переделалась в мужское платье, снова двинулись в путь.

Долго ехали нареченные, пока не добрались, наконец, до берега моря. Посоветовались юноша и девушка, да и порешили перебраться на тот берег. Медлить было нельзя: разгневанный падишах послал за ними погоню.

Погнали молодые своего скакуна вдоль берега. Добрались до одной покосившейся рыбацкой сакли, постучались, но им никто не ответил. Спустя некоторое время они увидели, как к берегу подплывает лодка, а в лодке – лодочник. Когда он подплыл к берегу, юноша поприветствовал его и попросил за плату перевезти их на тот берег.

– Я в море сегодня уже не пойду, – ответил рыбак. – Нужно было раньше, когда я уходил в море.

Тогда юноша сказал:

– Если ты перевезешь нас на тот берег, то мы отдадим тебе нашего скакуна и все деньги, что есть у нас.

Обрадовался жадный лодочник такой сделке. Он быстро оттолкнул лодку в воду, предложил юношам (девушка-то была одета в мужское платье) сесть, и они поплыли.

Когда они отплыли далеко от берега, девушка вдруг говорит своему брату:

– Ой, брат мой, ценную вещь я забыл на берегу.

– Что еще случилось? – испугался юноша.

– Да даст Бог тебе здоровья, – говорит девушка, – падишах подарил мне в день сватовства брошку, цену которой трудно даже определить... Когда ты уходил на базар, я сняла ее с груди и положила в хурджун, а хурджун с деньгами и продуктами оставили лодочнику. Кто знает, что с нами будет? А брошь всегда можно будет продать. Нельзя ли лодку повернуть обратно?

Юноша попросил лодочника вернуться обратно к берегу.

– В хурджуне забыли нужную нам вещь, – сказал он.

«Значит, что-то ценное, раз они так просят», – подумал лодочник и говорит:

– У рыбаков есть такая примета: кто возвращается с дороги обратно, тот тонет в море.

Юноша посмотрел на опечаленное лицо девушки и говорит лодочнику:

– Ладно. Не возвращайся. Но только подожди меня здесь. Я быстро поплыву к берегу, возьму эту вещь и вернусь обратно.

Лодочнику ничего не оставалось делать, как согласиться.

Прыгнул юноша в воду и быстро поплыл к берегу. Добравшись, он взял в хурджуне брошку и поплыл назад.

Вдруг – и надо же такому случиться – в море поднялся ветер, он сдул с головы девушки шапку и стал перебирать и распутывать ее золотистые косы. И тут-то понял лодочник, что перед ним не юноша, как он думал, а девушка, да еще какая – необыкновенной красоты. Если у человека два глаза, то нужно еще два, чтобы любоваться такой красотой.

«Как же так, в мои руки попала такая красавица, а я не буду ею обладать?» – подумал лодочник и, подняв паруса, быстро стал грести веслом. Увидел юноша, что лодочник обманул его, и ему ничего не оставалось делать, как вернуться опять к берегу.

О чем рассказать вам, о ком поведать? Расскажу я вам про рыбака! Задумал он грешное дело. Стал он приставать к девушке. А она ему и говорит:

– Слышишь, рыбак, не подходи ко мне. Если подойдешь, то я брошусь в море.

– Красавица, напрасно ты сопротивляешься. Сама подумай. Твоему жениху к тебе больше не вернуться. Он утонул. А ты теперь моя!

Тогда девушка решила обмануть рыбака и говорит:

– Да, я теперь досталась тебе. Судьба – и никуда от нее не деться. Но знай – если ты хочешь жениться на мне, то отвези в свой город и сделай все так, как полагается по обычаю.

Рыбак согласился.

«Куда она денется, – подумал он, – эта красавица в моих руках. Пусть будет так, как она хочет».

Приплыли они к берегу, рыбак привязал свою лодку к колышку и говорит:

– Пойдем ко мне домой.

– О нет, с тобой я не пойду... Кто у тебя дома?

– Одна мать, – отвечает лодочник.

– Так вот, сходи домой и скажи своей матери, что ты нашел себе девушку и хочешь на ней жениться. Пусть мать пошлет за мной сватов, и с ними я пойду к вам в дом.

Снова согласился рыбак и отправился домой. А девушка тем временем отвязала лодку, подняла паруса, да и уплыла далеко в море. Плывет она, а куда – и сама не знает. И вот, наконец, лодку прибило ветром к берегу, где стоял какой-то город. Девушка так устала, что легла в лодке и заснула.

А в это самое время к своему кораблю, что был привязан к каменному столбу на берегу моря, направлялся знатный юноша в окружении сорока прекрасных девушек. И когда этот знатный юноша и его сорок инчегуз подошли ближе к воде, то увидели спящую в лодке красавицу с сорока золотистыми косами. Если у человека два глаза, то нужно еще два, чтобы любоваться такой красотой.

«Эту девушку я возьму себе», – подумал юноша. Он разбудил ее и предложил пересесть на свой корабль.

– Будь моей, красавица! Что ни пожелаешь, все для тебя сделаю.

– О нет, я так не хочу, – ответила девушка. – Если я судьбой отдана тебе, то сначала скажи, кто ты такой.

– Я сын падишаха этого города и хочу жениться на тебе.

– Тогда сходи к отцу и расскажи ему обо всем. Пусть он пришлет сватов, и я пойду к вам так, как полагается по обычаю.

– А не сбежишь ли ты, красавица, до моего возвращения?

– Со мной же останутся сорок твоих инчегуз... Они-то надежная охрана... Да и зачем мне другой муж, я хочу быть твоей, – сказала красавица.

Поверил сын падишаха словам девушки и с радостью поспешил домой к своему отцу.

А красавица тем временем предложила прислугам падишахского сына до возвращения

хозяина покататься на корабле. Ни одна из инчегуз не осмелилась возразить такой красавице, какой была будущая их госпожа. Они отвязали корабль от каменного столба, оттолкнули его от берега, подняли паруса и поплыли вглубь моря, гонимые ветром.

Кто знает, сколько они плыли – может, час, может, два, а может, намного больше. Но случилось так, что где-то далеко в море им встретился корабль, управляемый сорока разбойниками. Увидели разбойники плывущий в море одинокий корабль, да и решили напасть на него и ограбить. Глядят – а на корабле одни девушки, и все красавицы, а одна из них самая красивая, с сорока золотыми косами. Если у человека два глаза, то надо еще два, чтобы любоваться такой красотой.

– Нам нельзя упускать красавиц! Такая встреча в море не часто бывает, – сказал один из разбойников...

– Верные слова ты говоришь, – согласились остальные.

Тогда атаман прыгнул на корабль первым, а за ним все сорок разбойников. И начали они хватать девушек. «Это – моя!» – кричит один. «Это – моя!» – кричит другой. «Это – моя!» – кричит третий.

– Эй, разбойники, что вы, ума лишились что ли? Ведь это же не яблоки или груши, чтобы лежать устраивать... Скажите, сколько на вашем корабле мужчин? – не растерявшись, спрашивает атамана красавица.

– Сорок один, – отвечает атаман.

– Очень хорошо, – говорит красавица. – И нас столько же. И давайте в мире и согласии дела будем делать. Вначале посидим, покушаем, вина выпьем, повеселимся, а потом каждый возьмет себе по одной девушке... Давайте ваши вина и закуски, несите сюда!

Выслушал атаман разумные слова девушки, и они ему понравились. А сам подумал: «Эта красавица моей будет!»

Принесли разбойники все, что у них было, и начали пировать, а красавица тем временем предупредила девушек:

– Не пейте вина. Пригубите, а остальное незаметно выливайте. Надо скорее напоить разбойников, чтобы они уснули, иначе нам несдобровать.

Девушки так и сделали, и вскоре все сорок разбойников со своим атаманом опьянели и заснули.

– Надевайте скорее их одежду и берите их оружие, – приказала красавица с сорока золотистыми косами.

Инчегуз раздели разбойников, отобрали у них оружие и отрубили разбойникам головы. А красавица забрала у атамана его одежду и оружие. Но голову отсекать не стала. Отрезала ему одно ухо и нос, а самого оставила лежать на корабле.

Вскоре девушки перебрались на быстроходный корабль разбойников и поплыли дальше.

Много ли, мало ли были они в море – нам не ведомо, но известно, что добрались они до какого-то берега, сошли с корабля и продолжили свой путь пешком. И прошли они путь длинный, как кишка Шагаду, прошли еще семь гор и семь рек, пока не увидели какой-то город.

А там играет музыка, гуляют нарядные люди, а на руке у одного старца сокол сидит. Оказывается, в этом городе был такой обычай: если умирал падишах города, то один из старейшин должен был в небо отпустить сокола. На чью голову сокол садился, того и выбирали новым падишахом.

Три раза бросали птицу, и все три раза птица садилась на голову переодетой в юношу девушки с сорока золотыми косами.

– Дорогие старцы, я согласен быть вашим падишахом. Только с одним условием, – говорит им девушка, переодетая в мужской наряд, – если вы разрешите назначить моих сорок друзей везирами и векилами.

Старейшины города дали свое согласие, и девушка с сорока золотыми косами стала падишахом этого города, а остальные сорок девушек стали ее приближенными.

Утром новый падишах сел на свой трон и приказал, чтобы прислали к нему рисовальщика. Пока его искали, девушка-красавица заплела косы, оделась в свадебный наряд и встала у окна, где всегда стоял падишах.

Пришел рисовальщик и видит – у окна стоит красавица с сорока золотистыми косами.

– Нарисуй четыре моих портрета! – приказала она рисовальщику. Нарисовал он с нее четыре портрета и ушел дорисовывать. А красавица снова переделась в наряд падишаха.

К закату солнца пришел рисовальщик и принес портреты.

Щедро отблагодарила его девушка-падишах и велела идти, но предупредила, чтобы тайну портретов хранил под страхом смерти. Затем девушка-падишах велела слугам повесить эти четыре портрета у всех четырех ворот города и на каждом воротах поставить стражу из десяти человек. Здесь же открыть хлебные лавки и вырыть колодцы.

– Пусть все, кто будет проезжать или идти пешком мимо любых из четырех ворот, смогут здесь купить хлеба и напиться колодезной воды, – сказал падишах старейшинам города, а лавочникам велел выдавать хлеб бесплатно тем, у кого не будет денег. Затем новый падишах пригласил к себе гаравошей и приказал им:

– Если кто-нибудь, увидев портрет, вздохнет, приведите его ко мне!

Как новый падишах сказал, так и было сделано.

Пусть все идет своим чередом, а я расскажу вам про молодого падишаха, сокол

которого сел на высокое дерево, что росло во дворе отца девушки, которая теперь сама стала падишахом.

И вот когда молодой падишах узнал, что невеста обманула его и сбежала, он сильно разгневался, взял с собой десять своих нукеров и направился к дому, где жил отец невесты. А отец в эту ночь и глаз своих не сомкнул: все о жалкой судьбе дочери и несчастных днях племянника думал. Вдруг он услышал сильный стук в ворота, вышел и видит – стоит его зять-падишах, а рядом с ним десять нукеров.

– Час добрый, рад тебя видеть, – говорит падишаху хозяин дома, низко кланяясь: – Входи!

– Ты обманул меня, собачий сын! – закричал падишах. – В одни двери отдал мне свою дочь, а в другие забрал. Где она? Отвечай!..

– Почтенный падишах, была у меня всего одна дочь, она была нареченной моего племянника, а я по твоей воле отдал ее тебе в жены, нарушив клятву, данную брату. Что тебе еще нужно от меня? – отвечает отец девушки.

В гневе, не зная, что сказать, обнажил молодой падишах свою саблю и отсек отцу девушки голову. Молодой падишах обыскал весь дом и, не найдя свою невесту, в злобе разрубил на куски тело несчастного старика и оставил уличным собакам на съедение.

– Все четыре конца света обойду, но эту обманщицу найду и проучу... Будет знать, как меня, падишаха, обманывать, – сказал разгневанный убийца.

Переоделся он дервишем и отправился в путь. Долго ли он шел, нам не ведомо, только дорога привела его к тому самому городу, где падишахом выбрали девушку, которую он силой хотел сделать своей женой. Голодный и уставший, подошел падишах, переодетый дервишем, к одним из четырех ворот, где стоит стража из десяти человек. Здесь же лавки, в которых продаются белые домашние чуреки, а рядом с воротами колодец с прозрачной водой.

– Я бедный дервиш, нет у меня ни денег, ни хлеба. Угостите меня вашими чуреками и водой, – попросил лавочников молодой падишах.

– Для бедных странников все у нас бесплатно, – отвечают ему лавочники. – Бери, ешь, сколько тебе нужно.

Расстелили лавочники скатерть, угостили его чуреками и из колодца водой напоили. А когда он наелся и напился, то прилег на траву, чтобы отдохнуть. И только теперь увидел падишах прибитый на воротах портрет. Он подошел поближе и сразу узнал: изображенная не кто иная, как его сбежавшая невеста. Молодой падишах, сжав кулаки, зло посмотрел на портрет и вздохнул от ощущения приближающейся расправы.

Увидели это гаравоши и, выполняя приказ падишаха, тут же схватили его и потащили во дворец.

– Почему вы схватили меня? Я ничего плохого не сделал, – закричал падишах в одежде дервиша.

– Нам приказано всех, кто, посмотрев на этот портрет, вздохнет, приводить к нашему падишаху.

Когда стража привела его во дворец, девушка посмотрела и сразу же узнала в нем молодого падишаха того самого города, где она жила с отцом.

– Посадите его в зиндан, – приказала она.

Стража тут же выполнила повеление своего падишаха.

Теперь я расскажу вам про то, что же случилось с ее двоюродным братом – нареченным и любимым ее женихом.

Когда рыбак увез его невесту, юноша вернулся на берег, взял хурджуны, сел на своего коня и поскакал вдоль моря.

– Все четыре части света обойду, но свою любимую найду, – решил он.

Долго ли скакал он в поисках своей двоюродной сестры или не долго – дело прошлое, но не изменял он своего решения! Кончились у него деньги, а он все искал. Продал он своего скакуна – и опять искал. Наконец остался совсем без гроша, но брошку, которая была памятью о нареченной, не решился продать. Много дорог исходил юноша, пока одна из них не привела его к тому самому городу, где правила та самая девушка, которую он искал все это время. Голодный и оборванный, подошел он к воротам города. Его, так же как и молодого падишаха, накормили чуреками, напоили холодной колодезной водой. Когда юноша увидел на воротах портрет, то он сразу же узнал свою любимую и радостно вздохнул. Заметили это стражники, схватили его и отвели к падишаху.

Девушка сразу же узнала своего двоюродного брата. Но виду не подала.

– Устройте его как гостя, – приказала она, – но следите, чтобы он не убежал.

Теперь расскажу я вам про того самого рыбака, который влюбился в красавицу.

Поверив словам девушки, пришел рыбак домой и говорит матери, что он нашел себе невесту и хочет жениться. Мать собрала всех соседских девушек, и они отправились к морю, где их должна была ждать молодая невеста ее сына. Пришли они, но на берегу не оказалось ни девушки, ни лодки. Опечалился рыбак, продал все, что у него было, и отправился на поиски той, которую полюбил. Долго ли ходил он по разным дорогам, сытым ли был или голодным, мы не знаем, но пришел он к тому городу, где правила девушка-падишах. У ворот города накормили его чуреками, напоили холодной водой. А когда он увидел ее портрет – изменился в лице и вздохнул. Стража тут же схватила его и привела к своему падишаху. Узнала девушка в нем того самого лодочника, который разлучил ее с нареченным, и приказал посадить его в зиндан к молодому падишаху.

А теперь расскажу я вам про сына падишаха, у которого было сорок инчегуз. Пришел он к отцу и говорит:

– О, почтенный отец, на берегу моря, недалеко от нашего берега, встретила мне девушка необыкновенной красоты. Такая красавица, которую не отыскать ни в каком падишахстве. На голове у нее сорок золотистых кос. Если у человека два глаза, надо еще два, чтобы любоваться такой красотой! О, дорогой отец, я прошу тебя -сделай ей достойную встречу. Пусть войско твое выстроится в почетный караул, пусть играет музыка, пусть дадут салют...

Приказал падишах своим слугам достойно встретить красавицу. Но когда они пришли на берег моря, девушка и сорок инчегуз падишаха были уже далеко. Сын падишаха от досады прикусил палец и говорит отцу:

– Дай мне из твоей казны денег, я иду искать ее. Я должен ее найти.

Как ни старался отец отговорить сына, но все было напрасно, и отправился юноша в путь.

Много обошел он городов и сел, пока одна из дорог не привела его к воротам того самого города, где правила девушка, которую он полюбил. Так же, как и всех других, накормили его чуреками, напоили водой. Но когда он вдруг увидел на воротах портрет своей любимой, то облегченно вздохнул. Схватила и его стража и привела во дворец. Узнала девушка-падишах в нем юношу, у которого было сорок инчегуз, и приказала обращаться с ним как с гостем.

Расскажу теперь я вам про атамана, которому девушка отрезала нос и одно ухо.

Когда разбойники напились и крепко уснули, атаману приснился сон, будто он обнимает свою избранницу и целует ее. Но это был только сон. А когда он проснулся, то увидел, что все его друзья-разбойники мертвые лежат, а девушки исчезли. Он в ужасе схватился за голову и понял, что ему отрезали нос и ухо.

– Да гореть мне в огне! – воскликнул тогда атаман. – Я, гроза всем и всему на море и на суше, убью эту подлую обманщицу. Найду ее живой или мертвой!

Много ли дорог обошел атаман разбойников, сколько раз поднимался в гору и спускался с горы, мы не знаем, но пришел он, наконец, к тому городу, где правила девушка-падишах.

Так же, как и других странников, накормили его чуреками и напоили водой из колодца. Вдруг увидел атаман портрет девушки, которая перехитрила его, и даже изменился в лице. Стража, увидев это, схватила его и привела к своему падишаху. Девушка узнала атамана разбойников и приказала заключить его в зиндан, как молодого падишаха и рыбака.

Через несколько дней девушка-падишах издает приказ: в такой-то день все жители города не должны работать, а все от семи лет и выше должны прийти на мейдун, где будет необычное зрелище.

К этому дню город разукрасили красными полотнами. В красный наряд оделась и девушка-падишах. Села она на свой трон, а по бокам встали все ее сорок везиров и векилов. Приказала девушка-падишах гаравошам снять с ворот четыре портрета, принести и выставить

их здесь на площади. Приказ тут же был выполнен – принесены были все портреты.

Горожане ждали, что же будет дальше, что задумал их падишах. Девушка приказала привести арестованных, которые были схвачены у городских ворот, а гаравошам обнажить свои сабли. Первым вывели на середину мейдуна падишаха города, где жила она с отцом.

– Эй, первый арестованный, – обратилась девушка-падишах к молодому падишаху, который силой хотел взять ее себе в жены. – Ты видишь все это?

– Вижу, – ответил арестованный.

– Это для тебя приготовлено... Рассказывай всю правду: кто ты, откуда и почему, глядя на портрет, в злобе сжал кулаки?

– Да продлятся дни твои, падишах, – начал арестованный и рассказал всю правду: кто он, откуда и что он хотел силой заставить одну красавицу выйти за него замуж, и что эта девушка в ночь свадьбы сбежала, а он в отместку убил ее отца, разрубил на куски, а тело его отдал собакам на съедение.

– А имел ли ты какое дело с той красавицей? – спрашивает падишах.

– Она даже и обнять себя не разрешила. Сказала, что у нее болит живот и она хочет выйти во двор, но я разрешил идти только на чердак. Пошла она на чердак и оттуда спустилась вниз по веревке и сбежала.

– Поклянись, что ты говорил правду.

Молодой падишах поклялся могилой своего отца, ибо эта клятва в те давние времена была самой убедительной клятвой.

Затем на площадь вывели двоюродного брата красавицы. Те же вопросы были заданы и ему. Сквозь слезы юноша рассказал, что была у него двоюродная сестра, девушка с сорока золотыми косами, что они любили друг друга и были нареченными.

Чего вам утруждать головы – рассказал он все, как было. Рассказал, как он голодал, а брошку ее не продал, ибо это была память о его любимой.

– Как же я мог не вздохнуть, увидев ее портрет на воротах этого города, – сказал он и добавил, обращаясь к людям: – А вы не знаете, где она? Жива ли, мертва ли?

Все молчали, не зная, что и говорить.

Потом на мейдун вывели рыбака, который разлучил влюбленных. Задали ему те же вопросы. И лодочник рассказал всю правду, ничего не выдумывая и не скрывая.

– А не обидел ли ты девушку? – спросил его падишах.

– Она сказала мне: «Не подходи, иначе брошусь в море». Я испугался и не тронул ее, – ответил рыбак.

Затем вывели на середину городской площади сына падишаха, хозяина сорока инчегуз. И он рассказал всю правду о том, как встретил и полюбил красавицу и как она сбежала на его корабле.

Наконец привели безносого атамана. Он тоже рассказал всю правду.

– А ты овладел этой красавицей? – спросил падишах.

– Нет, да простит мне Бог, если вру, – ответил атаман и добавил: – Я рад, что мне голову не отсекали, как моим сорока разбойникам.

Собравшиеся посмеялись над словами безносого атамана, а девушка-падишах сказала:

– Люди, стража и старшины города! Еще ни в одном падишахстве не было такого суда, как тот, что вы здесь видите.

Вот мое решение. Молодого падишаха, который силой хотел жениться на девушке, разлучил ее со своим нареченным, убил ее отца, тело его разрубил на куски и бросил на съедение собакам, – казнить. А тело разрубить на куски и тоже бросить псам. Согласны ли вы с моим приговором?

– Согласны! – закричали горожане.

– Рыбака, который разлучил влюбленных, а юношу бросил в открытом море, я приказываю тоже казнить, – продолжила девушка-падишах.

Горожане одобрили и это решение.

– А тебе, безносый атаман, я оставляю жизнь. Ты не причинил девушкам зла, а сам уже наказан.

Горожане одобрили и это решение своего падишаха.

Затем горожане увидели, что их повелитель снимает с себя папаху, и перед собравшимися предстала красавица с сорока золотистыми косами. Если у человека два глаза, то нужно еще два, чтобы любоваться такой красотой.

– О, дорогой мой двоюродный брат, – сказала девушка, – вот я перед тобой. Если ты не передумал, я готова стать твоей женой.

Юноша бросился к ней. Они обнялись, стали целовать друг друга и плакать от радости.

Затем красавица приказала своим сорока везирам снять с себя мужскую одежду, и перед горожанами предстали сорок девушек – одна красивее другой.

– О, добрый юноша, – обратилась красавица к сыну падишаха, который был влюблен в нее. – Вот твои сорок инчегуз, все они живы и здоровы. Желаю тебе всего хорошего.

Затем, обратившись к жителям города, красавица сказала:

– Дорогие горожане, я снимаю с себя одежду падишаха, и если вы согласны, то наденет ее мой муж. Пусть отныне он будет падишахом. Если же вы не хотите этого – мы уйдем, а у вас будет другой падишах.

– Пусть он будет нашим падишахом! – в один голос закричали горожане. А один из старцев города подошел к падишахскому трону, взял корону и торжественно надел ее на голову юноши.

Сорок дней и сорок ночей играли свадьбу. Сорок дней и ночей пили, танцевали, веселились жители этого города.

А нареченные, на долю которых выпало столько тяжелых испытаний, были наконец вместе. Недаром говорит народная мудрость: «Испытавшие трудности знают цену жизни, а любви – тем более!»

Во галам, во салам,
Сказка вам, а мне галам...

Судьба

Некогда жил один правитель, и было у него два советника: советник правой руки и советник левой руки. Нужно сказать, что тому и другому было по тридцать лет, оба были женаты, и каждый воспитывал двоих детей – сына и дочь.

Однажды правитель в честь какой-то радости устроил пир, и на пиру том были оба советника. Но надо же такому случиться – захмелевший правитель спросил своих советников:

– Блага жизни в молодости хороши или на старости лет?

Три дня и три ночи дал им правитель на размышление и не забыл при этом предупредить: если они к сроку не дадут верного ответа, то он не замедлит прогнать их.

Вернулись в этот вечер советники к себе домой в тревоге и печали, не зная, как угодить своему правителю. Какие только ответы не рождались в их голове, но все они были неубедительны, и советники, понимая это, так и не решались предстать перед своим правителем.

«Чего доброго, не угодишь и изгнан будешь», – думал каждый из них.

Решил тогда советник правой руки поведать обо всем жене и совета просить.

Посмотрела жена на мужа, ухмыльнулась, обняла его и, глядя по голове, спешно и уверенно выпалила:

– Глупенький мой, конечно же, блага жизни в молодости хороши. Как-никак молодость – время увеселений и всяких увлечений. Когда же блаженствовать, если не в молодости?

Старость – не радость, известное дело.

Обрадовался советник правой руки ответу жены и со спокойной душой лег спать.

«Эх, и удивлю же я своим ответом правителя», – утешил он себя, засыпая, и не заметил, как невидимое ухо слышало все и запоминало.

А между тем советнику левой руки было не до сна, и не искал он для себя утешений. Он то и дело ворочался в постели, возбужденно думая и не находя верного ответа на заданный правителем вопрос. Все три дня и три ночи он неистово терзал себя и ни разу не сомкнул глаз, да и к еде ни разу не прикоснулся. Забеспокоилась жена таким странным поведением мужа и нашла нужным спросить его:

– Милый, вижу, тяжелый камень лежит у тебя на душе... Может быть, нам вдвоем легче будет сбросить эту тяжесть и облегченно вздохнуть?..

Рассказал ей муж все как есть и спросил:

– Как ты считаешь – блага жизни в молодости хороши или на старости лет?

И ответила ему жена так:

– Блага жизни на старости лет хороши... Молодость сама по себе благодать. Да и судьба детей во многом зависит от жизни родителей на старости лет. Если родители лишены благ жизни, то и детям они ничего не могут дать.

На третий день пришли к правителю оба советника, дали свои ответы и стали ждать, какое решение будет вынесено.

– Так и быть! – многозначительно сказал правитель: – Ты, советник правой руки, продолжай блаженствовать до самой старости.

Услышав такое решение, советник правой руки упал на колени перед правителем и стал воздавать ему хвалу, одаривать добрыми пожеланиями и с радостной вестью поспешил к жене. Слышало все незримое ухо и старалось не запоминать.

А советнику левой руки правитель сказал так:

– А ты, советник левой руки, возьми семью свою и ступай куда глаза глядят и там дожидайся своей старости. Может быть, она у тебя и вправду блаженна и радостна будет. Слышало все невидимое ухо и запоминало.

Ничего не оставалось делать советнику левой руки, пришел он к себе домой, рассказал обо всем жене и горько заплакал.

– Ничего не поделаешь, – сказала жена, утешая мужа, – нужно будет легкое взять, а все тяжелое продать или бедным раздать, а самим идти в какую-нибудь другую страну.

И через несколько дней бывший советник взвалил себе на спину два огромных баула –

один с едой, другой с одеждой, жена взяла детей за руки, и они покинули земли своего правителя и пошли неведомо куда; только невидимый глаз Судьбы все видел и старался все запомнить, запечатлеть.

Много дней и ночей были они в пути, с восхода солнца и до его заката предавались дороге. А в конце дня они останавливались там, где ночь заставляла, и, съев свой скудный ужин, ложились спать. Постелью для них была трава, а одеялом – звездное небо, под головы клали они свои печальные мысли и тяжелые думы – и так до рассвета спали, отходя от дорожной усталости. А с восходом солнца опять предавались дороге и шли неведомо куда, пытая Судьбу надеждой на то, что дорога – всегда дорога и она в конце концов приведет их к какому-нибудь человеческому жилью. Но на сей раз дорога вместо жилья привела их к быстротечной, бурлящей горной реке, через которую можно было перейти только вброд. И бывший советник поправил на спине баулы, жена покрепче взяла детей за руки, и они стали, с трудом переставляя ноги, переходить бурную реку. Только было дошли до середины реки – о Худо! – и надо же такому случиться: напористое течение свалило с ног жену бывшего советника, мальчика вырвало из ее рук, и он поплыл по реке, словно щепка какая, беспомощная и неподвластная своей воле. Кинулась мать с криком помощи за сыном своим, надеясь спасти его, да и дочурку выпустила из рук. Как ни старались муж и жена спасти своих детей, но так и не смогли.

Упал в огонь – дым возьмет, упал в реку – вода возьмет. Так и случилось на этот раз: взяла река детей и унесла неведомо куда. Ко всем горестям бывшего советника и его жены прибавилось еще одно неизгладимое горе. Слышала и видела всю эту трагедию незримая человеческому глазу Судьба и постаралась все-все запомнить, запечатлеть.

Как бы то ни было, перебрались супруги на другой берег... Сколько они рыдали и молили Бога о помощи, нам не ведомо. Знаем только, что снова предались они дороге. Идут день, второй, третий... На глазах слезы, на душе – камень, а впереди дорога без конца и края. Но в один из дней, когда они шли густым лесом, – и надо же случиться еще беде, – напали на них разбойники, схватили жену бывшего советника, насильно посадили на коня и скрылись в лесу.

Остался бывший советник совсем один, без детей, без жены, безо всякой цели в своей жизни. Сел он на землю и заплакал – да так горько, что там, где на землю падали его слезы, трава пожухла. Увидевший это не выдержал бы, чтобы тоже не расплакаться. Но слезами горю не помочь, от Судьбы никуда не деться. Связал бывший советник горе свое в один узел, положил за пазуху, на дно души, и пошел дальше, уповая на Божью милость, но куда идет -и сам не знает, не ведает.

Много дней и ночей бродил он по чужим и безлюдным местам. Много рек и лесов прошел, но ни одной живой души так и не встретил, не нашел: видно, не теми дорогами шел. А когда совсем усталость к земле гнула, ложился там, где ночь его заставляла, и начинал свой горестный узелок развязывать – жену и детей вспоминать. Утром, с восходом солнца, так и не сомкнувши глаз, свяжет он свое горе в узелок, спрячет снова на дно души и опять зашагает то лесом, то оврагами. А если пить захочет – то в одной реке, то в другой, то в третьей напьется. А есть захочет – то в одном, то в другом, то в третьем лесу диких яблок нарвет. Как говорится, что бы ни есть, лишь бы есть, дабы от смерти себя сберечь.

Но в один из дней Судьба повела его по дороге через огромный сосновый лес, и

слышит он в этом лесу – топоры стучат, деревья с треском валятся. Пошел он на этот шум и видит: стоит низенький деревянный домик, а невдалеке люди сосны рубят, затем связывают их по несколько штук и в реку сталкивают. Подошел к ним бывший советник, поклонился и говорит:

– Вижу, вы люди добрые. Возьмите и меня к себе на работу. Я странник, и никого у меня нет. А иду я из далеких мест.

– Ну что ж, коль не боишься работы, оставайся с нами, – ответили ему лесорубы.

И стал бывший советник новое дело осваивать. Еще солнце не успеет проснуться, а лесорубы уже топорами стучат. А вместе с ними и бывший советник своим огромным топором сосны рубит, да так, что щепки в стороны летят, а с него самого пот градом льется. И так целыми днями работал бывший советник и в работе горе свое старался забыть, хотя бы на время. А поздно вечером, бывало, вернется он с работы усталый, ляжет спать – только сон к нему все не приходит. Лесорубы уже давно спят, а бывший советник лежит с открытыми глазами и уже в который раз горестный узелок развязывает – жену и детей вспоминает.

Много лет прошло с тех пор, как начал работать с лесорубами бывший советник, – он даже счет времени потерял. Голова его поседела, сам он сгорбился, а руки очерствели от такой непосильной работы; лицо покрылось глубокими морщинами. А он все никак не мог забыть свое горе непосильное. И каждую ночь, ложась уставший, то и дело распутывал горестный узелок свой, вспоминая жену и детей.

Пусть пока бывший советник живет и трудится изо дня в день в этом лесу. А мы вернемся к тем далеким временам, когда разбойники схватили и увезли его жену.

...В одном лесу под могучим деревом зияла своей таинственной пустотой пещера. Жили в этой пещере сорок разбойников. Занимались они тем, что совершали налеты на дворцы богатеев и грабили путников, шедших через дремучий лес. Тем промышляли и довольствовались.

Бриллиантами, жемчугами и золотом освещалась их пещера – так было всего много. Все они могли достать и сделать, имея такое богатство. Но только одного не могли: найти женщину, которая бы добровольно согласилась жить с ними в лесу, готовить еду и стирать одежду. Была у них когда-то прислуга, но, лишенная общения с людьми, умерла, как птица в клетке: не смогла, бедная, привыкнуть к неволе и к непосильным своим обязанностям. Похоронили ее со всеми почестями, даже в могилу кувшин золота и драгоценные камни положили, мол, за честную службу. Погоревали разбойники, а затем и спросили сами себя: кто же будет теперь еду готовить, одежду стирать? Спросили и тут же решили: нужно где-то найти другую женщину.

И надо же такому случиться – в это самое время через этот лес шел бывший советник со своей женой. «К разбойникам жертва сама в руки лезет», – говорит народ. Так случилось и на этот раз. Привезли они пленницу в свою пещеру и отдали атаману. Посмотрел он в ее глаза и увидел безропотное смирение и полное безразличие ко всему происшедшему. Не выдержал, чтобы не сказать несколько утешительных слов.

– Тебя здесь никто не посмеет обидеть. Будь нам, сорока разбойникам, живущим в

этой пещере, верной сестрой и помощницей. Все у нас есть, но нет женщины, которая бы нам готовила еду и одежду стирала. Вот потому-то мы и похитили тебя. А грабим мы только правителей и всяких там богачей... Вернее сказать, тех, кто народ грабит. Я знаю, женщина, ты будешь нас хотя бы в мыслях осуждать за такой образ жизни... Да будет тебе известно, что на этот путь толкнули меня и этих юношей сами правители и богатеи. Они считают, если мы из бедных, то не достойны взять в жены их дочерей. Амбары оширов ломаются от всякого там богатства. А откуда все это у них? Они же палец о палец не ударяют. Это все за счет нас, которых они превратили в своих рабов... Ну, ладно, одевайся в мужскую одежду, будешь не сестрой нам, а сорок первым братом, который нам еду готовит и одежду стирает. Никто тебя не посмеет тронуть или оскорбить. Законы наши суровые. Кто нарушает их, того тут же вешают или сжигают на костре...

– Верно я говорю, ребята? – обратился атаман к разбойникам.

– Верно, – хором ответили они.

А атаман добавил:

– Клянитесь быть верными братьями нашему новому брату!

Разбойники обнажили свои кинжалы и крикнули:

– Клянемся быть верными братьями нашему новому брату!

И стала бедная и несчастная жена бывшего советника на сорок человек готовить еду, стирать и всякую другую работу выполнять.

Вскочат разбойники на своих скакунов – только топот в лесу раздается – и ускачут на разбой. А бедная женщина вспомнит детей своих, в реке утонувших, мужа вспомнит, неведомо где находящегося или, может, вообще уже погибшего, наплачется вволю, до последней слезы. Что поделаешь: в мире одни плачут, другие смеются... Такова жизнь, а в жизни различные судьбы и промысел Божий каждому свой, и никто не знает, кому что уготовано и кого куда судьба заведет и куда выведет... В голове ее горестные думы и воспоминания, в глазах слезы, а в руках бесконечная работа. А к возвращению разбойников она расставит на столе сорок мисок, положит в них жаркое, шашлыки подаст на шомполах, выкатит из погреба бочку вина и тоже – на стол... Вернутся разбойники с добычей, а здесь такой уют и покой, будто бы совсем не разбойничье логово, а дом родной, – и все это создано неутомимыми руками жены бывшего советника. Чего скрывать, нелегко все давалось этой обиженной судьбой женщине. А когда разбойники отправлялись на грабеж и отсутствовали несколько дней, а такое бывало – и довольно часто, к изнурительной усталости еще прибавлялся и ужасающий страх: как-никак на весь огромный лес она оставалась совсем одна. Услышит, как скрипнет дерево, а ей кажется, что злой дух к ней в пещеру крадется. Или услышит крик шакала или другой какой ночной твари, и опять ее страх дрожью в теле колотит, а то и острием кинжала под самое сердце кольнет.

А между тем за ежедневными заботами пленница счет дням потеряла и не знала, сколько лет и зим она трудится, и днем и ночью обслуживая разбойников. Много слез пролила она, оплакивая свою несчастную судьбу и вспоминая детей и мужа, отчего глаза ее поиссохли, а сама она осунулась, будто годами ничего не ела. Что и говорить, много

трудностей пришлось ей пережить, и эти мучительные испытания сгорбили ее в прошлом стройный стан, а лицо покрылось сетью морщин. Бог весть сколько белья перестирала она за эти годы, отчего ее нежные и мягкие в прошлом руки стали высохшими, как лапы старой вороны.

Видели все это разбойники и жалели ее, но вслух этого не высказывали.

И вот однажды они вернулись после удачного дела и привезли с собой молодую, полную сил и здоровья девушку.

– Будешь обеды нам готовить и одежду нашу стирать, – сказал атаман новой пленнице.

А спустя несколько дней атаман спросил у жены бывшего советника:

– Хотела бы ты уйти от нас? Быть свободной?

– Куда мне теперь идти, у меня ведь никого и нет. Был муж, и тот неведомо где и что с ним... Нет, не хочу, – ответила она, а сама подумала: «А что если уйти в ту сторону, куда мы шли с мужем? Может быть, там и отыщу его?»

А еще через несколько дней атаман, видя, как бедная женщина затосковала, снова сказал ей:

– Дорогой наш брат, конечно, мы сами не хотели бы тебя отпускать, но видим: ты с нами, а душа твоя не переставая страдает. Глазами смотришь на нас, а кого-то оплакиваешь... Уходи, если хочешь... Бог да поможет тебе!

И она согласилась уйти. Наполнили разбойники ей в дорогу два полных хурджуна золота и драгоценностей, пожелали счастливого пути, и она, одетая в мужское платье, отправилась в путь. Днем в пути, а ночью найдет в лесу дупло, спрячется и переночует, дрожа от страха. И так много дней и ночей, сменяя усталость на страх, страх – на усталость, шла через леса и по долинам, по горам и ущельям, и наконец дорога привела ее в тот самый лес, где бывший советник стал лесорубом. Вошла она в этот лес и слышит – стук топоров раздается. Заспешила она на шум, бежит, спотыкается, ветками лицо себе царапает – только бы душу живую встретить и дорогу в нужную страну расспросить. И вдруг увидела она седого человека, который рубил огромным топором толстую, в несколько обхватов, сосну. Безмерно обрадовалась женщина встрече, приблизилась к нему, поклонилась и спешно спросила, по какой дороге идти ей в такую-то страну.

А лесоруб выпрямился, вытер со лба пот и спрашивает:

– А зачем тебе в ту страну идти?

И ответила женщина:

– Ищу мужа своего. Вот уже много лет как разбойники нас разлучили... Случайно ты не встречался с человеком, у которого жену разбойники в лесу похитили?

Как услышал бывший советник, о чем спрашивают его, так и замер на месте, не зная,

что и ответить: ведь он и есть тот самый человек, у которого разбойники много-много лет назад похитили жену. Смотрит он на женщину, глаза свои таращит, а поверить в то, что перед ним живая жена его, не может. Да как тут узнаешь, если она так состарилась, сгорбилась, истощилась, да еще вдобавок в мужском наряде. Да и жена не узнала своего мужа и вряд ли бы узнала, если бы он не догадался спросить:

– А скажи, странник, ты случайно не встречал женщину, у которой река унесла детей?

Тут бывшая пленница разбойников посмотрела на лесоруба и узнала в его голосе знакомые нотки:

– Знаю... Знаю... Это я та самая несчастная мать погибших детей и похищенная разбойниками жена бывшего советника.

Бросились они в объятия друг другу. Обнимаются, плачут и не знают, от радости ли плачется им или от тягот пережитого. Но как бы то ни было, наплакавшись, стали они друг другу рассказывать, что пришлось за эти долгие годы разлуки испытать. Наконец, наговорившись, они задумались: как быть дальше? Куда податься? Думали-думал и, и муж говорит жене:

– Везде хорошо, где нас нет... Мы одни на всем свете белом, и вместе нам свой век доживать. Останемся и здесь будем жить.

Как решили, так и сделали. Живут они так год, второй... Муж лес рубит, а жена обед на всех лесорубов готовит, белье им стирает. Но в один прекрасный день один из лесорубов был в городе и слышал, как разъезжавший верхом на коне глашатай объявлял народу, что в таком-то году правитель такой-то страны задал двум своим советникам вопрос: «Блага жизни в молодости хороши или на старости лет?» Того советника, который сказал, что блага жизни в молодости хороши, – он оставил, а того, кто сказал, что блага жизни на старости лет хороши, – изгнал из страны вместе с женой и двумя маленькими детьми. И вот этот самый правитель разыскивает своего бывшего советника и хочет на старости лет создать ему и его семье все блага и тем самым искупить свой грех перед ними и Богом, да заодно и убедиться в правоте ответа на его вопрос.

Выслушал этот рассказ бывший советник и говорит жене:

– Нужно вернуться. Теперь-то и на нашей душе вместо тяжелого камня легкий пух будет... Собирайся!

Сборы были недолгими. Попрощались они с лесорубами и, оставив им хурджуны с золотом и драгоценными камнями, которые жене бывшего советника достались от разбойников, двинулись в путь к своим родным местам.

Долго ли они находились в пути или не долго – это уже и не важно, важно то, что наконец дошли они до дворца и предстали перед правителем. Смотрит на них состарившийся, больной правитель и думает: «И задал же я им трудностей!» – А вслух спрашивает:

– Рассказывайте, где были, как жили?

А бывший советник говорит:

– Всемогущий правитель, вели всем явиться сюда, пусть тоже послушают.

Приказал правитель всем собраться в приемном зале, а когда собрались, бывший советник начал рассказывать, что ему пришлось испытать за все эти долгие годы. Выслушал правитель и удивился: как только смог выдержать эти тяготы его бывший советник левой руки?

Затем о своих страданиях рассказала и жена бывшего советника.

Слушал-слушал правитель рассказ женщины и не выдержал, чтобы не прослезиться. Слезы сострадания лились и у всех присутствующих здесь людей, и каждый из них то и дело восклицал: «О Худо! Как же они все эти ужасы вынесли!» Невидимое ухо слышало эти возгласы и запоминало. А невидимое око видело слезы сострадания и тоже старалось запечатлеть их в сознании.

– А где же ваши детки? – утирая слезы, спросил, наконец, правитель.

– Их река унесла, и мы не знаем, живы они или утонули, – ответили бывший советник и его жена.

Все присутствующие здесь стали высказывать свои предположения: одни утешали, говоря, что бывали чудеса, когда вода выносила тонущих на берег; другие сомневались и не верили в чудеса; третьи полагались на Бога, говоря: на все, мол, воля Божья...

Кто знает, как долго продолжались бы эти рассуждения, если бы старый и больной правитель, хлопнув в ладоши, не призвал бы всех выслушать то, что он хочет сказать.

А сказал он вот что:

– Да, много горя пришлось испытать за эти долгие годы моему советнику левой руки, и все это по моей глупой прихоти. За это я уступаю ему свой трон. Пусть пожинает блага жизни на старости лет – он это выстрадал. А вот мой советник правой руки все эти годы в меду и в масле со своей женой и детьми купался да весельям предавался. Теперь настал его черед покинуть мою страну и испытать свою судьбу на старости лет. Как мне помнится, блага жизни ему в молодости хороши были.

Собрал советник правой руки хурджуны в дорогу, взял с собой жену и детей и покинул свое теплое, насиженное место. А бывший советник левой руки спустя несколько дней вступил на правительственный престол и стал на старости лет вести государственные дела и пожинать вместе с женой блага жизни.

Вскоре умер и бывший правитель, предали его тело земле, как и подобает, со всеми почестями, и каждый занялся своими делами.

Шли годы, новый правитель и жена его постепенно оправились от былых тягот и недугов. Лица их, испещренные глубокими морщинами – следами многолетних тягот и лишений, стали разглаживаться. И они уже о трудных и мучительных днях своей жизни

вспоминали все реже и реже.

Только одно горе угнетало их сознание и душу: это неизвестность о судьбе детей, которых унесла быстротечная река. Недаром же в народе говорится: «Одно горе сильнее, чем сотни радостей». Так было и с ними.

Но вот однажды жена и говорит мужу:

– Теперь ты почитаемый правитель. Все у нас есть, только вот детей нет. Пошли глашатаев во все концы света... Пусть объявят, что правитель такой-то страны разыскивает своих детей, которых в таком-то году в таком-то месяце и в такой-то день унесла река... Если живые – объявятся, если мертвые, то кто-то же мог видеть их тела.

Послушался правитель жену свою, послал глашатаев и стал ждать.

Пусть глашатаи объявляют послание своего правителя, а бывший советник и жена его ждут вестей. Я расскажу вам про те времена, когда быстротечная река унесла бедных деток неизвестно куда – то ли на дно затянула, то ли...

...На берегу одной реки стояла старая, покосившаяся мельница, и работали на этой мельнице муж и жена. Детей у них не было, а жили они тем, что мололи хозяину зерно, а то, что оставалось на жерновах, скребли и выпекали лепешки. Несмотря на бедность, они часто с досадой говорили: «Эх, кабы был у нас ребенок, пусть даже слепой или горбатый, только бы в нашем доме ребячий крик раздавался». А люди им в ответ осуждающе говорили: «Самим-то есть нечего, а тут еще ребенка хотите». На это мельник и его жена отвечали им такими словами: «От своего рта бы отнимали, а малыша кормили... Только бы был он у нас».

Какие только травы и корни не ела жена мельника, какие не читала наговоры, а ребеночка родить так и не могла.

Однажды утром вышел мельник на берег реки и видит: двоих малых деток быстрое течение реки несет по направлению к мельничному колесу и вот-вот вращающееся колесо подхватит лопастями бедных деток и раздробит на куски. Ужас охватил мельника от предстоящей трагедии; прыгнул он, не мешкая, в реку и стал тонущих толкать к берегу. С трудом вытащил их, а они лежат бездыханные; изо рта, носа и ушей пена выходит, тельца синие-синие, будто кто избивал их до синяков.

Видело все это невидимое око Судьбы и старалось все запомнить, запечатлеть.

А мельник тем временем положил спасенных детей на спину, придавил им животы – из носа, рта и ушей потекла вода, и так несколько раз. Затем вдул им в рот воздух, и они ожили, приоткрыли глаза, а через некоторое время и на ноги встали. Обрадовался мельник: одного ребеночка хотели, а тут сразу двоих – мальчика и девочку -Бог принес.

Привел мельник спасенных им детей в дом и говорит жене:

– Ты все ребеночка хотела... Вот тебе сразу двух красавцев... Нам их река принесла... Расти их теперь...

Обрадовалась поначалу жена мельника, а потом спохватилась:

– И самим-то есть нечего, чем же их кормить?!

А мельник в ответ:

– Тьфу, болтушка, что сами будем есть, то и им дадим... Пеки скорее лепешки... Детки наши голодные.

Побежала жена на мельницу, соскребла с жерновов мучную пыльцу, с пола все подмела и в совок собрала, да и лепешек напекла. Накормила она детей, кипятком запить дала и стала расспрашивать: как зовут, есть ли у них мать и отец, где они живут?

Рассказал мальчик, как отец и мать, переходя реку, уронили их, а быстрое течение подхватило и понесло; а где они живут – они не знают.

Выслушала детей жена мельника и говорит мужу:

– Похоже, их просто-напросто утопить хотели.

– Похоже, так, – согласился мельник.

– Ой, ой, бедненькие мои детки. Никому я вас не отдам... Ешьте! Ешьте! – обнимая их, стала причитать жена мельника.

И стала она заботиться о них как о собственных детях. Целыми днями теперь пребывала она на мельнице. Муж хозяйское зерно мелет, а она мучную пыльцу к пыльце собирает, а к вечеру наскребет миску муки, замесит тесто, лепешек напечет да на стол подаст. Едят детки, кипятком запивают и горя не знают.

Вскоре они подружились с соседскими детьми и в разные игры стали с ними играть. Полюбили их соседские ребята за находчивость в играх и честность в поступках, и потому каждый желал играть только с ними, а не с хозяйскими детьми, которые были драчливыми и жадными.

И вот однажды пришли хозяйские дети к отцу своему, хозяину мельницы, и со слезами на глазах жалуются:

– Все соседские ребята с детьми мельника играют, а с нами не хотят.

И решил тут злой хозяин лишить мельника и той мучной пыльцы, что скребла его жена с жерновов и детей кормила.

Пришел он на мельницу и говорит:

– Эй, мельник, вот тебе веничек, будешь с жерновов мучную пыльцу в мешок сметать... И помни, чтоб ни пылинки на жерновах не оставалось... А то, ишь ты, на моем добре чужих детей растишь.

Понял мельник, что хозяин все это от зависти делает. Взял он веничек и ни слова не посмел сказать. Попробуй сказать – хозяин тут же выгонит, тогда и без крыши какой-никакой останешься. Так во все времена было: хозяевам перечить нельзя, исход худой бывает.

Призадумались мельник и его жена: как же быть? Как же дальше деток своих растить и чем кормить? Думали-думали и надумали – брать детей с собой на мельницу. «Пусть целыми днями на мельнице сидят и мучную пыль глотают. Глядишь, что-то и в животе будет». Как порешили, так и сделали. Взяли детей с собой на мельницу, посадили вблизи жерновов, а сами трудом заняты. Сидят дети весь день, мучную пыль глотают, а ту пыльцу, что на лице и на одежде оседает, языком вылизывают и тоже в рот. И так день, другой, третий... А спустя несколько дней после этого они заболели, кашлять стали и в постель совсем слегли. Видят соседские ребята, что дети мельника на улицу играть не выходят, пришли их звать, а те и говорят:

– Мы заболели и есть сильно хотим, а есть нечего.

Принесли им соседские ребята кто что смог раздобыть: кто кусок лепешки, кто луковицу, кто морковку с огорода. Поели дети мельника и поправились. А вскоре и на лужайку пришли в лапту играть. Играют они, а соседские ребята им опять угощения несут: кто кусок лепешки, кто луковицу, кто яблоко.

Прожили кое-как еще год, второй, третий... Но однажды стряслась беда для всех: градом побило огороды, сады и хозяйское пшеничное поле, – словом, все побило градом в этих местах, да так, что ничего нигде не осталось. Коль нет зерна, нет и мельнице работы. А коль нет мельнице работы, то и мельник не нужен. Выгнал хозяин мельника.

– Живи где хочешь и как знаешь. Мне самому скоро есть нечего будет, – сказал он.

Осталась семья мельника без крошки хлеба, без крыши над головой. Долго раздумывал мельник над тем, как дальше жить. Разные мысли и заботы одолевали его. И тут он повздыхал-повздыхал и говорит жене:

– Нет у нас теперь и крыши над головой, да и есть нечего. Так, глядишь, и сами помрем, и детей загубим... Давай отвезем их в какой-нибудь большой город и там оставим, – кто-нибудь сжалится, возьмет их к себе и вырастит.

Расплакалась жена мельника, колени свои щиплет, по лицу себя бьет, плачет.

– Нет, – говорит, – никому не отдам деток своих. По миру пойду, попрошайничать буду... Что с нами будет, то пусть и с ними будет... Гляди, как к нам привыкли. Папой и мамой нас называют.

Через несколько дней мельник с женой и их дети пошли по миру попрошайничать.

Шли они по разным городам и поселениям, прося милостыню, и наконец добрались до одного древнего города. Пришли они на базар, расположились у входа и стали милостыню просить. Целый день просили, а всего кусок чурека и одно гнилое яблоко заработали. Разделила жена мельника чурек и одно гнилое яблоко пополам – детей накормила, а сама с мужем голодной осталась. Вечером отыскиали они в этом городе заброшенный сарай и

переночевали в нем. А наутро опять пришли на базар и сели у входа просить милостыню. Целый день просидели, а всего одно гнилое яблоко заработали. Разделила жена мельника яблоко пополам, детям дала, а сами снова голодными остались. Переночевали они и вторую ночь в том же сарае, а утром опять на базар отправились попрошайничать. Только на этот раз мальчик и говорит матери:

– Нет, так дальше нельзя... Я пойду к кому-нибудь на работу наймусь.

Пришел мальчик на базар и видит – один человек купил мешок картошки и кричит:

– Гей, амбал, где ты?... Тыфу, как назло, ни одного не видно.

Подбежал тут к нему приемный сын мельника и говорит:

– Дяденька, давайте я вам помогу... Отнесу мешок, куда скажете.

Взвалил мальчик тяжелый мешок на спину и пошел вслед за хозяином. Когда он принес этот мешок картошки куда нужно, человек дал ему за труд черный пятак. Взял мальчик свой заработок и снова прибежал на базар. Нанялся он в амбалы к другому человеку, отнес ему домой корзину яблок и груш, а тот его яблоком угостил да черный пятак дал за труд. Прибежал мальчик снова на базар, ищет, кому бы еще что-нибудь отнести. Вдруг слышит – кто-то зовет его:

– Эй, мальчик, не поможешь ли арбу разгрузить? Я тебе за это целый арбуз дам.

– Помогу, – говорит мальчик.

Разгрузил он арбу, получил свой арбуз и сразу домой прибежал.

– Вот, – говорит, – заработал.

Взяла жена мельника два черных пятака – первый заработок сына, руки ему целует.

– Дожила, – говорит, – когда сын сам стал зарабатывать да нас кормить.

В этот вечер купила она за два черных пятака еды, разрежала арбуз, и они все вкусно поужинали, а потом заснули спокойным сном.

А наутро мальчик опять пошел на базар на заработки. А с ним и сам мельник отправился.

И стала вот так жить в большом древнем городе семья мельника. Что утром заработают – вечером едят; что вечером – откладывают.

Но как-то мальчик говорит:

– Нужно бы купить бревна, чтобы крышу сарая починить. Скоро зима наступит, замерзнем.

Купили бревна, отремонтировали крышу заброшенного сарая и перезимовали в нем. А весной, откуда ни возьмись, у этого заброшенного сарая нашелся хозяин. Выгнал он их да еще обругал за самовольность. Осталась семья мельника опять без крыши над головой. Днем они приходят на базар на заработки, а ночью под чужим забором ночуют. Надоела такая жизнь мальчику, и он предложил построить где-нибудь на окраине города свой домик. Стали они иначе жить: что утром заработают – на постройку домика откладывают, что вечером заработают – тратят на еду.

Вскоре накопили они немного денег, выстроили себе домик на окраине города и стали жить. С утра отец и сын на базар на заработки идут, а вечером под свою крышу возвращаются.

И так жили они год, другой, третий.

Но в один из дней сын мельника, вернувшись с базара поздно вечером, уставший и голодный, задумался: «Не могу же я всю жизнь за такие гроши амбалом быть. Нужно ремеслу какому-то обучиться, да и сестру обучить нужно».

Спустя несколько дней купил брат сестре по дешевой цене ковровый станок, а на остаток денег и немного шерсти, принес домой и говорит:

– Учись, сестричка, ковры ткать. Ты будешь ткать, а мать будет продавать.

С этого дня и сестра, и мать мальчика стали ковровому ремеслу учиться. Целыми днями сидят они за станком, а к возвращению мужчин обед готовят.

А спустя еще какое-то время сын мельника купил себе и отцу своему необходимые для сапожника инструменты, и они рядом со своим домиком открыли сапожную лавку: кто чувяки принесет починить, кто сапоги, кто чарыки.

И зажила семья мельника на славу. Отец с сыном сапожничают, а мать с дочерью ковры узорные ткут да на базар продавать несут. С этих пор бедность покинула дом бывшего мельника. Недаром народ говорит: «Дети маленькие – обуза родителям, а на старости лет их – подмога».

Глядя на детей своих, бывший мельник и жена его чувствовали, как душа их радостью полнится, и от всего сердца благодарили Судьбу за добрую заботу по отношению к ним – уже немолодым супругам.

Но нет, недолго пришлось им пребывать в такой радости. Однажды отправился мельник на базар. И надо же такому случиться. Идет он по базару, через толпу пробирается и вдруг слышит, как глашатай верхом на богато убранном коне в длинную трубу трубит и кричит:

– Люди!.. Слушайте!.. Правитель такой-то страны разыскивает своих детей – мальчика и девочку. В таком-то году, в такое-то время мать и отец, переходя вброд реку, нечаянно упустили малых тогда деток из рук, и быстрое течение унесло их... В настоящее время мальчику должно было исполниться столько-то лет, а девочке -на столько-то меньше... Тем, кто спас детей, или тем, кто хоть что-нибудь знает об их судьбе, правитель обещает щедрое

вознаграждение и большие почести...

Догадался бывший мельник, что это его приемных детей разыскивают, и со всех ног пустился к дому. Прибежал и все, как слышал, жене пересказал, а жена от волнения пальцы кусает и приговаривает:

– Нет, старый, не отдам я никому деток своих. Они мои. Я вся поседела, пока их вырастила... Сама не ела, детям отдавала... Нет! Нет! Не отдам!

Ничего не оставалось старику, кроме как согласиться с мнением жены. А когда лег он спать, стал размышлять: «Мало ли что мы растили, мало ли что мы все отдавали им... Каково все эти годы было их настоящим родителям? Они разыскивали их, все оплакивали, горевали, тоской изводили себя... Нет, не могу я поступить так, как жена того хочет... Над нами Бог есть, и он не простит нам, если мы скроем детей от истинных родителей...»

Встал утром мельник, стал жену упрекать, Богом пригрозил и говорит:

– Собирайся, жена, в дорогу... Нужно детей родителям доставить.

Поначалу жена стала возражать, мол, как же так, растили-растили, а потом смягчилась сердцем и стала в дорогу собираться. По дороге бывший мельник стал рассказывать детям всякие житейские истории, а между тем рассказал всю правду, касающуюся их самих, и даже сказал, что ведет их к настоящим родителям.

Долго ли они шли, много ли рек, городов и всяких там поселений прошли – это им знать. Но в одно утро дошли они, наконец, до одного старинного города, где везде возвышались красивые каменные дома, храмы с крестами, голубые купола мечетей и множество величественных нимазов. Это и был тот самый город, где правили родители этих детей. Идет бывший мельник через город, дивится красоте города и его площадей.

Вскоре, пройдя через главную городскую площадь, подошли они к дворцовым воротам и стали проситься лично к правителю. Гаравоши сообщили бывшему советнику, а теперь правителю, что к нему двое странников, а с ними юноша и девушка, на прием просятся. Почувствовала жена правителя, что это не простые посетители пришли. Выбежала она во двор и своим материнским сердцем поняла: стоят во дворе ее родные дети. Не раздумывая, бросилась она обнимать и целовать их, целует и плачет. А тут и сам отец вышел и тоже стал своих некогда пропавших детей обнимать, целовать, крепко к груди прижимать. А дети стоят в растерянности и ничего толком понять не могут, стараются высвободиться да к мельнику и его жене жмутся.

И вот тут-то жена мельника сказала свое слово:

– Платок мой к ногам вашим, великий и всемогущий правитель, не нужно нам ваше богатство... Знайте одно: если вы родители детей, то я с мужем в муках и лишениях растила их. Если вы родные им отец и мать, и мы тоже как родные им... Нет, нет, не отдам я вам деток своих.

Жена мельника бросилась к детям, стала обнимать их, обливаясь горячими слезами. Брат с сестрой тоже к ней потянулись, обнимать и утешать стали.

Видя такое дело, свое слово сказала и жена правителя:

– Да, милая женщина. Я рожала их в муках, ты в муках растила. Я в трауре о них света Божьего не видела, ты в лишениях все им отдавала... Пусть у детей отныне будут две матери и два отца... Оставайтесь навсегда с нами жить!

И остались мельник и жена его жить при дворе, рядом с детьми. И жили они в ладу и согласии, довольствуясь хотя бы на старости лет всеми благами жизни. Говорят, что всей семьей они посещали намаз и благодарили Бога. И еще говорят, что правитель ничего не предпринимал без согласования с мельником, и мельник без согласования с правителем ничего решительно не начинал. Словом, жили они так дружно, как бы не смогли жить два кровных брата. Так же дружно жили и их жены. А дети радовали родителей и придворную знать своими знаниями и рукодельным мастерством.

А через два-три года родители решили женить сына и сказали ему:

– Пора бы тебе, сынок наш, жениться. Уже время... Выбирай себе невесту по душе.

И ответил им сын так:

– Я женюсь только на бедной девушке... Бедные скромны и честны бывают.

Нашли ему девушку-красавицу из бедной семьи, а вскоре и свадьбу богатую сыграли. Весь город пришел разделить с ними радость. Все здесь – и бедные, и богатые – были равно почитаемы. Много подарков преподнесли гости молодым, а сестра в такой день подарила брату ковер, сотканный своими руками: там были изображены мельница, где они долгие годы жили, и домик, который они выстроили на окраине города.

– Вот вам мой скромный подарок, – сказала она, обнимая брата и невестку.

Когда ковер развернули, все так и ахнули, дивясь искусным узорам и тем изображениям, которые были на нем.

– Такой богатый ковер еще никто не ткал, – восторженно говорили одни.

– Да, у нее золотые руки! – хвалили другие.

– Это душа у нее золотая, добрая, – высказывали свое мнение третьи.

А сама она, смущаясь, отвечала:

– Да что вы все меня хвалите. Это вы брата моего хвалите. Это он меня обучиться ковровому ремеслу заставил.

А гости, словно не слыша ее слов, все продолжали:

– Любой дом осчастливила бы эта умница своим приходом.

И тут же на свадьбе брата к родителям девушки приблизились сваты, посланные одним юношей из бедной семьи с тем, чтобы просить у них руки дочери.

Все думали, что родители красавицы откажут и посмеются, мол, дочь правителя и сын бедняка – где это слыхано. А родители девушки послушали и ответили:

– Пусть придет сам жених и познакомится с нашей дочерью. Если они понравятся друг другу, то быть свадьбе.

А вскоре в правительственном дворце вновь справляли свадьбу. Сорок дней и ночей не смолкали звуки музыки и дробные выстукивания барабанов. Все пели, плясали, шутили, ели, пили араги за здоровье жениха и невесты, их родителей и близких людей.

Спустя некоторое время во дворце один за другим на свет появились мальчик и девочка – это были внуки не только правителя и его жены, но и мельника с женой. И стали теперь и те и другие целыми днями забавляться с малыми детками, радоваться тому, что хоть на старости лет к ним пришли по милости Божьей блага жизни.

А вам, дорогой читатель, наверное, небезынтересно знать, что же случилось с бывшим советником правой руки и его семьей.

...Много дней и ночей шла семья бывшего советника правой руки степью, а в степи, как известно, ветра сухие дуют, с ног человека валят, глаза ослепляют. А они шли – искали какой-нибудь большой город, чтоб остаться там жить. Стала их в пути усталость одолевать, а вскоре жена советника совсем с ног свалилась.

– Не могу я дальше идти, – говорит она мужу. – Оставь меня здесь. А сам с детьми иди в город.

А муж ей в ответ:

– Садись мне на спину... Немного понесу... Глядишь, и отдохнешь.

Села она на спину мужу, так и продолжили свой путь. Долго шли они по дороге и к закату солнца дошли до дремучего леса и решили здесь в дупле огромного дерева заночевать. Утром встали, поели остаток пищи и опять двинулись в путь. Час шли, второй, третий -и все лесом.

– Похоже, мы заблудились, – с тревогой сказал бывший советник правой руки.

А вскоре внезапно стемнело, поднялся ветер, в небе раздался гул, блеснули молнии, загромыхал гром и хлынул ливень. Ветер был такой сильный, что ветки деревьев со скрипом стали ломаться и с шумом валиться наземь.

– Надо укрытие искать! – встревожился бывший советник правой руки.

Бросились они на поиски укрытия, но, как говорится в народе: «Когда надо – все не ладно». Так случилось и на сей раз. Промокли они до костей, дрожат, зуб на зуб попасть не может.

– Так и умереть можно, – сказала жена мужу. – Натаскай валежника и костер разожги.

Натаскали бывший советник правой руки и его уже не малые дети валежника, сложили в кучу, а разжечь так и не смогли – все было мокро, да и ливень пересиливал своей необузданностью тщетное усердие попавших в беду людей. Плюнул с досады бывший советник на свои усилия, мол, и этого пустячного дела не могу сделать; сел на мокрое бревно и отчаянно заплакал, проклиная и упрекая правителя, изгнавшего его, а заодно и ропща на Бога. Видя плачущего мужа, и жена не смогла удержаться от слез. А дождь между тем, не переставая, лил и лил, и вскоре жена бывшего советника почувствовала во всем теле невыносимую боль, которая выказала себя жаром и удушливым кашлем. Вскоре она в бессилии распласталась на земле, сильно захворав, пролежала так два дня и умерла. Похоронили ее в лесу, поплакали и снова тронулись в путь в надежде добраться до какого-нибудь большого города, чтобы остаться там жить.

Много тропинок исходил отец с детьми в этом дремучем лесу. Много всяких страшных дум передумал он за время безысходного блуждания. А между тем силы стали сдавать, воля покидала его, ноги отказывались передвигаться. Опустился он, совсем обессилив, на пенек, с тревогой посмотрел на детей, на их изорванную одежду, на их исхудавшие, изможденные лица и не смог удержаться от тяжелого вздоха. Опечалились и его взрослые дети. Но слезами горю не помочь. Нужна сила, воля и жизненная смекалка. Но этих качеств бывший советник правой руки так и не нажил, да и годы были уже немолодые. И пришла ему в голову мысль покончить с детьми и с собой. Отыскал он в лесу толстую палку и думает: «Стукну детей палкой по голове, а потом и себя убью. Лучше смерть, чем такие испытания».

Ходил-ходил он вокруг детей, то с правой стороны подойдет, то с левой, а ударить их по голове и убить так и не решился – не поднялась рука на собственных детей. «Нет, – подумал он. – Пусть живут. Может, кто и встретится им в лесу и спасет».

Подумал так и, сказав детям: «Побудьте здесь, а я скоро вернусь», – исчез за деревьями, нашел крепкое дерево, с трудом взобрался на него, привязал к ветке свой ремень и повесился.

А между тем ждали-ждали дети возвращения отца и, не дождавшись, отправились в ту сторону, куда он ушел. Не прошли они и десяти-пятнадцати шагов, как видят – на дереве висит их отец. Испугались дети, увидев такое ужасное зрелище, жутко им стало, и они громко заплакали.

А в это время шли лесом двое охотников и слышат – кто-то плачет. Пошли они к тому месту, откуда доносился голос, и видят: висит на суку мужчина, а внизу – юноша и девушка волосы на себе рвут и криком исходят.

Спросили у них охотники, кто этот человек и кто его повесил.

– Это наш отец, – ответил юноша и рассказал охотникам все, что с ними приключилось: и о смерти матери сказал, и о том, кем был его отец, и почему они оказались в этом дремучем лесу.

Сняли охотники с дерева покойника, отыскивали в лесу могилу его жены и похоронили

рядом с ней. А брата с сестрой взяли с собой и привели в ту самую страну, где они раньше жили.

Подошли они ко дворцу и попросились к правителю. Приказал бывший советник левой руки привести путников к нему и стал расспрашивать, кто они и с чем пожаловали.

Рассказали ему охотники о том, как они случайно набрали в лесу на юношу и девушку, как похоронили их родителей.

Понял правитель, что не смог бывший советник правой руки выдержать выпавшие на его долю тяготы Судьбы. Приказал он слугам пойти вместе с охотниками в тот лес, перевезти оттуда тела и захоронить в его городе по местному обычаю.

Сказано – сделано.

А детей-сирот правитель взял на воспитание, вскоре женил юношу, а затем и сестру его выдал замуж. И, казалось бы, истории нашей конец. Но, несмотря на то, что все блага жизни пожинал советник левой руки на старости лет, одна мысль мучила его. Он не мог разрешить вопрос, заданный ему в свое время правителем этой страны, из-за которого пострадали и он, советник левой руки, с женой в молодые годы, и малые детки его, и на старости лет покойные уже советник правой руки и его жена.

Решил он тогда пригласить к себе мудрецов и спросить: блага жизни в молодости хороши или на старости лет?

Крепко задумались тогда мудрецы, никто не решился ответ дать. Но слышало все это невидимое ухо и запоминало, видело все это невидимое око и запечатлело в своем сознании. А иначе откуда бы я узнал эту историю и смог рассказать ее вам?

Козни Шагаду

Жил в ауле Куччи один очень бедный человек, у которого была большая семья. И однажды у него появилось десять рублей, и решил он пойти в селение Аriskюш купить там немного пшеницы и испечь хлеб для детей, а если что останется, купить и себе пищу. Взял он эти деньги и отправился в путь.

В пути бедняку встретился слепой старец. Он сидел на дороге и, обращаясь к проходящим, говорил:

– О, прохожий, дай мне денег! – и тут же добавлял: – Кто мне от имени дьявола даст пять рублей, тому Шагаду даст пять тысяч.

Удивился бедняк словам слепого старца, но все же отдал ему пять рублей и пошел дальше. Идет и думает: «Дойдут до дьявола слова слепого старца, и он даст мне пять тысяч. Вот здорово!» Всю дорогу думал бедняк, что купит на пять тысяч, и не заметил, как подошел к аулу Аriskюш.

Вошел он в аул и почувствовал, что изрядно проголодался. Зашел он к своим друзьям, посидел, поговорил о том о сем, но никто его не угостил даже куском чурека. А между тем

голод назойливо кишки выворачивал. Не стал тогда засиживаться бедняк у своих друзей и пошел дальше. Идет и слышит – на другом конце аула играет музыка, свадьбу празднуют.

«Может быть, там дадут мне немного поесть», – подумал он и заспешил, ведомый звуками музыки. Подошел к дому, где играли свадьбу, и видит: во дворе расстелен огромный персидский ковер, и сидит на этом ковре ашуг. Он играет на сазе и поет мугамы, а гости вознаграждают его деньгами. Кто пять рублей положит на медный поднос, а кто и десять рублей бросит.

Достал бедняк последние пять рублей и тоже положил на поднос. «Пять рублей я отдал слепому во имя дьявола, а Шагаду мне и пяти копеек не дал. А эти пять рублей я отдам ашугу во имя Бога. Может быть, Худо вознаградит меня», – утешал сам себя бедняк.

Вскоре гости сели за стол. Чего только не было на столах: зажаренная баранина, бочки вина, на медных подносах жирный плов! «Большое счастье у тех людей, которые будут кайфовать за этими столами», – подумал бедняк, не выдержал и тоже сел за стол. Увидел это хозяин дома, где игралась свадьба, и подозвал бедняка. Посадил он его за отдельный стол, что стоял в углу, и приказал одному из слуг угостить чем-нибудь бедняка.

Поставили перед бедняком стакан чаю и положили большой кусок черствого чурека. Поел бедняк и ушел мрачный и недовольный. «Какой же я дурак! – думал бедняк, возвращаясь в свой аул. -Поверил словам слепого старца и отдал ему пять рублей во имя дьявола. А последние оставшиеся пять рублей – и те ашугу во имя Бога отдал. Видно, Нум-Негир у меня между ног прошел! – в сердцах сказал он и добавил: – Лучше бы на эти деньги я детям зерно купил».

Дошел бедняк до того места, где сидел слепой старец, и видит, что на том же самом месте сидит какой-то другой человек. Погруженный в свои грустные мысли, прошел бедняк мимо этого человека и даже не поздоровался.

– Эй, о чем ты загрустил? – крикнул ему вслед сидевший на дороге человек.

Остановился бедняк и отвечает:

– Как же мне не грустить? Было у меня десять рублей. Пять рублей я отдал во имя дьявола нищему, а пять – во имя Бога ашугу. Сам же вместе с семьей остался голодным... Потому и грущу...

– О, оказывается, я тебя дожидаюсь на этой дороге, – вдруг говорит бедняку незнакомец. – Я – дьявол. Я сейчас превращусь в мула, а ты отведешь меня и продашь в селении Захрабкент человеку по имени Мешед-Али.

Не поверил бедняк словам дьявола и решил съязвить:

– Чтоб твоя сегодняшняя неправда пошла вслед за вчерашними байками.

Захохотал дьявол, да так громко, что земля под ногами бедняка задрожала. Поверил тогда бедняк, что и вправду перед ним дьявол, и говорит:

– Ладно, превращайся в мула, отведу тебя в селение и продам человеку по имени Мешед-Али. Ну, а чем кончится это дело?

Дьявол подошел к бедняку, положил ему на плечо руку и говорит:

– Слушай в оба уха. Приведешь мула в Захрабкент к Мешед-Али и скажешь: «Мой мул стоит десять тысяч, а отдам тебе его за пять». Мешед-Али удивится и спросит у тебя: «Почему твой мул стоит десять тысяч? Это очень дорого». А ты ему и скажешь, что твой мул – не как все мулы. Он – волшебный. Путь, который другие мулы проходят за год, он проходит за час. И еще: если тебе вдруг нужно будет передать кому-то что-то, ты скажешь все это на ухо мулу, и он отнесет твою весть и принесет ответ... Понятно? – спрашивает дьявол.

– Да, – отвечает бедняк.

Дьявол топнул ногой о землю и тут же превратился в мула. Сел бедняк на мула и отправился в Захрабкент.

Подъехал он к дому Мешед-Али и говорит:

– Мир дому твоему!

– Спасибо! И тебе доброго здравия, – отвечает Мешед-Али, – будь гостем, заходи!

Загнал бедняк мула во двор и говорит:

– Мешед-Али, купи мула. Дети голодные, потому и продаю.

– Вначале зайди в дом, посидим, поговорим, – предложил Мешед-Али.

Зашли они в дом. Жена Мешед-Али угостила их крепким чаем, выложила на стол соленья. Едят они, говорят о том о сем, о новостях в ауле, и, наконец, хозяин дома спрашивает у бедняка:

– А сколько тебе дать за мула?

– Мой мул стоит десять тысяч, а тебе продам его за пять, – отвечает бедняк.

– Ты что говоришь, такой мул и тысячи не стоит! – удивился хозяин дома.

– Мой мул не такой, как другие. Он – волшебный, – ответил бедняк и рассказал все, как велел ему дьявол.

– Не может быть! – усомнился Мешед-Али и добавил: – Хорошо, беру за пять тысяч, но сначала давай проверим. Пошлем его в другой город.

Долго думали бедняк и Мешед-Али, куда же послать волшебного мула.

– У меня в Москве живет брат, – наконец, сказал Мешед-Али. – Я напишу ему письмо, пусть мул отнесет его и принесет ответ.

Как решили, так и сделали. Написал Мешед-Али письмо, привязал его к шее мула и прошептал ему на ухо, куда и кому отнести это послание. Выпроводили мула за ворота, а сами вернулись в дом и стали пить чай.

Спустя некоторое время вернулся мул, стал у ворот и кричит:

– И-а-а, откройте!

Вскочил Мешед-Али и видит – на шее мула висит ответное письмо. Взял он письмо, а в письме брат сердится на него, говорит: почему, имея такого волшебного мула, ни разу не приехал?

– Машалла! Машалла! – восхищается Мешед-Али. – Беру твоего мула.

Мешед-Али и бедняк заключили договор о сделке. Взял бедняк свои пять тысяч и довольный направился к своему аулу.

Вышел бедняк из Захрабкента и опять встретился с дьяволом.

– Получил свои деньги? – спрашивает дьявол.

– Получил, – говорит бедняк и благодарит дьявола.

Попрощались они и на том разошлись.

А Мешед-Али решил, не откладывая, поехать к брату в Москву.

– Жена, собери мне хурджун в дорогу, – кричит он жене.

Сложила жена в хурджун чуреков, сыру, фруктов. Взвалил Мешед-Али на животное хурджун, сам сел и погнал волшебного мула по направлению к Москве.

Вышел мул за ворота – да как пустится бежать. Много ли бежал, мало ли пробежал, увидел мышиную норку и залез в нее. Мешед-Али видит, что мул его лезет в мышиную норку, прыгнул, схватил его за хвост и стал тянуть. Вдруг хвост мула оторвался, а Мешед-Али не удержался на ногах, упал на землю и сильно ушибся. Встал он, стряхнул с себя пыль, вытер пот с лица, взял хвост и вернулся к себе домой.

– Что случилось? – встревожилась жена.

– Да чтобы Бог разрушил дом этого бедняка, – зло отвечает Мешед-Али. – Пропали мои пять тысяч. Мул в мышиную нору сбежал.

– В какую мышиную нору? Ты что, с ума спятил?! – говорит жена.

– Мул сбежал в мышиную нору, – опять сказал Мешед-Али и, показывая хвост, продолжил: – Хвост остался, а сам мул в мышиную нору ушел.

Удивилась такому жена и посоветовала, не откладывая на завтра, отправиться к бедняку.

Пошел Мешед-Али в аул Куччи, зашел в дом к бедняку и говорит:

– Да чтобы Бог разорил твой дом, несчастный! Какого мула ты продал мне?

Рассказал Мешед-Али о случившемся.

– Никогда такому не бывать. Чего выдумываешь! Мулу не залезть в мышиную нору, – говорит бедняк.

В ответ ему Мешед-Али показал хвост.

– Зарежь меня, и то не поверю, – опять сказал бедняк.

Заспорили Мешед-Али и бедняк и решили сходить к старосте: пусть он их рассудит.

Пришли они к старосте, рассказали все, как было, а староста отвечает:

– Пойдите к судье, только он разберется в вашем споре.

Пришли они к дому судьи, постучались.

– Что привело вас ко мне, уважаемые? – спрашивает их судья.

– Да быть срезанной моей бороде! – отвечает ему Мешед-Али. – Купил я у этого бедняка мула. Мы договорились, что если этот мул сходит в Москву, отнесет моему брату письмо и принесет ответ, я беру этого мула за пять тысяч рублей. Мул отнес мое письмо и принес ответ от брата... Я заплатил бедняку за мула пять тысяч рублей. Потом сел я на мула, чтобы самому съездить в Москву. Только выехал за ворота, мул как понесет меня, а потом увидел мышиную нору и залез в нее.

– Мешед-Али, – смеется судья. – Мулу не пролезть в мышиную нору.

– Отцом клянусь, что это правда... Схватил я его за хвост, – продолжал Мешед-Али, – и стал тащить. Хвост оторвался – а мул в мышиную нору ушел... Не веришь – вот хвост!

Мешед-Али не успел вынуть и показать хвост мула, как видит -хвост превращается в барабан.

– Это же барабан, – говорит судья.

«Ведь это был хвост мула! Как же хвост превратился в барабан?» – думает Мешед-Али.

– Огнем клянусь, – говорит судье Мешед-Али. – Вот договор с этим бедняком, по которому я у него мула купил.

Пока он вытаскивал договор, тот успел превратиться в колоду игральных карт.

– Не веришь – вот договор, – и Мешед-Али протянул судье колоду карт.

– Это же карты, – говорит судья и добавляет: – Дорогой Мешед-Али, у тебя разум помутился, над тобой надо заговор прочесть.

Эти слова вконец рассердили Мешед-Али. Он начал злиться и ходить по комнате.

– Успокойся, лучше садись, отведай плова, – предложил судья.

Сели они за стол. Только Мешед-Али коснулся плова, видит – из плова вылезли уши мула. Мешед-Али, не раздумывая, засунул руку в плов и кричит:

– Я поймал его. Он здесь, в плове.

Испугался судья, даже вскочил из-за стола.

– Да, да, он здесь, – продолжает кричать Мешед-Али.

Видит судья, что Мешед-Али и вправду сошел с ума, и приказал слугам вывести его из дома. А бедняку судья велел удалиться с глаз долой и поскорее.

Направился бедняк домой. Только он вышел на дорогу, а навстречу ему слепой старик. Поздоровались они, рассказали друг другу о злой шутке над Мешед-Али, посмеялись и стали прощаться.

– Да будут тебе на пользу эти пять тысяч. Иди, проешь их на здоровье, – сказал, прощаясь, старик. – Ты, не скупясь, дал мне свои последние пять рублей. За твою доброту я подарил тебе пять тысяч.

Топнул старик ногой о землю и превратился в дьявола.

«Теперь у меня много денег, – думал бедняк. – Нужно пойти в селение Арискюш и еду детям купить».

Снова пустился бедняк в путь, идет и думает: «Как же так, пять рублей я дал ашугу во имя Бога, а Бог наградил меня черствым чуреком и стаканом чая; еще пять рублей я дал во имя дьявола, и Шагаду вернул мне пять тысяч, как и обещал. Где же правда?»

Но тут бедняк понял, как проголодался, и решил купить себе еды. Но от радости, что у него теперь так много денег, не удержался и выпил араги.

Сколько он выпил, нам не ведомо, только проснулся бедняк где-то в лесу: ни денег, ни одежды, хорошо еще сам живой.

«Да, – подумал бедняк. – Бог мне хотя бы черствый чурек и стакан чая за мои пять рублей дал, а Шагаду что дал, то и взял, да я еще за это мои пять рублей заплатил».

Правильно говорят в народе: «Подружившись с дьяволом – наказан будешь!»

Отец и сын

В одном ауле жил бедный крестьянин, и был у него сын, которого он очень любил. Однажды отправились они вдвоем на дальнее поле. А дорога проходила через лес. Идут они с мотыгами на плечах и с хурджунами за спиной. Отец вспоминает о том, сколько трудностей пережили они с матерью, пока вырастили сына. А взрослый сын – радость родителей – ни о чем не думает, идет радостный и веселый. То обгонит отца, то отстанет, чтобы лесных орехов нарвать.

Долго ли они шли или не долго, но старый отец очень устал. И решил он тогда попросить сына, чтобы тот взял его на спину и немного понес.

– Сынок, ноги мои отказываются идти дальше. Посади меня на себя и немного понеси. Я отдохну, а там, смотришь, и сам пойду, – сказал отец, решив тем самым испытать сыновние чувства.

Сын не стал возражать. Он посадил отца к себе на спину, и они продолжили путь. В лесу птицы песни поют. И каждая – на свой лад. Решил отец узнать у сына, что это за птицы, и спрашивает:

– Сынок, ты не скажешь, что это за птица поет?

– Не знаю, – отвечает сын, с трудом переводя дыхание.

Идут они дальше. А когда прошли мимо старого дуба, отец снова спрашивает:

– Сынок, а не скажешь ли ты мне, что это за дерево?

А сын с раздражением ему в ответ:

– Не знаю!

Идут дальше. А когда они стали проходить мимо родника, отец опять спрашивает:

– Сынок, а не знаешь ли ты, где здесь поблизости можно напиться?

Рассердился сын и зло отвечает:

– Мало того, что на мне сидишь, еще и глупые вопросы задаешь... Не знаю!

– Чего ты сердишься, сынок, – спокойно говорит отец, – пронес меня несколько шагов и уже попрекаешь. А как же я носил тебя, когда ты был маленьким, и отвечал на все твои вопросы?.. Подожди, дай сойду!..

Воистину, коль своих ног нет, на чужую спину не надейся, и старый отец зашагал рядом с сыном.

Долго шли они – старый отец и сын. И оба молчали. Каждый думал о своем: сын о том, что обидел отца, а отец о том, что придет время, когда и сын будет отцом и узнает, каково оно – чувство обиды, нанесенное сыном.

Все, что дадите, Бог вернет

Неподалеку от одного города жила нищая вдова, у которой было шестеро детей. Каждый день она ходила в город просить милостыню. Получив что-нибудь от добрых людей, нищенка всегда говорила: «Все, что дадите, Бог вернет!»

В то время жил в городе один ошир, жадный и жестокий человек. Однажды нищая вдова постучалась в ворота его дома, и на стук вышла жена ошира.

– Все, что дадите, Бог вернет! – как всегда проговорила вдова.

Эти слова рассердили жену ошира, и она решила отвадить нищенку от своего дома. И вот, когда бедная вдова пришла в следующий раз, жена ошира дала ей отравленный кусок чурека. Вдова поблагодарила хозяйку и пошла дальше. Когда ее хурджун наполнился, бедная вдова вышла из города и направилась в сторону своего дома.

По дороге ей встретились двое юношей, которые верхом на лошадях возвращались с охоты. Один из них был сыном той самой женщины, которая подала ей чурек с ядом. Сын богача сильно проголодался на охоте. Увидев бедную вдову, он сказал своему товарищу:

– Мне очень хочется есть. Попрошу-ка я у этой нищенки кусок хлеба, только ты не говори об этом моим родителям.

Тот сказал:

– Потерпи, скоро мы будем дома.

– Не могу, – говорит сын ошира.

Поравнявшись с вдовой, он попросил ее:

– Тетушка, я очень хочу есть, дай мне, пожалуйста, кусок хлеба.

«Таких молодцов некрасиво угощать огрызками», – подумала вдова. Порывшись в хурджуне, она достала тот самый кусок чурека, который дала ей жена ошира, и протянула юноше:

– Ешьте, дети мои, на здоровье!

Затем вдова пошла дальше, а сын богача разломил кусок чурека надвое и одну половинку предложил другу. Тот отказался, а сын богача с удовольствием начал есть. Но не успела лошадь пройти и десятка шагов, как юноша вывалился из седла и с криком упал на землю. Он кричал от боли, проклинал нищенку, молил Бога, но ничего не помогло, – и вскоре он умер.

Друг привез его тело в город и постучался в ворота дома ошира. Увидев мертвого сына, мать стала рвать на голове волосы. Друг юноши протянул жене богача остаток чурека и рассказал о встрече с нищенкой. Увидев отравленный ею чурек, жена богача обезумела.

– Все, что дадите, Бог вернет! Все, что дадите, Бог вернет! Все, что дадите, Бог вернет! – непрерывно кричала она всю ночь до рассвета.

Когда сына богача хоронили, один мудрый человек сказал:

– Да! Все, что дадите, Бог вернет. Зло сеет зло, добро – отвечает добром.

Три дочери купца

О чем рассказать вам, о ком поведать? Расскажу я вам об одном знатном купце. Слава о его несметных богатствах и трех прекрасных дочерях давно разнеслась по всему свету. Девушки были до того светлы и лучезарны, что их лица в любое время дня и ночи могли своей ослепительной красотой затмить даже солнце и луну.

И вот однажды этот известный всем купец собрался отправиться за пределы падишахства, в котором жил много лет. Нагрузил он свои товары на верблюдов и перед дорогой позвал к себе дочерей и ласково спросил их:

– Дети мои, скажите, что вам привезти из дальних стран, и я с радостью выполню каждое желание ваших милых сердец.

Старшая дочь сказала:

– Дорогой отец, привези мне платье, сшитое из тонкой кожиры лука. Больше мне ничего не надо.

Средняя дочь сказала:

– Привези мне, дорогой отец, чудесное зеркало.

А младшая дочь сказала:

– Я хочу, чтобы ты привез мне пушистую кошку.

Обнял купец своих дочерей и рано утром отправился в дальний путь. Через месяц он достиг одного падишахства, пришел на базар и стал торговать.

За неделю купец продал свои товары и купил другие, которые можно будет за большие деньги продать в своем падишахстве. Но перед тем как отправиться домой, он достал для средней дочери чудесное зеркало, для младшей дочери – пушистую кошку, а для старшей дочери нигде не мог найти платья, сшитого из тонкой кожиры лука.

Грустно стало на душе у купца, что не выполнил он просьбу старшей дочери. Но что поделаешь? Надо ехать домой.

Погнал купец перед собой караван верблюдов, а сам позади поплелся. Брел он без отдыха и сна по тропам и дорогам около месяца, а печаль неисполненного обещания все тяготила его душу. Наконец добрался он до окраины родного города. И здесь решил купец немного отдохнуть. Но как только опустился он под тенистым деревом, внезапно перед ним возник красивый молодой дервиш.

– Добрый путник, – сказал он купцу, – ты похож на опечаленного человека. Пожалуйста, не стесняйся меня и раскрой свое сердце. Быть может, узнав о твоих невзгодах, я чем-нибудь смогу тебе помочь.

Дервиш смотрел на купца умоляющими глазами, и казалось, что он готов выполнить любую просьбу.

Такие добрые слова не могли не понравиться купцу. Он доверился молодому дервишу, подробно рассказал ему о просьбах своих прекрасных дочерей и добавил:

– Для средней дочери я купил чудесное зеркало, для младшей же дочери – пушистую кошку. А вот для старшей дочери я не нашел платье, сшитое из тонкой кожиры лука. Это и опечалило меня, уважаемый дервиш!

Выслушал молодой дервиш купца и сказал:

– Дорогой купец, я найду для твоей дочери платье, сшитое из тонкой кожиры лука. Но взамен ты должен свою дочь выдать за меня замуж.

Задумался тогда купец над его словами и ответил:

– Я согласен, добрый дервиш, но надо сказать об этом старшей дочери. Завтра утром мы встретимся под этим тутовником.

Молодой дервиш кивнул головой в знак согласия и тут же исчез.

Через час купец уже был дома. Он обнял дочерей и стал раздавать подарки: средней дочери протянул чудесное зеркало, младшей дочери отдал пушистую кошку. А старшей рассказал о своей неожиданной встрече с молодым дервишем и разговоре с ним.

Старшая дочь выслушала отца и сказала:

– Дорогой отец, платье, сшитое из тонкой кожиры лука, мне очень нужно. И если молодой дервиш выполнит свое обещание, то я согласна выйти за него замуж. Так ему и передай.

Проснулся утром купец очень рано, оделся в праздничные наряды и отправился на окраину города. Молодой дервиш уже ждал его под тенистым деревом. Купец поздоровался с ним и передал согласие своей старшей дочери. Затем они еще поговорили, назначили день свадьбы и разошлись.

На следующий день молодой дервиш взял с собой дорогие подарки, платье, сшитое из тонкой кожиры лука, и пришел в дом невесты. Все дни до свадьбы, соблюдая обычаи,

молодой дервиш делал невесте и ее сестрам разные подарки, а отцу невесты выплатил задаток калыма.

А уже утром, сразу после свадьбы, он посадил свою жену – старшую дочь купца на белого коня и повез в свой замок, что находился в лесу, на окраине падишахства. В замке было очень тихо, ни одной живой души, даже птицы не пели и букашки не трещали.

Девушка очень удивилась этому и спросила:

– А почему, дорогой дервиш, в замке так тихо и нет слуг?

Молодой дервиш усмехнулся и ответил:

– Я слуг терпеть не могу. Я привез тебя сюда, чтобы ты увидела, какое наследство мне досталось от моего отца.

И они стали ходить по замку, а дервиш показывал ей огромные своды и мраморные ступени дворца, роскошные террасы и большие фонтаны в своем саду.

На следующий день молодой дервиш показал ей тридцать девять великолепных комнат, заполненных коврами, шкурами животных, золотом, серебром и драгоценными камнями, а сороковая комната была заперта на ключ, и дервиш предупредил старшую дочь купца, что в эту комнату никто не должен заходить. И вот молодой дервиш провел девушку в гостиную, сел за стол и ласково сказал:

– Душа моя, замок мой ты посмотрела, теперь покажи, какая ты хозяйка. Вот на столе тарелка с шашлыком. Принеси из погреба кувшин с вином, дорогая.

– Сейчас, – сказала девушка и направилась в погреб.

Пусть она пока накрывает на стол, а я коротко расскажу вам о молодом дервише.

В том падишахстве, где он жил, никто не знал, что он злой волшебник и людоед. Многие годы молодой дервиш мечтал найти среди девушек падишахства хоть одну людоедку, но все это время его поиски были неудачными.

Принесла девушка из погреба кувшин с вином, поставила его на стол и приблизилась к тарелке, в которой был шашлык. Неприятный запах ударил ей в нос, и она поняла, что вышла замуж за дервиша-людоеда, но, подавив в себе отвращение, села за стол.

Молодой дервиш ел шашлык с большим аппетитом. А старшая дочь купца подносила маленькие кусочки ко рту и незаметно для дервиша опускала их за ворот платья. Но дервиш-людоед был хитер. Он то и дело подсматривал за женой и видел все, что она делала. А потом сказал:

– Встань, душа моя, и принеси из того шкафа, что стоит у окна, бутылку с уксусом.

Девушка встала и пошла к шкафу. Маленькие кусочки мяса проскользнули между телом и широким платьем и упали на пол. Увидев это, она растерялась.

«Нет, – усмехнувшись, подумал дервиш-людоед, – из такой жены людоедка не получится. Надо ее съесть!» Он тут же схватил девушку, связал ей руки и поволок в сороковую комнату. Там он приподнял жену вверх и подвесил за косы на толстый гвоздь.

А тем временем две другие дочери купца сидели в своей спальне и рассказывали друг другу разные небылицы. После короткого молчания средняя сестра сказала младшей:

– Уже три дня прошло после свадьбы и столько же дней, как старшая сестра покинула родной дом, а вестей от нее никаких нет. Схожу-ка я сестру проведаю.

Взяла средняя дочь купца свое чудесное зеркало и отправилась в замок дервиша. Пришла она в замок и видит: молодой дервиш сидит в гостиной один, а сестры не видно. Подошла она к хозяину замка и спрашивает:

– Дорогой дервиш, а где же моя сестра?

Посмотрел на нее дервиш-людоед с грустью и ответил:

– Эх, красавица, твоя старшая сестра с утра отправилась с подружками на прогулку и до сих пор не вернулась. А мне так хочется есть, что ждать уже нет силы. Принеси, милая, из того шкафа, что стоит у окна, тарелку с шашлыком и кувшин вина. Посидим вместе и поедим. Быть может, за это время и жена моя вернется.

Девушка аккуратно положила свое чудесное зеркальце на стол и направилась к шкафу, принесла тарелку с шашлыком и кувшин с вином. Вскоре дервиш-людоед с нею поступил так же, как и со старшей сестрой.

А тем временем младшая дочь купца подошла к отцу и сказала:

– Прошло уже много времени, как средняя сестра пошла в замок дервиша проводить старшую сестру и почему-то задержалась там. Пойду проведаю их. Ты только не беспокойся, я скоро вернусь.

– Хорошо, иди, доченька, – согласился купец.

Девушка спрятала под шалью свою пушистую кошку и отправилась в замок дервиша-людоеда. И вот вошла она в замок и видит: молодой дервиш сидит один в гостиной, а сестер не видеть. Подошла девушка к нему и спросила:

– Дорогой дервиш, а где же мои сестры?

Посмотрел дервиш-людоед с грустью на нее и ответил:

– Эх, красавица, твои сестры отправились на прогулку и до сих пор не вернулись. А мне так есть хочется, что нет силы их ждать. Принеси, милая, из того шкафа, что стоит у окна, тарелку с шашлыком и кувшин вина. Посидим вместе и поедим, а за это время, быть может, твои сестры уже вернутся.

Младшая дочь купца подошла к шкафу, взяла с полки тарелку -и быстро зажала нос, потому что почувствовала запах человеческого мяса. И тут поняла девушка, что сестры попали в руки дервиша-людоеда. «Нет, надо делать вид, что ем вместе с ним, и все выяснить», – решила она и, подавив отвращение, поставила тарелку с шашлыком и кувшин вина перед людоедом на стол.

Дервиш-людоед ел шашлык с большим аппетитом. А младшая дочь купца подносила маленькие кусочки ко рту и незаметно для людоеда бросала их на пол, где сидела ее пушистая кошка и сразу съедала брошенное ей мясо.

Каким бы хитрым не был дервиш-людоед, но на этот раз он ничего не приметил в поведении девушки. Но все же для проверки сказал ей:

– Встань, душа моя, и принеси из того же шкафа бутылку с уксусом.

Девушка встала, вышла из-за стола и направилась к шкафу. Людоед внимательно посмотрел ей вслед и, не увидев выпавших из-под платья кусочков мяса, чуть не подпрыгнул от радости. «Эта красавица мне подходит. Из нее получится настоящая людоедка, о которой я мечтал всю свою жизнь!» – решил он и ласково сказал:

– Уже темно, ты можешь лечь спать в той комнате, а утром, если твои сестры не вернутся, я пойду искать их.

Утром следующего дня молодой дервиш разбудил девушку и сказал:

– Сейчас я иду на охоту. Там в лесу буду искать твоих сестер. Они, наверно, ушли далеко от замка и заблудились. А ты пока без дела не сиди, по хозяйству приберись. Да, вот тебе ключи от комнат. Открой двери и проветри все тридцать девять комнат, а сороковую не открывай. Она заколдована. Знай: если ты откроешь дверь этой комнаты, тебя ударит молния и убьет на месте. И не вздумай уйти, я сквозь стены вижу, только лишь золото мне глаза слепит.

Взял он ружье, хурджун и, отправляясь в путь, подумал: «Эта красавица мне по душе. Из нее получится хорошая жена и людоедка. Я буду держать ее в замке, пока она не привыкнет. Без своих сестер она все равно никуда не уйдет».

Когда молодой дервиш ушел, девушка заплакала от мысли, что ее сестер в лесу съели волки. Но, посмотрев на зеркальце, которое средняя сестра оставила на столе, подумала: «Не такие уж глупые мои милые сестры, чтобы целые сутки прогуливаться по незнакомому лесу, и не оставила бы сестра подарок отца в чужом доме. Дервиш-людоед или убил их, или запрятал в той комнате, которая заколдована».

Подавив испуг, девушка медленно подошла к двери сороковой комнаты и, подобрав ключ, открыла ее. В комнате было очень темно, жуткий страх охватил ее, и она остолбенела от ужаса. Очнувшись, она взяла чудесное зеркало и вошла в комнату. Темнота немного рассеялась, и младшая сестра увидела своих сестер, подвешенных за косы на больших гвоздях. Она бережно опустила сестер на пол и освободила им руки от веревок. Когда девушки пришли в себя от пережитого, то решили наказать дервиша-людоеда.

Долго ли они думали, нам не ведомо, но придумали сестры хитрый план. Тут же, не откладывая, взяли в одной из комнат три больших хурджуна золота и отправились в лавку ювелира.

– Уважаемый мастер, – сказали девушки, войдя в лавку, – вот тебе три больших хурджуна золота. Сделай нам, пожалуйста, из этого золота сундук на четырех колесах с неприметным окошком и чтобы этот сундук закрывался изнутри. В этот сундук должны влезть три человека. За свой труд ты получишь еще один хурджун золота.

– Хорошо, красавицы, – согласился ювелир. – Завтра на рассвете сундук будет готов.

Рано утром сестры пришли в лавку ювелира, отдали ему хурджун золота, спрятались в четырехколесном сундуке и покатались домой к отцу рассказать, какое несчастье приключилось с ними. Но вскоре, проезжая через лес, младшая сестра увидела, что навстречу идет дервиш-людоед. Она быстро закрыла окошко и велела сестрам сидеть молча. Девушки прижались друг к другу и затаили дыхание.

Дервиш-людоед подошел к золотому сундуку, провел ладонью по его поверхности и, ничего не заподозрив, восхищенно воскликнул:

– Что за чудо! Отнесу я этот сундук в свой замок!

Но сколько он ни старался поднять или покатить золотой сундук с девушками, так и не сумел даже сдвинуть его с места. Плюнул людоед от досады, топнул ногой и отправился в замок, чтобы привязать сундук к своему белому коню и так дотащить богатство до дома.

Вернувшись в замок, дервиш удивился, что его никто не встречает, а когда он подошел к сороковой комнате, то увидел – дверь открыта и девушек там нет. Догадался тогда людоед, что сестры спрятались в том самом четырехколесном сундуке, который ему встретился на лесной тропе. Завыл он от злости и кинулся догонять беглянок.

А тем временем сестры, прячась от любопытных глаз, прикатились в золотом сундуке в дом своего отца, который от волнения и места себе не находил. Каково же было горе купца, когда он узнал, за кого выдал замуж старшую дочь свою. Расстроенный отец понимал, что спрятать дочерей в своем доме он не может: злой дервиш-волшебник обязательно будет их здесь искать и если обнаружит, то всем грозит смертельная опасность.

«Как спасти дочерей? – тревожно думал купец. – Как спрятаться от злого дервиша?»

– О, Худо! – воскликнул купец, а потом продолжил уже шепотом, в душе радуясь посетившей его хорошей мысли. – Дети мои! Там в дальнем падишахстве живет один всезнающий данандей, люди про него говорят, что он никого в беде не оставляет и нам обязательно поможет, – закончил отец.

Сестры, не задерживаясь, сели в золотой сундук и покатались дальше. Долго ли они ехали, сколько раз поднимались в горы и спускались с гор, нам не ведомо, но пока дервиш-людоед бегал по лесу в поисках золотого сундука, девушки к вечеру приехали в падишахство, про которое им рассказывал отец, и остановились у городских ворот. Стражники уже собрались было закрыть ворота, но младшая сестра выглянула из сундука и взмолилась:

– Добрые люди, не оставляйте нас за воротами падишахства! Скоро наступит ночь, и мы окажемся в руках разбойников.

Пожалели стражники девушек и впустили в город. Сестры доехали до берега реки и переночевали прямо в сундуке. Наутро горожане пришли к реке и, увидев на берегу диковинный золотой сундук, стали его рассматривать со всех сторон, некоторые пытались утащить драгоценность, но не смогли сундук даже с места сдвинуть.

И надо же было такому случиться, что в это время сын падишаха вышел из дворца и заметил у реки огромную толпу. Он подозвал своего нукера и приказал ему:

– Быстро сходи и узнай, что там случилось.

Прибежал слуга к реке и видит: стоит на берегу четырехколесный сундук, окруженный со всех сторон любопытствующей толпой, а из сундука доносятся голоса девушек. Примчался он к молодому сыну падишаха и подробно рассказал обо всем увиденном и услышанном.

А между тем старшая дочь купца в своем платье, сшитом из тонкой кожуры лука, вылезла из сундука и обратилась к горожанам:

– Добрые люди! Будьте великодушны! Мы были долго в пути, устали. Принесите, пожалуйста, кувшин для умывания, кусок мыла и гребешок, а сами расходитесь.

Тем временем молодой сын падишаха уже стоял со своей свитой у реки среди горожан. Подозвал он одного из них и сказал:

– Ты рыбак и живешь ближе всех. Сходи к себе домой и принеси то, что просит эта незнакомка в платье из тонкой кожуры лука.

А своим слугам велел, чтобы они незаметно разогнали толпу.

Рыбак побежал к себе домой, взял кувшин для умывания, кусок мыла, гребешок, принес все это на берег реки и отдал прекрасной незнакомке в платье из тонкой кожуры лука. Девушка, поблагодарив его, посмотрела, что все разошлись, и позвала своих сестер. Молодой сын падишаха, спрятавшись за скалой, наблюдал, как незнакомки помыли головы, причесались и снова спрятались в золотом сундуке. Старшая дочь купца в платье из тонкой кожуры лука понравилась сыну падишаха с первого взгляда. Он подошел к сундуку и спросил у девушек:

– Милые красавицы, почему вы, помыв головы, снова залезли в сундук? Выходите и не бойтесь, мы не обидим вас.

Сестры послушно вышли из золотого сундука и рассказали юноше, кто они, откуда приехали сюда и что с ними приключилось. Сын падишаха выслушал их внимательно, привел к отцу во дворец и робко сказал ему:

– Отец, с этими девушками приключилась страшная история, и я хочу, чтобы ты сам

попросил всезнающего данандея помочь им.

Послушался старый падишах своего сына и пригласил во дворец всезнающего данандея.

Снова рассказали девушки свою страшную историю, и никого во дворце падишаха она не оставила равнодушным. Особенно испугался за старшую дочь купца сын падишаха, потому что уже успел полюбить эту красивую девушку в платье из тонкой кожиры лука.

– Я слышал о дервише-людоеде, – сказал всезнающий данандей. – И знаю, что нужно делать: поселите девушек во дворце падишаха и поймайте в лесу дикого льва и огромного паука. Пусть они все время охраняют дворцовые ворота. А тебе, – обратился он к старшей сестре, – нужно подружиться с ними и научиться разговаривать на их языке.

Сын падишаха тут же выполнил все, что сказал всезнающий данандей. Отныне дворцовые ворота стали охранять дикий лев и огромный лесной паук.

А тем временем дервиш-людоед уже побывал в доме отца девушек. Но сестер там не обнаружил и ушел разгневанный, проклиная девушек, что обманули его. Протоптал злой дервиш множество тропинок и дорог, заглянул в дома и закоулки разных сел и аулов и, наконец, добрался до того самого города, где дочери купца вышли из золотого сундука и нашли защиту у падишаха. Войдя в город, он начал расспрашивать прохожих о золотом сундуке с четырьмя колесами и трех его обитательницах. Те, не ведая, что он людоед, подробно рассказали ему обо всем.

Обрадовался злой дервиш-волшебник, что нашел беглянок. Купив на базаре несколько кусков мяса и снотворное снадобье, дервиш-людоед подошел к дворцовым воротам, накормил льва и паука мясом со снотворным и, когда они уснули, направился прямо во дворец. Он знал, что сын падишаха отправился на охоту и вернется не скоро. Поэтому дервиш смело вошел в комнату старшей дочери купца, сбросил со спящей девушки легкое шелковое одеяло.

– Вставай, подлая, будешь впредь знать, как от мужа убегать! Я еще и до сестер твоих подлых доберусь! Если на помощь будешь звать, на месте убью! Идем! – скомандовал дервиш-людоед громовым голосом.

Девушка молча встала с постели, быстро оделась и последовала за людоедом. Возле мраморных ступеней тот схватил ее за руку и, подтолкнув вперед, приказал:

– Спускайся вниз первой!

Старшая дочь купца взмолилась:

– Милый дервиш, ты не думай, что я от тебя сбегу. О нет! Я только хочу сказать, что мраморная лестница очень крутая и я боюсь поскользнуться. Сделай милость, иди первым, и если я не удержусь, ты меня подхватишь.

Дервиш-людоед злобно заглянул ей в глаза и, захохотав, сказал:

– О нет, подлая, с твоей хитростью я уже знаком! Ты сбежала от меня один раз, но во

второй раз не сбежишь. Спускайся первой!

Девушка сделала вид, что очень испугалась, и начала спускаться по ступенькам первой. За ней неотступно следовал дервиш. И вот они во дворе. Лев и паук к этому времени уже проснулись, и людоед вытащил из своего хурджуна новые куски мяса, которые хотел посыпать снотворным, чтобы снова усыпить их, но старшая сестра, воспользовавшись моментом, встала между пауком и львом и крикнула:

– Дорогой паук, вяжи злодея! Милый лев, рви его на клочья!

Не успел дервиш-людоед поднять голову, как паук и лев бросились на него и разорвали на мелкие кусочки.

Вот так расправился всезнающий данандей со злым дервишем-людоедом.

А старый падишах подозвал сына и сказал:

– Дитя мое, я знаю, ты выбрал старшую дочь купца в платье из тонкой кожиры лука. Я рад твоему выбору!

В скором времени сыграли свадьбу. На средней сестре женился сын главного везира, а на младшей – сын векила. И все были счастливы.

Вот так и получилось, что платье старшей сестры, сшитое из тонкой кожиры лука, принесло всем сестрам счастье, любовь и богатство. С этой минуты все дочери купца и их мужья стали жить спокойно и радостно, не забывая и тех людей, которые разделили с ними радость их спасения. Особые почести достались всезнающему данандею, который придумал, как избавиться от дервиша-людоеда.

Спустя некоторое время все три сестры с молодыми мужьями приехали в дом своего отца и безмерно обрадовали его, ибо он думал, что они погибли. На радостях отец устроил пир и пригласил на него всех жителей своего города. Семь дней и семь ночей все пили, ели, веселились и рассказывали всякие небылицы. И были так счастливы, что никто даже не вспоминал о злом дервише-людоеде.

Амелум и Сурхесер

Жил некогда в одной восточной стране падишах. Он был жестоким и кровожадным правителем, сама внешность, да и его походка выдавали эти качества. Роста он был невысокого, зато голова его была огромной, не как у всех людей, и казалось: стукни по ней и она издаст звук пустой дубовой бочки. Лоб у этого правителя был маленьким и покатым, ну прямо как у обезьяны, а глаза были большими, выпуклыми и извергали из самых глубин такую силу, от которой у окружающих дрожали ноги и отнимался на время язык. А стоило этому правителю приказать, – а он только этим и занимался, – не знавший и не привыкший к его манерам человек навсегда становился заикой. Народ не любил своего правителя и прозвал его Хун-хур-падишах, что значит «кровопийца-правитель».

Множество невинных людей были казнены по его воле. Если падишаху что-то не нравилось, он в злобе сдвигал грозные брови и, уставившись на человека своим хищным

взглядом, властно приказывал палачам – безропотным исполнителям его прихоти:

– Казнить!.. Отсечь голову!.. Четвертовать!.. – других слов он не знал.

Но злодеяния правителя не ограничивались только его приказами! На беду была у этого жестокого падишаха дочь, которая характером своим была копией отца, и звали ее Дерд-Мурджан, что значит «мучительница до смерти». Свое имя она множество раз подтверждала своими поступками. Вместе со своим отцом-правителем они причинили много горя жителям всего падишахства.

Правда, что касалось красоты девушки, то здесь природа ее не обделила, а напротив, одарила с лихвой. Узкие, крашенные сурьмой брови, как два крыла, огибали ее большие круглые глаза, а аккуратный носик на маленьком круглом и румянном, как яблоко, лице делали ее еще прелестней, и эта общая привлекательность притягивала к ней всех, кто ее видел. Но, столкнувшись с ее жестоким и несносным характером, все тут же старались отдалиться от нее, как от источника бед и горестей. Она, как и отец ее, имела привычку, выйдя на хейвун дворца, что выходит на площадь, подражая тону Хун-хур-падишаха, приказывать слугам и служанкам: «Принеси!.. Подай!.. Сделай!..» – и всегда грозила в случае неповиновения отсечь голову. Отцу по душе было такое поведение, и он, любя так похожую на себя характером красавицу дочь, щедро одаривал ее драгоценностями, ублажал и всегда выполнял любую ее прихоть.

И вот в один из дней, когда дочери Хун-хур-падишаха исполнилось семнадцать лет, жестокий правитель пригласил в тронный зал своих везиров – советника правой руки и советника левой руки – и задал им вопрос: кому он может отдать замуж свою красавицу дочь?

– За сына знатного и богатого правителя любой другой страны, – сказал советник правой руки.

– За сына мудреца, – ответил советник левой руки.

Но решила спор сама Дерд-Мурджан.

– Почтеннейший отец, прикажи объявить всему народу, что дочь такого, как ты, высокочтимого правителя выйдет замуж только за того из юношей, кто сможет спрятаться от нее так, чтобы она не смогла его найти.

– Что ты задумала, дочь моя? – спросил отец, весь горя огнем любопытства и предвосхищая ответ, который приготовила ему любимая дочь. А она, вздернув свои узкие брови, отчего и без того большие глаза ее стали еще больше, кокетливо ответила:

– А задумала я вот что... Жениться на мне пожелают многие юноши... Как-никак я дочь такого богатого правителя, как ты, да и в нашей стране красивее меня нет девушек... Вот потому-то я предложу всем, кто пожелает стать моим женихом, прятаться три раза, где им угодно и как угодно, а сама с помощью волшебного свойства воды нашего бассейна отыщу их, а отыскав, велю палачам отсекал их безумные головы и накалывать на столбы, что напротив нашего дворца... Такова моя задумка, отец.

Обрадовался жестокий и кровожадный Хун-хур-падишах выдумке своей любимой

дочери и воскликнул:

– Умница!.. Забавное будет зрелище... Очень забавное!

Тут же Хун-хур-падишах послал во все концы своего падишахства глашатаев, чтобы те донесли до народа волю его красавицы дочери и чтобы все желающие приезжали свататься на предлагаемых условиях.

Вскоре ко дворцу правителя стали съезжаться юноши из аулов и городов. Каждого влекло желание испытать свое счастье; оно и понятно: не так уж и плохо жениться на дочери такого богатого падишаха, да к тому же красавице.

Но рассказывают про некоторых: «На вид красива, а в душе змея». И понятное дело: кто свою судьбу свяжет со змеей, от змеи и погибнет. Так случилось и с добрыми юношами, пожелавшими связать свою жизнь со злой и кровожадной Дерд-Мурджан.

Прибывшие подходили под расписной хейвун дочери Хун-хур-падишаха и с нетерпением ждали, когда же, наконец, покажется красавица невеста и прикажет им прятаться. А Дерд-Мурджан взяла за привычку томить прибывших долгим ожиданием: ведь она была уверена, что молва о необыкновенной красоте ее и богатстве отца не позволит таким отважным джигитам смалодушничать, отступить. И это было так: будущие женихи целыми днями и ночами могли стоять под ее хейвуном и тешить себя надеждой на непременно удачу. А когда Дерд-Мурджан и вправду появлялась на балконе, откидывала с лица вуаль, открывая свое красивое лицо, и притворно улыбалась, неискушенные юноши тут же теряли рассудок и не могли сказать ни слова. Они готовы были исполнить любую волю такой красавицы, как Дерд-Мурджан. А дочь падишаха, в свою очередь, бывало, важно поклонившись женихам, говорила:

– Эй вы, прежде чем прятаться, сначала посмотрите вон на те столбы, на которых будут торчать ваши безумные головы... Я вас, где бы вы ни прятались, с помощью волшебной воды нашего бассейна найду и велю отрубить вам головы.

– Красавица, а если не найдешь – и вправду станешь достойной женой победителя? – спрашивал кое-кто из юношей.

В таких случаях Дерд-Мурджан лукаво и кокетливо улыбалась, обнажая свои мелкие белые зубки, и властно, чуть повышая голос, как это делал отец, отвечала:

– Я дочь достойнейших родителей, и мне не пристало врать. -С этими словами она исчезала со своего хейвуна, а дворцовые художники рисовали лица прибывших смельчаков, записывали их имена, затем все это передавали своей госпоже, а потом уже слуги приказывали юношам прятаться, кто где хочет.

Какие только укрытия не находили себе изобретательные женихи! Кто в подвалах прятался, кто в глубокие колодцы спускался, кто на дне горных пещер таился, кто в расщелины скал забирался... Словом, не было такого места на земле, где бы они не прятались. А жестокая Дерд-Мурджан тем временем приказывала своим служанкам принести ей в медной чаше из волшебного бассейна, который охраняли сорок вооруженных стражников, волшебную воду. И когда одна из служанок, сбегав к бассейну, приносила в покои своей

госпожи воду, то ставила чашу на тахту, а сама быстро удалялась. Дерд-Мурджан усаживалась поудобнее и, сдвинув брови, со всем присущим ей упорством и злостью начинала пристально искать в отражении на воде место, где мог спрятаться тот или иной смельчак. Бывало, посмотрит она на юг, посмотрит на север, посмотрит на восток, посмотрит на запад; заглянет во все подвалы и колодцы, дома и сакли, замки и крепости; в небесные и подводные владения; везде и всюду посмотрит, везде заглянет и, наконец, найдет того, кого искала, и, найдя, злорадно рассмеется и торжествующе крикнет, называя имя несчастного и то место, где он скрывается:

– Эй ты, глупый из глупых, дурак из дураков, вижу, где ты спрятался!.. Выходи!.. Прячься снова, да получше.

И так три раза через три дня и три ночи прятался каждый юноша, но жестокая Дерд-Мурджан снова и снова находила их, а найдя, приказывала палачам:

– Голову на столб, тело – собакам!

И палачи исправно несли свою службу, делая все так, как приказывала дочь их правителя.

С каждым днем все больше и больше появлялось на столбах голов несчастных юношей. И вскоре слух о жестокостях дочери Хунхур-падишаха разнесся по всей стране. И узнав правду о злодеяниях правителя и его дочери, люди возмущались и обрушивали проклятия на головы злодеев. Как-то докатился слух о жестоких проделках Хун-хур-падишаха и его красавицы дочери и до одного небольшого горного аула, где жила бедная вдова. И был у этой вдовы сын-охотник, и звали его Амелум. Он был уважаемый всеми охотник. Никогда он без добычи не возвращался с охоты и всегда помогал тем, кто оказался в беде.

И вот, услышав о злодеяниях дочери Хун-хур-падишаха, Амелум сказал своей матери:

– Совесть моя и мужская честь не позволяют мне сидеть дома... Я должен отправиться в тот город и, победив в глупой игре Дерд-Мурджан, покончить с ее жестоким самодурством.

Долго отговаривала мать сына не ехать туда, выбросить эту затею из головы.

– Много смельчаков, – говорила она, – лишилось головы от рук палачей. Ни за что ни про что и ты, сын, свою голову сложишь. Пусть остынет твой пыл и гнев, не езжай туда.

Но уговоры и слезы матери были напрасны. Тогда она сняла со стены саблю и передала сыну.

– Это все, что осталось от твоего покойного отца. И по праву эта сабля принадлежит тебе, – сказала мать и добавила: – Да помогут тебе молитвы отца, и Бог пусть будет помощником тебе!

Сел Амелум на своего доброго скакуна, пристегнул к поясу саблю отца и отправился в путь.

Много дней и ночей скакал Амелум, и очутился он у самого моря, на берегу которого

стоял могучий лес. Погнал он коня своего по раскаленному прибрежному песку: справа – море спокойно раскинулось, ни шума в нем, ни волн; слева – лес зовет своей прохладой. Повернул Амелум коня налево, и конь поскакал по лесной тропинке. Скачет он час, другой, третий, и вдруг конь встал на дыбы и как заржет, да так сильно, что с деревьев листья посыпались. Бьет Амелум коня своего кнутом, криком кричит: «Но-о!.. Гей!..» – а конь все ржет, на дыбы поднимается, а с места не двигается.

«Что-то здесь недоброе», – подумал Амелум и, спешившись, привязав коня к дереву, направился по тропинке в глубь леса. Не успел он сделать и ста шагов, как вдруг увидел на лужайке небольшую хижину. Приблизился он к хижине и, открыв дверь, вошел внутрь, а там темным-темно, так темно, что, сделав шаг, не решишься сделать второй.

– Кто здесь есть? – громко крикнул Амелум.

Не успел он крикнуть, как в хижине раздались страшные голоса: «Не сметь!.. Не сметь!.. Не сметь!..» А по всей хижине замигали во множестве какие-то странные огоньки.

Амелум вновь, но уже тише, крикнул:

– Кто здесь?.. Выходи!.. Я с миром пришел!

В ответ он услышал со всех сторон страшный, душераздирающий смех: «Ха-а-ха-а-ха-а-аха-ах!» Амелум почувствовал, как кто-то невидимый сильно дышит ему прямо в лицо, стараясь задуть ему глаза. У Амелума от страха сжалось сердце, ноги стали подкашиваться, голова пошла кругом. Ему уже почудилось, что вот-вот он свалится и не встанет. Но тут он вспомнил о своей сабле, вмиг обнажил ее, и мрак рассеялся, крики смолкли.

Он осмотрелся и увидел лежащий на самодельном дубовом столе гроб без крышки. Амелум подошел ближе и видит: лежит девушка ослепительной красоты. Ему показалось, что она спит, но когда он наклонился над ней, то понял, что красавица мертва. Но, несмотря на бездыханность девушки, он не смог сдержать в себе пробудившееся в нем чувство и поцеловал ее прямо в губы. И вот тут-то свершилось чудо: девушка открыла глаза, привстала и, мотая головой, как бы освобождая себя от глубокого сна, быстро вылезла из гроба. Золотые длинные волосы ее разметались по плечам, и в хижине стало так светло, будто само солнце пожаловало во всей своей мощи и щедрости. Но вскоре этот яркий свет стал ослепительно-нестерпимым, и случилось это оттого, что воскресшая красавица стала, как безумная, бегать по хижине и громко кричать:

– Надо бежать!.. Эней идет!.. Надо бежать!.. Эней идет!..

Поначалу Амелум испугался, видя все это, но потом, догадавшись, что девушка чем-то напугана, преградил ей дорогу и сказал:

– Не бойся, красавица. Я не дам никому тебя в обиду.

Девушка посмотрела на юношу, окинула его испуганным взглядом и тихонько спросила:

– Кто ты такой и как сюда попал?

Амелум, поклонившись, сказал:

– Я – Амелум, сын бедной вдовы. А иду я в Хун-хур-падишахство. Хочу испытать свое счастье, жениться на дочери падишаха. Сюда я попал случайно. Вижу – хижина. Вошел, а здесь тьма кромешная, какие-то страшные чудовищные крики раздаются, да повсюду огоньки мигают. А как только обнажил свой меч, мрак рассеялся, и я увидел гроб, а в нем ты лежишь. Я поцеловал тебя в губы, и ты тут же вскочила и стала бегать и кричать: «Надо бежать!.. Эней идет!..» Ну а ты кто такая? – спросил юноша.

Девушка некоторое время молчала, как бы осмысливая, что и как, а затем, улыбнувшись, сказала:

– Благодарю тебя, мой спаситель, за то чудо, что ты совершил, спас меня от чар колдуньи.

Затем она попросила юношу сесть, села сама и продолжила:

– Зовут меня Сурхесер... Вижу, добрый юноша, тебе хочется знать, кто я и как попала в этот огромный лес... Это лучше всего расскажут тебе мои друзья. Я их сейчас позову.

Девушка вырвала со своей головы волосок, дунула на него. Волосок поднялся к потолку и тут же исчез. Вскоре в хижину прибежали лесные звери, прилетели птицы, приползли змеи, даже жуки и муравьи пожаловали, и очень были удивлены, увидя девушку живой.

– Друзья мои, все ли собрались? – Сурхесер окинула всех взглядом и добавила: – Опять кита Сердара нет. Видимо, он с морем расстаться не может... Мои друзья, – продолжала она, – позвала я вас сюда, чтобы познакомить с моим спасителем. Это он, добрый юноша, поцеловал меня, бездыханную, и вернул мне жизнь... Но ему очень хочется знать, кто я и как попала в этот лес... И я вас, друзья мои, попрошу рассказать моему спасителю все, что знаете обо мне... Лохматый пес Кеск, начни ты... Ведь ты жил когда-то во дворце падишаха солнечной страны.

Лохматый пес Кеск пролаял трижды, призывая всех собравшихся ко вниманию, и начал свой рассказ:

– О, юноша, спаситель нашей прекрасной лесной царицы, то, о чем мы расскажем тебе, – это удивительная история. Итак, слушай!..

Первый рассказ лохматого пса Кеска

Жил я, лохматый пес Кеск, когда-то при дворце Бинесуб-падишаха. А падишахство его находилось в далеком солнечном краю. На весь мир славились чайные сады этого падишаха. Не было такой страны, откуда бы не приезжали в страну Бинесуб-падишаха, чтобы купить чай или обменять на него дорогие шелка, хрусталь, фарфор или множество других товаров.

Кто бы ни посещал падишахский дворец, каждый считал за честь погладить меня, угостить каким-нибудь лакомством. А сам падишах никогда не расставался со мной. Какие бы

события ни происходили во дворце, обо всем я, лохматый пес Кеск, знал. Бывало, приедут купцы за товаром, а Бинесуб-падишах сядет на свой золотой трон, посадит меня к себе на колени, гладит и деловые разговоры ведет с заезжими купцами или какими другими гостями... Что и говорить, он очень любил меня. Детей ведь у него не было, и он забавлялся со мной.

Была у Бинесуб-падишаха жена, которую он безмерно любил. Звали ее Аер. Она несколько не любила своего мужа, а только делала вид. Хитрая плутовка обманывала доброго падишаха. У нее чувство не в сердце покоилось, а на кончике языка. А язык – всем известно – в теплом месте находится. Иногда она подсыпала мужу в чай или в вино снотворный порошок и усыпляла его. А когда он, уставший от государственных дел, засыпал, она, путаясь ногами в подоле своего черного халата, прибегала в дом европейца по имени Мавр, что служил у Бинесуб-падишаха старшим охранником, и, сбросив с себя халат, оставалась у него до самого рассвета. А утром возвращалась в свои покои, давала мужу понюхать какую-то жидкость, он просыпался и со словами: «Моя любовь, моя умница!» – обнимал ее, гладил волосы.

Знали о бесстыжих делах Аер во дворце, но сказать, опечалить своего доброго правителя никто не решался.

Часто в часы отдыха мудрые советники рассказывали Бинесуб-падишаху сказки о коварстве женщин. Но, сильно любивший жену свою, он не мог понять намеков. А хитрая жена в таких случаях приносила в покои мужа на золотом подносе чай или вино и говорила:

– О, мой любимый, ты так устал от важных дел, на тебе лица нет... Выпей, утоли жажду и ложись отдыхать.

– Благодарю, моя любовь! – говорил падишах, целуя ее руки. А спустя какое-то мгновение он и вправду чувствовал, что устал и что ему хочется спать.

– Слуги! – кричал он в такие минуты, хлопая в ладоши. – Спать!.. Спать!.. – Слуги укладывали его на тахту, раздевали, и он тут же погружался в сон.

Шли годы... В падишахстве произошло большое событие: Бинесуб-падишах ждал от своей жены ребенка. Он был так счастлив, что все вокруг было озарено его радостью; вот только Аер стала раздражительной и без причины кричала на слуг, но искусно скрывала свое настроение в присутствии мужа.

Однажды я, лохматый пес Кеск, увидел такую картину. Аер вдруг почувствовала слабость и слегла в постель, а через некоторое время приказала слугам позвать к ней момой. Когда же та пришла, она сказала:

– Сделай так, чтобы все было хорошо, а не то велю отрубить тебе руку.

Поняла момой, в чем тут дело, и, налив в глиняную чашку воды, стала гасить в ней горящие лучинки и, воздев руки к небу, приговаривать:

– Во имя души огня и чистой воды, да будет исход благополучным!.. Аминь!.. Во имя души огня и чистой воды, да будет исход благополучным!.. Аминь!.. Единый Боже! Дай ей радость разрешиться...

И через несколько минут в комнате раздался детский крик. В семье Бинесуб-падишаха родилась дочь. Задумалась Аер – ведь заботы о дочери не входили в ее коварные планы, и приказала она слугам позвать к ней европейца Мавра. Когда он пришел, она спросила:

– Что будем делать с ребенком? Если оставим, то Бинесуб-падишах все свое богатство и любовь дочери передаст, а нам с тобой ничего не достанется.

Европеец с ухмылкой ответил:

– Нужно подкупить момой, чтобы она падишаху горестную весть принесла – будто ребенок мертвый родился, а девочку в лес отнести и бросить. Тогда падишах тебя еще сильнее любить и жалеть будет, пока ты ему еще ребенка не родишь!

Недолго думая, бездушная Аер спрятала голого младенца под свой халат и пошла в лес. Побежал и я, лохматый пес Кеск, за ней. Бросила она девочку, а сама бегом, без оглядки заспешила во дворец.

Лежит младенец в кустах, плачет на весь лес, кулачками и пятками в небо стучит, словно у Бога защиты просит. А острые колючки до крови царапают нежное, беззащитное тельце. Вижу я, лохматый пес Кеск, как дитя мается и плачет, и тоже плачу.

«Нет, нельзя крошку оставлять в этом огромном лесу, – подумал я, лохматый пес Кеск, – нужно вытащить ее и во дворец отнести». Кое-как влез я, лохматый пес Кеск, в середину колючего кустарника и попробовал как-нибудь схватить младенца и вытащить. Схвачу зубами за руку – больно ей, она еще сильнее кричит. Схвачу за ногу – опять кричит. Тогда я, лохматый пес Кеск, схватил ее за горло, думаю – не станет тогда кричать. И вправду перестала она кричать, но изо рта пена пошла. Испугался я, как бы не задушить, и отпустил. Тогда я, лохматый пес Кеск, от отчаяния завыл, да так громко, что, наверное, Всевышний мою мольбу о помощи услышал и подсказал, что делать нужно: кое-как протиснулся я, лохматый пес Кеск, через кустарник, да спину под девочку подставил. Сжала она свои маленькие кулачки и за шерсть мою уцепилась; так, на спине, я ее и понес, боясь оступиться. Бегу, из ее ссадин кровь капает, а с меня пот ручьем течет. Долгой была дорога. Я, лохматый пес Кеск, в густом лесу даже заблудился, но как бы то ни было, добрел до родного дворца. Иду и думаю: «Прямо к своему хозяину в покои понесу и у ног брошу... Пусть знает, какую жену он любит».

Но когда я, лохматый пес Кеск, пролез через щель в дворцовых воротах и стал осторожно бежать с младенцем по дворцу, увидела меня жестокая Аер, отняла младенца и отнесла крошку в дом любовника. В это время я, лохматый пес Кеск, тайком подкрался к двери и слышу, как Аер говорит европейцу:

– Вот гадкий Кеск!.. Так он нас мог и разоблачить.

А любовник отвечает:

– Нужно девочку опять отнести и бросить в лесу. А с Кеском я сам разделаюсь...

И в тот же день жестокая Аер спрятала младенца под халат и опять отнесла в лес. А меня, бедного пса, схватили и бросили в холодный и темный колодец в саду.

Семь дней и ночей от холода дрожал я и голодом томился в этом колодце. На восьмой день случилось так, что садовнику понадобилась вода. Опустил он бадью в колодец, и едва бадья достигла уровня воды, я, лохматый пес Кеск, напряг весь остаток своих сил и тут же прыгнул в бадью. А когда садовник вытащил бадью наверх, я выпрыгнул на землю, стряхнул с себя воду, семь раз перевернулся через спину и во весь дух пустился бежать к лесу, вынюхивая след, который и привел меня в логово одной волчицы. Почуяла она, что я не просто здесь появился, а затем, чтобы младенца забрать. Выбралась из логова и со всей волчьей яростью бросилась на меня. Крепко, ой, как крепко мы тогда сцепились с ней, так крепко, что шерсть клочьями и с кровью от нас отлетала. Да-а, до тех пор дрались мы, пока, наконец, оба уставшие, не свалились на землю и не начали вести мирные переговоры. Я поведал волчице – а это была всеми уважаемая волчица Рухс, как бедная крошка попала в этот лес. Мы поняли друг друга, и я, лохматый пес Кеск, попросил волчицу Рухс разрешить мне жить у нее.

«Не хочу во дворец возвращаться. Злой и жестокий европеец все равно убьет меня», – помню, сказал я ей тогда. И она не возразила... Так вот я, лохматый пес Кеск, и расстался с богатым падишахским дворцом и любящим меня хозяином... А что было после того, как жестокая Аер вторично принесла младенца в лес и бросила здесь девочку совсем одну, пусть расскажет спасителю нашей лесной царицы волчица Рухс, – закончил свой рассказ лохматый пес Кеск.

Когда Кеск перестал говорить, все звери, птицы и змеи задвигались, разминая успевшие устать от неподвижного состояния мышцы. Размялся и Кеск.

– Ну что же, волчица Рухс, начинай свой рассказ, мы ждем, -вздыхнув глубоко, сказал лохматый пес Кеск.

Волчица Рухс посмотрела своими зелеными глазами на лесную царицу Сурхесер, прося у нее разрешения начать свой рассказ. Красавица Сурхесер откинула с плеч свои золотые волосы, отчего по всей хижине во множестве побежали солнечные блики, и сказала:

– Начинай!

И волчица Рухс, сев поудобнее, начала.

Рассказ волчицы Рухс

Как-то раз, когда я кормила двух своих волчат, донесся до меня плач ребенка. С неба лил дождь, да такой сильный, что представить себе нельзя. Заволокла я волчат в глубь логова, чтобы, чего доброго, под дождем не продрогли, и понеслась туда, откуда доносился тревожный плач ребенка. Бегу, а сама думаю: «Волчата мои голодные, принесу им ребеночка, пускай полакомятся».

Когда я взобралась на косогор, то увидела, как стая лютых и голодных волков обступила лежащего в середине колючих кустов ребенка. Так сильно он плакал, что своим плачем заглушал шум дождя, да и душу теребил тому, кто слышал этот жуткий плач. А между тем множество зеленых глаз волчьей стаи смотрели на свою жертву с готовностью схватить и разорвать младенца на клочки. Но никто не мог решиться, ибо все знали, что любой, кто бросится первым и оцарапает себя до крови, сам невольно станет жертвой для других членов

стаи. И потому они зло лязгали клыками, выли, скалили друг на друга зубы, показывая тем самым свою силу, а значит и право стать обладателем жертвы. Ведь у волков свои волчьи законы: кто сильнее – тот и властвует.

Видя такое дело, я не стала долго раздумывать. Ой, как хотелось мне угостить волчат своих молодым мясом и свежей человеческой кровью. Выскочила я из-за косогора, прыгнула в колючий кустарник, где лежал неведомо чей ребенок, и, схватив младенца зубами за плечо, пустилась большими прыжками бежать вниз по оврагу, в сторону моего логова. Бегу, а стая разъяренных волков огромными прыжками за мной несется. Вскоре они настигли меня и стали хватать со всех сторон. Кто за ногу укусит, кто за бока, только клочьями шерсть с меня летит. Ни о чем другом я тогда не думала, кроме как накормить человеческим мясом своих голодных волчат, и потому ни на что не обращала внимания, не чувствуя даже боли от волчьих укусов. Так быстро, как в тот раз, я еще никогда не бегала, и вскоре вбежала в свое логово, бросила подальше свою добычу и встала мордой в сторону входа. Стою и с каждым, кто хочет пролезть в мое убежище, в драку вступаю. Одного лапой ударю, на другого зло зарычу, с третьим сцеплюсь, только клочья шерсти летят да кровь течет, но пролезть в мое логово никому не даю. Долго и яростно я тогда защищалась. Ведь не могла же я свою добычу так просто отдать.

А меж тем этот самый младенец, который должен был быть съеденным, со всей доверчивостью прижался к моему животу и замолк. Я с волками дерусь, а малютка мои сосцы сосет, чмокает, да еще и что-то свое бормочет.

Когда волки ушли ни с чем, я хотела разорвать на клочки свою жертву, чтобы мои волчата могли человечины попробовать, но так и не смогла. Она доверчиво, всем своим крохотным существом прижималась ко мне, словно к своей родной матери, а я, видя это, не решилась лишить ее жизни. И так вот стало это маленькое человеческое беспомощное существо жить с нами. Стала я кормить девочку своим молоком, всякими кореньями и ягодами, а волчатам своим наказала, чтобы любили ее, как родную сестру, не обижали.

Но через несколько дней, когда я на охоте вдруг услышала собачий лай и жуткий запах псины, мне подумалось, что это люди с собаками пришли в лес на поиски моего приемыша. Я тут же пустилась со всех ног к своему логову. Прибежала и жду. Гляжу, несется какой-то лохматый пес, а это был не кто иной, как известный теперь нам всем Кеск. Я как увидела его, тут же, не раздумывая, выбежала навстречу и первой бросилась на незваного гостя... Да-а, сильно мы тогда схватились. Насмерть стояли. Помню, как я со всей присущей мне яростью бросилась на Кеска, хотела вцепиться клыками в морду, да так, чтобы сразу сразить, но не тут-то было. Кеск ловко увернулся в сторону и, прежде чем я успела броситься на него снова, кинулся на меня, в прыжке схватил меня за загривок и сильно ударил о землю. Но я тоже схватила его за плечо, и мы оба покатались с пригорка.

Долго мы тогда дрались, изорвали друг друга, но, наконец, оба уставшие и израненные, свалились на землю и стали мирно переговариваться.

– Волчица Рухс, отдай мне ребеночка, – говорит мне мой противник. – Я знаю, ты хочешь съесть эту крошку.

Я отвечаю:

– Не отдам... Я ее буду растить и никому в обиду не дам, и даже тебе, лохматый пес.

Тогда лохматый пес Кеск рассмеялся и говорит:

– А знаешь ли ты, волчица Рухс, чья это девочка и как она попала в этот лес?

– Нет, – ответила я и попросила рассказать.

И лохматый пес Кеск рассказал мне все, как было, а в конце сказал:

– Можно, я останусь жить с вами?.. Не хочу во дворец возвращаться. Злой и жестокий Мавр все равно убьет меня.

И я сказала:

– Оставайся!

И лохматый пес Кеск остался жить с нами, и жили мы как одна семья. Шли дни за днями, месяцы за месяцами... На нашем совместном совете решили назвать девочку Сурхесер, что значит -Златокудрая.

Волчата мои полюбили человеческое дитя. Ничего без нее не ели, никуда не ходили. Бывало, взберется Сурхесер на спину одному из моих волчат, а они и рады тому, что красавица леса с ними играет, катают ее по очереди по всему лесу, словно напоказ, только золотые волосы царицы по ветру развеваются. Поет наша царица веселые песни и всех зверей, птиц, змей... – одним словом, всех обитателей этого леса возле себя собирает, каждого погладит, приласкает, добрым словом приветит.

Так вот и жили мы много лет подряд.

Но однажды случилась беда. Через наш лес проходил ослиный караван с купцами. Ехали они за товаром в далекий солнечный край, где правителем был Бинесуб-падишах. Увидели они нашу лесную златокудрую царицу, да еще верхом на волчонке сидящую, и сговорились между собой: во что бы то ни стало забрать ее с собой. Один из купцов стрельнул из лука в волчонка моего, который в это время катал по лесу Сурхесер, и убил его. А нашу златокудрую царицу леса поймали, связали веревками и стали расспрашивать: кто она, чья и как попала в этот огромный лес?

И наша златокудрая царица, конечно же, рассказала все как есть.

«Значит, ты и есть законнорожденная дочь Бинесуб-падишаха из далекой солнечной страны?» – спросили купцы. Наша лесная царица сказала, что да. Тогда купцы решили скорее доставить ее в падишахство Бинесуба и обо всем рассказать ему.

И я, старая волчица Рухс, и лохматый пес Кеск в это время были далеко от этих мест и ничего не знали о случившемся. Но когда к нам прилетела добрая куропатка Кокул и рассказала о случившейся беде, то и я, и лохматый пес Кеск тут же пустились вдогонку. Вместе с нами помчались догонять караван все волки нашего леса. Догнали мы этот самый караван и тут же напали на них и почти всех растерзали. Только тем, кто был на быстроногих

арабских скакунах, удалось спастись. Всем остальным -и ослам, и людям – мы перегрызли глотки. Как бы то ни было, нашу златокудрую царицу леса мы спасли. Но она была от испуга без чувств. Тогда я, старая волчица Рухс, велела лохматому псу Кеску пойти вдогонку тем, кто смог удрать, а сама позвала змей и попросила их отнести нашу царицу на дно одного ущелья, где росло множество лечебных трав и цветов.

Семь змей на своих головах понесли бедную нашу царицу вниз, к ущелью. Несут они, а золотые кудри нашей красавицы по траве стелются, все вокруг освещают.

Семь дней и ночей пробыла наша Сурхесер среди благоухающих трав и цветов и, наконец, пришла в чувство. А когда подняли ее наверх, то медведь Ай-Аюв раздобыл кубок меда, смешал его с молоком серны Джан-Джейраны и дал выпить нашей царице леса. От этого лекарственного напитка она тут же поправилась.

Вот так мы, лесные ее друзья, спасли нашу красавицу Сурхесер... Но если бы только все этим кончилось, это было бы полбеды. Но полную беду принесла на голову нашей лесной царицы ее жестокая мать в сговоре со злой и хитрой колдуньей Эней... Как все это было, пусть расскажет спасителю нашей лесной царицы наш лохматый пес Кеск. Он там был, все слышал, все видел и одержал победу.

Лохматого пса Кеска уговаривать не пришлось. Повилял он своим хвостом, ушами поводил, сел поудобнее и начал рассказ.

Второй рассказ лохматого пса Кеска

И вот пустился я, лохматый пес Кеск, по следу тех купцов, которым удалось удрать на своих быстроногих арабских скакунах. Долго ли гнался за ними или нет, не помню, но знаю, что догнал их у самых дворцовых ворот Бинесуба в то время, когда они стучались. Спрятался я, лохматый пес Кеск, в цветнике, что у самых ворот, и думаю: как же мне незаметно проникнуть во дворец и прямо к самому Бинесуб-падишаху пройти. Чего доброго, увидят меня злодейка Аер и жестокий европеец Мавр, тут же убьют.

Много всякого передумал я, лохматый пес Кеск, в те долгие минуты, когда таился в цветнике, но ничего дельного так и не смог придумать. И тут вдруг перед купцами открылись дворцовые ворота, охраняемые вооруженной стражей. Купцы стали проходить во дворец, держа под уздцы коней. В это самое время я, лохматый пес Кеск, бесшумно спрятался за длинный халат одного купца и тоже прошел во дворец. Вскоре они поднялись по каменным ступеням в приемные покои самого Бинесуба. Проник туда же и я, лохматый пес Кеск.

«Да пусть продлятся дни твои, почтенный и радушный Бинесуб-падишах, – начали купцы, отбив поклоны. – На этот раз наш караван в одном лесу постигла беда... Всех, кроме нас пятерых, что стоят перед твоими очами, растерзала стая разъяренных волков. И все из-за одной златокудрой красавицы».

«Как это случилось?» – с любопытством спросил мой бывший хозяин.

И купцы начали рассказывать: «Когда мы, двенадцать купцов и тридцать погонщиков каравана, навьюченного шелками, проезжали лес, что лежит на пути к тебе, почтенный Бинесуб-падишах, то в этом лесу встретили девушку необыкновенной красоты. Лицо ее

излучало свет подобно восходящему солнцу, а золотые кудри и вовсе слепили глаза глядящего на нее; стан же ее был гибок, словно виноградная лоза; глаза ясны, будто летнее небо; походка легка и стремительна, как дуновение ветра, а голос звучал как волшебная музыка флейты. Живет красавица в лесу и катается верхом на волке...»

Да, обо всем как есть рассказали купцы Бинесуб-падишаху. А когда кончили свой рассказ, Бинесуб-падишах спросил: «Значит, вы, дорогие гости, говорите, что эта красавица, как она сама вам сказала, законнорожденная дочь моя, а жена втайне от меня занимается прелюбодеянием с моим старшим стражником?»

Купцы низко склонились и в один голос ответили: «Да, почтенный Бинесуб-падишах, так рассказала нам эта златокудрая красавица, из-за которой наш караван, наши друзья и слуги погибли».

Бинесуб-падишах, глубоко вздохнув, снова спросил: «Значит, вы, дорогие гости мои, говорите, что эта красавица рассказала вам о том, что моя жена отнесла нашего младенца в лес и бросила там и что эту девочку подобрали лесные звери и вырастили?»

Купцы вновь поклонились и в один голос ответили: «Да-да, почтенный, Бог свидетель, мы говорим правду».

Бинесуб-падишах в гневе хлопнул в ладоши, требуя своих слуг. Вскоре в тронный зал вошли везири – советник правой руки и советник левой руки; тут же были и писари. Вошедшие низко поклонились своему правителю и сказали: «Что прикажешь, почтенный Бинесуб-падишах?»

Бинесуб-падишах кратко и с печалью поведал своим советникам о том, что рассказали ему купцы, и спросил: «Скажите мне, может ли быть так, что жена моя, которую я люблю, могла тайно обманывать меня с моим старшим стражником Мавром, а дочь, рожденную от меня, бросить в лесу на погибель?!»

Советники в один голос ответили: «Да, наш почтеннейший и уважаемый правитель, это, к сожалению, правда».

И тут у Бинесуб-падишаха дрогнули скулы, смуглое лицо его вмиг посерело, как зола, а крепкие широкие плечи опустились. Бинесуб-падишах, не глядя на присутствующих, дрогнувшим голосом сказал: «Отрубите немедленно европейцу голову и принесите к моим ногам... И жене... тоже», – добавил он и тяжело вздохнул.

Советники хлопнули в ладоши, призывая палачей, и крикнули: «По приказу нашего правителя и воле Всевышнего старшему стражнику Мавру за связь с женой нашего правителя и неверной Аер отрубить головы и бросить к ногам Бинесуб-падишаха».

Вскоре у ног убитого горем и обманутого правителя лежала окровавленная голова жестокого и подлого европейца Мавра.

Бинесуб-падишах встал со своего трона и, подойдя ближе, плюнул в сторону отрубленной головы и во всеуслышание сказал: «Подлец, за хлеб мой и кров мой ты подлостью и ничтожеством благодарил меня все это время».

Бинесуб-падишах повернулся к слугам и спросил: «А где же голова блудницы?»

Слуги ответили: «Всюду искали жену вашу, нигде не нашли, почтеннейший».

А я, лохматый пес Кеск, в это самое время выскочил из укрытия и бросился на поиски злой и коварной Аер. Искать пришлось недолго. Коварная Аер пряталась в доме старой момой. И я, лохматый пес Кеск, пролез в подпол ее дома и стал слушать, о чем они говорят.

«О, кабы я знала, что она останется в живых и свалит на мою голову горе, я тогда сама бы своими руками задушила ее, – говорила знахарке Аер, шумно расхаживая по комнате. – Помоги мне убить виновницу моих бед», – просила она.

А старая момой, шамкая беззубым ртом, отвечала: «Но как?! Теперь нам это дело будет не под силу. Твою златокудрую дочь берегут все лесные твари... Но я тебе дам совет: возьми с собой ларец с драгоценностями и сходи в тот самый лес, где живет твоя дочь. В лесу ты найдешь старый-престарый дуб. Подойди к этому дубу и поскреби кору. Когда ты поскребешь кору, на дереве покажется старая ведьма Эней. Она спросит у тебя: «С чем пришла?» И тогда ты открой крышку ларца, покажи ей драгоценности и скажи: так, мол, и так, есть дело, нужна твоя помощь. Она скажет: «Только злом могу помочь». И вот тут-то ты и выложи ей все, что задумала против своей дочери... Все как пожелаешь, так и сделает старая и хитрая ведьма Эней... Ступай, да не забудь захватить ларец с драгоценностями».

«Скажи мне, как я узнаю, что буду иметь дело не с кем-то, а с Эней?» – спросила злая и коварная Аер.

Старая момой ответила: «Эней самая безобразная и страшная старуха на всем свете. У нее на голове крутой рог, нижняя челюсть касается груди, на верхней – торчат всего два зуба, которые вылезают поверх нижней челюсти. Нос длинный, вздернут вверх и касается макушки головы, на руках и ногах у нее длинные согнутые когти. Сама она тощая, кожа отвисшая, да гремит костями, глаза как у рыбы – выпученные и все время вращаются, как мельничные жернова... Ступай, найдешь!»

Затем злодейка Аер, вознаградив свою советчицу двумя золотыми и спрятав под свой черный и длинный халат ларец с драгоценностями, незаметно оставила пределы дворца через только ей одной известную лазейку и заспешила в сторону леса, взбивая дорожную пыль.

Я, лохматый пес Кеск, не успел шмыгнуть за ней и выбежал через городские ворота, стараясь догнать ее, теряя след в дорожной пыли. Нагнал я Аер только в лесу и, чтобы не обнаружить себя, спрятался за кустами, еле сдерживая прерывистое дыхание.

Аер стояла около старого-престарого дуба, о котором говорила знахарка. Она поскребла кору ногтями, и тут на дереве появилась страшная Эней. «Эй-гей, женщина в черном, с чем пришла?» – спросила Эней, шамкая беззубым огромным ртом.

Злодейка Аер показала ей ларец с драгоценностями и крикнула: «Нужна твоя помощь... Сделаешь так, как пожелаю, вознагражу этими драгоценностями».

Старая Эней прыгнула вниз так, что кости ее загремели, и, облизывая длинным языком

свои безобразные губы, стала разглядывать незнакомку. Наглядевшись, она приказала открыть ей ларец с драгоценностями. Аер открыла. Эней увидела ослепляющие глаза драгоценности и сказала: «Только злом могу помочь... Говори, женщина в черном, в чем нужна моя помощь?»

Аер рассказала Эней о том, как в таком-то году родила она на свет девочку, принесла в этот лес и оставила на съедение волкам. Повела о том, как недавно к ним в страну прибыли несколько купцов, которые, проезжая через лес, увидели ее дочь уже взрослой, поймали ее и заставили рассказать, кто она, чья дочь и почему живет в этом лесу. Сообщила Аер и о том, как эти купцы обо всем услышанном из уст ее дочери рассказали мужу. А муж разгневался и приказал отрубить тут же голову и ей, и ее любовнику.

«Ему уже отрубили голову, а я, Аер, успела убежать, захватив эти драгоценности... Уважаемая Эней, ты должна умертвить мою дочь. Она живет в твоём лесу. Я хочу, чтобы рассказы купцов не подтвердились. Умертвишь ее, да так, чтобы я могла в этом убедиться, – получишь в награду весь этот ларец с драгоценностями».

Эней почесала в затылке своими длинными согнутыми когтями, несколько раз подпрыгнула на месте, предвкушая радость от злодеяния, которое ей предстояло сделать, и сказала: «Эй, женщина в черном, все будет сделано, как ты сказала... А сейчас отдай мне ларец».

Аер, не скрывая своей радости, спросила: «А не обманешь?»

Эней захохотала, да так громко, что с деревьев посыпались листья, а я, лохматый пес Кеск, от ужаса так и замер в своем укрытии. «Оставшимися клыками клянусь, сделаю так, как ты сказала», – ответила Эней.

Аер передала ей ларец с драгоценностями. Эней тут же ловко прыгнула на дерево и скрылась в каком-то дупле. Вскоре на дереве появилась огромная большеклювая когтистая орлица с крученым рогом на голове.

«Эй, женщина в черном, жди меня здесь, – шамкая, сказала орлица. – Сейчас я исполню свое обещание». Орлица расправила два огромных, как черные тучи, крыла и с шумом, ломая ветки, взлетела в небо. Вскоре она поднялась так высоко, что превратилась в маленькую точку.

Я, лохматый пес Кеск, смотрел на парящую в небе точку, стараясь не потерять ее из виду, и никак не мог понять, что же будет дальше. А дальше случилось вот что. Орлица полетела вниз, но куда, я так и не увидел, а через несколько минут, так же с шумом, ломая деревья, прилетела и села прямо возле Аер. В когтях она держала уже умерщвленную нашу златокудрую лесную царицу Сурхесер.

«Эй, женщина в черном, вот она, твоя дочь. Она уже мертва, – Эней небрежно бросила свою жертву и продолжала: – Теперь можешь со спокойной душой идти и сказать, что купцы наврали. Никакой златокудрой девушки в лесу нет и не могло быть... Ступай!»

Я, лохматый пес Кеск, видя нашу лесную царицу мертвой, готов был со всей яростью и злобой броситься и на Эней, и на коварную Аер, но понял, что ужасная старуха вмиг

заколдует меня. И мне ничего не оставалось делать, как сидеть в своем укрытии и ждать, что же будет дальше.

И вот, когда злая Аер, довольная тем, что наконец-то увидела свою дочь мертвой, заспешила во дворец обвинить мужа в безумстве, вот тут-то я, лохматый пес Кеск, решил отомстить коварной Аер за все ее злодеяния. Бегу я вслед за ней, прячась в придорожных кустах и за деревьями, и выжидаю удобный момент, чтобы броситься на нее и растерзать. Но тут мне встретила Лисонька-Лиса. Она поздоровалась со мной и спросила, куда это я бегу.

Я, лохматый пес Кеск, рассказал ей обо всем случившемся и добавил, что хочу отомстить коварной Аер. Лисонька-Лиса спросила: «А где же эта самая Аер?» Я, лохматый пес Кеск, показал на спешно идущую по тропинке женщину. «Это мы сделаем», – сказала тогда Лисонька-Лиса и тут же исчезла.

Я, лохматый пес Кеск, все же решил преследовать Аер дальше. И вот, когда тропинка, по которой она шла, привела ее к дороге, я, лохматый пес Кеск, увидел посреди дороги замертво лежащую Лисоньку-Лису. Увидела лежащую лису и злодейка Аер. Она обрадовалась и, сказав: «Пригодится», – нагнулась, чтобы поднять свою находку, но тут наша Лисонька-Лиса как вскочит на ноги да как зафырчит... Злодейка Аер так испугалась, что тут же упала в беспамятстве. Тогда Лисонька-Лиса и я, лохматый пес Кеск, перегрызли злодейке горло и поспешили найти и оповестить волчицу Рухс о том, что сделала с Сурхесер колдунья Эней.

Волчицы Рухс у себя в логове не было. Она хоронила своего погибшего волчонка и, конечно, ничего об умерщвлении нашей лесной царицы не могла знать. О, как она тогда опечалилась: готова была разорвать нас на части за то, что мы не смогли спасти златокудрую нашу царицу... Конечно, она сама бы не решилась вступить в драку со злой колдуньей. Ее и вправду никто не сможет победить... Ее жизнь в яйце находится, а яйцо это в желчи. А желчь она носит с собой. Зло, говорят, живуче, но как же нам быть с той, которую Эней умертвила? Волчица Рухс попросила змей, чтобы они вновь отнесли нашу златокудрую лесную царицу в ущелье, где растет множество лечебных трав и цветов. «Может быть, снова оживет», – сказала волчица Рухс.

Семь змей, как и раньше, понесли на дно ущелья нашу лесную царицу и оставили ее на сорок дней и ночей среди благоухающих лечебных трав и цветов. Но нет, не ожила наша Сурхесер.

Тогда мы, все лесные обитатели, построили на полянке, недалеко от берега моря, эту хижину, сколотили гроб, положили в него нашу лесную царицу и со слезами на глазах и плачем на устах внесли ее в эту хижину. «Пусть, – думаем, – пока лежит мертвой, а мы, все ее друзья, попробуем уговорить колдунью Эней вернуть нашей лесной царице жизнь».

Как только мы, все обитатели этого леса, не просили, не уговаривали колдунью Эней оживить умерщвленную красавицу! Нет, ничего не помогло. Даже Лисонька-Лиса не смогла никакими хитростями обмануть, уговорить ее. На все наши просьбы и уговоры она злорадно хохотала. А когда мы ей надоели, вселила в стены хижины, где лежала в гробу красавица Сурхесер, Шагаду. Стоило нам войти в избу, чтобы провести нашу лесную царицу, как Шагаду тут же начинал противно кричать и жечь плошки, нагоняя на нас жуткий страх. И мы все это долгое время никак не решались войти внутрь избы, чтобы посмотреть на лежащую в гробу нашу лесную царицу.

Только ты, добрый юноша Амелум, смог вернуть жизнь нашей Сурхесер... Правы люди, когда говорят, что любовь и мертвых воскрешает. И эта правда подтвердилась... А мы, уважаемый Амелум, все обитатели этого огромного леса, клянемся тебе, спасителю нашей лесной царицы, быть верными слугами всегда и во всем, -закончил свой рассказ лохматый пес Кеск.

Все здесь присутствующие обитатели леса – птицы, звери, змеи и даже жуки, пауки, муравьи, – словом, все последовали примеру Кеска и тоже произнесли клятву верности Амелуму, на что охотник ответил:

– Да быть мне вашей жертвой! Огнем клянусь! Ничего особенного я не сделал.

– Сделал ты или не сделал, это уж позволь знать нам, добрый спаситель, – сказал лохматый пес Кеск и добавил: – А пока лучше послушай рассказ о том, что же случилось с Бинесуб-падишахом и его дворцом.

– А что же случилось? – спросил Амелум.

И тут лохматый пес Кеск снова начал рассказывать.

Третий рассказ лохматого пса Кеска

Знай, добрый спаситель нашей лесной царицы, что после того, как разгневанный Бинесуб-падишах отрубил подлому европейцу Мавру голову, случилось страшное несчастье.

Начну с начала. Жизнь в нашем лесу шла своим чередом. Птицы перелетали с ветки на ветку, пели свои песни; животные бродили по лесу и растили своих детенышей; змеи, свернувшись в клубок, грелись на солнце; орлы парили высоко в небе; жуки и другие насекомые перелетали с цветка на цветок; муравьи, как всегда, трудились, на зиму запасаясь едой; я же, лохматый пес Кеск, украдкой от колдуньи Эней сторожил избу, где находилась умерщвленная наша златокудрая лесная царица. И вдруг я почуял запах гари. А спустя некоторое время небо над нашим лесом затянуло густым дымом, и на лес стала падать сажа. Если правду сказать, то я, лохматый пес Кеск, испугался, подумал, что наш лес горит. Но тут, на мое счастье, неподалеку от меня сел на дерево орел.

«Эй, орел Сумург-гуш, не знаешь ли ты, где и что горит?» – спросил я, лохматый пес Кеск. «Знаю, – ответил тот, – это дворец солнечного края горит».

Как только я, лохматый пес Кеск, узнал, что это дворец Бинесуб-падишаха горит, тут же пустился туда, желая узнать, в чем там дело. Долго ли я, лохматый пес Кеск, бежал, не помню, но наконец добежал до дворца Бинесуб-падишаха и вижу: даже каменные зубчатые стены дворца и чугунные резные ворота охвачены огнем. Все горит и рушится, а люди то и дело бегают взад-вперед, кричат, не знают, что делать, как погасить разбушевавшийся огонь.

Подошел я, лохматый пес Кеск, к толпе людей и слышу, как одна из женщин говорит другой: «Все из-за блудницы Аер». А та, другая, видимо чужестранка, спрашивает: «А в чем дело?» – «А дело в том, что эта самая злодейка Аер, жена нашего падишаха, втайне от мужа слюбилась с одним европейцем, который служил у нашего правителя предводителем стражи,

и даже когда родила дочку, то, боясь потерять любовника, бросила девочку на съедение волкам. Когда об этом узнал Бинесуб-падишах, он приказал отрубить голову своей жене и подлому европейцу. Но об этом узнал младший брат казненного».

«Оказывается, его младший брат, – начала рассказывать третья женщина, – был атаманом сорока разбойников и жил где-то далеко. Когда до него дошли вести о том, что Бинесуб-падишах отрубил его брату голову, он приехал сюда и отомстил нашему правителю».

«Как же удалось разбойникам поджечь дворец? Ведь он не мог не охраняться?!» – спросила опять чужестранка.

«Они обманули Бинесуб-падишаха, – начала та, что говорила первой. – Несколько человек попросились на прием к нашему правителю. Когда тот принял их, то чужестранцы сказали Бинесубу, что они торговцы из какой-то там страны и везут продавать мед. Потом они попросили у Бинесуб-падишаха позволения остановиться на ночь у него во дворце. Всегда радушный Бинесуб-падишах разрешил их каравану остановиться во дворце, а кое-кого из этих людей он пригласил к себе в покои и накрыл в честь гостей стол. Поздно ночью, когда все уже спали, разбойники и подожгли дворец...»

«У них в глиняных сосудах не мед был, а горючая жидкость, – встала та женщина, которая говорила третьей. – А самому Бинесуб-падишаху отрубили голову и увезли с собой».

«И все это случилось из-за коварной блудницы Аер, – вздохнув, сказала женщина, которая говорила первой. – А он, бедный наш правитель, так ее любил, так ей верил!.. Вот какие беды может сотворить плохая женщина...»

Подслушал я, лохматый пес Кеск, разговоры этих женщин, вспомнил, как когда-то жил в этом дворце, сидел на коленях у доброго Бинесуб-падишаха, посочувствовал всему тому, что случилось, да и поплелся к себе в лес охранять мертвую нашу лесную царицу Сурхесер.

А между тем дворец горел и горел и, наконец, совсем дотла сгорел, золой стал. Вот и вся история и страшная правда о нашей красавице Сурхесер.

... Некоторое время все сидящие в хижине молчали, грустные, исполненные сочувствия. Кто знает, сколько бы они так сидели и печалились, если бы Амелум вдруг не спросил златокудрую Сурхесер:

– Скажи мне, красавица из красавиц, почему ты, когда ожила от моего поцелуя, испуганно кричала: «Надо бежать!.. Эней идет!.. Надо бежать!.. Эней идет!..»?

И вот тут Сурхесер начала рассказывать:

– Сидела я на лужайке и плела венки. Но вдруг увидела, как Эней в образе страшной орлицы с самого неба стрелой падает на меня. Тут я в страхе подумала, что надо бежать. Но не успела даже сделать и шага, как Эней схватила меня своими цепкими когтями и подняла высоко в небо. В воздухе она произнесла какие-то заклятия, и сердце мое тут же остановилось... А твой поцелуй, мой спаситель Амелум, снова заставил его биться... И теперь я должна исполнить любое твоё желание, – сказала Сурхесер Амелуму.

Тут охотник Амелум, обращаясь ко всем собравшимся, сказал:

– Согласитесь ли вы, добрые обитатели этого чудесного леса, отдать мне в жены вашу лесную царицу?

Все звери, птицы, змеи и даже жуки, пауки и муравьи, – словом, все-все вопросительно посмотрели в сторону девушки, все существо которой излучало свет, и, поняв, что и она согласна стать женой такому доброму и отважному джигиту, в один голос сказали:

– Да, согласны!

Сурхесер радостно улыбнулась, отчего уста ее стали походить на расцветшую красную розу. Она кокетливо потрянула своими золотыми кудрями, и в хижине забегали солнечные блики. Затем она, подойдя к Амелуму, обняла его и покорно опустила ему на грудь свою голову, освещая блеском своих волос лицо возлюбленного.

Звери, птицы, змеи, жуки и муравьи – все-все, толкаясь, направились к выходу: они поняли, что сейчас они здесь лишние.

Три дня и три ночи пробыл Амелум вместе со своей невестой. Но на четвертый день вспомнил, зачем он пустился в путь, и, рассказав обо всем Сурхесер, добавил:

– Мне надо ехать!

– Не уходи, мой спаситель! – взмолилась Сурхесер. – Не заставляй меня смотреть на дорогу в ожидании твоего возвращения.

Но Амелум был непреклонен.

– Я должен скакать туда и положить конец жестокостям Хун-хур-падишаха и его коварной дочери, – сказал он. – Сколько там добрых юношей лишились головы, а сколько еще лишатся.

– Ну что ж, как решил, так и поступай, – тяжело вздохнув, согласилась красавица Сурхесер, а у самой слезы на глаза навернулись: так ей не хотелось расставаться со своим добрым спасителем Амелумом. – Вот тебе три волоска с моей головы. Если вдруг будет невмоготу, пусти один из этих волосков по воздуху, и я тут же пришлю на помощь волчицу Рухс. Она доставит тебя к нам, а мы-то здесь все вместе и придумаем, как помочь беде.

Охотник Амелум и красавица Сурхесер поцеловались на прощание и, сказав: «До скорой встречи!» – расстались.

Вскоре Амелум пришел к тому дереву, где три дня назад привязал своего доброго коня. Но странно – конь его стал каменным.

– О, мой верный друг, что с тобой? – взволнованно спросил Амелум коня. – Какой злодей тебя так заколдовал?

И тут конь заговорил человеческим голосом:

– О, добрый мой хозяин, меня заколдовала колдунья этого леса, и зовут это страшилище Эней... Она ударила меня и сказала: «Стань ни мертвым, ни живым». Вот я и стал таким, каким ты меня видишь... Она сказала, что и тебя, о, мой хозяин, заколдует. «Будет, – говорит, –знать, как соваться куда не следует...» Спеши, мой хозяин! Уходи из этого проклятого леса!.. Пропадешь, заколдует тебя злая Эней.

И Амелуму ничего не оставалось делать, как с болью в душе оставить заколдованного коня своего и идти пешком.

Идет он в тревоге час, другой, третий, а лес все не кончается. Когда Амелум был уже далеко от того места, где остался его заколдованный конь, вдруг услышал он за спиной шум и треск. Юноша повернулся и видит, как, издавая стон, падают огромные деревья: это гналась за ним, гремя костями, сама колдунья Эней.

Амелума охватил страх, и он пустился бежать. А Эней, видя, что Амелум убегает, возликовала, выражая свою радость страшным хохотом, и еще быстрее побежала вдогонку. Бежит, хохочет, да так громко, что листья с деревьев осыпаются, ветки трещат...

– Догоню!.. Загрызу!.. – кричит вся взъерошенная Эней.

Но надо же было такому случиться: Амелум от испуга споткнулся о пень и упал в траву. Подбежала ужасная Эней к лежащему Амелуму и, хохоча, схватила его своими страшными когтями за одежду, потрясла несколько раз в воздухе и ударила о землю.

– Ха-ха-ха-а, – хохотала она и приговаривала: – Когда я тебя ни мертвым, ни живым сделаю, тогда будешь знать, как свататься к заколдованной мною Сурхесер... Ишь ты, жених нашелся!.. Я вам покажу еще, как мои чары расколдовывать, двумя своими клыками клянусь!.. По-ка-жу-у!

Злая Эней вся тряслась от злобы и ярости. Она снова и снова хватала Амелума за одежду, трясла в воздухе и бросала на землю.

Разозлился Амелум, и пропал его страх. Собравшись с силами, он вырвался из цепких рук Эней, быстро обнажил свою саблю и разом отсек злодейке голову. Голова, хохоча, упала на землю и тут же превратилась в огромную, большеклювую когтистую орлицу с крученым рогом на голове. Амелум, не раздумывая, бросился к орлице, чтобы убить ее, но она расправила огромные, как черные тучи, крылья и взлетела в воздух, успев при этом схватить когтями Амелума за плечи. Как только бедный Амелум не старался освободиться от цепких когтей злой орлицы, но ему никак не удавалось это сделать: орлица, размахивая своими мощными крылами, взлетала все выше и выше.

– Вот когда я расправлюсь с тобой, негодник, – говорила, шамкая, орлица, набирая высоту. – Вот когда я разобью тебя, как щепку, о скалы или же брошу в море... Ха-ха-ха-а! – хохотала она на все огромное небо.

Амелум посмотрел вниз – под ним все кружилось: и лес, и море, и горы – все-все... Но вдруг молодые глаза Амелума заметили человека, поднявшего в их сторону лук. И вскоре пущенная с земли стрела угодила орлице прямо в голову.

Орлица с жертвой в когтях полетела вниз и упала с распростертыми крыльями на лесную поляну, придавив своей тяжестью Амелума. Амелум напряг все свои силы и, сбросив тяжелую тушу, отошел в сторону, как вдруг изо рта орлицы полилась желчь и выкатилось яйцо. Там, где желчь попала на траву, на цветы, пожухли лесные растения. Вначале Амелум не понял, что происходит, но, вспомнив слова лохматого пса Кеска о том, что смерть колдуньи Эней находится в яйце, тут же схватил его.

– Теперь-то, колдунья, жизнь твоя в моих руках, – сказал Амелум не то колдунье, не то самому себе. Затем он взял свой хурджун, положил в него яйцо и, крепко завязав, зарыл под деревом на краю поляны.

А вскоре к Амелуму подошел тот самый юноша, который пустил в орлицу стрелу и попал в нее.

– Доброго дня тебе и удачи в пути, – сказал этот юноша Амелуму и тут же спросил: – Как ты себя чувствуешь?.. Не ушибся?.. Вижу -орлица несет в когтях человека... Вот я и пустил в нее стрелу.

Амелум ответил ему на приветствие и сказал:

– Да, ты меткий стрелок... Я в долгу у тебя, мой спаситель. Они сели напротив друг друга и стали расспрашивать: кто, откуда, куда путь держит и зачем.

Рассказал Амелум все как есть и попросил своего спасителя рассказать о себе.

– Зовут меня Мушнадар, – начал стрелок, – история моя, охотник Амелум, не так интересна, как твоя. А иду я из страны желтых песков. У меня нет ни жены, ни матери, ни отца, даже собственной крыши нет над головой. Живу как придется. А пустился в путь лишь потому, что решил стать зятем Хун-хур-падишаха. Или зятем стану, или отсекут мне голову... Какой смысл жить бродягой...

– Значит, в страну Хун-хур-падишаха идешь? Хочешь в его жестокой забаве быть очередной жертвой?

– Да, – ответил Мушнадар.

– Вот и я туда иду, – сказал Амелум, – но затем, чтобы покончить с жестокой игрой Хун-хур-падишаха и его дочери Дерд-Мурджан... Хватит лишать голов добрых, но безрассудных по молодости юношей!

– Вот здорово! – воскликнул Мушнадар. – Значит, вместе идти, друзьями быть!

Вскоре Амелум и Мушнадар уже шли по дороге, ведущей в далекую страну Хун-хур-падишаха.

Много дней и ночей провели друзья в пути. Много раз устраивали привал, много рек оставили позади, и наконец пришли они, куда путь держали. Когда Амелум и Мушнадар приблизились к высоким зубчатым стенам Хун-хур-падишахского дворца, то увидели на

дворцовой площади столбы, на которых торчали головы юношей, здесь же толпился народ. Одни рыдали и били себя в грудь, оплакивая казненных; другие осуждали их отчаянный поступок.

– Безрассудного и дурака одна дорога ждет: горе и беда, – говорили они.

Амелум и Мушнадар постояли в толпе, посмотрели на отрубленные головы, и им стало страшно, но оба понимали, что настоящий джигит глаза на чарыки не опускает.

– Ну что, – сказал Амелум, – надо объявить дочери Хун-хур-падишаха о нашем желании принять участие в придуманной ею игре.

Через некоторое время на хейвун вышла сама Дерд-Мурджан в своих драгоценных нарядах. Она кокетливо, как и всегда, откинула с лица вуаль и предстала перед Амелумом и Мушнадаром во всей своей красоте. Когда Мушнадар увидел своими глазами эту красавицу, тут же на время лишился дара речи: хотел ей признаться в любви, но так и не смог молвить ни слова. Но по глазам его было видно, что он готов на все, только бы она стала его женой. Но Амелум, увидев воочию поистине достойную преклонения красоту Дерд-Мурджан, не проявил к ней никаких чувств: у него было перед кем преклоняться, кого боготворить.

– Кто там еще хочет испытать свое счастье?! – крикнула сверху Дерд-Мурджан, холодно улыбаясь.

– Мы, – ответили Мушнадар и Амелум.

Дерд-Мурджан злорадно, как это она делала всегда, рассмеялась:

– Надеюсь, условия вам известны?

– Да! – ответили друзья.

– Кто же будет первым прятаться? – спросила Дерд-Мурджан.

Друзья переглянулись.

– Охотник Амелум, позволь мне прятаться первым, – попросил Мушнадар. – Мне терять нечего... Что суждено, тому не миновать.

Амелум одобрительно кивнул головой. И тогда Мушнадар крикнул вверх Дерд-Мурджан:

– Я, красавица, буду первым прятаться.

– Смотри, юноша, найду тебя три раза, отрублю голову и на столб воткну, – предупредила его дочь Хун-хур-падишаха.

Друзья обнялись на прощание. Амелум пожелал своему спасителю удачи и пошел в караван-сарай отдыхать.

А Мушнадар тем временем побежал к одному человеку, умеющему мастерить сундуки, и попросил сколотить ему сундук, в который бы он мог вместиться.

Ремесленник этот сколотил сундук и отдал Мушнадару. Тот отнес его к реке, спустил на воду, привязал к корню дерева, что росло у самой воды, а сам спрятался в дупле этого дерева. Сидит он в этом укрытии и радуется, что своей выдумкой обманет коварную красавицу. А та между тем приказала принести из волшебного бассейна чашу с водой.

Сказано – сделано. Принесли служанки чашу с волшебной водой и поставили перед своей госпожой. Посмотрела Дерд-Мурджан на запад – нет; посмотрела на восток – нет; посмотрела на юг – нет; посмотрела на север – нет; заглянула во все подвалы и колодцы, дома и башни; все леса и горы проверила – нет нигде; в небесные и подводные царства посмотрела – тоже нет... Словом, везде посмотрела, везде заглянула, – и вдруг видит: в одной речке на воде сундук качается, а плыть не плывет. Заглянула она внутрь сундука -пустой. Но случилось так, что она увидела веревку, что тянулась от сундука к корню дерева, росшего у самой реки. Посмотрела она внимательно в свою волшебную воду, и надо же – в дупле сидит, скорчившись, не кто иной, как сам Мушнадар. Сидит он там ни живой, ни мертвый, боится даже глазами повести.

– Э-гей-гей!.. Мушнадар!.. Вижу! – победно крикнула Дерд-Мурджан. – У реки в дупле дерева сидишь. А к корню дерева сундук привязан... Выходи...

Ничего не оставалось делать Мушнадару. Пришел он снова под хейвун красавицы и сказал, что второй раз будет прятаться.

На этот раз он отправился в небольшой лес в горах. Поджег его со всех сторон, а сам спрятался в одной из пещер этого леса.

«Ни за что не догадается, что среди огня можно прятаться», -думал Мушнадар.

А Дерд-Мурджан тем временем приказала принести из волшебного бассейна чашу с водой и стала искать. Искать пришлось недолго. Вдруг на глади волшебной воды увидела она горящий лес. «Не влюбленный ли безумец поджег и спрятался там?» – подумала Дерд-Мурджан. Стала она смотреть в чашу с волшебной водой и видит: в огне и дыму горящего леса пещерка, а в пещерке Мушнадар сидит, задыхаясь от дыма.

– Э-гей-гей, безумец, вижу, – победно крикнула она. – Ты поджег лес, а сам спрятался в пещерке, что в горе, на которой лес растет... Выходи!

Мушнадар переждал, когда потухнет огонь, и с поникшей головой явился под хейвун жестокой красавицы. Здесь его встретил Амелум.

– Друг мой, подожди прятаться в третий раз. Жестокая Дерд-Мурджан все равно тебя найдет... Лучше дай я попробую спрятаться, – сказал Амелум.

Мушнадар согласился.

Тогда Амелум крикнул дочери Хун-хур-падишаха:

– Красавица, позволь мне теперь прятаться...

А Дерд-Мурджан спрашивает:

– А тот юноша больше не будет прятаться?

– Будет, только после меня... Он заболел, – ответил Амелум.

Дерд-Мурджан улыбнулась, обнажая свои мышиные зубки, и сказала:

– Ну что ж, прячься, если твоя башка тебе не дорога!

Отправился в этот день Амелум на окраину города, достал из-за пазухи золотые волосинки с головы своей невесты и один из них пустил на воздух. Волосок поднялся высоко в небо и вскоре совсем исчез из глаз.

В это мгновение к нему примчалась волчица Рухс.

– Амелум, садись верхом на меня, да держись покрепче! – сказала она.

Амелум сел верхом на волчицу, и та мигом доставила его к златокудрой красавице Сурхесер. Обрадовались они встрече, заключили друг друга в объятия. Лишь потом уже Амелум рассказал ей о том, как он встретился с Эней, как она хотела убить его, как один юноша по имени Мушнадар спас его от явной смерти, которую уготовила ему колдунья... Рассказал также обо всем увиденном и услышанном в Хун-хур-падишахстве; поведал, как его спасителю уже грозит казнь и что теперь вот его, Амелума, очередь настала прятаться.

– Прекрасная моя Сурхесер, если правду сказать, то я даже не знаю, где же мне прятаться, чтобы жестокая Дерд-Мурджан не смогла найти. Если она все три раза найдет меня, то торчать моей голове на столбе против ее дворца.

Сурхесер вырвала со своей головы один волосок, дунула на него. Волосок поднялся к самому потолку и тут же исчез.

Вскоре в хижину прибежали все лесные звери, прилетели все птицы, приползли змеи, даже жуки и муравьи, – словом, все-все явились.

– Чем можем служить?... Приказывай, наша лесная царица, – говорил каждый, кто переступал порог хижины.

Когда все звери, птицы, змеи, жуки и муравьи были в сборе, красавица Сурхесер рассказала им обо всем, что услышала от Амелума; рассказала, что грозит ее жениху, если ему не удастся спрятаться от бездушной Дерд-Мурджан – дочери Хун-хур-падишаха. В конце она попросила своих лесных друзей помочь спрятать Амелума так, чтобы Дерд-Мурджан не смогла с помощью волшебной воды найти.

– Царица наша, позволь мне спрятать нашего Амелума, – предложил орел Сумург-гуш, который прилетел сюда из-за моря.

– А как же ты будешь прятать его? – спросила Сурхесер.

– Он сядет мне на спину, и я подниму его высоко в небо. Думаю, что никакая волшебная вода Дерд-Мурджан не сможет на такой высоте увидеть нас, – сказал орел Сумург-гуш.

Вскоре Амелум попрощался со своими лесными друзьями, нежно обнял свою любимую, поцеловал ее волосы и вышел из хижины. На дворе орел Сумург-гуш сказал:

– Амелум, садись ко мне на спину, только привяжись покрепче поясом.

Амелум уселся птице на спину, уперся ногами в распростертые могучие крылья и привязал себя поясом к самому большому перу. Орел Сумург-гуш с шумом взлетел и стал делать в небе круги, набирая высоту. Вскоре он уже был так высоко, что превратился в малюсенькую движущуюся точку.

Амелум на спине орла в небе летает, а жестокая Дерд-Мурджан ищет его на земле, под землей, на воде и под водой – везде и всюду, но найти никак не может. В который раз она смотрит на запад – нет Амелума; на восток – нет; на юг – нет; на север – опять нет. В который раз она заглядывает в подвалы и колодцы, в дома и башни, леса и горы, в небесные и подводные владения, но нигде не может найти Амелума.

Разгневалась жестокая Дерд-Мурджан, покраснела от злости: не знает, куда же еще смотреть. Тут к ней подошла одна из ее служанок и спрашивает:

– Нигде не видно?

– Нет, не видно, – зло отвечает Дерд-Мурджан. – Везде посмотрела, нигде нет и не видно.

– И намека нигде нет? – спрашивает служанка.

– Видела высоко в небе одного орла, но человека на нем не видно.

– А ты получше посмотри, может быть, на орле сидит, – посоветовала служанка и вскоре ушла.

Жестокая Дерд-Мурджан снова стала следить за парящим высоко в небе орлом. И надо же случиться такому: когда орел слегка наклонился, чтобы сделать круг, Дерд-Мурджан вдруг увидела на спине юношу да как крикнет:

– Вижу!.. Вижу!.. Ну и бесстрашный ты юноша, коль на спине орла так высоко мог подняться... Спускайся и прячься вторично!

Услышал Амелум ее слова и велел орлу спуститься на землю. Когда орел Сумург-гуш спустился, он тут же пришел под хейвун и сказал, что будет прятаться вторично.

– Прячься, бесстрашный юноша. Только не вздумай еще раз так высоко подниматься... Все равно найду, – сказала Дерд-Мурджан и ушла с хейвуна.

Посмотрел Амелум на столбы, на которых торчали окровавленные головы таких же, как он сам, юношей, и подумал, что скоро и его голова будет рядом.

Всекие страшные и тоскливые мысли приходили ему в голову, а легкий ветерок трепал пряди его черных кудрей. Когда же Амелум добрался до окраины города, достал из-за пазухи оставшиеся золотые волоски с головы своей невесты и один из них пустил по ветру; волосок поднялся высоко в небо и вскоре совсем исчез из глаз.

В это самое мгновение к нему примчалась волчица Рухс.

– Амелум, садись на меня, да держись покрепче! – сказала она.

Сел Амелум верхом на волчицу, и она тут же доставила его к Сурхесер.

– Видно, и моей голове быть отрубленной, – сказал он с грустью.

– Не надо так говорить, – рассердилась Сурхесер и обняла своего жениха. – Мы сейчас сходим к берегу моря и попросим кита Сердара, чтобы он спрятал тебя под водой... Под водой жестокая Дерд-Мурджан никогда не найдет.

Пришли они к берегу моря. Сурхесер вырвала из головы один волосок, бросила в воду, и они стали ждать.

Вскоре из воды показался огромный кит Сердар.

– Слушаюсь и повинуюсь, царица, – сказал он. – Чем могу служить?

Сурхесер рассказала киту Сердару обо всем и попросила спрятать ее жениха под водой.

– Это мы можем, – сказал кит Сердар. – Прыгай в мою пасть и прячься под моим языком.

Амелум поцеловал свою златокудрую невесту и прыгнул киту в пасть. Кит Сердар быстро исчез под водой, спустился на самое дно и зарылся в песок.

С утра до полудня, с полудня до вечера искала жестокая Дерд-Мурджан юношу и даже про еду и отдых забыла.

В который раз она смотрела в чашу с волшебной водой в надежде найти того, кого искала. Ни на востоке, ни на западе, ни на юге, ни на севере не было места, куда бы не смотрела Дерд-Мурджан. Все горы и леса, реки и озера, небеса и подводные царства – везде и всюду заглянула, но нигде не смогла найти Амелума. Дерд-Мурджан уже стала злиться, кричать на своих слуганок, будто они были всему виной.

– Неужели нигде не видно? – спросила одна из слуганок.

– Нет, нигде не видно, – отвечала Дерд-Мурджан. – Везде смотрела, нигде его нет...

Видно, я проиграла.

– И намека нигде нет? – опять спросила служанка.

– Видела я на самом дне моря кита одного, зарывшегося в песок. Вот уже целый день он так лежит и не двигается... Больше ничего такого не видно.

– А ты, госпожа, наберись терпения и не спускай с этого кита глаз, – посоветовала служанка и вскоре ушла, путаясь ногами в подоле халата.

Стала Дерд-Мурджан не спуская глаз смотреть за этим китом. Долго она так смотрела. Но вдруг случилось так, что киту захотелось зевнуть. Кит раскрыл свою пасть, и тут жестокая Дерд-Мурджан увидела под языком кита Амелума.

– Вот хитрый сын вдовы, – зло сказала она и крикнула громко-громко: – Э-ге-гей!.. Вижу!.. Вижу!.. В пасти у кита на дне моря прячешься... Выходи!..

Услышал Амелум крик Дерд-Мурджан и велел киту Сердару доставить его на берег. Пришел юноша под хейвун жестокой Дерд-Мурджан и попросил разрешения прятаться в последний раз.

– Прячься! Прячься! Да получше... Видно, и твоей голове торчать на столбе, – сказала Дерд-Мурджан, ехидно хохоча.

Загрустил Амелум. Теперь-то он никакого выхода не видел и уже смирился с тем, что и ему отсекут голову. Но любовь к златокудрой невесте заставила его прийти на окраину города. Ему очень захотелось в последний раз, хоть на мгновение, увидеть свою возлюбленную. Достал он из-за пазухи последний волосок с ее головы, пустил его по ветру и стал ждать.

Вскоре примчалась добрая волчица Рухс и приказала жениху их лесной царицы садиться верхом на нее.

Сел Амелум на волчицу и тут же был доставлен к своей златокудрой Сурхесер. Увидела Сурхесер опечаленное лицо жениха, да и сама пригорюнилась. Долго сидели они в этот раз вместе, много всяких дум передумали, но ничего толком так и не смогли придумать.

– Неужто и наша Лисонька-Лиса нам не подскажет, как быть? Она всегда своей хитростью поражала всех, – наконец промолвила златокудрая красавица.

Вывала она со своей головы волосок, дунула на него, волосок коснулся потолка и тут же исчез.

Вскоре к ним сбежались все лесные обитатели. Пришла и Лисонька-Лиса. Повела лесная царица обо всем своим друзьям, сказала и о том, что если и на этот раз жестокая Дерд-Мурджан найдет ее жениха, то ему отсекут голову и наденут ее на столб у дворца.

– Лисонька-Лиса, может быть, ты нам что присоветуешь? – чуть не плача, сказала Сурхесер, обращаясь к ней.

Лиса важно повертела своим пушистым хвостом и ответила:

– Все мои хитрости в хвосте моем... Сейчас посоветуюсь с ним... Может, что и придумаем. – Лиса приложила к уху свой пушистый хвост, как бы слушая, что он посоветует, и, обращаясь ко всем, кто был в хижине, сказала:

– Приду-у-мала!.. Нужно просто-напросто сделать так, чтобы вода в бассейне потеряла свою волшебную силу.

– Это невозможно... Бассейн день и ночь охраняют сорок до зубов вооруженных стражей. Кто подходит без разрешения Дерд-Мурджан к бассейну, тому тут же отсекают голову, – сказал Амелум.

Лисонька-Лиса посмотрела на юношу и спокойно продолжала:

– А мы это дело поручим нашей ласточке Парустек. Она быстро пролетит над бассейном и бросит в него то, что я ей дам.

С этими словами Лисонька-Лиса попрыгала на месте, наскребла щепотку земли, плюнула в эту щепотку, попросила плюнуть туда же и Сурхесер, и Амелума, и лохматого пса Кеска, и волчицу Рухс, и все скатала в шарик. Затем этот шарик положила в клюв ласточки Парустек и сказала:

– Вот и все... Теперь лети в страну Хун-хур-падишаха и все сделай так, как я сказала.

Быстрокрылая ласточка Парустек помчалась во дворец и, пролетая над волшебным бассейном, бросила туда комок глины, который ей положила в клюв Лисонька-Лиса, а затем вернулась в хижину, где ее все ждали, и особенно Амелум и его златокудрая невеста.

– Ну как? – спросила первой Лисонька-Лиса.

– Все как надо! – ответила ласточка Парустек.

И вот тут Лисонька-Лиса сказала Амелуму:

– Теперь можешь быть спокойным. Никогда и никого больше не сможет найти жестокая Дерд-Мурджан... Вода в бассейне теперь не волшебная.

– А что же делать дальше? – спросил Амелум.

Лисонька-Лиса усмехнулась и ответила:

– А дальше вот что. Мы с тобой придем под ее хейвун и будем смотреть, как она, глядя в свою волшебную воду, будет злиться.

Как решили, так и сделали. Пришли темной ночью Лисонька-Лиса и Амелум под хейвун жестокой Дерд-Мурджан и стали ждать, что же будет она теперь делать.

Долго стояли они внизу и ожидали, что же будет дальше. И вдруг до них донеслись крики самой Дерд-Мурджан.

– Ничего не видно... Эта вода не из нашего бассейна... Что случилось? – кричала разгневанная злая дочь Хун-хур-падишаха на своих служанок, а те в страхе снова и снова бегали к бассейну и приносили ей в чаше воду. Но вода так и не проявляла своих волшебных свойств, от чего еще более злилась и ругалась Дерд-Мурджан.

– Вот бы увидеть своими глазами, как она беснуется, – сказал Амелум.

Лисонька-Лиса усмехнулась, посмотрела уголками своих хитрых глаз на Амелума и ответила:

– Это можно. На тебе кукурузное зерно... Посади его под балконом.

Амелум взял зерно, посадил и с удивлением посмотрел на Лисоньку-Лису. Та три раза плюнула, дунула на то место, где только что посадили зерно, и на этом месте тут же до самого хейвуна вырос толстый кукурузный стебель с несколькими огромными початками.

– Влезай по нему, спрячься в початке и смотри себе сколько хочешь... Я тебе больше не нужна... До скорой встречи в нашем лесу.

Сказала так Лисонька-Лиса и убежала. А Амелум спрятался в кукурузном початке и стал смотреть через открытую дверь в комнату Дерд-Мурджан. Отсюда ему было видно все: вот, путаясь ногами в полах халата, вбежала в комнату служанка и, дрожа от страха перед гневом госпожи, передала в который раз чашу с водой.

– Из самой глубины бассейна зачерпнула, – волнуясь, говорила она.

И видит Амелум, как Дерд-Мурджан со всем усердием уставилась в чашу с водой в надежде что-то увидеть, разглядеть в ней. Долго смотрела она, не моргая, не дыша, но вода больше ничего не отражала. Сильно разгневалась дочь Хун-хур-падишаха и, выплеснув из чаши воду, гневно кликнула служанку. И когда та прибежала и хотела броситься в ноги повелительнице, Дерд-Мурджан ударила бедную девушку по голове тяжелой чашей и оглушила ее.

Увидев это, в комнату вбежали сразу семь служанок, пали ниц у ног своей госпожи и со страхом в голосе все вместе воскликнули:

– Да быть нам твоей жертвой, госпожа, но что нам делать? Вода в бассейне уже не волшебная.

Не стала дочь Хун-хур-падишаха более слушать оправданий своих служанок, приказала каждой из них принести из бассейна по чаше воды. Мигом исполнили они ее приказ. Смотрит она в одну чашу -ничего в воде не отражается. Смотрит во вторую – то же самое. Смотрит в третью – тоже ничего не видно... Во все чаши посмотрела, но ничего не смогла в них рассмотреть.

– Измена! – в бешенстве крикнула она и бегом помчалась к волшебному бассейну.

Стража, увидав разгневанную дочь Хун-хур-падишаха, тут же расступилась перед ней. Она зачерпнула чашей воду и так же быстро вернулась в свою комнату. Стала она снова смотреть в чашу, но так ничего и не увидела. Поняла она, что кто-то и вправду лишил воду в бассейне волшебной силы. Она в ярости выскочила на хейвун и стала кричать:

– Палачи!.. Сюда!.. Сюда!..

Палачи строем выстроились под балконом и хором по команде ответили:

– Приказывай, красавица!

– Отсеките головы всем охранникам моего волшебного бассейна... Они предатели! – властно крикнула она, указывая на испуганную стражу.

Палачи все разом обнажили свои кривые мечи и, приблизившись к дрожащим от ужаса охранникам, отвели их до исполнения приговора в зиндан.

Дерд-Мурджан вбежала в свои покои, трясаясь от злости, схватилась руками за голову и свалилась обессиленная на тахту. Ей было дурно, и она чувствовала себя так, будто кто-то ее поколотил палками. Она плакала навзрыд, горюя о своем поражении.

Но время близилось к ночи, и жестокая красавица должна была смириться с поражением и выполнить свое обещание: стать женой того, кто победил ее.

Наконец, со слезами обиды на глазах, она сказала:

– Выходи, юноша, из своего укрытия. Ты выиграл, и я согласна быть твоей женой.

А Амелуму того и надо было.

– Красавица, я не выйду из своего укрытия до тех пор, пока ты не позовешь отца своего и его советников. Они должны видеть, как ты вынуждена будешь написать о том, что ты проиграла мне и потому согласна стать верной и любящей женой, – сказал Амелум.

Ничего не оставалось делать Дерд-Мурджан; она позвала отца и его советников и, поведав им о своем поражении, подписала договор, где подтверждалось, что она согласна стать верной и любящей женой юноши, сумевшего спрятаться от нее.

– О, юноша, я от усталости даже забыла, как зовут тебя. Скажи мне свое имя, я запишу его в договор, – учтиво сказала Дерд-Мурджан.

И вот тут-то Амелум назвал имя, но не свое, а имя своего друга Мушнадара. Вписала Дерд-Мурджан в договор это имя и сказала:

– Выходи теперь, юноша, из своего укрытия. Я твоя, а ты мой.

– О нет, красавица, я не могу верить договору без печати и подписи отца твоего, – сказал Амелум.

Попросила дочь отца своего поставить на договор печать и подпись. Сказано – сделано: поставил Хун-хур-падишах печать и подпись, передал дочери договор и в сопровождении советников удалился в свои покои. А дочь, держа в руках договор, говорит:

– Все сделано, как ты пожелал. Выходи!

А Амелум ей и говорит:

– Сверни договор в свиток и брось мне с хейвуна, чтобы я мог своими глазами видеть.

Свернула Дерд-Мурджан договор и бросила вниз, а Амелум схватил свиток и со всех ног пустился к караван-сарая, где в это время пребывал его друг Мушнадар. Вбежал он в караван-сарай, крепко обнял Мушнадара и передал ему договор.

– Поздравляю! – сказал Амелум другу. – Теперь ты законный жених красавицы Дерд-Мурджан... Спешి к невесте... Теперь она, похоже, подобрела и готова быть покорной женой своего мужа.

Прочел Мушнадар, не поверил, вновь стал читать договор, где написано, что отныне она, дочь Хун-хур-падишаха, обещает быть верной женой того, кто смог укротить в ней жестокий характер.

– Поздравляю, Мушнадар! – еще раз сказал Амелум и добавил: – Будешь правителем, не забывай любить народ своей страны. Не причиняй никому зла, как Хун-хур-падишах, а делай добро. И первое: освободи из-под стражи охранников бассейна. Второе: предай земле головы и тела казненных юношей, а родным их раздай из казны Хун-хур-падишаха милостыню в утешение.

Мушнадар поклялся другу, что он будет справедливым и верным народу правителем.

– Душой солнца клянусь, – сказал Мушнадар. – Я сам из простого народа и народу буду честно служить.

Вскоре они подошли к падишахскому дворцу. Стража широко распахнула перед ними большие расписные ворота, и друзья вошли в прекрасный, утопающий в зелени дворец. Навстречу им вышел сам Хун-хур-падишах со своими советниками и слугами. Все они поклонились смелому жениху и провели его и Амелума в покои красавицы невесты.

Предстали жених и невеста друг перед другом, оба красивые, молодые, в глазах любовь и радость сияют, да так, что все вокруг озаряют этим светом, радуя и самого Хун-хур-падишаха, и его советников и слуг, а особенно Амелума: ведь как-никак зло и коварство наконец-то стараниями добрых сил были укрощены и направлены на служение добру.

На следующий день Хун-хур-падишах устроил по такому случаю богатую свадьбу. Семь дней и ночей не смолкала музыка во дворце, и семь дней приходили и уходили гости. На восьмой день Амелум попрощался со своим другом и с его женой и, пожелав им счастья, любви и рождения сыновей, направился в сторону того самого леса, где с нетерпением дожидалась его невеста – златокудрая красавица Сурхесер.

Как никогда долгой казалась Амелуму дорога. Недаром же говорится в народе: «Со спешкой в душе и короткая дорога длинной делается». Так случилось на этот раз и с Амелумом. Много дней и ночей шел он то по большим дорогам, то по лесным тропинкам, но томительной дороге не было конца. От этого его бросало то в жар, то в холод; он много раз спотыкался, ибо не видел ничего под ногами от своей спешки. «Когда спешишь – и на ровной дороге споткнешься», – говорится в народе. Но как бы то ни было, душой и сердцем он уже был рядом со своей прекрасной невестой, хотя ноги все еще находились в пути. Сколько дней и ночей еще идти ему, Амелум и сам не знал.

Но случилось так, что вдруг навстречу ему вышла добрая волчица Рухс. Она словно из-под земли выросла и встала перед ним.

– Амелум, садись на меня, да держись покрепче, – сказала она, – наша лесная царица ждалась тебя... Спешь!.. К свадьбе все готово!

Сел Амелум на волчицу Рухс и мигом очутился в лесу, где жила его любимая Сурхесер. Когда волчица Рухс доставила его к краю леса, что выходит к берегу моря, то он увидел поистине сказочное зрелище. Семь змей на головах своих держали сплетенный из разноцветных прутьев паланкин, который весь был усыпан множеством разных цветов и трав. На паланкине стояла улыбающаяся, нарядная, в одеянии из трав и листьев, его невеста Сурхесер. Ее золотые распущенные волосы водопадом струились по плечам до самой земли. Множество других змей танцевали вокруг своей лесной царицы величественный и грациозный танец. Они, извиваясь, поднимались из травы и с шипением все выше и выше вздымали над землей свои головы, сверкая маленькими зрачками зеленых глаз. При этом змеи качали головами, похожими на крупные груши. То плавно поднимаясь, то опускаясь в такт музыке, которую создавали своим пением множество птиц, змеи сливались с землей и, вытянувшись во всю длину, замирали на мгновение, а затем снова поднимались из травы и с шипением все выше и выше тянулись над землей. По одну сторону паланкина важно выступал лохматый пес Кеск, по другую – Лисонька-Лиса, а орел Сумург-гуш парил сверху. Зайцы, жуки, муравьи и другие обитатели леса тоже плясали, но каждый на свой лад: зайцы на задних лапках, хлопая длинными ушами и виляя короткими бойкими хвостиками; жуки, раскрыв прозрачные крылышки, с жужжанием кружились над благоухающими цветами; муравьи же, пританцовывая в такт лесной музыке, не переставали трудиться, таская в свой огромный муравейник всякие коренья.

Амелум увидел здесь и незнакомых ему животных – это были гости: пятнистые с длинными шеями жирафы; рядом с ними красавцы олени с ветвистыми золотыми рогами. Они были приглашены из далеких чужих лесов и потому стояли, как и подобает гостям, совсем близко к невесте и, улыбаясь восторженно, топали копытами в такт музыке, как бы подбадривая танцующих змей.

А из воды показался и кит Сердар. Он радостно улыбался и, широко раскрыв глаза, смотрел на все здесь происходящее. Вокруг кита Сердара кувыркалось в воде множество серебристых рыб, в эти минуты они походили на серебряное покрывало, плывущее по морским волнам. Короче говоря, все: и море, переливающееся под лучами ласкового и доброго летнего солнца, и лес, щедро дарящий прохладу и тень, и высокое голубое небо, – словом, все жило и дышало радостью и весельем.

Но, как ни странно, среди всех веселившихся на этой свадьбе не было косолапого

медведя Ай-Аюв.

Амелум, удивленный таким неопишуемым зрелищем, не знал, как ему быть. Он сидел на волчице Рухс с застывшими от изумления глазами. Но на выручку пришла одна из танцующих змей. Она вытянулась у ног Амелума и сказала:

– Наш добрый царь Амелум, встань мне на голову.

Змея, радостно сверкая глазами, вытянулась и, танцуя, понесла жениха к паланкину, где стояла невеста. Здесь змея вытянулась во весь рост и плавно опустила Амелума на паланкин.

И вот тут-то началось самое главное.

Птицы стали громче и звонче петь. А змеи, зайцы и все другие обитатели этого леса предались веселым танцам. Знатные гости начали подносить свои дорогие подарки. Лани снимали со своих голов золотые ветвистые рога и клали у ног жениха и невесты. А пятнистые жирафы стряхивали с себя свои круглые желтые пятна, и пятна эти, касаясь земли, тут же превращались в золотые монеты. А рыбы то и дело ныряли до самого дна моря и, достав оттуда блестящие жемчуга, бросали на берег, отчего весь берег был усыпан драгоценностями.

Откуда-то тут же нашли зурну – трубку из камыша, а вместо бубна раздобыли какую-то бочку, обтянутую бараньей кожей, нашлись и искусные музыканты, и все вокруг наполнилось дробными звуками бубна и переливчатыми трелями зурны. И вот тут-то жених плавно и стремительно пронесся по кругу и, став на одно колено перед своей златокудрой невестой, пригласил ее на танец.

Долго и красиво танцевали они этот огненный танец горцев, называемый лезгинкой. Амелум, широко раскинув руки, ходил на носках, а златокудрая Сурхесер, вскинув руки над головой, грациозной ланью плыла впереди жениха своего. Иногда она плавно кружилась на одном месте под вытянутой рукой своего любимого. А все гости и лесные друзья их восторженно хлопали в ладоши в такт музыке и кричали: «Арса!.. Арса!..»

В самый разгар танца из лесной просеки появился косолапый медведь Ай-Аюв. Он катил впереди себя огромную бочку с медом и широко улыбался. Все, увидев его, на время перестали танцевать.

– Дорогие гости и друзья, по нашим обычаям в день такого веселья положено угощаться медом из рук невесты, – пробасил медведь Ай-Аюв, выкатив бочку на середину лужайки. Затем он легко открыл крышку бочки и, сунув в нее правую руку златокудрой Сурхесер, сказал: – Кто первый?

Первым подошел и лизнул лохматый пес Кеск.

– Мои милые, – сказал он, обращаясь к жениху и невесте, целуя их в лоб, – жить вам в вечной любви!

Второй подошла волчица Рухс.

– Пусть молоко, которым я вскормила тебя, наша лесная царица, вечную молодость и красоту твою сохранит, – сказала она и, слизнув с руки невесты мед, поцеловала жениха и невесту и добавила: – Я была тебе верной и любящей матерью.

Волчица Рухс даже прослезилась.

Затем к сладкой руке златокудрой красавицы Сурхесер потянулись и Лисонька-Лиса, и орел Сумург-гуш, и кит Сердар, и знатные гости, и зайцы, и жуки, и змеи, и муравьи... Все-все одаривали молодоженов добрыми пожеланиями и снова продолжали свое веселье.

Вдруг Амелум посмотрел в глаза своей невесте и заметил в них какую-то тревогу.

– Милая моя, о чем ты думаешь в эту минуту? – спросил он.

– О счастье, о нас и о том, где мы будем жить, – ответила она.

Не успела она закончить свою речь, как кит Сердар с шумом ушел на дно моря – только круги разошлись по глади воды. Вскоре так же с шумом всплыл кит Сердар, неся на спине огромный дворец, который так сверкал, переливался под лучами солнца, что глаза не могли долго на него смотреть.

Да, да! Это был великолепный дворец. Стены его были мраморными, а крыша – из разноцветных алмазов, колонны – из серебра и золота. Во дворце оказалось сорок комнат с хейвунами, и все заставлены всевозможными расписными шкафами и столами, устланы дорогими коврами, сотканными умелыми руками искусных мастериц древности. Глядя на узоры ковров и утвари, можно было бы рассказать множество забавных историй.

– Это мой скромный подарок, – сказал кит Сердар, обращаясь к жениху и невесте, и легко бросил на песок свой дар. – Когда-то очень давно злая Эней заколдовала этот дворец и спустила на дно моря. Амелум победил злую колдунью, и теперь вы владельцы этого дворца. Живите в нем на счастье друг другу, на радость нам всем.

Когда кит Сердар закончил свою речь, к Сурхесер и Амелуму подползли змеи, держа на головах паланкин. Молодые встали на него, и змеи в сопровождении всех здесь присутствующих, в такт вновь ожившей музыке, внесли их по хрустальным круговым лестницам внутрь дворца и понесли по комнатам, показывая жениху и невесте, где они будут жить. Все здесь присутствующие шли вслед им и восторженно восхищались невиданной красотой дворцовых покоев.

Но нет, не радовали Амелума в эту минуту красота и богатство. В глазах его таилась какая-то грусть. Чуткая Сурхесер заметила это и спросила:

– Любимый, скажи мне, о чем ты думаешь в эту минуту?

И Амелум ответил:

– Вспомнил мать свою, оставленную в далеком горном ауле. Вот бы она, бедная, увидела все это... Так бы радовалась за нас...

Не успел Амелум закончить свою речь, как орел Сумург-гуш с шумом вылетел в открытое окно и взметнулся высоко в небо. Вскоре он вернулся, неся на спине старушку-мать Амелума, влетел в залу, где шла свадьба, и сел у ног жениха и златокудрой невесты.

– Вот, теперь все собрались вместе, – сказал орел Сумург-гуш.

Сколько тут было взаимных радостей и объятий! Это надо было видеть собственными глазами.

До самого рассвета не смолкала свадебная лесная музыка. Все вокруг веселились, плясали, угощались медом и вкусными кореньями. Разве только вокруг или во всем лесу?! О нет!.. И на небе все весельем наполнилось: луна и ее вечные спутники – звезды тоже устроили свой хоровод. А море тоже жило в этот вечер весельем.

Но как бы то ни было, всякое начало, всякий путь, всякое время имеет свой конец. С рассветом веселая, шумная свадьба постепенно затихла. Гости отправились в свои далекие леса, обитатели этих мест занялись своими делами, а влюбленные нежно заключили друг друга в объятия и говорили друг другу самые ласковые слова. А мать Амелума смотрела на них и радовалась, отчего ее морщинистое, старческое лицо стало молодым и гладким. Ведь недаром говорят: «Радость детей и старых родителей молодыми делает».

Но спустя несколько дней, проведенных в свадебных торжествах, Амелум вспомнил о своем добром коне, которого заколдовала злая Эней, и решил освободить его. Взял он свою саблю и пошел к тому месту, где когда-то зарыл хурджун с яйцом, в котором находилась жизнь злой и жестокой колдуньи. Пришел он туда, откопал хурджун и достал яйцо – душу колдуньи.

– Вот теперь-то и пришло время навсегда покончить с тобой, злая колдунья, – сказал он, обращаясь к яйцу.

А яйцо ему отвечает:

– Пожелай чего хочешь, все исполню, но только не губи мою душу.

Попросил Амелум, чтобы злая колдунья Эней расколдовала его доброго коня и к нему привела. Яйцо произнесло какие-то заклинания, и вмиг перед Амелумом встал его добрый конь, живой и невредимый.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой хозяин, – сказал конь и сильноосильно от радости заржал на весь лес, да так, что на ржание это сбежались, слетелись, приползли все обитатели леса, приехала сюда верхом на волчице Рухс и сама Сурхесер.

– Что здесь происходит? – спросили они встревоженно.

Амелум рассказал им обо всем, как было. Но тут яйцо и говорит:

– Пожелай!.. Все, что хочешь, все исполню, только не лишай меня жизни, не губи мою душу. – Яйцо даже захныкало.

Амелуму жалко стало Эней, и он хотел было и впрямь оставить ее в живых, но все обитатели этого леса в один голос сказали:

– Амелум, если ты подаришь злой и жестокой Эней жизнь, то знай, это будет самая страшная твоя ошибка... Зло добром никогда не станет. Если не хочешь убивать ее, то выбрось это яйцо в море.

Послушался Амелум советов своих лесных друзей, отнес яйцо к морю и бросил в воду. Не прошло и нескольких минут, как море вдруг взбушевалось, взвыло, заходило сердитыми, шипящими волнами. Оказывается, это злая Эней рассвирепела там, на дне огромного моря, оплакивая свою нелегкую подводную жизнь.

Долго смотрели Амелум и его златокудрая невеста на шумное, беспокойное море, словно сравнивая этот шум, волнение и жестокость со своими земными, невыносимо трудными испытаниями, которые им пришлось выдержать и победить во имя взаимной любви. Вскоре они, взяв друг друга за руки, зашагали в сторону своего роскошного дворца, где их с нетерпением и радостью дожидалась мать. Следом за ними, приплясывая, шел конь – верный и испытанный друг Амелума.

Рассказывают, что через несколько недель к ним в гости пожаловал – кто же, вы думаете? – сам Мушнадар со своей женой Дерд-Мурджан. Правда, говорят, что долго он упрашивал свою своенравную супругу посетить друга Амелума, – и уговорил.

О, какое несказанное торжество устроено было в честь дорогих гостей! Все обитатели этого леса и соседних поселений собрались здесь. И вновь было веселье, как и во время свадьбы охотника Амелума и златокудрой лесной царицы Сурхесер.

Глаза у всех излучали любовь друг к другу, а уста то и дело произносили самые нежные и убажывающие сердце и душу слова. И казалось, что никто и никогда более не будет творить в мире ни зла, ни коварства, ни жестокостей, а напротив – только мир и любовь будут извечными спутниками всех живущих на земле людей. Об этом думала в эти минуты и красавица Дерд-Мурджан и всей душой желала, чтобы такое Божье чудо свершилось и в падишахстве ее отца – Хун-хур-падишаха.

Охотник и соловей

Когда-то давно, в одном из древних городов, что располагался высоко в горах, жил охотник. Семьи у него не было, и он целыми днями пропадал в лесу, выслеживая дичь. Никогда не возвращался он с охоты без добычи, чем очень гордился. Бывало, возвращаясь с охоты, повесит он свою добычу на охотничий ремень и идет через весь город, чтобы все его видели. А люди всегда удивлялись, как ему удастся столько зверей подстрелить и зачем ему столько, ведь одному столько не съесть. Старики провожали его взглядом с непониманием, а дети с завистью и гордостью.

И вот однажды охотник, как всегда, засветло ушел на охоту. Целый день он ходил по лесу, в самые укромные уголки заглядывал, на самые высокие деревья залезал, устал, измотался весь, но так никакой добычи и не встретил на своем пути. «Как же я вернусь в город без всякой добычи? – подумал охотник. – Это же позор! Никогда еще со мной такого не было!»

Ничего не оставалось делать охотнику. Отправился он в другой лес в надежде подстрелить хоть какую-то дичь и спасти себя от позора. Не успел охотник дойти до дальнего леса, как слышит – в кизиловой роще поет соловей. Обрадовался охотник своему везению, подошел поближе, разглядел маленькую птичку и стал прицеливаться. Увидел это соловей, узнал охотника и задрожал от страха, но нашел в себе силы сказать:

– О, почтеннейший охотник, я знаю, ты самый лучший стрелок из всех охотников, которых я знаю, поэтому я покинул тот лес, где ты всегда охотишься, в надежде больше не встречаться с тобой. Но ты меня и здесь нашел. Зачем тебе такая крохотная птичка, как я? Если твоя пуля в меня попадет, то от меня никакого проку не будет, только перья останутся. Не убивай меня!

Выслушал охотник соловья и с гордостью говорит:

– Я никогда не возвращался с охоты без добычи, но сегодня никого не подстрелил. Так пусть хоть перо из твоего хвоста, все же не стыдно перед соседями будет.

– Тогда выслушай сначала меня, почтеннейший охотник, – сказал соловей. – Я дам тебе три совета, а потом можешь убить меня.

– Слушаю, говори! – с нетерпением согласился охотник.

Соловей слетел пониже и начал:

– Первый мой совет: не верь невозможному. Второй совет: не жалея о сделанном. И третий совет: не пытайся схватить то, до чего не можешь дотянуться.

Выслушал охотник умные советы соловья и решил не убивать птицу.

– Дарю тебе жизнь, – сказал он.

Соловей тут же взлетел на высокую ветку и сказал:

– Эй, охотник, я тебя обманул. Я не думал о своей смерти. О нет! У меня в зобу спрятан кусок золота величиной с гусиное яйцо. Правители семи падишахств ищут этот золотой слиток, и только я смог его сохранить. Я очень боялся, что это сокровище попадет в руки такого безжалостного человека, как ты.

Услышал охотник эти слова, схватил свое ружье и снова стал целиться в соловья. А соловей тем временем спрятался на самой верхушке дерева, не шевелится и голоса не подает. Долго в густой листве высматривал охотник соловья, но так и не нашел. Разозлился охотник, положил свое ружье на землю, а сам полез на дерево. Взобрался он почти на самую верхушку. Только хотел переступить с одной ветки на другую, как сук под ним надломился и охотник, ломая сучья и раздирая в кровь тело, рухнул на землю. Лежит, стонет, собирается смерть встретить. Крикнул он тогда соловью:

– Соловей, спаси меня. Я не буду убивать тебя. Только спаси!

Подлетел соловей к искалеченному охотнику и говорит:

– От всех болезней есть лекарства, только от твоей болезни лекарства нет.

– Как же так?! – сквозь слезы простонал охотник.

– А так, – отвечает соловей. – Я дал тебе три совета, но ты ни одному из них не последовал. Первый мой совет был такой: не верь невозможному. Но ты поверил. Как же я, такой маленький, мог проглотить кусок золота величиной с гусиное яйцо?! Второй мой совет был такой: не жалею о сделанном. Ты подарил мне жизнь, но когда я сказал тебе, что у меня в зубу лежит кусок золота, ты пожалел, что не убил меня. Третий мой совет был такой: не пытайся схватить то, до чего не можешь дотянуться. Я взлетел и спрятался на самой верхушке дерева, но ты все равно полез за мной. Вот теперь ты лежишь на земле и стонешь. Ничем я не могу помочь тебе, глупый охотник. От глупости нет лекарства.

Сказки-потешки о Малахите-арбечи

Не так давно, старики говорят – лет пятьдесят назад, в городе Хасав-Юрте жил один извозчик-арбечи, звали его Малахит. Жил он бедно, ничего у него не было, кроме ветхого дома с покосившимся сараем и жены, вечно ругающей своего непоседливого мужа, но которую, стараясь не показывать виду, Малахит очень любил. А еще у Малахита был ишак-кормилец, купленный по случаю на базаре. С раннего утра запрягал Малахит своего ишака и отправлялся на базар в поисках работы, а вечером возвращался домой к своему очагу. Иногда за день приключались с Малахитом разные истории, о которых с удовольствием рассказывали жители города, где-то добавив, а где-то убавив. Так вокруг Малахита и его ишака слагались байки.

Жители города любили Малахита, но относились к нему с доброй насмешкой, потому что Малахит был не злым, а трудолюбивым, но во всем искал свою выгоду, людей при этом не обижая. В народе так и говорили о нем: «Если дурак, то для других дурак, а для себя – нет!»

Обычно, собираясь во время какого-нибудь увеселения – «кайфа», кто-нибудь из присутствующих, стараясь во что бы то ни стало развеселить, рассмешить собравшихся, вспоминал о Малахите и о его проделках и, подшучивая над окружающими, рассказывал старые байки или придумывал новые.

Много прошло времени с тех пор... Где теперь живет забавный Малахит со своим ишаком, никто не знает, но люди до сих пор, рассказывая байки друг другу, потешаются над ним. Я тоже могу рассказать вам некоторые из них.

Как Малахиту ишак достался

Как-то один глубокий старик понял, что его ишака покидают силы. Видя такое дело, собрался он на скотный базар продать животное. Целую неделю приходил старик на базар. Но никто к нему не подходил и не спрашивал не только «почем твой ишак?», но и «кто ты такой?» и «откуда пришел?». Увидел опечаленный продавец ишака проходившего мимо Малахита и пожаловался ему. Вечно нуждающийся Малахит сразу скумекал наживу и тут же предложил:

– Я могу помочь твоему горю. Но с одним условием!

Хозяин ишака заинтересовался:

– Хорошо! Я согласен! Каково же твое условие?

– Условие мое такое, – ответил Малахим, – ты должен доверить мне на семь лет своего ишака, и я найду покупателя.

Ничего не оставалось делать бедному старику, и он согласился.

Привел Малахим домой ишака и обо всем рассказал жене.

– Эй, разоритель дома, из этого дела добра не будет. В случае чего этот человек на тебя в суд подаст.

Малахим подумал немного и ответил:

– Не печалься, жена! Лучше подумай о том, как в сарае мышей выловить, чтобы ишака там поставить!.. А за семь лет или ишак умрет, или его хозяин!

На следующий день Малахим купил почти задаром себе арбу и стал запрягать в нее этого ишака и ездить на базар на заработки. А что касается хозяина ишака, то он спустя семь месяцев умер.

Так вот и достался Малахиму ишак. С тех самых пор в народе стали говорить: «Хозяин ишака умер, а ишак Малахиму достался», или же: «Или ишак умрет, или – хозяин».

Как Малахим от мышей избавился

Завелись в доме Малахима мыши, ну просто сладу нет. Всю ночь бегают то из сарая в комнату, то из комнаты – в сарай, везде шныряют, все грызут, ни Малахиму спать не дают, ни жене его, ни ишаку в сарае. Как только не старался Малахим избавиться от этих серых тварей: то капканы расставит, то все щели в комнате замажет, то в сарае дырки кирпичами приткнет... А мыши рядом пророют себе выход и опять докучают Малахиму.

Решил тогда Малахим послать мышиному падишаху гневное послание: «Я, Малахим, падишах этого дома, требую срочно вывести из моих наследственных владений твое мышинное войско. Если же ослушаешься и не исполнишь моих требований, то предам твои укрытия огню!» Написал Малахим это послание, поставил свою подпись – «падишах», ниже велел расписаться и жене своей, как везиру правой руки. Затем он пошел в сарай, поставил ногу своего ишака в краску и приложил к ней свою бумажку.

– Ты будешь везиром левой руки! – сказал он ишаку и, расставив капканы, стал ждать.

Ждет он день, ждет он ночь, а мыши по-прежнему бегают то из комнаты в сарай, то из сарая в комнату; везде лазают, все грызут, никому спать не дают... Но случилось так, что одна мышь в капкан угодила. Высвободил Малахим пленницу и, свернув в трубочку свое

послание, положил его в мешочек, а мешочек привязал к мышинному хвосту и отпустил ее. Мышь в страхе шмыгнула в норку, а Малахим остался ждать ответа.

Ждет он день, ждет он ночь, – а мыши по-прежнему по комнате бегают, везде лазают, все грызут, а ответа никакого не шлют.

Зло разобрало Малахима.

– Ну, – говорит он жене, – если завтра эти твари не покинут мои владения и не уйдут навсегда или хотя бы не пришлют ответа, я предам их укрытия огню!.. Ты, везир правой руки, будешь свидетелем моих дел!

А жена отвечает:

– Эй, разоритель дома, что ты болтаешь? Ведь, предавая их владения огню, ты сожжешь и свой дом!

– И это верно! – соглашается Малахим и тут же спрашивает, что ему делать.

– Да пусть себе живут! – говорит жена.

– Нет, везир правой руки! – вскричал Малахим. – Никогда этому не бывать! Или я – или они!.. Запомни!..

На следующий день в капкан снова угодила мышь. Высвободил Малахим новую пленницу, привязал к ее хвосту на этот раз мешочек с красным перцем и отпустил. Мышь шмыгнула в страхе в норку и к своим прибежала. Увидели они привязанный к хвосту своего сородича мешочек и принялись есть его содержимое. Грызут, толкают друг друга, пищат... Вскоре почувствовали мыши в животе у себя страшную боль. Такую страшную, словно кто-то там, в животе, иголками их колет.

Это от красного перца разболелись животы у этих тварей. Стали они одна за другой выскакивать из своих норок, да по комнате бегать, пищать. Побегают, побегают, затем юлой закружатся на одном месте и – ножками кверху. Так вот все и померли!

А Малахим, довольный своей победой, принес из сарая плетеную корзинку, собрал в нее мертвых мышей, затем запряг своего ишака и отвез всех этих тварей далеко за город.

– Чтобы и запаха врагов своих не чуют, – в сердцах сказал Малахим.

Так вот Малахим и избавился от докучавших ему мышей.

Как Малахим перец возил

Отправился как-то утром Малахим на базар на заработки. Вдруг к нему подошел один человек и попросил отвезти к нему домой несколько мешков красного злого перца.

Погрузил Малахим мешки, сел сам поверх, хлестнул плеткой своего ишака и поехал.

Но надо же было такому случиться: начал ишак непрерывно чихать. Остановился и ни с места – чихает и чихает. Малахим и так и эдак, хлещет животное: ишак чихает, ревет, приседает, а с места не двигается. Слез тогда Малахим, потянул ишака за уздечку, старается хоть так заставить упрямое животное идти. А ишак уперся ногами и опять ни с места – все чихает да чихает. Как только не старался Малахим справиться с упрямым ишаком, как только не кричал на него – а ишаку хоть бы что! Стоит, словно к земле прирос. Бедный Малахим так устал, так вспотел, что у любого его увидевшего сочувствие бы вызвал.

Стал тогда Малахим ласковые слова ишаку говорить:

– О, почтенный ишак, сын таких славных родителей, внук багдадского ишака, далекий правнук библейского ишака... Не стыдно тебе быть упрямым?.. Да ради такого почтенного рода своего сжался надо мной, не мучь меня... Давай, поехали!

А ишак ушами шевелит, чихает, но с места не двигается. Зло разобрало Малахима на своего упрямого ишака. Стал он осыпать его такими проклятиями, что и повторить не осмелишься. Стал он его так хлестать плеткой, что мертвый и тот бы не вынес этих побоев – ожил бы и забегал. А ишак все кричит, чихает, но с места не двигается.

Много собралось любителей позабавиться над чужой бедой. Стопились вокруг, смеются, а Малахим все бьет ишака своего и никак успокоиться не может.

Тут кто-то из толпы крикнул:

– Эй, Малахим, чего ты так убиваешься? Да положи ты этой твари под хвост перец.

Посмотрел Малахим в толпу, ударил с досады себя кулаком по голове и говорит:

– Да напиться бы мне слюной твоего рта, добрый советчик... Где же ты был до сих пор!? Очень правильно говоришь... А то я, лысый дурак, и не додумался до этого!

Взял Малахим самый сухой перец и ишаку под хвост положил. А ишак как закричит, как прыгнет – и давай бежать.

Спохватился Малахим, а ишак с арбой уже на целых триста метров убежал. Пустился Малахим вдогонку. Бежит, бежит, а догнать никак не может. Видят все это люди, смеются, а остановить наперченного ишака никак не могут. Только к вечеру, достигнув речки, остановился упрямый ишак.

Долго думал Малахим: почему же вдруг его послушный ишак на этот раз был таким упрямым? И наконец понял, что виной всему был запах красного перца, который жег ишаку ноздри.

С тех пор, говорят, Малахим наотрез отказывался возить людям перец.

– Хоть миллион дашь, не повезу! – говорил он такому человеку.

Малахим и воры

Однажды ночью во двор к Малахиму пришли воры и стали стучать. Проснулась жена Малахима и тихонько толкнула мужа в бок.

– Эй, Малахим, вставай, кто-то к нам стучится!

Вскочил Малахим и спрашивает:

– Кто там?

А воры в ответ:

– Открывай и не шуми! А то дом твой разорим!

До дрожи в теле испугалась бедная жена Малахима и говорит мужу:

– Не смей открывать! Это воры!

– Будь мужчиной! – строго сказал Малахим жене. – Не дрожи, старая ворона! Иди, одень на голову мою папаху и лампу выкрути побольше, да и к окну приставь... Пусть они видят, что и мы мужчины.

Сделала жена все, как Малахим сказал, и в страхе ждет: что же будет дальше? А Малахим тем временем снял с гвоздя свой ремень, скрутил его и, сделав из него подобие пистолета, приставил к стеклу окна и спрашивает:

– Что вам надо?

А воры в ответ:

– Открывайте двери и не шумите! А не то головы вам отрубим!

«Да! – подумал Малахим в страхе. – Наши дела плохи. Убьют и уйдут».

Вдруг Малахима осенила мысль, и он стал кричать:

– Идите! Ничего у нас нет! – а сам все своим «пистолетом» в воров целится. – Клянусь ишаком, что в моем сарае стоит, буду стрелять!.. Уходите скорее!..

Услышали воры, что хозяин про ишака говорит, и решили украсть скотину.

– Он побоится выйти. Пойдем в сарай! – сказал один из них.

Открыли они двери сарая и вошли. А Малахиму того и надо было. Ведь он знал, что если воры и лопнут от усердия, все равно не смогут разорвать цепь, которой к железному колу привязан его ишак.

Не стал медлить Малахим, незаметно выбежал во двор, закрыл снаружи на засов двери сарая и стал кричать, соседей на помощь звать.

– Люди добрые! Помогите!.. – стал он кричать во все горло. – Вставайте!.. Двое неизвестных мужчин глумятся над моим ишаком!..

Повыскакивали соседи из своих домов и к Малахиму во двор прибежали.

– Что случилось? Какие мужчины? Где они?

А Малахим и говорит:

– Простите, дорогие! Это мне, старому дураку, приснилось. Идите и продолжайте спать!

Соседи разошлись по домам, а Малахим тихонько отодвинул на дверях сарая засов и подслушивает, как спрятавшиеся в углу воры, стуча зубами от страха, переговариваются:

– По-моему, все разошлись! – говорит один.

– По-моему, тоже! – отвечает другой и добавляет: – Никак не пойму, почему он не стал нас ловить?

– Я тоже! – коротко ответил первый.

Вскоре воры незаметно ушли. Малахим вернулся в дом, разделся, лег в постель и с гордостью говорит жене:

– Видишь, старая ворона, какой смелый твой Малахим!

– Вижу! – согласилась жена и поспешила спросить: – А почему ты не дал их поймать?

– Спи, старая ворона, это не твоего ума дело! – раздраженно ответил Малахим и погрузился в сон.

Прошло, говорят, два-три дня. Малахим забрался на свою арбу и поехал на заработки. Ходит он по базару в поисках клиента. Вдруг к нему подходят двое здоровенных мужчин.

– Салам алейкум, Малахим! – приветствуют его эти двое.

– Во алейкум, во салам! – отвечает Малахим.

– Ты нас знаешь? – спрашивают они.

Посмотрел Малахим на них и говорит:

– Нет... Не знаю!.. А что?..

– Умный и добрый ты человек! – говорят ему эти здоровенные мужчины. – Получай от нас сто золотых и не спрашивай больше ни о чем.

Конечно, Малахим догадался, что эти двое те самые воры, которые хотели ишака

украсть. Взял он сто золотых, сел на свою арбу и мигом приехал домой.

– Эй, старая ворона, – говорит он жене, – запомни: от добра добро бывает. На тебе сто золотых, а теперь приготовь мне кюрзе – я проголодался, и больше ни о чем не расспрашивай меня.

А жена, распаленная тем, что Малахим запретил ей спрашивать, откуда столько золотых, еще больше пожелала вызнать правду. Стала она приставать к нему с вопросом:

– Откуда у тебя столько золотых?.. Наверное, где-то украл.

– Да чтоб у тебя язык отсох... Как ты смеешь о мудром муже своем так думать?! Ты что, забыла, какого мы роду-племени?

А жена опять свое:

– Тогда скажи правду!

И рассказал ей Малахим всю правду.

Выслушала жена и, возгордившись своим Малахимом, поцеловала его лысую, плешистую голову, а сама, довольная неожиданным богатством, пошла готовить кюрзе.

Как Малахим соседа проучил

Накопил как-то Малахим двести золотых. Бедняга боялся воров и не знал, куда их спрятать.

Однажды он остался в доме один, выкопал во дворе яму и зарыл там свои сбережения. Отошел на несколько шагов и подумал: «Я же могу забыть это место!» Решил он тогда поставить метку. Но какую?! Долго думал он, но ничего не мог толком придумать.

– Если поставлю камень, – говорил он сам себе, – дети могут взять и выбросить. Если посадить здесь дерево, станут люди в его тени собираться – сладу не будет. Если поставить здесь тонур, золотые мои расплавятся... Положу я на этом месте отходы моего ишака!

– решил он, наконец. – Этот запах никого близко не подпустит!

Сделал он так, как решил, – и спокойно поехал на базар.

А тут такое случилось, о чем бедный Малахим и подумать-то не мог. Забежали к нему во двор соседские куры и разворошили все отходы Малахимова ишака. Затем во двор забежала соседская собака и стала рыть то место, где бедный Малахим спрятал свои сбережения. Добралась она до узелка с золотыми монетами, схватила зубами и в свой дом принесла. Видит хозяин, как его пес что-то в зубах держит. Погладил он собаку, взял узелок, а там двести золотых. Обрадовался хозяин, угостил собаку куском мяса, а находку положил в ларец к своим золотым. А собака побежала опять к тому месту и опять стала рыться.

Вернулся Малахим с базара вечером, смотрит: на том месте, где он спрятал свои

сбережения, соседская собака роется. Запустил он в пса со всей злости палкой, да промазал. Собака шмыгнула в дырку забора и убежала. Видит бедный Малахим – нет в яме узелка. Погоревал он и понял, что горем дело не поправишь. «Ну, пес, -думает Малахим, – проучу я тебя и твоего хозяина!»

На следующий день Малахим бросил в сарай кусок мяса, оставил двери открытыми и стал ждать. Почуяла соседская собака запах мяса и тут же в сарай забежала. А Малахим выскочил из своего укрытия – и в сарай. Поймал он собаку, привязал к ее хвосту железную банку и отпустил на улицу. Бежит собака, напуганная грохотом пустой банки по мостовой, и никак не может остановиться. Говорят, что устала она бегать и дух испустила. Увидел хозяин умершую свою собаку, а кто ей банку привязал, так и не узнал. Приволок он собаку домой и закопал в саду.

Не прошло и двух-трех дней, как Малахим откопал собаку, привязал к ней длинную веревку и рано утром потащил к дому соседа. Стал он думать, как бы под пол соседского дома затащить мертвую собаку. Думал-думал и, наконец, придумал. Поймал он чью-то кошку, привязал к ее шее конец веревки и пустил под пол соседского дома. Кошка в испуге бросилась бежать и выскочила на другую сторону соседского дома. А Малахиму того и надо было. Освободил он перепуганную кошку, а сам стал тащить труп собаки, привязанный к другому концу веревки. Дотащил он этот труп до середины подпола, припрятал конец веревки, а сам отправился на базар.

Прошло, говорят, несколько дней, как жена соседа и говорит мужу:

– Эй, муж, чем-то неприятным пахнет в доме!

– Да быть отрезанным твоему курносому носику, жена, это тебе показалось! – отшутился муж.

Прошел еще день, а жена опять:

– Эй, муж, ты хоть и голову мне отруби, но я чувствую в доме трупный запах! Встань и посмотри, может быть, наши соления испортились.

Принюхался муж – и вправду ужасно чем-то пахнет. Стал он под столами, под кроватями смотреть... Все закоулки осмотрел... Всю посуду перенюхал... Словом, все осмотрел, даже из сил выбился, а откуда так противно пахнет, не догадался.

Вот и ночь пришла. Лег он спать, а уснуть не может: все сильнее пахнет, ну, прямо терпеть невозможно. Встал он тогда, жену и детей поднял, и все стали матрацы и одеяла осматривать, все обнюхивать, и опять не могут найти, откуда воняет.

– Нет! – говорит он жене. – В доме спать нельзя! От этого запаха и умереть можно... Лучше во дворе будем спать!

Вынесли они одеяла и матрацы во двор, постелили на земле, легли и тут же, как мертвые, заснули.

Только Малахим не спит. Встанет он тихонько, отодвинет шторы, смотрит – а у соседа

все свет горит и тени в окнах двигаются.

– Так-так! – злорадствует Малахим. – Будешь знать, как чужое добро себе присваивать!

В это утро проснулся Малахим, как и всегда, рано, вышел во двор и слышит: из соседского двора такой храп раздается, словно двух поросят одной веревкой на столб повесили. Подошел он к соседскому забору, видит: сосед и вся его семья во дворе спят. Не стал их Малахим будить. Зашел в свой сарай, освободил своего ишака от цепи, вывел во двор и стал хвост ему крутить. До тех пор крутил, пока ишак кричать не стал. Услышал сосед крик ишака, проснулся и скорее к Малахиму с жалобой:

– Сосед, на мою голову горе привалило!

– Какое горе?! – спросил Малахим, делая вид, что он ничего не знает.

Пригласил сосед Малахима в дом. Вошел Малахим, сморщился от запаха и говорит:

– Фу! Что за противный запах! Запахом испражнений Шагаду пахнет!

– Что?! Что?! – испугался хозяин дома.

– Бывают, говорят, такие случаи, когда в какой-нибудь дом приходит Шагаду и испражняется. И запах его испражнений до тех пор будет, пока какой-нибудь грешник не умрет.

– О!.. Не может быть! – в страхе воскликнул сосед и тут же спросил: – Неужели нельзя что-нибудь придумать?

– Говорят, что можно, – съехидничал Малахим и добавил: – Нужно ясновидящую позвать и заплатить ей... Она знает какие-то заклинания.

– О, Малахим, да прожить тебе сто двадцать лет, помоги моему горю! – взмолился сосед. – На тебе двести золотых, найди мне такую ясновидящую.

– Ладно! – ответил Малахим, беря те самые двести золотых, которые сосед присвоил себе.

В этот день Малахим, радуясь тому, что сумел все-таки вернуть свои сбережения, поехал на базар на заработки. А сосед остался дома наедине со своим горем.

Вот уже и полдень наступил, дети соседа есть захотели. Ничего не оставалось делать хозяину семейства, как войти в дом, хоть что-то вынести поесть. Вошел он, прикрывая рот и нос своей папай, и видит: о ужас! по комнате черви ползают, да такие жирные, противные. Выскочил он во двор – и к жене.

– Правильно говорит Малахим. Эти черви и есть испражнения Шагаду.

Стала жена плакать, кричать, волосы на голове рвать, Худо о помощи просить.

Собрались соседи и тоже ничем ни помочь не могут, ни понять, в чем же здесь дело, а только судачат и руками разводят.

Вечером вернулся с базара Малахим, а сосед ему навстречу.

– Ну как, Малахим, есть ли хоть какое спасение?

А Малахим в ответ:

– Те деньги, что ты мне дал, ясновидящая сказала, что это не твои деньги, чужие. Ты их себе присвоил, за что и наказан и ты, и твоя семья...

– О! – воскликнул сосед. – Права ясновидящая. Что же теперь делать?!

А Малахим продолжает:

– Она сказала, чтобы ты насыпал у ворот своего дома крупную соль, встал на колени на эту соль и остался стоять так до утра.

– Я готов! – смиренно ответил сосед.

А Малахим опять продолжает:

– И еще она просит пятьсот золотых, честно заработанных. Только тогда она может спасти и тебя, грешника, и всю твою семью.

Сосед упал перед Малахимом на колени и все сделал так, как тот ему велел. Дал он Малахиму пятьсот золотых, честно заработанных, насыпал у ворот дома крупную соль, встал на колени и стал ждать спасения от постигшего его горя.

А Малахим, взяв эти золотые монеты, ушел куда-то, затем вернулся и говорит:

– Она взяла эти золотые и сказала, что виной всему этому твоя собака.

– Она же умерла, и я ее похоронил, – говорит сосед.

– Где? – спрашивает Малахим.

– Там, в саду! – отвечает сосед.

Малахим предложил пойти и откопать. Пришли они, вырыли это место и видят – в яме нет никакой собаки.

– О, Худо! Что за чудо! – воскликнул в страхе бедный сосед. – Ведь я ее сам своими руками здесь закопал.

– Может быть, она была еще не мертвая? Встала и побежала! – говорит Малахим.

– Куда? – сокрушается сосед.

Не стал Малахим больше ни о чем вести разговор. Собрал он почтенных стариков и велел соседу перед всеми рассказать о том, каким образом чужие сбережения присвоил он себе.

И сосед рассказал все, как было.

– Да! – многозначительно произнес Малахим с ехидством и добавил: – Верно люди говорят: «От собаки и ласку возьмешь, и зубы...» Похоже на то, сосед мой, ты взял и то и другое.

Затем Малахим повел соседа к его дому, достал из-под пола спрятанный им конец веревки и протянул соседу.

– Тяни и не забывай, что у каждой веревки два конца. Один конец ты сжег и присвоил себе мои сбережения, другой конец я сжег и отомстил тебе, привязав к нему мертвую собаку...

Ни словом не посмел возразить сосед. Он проклинал свою жадность, а потому и промолчал. Ведь соседи все слышали и осуждали его поступок, а над проделками Малахима – от души смеялись.

Малахим и младший брат жены

Как-то, говорят, ремонтировал Малахим свою арбу, измучился, устал. А тут еще и младший брат жены пришел и стал мешать. То молоток возьмет, то щипцы... Надоело Малахиму все время спрашивать: «Где молоток? Где щипцы?...» – и решил он прогнать его. А нужно сказать, что у младшего брата жены всегда на носу висела сопля. Часто, бывало, напоминал ему Малахим, чтобы он свой нос вытер. Но на сей раз не стал он ему об этом напоминать. Взял Малахим шуруп и отвертку, подозвал к себе этого сопливого юношу и спрашивает:

– Хочешь помочь?

– Хочу! – с готовностью отвечает шалун.

А Малахим и говорит ему:

– На тебе шуруп и отвертку и подвинти посильнее свои сопли. Это будет самая нужная твоя помощь.

Стыдно стало младшему брату жены, и он ушел.

Как Малахим вылечил своего ишака

Как-то заболел у Малахима ишак. Лег он на землю и целыми днями не встает – все головой качает. Испугался Малахим, позвал лекаря, а лекарь и говорит:

– Страшная болезнь у твоего ишака. Может, и не поправится.

Побледнел Малахим, от горя у него лицо потускнело, цветом золы покрылось. Взял он таз, положил рядом с ишаком, да и сам сел. Обнял он ишака и плакать стал, да так горько плакать, что из глаз не переставая слезы текли, словно с осеннего неба дождь.

– Ой! Ой!.. Мой кормилец, – плачет Малахим, – что же я буду делать без тебя? Ведь ни от братьев, ни от кого из родных мне помощи нет. Что же я буду делать без тебя, мой кормилец?! Если ты умрешь, я тоже в твою могилу рядом лягу. Не нужен мне без тебя этот белый свет...

Так долго плакал Малахим, так долго, что таз до краев его горькими слезами наполнился.

А ишак лежит себе и все головой кивает. А Малахим, не переставая, причитает:

– Ой! Ой!.. Мой кормилец, издай из любой своей дырки хоть один звук, подай голос, скажи, что ты еще живой...

Поднял ишак голову, посмотрел на бедного Малахима, затем с трудом встал на ноги и стал из таза слезы пить.

Видит Малахим: ишак его поправился, даже «и-а! и-а!» кричать стал. От радости Малахим заплясал, своего ишака целовать стал, а ишак все не переставая «и-а!» кричит.

Еще больше обрадовался Малахим и скорее к жене побежал.

– Эй, старая ворона, – кричит, – знай: слезы мои лучшее лекарство, как заболеешь, пей их... Видишь, мой ишак выпил мои слезы, поправился и кричит.

А ишак все громче и тревожнее «и-а!» кричит.

Побежала жена в сарай и видит: ишак себе места не находит, все кричит и прыгает. Догадалась жена, что скотина напилась горьких слез ее мужа, и набросилась на Малахима с такими словами:

– Эй, разоритель дома, давай скорее воды носи. Ишак отравился твоими слезами.

Принес Малахим ведро воды и стал ишака поить. Напился ишак и кричать перестал.

– Бедная скотина, чуть не померла! – упрекнула жена мужа.

А Малахим ей отвечает:

– Эй, старая ворона, что ты понимаешь?! Ведь всегда же лекарство водой запивают... Вот и ишак запил мои слезы водой и успокоился.

Как Малахим убил свой камзол

Как-то жена Малахима выстирала камзол мужа и на ночь повесила во дворе на веревке.

Случилось так: ночью проснулся Малахим, вышел во двор, чтобы сходить по нужде. Вдруг видит он: посреди двора какой-то человек, одетый в камзол, стоит. Не долго думая, забежал Малахим в дом, сорвал со стены свой ржавый кинжал и опять выбежал во двор. Смотрит: человек в камзоле с ноги на ногу переминается – все норовит на него напасть. Малахима охватил такой страх, что он бросился с обнаженным кинжалом на незнакомца, бьет и приговаривает:

– Ради святой могилы своего отца скажи, кто ты?.. Ради святой могилы отца своего скажи, кто ты?..

Услышала жена эти крики, выскочила во двор и видит, как муж с кем-то дерется. Догадалась она, что свой камзол муж принял за вора, и крикнула:

– Эй, разоритель дома, успокойся, это же твой камзол!.. Я его вчера постирала и повесила на веревку.

Остановился Малахим, смотрит – и вправду это его камзол. Обрадовался он, подбежал к жене и стал ее с ног до головы целовать.

– Эй, Малахим, что с тобой?! Чего ты меня так целуешь! – удивилась жена.

А Малахим и отвечает:

– Потому, старая ворона, что ты вместе с камзолом и меня не повесила!

Как Малахим поросят купил

Приехал как-то Малахим на скотный базар, привязал своего ишака в тени дерева, а сам стал по базару ходить. Идет и слышит:

– Подходите! Подходите! Дешево даю!

Подошел Малахим, видит – какой-то русский поросят продает и людей созывает.

– Почему? – между прочим спрашивает Малахим.

Продавец назвал цену. Малахим махнул рукой – мол, дорого. А продавец взял его руку, ударил по ней своей рукой и говорит:

– На половину дешевле отдам! Бери, Малахим!

Отсчитал Малахим нужную сумму, отдал продавцу, взял двух поросят, связал их одной веревкой, вывел за ворота скотного базара и стал им дорогу к своему дому объяснять:

– Эй, Васьки, – пойдете прямо-прямо, дойдете до горки, свернете направо, пойдете прямо-прямо, дойдете до большого сада. Напротив сада – мое одно окно и одни ворота... Войдете во двор и скажете жене, что я вас послал.

А поросята визжат, да так громко, что Малахим сам себя не слышит. Стал Малахим снова им объяснять дорогу. А поросята пуще прежнего визжат. Не выдержал Малахим, пнул поросят ногой и отпустил.

– Найдут дорогу. А не найдут – спросят... Все знают, где Малахим живет! – сказал он с досадой.

Побежали поросята по улице, а Малахим преспокойно пошел по базару клиента себе искать.

Вечером вернулся он домой злой и голодный: как-никак все монеты за поросят отдал.

– Эй, жена!.. Хорошие поросята?! – спросил он.

Выбежала жена во двор и спрашивает:

– Где?! Какие поросята?!

А Малахим в ответ:

– Как какие?! Я купил двух поросят, связал их одной веревкой, трижды объяснил им дорогу и сказал, чтобы они пришли к нам домой.

– Ой-ой! Разоритель дома! Зачем тебе тратить последние монеты на каких-то поросят? – стала кричать жена на мужа.

Рассердился Малахим на жену, пригрозил ей кулаком и спрашивает:

– Скажи, жена, куда они могли уйти?

– Что тебе сказать? – еще сильнее кричит жена и бьет себя по голове. – Да лежать тебе в одном гробу с этими поросятами, откуда мне знать...

– Отвечай, старая ворона, куда они могли уйти?!

– Да быть тебе самому свиньей, – продолжает злиться жена.

– Наверное, ушли туда, откуда пришли!..

– А!.. – многозначительно сказал Малахим. – Теперь я понял!.. Верно говорят в народе: «Каждая мышь свою норку находит».

И на этом Малахим успокоился, а сам подумал: «Бог знал, что нам запрещено держать в доме отверженных им животных... Вот потому-то и не указал к нашему праведному дому дорогу».

Как Малахим разводился с женой

Как-то, говорят, поссорился Малахим с женой, и дело дошло до развода.

– Будем все наше имущество поровну делить, мне твое не нужно, – сказал он жене и стал делить.

– Кровать мне, мравать тебе... Стол мне, мистол тебе. Одеяло мне, мадеяло тебе... Матрац мне, атрац тебе... Чайник мне, майник тебе... Кастрюля мне, мастрюля тебе... Суп в кастрюле мой, муп в мастрюле твой... Ложка мне, хошка тебе...

Поел Малахим суп и снова стал делить:

– Мешок мне, мушок тебе... Замок мне, мамок тебе... Ключ мне, улуч тебе...

Осмотрел Малахим все закоулки в доме – ничего, мол, не забыл? -и, убедившись в том, что все имущество разделено поровну, сел посередине комнаты и задумался.

– Эй, Малахим, что-нибудь еще осталось? – вдруг спросила жена.

– Да, осталось, – ответил Малахим и стал делить дальше.

– Платье твое мне, млатье твое тебе, штаны твои мне, маштаны твои тебе... Жена мне, муж тебе. – Малахим обнял жену, и они оба поцеловались, как некогда в молодые годы.

Но говорят, что с тех пор их скандалы не доходили до развода, а если и случалось такое, то все начиналось, как и раньше: «Кровать мне, мравать тебе...» И кончалось: «Жена моя мне, муж твой тебе...»

«Это не мой чемодан...»

Ехал как-то Малахим в другой город. А дело было глубокой ночью. Лежит он на нижней полке и о своем ишаке думает: «Как он там без меня?.. Дала ли жена ему отрубей?..»

Вдруг на одной остановке в купе вошли двое мужчин. Сели они напротив Малахима, а сами все наверх поглядывают. А наверху чьи-то чемоданы лежат. Догадался Малахим, что эти двое воры. «Ну, -думает он, – разорился мой дом. Если унесут чужие чемоданы, проснутся хозяева и подумают, что я украл... Если же гнать воров, то кто знает, ударят ножом – и здравствуй тот свет!.. Что тогда мой ишак без меня делать будет?!»

А воры то на него смотрят, то на чемоданы: никак понять не могут, чьи же чемоданы. Кто знает, сколько они так ехали... Но вдруг Малахим догадался, как ему поступить. «Нужно через игольное ушко пролезть», – сказал он сам себе и стал кричать:

– Это не мой чемодан-дан-дан-дан! Это не мой чемодан-дан-дан-дан!..

Кричит Малахим все сильнее и сильнее. Воры подумали, что этот человек своим причитанием советует им не бояться его. Встали они и только потянулись к чужим чемоданам... – тут произошло то, что и хотелось Малахиму. Услышали хозяева сквозь сон: «...дан-дан-дан!..» – вскочили и за свои чемоданы ухватились.

Так вот воры и ушли ни с чем. А Малахим перевернулся на другой бок и спокойно

заснул.

Как Малахим на поезд опоздал

Поехал как-то Малахим по каким-то делам в тот город, где жили родственники жены, и решил пойти к ним в гости. Обрадовались родственники и говорят:

– Никуда не уходи!..

– Я должен ночью ехать, билет в кармане, – отвечает Малахим.

– Жена будет беспокоиться, да и ишак мой без меня скучает.

А родственники в ответ:

– Кюрзе сегодня будем делать! Оставайся!

– О! – воскликнул Малахим, – коли кюрзе, говоришь, останусь!

Приготовила хозяйка дома кюрзе и подала на стол. Стал Малахим кушать, о том о сем говорить, а про то, что ему ехать надо, и позабыл. Вдруг слышит он – где-то паровоз прогудел.

– О! – воскликнул Малахим. – Слышали, паровоз меня зовет. Надо на вокзал идти!

Собрал он наспех свои вещи и, не доев угощение, со всех ног на вокзал помчался. Прибежал он, а поезд уже отъехал – только огоньки сзади горят. Побежал Малахим за поездом и давай кричать:

– Эй, куда пошел? Мой билет у меня в кармане.

Разве остановится поезд лишь потому, что Малахим задержался, пока кюрзе ел. Конечно же, нет! Подошел тогда Малахим к перрону, сел на скамейку и стал плакать и приговаривать:

– Ой! Ой!.. Недоеденное кюрзе, наверное, уже остыло.

– Ой! Ой!.. Ишак мой кричит, беспокоится за меня, скучает и умереть может... А жена в одиночестве от страха дрожит... А может быть, кто ее уже и похитил... Что я буду делать один...

Плачет он, да так горько плачет, будто отца родного хоронит.

Собрался народ и спрашивает:

– Что случилось? Почему плачешь?

А Малахим отвечает:

– Кюрге остыло, ишак голодный, жена скучает, паровоз ушел.

– Не надо плакать! – говорят люди. – Скоро еще будет поезд.

А Малахим никак не успокоится:

– На что мне ваш поезд? Он не ждет меня... Я дам жене депешу, чтобы моего ишака прислала за мной... Мой ишак никуда без меня не уходит. Всегда меня дожидается... Лучше я пойду, кюрге доем и буду ждать ишака своего.

Взвалил он свои вещи на спину и поплелся к родственникам жены кюрге доедать.

А в народе с тех пор стали говорить: «Малахим кюрге кушал, а поезд его не ждал».

Как Малахим золото нашел

Однажды захворал у Малахима ишак. Оставил он его дома, а сам положил в карман десять золотых монет и пошел на базар купить к ужину еду. Подошел он к базару и видит – у входа сидит слепой нищий и выкрикивает:

– Кто даст десять золотых, тому Бог сто золотых даст!..

– О! – воскликнул Малахим, – отдам-ка я нищему мои десять золотых... Глядишь, Бог мне сто золотых даст.

Отдал он нищему десять золотых, повернулся и пошел к себе домой.

– Что купил? – спрашивает жена.

– Как видишь, ничего не купил, – ответил Малахим и рассказал о том, как один нищий кричал: «Кто десять золотых даст, тому Бог сто золотых даст!.. Кто десять золотых даст, тому Бог сто золотых даст!» Вот я поверил этому нищему и отдал ему свои десять золотых, которые брал на еду.

Стала жена его браниться, набрасываться на мужа, кипя упреками, обрушивать ему на голову всякие проклятия.

– Только полоумный мог поверить глупым словам нищего... – чуть не плача кричала жена. – Эй, разоритель дома, ты подумал, что мы будем есть?.. Все никак с дурью своей не расстанешься!.. Надоел ты мне своими проделками!.. Ступай сейчас же и заberi у этого афериста наши деньги!

Ничего не оставалось Малахиму делать. Пришел он на базар, а нищего и след простыл: еще бы, обрадовался он такой щедрой подачке и сбежал. Стал Малахим по базару ходить, не зная, что делать, как быть. Домой он не решался идти: жена опять обрушится на него с проклятиями. Вдруг слышит – кто-то кличет его. Повернулся и видит – знакомый человек.

– Малахим, есть у меня одна работа, – говорит этот знакомый. – Не согласился бы ты

эту работу выполнить?

– А что за работа? – спрашивает Малахим.

– Отхожее место переполнилось... От вони себе места не находим, да и по нужде сходить негде.

– Если заплатишь десять золотых, согласен, – говорит Малахим. Пришел Малахим к знакомому человеку и видит: такую работу никто и за пятьдесят золотых не взялся бы делать.

– Ну, дожил, – подсадовал он и тут же утешил себя: – Ведь убираю же я за своим ишаком, почему и за людьми не убрать.

Засучил Малахим штанины, снял рубашку и принялся за дело. До самого вечера работал, весь измазался, устал, перепотел. Вдруг почувствовал он, что ведро о какой-то твердый предмет ударилось. «Что бы это могло быть?!» – удивился он. Спустился по поясу в яму и стал руками доставать этот предмет. А когда достал, то видит – это золотой слиток.

«Золото! – обрадовался он и тут же погрузил его на дно ямы. – Кто знает, хозяин увидит и отберет», – подумал он и решил скорее закончить всю работу и лишь потом взять находку и, пряча ее, – скорее домой.

Как порешил, так и сделал: закончил работу, положил слиток в ведро, наполненное вонючей жижицей и, взяв у хозяина причитающиеся ему десять золотых, – бегом подался домой.

– Эй, старая ворона, закрывай скорее все окна и двери, мы разбогатели! – сказал он жене шепотом.

– Что еще ты натворил?! – встревожилась жена.

– Сказано тебе, дура, делай, что говорят, – грозно приказал он.

Закрыла жена и окна, и двери – и ждет. А Малахим поставил ведро посередине комнаты – и комната наполнилась таким зловонием, что на жену рвота напала, и она слово сказать, на мужа обрушиться, отчитать его не может. А Малахим достал из ведра свою находку, бросил ведро во двор и, показывая, говорит:

– Теперь мы богатые... Построим хороший дом, сад посажу, коз куплю...

– Ишака продадим, лошадь купим, – вставила жена.

– Эй, старая ворона, запомни, никогда я ишака своего не продам, – взбунтовался Малахим.

Приказал он жене спрятать свою находку подальше от чужих глаз, сам умылся, поел и лег спать. Лежит он, и грезится ему новый дом, богатая обстановка, сад, козы... Всю ночь не спалось ему. Утром он положил в карман десять золотых и пошел на базар. Видит – у входа сидит тот самый нищий и восклицает:

– Кто даст десять золотых, тому Бог сто золотых даст!.. Кто десять золотых даст, тому Бог сто золотых даст!

Обрадовался Малахим этой встрече. Подошел к нищему, положил ему в шапку свои десять золотых и говорит на ухо:

– О, добрый человек, если по пояс быть в дерьме, Бог не только сто золотых даст, но и целое состояние.

Сказал так Малахим и, похлопав его по плечу, пошел по базару.

Теперь поведаем вам о жене Малахима. Закрывает она окна и двери, достала этот самый золотой слиток и давай на зуб пробовать: все никак не может поверить в то, что они, наконец-то, из нужды выберутся. Целый день она была занята этим делом.

Вечером вернулся Малахим и видит – окна и двери заперты. Стал он стучать, а жена до того испугалась, что с места сдвинуться не может. Ну, думает, пронюхали недруги о находке и пришли грабить.

Стучит Малахим полчаса, час... Никто не откликается. Взломал он окно, влез, а жена без сознания лежит, и в руках у нее золотой слиток. Схватил Малахим этот слиток, спрятал, затем плеснул на жену холодной водой и в чувство привел.

– Эй, разрушитель дома, я думаю, что это не золото, – говорит жена мужу.

– Что ты болтаешь, старая ворона? – стал возмущаться Малахим. – Ведь я по пояс в дерьме лазил, а ты – не золото, говоришь?!

– Малахим, давай отнесем этот слиток моему брату. Он ювелир, он сразу скажет – золото или не золото.

– Верно говоришь, жена!

Принесли они этот слиток брату жены и ждут, что же он скажет. А он опустил его в кислоту – и слиток почернел.

– Это медь! – говорит ювелир.

Не поверил Малахим, схватил свою находку и к другому знатоку заспешил. Тот тоже опустил этот слиток в кислоту – он еще темнее стал.

– Медь! – сказал и этот человек.

Не поверил Малахим и этому человеку, взял он свою находку, принес домой, сшил мешочек, положил в него слиток и стал хранить в надежном месте, уверяя себя и жену, что это золото. Только пользы от этого «золота» он так и не увидел, а постоянное беспокойство себе и жене создал – это точно!

Как Малахим спасал свою жену

Был в юные годы Малахим в солдатах. Стоит он на посту в одном городе и видит, как какая-то женщина в другом городе ругается с какой-то другой женщиной. Присмотрелся Малахим и видит: это его родной город, а женщина эта не кто-нибудь, а жена его, и ругается она с соседкой.

– Да быть тебе на куски порубленной, если врешь!.. Да чтобы тебе радости век не видать!.. – кричит его жена, да так громко и нервно, что все жилы и поджилки у нее на шее трясутся.

– Да чтобы тебе радость детей своих не видеть! – кричит она и бьет себя от злости по груди, по животу, по голове.

А та, с которой она ругается, ехидно смеется, гримасничает, на нервы жене его действует и еще больше злит ее.

– Ой, жена, хватит, перестань! – крикнул ей Малахим.

Видит Малахим, что жена не перестает, еще больше колотит себя то по голове, то по груди, то по животу...

Жалко стало Малахиму жену, сложил он в рупор ладони свои и давай кричать, жену бранить.

– Эй, жена, – кричит, – голову свою дурную крепче бей, но по груди и по животу своему не смей бить!.. Ведь я еще вернусь к тебе, и эти твои места мне еще будут нужны!

Только нет, никак не может жена успокоиться, усмирить свой гнев и злость.

– Да я тебе за такие наговоры глаза вытащу и собакам брошу! – злится она.

– Только попробуй! – отвечает соседка. – Так я весь дом твой в огонь превращу!

Не удержалась жена его, бросилась на соседку и давай за волосы ее дергать. А соседка изловчилась, свалила его, Малахима, жену и давай ногами топтать, по животу бить.

– Ах ты, злюка!.. Ты хочешь меня вдовцом оставить?! – разозлился Малахим на жену соседа и, схватив винтовку, выстрелил, да и сам проснулся в поту и страхе.

Услыхали выстрел солдаты, повыскакивали из своих казарм -и к Малахиму.

– В чем дело? – спрашивают.

А Малахим отвечает:

– Стою, – говорит, – на посту и вижу, как жена соседа мою жену ногами по животу бьет. Ну, я и не выдержал и выстрелил...

Наутро, говорят, начальство обругало Малахима и на три дня на гауптвахту отправило.

– Я не виноват! – возмущался он. – Это моя жена, дура, виновата! Ну, как бы то ни было, отсидеть ему трое суток пришлось. Ведь порядки для всех солдат одинаковы.

Как Малахим пошел в рукопашную схватку

Стоял как-то Малахим на посту у берега моря, нефтяные вышки охранял. А дело было в годы войны, да к тому же ночью. Вдруг видит он: в море какие-то люди к берегу плывут. «Ну, – думает Малахим, – это шпионы плывут. Хотят нефтяные сооружения взорвать».

Испугался он и навстречу к «шпионам» направился.

– Стой! Кто идет? – крикнул он в страхе и направил на них винтовку.

А на крик никто не ответил, только море волнами продолжало шуметь.

– Стой! Кто идет? – снова крикнул Малахим.

Опять никто не ответил, только море волнами шумит и шумит. Пуще прежнего испугался Малахим – и в третий раз крикнул:

– Стой! Кто идет? Стрелять буду!

И вдруг видит он: кто-то между нефтяными сооружениями с места на место перебегает.

– Смерть фашистам!.. Ура!.. – крикнул Малахим и, дав несколько выстрелов, вступил в рукопашную схватку со «шпионами». Колет он одного, колет другого, третьего... Вот уже и штык сломался. А Малахим все дерется и «ура!» кричит.

Услыхали солдаты выстрелы и, схватив свои винтовки, побежали Малахиму на помощь. Прибежали, а тут и прожектора заработали, освещать стали. Смотрят солдаты и ничего понять не могут. А Малахим не унимается, все «шпионов» бьет своим сломанным штыком и «ура!» кричит.

Набросили на Малахима солдаты аркан, свалили, а он весь в крови и ссадинах, а вокруг винты от кранов валяются.

– Что случилось, Малахим? – спрашивают его.

А он все: – Ура! Наши победили!.. – кричит.

А солдаты опять:

– Малахим, в чем дело?

– Шпионы! Шпионы по морю плыли. Хотели нефть взорвать.

Догадались солдаты, что Малахиму все это померещилось от страха. Ведь никаких шпионов и не было. Это волны в море друг за другом катились.

На следующее утро начальство приказало солдатам выстроиться и при всех вынесло благодарность Малахиму за его «смелость».

А через два-три дня выписали ему сухой паек и домой отправили.

– Смелость дурака – на руку врагу! – сказали ему начальники.

Так Малахим и «отвоевался», говорят!..

Как Малахим зло с жены снимал

Пришел как-то Малахим с друзьями к себе домой и говорит жене:

– Видишь, со мной друзья мои пришли, скорее поесть давай!

А жена растерянно руками развела и отвечает:

– Ой, Малахим, обед еще не готов. Соседка тонур заняла, лепешки печет.

Зло взяло Малахима на жену, вышел он во двор, – и вправду соседка кукурузные лепешки печет. Посмотрел Малахим виновато на друзей. А друзья ему:

– Ничего, пойдем к нам, поедим!

– Нет, – говорит Малахим, – я это дело так не оставлю!

Достал он свой пистолет и все кукурузные чуреки соседки прострелил.

– Это я зло с жены снимаю! – сказал он друзьям в гневе.

А в народе с тех пор стали говорить: «В лепешки стрелял, зло свое с жены снимал!»

Намек теще

Пришел как-то Малахим к теще в гости. А нужно сказать, что у тещи была привычка держать окна открытыми. А Малахим не мог переносить сквозняков – тут же простужался. Хотел он сказать, чтобы теща окна закрыла, но все никак не решался. Мало ли, на смех поднимет, опозорит его. Думал он, думал, как бы это намекнуть «закаленной» теще, и наконец придумал.

– Я все время думаю, как вам нелегко приходится, – сказал он теще.

– В чем? – любопытствовала теща.

– Ведь вам постоянно приходится то открывать, то закрывать окна... Я бы предложил вам вообще выбить все стекла. Глядишь, легче вам будет!

Догадалась теща, на что намекает зять, и закрыла окна.

Как Малахим ребят перехитрил

Возвращался как-то Малахим с базара на своей арбе. А день был таким жарким, что земля трескалась. Случилось так – проезжал Малахим мимо речки. Видит он – в речке детвора купается. Остановил ишака своего, слез с арбы и стал скотину распрягать: «Пусть, мол, отдохнет!»

Увидели дети Малахима, обступили его и стали ишака у него просить, чтобы прокатиться. Понял Малахим, что так просто не отделаешься от этих упрямых мальчишек, и на полном серьезе говорит:

– Не могу, дети! Мне нужно сначала у отца этой скотины разрешение взять. – С этими словами распряг он своего ишака, влез ему на спину и поехал к воде.

– Эй, Малахим, разве так купаются?! – удивились ребята. – Нужно же раздеться.

Малахим искоса посмотрел на ребят и ответил:

– С чего это вы взяли, что я купаться полезу! Ведь я же вам сказал: пойду и спрошу разрешения у отца этой скотины. Если разрешит вам прокатиться, то я не против.

Обрадовались дети, запрыгали от радости. А Малахим лукаво усмехнулся в свои усы и говорит:

– Только с одним условием: пока я буду говорить с отцом этой скотины, чтобы никто не лез в воду. Поняли?!

– Ладно! – согласились ребята.

Малахим разделся, привязал к спине ишака свою одежду – и они оба полезли в речку.

Купается Малахим, ныряет, удовольствие получает, фыркает, а позволить ребятам прокатиться на ишаке и не помышляет. Догадались ребята, что их обманывают, и решили отомстить Малахиму – забрать у него ишака и кататься. Стали они в речку прыгать. Видит Малахим – что-то здесь неладное, испугался и говорит:

– Ребята, скорее на берег и не шумите! Отец моего ишака что-то говорит.

Переглянулись ребята, выбрались на берег и ждут. А Малахим купается себе, ныряет, ишака купает, фыркает.

– Эй, Малахим, хватит нас обманывать. Никакого отца у твоего ишака нет, – сказал один из ребят.

– Ты нас обманываешь! – крикнул второй. – Давай скорее ишака сюда. Кататься будем. Не дашь – плохо будет!

А Малахим тем временем накупался, вышел на берег, быстро оделся и, ведя ишака к арбе, говорит:

– Знаете, ребята, что сказал отец моей скотины?..

– Что? – любопытствовали ребята.

– Нет! – говорит Малахим. – Лучше я вам сначала про его отца расскажу, а то вы не верите, что у моего ишака отец был.

– Ну, рассказывай, – попросил один из ребят.

И начал Малахим рассказывать ребятам придуманную им притчу о том, как у его ишака был отец, и пришел он как-то на эту речку купаться и утонул... Рассказывает Малахим, а сам ишака в арбу запрягает. А ребята слушают и никак не могут понять, правду говорит им Малахим или опять обманывает.

Тут один из мальчишек спрашивает:

– Разве утонувший может разговаривать?

Не растерялся Малахим и отвечает:

– Если не верите мне, идите на речку, там отец моего ишака лежит, сами у него узнаете: может он разговаривать или не может? – С этими словами он прыгнул в арбу и, торжествуя оттого, что так ловко провел мальчишек, погнал свою скотину подальше от речки.

А дети так и остались стоять в растерянности.

Ответ Малахима на замечание одного старика

Случилось так, что в кругу людей Малахим испустил «пары» и испортил воздух.

– Ты тоже, как и твой ишак, «пар» пускаешь... Постеснялся бы бороды своей! – заметил кто-то из стариков.

– Да, вы правы, – ответил на это Малахим. – Но около нас доктор живет, этот умный доктор сказал и мне, и моему ишаку, что ненужный газ в животе держать очень вредно!.. А потому и вам советую, почтенные, не держать при себе все ненужное!

Как Малахим с мельницы муку возил

Как-то раз попросили Малахима с мельницы несколько мешков муки перевезти. Приехал он на мельницу, погрузил в арбу мешки с мукой, сел сам поверх мешков и поехал. Едет он мимо леса и думает: «Возьму-ка немного муки, домой отнесу и накажу жене хинкал сготовить».

Кинулся он искать пустой мешок или что-нибудь такое, куда можно было бы

пересыпать муку, но, как назло, ничего не нашлось. Снял он тогда с себя брюки, связал веревкой штанины и, сделав в мешке дырочку, стал насыпать в штанины муку. До самого края насыпал. Затем погрузил штанины с краденой мукой на арбу, сам залез и, спрятав свои безобразные места между мешками, погнал ишака в сторону своего дома.

– Эй, старая ворона, – крикнул он жене, когда подъехал к своим воротам. – Скорее штаны мне вынеси!

Испугалась жена, вынесла ему старые брюки и в тревоге спрашивает:

– Что случилось?

Малахим быстро надел на себя брюки, слез с арбы, взвалил на плечи штанины с краденой мукой – и скорее в дом.

– Что это такое? – спрашивает жена.

– Это живот мой опорожнил себя, – отшутился Малахим и наказал жене, чтобы та из «содержимого» его штанин вкусный хинкал приготовила.

Вскоре Малахим приехал в лавку и стал разгружать мешки. Видит продавщица – в одном мешке муки не хватает.

– Эй, Малахим, где мука? – кричит продавщица. – Отвечай!

– И в мешках, и на мельнице!.. – отвечает Малахим и скорее на арбу садится.

А продавщица кричит ему вслед:

– Ты мне ответишь! В суд на тебя подам! В тюрьму пойдешь...

А Малахим притворился, что ничего не слышит, и уехал.

Вернулся он домой поздно вечером. Отвел своего ишака в сарай, накормил, напоил, а затем и на цепь привязал: он всегда на ночь на цепь привязывал своего любимого ишака.

– Эй, жена, хинкал готов? – еще с порога спросил Малахим.

– Да, готов, иди умывайся и ешь! – ответила жена.

Умылся Малахим, вошел в дом и стал с таким аппетитом есть свой ужин, будто он неделю ничего в рот не брал.

– Да, и вправду вкусно! – сказал он, наевшись.

Только ночью, лежа в постели, вспомнил он, как продавщица пригрозила ему тюрьмой. Позвал он жену и обо всем рассказал. Стала жена на голове волосы рвать.

– Что я без тебя делать буду?! – кричит. – Кто кормить меня будет?! Посадят тебя в

тюрьму, вот увидишь...

А Малахим заснул, и снится ему сон, будто его и вправду в тюрьму посадили. Проснулся он в страхе и видит: он дома, а жена рядом с ним сидит и плачет. Рассказал Малахим жене свой сон, а жена еще сильнее плачет.

– Вот увидишь, посадят тебя...

– Да! – заключил Малахим, – дело мое дрянь!.. Слышал я, что и дерьмо может иногда стать медом. Верно ли это? – усомнился он и остался лежать.

В это утро Малахим проснулся позже обычного. Взял он два ведра, пошел в уборную, зачерпнул в ведра дерьма и поставил их на арбу. Туда же положил он щетку с палкой. Затем запряг своего ишака и выехал со двора.

– Куда и зачем везешь это? – в недоумении спросила жена.

А Малахим приблизил к себе жену, поцеловал ее и говорит:

– Если наше дерьмо и вправду медом станет, то хорошо. Но если же наше дерьмо останется дерьмом, то смотри, жена, за моим ишаком. Штаны свои продай, но корми его до моего освобождения.

Хлестнул он ишака и поехал, а бедная жена осталась дома плакать и волосы рвать на голове.

Приехал Малахим в то утро прямо к милиции, остановил свою арбу, взял два ведра с дерьмом и вошел прямо в кабинет начальника.

– Я, Малахим, пришел по вашему вызову. Откуда прикажете начинать побелку? – С этими словами Малахим опустил свою щетку в ведро и только собрался провести ею по стене, как начальник, видя такое дело, крикнул дежурному. Прибежал дежурный и спрашивает:

– В чем дело?

– Кто звал этого дурака?! Выгоните его отсюда и эту вонь скорее унесите! – приказал начальник дежурному.

Схватили Малахима за шиворот и вышвырнули из милиции, а ведра с дерьмом и щетку снесли далеко в овраг и выбросили.

А Малахиму того и надо было. Сел он на свою арбу и с веселой песней на устах поехал на базар, на заработки.

Вечером приехал он домой и видит: жена все волосы на голове повырывала, все лицо исцарапала, плачет, успокоиться не может. Как же – пригрозили посадить мужа в тюрьму.

– Эй, жена, успокойся! – торжественно сказал Малахим и добавил: – Оказывается,

верно люди говорят, что и дерьмо может медом стать! Кому я нужен в тюрьме? Пришел я туда, а меня за шиворот выгнали... Что поделаешь, не нужен я им... И слава Богу!

Спор Малахима с хозяином ослицы

Имел Малахим привычку выводить своего ишака на лужайку и привязывать длинной цепью за кол. И вот однажды, когда ишак Малахима пасся на лужайке, один человек привел свою ослицу, привязал ее за тот же кол, а сам сел в тени дерева.

Вышел Малахим из дома, смотрит: его ишак с какой-то ослицей непристойное дело делает. Обрадовался он, вбежал в дом и говорит жене:

– Эй, старая ворона, порадуя тебя.

– Что случилось?.. Чем порадуешь?

– Наш ишак занят заботой о деторождении.

Малахим вывел жену на улицу и показал.

– Эй, старая ворона, кого бы ты хотела – осла или ослицу? -вдруг спросил он.

Жена усмехнулась и отвечает:

– Да лежать тебе в одном гробу со своим ишаком, – конечно же, ослицу... Осел у нас есть, была бы еще ослица, могли бы иметь целое стадо ослов... Ты бы, Малахим, стал главным ослом в этом стаде.

Догадался Малахим, что жена смеется над ним, и говорит:

– Да чтобы с языка твоего шкуру содрать! Ослепнешь на два глаза, увидев в сарае нашего осла и его дочь-ослицу. – С этими словами Малахим ушел к тому месту, где был привязан ишак.

И тут он видит: в тени дерева сидит какой-то мужчина и, созерцая происходящее на лужайке, радуется. Смекнул Малахим, что этот человек – хозяин ослицы, подошел к нему, поздоровался, сел рядом и спрашивает:

– Кого бы ты, друг, хотел иметь – осла или ослицу?

– Осла! – отвечает хозяин ослицы.

– А я ослицу! – говорит Малахим.

Они помолчали немного, и Малахим, продолжая думать, как бы из непристойных дел своего ишака извлечь выгоду, говорит незнакомцу:

– Как ты считаешь, друг, без муки можно испечь хлеб?

– Конечно же, нет! – усмехнулся хозяин ослицы. – Такого еще не бывало!

В это время мимо проходили судья и ростовщик. Подозвал их Малахим к себе, вежливо поклонился и спрашивает:

– А как вы считаете, почтенные, без муки хлеб можно испечь?

– Конечно же, нет! – ответили судья и ростовщик.

А Малахиму того и надо было. Хлопнул он в ладоши и, засмеявшись, показал на проделки своего осла и чужой ослицы. На том и разошлись.

Пришло время ослице разрешиться – родила она маленькую ослиху. Обрадовался Малахим и, взяв с собой веревку, побежал к дому хозяина ослицы и говорит:

– Слышал, друг, усилие моего осла успехом увенчалось!.. Ослица твоя ослиху принесла... Могу ли я забрать, как и договорились, свою ослиху?!

Растерялся хозяин ослицы и говорит:

– Да ты что, шутишь или с ума сходишь?!

– Никак нет, – отвечает Малахим. – Я не шутник и с ума не схожу!.. Вижу, это ты сам ума и совести лишился... Мужчина должен хозяином слова быть. – И Малахим напомнил ему лужайку и тот день, когда его, Малахима, ишак усердствовал над его, незнакомца, ослицей.

Разозлился хозяин ослицы и выдворил Малахима со двора, пригрозив еще тем, что собаку натравит на него.

Пришел тогда Малахим к судье и говорит:

– Почтенный судья, почти мой дом своим приходом. Одному человеку нужно одно дело сделать. Сделаешь – большой магарыч будет... Обязательно приходи вечером. Хороший плов тоже приготовим!

– Ладно! – ответил судья.

В этот же день Малахим пришел и к ростовщику.

– Почтенный ростовщик, есть один человек, которому под проценты большие деньги нужны... Приходи сегодня вечером ко мне домой. Хороший плов тоже приготовим!

Ростовщик дал согласие.

В этот же день Малахим снова пришел к хозяину ослицы и говорит:

– Ты, друг, нечестно поступаешь. Я хочу, чтобы этим делом судья занялся. Как он решит – так и будет!.. Жду тебя вечером у себя дома.

– Пусть хоть десять судей этим делом займутся, а правда на моей стороне! – разозлился хозяин ослицы.

– Пусть правда будет на твоей стороне, но я хочу услышать эту правду из уст судьи-законника, – заявил Малахим.

Ничего не оставалось делать хозяину ослицы, как согласиться прийти.

Вечером в доме Малахима собрались судья, ростовщик и хозяин ослицы. Сидит судья, смотрит на хозяина ослицы и думает, что этот человек и есть, наверное, тот самый, которому Малахим хочет помочь. А ростовщик тоже смотрит на хозяина ослицы и тоже думает, что этот незнакомец и есть тот самый человек, которому нужны под проценты деньги. А хозяин ослицы сидит и не знает, как ему быть, с чего начать разговор. Только Малахим знает, что к чему. Всякими пустыми хабарами гостей потчует, а о деле ни слова не говорит и обещанный плов на стол не подает. Вот уже и полночь наступила, а Малахим все пустые, ненужные разговоры ведет. Надоело гостям его пустые разговоры слушать, да и спать им уже захотелось. Не выдержал судья и говорит:

– Эй, Малахим, где твой обещанный плов?

А Малахим притворился, что не расслышал судью, и, обращаясь к хозяину ослицы, спрашивает:

– Что сказал наш судья-законник?

– Он говорит: где обещанный плов? – ответил хозяин ослицы.

А Малахим опять притворился, что и его не расслышал, и, обращаясь к ростовщику, спрашивает:

– Ты слышал, что они сказали?

Ростовщик приблизился к уху Малахима и громко говорит:

– Они говорят, что лучше бы плов кушать, чем твой хабар слушать!

Малахим хлопнул в ладоши и, смеясь, сказал:

– Понял, почтенные гости. Сейчас все будет, только не забудьте все вами сказанное.

Малахим удалился. А вскоре вернулся в дом, ведя за уздечку своего ишака.

– Почтенные гости, вы помните этого ишака? – спросил Малахим.

Гости переглянулись.

– Ну, того самого ишака, который на лужайке в такой-то день усердствовал над ослицей этого человека, – показывая на хозяина ослицы, продолжал Малахим.

– А!... Помню! – сказал ростовщик.

– Помню! – подтвердил судья.

Только хозяин ослицы промолчал.

– А помните вы, почтенные люди, – не успокаивался Малахим, -как я спросил вас: «Можно ли без муки хлеб испечь?..» Что вы на это ответили?

– Всем известно, что без муки хлеба не испечь! – сказал ростовщик.

– Конечно, не испечь! – согласился судья.

Только хозяин ослицы опять ничего не сказал.

– А помнишь ли ты, хозяин ослицы, когда я у тебя спросил: «Кого бы ты хотел – осла или ослицу?» – что ты тогда ответил?

– Осла! – сказал хозяин ослицы.

– А я что сказал тогда? – снова спросил Малахим.

– Ты сказал – ослицу, – подтвердил хозяин ослицы.

– Так вот, почтенный судья и почтенный ростовщик, рассудите нас с этим не сдержавшим своего мужского слова человеком... Он отказывается отдать мне, как и договаривались, ослиху, которую произвела на свет его ослица при непосредственном усердии моего ишака... Ведь вы же сами сказали, что без муки хлеба не испечь.

Посмотрел судья на ростовщика, а ростовщик – на судью, и оба, недоуменно пожимая плечами, рассмеялись.

А Малахим опять за свое:

– Учтите, над вами Бог судья. Откажетесь от ваших слов – веры вам нет!

– Малахим, правда на твоей стороне. Рожденная ослиха принадлежит тебе, – вдруг сказал судья и по привычке встал.

– Почему? – возмутился хозяин ослицы. – Ведь ослица моя!

И вот тут-то судья объяснил:

– А известно ли тебе, хозяин ослицы, что и среди людей часто бывают такие споры. Ведь всегда по закону дочь принадлежит отцу, а сын – матери.

Рассердился хозяин ослицы, встал и удалился. А судья написал Малахиму бумажку, где говорилось, что рожденная ослиха от ослицы такого-то человека при усердии ишака Малахима согласно закону принадлежит ишаку Малахима, а значит – Малахиму. Написал он

так, подписал сам и попросил подписаться ростовщика как свидетеля и, заверив печатью, передал бумажку Малахиму.

На следующее утро Малахим пошел к хозяину ослицы и отдал ему решение судьи.

Ничего не оставалось делать хозяину ослицы, как отдать хитрецу Малахиму новорожденную ослиху.

– Не убивай себя этим горем, друг! – сочувственно сказал Малахим хозяину ослицы, уводя новорожденную. – Мой ишак не дурак, как и его хозяин. Он в следующий раз непременно постарается для тебя осла сделать... Приводи еще свою ослицу!

Злость и мудрость Малахима

Как-то разозлился Малахим на ишака своего за то, что он не хотел выходить из хлева. На это у животного была причина – сильно болел живот. Малахим, не разобравшись в причине его упрямства, взял палку, стал бить скотину и приговаривать:

– Дурак из дураков, у меня клиент богатый из богатых... Глядишь, хорошо заплатит, если мы с бахчи привезем арбузы на базар...

Бьет он своего ишака все сильнее и безжалостнее. Но ишак не двигается с места. Орет во всю глотку, да так сильно, что соседский мальчик не мог пройти мимо – и зашел в хлев, где Малахим продолжал все сильнее и яростнее бить бедное животное.

– Дядя Малахим, зачем вы так бьете бедного ослика? – спросил ребенок.

Малахим пожаловался соседскому мальчику:

– Богатый клиент попросил с бахчи на базар привезти арбузы. Обещал хорошо заплатить. А этот упрямец не хочет, чтобы я хорошо заработал... Не хочет!.. Не хочет!.. Понимаешь, не хочет!

Малахим стал снова бить своего ишака. Бьет, а ишак все кричит, да так сильно, что на крик ишака жена Малахима прибежала. Вслед за ней на крик бедного ишака и соседи собрались. Стали все Малахима увещевать. А Малахим ни в какую – весь злобой пышет и продолжает избивать осла. Тем временем соседский мальчик сбегал домой, принес бедному животному хурджун кукурузных зерен и стал угощать, приговаривая:

– Ослик бедненький, ешь, не смущайся... Я знаю, как тебе больно... Я знаю... Меня отец ремнем бил, и мне ой как больно было...

Надо было видеть, как ишак потянулся к мальчику и стал жалостливо кричать свое «и-а!.. и-а!», как бы жалуясь и прося у мальчика защиты. Только нет, не жалел на сей раз Малахим своего ишака.

– Я посмотрю, кто из нас упрямее. Ты хочешь лишить меня хорошего заработка?.. Упрямышься?! – Малахим с новой силой и еще сильнее продолжал избивать своего ишака. Бьет он, а ишак орет и к мальчику за помощью тянется.

– Дядя Малахим, перестаньте бить. Ослик плачет... У него из глаз слезы текут... – чуть не плача, просит мальчик Малахима.

А Малахим и слушать не хочет: все бьет и бьет. Видя, как жажда хорошо заработать одолевает хозяина ослика, мальчик обратился к собравшимся соседям с просьбой собрать деньги и тем самым усмирить взбесившегося Малахима. Вскоре деньги были собраны и предложены Малахиму.

Взял Малахим эти деньги без зазрения совести и ушел со двора. Дорогой нанял он такого же, как и он, извозчика, сел и сам на его арбу и велел ему ехать на загородную бахчу. Загрузив арбу арбузами, Малахим велел извозчику ехать на базар, где его дожидался тот самый богатый клиент. Рассчитался клиент с Малахимом щедро, а вдобавок десять огромных арбузов подарил.

– Вези домой!.. Ешь на здоровье!

Обрадовался Малахим, влез на арбу и домой отправился. Приехав, приказал он извозчику разгружать арбузы. Пока извозчик был занят делом, Малахим вывел из хлева своего ишака и, показывая ему запряженного в арбу чужого ишака, сердито сказал:

– Дурак, сын дурака, ты видишь – то, что полагалось нам заработать, я отдал этому ишаку и его хозяину... Смотри и проси прощения.

Ишак Малахима жалостливо и виновато прокричал свое «и-а!», а Малахим ему в ответ:

– Ладно! Не расстраивайся!.. В крике твоём тоже есть прибыль... Те деньги, что я получил за жалость соседей к тебе, я отдал хозяину этого ишака... А те, что мне заплатил богатый клиент, – в шесть раз больше, а в придачу еще и десять – вон видишь, каких! – арбузов нам достались... Не переживай и не сердись... Утром надо на базар ехать... А пока отдыхай и арбузом угощайся.

Малахим нарезал своему ишаку арбуза, да и сам пошел есть с женой вкусный арбуз.

Как Малахим вернул своего ишака

В один из дней Малахим вывел своего ишака на лужайку, чтобы тот травку пощипал, а сам ушел по делам. В это время мимо проходил хлебопекарь, которому нужно было свезти пшеницу на мельницу. «О, слава Богу! Вот и бесхозный ишак... Взвалю на него мешок и на мельницу свезу», – решил хлебопекарь. Сказано – сделано. Погнал он ишака к себе во двор, взвалил на него мешок зерна и погнал на мельницу. А когда зерно было помолото, он взвалил на ишака уже два мешка – мешок с мукой и мешок с отрубями.

Дома хлебопекарь накормил ишака отрубями. Ест ишак с удовольствием, хвостом туда-сюда водит. А хлебопекарь ему:

– Ешь! Ешь! Бедный ты мой. Проголодался!.. Тебя сам Бог мне послал!.. Я тебя не обижу... Помощничек ты мой... Ешь! Ешь!..

Пусть хлебопекарь радуется найденному ишаку, а я расскажу вам о Малахите.

Пришел он на лужайку, чтобы ишака своего домой пригнать. Глядь – ишака и в помине нет. Бросился Малахим искать пропажу, но нигде ишака нет. Прибежал он, взволнованный, домой и давай зло на бедной жене срывать.

– Бездельница!.. – кричит. – Могла и присмотреть за нашим кормильцем.

– Найдется! – успокаивает его жена.

– Но если не найдется, я тебя буду в арбу запрягать... Запомни!..

– Ладно!.. Ладно!.. Успокойся! – отвечает жена.

Малахим снова принялся искать пропавшего своего ишака, но его нигде не было.

Спустя несколько дней Малахим пуще прежнего стал злым и раздражительным. А еще через несколько дней он то и дело бубнил:

– Мой кормилец!.. Куда же ты ушел?.. Зачем ты покинул меня?.. Если ты не вернешься, я покончу с собой...

В один из дней Малахим и вправду хотел покончить с собой. Приказал он жене приготовить вкусный, на курином бульоне, хинкал. Наевшись, налил он себе в стакан уксуса и, сказав жене: «Бездельница!.. Живи без меня», – залпом выпил содержимое стакана и растянулся посредине комнаты.

Жена, видя такое дело, подняла крик, позвала соседей, затем и за раввином сбегала, чтобы посмертную молитву прочел.

– Вай-вай!.. Как мне одной жить? – кричала жена и рвала на голове волосы.

Кто-то позвал лекаря, и Малахим был спасен. А вскоре он поправился, стал выходить во двор, но мысль о пропавшем ишаке не покидала его, и он все продолжал заговариваться:

– Мой кормилец!.. Куда же ты ушел?.. Зачем ты покинул меня?.. А может, ты обиделся на меня и ушел...

Вдруг Малахима осенила мысль: «Впрягу-ка я себя в арбу и буду вместо ишака возить... Глядишь, увидит ишак, как мне тяжело, пожалеет и вернется... А может, арбу свою узнает!..»

Сказано – сделано. Впряг он себя в арбу и поехал на базар. Встал он, где извозчики и амбалы стоят, и ждет. Долго ждал он, и только к вечеру к нему подошел мужчина и попросил отвезти мешок зерна на мельницу. Договорились о плате, и Малахим покатиł свою арбу. Дорогой он несколько раз останавливался, чтобы передохнуть – пот со лба, с лица, шеи вытереть: как-никак дорога неблизкая. Наконец, изрядно приуставши, добрался он до мельницы и – о чудо! – видит своего ишака, а на шее у него висит торба и он из нее вовсю ест

отруби и хвостом крутит. Смотрит Малахим и диву дается: ишак его даже поправился, похорошел. Подошел он к нему, погладил его по спине, а ишак и внимания не обращает. Малахим ему: «Из-за тебя я чуть не покончил с собой», – а ишак отворачивается и слушать не хочет... Малахим ему: «Ты что, меня, хозяина своего, не узнаешь?» А ишак посмотрел на Малахима, повернулся к нему задом, да как лягнет его по ноге. Понял Малахим: ишаку его новое житье-бытье лучше...

«Ладно! – думает он. – Попробую его разжалобить». Снял он с арбы мешок с зерном, снес на мельницу, затем запряг себя в арбу и стал вокруг своего ишака бегать. А ишак видит все это и только все задом к Малахиму поворачивается и ногами дрыгает: мол, пошел ты к черту.

Долго Малахим возил вокруг своего ишака арбу, изрядно устал и лег на землю, чтобы передохнуть. А то, глядишь, и замертво упасть можно.

Пусть Малахим продолжает отдыхать, а ишак его и знать не желает, а я расскажу вам про хлебопекаря. С того дня как у него появился неизвестно чей ишак, зажил он припеваючи. Прибыли его увеличились: если он в прошлом носил на себе мешок с хлебом, чтобы продать, то теперь он возил и продавал по пять-шесть мешков в день.

«Помощничек ты мой!» – любил называть ишака хлебопекарь.

Что и говорить: души не чаял хлебопекарь в своем помощнике и кормил его отрубями, ничуть корма не жалея.

И вот сегодня хлебопекарь взвалил на ишака зерно и погнал его на мельницу. Занес он мешок на мельницу, а ишака оставил во дворе, повесив ему на шею торбу с отрубями.

– Ешь на здоровье!.. Сил набирайся, – сказал он, – сейчас зерно помелем – и домой... Дома еще свежих отрубей поешь.

Пусть хлебопекарь зерно мелет, а я расскажу вам про Малахима. Отдохнул Малахим и опять подошел к своему ишаку, погладил его, взял за голову и хотел было в морду поцеловать, а ишак как закричит. Услыхал хлебопекарь крик ишака, выскочил из мельницы и видит – какой-то бородатый старик за морду ишака держит и говорит ему: «Ты что, забыл своего хозяина?»

Подбежал хлебопекарь и с силой оттолкнул Малахима. Ишак, видя такое дело, повернулся задом к хлебопекарю и как лягнет его. Затем ишак подошел к лежащему на земле Малахиму и стал жалостно кричать: «и-а-а! и-а-а!»

Хлебопекарь быстро принес мешок с мукой и мешок с отрубями, взвалил все это на спину ишаку и хотел было погнать его, а Малахим, встав с земли, говорит хлебопекарю:

– Милый человек, возьми мою арбу, запряги в нее бедное животное, а в арбу положи свои мешки... Как-никак бедному ишаку легче, да и самому можно сесть.

Хлебопекарь посмотрел на бородатого старика и, немного подумав, так и поступил.

– Садитесь и вы! – предложил хлебопекарь Малахиму.

Сел Малахим на свою арбу, сел и хлебопекарь. Сидят они рядом, молчат, каждый о своем думает. А ишак рысцой несется, только головой качает, будто радуется, что теперь у него два помирившихся хозяина: один – верный друг, другой – щедрый кормилец.

Когда они добрались до дома хлебопекаря, Малахим и говорит:

– Теперь снимай свои мешки и давай плати мне за все беды, что ты причинил мне, украв моего кормильца.

Поначалу хлебопекарь растерялся и даже не знал, что сказать, как поступить. А Малахим тем временем снял с арбы мешки и попытался выехать за ворота. И вот тут хлебопекарь спохватился и преградил Малахиму дорогу.

– Это мое животное, – вскричал он и, схватив Малахима за шиворот, выставил за ворота.

– Ну ладно, посмотрим, кто хозяин моего кормильца, – убегая, крикнул Малахим и, придя домой, все рассказал жене.

Прошло, говорят, несколько дней. Малахим места себе не находил, злился на жену безвинно и стал снова заговариваться:

– Ай-я-яй!.. Бедный мой кормилец, как ты уживаешься с этим бандитом?.. Ай-я-яй!.. Осиротел я... Нет мне больше жизни...

Видя такое дело, жена Малахима стала по соседям ходить и рассказывать о похищенном ишаке, о состоянии мужа. А соседи только сочувствуют и советуют к судье сходить, дабы наказал бесстыдного вора. Сходила жена Малахима и к раввину и все рассказала ему. Тот выслушал и тут же написал жалобу на вора-хлебопекаря и посоветовал ей самой отнести к местному судье.

Сказано – сделано. Отнесла жена Малахима эту жалобу к местному судье и попросила наказать вора и вернуть им их ишака-кормильца. Не стал судья откладывать, пришел он к хлебопекарю и видит: и вправду во дворе известная арба Малахима, а у сарая и его же ишак с торбой на шее – отруби ест и важно хвостом крутит. Постучался судья в ворота. Вскоре вышел хлебопекарь и, догадавшись, что к чему, молча провел судью в дом, а жене приказал скорее стол с выпивкой накрыть.

Сказано – сделано. Вскоре стол был накрыт. Сидят судья и хозяин дома, едят вкусный обед, вино пьют, пустые разговоры ведут... Наконец судья и говорит:

– За угощение спасибо... Но за воровство ишака Малахима пять лет тюрьмы полагается.

И вот тут-то хлебопекарь взмолился и стал просить судью помочь ему, не доводить дело до суда.

– Не могу, – говорит судья, – весь город знает, что ты украл ишака Малахима.

– Ничего не знаю, – взмолился хлебопекарь. – На тебе тысячу золотых... Только до суда не доводи.

– Ладно! Уговорил... – согласился судья и добавил: – Я устрою у тебя дома твою и Малахима встречу и буду выяснять: чей это ишак и арба?.. Ты говори, что твой, и от этого не отступай... Не пойман – не вор... Понял?

– Понял, дорогой судья!.. Понял!.. Как ты сказал, так и будет.

Вскоре к Малахиму домой принесли бумагу, извещавшую, что он для выяснения приглашается в такой-то день и час домой к хлебопекарю.

Догадался Малахим, что здесь правды быть не может. «Подкупил судью хлебопекарь... И сомнений здесь быть не может», – заключил он и стал обдумывать: как быть? Ведь и ишак не желает его признавать... «На отруби хлебопекаря меня променял», – сокрушался Малахим.

Все оставшиеся дни и ночи думал Малахим: как образумить своего ишака, заставить признать истинного хозяина? Вдруг вспомнил, как он, Малахим, вылечил умирающего своего ишака. «Да-да!.. Надо ему напомнить, кто его, умирающего, спас от явной смерти, – подумал Малахим, но тут же усомнился: – А если не признает меня мой кормилец?! А если и судья против правды будет?! Что тогда?.. Ай-я-яй!.. Пропал я», – стал снова сокрушаться Малахим и нервно ходить взад-вперед по комнате да жену проклинать.

– Как я докажу, что эта скотина моя, если и судья не по правде судить будет? – кричит Малахим.

– Дурак, успокойся... Сходи к раввину, он что-нибудь предложит.

– Сама иди!.. – зло сказал Малахим.

Сбегала жена Малахима к раввину и стала совета просить. Выслушал ее раввин и посоветовал, чтобы Малахим сходил в день суда на базар, в нимаз, а заодно и в городское управление и всем сказал, что такой-то хлебопекарь приглашает вас в такое-то время к себе... Сегодня он отмечает годовщину смерти всеми уважаемого отца своего... Кто придет, тот придет... Пусть и соседей зовет... Ведь все знают, кто хозяин ишака...

Пусть Малахим делает все так, как сам знает и как ему насоветовал раввин, а я поведаю вам, что тем временем делал хлебопекарь. Едва в тот день ушел судья, хлебопекарь нанял мастеровых и велел им выстроить из красного кирпича сарай. Когда все было построено, нанес он в этот сарай соломы, настелил пол, а ишаку насыпал в корыто отрубей и приговаривает:

– Ешь!.. Ешь!.. Сколько твоей душе угодно. Лучше, чем у меня, тебе нигде не будет... Забудь ты своего старого и нищего хозяина... Я твой хозяин... Слышишь, я твой хозяин...

А ишак ест, хвостом радостно крутит, довольный такой жизнью и заботой о нем.

И вот наступил назначенный день. Пришел в назначенное время судья. Вскоре пришел и Малахим, неся в руке медный таз и кувшин. Смотрит он: в глубине двора построен для его ишака сарай, а у сарая его арба стоит. Понял Малахим, что хитрый хлебопекарь подкупил судью, а ишака его кормит, чтобы настоящего хозяина не признал.

– Да! – сказал он с досадой. – Все подкуплено. Нет в мире правды. Все деньги решают... Но правда сильнее!..

Вошел Малахим в небедно обставленные покои хлебопекаря и, отбив судье поклоны, сказал:

– Всеми уважаемый правдолюбец, судья... Я надеюсь, что все будет по справедливости...

– Только так и никак по-другому, – важно сказал судья и добавил: – А теперь ты, Малахим, и ты, хозяин дома, садитесь друг против друга... Я буду задавать вам вопросы, выяснять: кому принадлежит этот ишак?

Первый вопрос судья задал Малахиму:

– Чем ты можешь доказать, что этот ишак принадлежит тебе?

Тогда Малахим встал и сказал:

– Уважаемый и справедливый судья и дорогой хлебопекарь... Прошу я вас разрешить мне запрячь этого ишака в арбу, и мы посмотрим: если он пожелает идти за мной, то он мой; если нет – то нет.

Пожал судья в недоумении плечами, посмотрел на хлебопекаря, не зная, что сказать, как поступить. А хлебопекарь, уверенный в том, что от такой сытной и уютной жизни скотина никуда не пойдет, говорит:

– Ладно! Я согласен.

Зашел Малахим в сарай, а там такая чистота и уют – лучше, чем в его сакле. А в корыте – отруби, тут же рядом, в другом корыте – вода.

– Ишак Малахима, – обращаясь к ишаку, говорит Малахим, – хватит, погостил, пора и меру знать. Хозяин за тобой пришел... Пошли, дорогой!..

А ишак ни с места. Малахим пытается его во двор вывести, а он упирается ногами. Долго тянул его Малахим к выходу, наконец ишак, узнав своего хозяина, поддался и вышел во двор. Запряг его Малахим в арбу и попробовал со двора вывести. Но тут ишак так заупрямился, что Малахим и вправду не знал, что делать. Взял он тогда свой медный таз, налил в него незаметно от всех немного воды, приблизил этот таз к ишаку, влез в него и стал причитать, плакать:

– Ой!.. Ой!.. Мой кормилец, что я буду делать без тебя? Ведь ты нашу дружбу на отруби вора-хлебопекаря променял... Ой!.. Ой!.. Ведь ты знаешь, что кроме тебя у меня

никого нет... Ведь ты знаешь, как я люблю тебя... А помнишь ты, как я тебя лечил и от смерти спас?..

Нужно сказать, что во двор к хлебопекарю пришел мулла, а с ним еще несколько мусульман. Пришел и раввин, а с ним и седобородые евреи. Вскоре появился и священник, а с ним несколько старушек, повязанных платками. Здесь же был староста города, а с ним и несколько городских в форме. Пришли соседи Малахима, знакомые с базара, мальчики и девочки из соседних дворов набежали. Словом, целая толпа народу собралась. Смотрят они на все происходящее здесь и толком понять не могут. А Малахиму того и надо.

– Ой! Ой!.. Мой кормилец, ишак Малахима, как ты сюда попал? Кто тебя украл у меня?.. Ты что, нашу дружбу на отруби хлебопекаря променял?! Ты помнишь, как я, любящий тебя хозяин, от смерти спас?.. – С этими словами Малахим вылез из таза и поднес этот таз к морде ишака.

Наполненный водой таз сразу напомнил ишаку, как он, ишак, страшной болезнью заболел некогда и как излечился от слез оплакивавшего его, ишака, Малахима.

– И-а-а!.. И-а-а! – закричал ишак.

– Вот! Вот!.. Вспомнил, дорогой!.. Пойдем домой!.. Будь умником! – слезно стал упрашивать ишака Малахим.

И – о чудо! Ишак и вправду тронулся с места и направился к воротам. Обрадовался Малахим и хитро посмотрел на судью и на вора-хлебопекаря. Смотрит он и слышит, как судья говорит хлебопекарю:

– Ишак его!.. Ничего не поделаешь... Видишь, все собравшиеся знают, что ишак его... А тебя надо судить как вора... Я ничего не могу сделать... Из-за тебя и меня за взятку посадят.

Побледнел хлебопекар и дрожащим голосом говорит судье:

– Придумай что-нибудь... Не доводи дело до суда...

Услышал Малахим этот разговор и, приблизившись, сказал судье на ухо:

– Дорогой судья, положи в торбу ишака то, что взял у хлебопекаря... Пусть о том, кто вы такие, мой ишак знает, а не эти люди.

Судья посмотрел на хлебопекаря – мол, как быть? – а тот кивнул головой в знак согласия. Положил судья незаметно ишаку в торбу мешочек с тысячью золотых монет, а вслух сказал:

– Ишак хотя, как и хозяин, дураком слывет, а в правде – умен.

А Малахим, сев на свою арбу и погоняя ишака, ответил:

– Два дурака – умный выход нашли.

Собравшаяся толпа поняла, что к чему, и вскоре разошлась.

Говорят, что хлебопекарь, назо Малахиму, купил себе осла и продолжал свое дело. А в народе родилась поговорка: «Чужое возьмешь – и свое потеряешь...»

Так случилось и с вором-хлебопекарем. Говорят, с тех пор он боялся показываться на глаза проучившему его Малахиму. А Малахим с тех пор стал еще больше любить и лелеять своего ишака. А в народе еще много рождалось о нем и его ишаке сказок-потешек.

Словарь терминов, собственных имен и непереводаемых слов

Аряги На джугури: водка

Адат Обычное право, совокупность обычаев

Аждага Мифологический персонаж, исполинский дракон с огнедышащей пастью, образ которого восходит к иранским эпическим традициям. В иранской мифологии Ажидахака – трехглавый или шестиглавый дракон или иноземный царь-узурпатор, захвативший власть над Ираном. В наиболее распространенных мифах Аждага угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает Аждага, спасая очередную жертву (обычно падишахскую дочь), на которой и женится

Амалдан Также дан-Амалдан: сказочный персонаж, всегда добрый и хитроватый мудрец, принимающий обычно образ бородатого гнома или старца

Амбал Простонародное: большой и сильный человек, носильщик

Арба Двухколесная телега в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии

Аул Селение на Кавказе и в Средней Азии

Ашуг У некоторых народов Кавказа – народный поэт-певец

Баракала Также баракаллах; у мусульман буквально: слава Богу

Векил Вельможа, высокопоставленное лицо

Везир Также визирь: титул министров и высших чиновников

Гаравош Стражник, охранник

Данадей В джугурском фольклоре: предсказатель, вещун, чародей, колдун

Дервиши Нищенствующий монах-аскет, факир. В народном фольклоре, как и разные религиозные чины, стал носителем как доброго, так и злого начала. Олицетворял всевозможных чудовищ, людоеда, колдуна, чародея, оборотня и т.д.

Дэвы В иранской мифологии: злые духи, звероподобные великаны, обитающие под землей и владеющие несметными сокровищами. Им противостоят добрые духи – ахуры.

Дэвов бесчисленное множество, они служат верховному духу зла Ангро-Майньо. Знаменитые богатыри борются с дэвами и побеждают их

Зиндан Подземная темница

Зурна Духовой язычковый музыкальный инструмент

Ингар Национальная еда: кусочки пресного теста, приготовленные из кукурузной или пшеничной муки, сваренные в мясном бульоне. Подается с вареной говядиной или бараниной и чесночной приправой, разбавленной сметаной, кефиром, томатом

Инчегуз Девушка из свиты сына или дочери падишаха, обязанная развлекать своего господина или госпожу

Кайф Также кейф: устаревшее и разговорно-шутливое – приятное безделье и отдых

Калам От греческого «тростник»: тростниковое перо, широко распространенное у народов, пользовавшихся арабским алфавитом. С древности служило для письма.

КАЛЫМ Также калын: по обычаю выкуп, который должен заплатить будущий муж родителям невесты

Кюрзе Горячее блюдо пельменного типа в еврейской кухне

Машалла! Восточное восклицание, выражающее восхищение

Мейдун Майдан (фарси) – рынок-базар, но в разговорном – мейдун. Еще главная площадь города или селения, которая обычно примыкает к дворцу правителя. У джугури – также место, где собираются для общения или решения дел

Момой У горских евреев: бабка-повитуха

Намаз В исламе: ежедневная пятикратная молитва

Нимаз Синагога

Нукер У народов Кавказа: служитель, отрок при господине, телохранитель

Ошир Богатый человек

Падишах В некоторых странах Ближнего и Среднего Востока титул монарха (например, бывших турецких султанов), а также лицо, носящее этот титул

Паланкин На Востоке: средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками

Саз Струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни

Сакля Русское название жилища кавказских горцев

Тонур Круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки лепешек

Фахлебазар На джугури: место, где нанимались на поденную работу бедняки

Хейвун Балкон

Хинкал Кавказское блюдо, нечто вроде галушек; в качестве приправы используется толченый чеснок с уксусом или, вместо уксуса, со сливовой кислотой

Худо Имя Творца в джугурском эпосе

Хундекучи На Востоке: зазывала, приглашающий гостей на пиршество

Хурджун Дорожная кованная переметная сума

Чувяки Тюркское: мягкие кожаные туфли без каблуков с пришитой подошвой. Горские женщины поверх бумажных чулок надевают чувяки из красного или желтого сафьяна. По выходе из дома в грязь или холодное время года мужчины и женщины поверх чувяков (без подошв) надевают башмаки, открытые у пятки и закрытые у пальцев

Чарыки Вид обуви (род сандалий): кожаные полусапожки с загнутыми носками и завязками вокруг голени, тип поршней. Поршни: обувь, которая не шьется, а гнется (загнуть поршни) из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью). Поршни носят летом, налегке или на покое

Чиме-Чин Сказочная страна, от искаженного названия китайской династии Цинь

Чурек На Кавказе: плоский пресный белый хлеб

Шягяду Относится к неиудейским синкретическим верованиям горских евреев: нечистый дух, принимающий всевозможные образы. В подчинении Шагаду множество других духов, которые по его приказу вселяются в душу, и человек сходит с ума. Духи представляют собой существа, похожие на людей, но имеющие кривой рот с клыками по бокам, рожки и хвост, широкие ноги и руки с шестью сильными пальцами, расположенными веерообразно друг над другом, и длинными когтями

Эней Злое божественное существо в джугурском фольклоре. Не имеет никакой связи с Энеем – защитником Трои и родоначальником римлян

Идиомы и примечания к сказке...

Любовь и мертвых воскрешает

...и было у них трое детей... семь дней и ночей шел он землями родными... сорок дней и ночей преодолевал любящий сын трудности пути...

Цифры «три», «семь» и «сорок» являются излюбленными как в джугурском, так и в персидском фольклоре. Эти цифры имеют магическое значение.

...одна из этих дорог убегала глубоко вниз, в бездонное ущелье, а другая – взбиралась высоко в гору и скрывалась где-то за облаками... И поведал ему дан-Амалдан о том, что хороших, добрых людей небо забирает к себе, а плохие уходят под семь пластов земли...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли под семью пластами, а рай – над седьмым небом. Небо представлялось воздушной массой, состоящей из семи «табага» – этажей. Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой «перде» и предназначен для звезд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего. Дан-Амалдан – см. словарь терминов, собственных имен и непереводаемых слов.

...сели сестры за стол и стали ждать прихода брата, но незаметно для себя уснули. А тем временем из норы вылезли мыши, увидели чурек, выкатили его на улицу и стали есть... А когда мачеха дух испустила, мыши схватили ее и унесли на тот свет...

В мифах различных народов мыши нередко выступают как дети неба (обычно громовежца) и земли. У народов древнего Средиземноморья (Египет, Палестина, Греция) общеприняты и представления о происхождении Мыши из земли. Мифологические значения образа Мыши согласуются с ролью мыши в народной медицине, ритуалах, магии. Согласно ветхозаветной традиции, филистимляне приносили в жертву фигурки золотых мышей для сохранения страны от чумы (Щарств, 6:45). В некоторых рукописях египетской «Книги мертвых» появляется богиня с мышиной головой, олицетворяющая преисподнюю и смерть. В одном из основных центров неолитической культуры в Чатал-Хююке (Малая Азия) в могиле жрицы (ок. VI тыс. до н.э.) среди предметов, символизирующих подземный мир и смерть, найдены обильные захоронения мышей. Появление и действие мышей в сказке образно подчеркивает представления о взаимосвязи жизни и смерти, неба и земли.

Рустам – сын Зола

Салам алейкум! Ваалайкум (в)ассалам!

Приветствие у мусульман. Дословно: «Да будет тебе мир». У евреев аналогичное приветствие: «Шолом алейхем!» или дословно: «Мир вам». На такое приветствие принято отвечать: «Алейхем шолом» – «Всем вам мир».

...стали мудрецы вдоль могил, прочли свои мудрые книги и велели Пейгамберу ударить своим кнутом по могилам. Ударил первый раз Пейгамбер -земля расступилась, все увидели кости умерших. Ударил второй раз -кости обрели тело. Ударил в третий раз – к мертвецам вернулась жизнь...

Евреи верят в воскрешение мертвых. Талмуд специально оговаривает, что не верящий в Тхийт а мэтим – Оживление мертвых ставит себя вне еврейства... Обряд воскрешения в сказке – парафраз 37-й главы Книги пророка Иезекииля: (1) Была на мне рука Г-сподня, и увлек меня духом (Своим) Г-сподь и опустил меня среди долины, и она – полна костей. (2) И Он провел меня над ними, вокруг-вокруг, и вот – многочисленны весьма на поверхности долины, И вот – иссохшие весьма. (3) И сказал Он мне: сын человеческий! Оживут ли кости эти? И сказал я: Г-сподь Б-г, Ты знаешь. (4) И сказал Он мне: пророчествуй о костях этих и скажешь им: кости иссохшие, слушайте слово Г-сподне! (5) Так сказал Г-сподь Б-г костям этим: вот Я ввожу в вас дыхание (жизни) – и оживете. (6) И дам вам жилы, и взрашу на вас

плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дыхание (жизни), и оживете и узнаете, что Я – Г-сподь. (7) И пророчествовал я, как повелено было мне. И раздался звук, когда пророчествовал я, и вот – шум: и сблизились кости – кость к кости ее. (8) И видел я: и вот на них жилы, и плоть поднялась, и покрыла их кожа сверху, но дыхания (жизни) нет в них. (9) Но Он сказал мне: пророчествуй дыханию (жизни), пророчествуй, сын человеческий, и скажешь дыханию (жизни): так сказал Г-сподь Б-г: от четырех ветров приди, дыхание (жизни), и дохни на убитых этих, и оживут они. (10) И пророчествовал я, как повелел Он мне, и вошло в них дыхание (жизни), и они ожили, и встали на ноги свои...

Ложь и Правда

...Своей бородой клянусь!..

Также в сказке «Козни Шагаду» – «Да быть срезанной моей бороде!» – джугурские клятвы. Считаются святыми клятвами, ибо верующие обязаны были носить бороду; безбородые считались неверными Богу.

Нареченные

... братья дали друг другу клятву: если у одного из них родится сын, а у другого дочь, то они их поженят... юные брат и сестра втайне мечтали стать мужем и женой, но боялись запрета родителей... Когда же им сказали, что они еще до рождения наречены были быть супругами, молодые поначалу засмущались, но затем, не сумев скрыть своего счастья, бросились обнимать и целовать своих отцов...

Описаны обычаи джугури: переговоры о браке ведутся между отцами и родственниками молодых; женщины, даже матери, не вмешиваются в этот вопрос; считается, что детям говорить с родителями о браке «совестно», поэтому сын уведомляет отца о своем намерении жениться через близкого товарища; невеста не принимает участия в обсуждении, так как подразумевается, что благовоспитанная девушка, если ее и спрашивают (через близкую подругу), должна ответить, что «согласна на все, что они (родители, братья, родственники) не сделают с нею». Известны браки у евреев между близкими родственниками. Например, жена Авраама Сара была его сестрой, дочерью Фарры от другой жены. Сын Авраама Исаак вступил в брак с Ревеккой: по мужской линии она приходилась ему двоюродной племянницей, а по женской – двоюродной внучкой. От этого брака родились близнецы Исав и Иаков, последний был женат на двух двоюродных сестрах.

...да продлятся дни твои, дочь, но как же мне поступить? – воскликнул отец. – Если я даже откажу падишаху, то он убьет меня, а тебя силой сделает своей женой...

Одна из Десяти заповедей, полученных Моисеем от Бога на горе Синай: «Почитай отца твоего и мать твою, [6 - чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх.20:2-17). Цитата из Ветхого завета подчеркивает особо сложный выбор, сделанный отцом во благо дочери, и его желание, чтобы она смирилась с таким решением.

...и прошли они путь длинный, как кишка Шагаду...

Народное поверье о том, что кишки Шагаду не имеют ни конца и ни края. По тексту

сказки подчеркивается длительность событий.

Да гореть мне в огне!

Солнце и огонь у джугури обожествлялись издревле. С этим связано множество пословиц, поговорок и клятв: «Да сгореть твоему отцу...»; «Душой солнца клянусь...». Предположительно появились с зороастрийского периода. Горские евреи считали, что между адом и раем находится толстая раскаленная проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься от грехов и попасть в рай. Душа несколько раз пытается, доходит до середины длинного пути, спотыкается под тяжестью грехов и падает на проволоку, которая с шипением и свистом разрывает тело пополам. Тело летит вниз и попадает в огонь, где превращается в пепел. После этого тело опять возобновляется, и душа продолжает терзаться, пока на ней не останется ни одного греха. После очищения она благополучно доходит до седьмого неба, где ее встречают добрые ангелы, показывают ей все величие Бога и сопровождают ее в рай.

...к этому дню город разукрасили красными полотнами. В красный наряд оделась и девушка-падишах...

Красные полотна и одежды в сказке подчеркивают, что суд, устроенный девушкой-падишахом, был справедливым и угодным Богу. В Заповеди о построении Мишкана (позже – Бейт Амикдаш, Храм) книги Шмот Мидрашей упоминается, что верхнее покрытие Мишкана состояло из многослойной тканой материи. Полотнища покрытия не только составляли крышу, но также свисали с боков. Нижний слой материи, составлявший потолок Мишкана, был выткан из небесно-голубой шерсти изумительной красоты. При взгляде на потолок казалось, что смотришь на голубое небо. Казалось даже, что в небе сияют звезды, потому что золотые пуговицы, вдетые в петли и соединявшие полотнища, были похожи на звезды. Слой, лежавший над небесно-голубыми полотнищами, был сделан из козьей шерсти. Полотнища из козьей шерсти, в свою очередь, были покрыты слоем окрашенных в красный цвет бараньих и тахашевых кож. Согласно мнению отдельных мудрецов, тахашевые кожи образовывали крышу над Мишканом, а бараньи кожи, прикрепленные к ним, свисали с обеих сторон, закрывая брусья.

...покаялся могилой своего отца, ибо эта клятва в те давние времена была самой убедительной клятвой...

Клятва, видимо, от еврейского обычая отправляться в тяжелую минуту на кладбище и просить о заступничестве похороненных там предков или праведников.

Во галам, во салам!

Джугурская поговорка: «И перо (см. калам), и здравие».

Судьба

...связал бывший советник горе свое в один узел...

Распространенное выражение, означающее – набраться терпения, довериться судьбе.

...платок мой к ногам вашим, великий и всемогущий правитель...

У джугури для женщины считается позором показаться простоволосой мужчине. Если же она бросает свой головной платок к ногам мужчины, это значит, что она, унижая себя, о чем-то просит. В таких случаях отказ недопустим.

...юноша и девушка волосы на себе рвут и криком исходят...

Общие причитания мужчин и женщин, удары себя в лоб, в лицо, в грудь, вырывание волос на голове, царапанье щек, кусание рук и другое – у горских евреев знаки глубокого горя, как правило, в связи со смертью близкого человека.

Козни Шагаду

...во дворе расстелен огромный персидский ковер, и сидит на этом ковре ашуг. Он играет на сазе и поет мугамы...

Мугам – основной жанр азербайджанской музыкальной устной классической традиции. Состоит из чередования больших частей импровизационного характера с разделами инструментального и песенного типа. Мугам принято считать исторической производной от камерной музыки персидского двора, вобравшей в себя древнюю традицию ашугов, певцов и сказителей гор Кавказа.

...видно, Нум-Негир у меня между ног прошел!

Джугурское божество. Дословно «Нум» – имя, «не гюнде» – не держать, не произносить. По поверью, нельзя произносить имени Бога и оно никому не известно, также и имя Нум-Негира, который принадлежит попеременно к добрым или злым, смотря по заслугам человека. Считается покровителем путников и семейного плодородия. Чтобы приобрести расположение Нум-Негира, нужно уважать ближних и их детей, как своих собственных, и быть приветливым к странникам. В этом случае божество является в виде белой каменной куницы, которая проносится мимо с быстротой молнии. Если же животное прошло между ногами человека, то непременно быть беде.

...отцом клянусь...

Клятва джугури. Считается, что клятва именем отца или именем собеседника самая крепкая, а ложная клятва оборачивается проклятием для того, кто клялся.

...у тебя разум помутился, над тобой надо заговор прочесть...

Причиной припадков, сумасшествия, ревматизма и детских болезней, по мнению джугури, непременно является злой дух или дьявол. Например, сумасшествие – на джугури «шахадуни», т.е. буквально схваченный дьяволом. Для лечения болезней призываются знахари, цирюльники и другие, не имеющие понятия о медицине люди, которые в лечении используют травы, талисманы, заговоры от сглаза и прочие подобные «средства».

Три дочери купца

...привези мне платье, сшитое из тонкой кожуры лука...

Кожура лука символизирует стремление старшей дочери купца к богатству пусть даже ценой сделки с чертом, в сказке – с людоедом. По джугурской легенде, жила в одном селении бабка Гегей-аа. Однажды поздней ночью пришел к ней близкий родственник (на самом деле Шагаду в образе родственника) и начал стучаться, вызывая ее к рожаящей жене. Бабка оделась и пошла с ним. Ночь была очень темная, и Гегей-аа не могла понять, какой дорогой они шли. Наконец, видя, что путь затягивается, она спрашивает родственника, куда они идут. «К нам, – говорит он, – только мы идем другой дорогой». Шли, шли и наконец вошли в маленькую саклю. Со входом бабки все поднялись с мест и стали кругом около двери. Гегей-аа присела к лежавшей тут же на полу больной и начала ее осматривать. Роженица начала кричать, чувствуя схватки, а все стоявшие кругом стали бить в ладоши и петь песню: «Кукле сохди, мамуни, момой!» (сына даешь (сделаешь), будешь жить, бабка); «Духделе сохдиге, мимире, момой!» (дочь даешь, умрешь, бабка). При этих словах подняла Гегей-аа голову, посмотрела на окружающих и замерла от страха. Все были с переставленными пальцами на руках и рогами на лбу. Тут она поняла, что попала к чертям, и начала думать о своем спасении в случае рождения девочки. На ее счастье, в кармане обнаружился кусочек воска. Через некоторое время родилась девочка, и бабка, сделав из нее при помощи воска мальчика, показав ребенка всем, начала проситься домой. Черти упрашивали ее остаться на несколько дней, но бабка не согласилась. Тогда черти принесли ей целый подол золотых денег и проводили до самого аула. Тут начало светать. Черти исчезли, а Гегей-аа увидела в подоле вместо денег шелуху лука и чеснока. Она бросила все и побежала; черти же, раскрыв обман, во все следующие ночи приходили и вызывали Гегей-аа из дома. Бабка, догадываясь о новых кознях Шагаду, положила на пороге у двери кусок железа и прочла главную молитву евреев: «Внемли, Израиль!» Черти исчезли и больше не показывались. Относительно же шелухи лука, брошенной ею, рассказывают, что на том месте, действительно, были кем-то найдены золотые монеты. Вот почему с тех пор джугури не бросают шелуху лука и чеснока ни в огонь, ни на улицу, боясь этим разгневать чертей, так как это их деньги, а аккуратно собирают и, поплевав, сжигают в огне, надеясь потом обнаружить золото.

...привези мне, дорогой отец, чудесное зеркало...

Желание средней дочери купца получить в подарок зеркало подчеркивает ее стремление к материнству. Зеркало и как предмет, и как метафора обладает чрезвычайно сложной, двойственной, в основном позитивной символикой. В древности оно ассоциировалось со светом, особенно из-за напоминающих зеркало дисков солнца и луны, которые, как предполагали, отражают божественный свет. Отсюда вера в то, что злые духи не любят зеркал и, как духи тьмы, не могут отражаться в них. Дева Мария иногда изображается с зеркалом в руках, как выражение ее незамутненной чистоты. Зеркало, которое почти до конца средневековья представляло собой серебряный или бронзовый диск, отполированный с одной стороны, было эмблемой древнегреческой богини Афродиты (в римской мифологии Венеры) и богинь материнства на Среднем Востоке.

...я хочу, чтобы ты привез мне пушистую кошку...

Кошка способствует созданию образа младшей дочери купца как самостоятельной, самодостаточной девушки, желающей благополучной и долгой жизни. Не случайно именно младшая дочь вызволяет своих сестер из плена злого волшебника-людоеда. Известно, что в древнеегипетской мифологии кошка играла немаловажную роль. По одной из легенд, бог

солнца Ра превратился в кота, чтобы драться со змеем Апопом, повелителем темных сил. Но прежде всего кошка ассоциировалась с культом богини Баст (глава 30-я Книги пророка Иезекииля), которая считалась покровительницей плодородия и материнства, а также богиней радости и веселья. Ее изображали обычно с телом женщины и головой кошки. Шерсть, шкура, мех животного – в народной культуре атрибут нечеловеческого (зооморфного) потустороннего мира и одновременно символ богатства и изобилия. Поэтому младшая дочь просит в подарок пушистую кошку.

...все дни до свадьбы, соблюдая обычаи, молодой дервиш делал невесте и ее сестрам разные подарки, а отцу невесты выплатил задаток калыма...

Обычай требует, чтобы горец-еврей, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются калым или «калын» (см. Словарь терминов, собственных имен и непереводимых слов). Сумма эта весьма значительная, например в XIX веке составляла 150 рублей серебром. Если еще прибавить, что свадьба, продолжающаяся обыкновенно около четырех суток, справляется тоже за счет жениха и что подвенечные одежды, по обычаю горцев богато обшитые серебряными и золотыми галунами, должны быть сделаны им же, плюс подарки невесте и ее родственникам до свадьбы, – в итоге торжество обходится жениху весьма недешево.

...поселите девушек во дворце падишаха и поймайте в лесу дикого льва и огромного паука...

ЛЕВ. В мифологиях и фольклоре многих народов Африки, Западной, Южной и Восточной Азии – символ высшей божественной силы, мощи, власти и величия; солнца и огня. С образом Льва связывают также ум, благородство, великодушие, доблесть, справедливость, гордость, триумф, надменность, бдительность, храбрость.

ПАУК. В мифопоэтических традициях с образом Паука связываются творческая деятельность, профессионально-ремесленные навыки, трудолюбие, благоприятные предзнаменования, мудрость, а также холодная жестокость, жадность, злобность, колдовские способности. Известны рассказы о том, как паук спас младенца Христа от жестокости Ирода.

По замыслу данандея, злого волшебника-людоеда можно было победить только сочетанием ума, храбрости, бдительности, колдовства и жестокости.

Амелум и Сурхесер

...Да быть мне вашей жертвой!

Клятва джугури, возможно, отражающая верования иудеев в то, что можно подарить часть своей жизни другому человеку. Известно, что Адам, провидя смерть царя Давида в младенчестве, подарил ему семьдесят лет из своей жизни.

...пожелав им счастья, любви и рождения сыновей...

У джугури особенно желанным ребенком является мальчик. В этом случае момой требует за «бешерей» – радостную весть – подарок. Отец новорожденного с удовольствием исполняет ее просьбу и, пригласив присутствующих и утешающих его в кунацкую комнату,

начинает угощать вином и закусками. Особенно радуется веселью мать, так как при рождении сына все начинают испытывать к ней особое уважение. Совсем не так встречают евреи новорожденную девочку. Муж, родственники и даже мамой оставляют мать безо всякого внимания и не прислуживают ей.

...но как бы то ни было, всякое начало, всякий путь, всякое время имеет свой конец...

Парафраз известной фразы из Когелета: «Всему свой час, и время всякой вещи под небом...». Когелет – еврейское название одной из книг Библии и упомянутое в первой фразе текста книги имя ее автора. Это слово, неправильно прочтенное и понятое греческими переводчиками, было истолковано как имя нарицательное, означающее «проповедующий перед народом», по-гречески «экклесиастэс»; отсюда русское традиционное название этой книги – «Екклесиаст».

Как Малахим поросят купил

...Бог знал, что нам запрещено держать в доме отверженных им животных... Вот потому-то и не указал к нашему праведному дому дорогу...

Всевышний определил, что употребление в пищу свинины (некошерного мяса) наносит душе еврея колоссальный вред. А поскольку душа – главное в человеке (тело – лишь оболочка души), то само собой разумеется, что ни одному еврею свинину есть нельзя. Никаких «научных» обоснований запрета Торы на свинину не существует. В Талмуде подчеркивается, что этот запрет – из числа тех, которые рационального объяснения не имеют. Животное можно назвать «кошерным», то есть – пригодным для еды, при наличии двух признаков: первый – оно должно «жевать жвачку»; второй – копыта его должны быть раздвоены. У свиньи копыта раздвоены, но жвачку она не жует. Следовательно, мясо свиньи – некошерно (евреям есть его нельзя). Среди животных, мясо которых употреблять в пищу запрещено, свиньи находятся в одном ряду с лошадьми, зайцами, верблюдами... И в этом смысле мясо свиньи запрещено не более и не менее, чем мясо, скажем, кролика.

notes

Примечания

1

Здесь публикуется в сокращенном варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.).

2

Сформулировано в книге «Немецкая мифология» (1835).

3

Черный И.Я. Сборник сведений о кавказских горцах. Горские евреи. – Вып. III. – Тифлис, 1870.

4

Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е.С. Райзе / Сост. и предисл. В. Дымшица. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 493.

5

Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – Вып. III. – М., 1888. – С. 242-243.

6

чтобы тебе было хорошо и

МИФОТЕКА - мифологическое наследие народов мира:
<http://mifoteka.ru>